

З.У. Икспликатин

ЖИЗНЬ *без* *ЖИЗНИ*

ИЛИ

В белом плаще
с кровавым подбоем,
пятый прокуратор Иудеи:
«О боги мои!
Что такое истина?
Яду мне, яду!...»

УДК 82/821.161.1
ББК 83.3(2)
И42

И42 **Иксplikатин Захар Устинович**
Жизнь без жизни. – М., 2019. – 704 с.

ISBN 978-5-9906552-1-8

Доказано, что можно подменить купюры, ребенка, друзей. Мало того, фальшивыми способны оказаться истина, смысл, жизнь и даже смерть. Где искать настоящих, бывают ли они на самом деле или только принимают видимость таковых в мире иллюзий? Среди людей с особым мнением по этим и схожим с ними вопросам, как нам представляется, находится М.А. Булгаков. Причем, своей верой в невидимое он желает поделиться со всеми равнодушными собеседниками. Его весть к нам – о тайной любви незадачливых читателей и писателей к тьме под видом света, ко лжи под шкурой правды, а также о непонятной, непреодолимой тяге к истинной жизни редчайших особ, осознавших себя покойниками.

УДК 82/821.161.1
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-9906552-1-8

© А.А. Потокин, текст, 2019
© В.Ю. Бодрова, 2019

Предисловие издателя

Все вещи — в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Из книги сына Давида

Ни одна книга не нуждается в представлении более, нежели эта, ибо, не разъясни мы, вследствие каких причудливых обстоятельств удалось ей увидеть свет, она могла бы показаться читателю чудовищной мешаниной. А потому издатель покорнейше просит благосклонного читателя сим предисловием отнюдь не пренебрегать.

Названный издатель имеет друга, в коем души не чаает и коего знает, как самого себя. Так вот, этот друг обратился к нему однажды со следующей речью: «Ты, милейший, напечатал уже не одну книгу и имеешь знакомства среди издателей, тебе ничего не стоит порекомендовать...»

Трудно представить наше удивление, когда, не дописав до конца фразу, нам на глаза попались сочинения кота, склонного к литературным изысканиям, предварявшиеся в точности таким же предисловием издателя! Нам пришлось прогнать прочь недоумение и вслед за ним появившееся смущение для того, чтобы продолжить свой труд, без страха быть обвиненными в плагиате. Мы поняли, что, несмотря на кажущееся повторение, наш труд находится на более высоком общечеловеческом уровне и доказывать свою оригинальность должны недоразвитые предшественники.

Однако вернемся к моему другу, Захару Устиновичу Иксplikатину, предложившему для издания его размышления на досуге по поводу одного мутного романа. Разбираемый им роман сам по себе запутан и противоречив, да к этому добавилось переменчивое настроение автора, который перемешал в беспорядке попытки объективного анализа со своими сугубо субъективными ощущениями и мнениями по поводу исследуемого произведения. Кроме того, Захар Устинович посчитал необходимым привести

большое количество справочного материала о христианстве в собственном пересказе без цитат из первоисточников. Мы нашли, как помочь читателю отличать научный пласт от области житейских воззрений и от вспомогательной информации религиозного толка, – каждому из них, с разрешения автора, мы присвоили свой, особенный шрифт. Трудности издания, казалось бы, были преодолены, книга пошла в печать, и к издателю поступил первый экземпляр. Каков же был его ужас, когда он обнаружил, что литературные и житейские воззрения Захара Устиновича Икспликатина то и дело перемежаются вставками из совершенно других книг, давно опубликованных другими издателями прежних времен. Отрывки из опусов Гете, Гоголя и других всем известных устаревших творцов изящной словесности то и дело вмешиваются и в без того замысловатые рассуждения моего друга, сообщая всему изданию черты первоначального хаоса.

Что же выяснилось после тщательного расследования и розыска? Представьте, очень немного: отдельные листочки из старых рассыпавшихся книг были вложены, как закладки для целей, известных Захару Устиновичу, между листами, с которых производился набор, и, кроме того, электронная версия «каким-то образом» вобрала в себя отрывки из электронной библиотеки, которую почитывал автор в минуты отдыха от своего труда.

Сокрушенный издатель вынужден смиренно сознаться, что смешение разнородного материала произошло единственно по его легкомыслию. Он, конечно, должен был хорошенько просмотреть весь текст до того, как сдать его в печать. Однако кое-чем он может утешиться.

Прежде всего, снисходительный читатель легко разберется в путанице, ежели обратит благосклонное внимание на пометки в скобках: «Мак. л.» (Макулатурные листы) и «З. У. пр.» (Захар Устинович продолжает), благодаря которым можно легко восстановить первозданный текст моего друга.

Издатель надеется на милостивое снисхождение всех заинтересованных лиц, которое поможет сохранить мир в читающем обществе, а при удачных обстоятельствах доставит удовольствие некоторым представителям его.

Издатель

Любознательным от автора (Пояснительная записка)

<...> в рассуждении чего бы покушать
я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов

Лопай, что дают ...
Жалобная книга

Перед тобою, читатель, труд, в котором мы попытались выяснить смысл романа Булгакова «Мастер и Маргарита», хотя существуют версии, что смысла у него никакого нет, а имеются в нем только приключения необыкновенные и невероятные.

Данное исследование не имеет отношения к литературной критике и богословскому анализу православности данного произведения, так как является мнением частным, субъективным и ненаучным! Но ведь позволено ребенку, несмотря на отсутствие у него в биографии освоенных университетов и курсов повышения квалификации, иметь свое суждение о жизни, причем это суждение может быть очень умным и оригинальным, особенно, если оно высказано в отношении короля.

Попутно заметим, что объективность, созревшая в человеке путем усвоения огромного объема информации, зачастую подавляет собственное мнение индивидуума, превращая его в лучшем случае в высококачественный справочник пресс-службы главы процветающего государства.

Одновременно мы гневно отведем упреки тех, кто обвинит нас в прославлении невежества. Нет, мы решительно против всякого невежества, мы – за свет знаний, за общедоступное повсеместное просвещение, но только с тем условием, что человек, усвоивший все это богатство, останется самим собой, то есть неповторимым, особенно в своих суждениях. Суждениях, которые рождаются от слышания окружающего мира ушами, глазами, умом и сердцем, присущих только и исключительно ему. Такая уникальность может быть осуществлена в человеке только при его выборе приоритетным субъективного над объективным. Поддержим обоснованность такого порядка указанием на то, что произведения художников,

композиторов, писателей могут обогащать нас, дополняя нашу картину восприятия мира, отнюдь не отрицая ее и не враждуя с ней.

Произведение искусства, сотворенное другим человеком, расширяет мой слух и зрение, позволяя украсить дополнительными красками мои собственные полотна и стихи, запечатлевшие пережитое (правда, только в том случае, если я воспринимаю его как друга, а не как конкурента). Оберегая свободу граждан, наделенных правами человека, утвержденными в Хельсинки, мы заявляем, что все сказанное вовсе не обязательно должно быть одобрено всеми. Нам не нужно подневольное согласие всех и вся, кто думает иначе – пусть... Мы все равно уважаем его.

Мы уважаем и те партии людей, представители которых, имея собственное мнение, совершенно с ним не согласны, и те, в которых вовсе забыли, что у любого человека может быть собственное мнение, и чтим даже такие партийные объединения, которые сеют убеждения в принципиальной невозможности гражданам иметь собственное мнение. Можно сказать и большее: мы признаем легитимными те институты власти и им сочувствующих господ, которые всегда считали и считают, что личное мнение вредит как самому носителю, так и обществу, его породившему. Может быть, мы неприятно удивим некоторых вольнодумцев, признав, что понимаем и считаем обоснованными действия организаций, призывающих к судебному ответу упрямых и упорных апологетов личных мнений, вплоть до применения к ним самых строгих дозволенных санкций, таких как сожжение на костре.

Несмотря на все сказанное, будем считать, что любой человек, пусть даже не являющийся специалистом в области права, психологии, моды, естественных наук или религиозных концепций, может быть носителем суждений столь же интересных и значительных, как мнение передовых общепризнанных мудрецов. Сколько людей – столько и мнений, но, по каким-то таинственным причинам, их обычно скрывают.

Признаемся, что именно большое количество высказываний знатоков и профессионалов о романе Булгакова, которые касаются всего, чего угодно из упомянутого в нем, но при этом упорно скрывают их мнение о его смысле, о том, что, собственно, хотел нам высказать Михаил Афанасьевич, кроме жалоб и сарказмов на окружающую действительность, побудило нас к написанию сего труда. Для нас важно не только обнародовать свою версию того, какое отношение к нам и к людям из других эпох имеет произведение Булгакова, но и выявить как единомышленников, так и инакомыслящих. Может быть, дерзкий поступок одного (способный

попутно обнаружить смекалку или глупость смельчака) даст возможность узнать и другие, до времени скрываемые людьми мысли не для общего пользования. Такая откровенность может принести пользу и нам, даже если мы окажемся неправы и будем осуждены большинством судебных голосов. Исправив свое мнение в пользу скрепляющего единодушия, мы принесем пользу и себе, и развитию нашего общества. У тех же, кто считает зуд, возбуждаемый интересом к тому, что думают другие, вредит всему хорошему, что есть в человеке, – сразу просим прощения...

(Мак. л.)... Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный
Опять припоминаю благодарно.
Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал...
Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.
И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность...

(З. У. пр.)... Р. S. После означенного пояснения можно сразу перейти к ознакомлению с основным текстом данного труда, терпеливые же могут перед этим ознакомиться с теми общими жизненными принципами, на основе которых анализировались события и явления, зафиксированные в романе. Итак, для неторопливых...

Маленькое предисловие

Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыки, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Предал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе...

друг Моцарта

Трудно однажды начавши закончить одно из трёх дел...
...чесать там, где чешется.

Козьма Прутков

В обществе бытует устойчивое мнение о писателях, с которым в некоторых пунктах можно не согласиться. Мы это и сделаем, а заодно обоснуем причины наших сомнений.

1. Писатели способны на откровенные высказывания, без попытки спрятать свои истинные мысли, только в детских письмах к родителям и на допросах в компетентных органах. В произведениях искусства, вышедших из-под их пера, они всегда говорят либо иносказательно, либо подпуская дым для маскировки, и поэтому все, написанное ими, необходимо или переосмысливать, выискивая скрытый подтекст, или отбрасывать за ненадобностью.

Следует согласиться с тем, что в своем развитии (которое может быть деградацией, поскольку изменения могут приводить как к созиданию, так и к разрушению) литература, особенно в последнее время, стремится

к переходу от непосредственного (прямого) художественного изображения к абстрактно-символическому (требующему обязательной расшифровки) с элементами бесстыдного натурализма. Причем символы из простых (однозначных) перерождаются в сложные, совмещающие двойное значение (часто прямое и обратное)*, благодаря чему все больше становится произведений туманных, многозначно неопределенных.

При этом именно они, изобретатели искусства нового века, угождая играм раскрепощенного разума, безапелляционно претендуют на вселенское звание единственных представителей современного красивого и прекрасного. Мы же стоим на той точке зрения, что во все времена самые значительные смелые и проникательные писатели обязательно умели говорить с собеседником прямо, бесстрашно открывая свои мысли и убеждения. Для краткости в нашем труде мы будем называть такой способ общения художников с читателем (без недомолвок и искажающих переделок) прямой речью.

Прямая речь свойственна людям, способным на настоящую дружбу, и это великая редкость сохранить в себе, казалось бы, несовместимые, но необходимые для этого дары: слышать и открываться, тягу к правде и милосердие, бережливость и щедрость, а также доверчивость до незащитности и решимость умереть в битве за честь друга. Среди писателей, ищущих дружеской взаимности (что и делает их великими) и имеющих некоторое отношение к роману Булгакова, можно назвать Гете, Грибоедова, Гоголя, Достоевского, Пушкина и самого Булгакова. Как следствие того, что они ищут не возможности ублажить читателя, а отношений с ним, их самые простые слова, вышедшие из-под пера, бывают живыми, волнующими, и в силу этого таинственными. Как бывает таинственна сила простой серенькой птички перед сияющим великолепием виртуозно исполненного драгоценного соловья из сказки Андерсена. Именно по подобию этого подарка императора японского императору китайскому, явилось много книг с закрученным сюжетом и многослойными интригами, тонкими параллелями и грустно-смешными абсурдами.

Техника исполнения – виртуозная; смыслов – уйма; драгоценных камней из всех сокровищниц цивилизации – не оценить исчерпывающе за недостатком кругозора, а между тем текст в них – мертвый; как следствие –

* Например, то что сегодня имеют в виду, когда говорят о традиции, совмещает в себе или благородное наследие прошлого, или неизжитое низкое табу, препятствующее осуществлению свободы. Проявление индивидуального, обусловленное гордостью ныне объединяет в себе указания то на мужественное проявление независимости, то на проявление большого самолюбия.

после прочтения – пустота*. Но это – полбеда, беда в том, что выпивший сей напиток с удовольствием, перестает чувствовать жизнь там, где она присутствует. Постепенно все становится пустым и безвкусным на земле, а вместе с ним становится пустым и то, что выше...

(Мак. л.)...

Поэт <...>

Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

Комический актер

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,
Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласье с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколенья – не безделка,
На улице их не найдешь.
Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубежденья.
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатленье.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображение, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Директор

А главное, гоните действий ход
Живей, за эпизодом эпизод.
Подробностей побольше в их развитии,
Чтоб завладеть вниманием зевак.
И вы их победили, вы царите,
Вы самый нужный человек, вы маг.
<...>
Поближе присмотритесь, кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.

* Как сопутствующий признак пустоты – в этих сочинениях действуют суперзлодеи и супергерои с суперхарактерами и с суперспособностями, но не смотря на свою диковинную привлекательность они вполне безжизненны. У действительных же писателей самые простые личности в самых заурядных обстоятельствах, оказываются живыми, интересными, трогательными вплоть до желания встретиться с ними еще раз.

Он из театра бросится к рулетке
Или в объятия ветреной кокетки.
А если так, я не шутя дивлюсь,
К чему без пользы мучить бедных муз?
Валите в кучу, поверху скользя,
Что подвернется, для разнообразья.
Избытком мысли поразить нельзя,
Так удивите недостатком связи.
<...>

Комический актер

<...>
Вам отступленья нет, у вас роман.
Представьте нам такую точно драму.
Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины круплицу,
И будет дешев и сердит
Напиток ваш и всех прельстит.
Тогда-то цвет отборной молодежи
Придет смотреть на ваше откровенье
И будет черпать с благодарной дрожью,
Что подойдет ему под настроенье.
Не сможет глаз ничей остаться сух.
Все будут слушать, затаивши дух.
И плакать и смеяться, не замедлив,
Сумеет тот, кто юн и желторот.
Кто вырос, тот угрюм и привередлив,
Кому еще расти, тот все поймет.

(З. У. пр.)... 2. Писатели, испытывая вдохновение, сами не знают, о чем они пишут. Еще одна распространенная формулировка данной теории: у писателей произведения получаются случайно, вопреки их намерениям и возможностям.

Для доказательства такого положения дел в мире искусства сошлемся на критиков и постановщиков литературных произведений, которые последовательно и убедительно опровергали слова писателей, объясняющих

свои замыслы. Все они оправдывались перед общественным мнением и не оправдались, так и не найдя сочувствующих своим убеждениям. Гоголь не смог убедить режиссеров и актеров определенным образом поставить и сыграть «Ревизора». Чехову втолковывали, что он вовсе безыдеен и насаждает пессимизм.

Для нас важно не только указать на характерное для всех времен непонимание между критически настроенными читателями и действительными писателями, но и высказать предположение относительно возможных причин этой оказии. Нам представляется, что вдохновение – это способ наиболее полно и точно выразить интуицию автора. При этом, с ростом таланта писателя подчиняться вдохновению, соответствие между задуманным и осуществленным только увеличивается, как, впрочем, у любых художников. Но именно эта творческая удача говорящего, для того, чтобы можно было ее разделить и пережить, нуждается, в свою очередь, во вдохновенном слушателе. Трезвый, опытный аналитик, препарирующий произведение, никогда не сможет войти в живую ткань книги, пока не забудет про свои навыки и пока не влюбится в нее, как ребенок...

(Мак. л.)... «Ревизор» сыгран – и у меня на душе так смутно, так странно... Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала: так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде Альнаскаррова, чем-то вроде целой шеренги водевильных шулунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем: бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. Неужели в самом деле не видно из самой роли, что такое Хлестаков? Или мною овладела довременно слепая гордость, и силы мои совладеть с этим характером были так слабы, что даже и тени, и намек в нем не осталось для актера? А мне он казался ясным. Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что все идет хорошо, его слушают – и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть. Вообще у нас актеры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь тоном так близким к истине, так естественно, так наивно, как можно только говорить

одну истину; и здесь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти уверен, что Хлестаков более бы выиграл, если бы я назначил эту роль одному из самых бесталанных актеров и сказал бы ему только, что Хлестаков есть человек ловкий, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродетельный, и что ему остается представить его именно таким. Хлестаков лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театрально; он лжет с чувством, в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни – почти род вдохновения. И хоть бы что-нибудь из этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физиономии, решительно не дано было бедному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старых чиновников в поношенных вицмундирах с потертыми воротниками; но схватить те черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга – дело мастера сильного. У Хлестакова ничего не должно быть означено резко. Он принадлежит к тому кругу, который по видимому ничем не отличается от прочих молодых людей. Он даже хорошо иногда держится, даже говорит иногда с весом, и только в случаях, где требуется или присутствие духа, или характер, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура.

Черты роли какого-нибудь городничего более неподвижны и ясны. Его уже обозначает резко собственная, неизменяемая, черствая наружность и отчасти утверждает собою его характер. Черты роли Хлестакова слишком подвижны, более тонки и потому труднее уловимы. Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключающий в себе много качеств, принадлежащих людям, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в людях, которые не лишены, между прочим, хороших достоинств, было бы грехом со стороны писателя, ибо он тем поднял бы их на всеобщий смех. Лучше пусть всякий отыщет частицу себя в этой роли и в то же время осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы не указал кто-нибудь на него пальцем и не назвал бы его по имени. Словом, это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадаетея и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной.

И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный

литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни – дело только в том, что вслед за тем очень ловко повернется, и как будто бы и не он. <...>

С самого начала представления пьесы я уже сидел в театре скучный. О восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся, – и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже с участием; другая половина, как водится, ее бранила – по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. Каким образом бранила, мы об этом поговорим при первом свидании с вами: тут есть много поучительного и немало смешного. Я даже кое-что записал; но это в сторону.

Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил «Ревизора» городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад, по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей ширине талант свой, об котором уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных пьесах. На слугу тоже надеялся, потому что заметил в актере большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли сверх ожидания дурны. Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже пред началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, включенные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтоб сделать хоть одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае, и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали немного, я оставил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска. Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

* * *

Еще слово о последней сцене. Она совершенно не вышла. Занавес закрывается в какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, как будто не кончена. Но я не виноват. Меня не хотели слушать. Я и теперь говорю, что последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это не просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика, что две-три минуты должен не опускаться занавес, что совершиться всё это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые живые картины.

Но у меня недостает больше сил хлопотать и спорить. Я устал и душою, и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий. Бог с ними со всеми. Мне опротивела моя пьеса...

(З. У. пр.)... С тем, чтобы разрешить указанные противоречия, как нам кажется, не нужно продолжать дискуссию, а просто надо разрешить писателям не зависеть от мнения критиков, которые одновременно претендуют на роль мозговых суфлеров для доверчивых читателей. В свою очередь, последним, чтобы сберечь межконфессиональную справедливость, тоже следует дать право самостоятельно решать, хотя бы для себя, о чем пишут прозаики и поэты.

3. Еще одна теория происхождения творческих озарений пишущей братии родилась в среде читателей-профессионалов, а затем распространилась и на полупрофессиональных читателей. Она убедительно доказывает, что ключ к разгадке написанного в книгах нужно искать в окружающей писателя действительности. Герои и сцены просто ловко схвачены и подмечены прозорливым взглядом мастера, а потом художественно перенесены на страницы фолиантов. Сходство между земными и книжными субъектами, исходя из общественного отношения писателя к их земным прообразам, помогает определить дознавателю чувство мести или признательности руководило рукой портретиста. Верно и обратное, если персонажи таковы, то этим перед читающей публикой вскрывается отношение автора к натурщикам*.

Совпадения и намеки на совпадения рисунка ткани произведений с обрывочными фрагментами жизненных обстоятельств их авторов привлекают

* В эту теорию не просто верят, ею пользуются как руководством к действию, не терпящему ни сомнений, ни возражений. Слушатели литературоведов в своей доверчивости заходят так далеко, что даже обижаются на писателей и их опусы, как случилось с одной знакомой Чехова, когда ее убедили, что именно она – персонаж «Попрыгуньи».

главное внимание специалистов от литературы, сводя с ума множеством антагонистических версий о сути написанного и, как следствие, таким же множеством фантастических предположений о характере автора помноженных на тьму вариантов его жизненной позиции. Вслушавшись в этот хор, начинает мучить вопрос: кто может честно свидетельствовать об авторе и, как продолжение вопроса, откуда берется смысл у его произведений? Научную теорию, доказавшую, что писатели – это продукт своего общества, а их сочинения появляются из подсознания и теории вероятностей, мы решительно отвергаем. (При этом мы уважаем теорию вероятностей и даже, благодаря ей, мы представляем себе количество обезьян, необходимых для написания толстовской «Войны и мира» при условии, что они всякий раз будут с равной вероятностью нажимать на одну из клавиш пишущей машинки.)

Мы же считаем, что мысль автора, выношенная всем его существом, вобравшая в себя пережитое, переживаемое и надежды на будущее, является его ребенком, рожденным хоть и в определенных обстоятельствах, но совершенно автономно, с характером, вызревшим в чреве творца (а не собранным из различных донорских кусочков-органов чужих детей). Каждый ребенок неповторим, и отдельное сходство его с кем-либо только подчеркивает его уникальности и инаковость. Так, по нашему мнению, не будет большего оскорбления для близнецов, как начать их считать одинаковыми и взаимозаменяемыми.

Незначительная деталь, определяющая их поведение, может быть, едва заметная даже для равнодушного человека, означает две разные судьбы и две неповторимые, а потому необходимые друг другу и другим людям, личности. Чем совершеннее автор, тем отчетливее, определеннее будут черты у его детища, находясь в неразделимом единстве и гармонии, свойственном только этому ребенку. По генам в слюне можно судить о генах в клетках сердца, как и в любом органе, данного индивида. (Заметим, что у несовершенства и халтуры тоже бывают дети, но они нежизнеспособны, их перестают читать, забывают и они хранятся в спецхранилищах библиотек, как уродцы в кунсткамере Петра Великого).

Все впечатления писателя от жизни могут входить в плоть его ребенка, но так, как входят в нас осколки клеток наших предков, – они передают намек на нечто общее в характере и организме, но жизнь их потомка определяется не наследством, полученным от них, а от его собственного желания (сердца), независящего ни от кого.

Последние написанные нами же строки стали наводить на мысль о том, что затрагиваемые в них темы нуждаются в пояснениях, или, если точнее выразиться, в необязательных дополнительных сведениях. Поэтому ближайшие планы по рассекречиванию мистического романа, в опоре на относительно объективный сравнительный анализ, побудили нас немедленно усложнить структуру данного труда. Нам не обойтись, например, без сведений о православном мировоззрении в профессорско-богословской среде XIX века. В тех случаях, когда при его воспроизведении в данном труде на него не будет уточняющей ссылки, с помощью терминов «православная азбука», или просто «азбука», мы будем использовать другой шрифт – курсив. Петитом же будут приведены, без каких-либо аргументов, субъективные впечатления и чувства автора этих строк, вызванные чтением романа «Мастер и Маргарита»

Вынужден признаться, что прочтение романа Булгакова принесло вашему почтенному слуге множество приятных переживаний. Но, в противоположность первым впечатлениям, уже в процессе невольного знакомства с высказываниями различных людей об этом произведении, возникли сначала тревога, а потом недоумение, доходившие вплоть до болезненных ощущений. Во всех резюме присутствуют яркие эмоциональные оценки, но везде, как в заговоре, отсутствуют ясные обобщающие суждения о смысле романа и заговорчески замалчиваются предположения о позиции Булгакова, как в отношении света и тьмы, так и в отношении своих персонажей, сначала в своем сокровенном человеке под парадным костюмом писателя, а затем, как следствие, в книге*. Что касается характера эмоций, допущенных экспертами, – одни восторженные отклики указывают на красоту, сочность прозы, на отточенный прозорливый и щедрый юмор, на богатство приключенческой фабулы. Другие восторженно свидетельствуют о таком редком и благотворном явлении в области светских литературных произведений, как первоначальное оглашение (т. е. знакомство с христианством), повлекшем за собой изменение мировоззрения, а затем и самой жизни многих читателей.

Сердитые и недоуменные отклики тоже делятся, в основном, на две группы. Первая заявляет, что роман является клеветой на советское общество, которое, судя по написанному, поголовно состоит из головотяпов, легко одурачиваемых мелкобуржуазными мошенниками. Вторая, симпатизирующая ортодоксальной ветви православия (но при этом читающая светскую литературу), утверждает, что книга прославляет чертей и хулит земной путь и учение Иисуса Христа.

Однако главное – идея романа и связь персонажей с ней, некая содержательная первопричина, которая вызвала на страницы всех героев и объединила их

* Например, у кого прикажете выяснить, наконец, нравится ли Булгакову Фагот или Во-ланд, Левий или Иешуа? Противен ли ему Берлиоз, Фрида или Степа Лиходеев?

в одну судьбу, все сюжетные нити связала в один узел, упорно и яростно замалчивается всеми.

Изобилие расплывчатых приговоров творению Булгакова с каждым днем усиливало нервирующую неопределенность, которая и породила у вашего покорного слуги тот самый невыносимый зуд, который вызвал выставленное напоказ длительное неистовое почесывание на выявление сути романа.

Решительно постулируем, что суть, содержащаяся в исследуемой книге, теснейшим образом связана с личностью автора этой самой книги, поэтому мы вынуждены сделать.

Главное предуведомление

<...> Разве можно считать горшечника, как глину? Скажет ли изделие о сделавшем его: «не он создал меня»? и скажет ли произведение о художнике своем: «он не разумеет»?

Исаия

Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суета!

Книга сына Давида

Не пытаясь охватить в целостности всю личность Михаила Афанасьевича Булгакова, мы остановимся лишь на тех его характерных чертах, которые могут помочь понять его творчество и в особенности роман «Мастер и Маргарита».

1) Наследственная дотошность в изучении интересующего его предмета, которая обусловлена 2) условиями роста и воспитания в семье. Отец Булгакова, родившийся в семье священника, был профессором и преподавателем Киевской духовной академии. Время, в которое он работал – конец XIX и начало XX века, – характеризовалось большим подъемом уровня академической богословской науки, прежде всего по числу выдающихся богословов и историков Церкви, которые раньше были редкостью для России. Возникла среда, в которой интерес к вере вызвал создание обществ, обсуждавших как актуальные религиозные проблемы, так и непосредственную связь христианства с обществом и процессами, протекающими в нем.

О высокой степени научной порядочности того времени может свидетельствовать общепринятый принцип при опубликовании исследовательских работ. В них авторы должны были изучить и охарактеризовать все доступные материалы по своей теме. Это очень важная практика, которая помогает формировать честность у ученого, и как сопутствующие приобретения, – широту кругозора, терпимость и даже симпатию к наличию разных точек зрения (на изломе которых делаются открытия), деликатность

мышления (умеющую сочетать противоположности без антагонизма). 3) Широкая эрудиция, закреплённая обучением в лучшей гимназии Киева и на медицинском факультете университета. 4) Педантичная скрупулёзность, свойственная врачам того времени, присущая и Булгакову-лекару, оказалась свойственна и Булгакову-писателю.

Писательская опрятность и выверенность Булгакова приводит к тому, что у него любое ружье обязательно стреляет, т. е. упоминание, даже косвенное, мимолетное какого-либо исторического лица, например, «Грибоедовский ресторан» или «Достоевский бессмертен», привлекает его к участию в романе. Даже такое ненавязчивое включение всем известных лиц подразумевает, прежде всего, наличие некоей переключки с ними и собеседования с их творчеством, в свою очередь являющимся выразителем их внутренней мысли. Они не источники для плагиата или художественного орнамента, они – сотоварищи и соучастники творческого процесса, помогающие со своей стороны дополнить, прояснить и украсить события, разворачивающиеся в «Мастере и Маргарите». Точность же, которую можно назвать честностью, вкупе с широтой восприятия позволяют писателю при воспроизведении описываемой эпохи передать дух времени вместе с его неуловимым своеобразием, что дает возможность читателю чувствовать и то, что находится за пределами печатных слов.

5) Уникальная память. Особое значение для осмысления романа «Мастер и Маргарита» имеет не просто знакомство, а знание Булгаковым в совершенстве всего культурного наследия христианства. Как мы уже отмечали, отец Булгакова был преподавателем в духовной академии, к нему часто приходили его коллеги (впоследствии Булгаков говорил о том, что хорошо знал это сообщество), вместе с которыми в естественной обстановке полной свободы (а не на обязательном уроке в казенном учебном заведении) обсуждались самые сложные, самые соблазнительные, самые пугающие проблемы явления веры. И эти беседы были понятны юноше Михаилу, поскольку он с младенчества воспринял атмосферу православного быта, в котором действовали обычаи, обряды, принципы и законы, составляющие и сопутствующие культурной православной традиции.

Понимание веры всегда связано и с естественным, внутренним усвоением ее, так что в ее образах и категориях можно без всяких усилий думать, мечтать, чувствовать. Свободное владение громадными сокровищами веры, вместе с ее Преданием и преданиями, формируется с особенной глубиной, когда человек слышит, как в непринужденной обстановке близкие, родные люди живут, дышат, теряют и ищут свои отношения с Богом.

Во всех слоях общества есть устойчивое убеждение, что если человек именуется христианином, то он должен быть хорошим человеком и служить добрым примером для прочего человечества. Отложим опровержение этого мнения до удобного времени после прояснения вопросов, возникающих при чтении обсуждаемой книги. Здесь лишь заметим, что это один из камней преткновения для самих христиан, желающих дорасти до высоких степеней доброты и премудрости. Для знакомства же с верой достаточно утверждения, что знать веру и быть верующим (жить по вере) — это два совершенно разных состояния человека...

(Мак. л.)... Не хочу тебя обижать подозрением в лености до такой степени, что будто ты не приготовил 2-го тома «Мертвых душ» к печати? Точно «Мертвые души» блин, который можно вдруг испечь. Загляни в жизнеописание сколько-нибудь знаменитого автора или даже хоть замечательного. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой он отдал всего себя, и сколько времени заняла? — Всю жизнь, ни больше ни меньше. Где ж ты видел, чтобы произведший эпопею произвел сверх того пять-шесть других? Стыдно тебе быть таким ребенком и не знать этого!..

А в желаниях публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью.

Они писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней.

Поверьте, что до тех пор, пока не овладеет вами досада, а может быть, и совершенное отчаяние при мысли, что картина не будет кончена, до тех пор она не будет кончена. Дни будут уходить за днями, и труд будет казаться безбрежным. Человек такая скотина, что он тогда только примется серьезно за дело, когда узнает, что завтра приходится умирать.

Притом вот вам одна очень важная истина, которой вы не поверите или, лучше, не допустит вас к тому ваша гордость: пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. А вы не хотите и слышать о том, что вы можете сделать дурно; вы хотите, чтоб у вас до последней мелочи было все хорошо. Вы будете поправлять себя двадцать раз на всякой черточке, никак не захотите, чтобы оно было и осталось так, как есть, если не дастся лучше. Вы будете мучить себя и биться несколько дней около одного места, до того, что от частностей обессилеет у вас даже мысль о целом, которое тогда только, когда живо носится беспрестанно пред глазами и говорит о возможности скорого выполнения, тогда только двигает работу. Ибо вдвигает в душу порыв и вдохновенье, а вдохновеньем много постигается того, чего не достигнешь никакими учеными трудами. Вот вам та истина,

которую я слышал всегда в душе, откуда исходят у нас все истины, и которую подтверждали мне на всяком шагу чужие и свои опыты. Но вы горды и с этим не согласитесь, между прочим, потому, что не взглянули еще серьезно на жизнь. Вы легко приходите в уныние и не хотите догадаться, что у вас самих могут быть найдены средства противу всего. Еще многое почитаете вы за выдумки, принимая в буквальном смысле. Еще то, что есть самая жизнь, для вас безгласно и мертво. Еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветленного разумом свыше. Еще вы не приобрели того, что одно могло б двинуть работу и сообщить вам ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаниями. Словом, вы еще далеко не христианин, хотя и замыслили картину на прославление Христа и христианства. Вы не почувствовали близкого к нам участия бога и всю высоту родственного союза, в который он вступил с нами. Вот что я почитал еще нужным вам прибавить для того, чтоб вы в иную душевную минуту об этом подумали. Затем обнимаю вас от всей души, желаю всякого преуспеяния во всем и не унывать ни в каком случае духом...

(З. У. пр.)... Для наглядности обратимся к уже порядком забытому марксизму-ленинизму с его призраками, тем более что эпоха, в которую писался роман, была золотым десятилетием практического осуществления того самого революционного творчества масс и требует исходя из нашего чувства признательности, хотя бы краткого воспоминания.

Для многих коммунизм и тернистый путь к нему был реальной верой с трепетным полным любви отношением к ее творцам-основателям, ее пламенным вождем и легендарным героям. Для многих – идеологией, помогающей правильно жить проснувшимся трудовым массам и правильно управлять ими, для кого-то – точной, безошибочной, и оттого всесильной наукой. Для некоторых она была примитивной, недалекой, злодейской приманкой, для иных – романтической мечтой, прекрасной догмой пылкого обожателя всего прекрасного, но пока небывалого (всегда кончающейся катастрофой для ее служителей и восторженных наблюдателей). Были, наверное, и равнодушные, а были и другие, редкие, которые знали ее начало и конец, но при этом жалели всех ее детей с воспаленным разумом и ее кровожадных адептов, ее одураченных наивных последователей, ее защитников и сочувствующих вместе с их жертвами и случайными свидетелями.

Мы считаем, что в своем романе Булгаков не обличает и не борется с этим бешеным увлечением людей равенством, братством, справедливостью и светлым будущим на основе научного всеведения, поскольку он своим вниманием обращен к другому, более значительному для землян, явлению, а здесь мы используем данную революционную тему только как наглядный материал для пояснений.

Практическое применение научного коммунизма в России показало, что поголовно все население страны от мала до велика в конце концов освоило эту передовую теорию. И не важно, любили люди эту науку, озарившую историю человечества невиданной доселе иллюминацией, или ненавидели, ждали светлого будущего или презирали такое будущее, но все тройственные источники вместе с тройственными составными частями тесно увязанные с различными выявленными базисами и надстройками, участвующими во всеобщем спиральном историческом развитии – знали все и каждый. Не хотели, а знали. Знали так, что не могли забыть. Хотели забыть, но не могли со времен шестой Пражской, вместе с тем что прежде, чем объединяться, надо разъединиться.

Несмотря на все усилия, не смогли освободить память от глубоко выверенного предостережения, что нельзя обелять, но и нельзя очернять. И еще много негаснущих знаний из копилки светоносной идеологии носили в себе страдальцы, попавшие под гусеницы всемирного просвещения. Они знали назубок движущие силы и то, что составляет ядро. Понимали с неизбежностью, кто из какого класса, и что это объективно означает для судьбы конкретного человека. Империализм и всех его носителей умели определять при помощи ноздрей. А те, кто вырос в семьях доцентов и профессоров с соответствующих партийных кафедр досточтимых университетов или в семьях действующих партийных практиков, наполнявших многообразные местные и центральные комитеты, как много инструкций, резолюций, докладов (из которых многие были не для всех, а только для тех, кто мог понять) узнавали они невольно, впитывая за завтраком и ужином информацию о новой эре и новых, невиданных людях этой эры. Если бы обстоятельства, пусть даже через много лет, потребовали вдруг от этих потомков строителей новой жизни анализа революционной ситуации в какой-либо удаленной точке земного шара, они немедленно его бы произвели со всею неизбежностью осуществления «Апрельских тезисов».

Мы принуждены были занять у читателей большое количество их драгоценного времени для того, чтобы теперь выказать простую мысль: для нашего исследования не важно, был ли Михаил Афанасьевич Булгаков практикующим христианином, имел ли личные отношения с Иисусом Христом, не важно даже с симпатией или антипатией он относился к православию, но определяющим содержанием «Мастера и Маргариты» является то, что он его знал. Знал догматику, историю, церковную практику православия, разбирался в богословии и поэтому мог свободно думать и рассуждать на языке этой веры. Для того, чтобы еще раз пояснить нашу мысль, прибегнем к еще одному подобию уже упомянутой веры в коммунизм.

В 70-е годы XX столетия в Советском Союзе появилось довольно много диссидентствующих интеллигентов, которые не испытывали радостных чувств от торжества развитого социализма, но могли легко определить является ли тот или иной руководитель передового класса настоящим ортодоксальным марксистом или превратился в перерожденца и ревизиониста с примесью волюнтаризма.

Мир не стоял на месте: менялось время, а с ним качественно видоизменялись жертвы борьбы роковой, менялось взаимоотношение масс с мировой революцией, менялись на глазах актуальные темы критики и самокритики. В общем, законы диалектики зримо управляли прогрессом, той самой диалектики, которую в ленинские времена постигали и умели применить на практике даже не все любимцы партии, а только выдающиеся вожди. По прошествии же 60 лет учебы, учебы и еще раз учебы ее впитала в кровь вся пролетарская масса, включая школьников младших классов, как у всех без исключения впитывается в кровь через легкие воздух, и даже в том случае, если он отравлен ядовитыми испарениями.

Булгаков не учил специально Православие, он вырос в нем, поэтому разбирался в отношениях между людьми с точки зрения веры, как разбирается в диалектах родного языка коренной житель страны. Так как восточное христианство особенно чутко относилось к невидимой, сокровенной жизни человека (на далекий план переставляя формальную, видимую деятельность, признавая ее права и подлинность только в том случае, если она совершалась от переизбытка внутреннего (от невозможности его спрятать и удержать), невидимого источника), то глаз писателя был способен различать неформальные, вольно или невольно скрываемые людьми потаенные отношения.

Именно это слово – «формальность» – объясняет разницу между общественным и личным. Человек может быть формально воспитан, человек номинально может принадлежать к тому или иному подклассу (коллег, сподвижников, друзей-товарищей, прихожан и т. д.), исполняя порой все необходимые действия-признаки данной группы, но тяготится он своими обязанностями или испытывает блаженство, а может быть, безразличен, лишь отдавая дань привычке к традиции, подчиняясь обещанию-клятве или страху перед новым и неизведанным – это тайна его глубин, которую может выявить только особый свет веры.

Писателю для написания правдивого произведения важно знать, чем на самом деле живет его герой, а для наших ближайших целей мы можем пока оставить эту глубину нетронутой, проведя лишь формальное сопоставление доктрин, преданий, служебных и домостроительных воззрений православных христиан в России с художественным изображением в романе аналогичных представлений у его персонажей. (Интересно утверждение христианства о том, что картина мира для наблюдателя зависит от того, какой источник света ему освещает мир. Конечно, в первую очередь мы имеем в виду свет его веры и в нем наблюдаемые прикровенные отношения между людьми, а не небесные светильники и природный ландшафт.)

Мы вправе предположить, что та сумма знаний, образов христианства, обитавшего на просторах России, общеизвестных и общедоступных в свое время почти каждому, утрачена ныне, как нечто естественное, как общая языковая среда, в которой бедный и богатый, знатный и простой не нуждаются в переводчиках для того, чтобы понимать друг друга. Естественная связь веры и жизни в православных утратилась, как это бывает, когда знание приходит извне, а внутри его нет.

Продолжая подобие с родным языком, на котором говорит и думает человек, можно сказать, что в носителях информации утрачивается живое чувство, чутье, которое позволяет ребенку, не освоившему словари, выдумывать при беседе с родителями новые слова. Вот в этом, указанном нами смысле, православная вера стала непонятна подавляющему статистическому большинству, в том числе и официальным носителям ее в черных облачениях.

В их оправдание мы сошлемся на условия их призыва к служению. Для этого надо вспомнить осень 1941 года, когда в офицеры призывались не те, кто окончил училища и был достоин этого, а те, кто был еще не убит в ходе катастрофического отступления, знал элементарную грамоту, чтобы читать приказы, был согласен на неминуемую смерть и мог идти в отчаянный бой даже без оружия. Честь им и хвала, они остановили небывалую от преизбыточного изобилия зла катастрофу, заслонив мир своими кровью, костями и мясом, не позволили уничтожить целые народы. Но для победы были нужны уже другие командиры, обученные и обстрелянные, прошедшие жестокую школу выживания у немилосердного, жаждущего абсолютного господства врага, впитавшие в себя реальную грязную военную науку, по-своему прозорливые и мудрые. Нужны время и большие потери, чтобы пришли те, кто может помочь победить, сберегая своих и чужих, те, кто способен не только сдерживать, но и возделывать и умножать. Да, утратилась, канула в лету и домашняя семейная общность, в которой пребывала православная вера, поэтому трудно найти семью, в которой свободно говорят на языке веры, а потому нет детей, воспринимающих этот язык как кровный, как свой с колыбели, над которой поют песни для засыпающих малышей...

(Мак. л.)... Он скрепляет это дело известной оговоркой журналистов: «Надеемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщение сих драгоценных строк; в великом человеке все достойно любопытства», – и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкий читатель останется

благодарен; но потомство плюнет на эти драгоценные строки, если в них бездушно повторено то, что уже известно, и если не дышит от них святых того, что должно быть свято.

Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели бога, дерзавшие произносить имя его неосвященными устами. Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, гнева или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом, в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло.

Тот же наш приятель П. тому порука: он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем со своими читателями, сообщать им все, чего он набирался сам, не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове таким образом, дабы стать близкой и доступной всем, словом — выказывал перед читателем себя всего во всем своем неряшестве. И что ж? Заметили ли читатели те благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? Приняли ли от него то, чем он хотел с ними поделиться? Нет, они заметили в нем одно только неряшество и неопрятность, которые прежде всего замечает человек, и ничего от него не приняли.

Тридцать лет работал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь всю жизнь свою передать поскорей в руки всем, все, что ни находил на пользу просвещения и образования русского... И ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом или прекрасным стремлением к добру, которое бы внушило его слово. Напротив, я должен был даже спорить и стоять за чистоту самих намерений и за искренность слов его перед такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мне было трудно даже убедить кого-либо, потому что он сумел так замаскировать себя перед всеми, что решительно нет возможности показать его в том виде, каков он действительно есть. Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной; о любви к царю, которую питает он искренно и свято в душе своей, изъяснится он так, что это походит на одно раболепство и какое-то корыстное угодение. Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного

России, выразится у него так, как бы он подавал донос на каких-то, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник.

Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уж лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах. Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом и рвалась душа сказать даже много полезного людям. Они слышали, как можно опозорить то, что стремишься возвысить, и как на всяком шагу язык наш есть наш предатель...

(З. У. пр.)... Но не только внешние враждебные действия против языка и культуры, на нем выросшей, сужают количество их носителей, а оставшихся ранят, мешают развиваться. От внешнего врага – внешний ущерб.

Люди, подвергавшиеся агрессии, даже могут неожиданно для самих себя сплачиваться между собой и собирать себя внутри. Христианство добавляет к тому, что дом, подвергшийся нападению, не рухнет, а вот если он разделится внутри, тогда рассыплется в прах.

Это внутреннее разделение-раздвоение происходит обычно через приращивание к правде лжи, на языке притчи – через подсев к пшенице семян плевел-паразитов, забирающих силу солнца и земли. Тут человек – самовластный хозяин своего поля-души и только своей волей, только своим желанием дает начало роста сорнякам.

Стоит заметить, что эти сорняки очень похожи на хорошие растения и их семена, так что одумавшемуся садовнику трудно, а на самом деле невозможно, выколоть тех, кто прикидывается культурным растением, не повредив, не погубив хороших. Кроме того, в природе лучше сохраняются и размножаются сорняки: без всякой посторонней заботы о них. А приобретение делателями навыков хранения и культивирования добрых семян неизбежно рождает множество просчетов, подобно тому, как на уроках грамматики школьники делают ошибки, которые, если их вовремя не исправить, искривляют, ломают язык и его сематическую основу-фундамент, вызывая к жизни новые сорта паразитов.

Слово, утратившее первоначальный смысл, подобно человеку, совершившему измену. Собственно, при падении человека и слова его становятся

падшими, не способными передавать жизнь такой, какая она есть. Можно представить себе, сколько за сто последних лет выросло сорняков и появилось новых; какие леса словесного борщевика с полянами ложных смысловых опят поднялись на пшеничных полях человеческих сердец, пока на них не обращали внимания. А ведь и сотни лет до этого были подходящие условия, при которых вредные, чужие культуры отвоевывали себе место в житницах самой Церкви. Не счесть всего множества усвоенных и заученных религиозных пошлостей поколениями потенциальных и действующих прихожан, совершенно искаживших внешний облик общественного здания веры, построенного на камне. Однако всегда, во все времена, не иссякали люди, которые хранили в себе в неприкосновенности первозданный облик христианства.

Для удобства читателей, собранию частей, составляющих целостное учение о строении царства небесных отношений в представлении христиан, мы присвоим наименование «Азбуки Православия». Именно в ней, как мы полагаем, был воспитан М.А. Булгаков и для того, чтобы современным читателям установить связь с мировоззренческим кругозором писателя, а значит, получить возможность понимать его слова и мысли, нам нужно будет, по мере надобности, приводить азбучные сведения о христианской вере, в которой он мог свободно дышать. (Если не будет специального указания на нее, то отрывки из «Азбуки» будут печататься курсивом*.)

Мы не хотим запутать читателей, но для того, чтобы научиться писать слова, а слова соединять в фразы, которые соответствовали бы определенной мысли, нужно узнать буквы, которые по отдельности способны лишь на выражение простейших эмоций и сигналов. Для этих кирпичиков существует закон, по которому они могут соединяться в слова и имена, становясь жизнью, которой можно делиться, отдавая желающим к ней приобщиться и принимать ее от других, вбирая в себя их царство, а значит, соединяясь с ними.

Сразу укажем источник происхождения «азбуки». В отличие от нашей технологической цивилизации, в которой мы узнаем объективные данные о природе и ее законах из нашего опыта и опыта других людей, опыта, который может быть, независимо от вас, повторен (объективность — отсюда), единственным источником знания о другом (другой личности) и о том, что наполняет его душу (то есть сведения об особенной, субъективной жизни иного), может являться только открове-

* Тот, кто считает себя знатоком «азбуки», конечно же для экономии времени, может пропускать текст, напечатанный курсивом.

ние этой другой личности о себе самой и о своей душе. (На досуге читатель может спросить себя, в каком случае, при каких условиях один может открыть душу другому без страха перед болью непонимания или болью от корыстного расчета, использующего полученные от тебя сокровенные сведения в своих эгоистических интересах, перед болью, вызванной ответным равнодушием и пренебрежением, способной возрасти до мук предсмертной агонии.)

Чужая душа, без ее согласия открыться, непроницаема для окружающих, и если по видимым, внешним поступкам можно судить об общественной пользе или вреде от деятельности данного индивидуума, то о внутреннем содержании, устройстве человека, совершившего труд, без его помощи мы не узнаем.

Одно и то же дело может сопровождаться разными внутренними состояниями, если хотите разными настроениями. Человек может быть не согласен в своем сердце со своим поступком (любопытные могут поинтересоваться, часто ли у них самих дела соответствуют переживаниям, сопутствующим им), например, помощь другу может быть оказана через силу, с неохотой, еще может под страхом или с безразличием, а может — с дальним прицелом для получения выгоды или похвалы и еще для утверждения себя и подчинения другого. Ситуация бывает и обратной: человек сам может страдать от дурной привычки, которую не может оставить (не могу не делать, хотя и противно), презирать себя из-за нее, но все же подчиняться властным требованиям организма вопреки слабому голосу совести. Так вынуждены лицепритствовать малодушные и попрошайничать разленившиеся.

Поступок может быть утвержден или отменен именно невидимым для посторонних сопутствующим содеянному настроением человека, например, иногда благодарностью или сожалением, а чаще неизменной убежденностью в своей правоте или сомнением в необходимости трудов и забвением их плодов, и этот список можно продолжать. Многие определяют нашу сокровенную жизнь, и в этом множестве не должно быть изъяна для того, чтобы поступок, сопровождаемый тайным, невидимым движением души мог быть отнесен в разряд добра. При делании его не может быть компромиссов с какими-либо отступлениями от высших требований, поэтому не только враждебный внутренний мотив, но и благое, но несовершенное устройство сердца породит зло (ложь).

Именно тайное определяет все выставленное напоказ, причем не только сейчас, но и в будущем (отметим, что один из признаков грубого

лицемерия состоит в том, что внутреннее и внешнее явно не совпадают). Здоровая жизнь – это целостность души и тела, в которой человек не раздваивается ни в главном, ни в незначительном и только такую жизнь можно назвать правдивой, или просто – правдой.

Итак, источником самых важных, особенных, сокровенных сведений о себе может быть только сам субъект. Он может говорить правду или обманывать, мы можем верить ему или не верить, но живое, неведомое другим свидетельство может исходить только изнутри личности. Оно называется откровением. Не только об этом чуде может рассказать только этот чудак, но и об этом обычном, невзрачном (вроде бы настолько понятном, что рождается скука при взгляде на него) человеке может рассказать только он, и без его слова о себе никто никогда не узнает его.

Так и о Боге может рассказать только Бог. И это можно назвать исповедью. (Грешник, если бывает честен, на исповеди рассказывает тому, кого задел своим злом, о своих грехах, а друзья делятся между собой всеми своими благими движениями души и тела, всем своим богатством, которым они обладают.) Рассказы же одних субъектов про других всегда будут если не откровенно ложны, то, по крайней мере, не полны, а потому тоже ложны. Не полная правда = ложь*. Свидетели могут выступать как предтечи некоего лица, мы с их помощью можем готовиться (особенно, если предтеча своим образом жизни внушает доверие) узнать это лицо, но познаем его только после личной встречи и взаимных откровений (односторонние отношения, например, с симпатией с одной стороны и с безразличием с другой, считаются ложными, поскольку без взаимности они – иллюзия, лишь призрак союза двоих, который обнаружит свою несостоятельность при первом действительном испытании).

Всегда считалось, что поиск сведений о ком-то (например, из расчетливости: с кем водиться, а с кем разводиться; или из любопытства, что этот любит, хотя прежде – нет, а этот ненавидит) является собиранием сплетен – заведомой ложью, которую сначала человек с удовольствием отыскивает, а потом питается.

Единственным честным поступком по отношению к своему интересу (к некоему лицу) при возникновении недоумений является обращение к нему с личным вопросом, при этом обязательно будучи в готов-

* И никаких допущений, поправок, исключений к этому краеугольному закону жизни, ни когда ни при каких обстоятельствах.

ности самому ответить ему на любые встречные вопросы. Именно через такие личные встречи с людьми в древние времена Бог открывал Себя сперва праотцам, таким как Адам, Авель, Ной, а потом и пророкам, таким как Моисей, Давид, Соломон, Исайя. Он рассказывал им о своем бытии, о своих радостях и неприятностях с нами, о законах Бытия Духа, таких же непреложных, как для естествоиспытателя — законы чисел и вещества...

(Мак. л.)... Церковь наша действовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще знаем плохо нашу Церковь. Духовенство наше не бездействует. Я знаю, что в глубине монастырей и в тишине келий готовятся неопровержимые сочинения в защиту Церкви нашей. Но дела свои они делают лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требует такой предмет, совершают свой труд в глубоком спокойствии, молясь, воспитывая самих себя, изгоняя из души своей все страстное, похожее на неуместную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать, дабы быть в силах заговорить о таком предмете.

Но и эти защиты еще не послужат к полному убеждению западных католиков. Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвестить ее правду. Они говорят, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильным выводом: мы трупы, а не Церковь наша, и по нас они называли и Церковь нашу трупом. Как нам защищать нашу Церковь и какой ответ мы можем дать им, если они нам зададут такие вопросы:

«А сделала ли ваша Церковь вас лучшими? Исполняет ли всяк у вас, как следует, свой долг?» Что мы тогда станем отвечать им, почувствовавши вдруг в душе и в совести своей, что шли все время мимо нашей Церкви и едва знаем ее даже и теперь? Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. У хозяина спрашивают показать лучшую вещь в его доме, и сам хозяин не знает, где лежит она. Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести

неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, звание и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!

Нет, храни нас бог защищать теперь нашу Церковь! Это значит уронить ее. Только и есть для нас возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашей мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть жизнь; благоуханием душ наших должны мы возвестить ее истину.

Пусть миссионер католичества западного бьет себя в грудь, размахивает руками и красноречием рыданий и слов исторгает скоро высыхающие слезы. Проповедник же католичества восточного должен выступить так перед народом, чтобы уже от одного его смиренного вида, потухнувших очей и тихого, потрясающего гласа, исходящего из души, в которой умерли все желания мира, все бы подвинулось еще прежде, чем он объяснил бы самое дело, и в один голос заговорило бы к нему: «Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей Церкви!»

Замечание, будто власть Церкви оттого у нас слаба, что наше духовенство мало имеет светскости и ловкости обращения в обществе, есть такая нелепость, как и утверждение, будто духовенство у нас вовсе отстранено от всякого прикосновения с жизнью уставами нашей Церкви и связано в своих действиях правительством.

Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми. Поверьте, что если бы стали они встречаться с нами чаще, участвуя в наших ежедневных собраниях и гульбищах или входя в семейные дела, — это было бы нехорошо. Духовному предстоит много искушений, гораздо более даже, нежели нам: как раз завелись бы те интриги в домах, в которых обвиняют римско-католических попов. Римско-католические попы именно оттого сделались дурными, что чересчур сделались светскими.

У духовенства нашего два законных поприща, на которых они с нами встречаются: исповедь и проповедь. На этих двух поприщах, из которых первое бывает только раз или два в год, а второе может быть всякое воскресенье, можно сделать очень много. И если только священник, видя многое дурное в людях, умел до времени молчать о нем и долго соображать в себе самом, как ему сказать таким образом, чтобы всякое слово

дошло прямо до сердца, то он уже скажет об этом так сильно на исповеди и проповеди, как никогда ему не сказать на ежедневных с нами беседах.

Нужно, чтобы он говорил стоящему среди света человеку с какого-то возвышенного места, чтобы не его присутствие слышал в это время человек, но присутствие самого бога, внимающего равно им обоим, и слышался бы обоюдный страх от его незримого присутствия. Нет, это даже хорошо, что духовенство наше находится в некотором отдалении от нас. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никаким изменениям и прихотям наших глупых мод, они отделились от нас. Одежда их прекрасна и величественна. Это не бессмысленное, оставшееся от осьмнадцатого века рококо и не лоскутная, ничего не объясняющая одежда римско-католических священников. Она имеет смысл: она по образу и подобию той одежды, которую носил сам спаситель. Нужно, чтобы и в самой одежде своей они носили себе вечное напоминание о том, чей образ они должны представлять нам, чтобы и на один миг не позабылись и не растерялись среди развлечений и ничтожных нужд света, ибо с них тысячу крат более взыщется, чем с каждого из нас; чтобы слышали беспрестанно, что они – как бы другие и высшие люди. Нет, покамест священник еще молод и жизнь ему неизвестна, он не должен даже и встречаться с людьми иначе, как на исповеди и проповеди. Если же и входить в беседу, то разве только с мудрейшими и опытнейшими из них, которые могли бы познакомиться его с душой и сердцем человека, изобразить ему жизнь в ее истинном виде и свете, а не в том, в каком она является неопытному человеку.

Священнику нужно время также и для себя: ему нужно поработать и над самим собою. Он должен со спасителя брать пример, который долгое время провел в пустыне и не прежде, как после сорокадневного предуготовительного поста вышел к людям учить их. Некоторые из нынешних умников выдумали, будто нужно толкаться среди света для того, чтобы узнать его. Это просто вздор. Опроверженьем такого мнения служат все светские люди, которые толкаются вечно среди света и при всем том бывают всех пустее. Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему: найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех...

(З. У. пр.)... В ходе обсуждения романа для уяснения событий в нем, мы будем сообщать по мере необходимости сведения и о некоторых

библейских лицах. Так как библия является собранием откровений обо всем сущем не только для всех своих читателей, но и для каждого лица, упомянутого в ней, ее пересказ хотя бы в общих чертах может подготовить знакомство читателей с ее действующими участниками. Здесь обратим ваше внимание на те условия (заповеди), при которых становится возможно возникновение взаимности и на заповеди (условия) ее сохранения. Отметим, что ситуация, в которой человек становится свидетелем откровения Бога, подобна той, в которой мы принимаем откровения от людей. Условия те же, лишь с поправкой на индивидуальные законы, по которым строит свою жизнь тот или иной человек. Итак, если слушателю будет дорог Бог (или иной собеседник), значит будут дороги Его желания, Его воля, Его устройство, то есть когда внимающий будет готов беречь дар, воспринятый от Него, а не глумиться над ним, тогда он обязательно станет участником откровения. Еще раз напомним, что без личного общения сведения, полученные о другом, пусть очень важные и значительные, как фактические, так и метафизические, останутся лишь подготовкой знакомства, суеютой, которая окончилась ничем, неведением другого, существованием в одиночестве без Него.

Прибегая к помощи Откровения, записанного в книгах Ветхого и Нового Завета, сообщим вам из него, что человек устроен точно по образу своего творца, поэтому все, что относится к Богу, может быть отнесено и к нам (Христос, например, обещал своим друзьям, что они смогут сотворить даже больше, чем делал Он), то есть по закону подобия, если мы не сумели услышать ближнего, то этого ближнего для нас пока нет. Только личная встреча и слышание другого делают людей живыми, вне отношений нет жизни. Одно из первых откровений библии о подлинной жизни, а она, собственно, является Небесной жизнью, рассказывает о том, как разрыв взаимности человека с Богом привел его к одиночеству, а значит, к смерти.

Так Адам, пребывая с Богом, пребывая с Евой, был жив, и это было его раем. А после того как предал каждого из них (предал отказом считаясь с их желаниями в пользу своих) – умер, то есть оказался один без них. Они были рядом, но они стали чужие, и утрата им дружбы была пережита, как утрата рая, утрата блаженства взаимности. Исполнилось предупреждение, сказанное ему Отцом: если пренебрежешь другим (его достоинством, его радостями, его волей) – смертью умрешь. Для существ, ничего не знающих, кроме земли, смерть наступает, когда

остывает тело, прекращается обмен веществ в организме. Для личности, тех, кто знаком с Небом, смерть – когда нарушается полное и совершенное единство двоих, общность их духа. Грех и есть действие, нарушающее единство дружбы, проявляющий себя прежде всего как внутреннее разделение двоих, их воли, желаний, радостей, а внешнее выражение греха лишь указывает на то, за какую цену мы предали своего присного (того, кто должен быть со мною всегда) – то ли за лепту радости для желудка, то ли за динарий приятности от ласки неги и лени, то ли за драхму удовлетворения самим собой, таким красивым и умным.

Откровение пыталось напомнить людям всех эпох о том, что грех является настоящей смертью и одновременно ее жалом, но земляне упорно не желают ничего знать и понимать о существовании смерти, довольствуясь иллюзорными представлениями о ней, внушенными призраками, которые кричат, не умолкая, для того, чтобы навечно успокоить грешников: «Вы живы, вы существуете!» (Ну, хотя бы потому, что мыслите и грешите.)

Даже среди церковного народа для отвлечения внимания от главного врага в человеке (чтобы не расстроить и не отпугнуть собратьев) пропагандируются каталоги грехов с их видами и подвидами, создавая видимость борьбы со злом и помогая маскировать при этом доброе отношение к причине греха (если честнее – любовь к нему). Люди упрямо и упорно не желают знать и понимать всю чудовищность того, что является смертью, подменяя ее сущность всего лишь гибелью и разрушением тела. Причина понятна: тому, кто не чувствует своей души, будет страшно лишь за то, что он чувствует с большой силой – за ущерб своему организму и его распад, нисколько не переживая и не беспокоясь о том, что давно не живут, а лишь существуют, вырабатывая положенный срок службы своего тела, совсем как украшенные гробы, симпатичные снаружи и полные мертвечины внутри.

После испытания в себе необходимости принятия откровения от Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова (доверять – не доверять, радует – не радует) человек делает свой выбор, осознанно определяя свои отношения с Ним. (Отец он или чужой, а может, даже некто несуществующий.) Подобным образом устанавливаются взаимоотношения и между людьми. Похожий подход мы будем использовать для выяснения отношения Булгакова к персонажам собственного романа, а также постараемся выслушать откровения его персонажей для определения кто они, но испытаем их при

этом не своим мировоззрением (нашим светом), а светом Нового Завета, его заповедями, его учением и его духом, то есть христианским взглядом.

Новый Завет – это откровение, принесенное не через особых избранных, не через посредников-пророков, как это было в Ветхом Завете, а непосредственно воплотившимся Богом, ставшим Сыном Человеческим, оставаясь при этом Сыном Божиим. Он принес и показал жизнь Царства Небесного, которую Он имеет со своим Отцом. Разделить с Ними жизнь звал Он и людей, открывая, что такое вечное единство может принести человеку блаженство, которое мы когда-то променяли всего лишь на мимолетное удовольствие.

Когда Он нам говорил, что каждый от слов своих оправдается и от слов своих осудится, это в первую очередь означало, что этот закон верен и для Сына Человеческого, то есть Он, являясь предвечным Словом, как мы, подлежит суду за высказанное. Все сказанное Им будет испытано до последней йоты, оно должно сбыться, исполниться и пребывать вечно для того, чтобы быть Истиной. Добавим только, что в земных условиях для утверждения своей правоты каждое слово должно стать плотью, то есть претвориться в дело (ведь вера без дел мертва). Именно по плодам дел в конце концов будет совершаться суд, как говорит Евангелие (или Благая Весть – книга с записью свидетелями слов и дел Сына Божьего), «по плодам узнаете древо». Об этом древе можно сказать, что его корень – скрытая часть в виде желаний, целей, решимости, а ствол и крона – видимая, состоящая из слов и поступков, испытанных временем (вернее, вечностью)...

(Мак. л.)... Что мне случилось вам кой-что предсказать и предсказанное сбылось, – это произошло единственно оттого, что вы меня ввели в тогдашнее положение души вашей. Велика важность эдак угадать! Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою. Дурак тот, кто думает о будущем мимо настоящего. Он или соврет, или скажет загадку. Я вас, между прочим, еще побраню за следующие ваши строки, которые здесь выставлю вам перед глазами: «Грустно и даже горестно видеть вблизи состояние России, но, впрочем, не следует об этом говорить. Мы должны с надеждой и светлым взором смотреть в будущее, которое в руках милосердного бога». В руках милосердного бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим мы, что иное в нем

горестно и грустно, другое просто гадко или же делается не так, как бы нам хотелось, мы махнем на все рукой и давай пялить глаза в будущее. Оттого бог и ума нам не дает; оттого и будущее висит у нас у всех точно на воздухе: слышат некоторые, что оно хорошо, благодаря некоторым передовым людям, которые тоже услышали его чутьем и еще не проверили законным арифметическим выводом; но как достигнуть до этого будущего, никто не знает. Оно точно кислый виноград. Безделицу позабыли! Позабыли все, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если выставляют его на вид всем. Введите же хотя меня в познание настоящего. Не смущайтесь мерзостями и подавайте мне всякую мерзость! Для меня мерзости не в диковинку: я сам довольно мерзок. Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблаговел еще более перед провиденьем. И теперь больше всего благодарю бога за то, что сподобил он меня, хотя отчасти, узнать мерзости как мои собственные, так и бедных моих собратьев. И если есть во мне какая-нибудь капля ума, свойственного не всем людям, так и то оттого, что всматривался я побольше в эти мерзости. И если мне удалось оказать помощь душевную некоторым близким моему сердцу, а в том числе и вам, так это оттого, что всматривался я побольше в эти мерзости. И если я приобрел наконец любовь к людям не мечтательную, но существенную, так это все же наконец от того же самого, что всматривался я побольше во всякие мерзости. Не пугайтесь же и вы мерзостей и особенно не отвращайтесь от тех людей, которые вам кажутся почему-либо мерзки. Уверяю вас, что придет время, когда многие у нас на Руси из чистеньких горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно оттого, что считали себя слишком чистыми, что хвалились чистотой своей и всякими возвышенными стремлениями куда-то, считая себя чрез это лучшими других.

<...> Помутится ум его, омрачатся мысли, и не найдет он угла, куды сокрыться от своих страхов. Вспомните Египетские тьмы, которые с такой силой передал царь Соломон, когда господь, желая наказать одних, наслал на них неведомые, непонятные страхи. Слепая ночь обняла их вдруг среди бела дня; со всех сторон уставились на них ужасающие образы; дряхлые страшилища с печальными лицами стали неотразимо в глазах их; без

железных цепей сковала их всех боязнь и лишила всего; все чувства, все побуждения, все силы в них погибли, кроме одного страха. И произошло это только в тех, которых наказал Господь. Другие в то же время не видали никаких ужасов; для них был день и свет.

Прежде чем приходить в смущение от окружающих беспорядков, недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог весть, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других; может быть, там обитает растрепанный, неопрятный гнев, способный всякую минуту овладеть вашей душой, на радость врагу Христа; может быть, там поселилась малодушная способность падать на всяком шагу в уныние – жалкая дочь безверья в бога; может быть, там еще таится тщеславное желание гоняться за тем, что блестит и пользуется известностью светской; может быть, там обитает гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить в ничто все добро, какое имеем...

(З. У. пр.)... Предполагаю, что в своем закатном романе у Булгакова была смелость высказать свои сокровенные мысли, может быть, такие, в которые была вложена вера, отсутствующая у его окружения. Без нее даже самые близкие люди вовсе не могли понять Михаила Афанасьевича. На первый взгляд странно, что родненькие не могут понять, точно они чужие. Но вот что нам сообщает «Азбука»: Мы все очень одиноки (смертельно одиноки), и это прежде всего проявляется в том, что мы не слышим друг друга так же, как не слышим Бога. Не различаем ухом сердца желания, волю других или более сокровенного – тихой боли от неосуществленных надежд или от нереализованности своих возможностей. Причем именно слышание созидает и определяет человека: он становится тем, что впускает в себя, или, как говорили в древности, «я есть то, что я ем». Через глаза, уши, ум, сердце (как тело строится при помощи желудка усвоением пищи на завтраке, обеде и ужине) открывая себя, мы принимаем «строительные материалы» своей души, отдавая свое внимание другим, вместе с которыми парадоксально становимся самими собой – личностями.

Продолжим аналогию. В случае, если пища с ядом – отравленное им тело будет разрушаться и болеть. Также и душа, воспринимая чужеродное, несвойственное себе, страдает и утрачивает полноту своих возможностей. Здоровый взгляд заметит отраву и не впустит в себя. Поэтому люди должны быть разборчивы не только по отношению к провианту, но в большей степени к разговорам, темам для рассуждений и прочей пищи для души. На протяжении всей истории ветхозаветного человечества никому не удалось преодолеть свою замкнутость, так что неформальное единство, которое можно иногда назвать дружбой, иногда браком, иногда общей трапезой (в высшем их значении и проявлении) – настоящее чудо.

Явление жизни Небесной среди холода и мрака отчужденности было невозможно, как невозможно чудо безграничной свободы среди рабов и рабовладельцев. (Величие древних людей в том, что они не забыли про счастье единства, не забыли про блаженство свободы и ждали ее вопреки времени, казалось бы, неотвратимо поглощавшему поколение за поколением.) Опираясь на сказанное, считаем, что предположение о том, что Булгакову не с кем было поделиться своим беззащитным, детским мнением имеет под собой весьма веские основания. Попутно хотим заметить, что каждый из нас с большой вероятностью оказывался или окажется в подобной ситуации. Она особенно ясно проступает в нас в трагические минуты испытаний, оставленности, когда возникает острое желание крикнуть и криком достигнуть кого-нибудь, пусть и далекого, неведомого, поскольку привычный круг спутников тяготится нашими несчастьями. Такое положение дел не нелепая случайность, приключившаяся с отдельно взятым талантливым неудачником, а железное правило, допускающее редкие (единицы на поколение) исключения. (Тех, кто яростно убеждает нас в наличии надежных единомышленников, мы попросим подтвердить их убеждения после того, как они, может быть, случайно, публично обнаружат перед ними свои постыдные слабости.) С небольшой долей погрешности можно утверждать, что особо одаренные личности искали себе сотоварищей и союзников не только среди своих современников, зная им цену (точнее, их бесценность); они искали их и в прошлом, и в будущем, то есть, в том числе, и среди нас.

Подлинное общение совершается в молитве и практика молитвы основана на том, чтобы, преодолевая все, что разделяет личности (в том числе время и пространство, обиды, подозрения, корысть и т. д.), отбросив даже все полудрагоценное, обратиться и слышать от сердца к сердцу. Такая чистая, живая беседа лицом к лицу во взаимности глубины одного с глубиной другого, конечно, не похожа на исполнение предписанного правила из нужных, проверенных добрых слов, уготованного для произнесения утром и вечером; не похожа и на вычитку в соответствии с церковным уставом последований, положенных для употребления в определенные моменты жизни. Однако единственная в истинном смысле молитва вырастает именно из упрощенных ученических правил и непонятных горьких канонов, которые сначала помогают больным сердцем поддерживающими процедурами, а немощным жилами зарядкой полезных сил, затем открывают возможность и вовсе поправиться и укрепиться. Как лебедь вырастает из «гадкого утенка», а дерево – из семечка (которое на него поначалу совсем не похоже). Учит, вдохновляя нас, узнав наше прилежание к молитве, Тот, Кто умеет это делать – Бог. Собственно, Бог молится всегда, любая его беседа – это молитва,

любое слово – молитвенно. Христос всегда говорит (молится) только от Своего смиренного и кроткого сердца и со Своим Отцом, и с нами – Его братьями и сестрами. (Он Сам так свидетельствовал о Себе: «Кто слушает слова мои – тот брат Мне, и сестра, и мать».) Для того, чтобы и человек мог встать в правде перед другим, ему тоже придется молиться ему всегда, то есть без перемен доверчиво до беззащитности, с распахнутым и внимающим сердцем стоять перед ним лицом к лицу. Правда (как и молитва) тоже не может перестать быть, кончиться, иначе превратится в ложь, рождающую одиночество. Еще молитву можно представить, как образ подлинно дружеской беседы, которая никогда не будет осквернена никаким предательством, пусть даже самым незначительным. Христианство всегда звало людей научиться тому, что умеет их Учитель во взаимности с другими, как единственно красивому и непреходящему. В силу своего родства с Ним, как детям Его – нам это возможно.

Независимо от нашей позиции напрашивается вывод, что поиск смысла в произведении писателя является одновременно поиском самого писателя, а затем близости с ним, но не в качестве подопытного пациента для проведения различных тестов и анализов, а как с соузником общей жизни. Мы предполагаем, что главное сокровище, скрываемое в книге – это возможность подружиться с ее автором, как, впрочем, и для самого писателя главная награда за книгу – не похвала от читателя, а рожденные ею родственные узы с ним. У писателя (в истинном значении этого слова), владеющего таким сокровищем, даже страх смерти не способен отравить его жизнь, отнимая радости и подчиняя себе его чувства и мысли. А если этот последний враг человека преодолен писателем-исповедником, то он уже обладает даром мужества не прятаться и не отводить глаз при встрече с этой самой смертью, а значит способен донести до нас бездонную глубину своего опыта, которая и определит значимость написанного.

Такое мужество, конечно же, освобождает от всяких прочих страхов, в том числе от зависимости от цензуры и инквизиции, освобождает от обязанности угождать помощникам и доброжелателям и дает дополнительные силы в надежде найти радость во встрече с единомышленником-сотаинником, который прочитает его художественную исповедь не только умом, но и сердцем, скрепив союз благодарностью.

Шанс мал, но награда непомерно велика. Мал, потому что людям, привыкшим к изменам, за исключением осколков чистого разума, трудно сохранить в себе какие-нибудь таланты, которые помогают становиться

друзьями, родными душами с другими, непохожими на них. Мал, потому что почитать главным сокровищем взаимность можно только тогда, когда будут отвергнуты как ложные другие сокровища, а это удавалось в основном редким юродивым, преодолевшим соблазн сластей эгоизма и мучительные терзания гордостью.

Какой вывод для нашего исследования мы можем сделать в итоге предварительной беседы? Разговаривать подтекстами, пряча свои взгляды за расхожие, пошлые формулы человек будет с посторонним. При беседе же с другом невозможно представить, как говорить с ним неискренне, не впрямую, а лукаво-витиевато, предлагая собеседнику гнусную двойственность невызревшего мировоззрения и подлую всеядность совести, разучившейся делать выбор. Многослойность и многозначность, под которой прячется нерешительный или хитрый человек – враг и убийца доверия. Доверия, которое является матерью дружбы и младшей сестрой веры...

(Мак. л.)... А насчет ваших смущений по поводу денежных недостатков скажу вам только то, что у меня никогда не было денег в то время, когда я об них думал. Деньги, как тень или красавица, бегут за нами только тогда, когда мы бежим от них. Кто слишком занят трудом своим, того не может смутить мысль о деньгах, хотя бы даже и на завтрашний день их у него не доставало. Он займет без церемоний у первого попавшегося приятеля. На свете не без добрых людей; тому же, кто занят твердо и деятельно своим делом, тому всякий поможет.

Но ваша картина не потому идет медленно, что вас убивает (даже в начале получаемых денег) мысль, что их не хватит на окончанье, но идет ваша картина медленно потому, что нет подстрекающей силы, которая бы подвинула вас на уверенное и твердое производство. Молите бога об этой силе. И вспомните сие мое слово: пока с вами или, лучше, в вас самих не произойдет того внутреннего события, какое силитесь вы изобразить на вашей картине в лице подвинутых и обращенных словом Иоанна Крестителя, поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Работа ваша соединена с вашим душевным делом. А покуда в душе вашей не будет кистью высшего художника начертана эта картина, потуда не напишется она вашею кистью на холсте. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли. Явление же это совершится в вас вот каким образом. Начнется оно запросом: а что, если бог в самом деле сходил на землю и был человеком и для того окружил земное пребывание свое обстоятельствами, наводящими сомнение и сбивающими

с толку умных людей, чтобы поразить гордящегося умом своим человека и показать ему, как сух, и слеп, и черств его ум, когда стоит одиноко, не вспомоществуемый другими, высшими способностями души и не озаренный светом высшего разума? Это будет началом обращения, концом же его будет то, когда вы не найдете слов ни изумляться, ни восхвалить необъятную мудрость разума, предпринявшего совершить такое дело: явиться в мир в виде беднейшего человека, не имевшего угла, где приклонить гонимую главу свою, несмотря на все совершенство своей человеческой природы. И это будет формальным окончанием вашего обращения. Затем прощайте.

* * *

Это не есть голос, хоть и похоже на голос, ибо оно не двигнуто теми же устами. В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела. И мне кажется это несколько мелочным для поэта. Поэту более следует углублять самую истину, чем препираться об истине. Тогда будет всем видней, в чем дело, и невольно понизятся те, которые теперь ерошатся. Что ни говори, а как напитаться сам сильно и весь существом истины, послышится власть во всяком слове, и против такого слова уже вряд ли найдется противник. Все равно, как от человека, долго пробывшего в комнате, где хранились благоухания, все благоухает, и всякий нос это слышит, так что почти и не нужно много рассказывать о том, какого рода запах он обонял, пробывши в комнате. Друг мой, не увлекайся ничем гневным, а особливо если в нем хоть что-нибудь противоположное той любви, которая вечно должна пребывать в нас. Слово наше должно быть благостно, если оно обращено лично к кому-нибудь из нашей братии. Нужно, чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев против врага людей, а не против самих людей. Да и точно ли так сильно виноваты плохо видящие в том, что они плохо видят? Если ж они точно в том виноваты, то правы ли мы в том, что подносим прямо к их глазам нестерпимое количество света и сердимся на них же за то, что слабое их зрение не может выносить такого сильного блеска? Не лучше ли быть снисходительней и дать им сколько-нибудь рассмотреть и ощупать то, что оглушает их, как громом? Много из них в существе своем люди добрые, но теперь они доведены до того, что им трудно самим, и они упорствуют и задорствуют, потому что иначе нужно им публично самих себя, в лице всего света, назвать дураками. Это не так легко, сам знаешь. А ведь против них большею частию в таком смысле было говорено: «Ваши мысли все ложны. Вы не любите России, вы – предатели ее».

А между тем, ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастью, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые частности распространяют на общее, исключения выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные, во всяком предмете видят тело его, а не дух, и, близоруко руководствуясь аналогией видимого, дерзают произносить свои суждения о том, что духом своим отлично от всего того, с чем они сравнивают его. Следовало бы, по-настоящему, вооружиться противу сих заблуждений, разъять их спокойно и показать их несообразность, но с тем вместе поступить таким образом, чтобы в то же время и тут им самим дать возможность выйти не совсем бесчестно из своего трудного положения. Тогда, кроме того, что многие из них сами обратились бы на истинный путь, но самой публике было бы доступней все это и хоть сколько-нибудь понятней, в чем дело.

Поэт может действовать инстинктивно, потому что в нем пребывает высшая сила слова. Но кто хочет действовать полемически, тут потребна необыкновенная точность, разъятие ясное всего и ощутительное показание, в чем дело. Храни бог тут быть поэтом, как раз будешь сражаться с тенью и воздухом, бросая, вместо ядер, целые беспредельные пространства мыслей, то есть мысли слишком цельные, которые можно истолковать всячески...

(З. У. пр.)... К вере, точнее сказать, к способности верить, мы решили отнести область, открытую для внутреннего зрения человека, а значит, его возможность понимать невидимую составляющую взаимных отношений. Только книжники и фарисеи, во главу угла ставящие закон и порядок (то есть, прежде всего внешность отношений, за которую в обществе могут быть приняты формальное воспитание и формальное образование), сначала заглушили, а потом своим стройным хором, воспев божественные почести выполнению многообразных правил, вовсе отменили эту простую истину. Доскональное знание этикета и добрых традиций вместе с хорошими привычками не делают человека благожелательным. Его жесты и отточенные фразы могут быть приятны, но при этом он совершенно незаметно способен ненавидеть коллегу и презирать товарища, перед которыми он в данную минуту может быть весьма привлекателен и обаятелен. Точно так же и устойчивые навыки доброго церковного поведения могут сопровождаться безразличием, данью привычке и страху перед начальством или скрытой от самого себя неприязнью, которая, например,

исподтишка подталкивает побыстрее выполнить молитвенное правило или, согласно составленному расписанию, подсказывает побыстрее отделяться от добрых дел. Мы способны почувствовать, что при всех ласковых и задушевных словах доброхот желает нам зла (потому что очень хорошо умеем это делать сами). И, напротив, почувствовать нашей совести, что даже за суровыми словами может скрываться доброта и сострадание уже очень трудно (потому что сами не хотим, не умеем так поступать). Вера – это проснувшаяся, прозревшая совесть, которая видит невидимое расположение сердца сначала у себя, а потом (после того, как очистилась) и у других. Намеренно остановим здесь перо, так как объяснять любителям словесности, каким образом можно раскрыть в нас возможности жить верой не является целью данной работы.

Михаилу
Афанасьевичу
Булгакову
посвящается

...имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит.

«Мертвые души» Н. В. Гоголь

ЧАСТЬ I

Глава I. О НАЗВАНИИ РОМАНА (репетиционная)

«Милостивый государь! Проба пера!?»

«Жалобная книга»

Достоин жалости пожелавший объять необъятное.

Возможно из К. Пруtkова

Любой может подтвердить, что начальное волнение не позволяет действовать уверенно и убедительно. Вот и нам для того, чтобы высказаться и быть понятыми прежде необходимо справиться с ним, но на это требуется время. А пока, в качестве пробы голоса, о которой потом хочется забыть нечаянным свидетелям и самому артисту, выскажем несколько предположений, гадательных мнений, от которых впоследствии можем отказаться.

Все составляющие романа Булгакова имеют неразрывную живую связь с его замыслом, это касается уже и самого его названия. Даже первое соприкосновение с ним, тем более произнесение его вслух: «Мастер и Маргарита», – возбуждает любопытство своей необычностью. Ну, представим на минуточку, например, такие романы: «Пастух и Хлоя», «Рыцарь и Дульсинея» или, если на другой вкус, то «Левша и Маруся», «Идиот и Настасья». В этих названиях в первом слове есть что-то типическое, невольно вызывающее обобщения и классификацию по определенным признакам. Приходит мысль, что произведение с названием такого типа будет иметь характер психологического исследования актуальной социальной проблемы, обусловленной вызовами времени. В этом конфликте интересов между определенным типом граждан и конкретной гражданкой могли возникнуть такие произведения как «Путешественник и Пенелопа» (в отдаленные времена), «Подследственный и Соня» (в не столь отдаленные), «Бизнесвумен

и Ерминингельд»* (в ближайшем будущем). Однако третье слово в названии романа, имя собственное, все-таки скорее говорит об описании личных (дружеских или любовных) отношений, а не производственных или общественных. Те и другие встречаются в жизни, в этом нет ничего необычного, но второе слово названия – соединительный союз «и», который должен, казалось бы, объяснять и спланировать, как раз наоборот, запутывает и противопоставляет, совмещая несопоставимое.

Если говорить о русской традиции, то можно заметить еще нечто необычное, обратив внимание на то, что литературные любовные истории имели в своем заглавии имя или указание только на одного героя. «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Обломов», «Анна Каренина» – везде в название вынесен только один персонаж, хотя главной линией этих произведений являются взаимоотношения молодых людей, каждый из которых так или иначе был достоин присутствовать на обложке. С одной стороны, представленные соображения указывают на то, что заглавие романа предупреждает о некоей неопределенности, возникшей от употребления двойных стандартов в одном предложении. Это должно настроить читателя на размышления. С другой стороны, постараемся хотя бы отчасти опровергнуть только что сказанное указанием на то, что Маргарита для литературы и общедоступной истории имя довольно редкое, и тем самым оно вносит некую ясность, благодаря связи с классическими персонажами человеческой культуры. Особое внимание мы уделим женщине с этим именем, которая сделала его нарицательным, благодаря Гете и его знаменитому произведению, включившему в себя ее страстную связь с пытливым ученым. Итак, начнем читать «Мастера и Маргариту» с тем, чтобы проверить наши подозрения.

* Для тех, кто считает памятником письменности книги Нового Завета, напомним, что в них кроме всего прочего запечатлена история двух людей (которую некоторые считают притчей) имеющая собственное название – «О богаче и Лазаре». По невыясненным как следует обстоятельствам, в ней тоже идёт речь и о человеке, потерявшем имя (есть предположение, что ему важны были только положительные эмоции, а не люди, поэтому ему не нужны были их имена, и так он перестал нуждаться в своем имени) и о человеке его сохранившем (по аналогичным мотивам существует мнение, что он страдал от отсутствия общения (был нищ друзьями) и всю жизнь ждал, что его душу кто-нибудь заметит, но оказался не востребован для взаимности среди веселящейся публики, так и не услышав, как его называют по имени. Однако, жажда встречи, в которой призыванием неповторимых имен становятся друзьями, сберегло ему его имя).

Глава II. ОБ ЭПИГРАФАХ

(установочная)

Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он – лжец и отец лжи.

Сын Грома

<...> вы говорите: «мы заключили союз со смертью и с preisподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, – потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя».

Исаия

У значительных писателей велико значение эпиграфа. Он, как притча, вбирает в себя все главные смыслы произведения, одновременно пророчествуя о них и, если хотите, дает человеку очки, через которые можно верно услышать все образное и поэтическое, понять таинственное в том, что он предвещает.

Вера говорит о тайне, как об одной из неотъемлемых частей жизни. Есть живой человек – есть тайна. Есть дружба – есть тайна. Нет тайны в человеке – он покойник. Нет тайны между людьми – они чужие друг другу. Эта тайна не от недостаточного развития науки, или утраты навыков применения шифров, или потере интереса к засекреченным местам хранения. Эта тайна не от запутанности и переусложненности мира, не от нашего невежества и ущербности. Эта тайна от простоты и цельности, от красоты и гармонии, которые живут и потому вечно обновляются, оставаясь непостижимыми. Нам придется воспользоваться специальным термином, чтобы немного пояснить сказанное. Христианство знает, что все, имеющее отношение к бытию, не только внутренне непротиворечиво, но и необходимо во всей совокупности для поддержания жизни. Про это «все» можно искренне сказать, что оно – хорошо. То, что в нашей обыденной обстановке бескомпромиссно воюет друг с другом, в первозданном, здоровом и целостном мире находилось*

* Вне жизни их просто нет. Труп не может быть красив, но может быть чертовски привлекателен.

в благом сочетании, сопутствуя всем жизненным процессам. Это называется антиномией. Покой и движение – у нас они враги, а по отдельности они тоже нежизнеспособны (покой без движения – смерть, движение без покоя – неполноценность, стремящаяся к улучшению). У Бога – не так. Он постоянен, но это постоянство не дурного покоя, а вечного движения. Он, приснодвижущийся в своих отношениях с другим, изливает Себя и принимает в себя другого.

Могущество и непротивление или ненасилие, то есть то, что не угрожает слабому и беззащитному, нежность всесилия, которая не переломит уже надломленной трости. И эти непримиримые в нашем мире качества у Бога сочетаются в единстве, поддерживая живое равновесие жизни. Он всемогущ и мог бы Своим всемогуществом сильно нас прижать, но Он (единственный!) кроток и смирен сердцем, то есть даже в глубине Своей не посягает на волю другого, оставляя его в совершенной свободе.

Еще один пример сочетания несочетаемого: Он богат и необъятно велик, и при этом Он нищ перед другим, который может не поделиться с ним дружбой, и прост настолько, что Его можно назвать ничто, то есть Он исчезнет, если начать давать Ему определения (каждое определение, в конце концов, ограничивает определяемый предмет, делает его конечным). Бог – Дух, но такой Дух, который творит материю. Бог абсолютно свободен, поскольку, где нет свободы, там нет любви (Он Сам свидетельствовал о Себе, что дух дышит, где хочет), но при этом Он никогда не нарушает законы Небесного Царства – заповеди любви и всегда (каждое мгновение) исполняет все Свои слова, ни на йоту не умаляя их.

И, наконец, возвращаясь к таинственности, укажем на антиномию, помогающую уразуметь это понятие. Бог непостижим – это относится к области Его тайны, но Он – постигаем, Он ясен, Он открыт для познания (и жаждет его от нас). Так, Евангелие сохранило слова Сына Божия, что Он никогда не говорил тайно, а старался открыть Себя перед всеми на собраниях церковного или нуждающегося народа. Как и откуда при такой открытости возникает таинственность? Она содержится в отношениях взаимности, которые, обновляясь, не дают себя предугадать. Непознаваемость в этом смысле не отрицательное, а положительное качество, которое открывает возможность познавать всегда и никогда не соскучиться, не остановиться в познании другого, не потерять удивления перед ним.

Мир тьмы, вызванный желанием искать счастья в жизни ради себя, а не ради другого (как это осуществляется в бытии Бога), по привычке пытается воспроизводить, хотя бы в деталях, утраченную жизнь во взаимности. Он ничего не придумывает своего, но его попытки повторить уже существующее приводят к неожиданному результату: появляется нечто, имеющее название оригинала, но представляющее из себя прямую противоположность его. Мы будем не раз приводить примеры того, как законы царства земного имеют схожую внешность в формулировках, но перевертывают законы, которыми живет Царство Небесное (и так подменяют их).

А здесь вспомним слова Христа, постаравшегося открыть нам глаза на то, что высокое на земле низко на Небе, и высокое на Небе низко на земле. Так и таинственность у тьмы – это недомолвки, искажения, подлог. Невозможность узнать правду как раз и охраняет царство тьмы, поскольку раскрытие ее тайны пролитием света на нее обнаружит, что там, где думали увидеть – ничего нет, пустота, ничто (только не Божественное, а опять фальшивое – как отсутствие всяческой реальности). На такой поддельной тайне можно вырастить целую армию служителей тьмы – особо посвященных, которым известны секреты (высшего знания), в отличие от общей темной массы, как некоего вспомогательного материала...

(Мак. л.)...

Мефистофель

Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полу летя, полу скача,
Он свиристит, как саранча.
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дрязги не совал бы носа!

Господь

И это все? Опять ты за свое?
Лишь жалобы да вечное нытье?
Так на земле все для тебя не так?

Мефистофель

Да, господи, там беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

* * *

Пристрастья не питая к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щеки.
Котам нужна живая мышь,
Их мертвою не соблазнишь.
Вы торжество мое поймете,
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака,
Как пресмыкается века
Змея, моя родная тетя.

* * *

Как речь его спокойна и мягка!
Мы ладим, отношений с ним не портя,
Прекрасная черта у старика
Так человечно думать и о черте...

(З. У. пр.)... *Христос своими заповедями подсказывал людям, каким образом живет Он, предлагая желающим разделить с Ним Его жизнь, то есть действовать, следуя законам Его Царства. Он желает узнать нас, стучится к каждому человеку, без усталости, обид и претензий, но одновременно Сам готов открыть Себя нам, согласно заповеди, по которой может произойти это взаимное узнавание: толцывте и отверзетсЯ, стучите и откритсЯ. В Его заповеди-законе дан твердый обет, что наше желание познать всегда будет принято Им и исполнено. Удивительно, парадоксально, но люди не хотят знать Его, а ведь Он назвал*

себя дверью, за которой, между прочим, открывается подлинная жизнь. Они хотели бы знать Его возможности, пользоваться Его богатством, но Им самим тяготятся, и решили для себя, что верить в Него – значит выучить и исполнить положенное по высшему законодательству для того, чтобы их в свободное от веры время никто не беспокоил и не мешал исполнению земных прихотей.

Познание присуще бытию Бога, и человек, приобщаясь к Его жизни, уподобляется Ему в том, что начинает всегда познавать другого и, открываясь, дает познавать и себя. Эти отношения всегда развиваются, удивляя каждого из участников, причем удивление порождает не только иной, непохожий на тебя, но и ты сам, поскольку и в тебе рождается новое и неведомое: вместе с другим, в доброй взаимности, и я становлюсь новым, непохожим на прежнего, таким, каким представить себе не мог. Вот одна из доступных тайн, которая раскрывается в дружбе с другим, открывая неведомого иного и неведомого себя. Такие отношения не закрыты, в них желают делиться общей радостью с иными ближними, никого не отвергая и никого не прячась. С течением времени они не останавливаются в своем развитии, тем более не разрушаются – они живут. Желание узнавать другого и желание рассказывать о себе – признак влюбленности. Там, где отношения стали пусть доброй, но привычкой, там, где двое уже знают друг друга так, что больше нечего узнавать – влюбленность умерла. (Признак влюбленности в жизнь – желание учиться всегда. Если человеку не нравится жить – учиться его не заставишь.)

Тайна отношений состоит и в том, что они неповторимые, особенные, непредсказуемые – в этом их чудесность. Именно подлинные отношения приносят в мир единственное и настоящее неповторимое чудо. В них явление того, что никогда не было, того, чего ни у кого не будет.

Еще тайна хранится в богатстве бытия, сообщаемом реальностью и вечностью. Все временное – исчерпаемо, призрачно, как призрачно и все приукрашенное. Красота таинственна, но истинная красота – это одно из качеств реальности, вернее реальность – это источник красоты.

Встречаясь с чудом, узнавая, переживая его безмерность, человек, конечно, не может выразить, передать его в полноте, а значит, не способен, но может на него указать (повторим: неполное – ложно). Недаром быть и знать – это два разных состояния человека. Бытие сообщает знаниям силу благодатной подлинности, как были благодатными для слушателей слова Христа, которые они сотни раз слышали до Него,

но те оставались при этом только частичками мертвой информации, ничего не сообщая о вере и жизни. Подлинность сообщает отношениям такую красоту и величие, что они становятся невыразимы для нашего языка. Запись апостольских деяний рассказывает нам, что апостол Павел засвидетельствовал неизъяснимость того, что он пережил, будучи восхищен на третье небо; дар глубочайшей дружбы с Богом, которой он удостоился, не может быть выражен в наших глаголах, и, удивительно, эта недосказанность рождает доверие к его рассказу.

Не испытывая память читателей, у которых и без нас множество дел, мы будем иногда приводить цитаты из «Мастера и Маргариты». Итак, роман предваряет эпиграф, взятый из «Фауста» Гете: «...Так кто ж ты, наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Ответчик не называет прямо своего имени, но при этом не остается полным анонимом, так как приводит вместо него как бы отпечатки пальцев (как это бывает на голосовании с неграмотными), некий принцип, по которому можно опознать собеседника при следующей встрече*. Само же высказывание, как нам кажется, для обывателя, склонного к нетривиальным рассуждениям, может показаться правдивым забавным парадоксом.

Метод изложения, используемый ответчиком в эпиграфе, способен поражать размахом претензий и, одновременно, запутывать слушателя фиктивными закономерностями, а для поддержания на должном уровне его интереса в дальнейшем будет развлекать его всякой небывальщиной и сюрпризами пикантной экзотики.

Мы придерживаемся в своем повествовании другой методики, опирающейся на прямо противоположные чувства читателей. Обычное, давно всем известное и понятное – вот на это основание нам бы хотелось водрузить нашу конструкцию из догадок и предположений. Многократные напоминания об одном и том же, но с различных точек для наблюдения, если можно так сказать, показ их в разном орнаменте из условий и обстоятельств, по

* Кто ты – я часть. Вопрос задан для того, чтобы определить личность, ответ – чтобы не дать этому желанию осуществиться. На «кто?» - предлагают «что». Вместо имени для установления взаимности предлагается безымянная характеристика качества бездушного предмета. Задавать лукавый вопрос или ответить лукаво – метод, применяемый теми, кто хочет остаться неопознанным объектом, но добиться присутствия в сфере проживания другого субъекта. Собственно, людей нынче интересует, что перед ними – начальство, богач, красавец или красавица, мудрейшина или профессионал, но только не кто. Их не интересуют личности, то есть люди не рассматриваются как потенциальные друзья в своей инаковости и особенности поэтому им не предлагается, в первую очередь, готовность на единство и взаимность, при этом одновременно во вторую очередь относя их достоинство и достижения.

нашему плану, призваны привлечь внимание читателей с различным темпераментом и характером, заложенным в них с детства.

Мы верим также, что повторение – это не только мать учения, но и способ донести до собеседника смысл, похищенный или забвением, вызванным усталостью от давнего знакомства, или бесчувствием к бесконечно привычному. При этом мы отдаем себе отчет в том, что еще до начала решительного объяснения романа Булгакова потеряем читателей, любящих калейдоскоп новостей и скучающих при встрече с уже когда-то пройденным. Что делать? Это – издержки нашего решения послушно следовать практике текстов Нового Завета, которые на протяжении многих страниц хотят объяснить одну очень простую весть, принесенную на землю Сыном Божиим. Его слово, хорошо понятное детям и юродивым, почему-то не воспринималось подавляющим большинством вольных и невольных слушателей, вне зависимости от того, было оно кратким и ясным, или в форме пространной притчи, или обычного комментария к священному тексту. Не знаменитые и образованные, не высокопоставленные и богатые после длительного досконального изучения Его деятельности, а не умеющие жить, потерявшие честь и совесть, поменявшие свои таланты на серебряники удовольствий, отказавшиеся от свободы ради служения золотому тельцу, пропадающие, гибнущие, но ищущие избавления от своей собственной мерзости не просто поняли (это слишком слабо) – обрадовались, до благодарности, Слову, сошедшему к ним.

От встречи к встрече рассказывал людям Сын, посланный к ним Отцом, о забытой ими жизни, утрата которой привела к смерти, пребывание в которой стало восприниматься как жизнь, хотя и требующая преобразований к лучшему. Биологический процесс, в котором остались некоторые чувства, осколки разума, способные вычитать, складывать, рисовать знаки, а также сохранились репродуктивные функции, позволяющие воспроизводить новые организмы, стал восприниматься как высшая форма существования материи.

Явное превосходство над диким животным миром и домашним скотом развило в человеке тщеславное самомнение, утвердившее его в том, что он является царем природы. Ясно, что царь не может быть мертвецом, а король должен быть одет подобающим его сану образом. Венцом этой теории, которая переросла во всеобщую убежденность (без различия национальностей, классов и полов), стало создание мировой религии, провозглашающей, что окультуренная способность к размножению и есть та самая любовь, которая наполняет высшим смыслом жизнь людей.

Христос обращался и к простецам, и к мудрецам, но начинал Он Свою проповедь всегда с Церкви, которая и была создана для того, чтобы принять посланника, пришедшего из Царства жизни (сшедшего с Небес), имеющего власть вернуть в это Царство желающих ожить. Его слушают священнослужители, учителя веры, учителя закона, которые, казалось бы, должны знать главное о жизни и смерти, знать простую в своей сути истину, до которой не надо дорастать, додумываться, истину, которая была, есть и будет присутствовать (иногда как семя) в каждом человеке, которая является стержнем, хребтом каждого из нас, и без которой нет человека (а есть только возможность человека).

И Его не понимают. Не слышат то, что Он предлагает вспомнить, разбудив спящие сердца. Однако такое нечувствие присуще не только власти имущим. Если отнестись серьезно ко всем словам Иисуса Христа, то среди них окажется Его предупреждение, что Его действительно не только трудно, но и невозможно услышать падшему человеку. «Я говорю о земной жизни, и вы не понимаете; что будет, если Я буду говорить о жизни, которая не отсюда» – в этом обращении к своим ученикам содержится подсказка на смертельную болезнь, которой мы поражены, но которую можно преодолеть. Для нас это не приговор, а возможность понять серьезность нашего положения, в котором мы слыша – не слышим, а значит, не способны почувствовать, вспомнить истинную жизнь и, как следствие, не замечаем царства смерти в себе и в окружающих нас людях...

(Мак. л.)... Расстроенный и телом, и духом пишу к вам. Сильно хотел бы ехать теперь в Петербург, мне это нужно, это я знаю, и при всем том не могу. Никогда так не в пору не подвернулась ко мне болезнь, как теперь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... но Бог с ними, не об болезни, а об цензуре я теперь должен говорить. Удар для меня никак неожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной и в отношении к цели, и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что, кроме одного незначительного места, перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил), – нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он

объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени. Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название: «Мертвые души», закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья». В силу, наконец, мог взять в толк умный президент, что дело идет об ревижских душах. Как только взял он в толк и взяли в толк вместе с ним другие цензоры, что мертвые значит ревижские души, произошла еще большая кутерьма. «Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров. – Этого и по-давно нельзя позволить, хотя бы в рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа, – уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права». Наконец, сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет, что даже нет обыкновенных оплеух, которые раздаются во многих повестях крепостным людям, что здесь совершенно о другом речь, что главное дело основано на смешном недоумении продающих и на тонких хитростях покупателя и на всеобщей ералаше, которую произвела такая странная покупка, что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло.

«Предприятие Чичикова, – стали кричать все, – есть уже уголовное преступление». «Да, впрочем, и автор не оправдывает его», – заметил мой цензор. «Да, не оправдывает! А вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души». Вот какие толки! Это толки цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома. Теперь следуют толки цензоров-европейцев, возвратившихся из-за границы, людей молодых. «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя душа, душа человеческая, она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии, и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет». Это главные пункты, основываясь на которых произошло запрещение рукописи. Я не рассказываю вам о других мелких замечаниях, как-то: в одном месте сказано, что

один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и государь строит в Москве дворец!» — сказал цензор (Каченовский). Тут по поводу завязался у цензоров разговор единственный в мире. Потом произошли другие замечания, которые даже совестно пересказывать, и, наконец, дело кончилось тем, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитет только прочел три или четыре места. Вот вам вся история. Она почти невероятна, а для меня вдобавку подозрительна.

Подобной глупости нельзя предположить в человеке. Цензора не все же глупы до такой степени. Я думаю, что против меня что-нибудь есть. Но дело, между прочим, для меня слишком сурьезно. Из-за их комедий или интриг мне похмелье.

* * *

Вы говорите, что не можете понять ему причины, вы говорите, что несколько раз хотели спросить меня и все останавливались, не решаясь навязываться самому на доверенность. Зачем же вы не спросили? Никогда душевная жажда спросить не должна оставаться в груди. Никогда сердечный вопрос не может быть докучен или не у места. Самое большее было бы то, что я ответил бы вам на это молчанием, но если молчание это светло и выражает спокойствие душевное, то, стало быть, оно уже ответ и ничем другим не мог выразиться этот ответ. А вопрос ваш все-таки был бы мне приятен, потому что он вопрос друга. И что бы мог я вам отвечать? разве произнес бы слова только: Так должно быть! Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас. Что вы нашли во мне похожего на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность, которою дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею? Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков, не разбирая, на лжи или на правде они основаны, или увлечение новизною, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость или живость в мыслях? Разве открыли во мне что-нибудь похожее на фанатизм и жаркое, вдруг рождающееся, увлечение чем-нибудь? И если в душе такого человека, уже по самой природе своей более медлительного и обдумывающего, чем быстрого и торопящегося, который притом хоть сколько-нибудь умудрен и опытом, и жизнью, и познанием людей и света, если в душе такого человека родилась подобная мысль, мысль предпринять это отдаленное путешествие, то, верно, она уже не есть следствие мгновенного порыва, верно, уже слишком благодетельна она, верно, далеко оглянута она, верно, и ум, и душа, и сердце соединились в одно, чтобы послужить такой мысли.

Разве все, что отрывается от земли и земного, не есть уже Христос, разве в любви, сколько-нибудь отделившейся от чувственной любви, уже не слышится мелькнувший край божественной одежды Христа?

Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустее жизнь, в эгоизм и холод облекается все, и никто не верит чудесам, – в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес. Подобно как буря самая сильная настает только тогда, когда тише обыкновенного станет морская поверхность. Душа моя слышит грядущее блаженство и знает, что одного только стремления нашего к нему достаточно, чтобы всевышней милостью бога оно ниспустилось в наши души. Итак, светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастьем. Вот что вам говорит человек, смешавший людей: «Где вас двое, там есть церковь моя». Или никто не слышит сих божественных слов? Только любовь, рожденная землей и привязанная к земле, только чувственная любовь, привязанная к образам человека, к лицу, к видимому, стоящему перед нами человеку, та любовь только не зрит Христа. Зато она временна, подвержена страшным несчастьям и утратам. И да молится вечно человек, чтобы спасли его небесные силы от сей ложной, превратной любви! Но любовь душ – это вечная любовь. Тут нет утраты, нет разлуки, нет несчастий, нет смерти. Прекрасный образ, встреченный на земле, тут утверждается вечно; все, что на земле умирает, то живет здесь вечно, то воскрешается ею, сей любовью, в ней же, в любви, и она бесконечна, как бесконечно небесное блаженство...

*(З. У. пр.)... Подобное воспринимается подобным – это касается всех разнообразных возможностей слышать... Значит, причина этой особой нашей глухоты в том, что орган, призванный своим подобием отозваться на глас с небес для восприятия духовных образов и смыслов, либо тяжело болен (до бесчувствия), либо уже умер, атрофировался. Но именно благодаря душе человек является человеком, а дыхание вечной жизни роднит нас с Всевышним. Зверь стал человеком не в те тысячелетия, когда он сбился в стаю или приспособил палку и камень для работы и охоты, а в то мгновение, когда в него тихо вдунули душу. Какова она?** Она не имеет той плотности, чтобы увидеть глазом, и,

* Однажды этот вопрос взволновал Сталина, и он попытался узнать у архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, при вручении ему Сталинской премии, видел ли Владыка при хирургических операциях у кого-нибудь душу. Святитель Лука ответил, что резал многих, но не только души, но и совести не видел.

в отличие от тела, оживляется не химическими веществами, а духом. Именно благодаря возможности усваивать божественное прикосновение она оказывается способной сделать своего обладателя, вместе с его телом, подобным ее Творцу. Она не может исчезнуть, хотя ею можно торговать, ее можно, растлевая, уменьшать, ее можно усыпить. Более того, она не может переродиться, изменить свою благую природу, но для того, чтобы наследовать вечность, она должна быть не отделена от тела, а быть вместе с ним в одной личности.

К вечной жизни способен человек, как личность, в полноте своих возможностей, часть человека, пусть это даже душа, жить в Царстве небесном не может. Поэтому в вечность люди воскреснут и душой, и телом. (Злые тоже воскреснут, но не в радость, а в муку из-за того, что их выбор предпочел одиночество, отвергнув общение, обрекая на бездействие души, предназначенную для взаимности.)

И все-таки родина души – царство духа и вечность. Но не та дурная вечность, образуемая бесконечной длительностью времени, а та, которая вбирает время в себя, преодолевая его, она – отсутствие времени. Время необходимо для материи, вернее, для возможности ее движения, но когда самодвижущаяся, распадающаяся материя преобразится воскресением и возвратится в состояние подчиненного служения душе и духу, надобность во времени отпадет, и оно само собой упразднится, кончится, в свою очередь возвращаясь в то, что было до начала. «В начале...» – так начинается священный текст Ветхого Завета, что означает совместное творение Богом Ангельского неба, земли (праматерии, из которой шесть дней творился наш мир) и времени. Наш плотской, рациональный ум по своему творению может чувствовать, знать и понимать только то, что существует во времени; ум души – напротив, по своему происхождению может знать, понимать и жить только тем, что принадлежит вечности.

Мир добра прост – это один из признаков, по которому человек определит, к какому царству (тьмы или света) принадлежит то, с чем он столкнулся. Сложность, неопределенность, которая при восприятии переживается, например, как смущение, говорит либо о нечистоте опознаваемого явления, либо о нечистоте слушателя. Не для того, чтобы огорчить, а для того, чтобы предупредить читателей, напомним, что все люди, родственники Адама, обязательно имеют в себе смесь из добра и зла. Именно это является причиной, из-за которой одних знаний для различения двух враждующих стихий недостаточно, нужна мудрость, вернее, премудрость. Обычное состояние человека характеризуется спящим состоянием

его доброй части и активным (хотя, может быть, и бессознательным) проявлением его темного двойника. Некоторые подвижники имели дар видеть этого двойника, некоторые получили дар сопротивляться ему, редкие, решившиеся на постоянное присутствие Бога в своей жизни, принимали дар победить своего двойника (нам хочется напомнить также, что при рождении христианина (его крещении) он получает силу (тоже как дар) наступать на представителей тьмы – демонов, побеждая их, что, конечно не совпадает с широко распространенным убеждением, что вера нужна для защиты от царства зла. Не бегать от зла, а побеждать, изгонять его из того, что желает жизни, призваны христиане. Каждому из них Иисусом Христом вручен этот спасительный дар Его победы над сатаной, и, если человек не находит его в себе, значит, просто он раньше отказался от Спасителя).

Два царства присутствуют в человеке, и мирное сосуществование между ними невозможно. В зависимости от симпатии человека (а значит, его выбора), одно будет расти, а другое уменьшаться. Нельзя служить двум господам, это один из законов, по которому строится невидимая жизнь. Предпочтение человека будет формировать и самого человека, вплоть до внешнего вида, и в свое время его лицо приобретет черты господина, которому он посвятил свою жизнь. Оно станет либо рожей (запечатлеет в себе гримасу зла, потеряв признаки неповторимой личности), либо ликом – истинным образом новой бессмертной личности.

Человеку предоставлена страшная свобода сделать свой выбор в пользу жизни или в пользу смерти. Ужас этой свободы состоит в том, что она зависит только от самого человека и исключает оправдание тем, что кто-то или что-то повлияло на его выбор. Полная и окончательная ответственность перед вечностью лежит исключительно на самом человеке, на его желании, порожденном всем его существом, вплоть до последней глубины сердца.

Время испытывает предварительное решение человека, как бы спрашивая – ты правда хочешь того, что предпочел вчера или позавчера? Этот вопрос иногда прячется за совсем другими отвлекающими словами, например, такими: «Твой господин жесток, глух и бездушен, вот легко доступный господин – он добрее, отзывчивей, щедрее. С ним проще беседовать и результаты ощутимей, его товар приятней, перспективней, слаще. Его отношение гуманней, он не требует сверхусилий от человека, разрешает быть капризным и привередливым, готов предоставить немедленно власть, богатства и другие привлекательные плоды, себя же не навязывает, действует деликатно, не утомляя и не обременяя. Все предлагает в кредит – пользуйся сейчас всем, не скромничай, не ограничивай себя ни в чем, а оплата по счетам далеко, там и разберемся, что ты пообещал взамен и заложил, как гарантию сделки».

У каждого господина есть единомышленники, слуги, хозяйство. Иногда выбор господина происходит не прямо, а от принятия его даров или его послов. Конечно, можно не спрашивать у них и у себя откуда товар, но от отсутствия этого вопроса товар адреса своего не изменит. Человек имеет право отказаться от очного знакомства с благодетелем, прожить не зная, не ведая в единстве с кем он творит свою жизнь, но даже упорное нежелание знать своего дружеского выбора не освобождает от ответственности за этот выбор и его последствия.

Однако, рано или поздно, каждому из нас придется провозгласить свою свободу, и открыто, перед всеми, засвидетельствовать перед лицом каждого субъекта, выбрали мы его в свои неразлучные (на веки вечные) друзья или отказали ему (на веки вечные) во взаимности, вычеркнули из круга своего общения.

Подводя итог сказанному, для выяснения состояния персонажей романа, нам придется выбрать одну из трех возможностей: 1. Осознанное служение тьме, как совершившийся выбор. 2. Состояние неопределенности, метание между двумя противоположностями (иногда длительное, вялотекущее, почти без событий, иногда бурное, сопровождаемое борьбой и сильным внутренним напряжением). 3. Робкий выбор света, принесенного Иисусом Христом, который сопровождается (сообразно с силами человека) сопротивлением злу, действующему внутри самого человека, и поддержанием добра (милосердным отношением) в окружающих грешниках. (Предлагаем читателям сначала самим определить положение всех булгаковских героев в этой классификации, а потом сверить с нашими заключениями.)

Окончательно определиться и выбрать для себя способ существования с другими человек может задолго до того решительного страшного суда, который он совершит над самим собой вместе со всеми сомневающимися из живших на земле. Предавая своему выбору неизменность, постоянство, человек тем самым приводит себя к вечности, преданностью и верностью в выборе преодолевая временное. Отметим, что для нас, пропитанных склонностью к изменчивости, стояние в своем выборе будет восприниматься как необходимость повторять его каждое мгновение, с той же решительностью, как и в самом начале.

Спящей совести кажется, что решение достаточно принять однажды, живая же совесть утверждает этот выбор всегда, никогда не уставая и не сетуя о совершаемом. Именно так человек живет своим выбором, утверждая правду своих решений, делая честным свой путь.

Впервые на земле эта непрерывная протяженность, эта неизменность благого предпочтения была явлена в Сыне Человеческом. Он единственный на земле обладал свободой и мог выбирать, поскольку любая несвобода лишает возможности подлинного выбора, приносимого в целостности и чистоте. Снисхождение Христа к своим чадам на земле имело целью не демонстрацию превосходства над ними, а было поиском возможности поделиться своим богатством, поиском своих наследников. В том числе Он предлагал людям вкушать и радость свободы: «Я пришел сделать вас свободными», но предлагал без угроз и насилия, оставляя и в этом свободу выбора Своим слушателям. Этот выбор определяет способ пребывания с другими и имеет всего лишь две возможности, в которых человек либо предпочитает себя, либо отдает предпочтение другому, отвергаясь себя, своих похотений. В первом случае, известном каждому из нас, избранный способ существования называется эгоизмом или умиранием, во втором, который осуществляется только в другом Царстве (которое не отсюда (как и наша душа)), избирается жизнь как непрерывность личных отношений, бытие как служение друг другу. Поэтому можно утверждать, что Бог там, где есть отношения, там же где отношений нет – нет Бога. Про нее, о том, какая она, жизнь, и где ее найти, пытается рассказать людям Сын Человеческий. Вдруг заинтересуются ею, вдруг понравится и хоть кому-нибудь захочется жить?..

(Мак. л.)... Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей, потому что это – прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей. Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: «иди с нами, сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины, живых проглотим их, как преисподняя, и – целых, как нисходящих в могилу; наберем всякого драгоценного имущества, наполним дома наши добычею; жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас», – сын мой! не ходи в путь с ними, удержи ногу твою от стези их, потому что ноги их бегут ко злу и спешат на пролитие крови. В глазах всех птиц напрасноставляется сеть, а делают засаду для их крови и подстерегают их души. Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им...

(З. У. пр.)... Но нам самим, без чужой подсказки, хорошо известны секреты счастливой жизни, и мы отбиваемся всеми возможными

средствами от Его откровений, чтобы никто не мешал нам овладеть нашим счастьем. От Сына Человеческого нам нужна только помощь в материальном обеспечении наших желаний и вожделений. Нам нужны Его возможности, Его всеисие, как средства в достижении цели, но Он сам нам не нужен. «Помоги и скройся» – так звучит наша просьба к Нему, если ее произнести вслух.

Любовь человеческая может быть направлена либо на себя – себялюбие, с призывом к другим: «люби меня, как я себя», либо на другого – друга, за которого рад положить свою душу. Самолюбие не отрицает других, оно ими пользуется, в дружбе отвергают себя для служения и насыщаются счастьем жизни друга. Мне может нравиться другой, и я буду получать удовольствие от его ума, красоты, неповторимости, а может быть точно наоборот: мне дорог другой, и я постараюсь в тайне от него сделать все, чтобы обрадовать его, умножить его счастье.

Как, каким образом можно под грубой внешностью материального мира разглядеть, воспринять неуловимые для физических приборов желания человека? Что поможет услышать весть, что моему ближнему нравится в данную минуту или весть о том, что ему в эту минуту нужен покой для свидания с Отцом, или ему необходима помощь и защита, поскольку у него кончаются силы в неравной борьбе за жизнь? То в человеке, к чему обращался Иисус Христос, но что не отзывалось на Его призыв – совесть. Глаза видели, уши слышали, а совесть не внимала. Про эту глухоту и слепоту Он настойчиво напоминал людям, а они не верили Ему. Интеллект, разум не способен на дружеские отношения, он способен либо украсить их, либо заменить. Именно эта подмена стала привычной для всех людей, и имя этой болезни – лицемерие.

Способность системы высшей нервной деятельности к рефлексам без участия совести является лукавым (несовершенным) способом познания, немедленно вызывающим лицемерную убежденность в ведении правды без малейшего подозрения на свою неполноценность в области правды, как составляющей невидимого вечного Царства (святости). Можно подумать, что без помощи духов невозможно убедиться в здравии нашей совести и без авторитетного подтверждения мистическими субъектами правдивого восприятия нами духовного мира мы обречены на вечные сомнения, представляющие из себя блуждание слепой души в потемках лжи и недоговоренности.

В мире одиноких людей, который погружен во тьму непонимания, неведения друг друга, справедливые, добрые граждане выступают в защиту

обездоленных собратьев, со слепой совестью, указав на то, что прежде предупреждений и угроз в их адрес им необходимо предоставить бесплатные лекарства (добрых друзей) для преодоления порока окамененного сердца. Однако путь пробуждения совести начинается не с усиленного внимания к окружающим, а с восстановления трезвого отношения к себе. Как у учащегося езде на велосипеде, для того, чтобы он смог двигаться самостоятельно, должно появиться чувство равновесия, которое не может быть объяснено и подготовлено никакой теорией, как не может быть указано место, в котором это чувство пребывает. Так и в отношении внутреннего зрения человек, осваивая поиск равновесия в совместном движении (на путях дружбы) с близкими (иначе он будет сваливаться в крайности налево (нерадения) или направо (избыточного рвения), вдобавок, проверяя постоянно свою честность (как в машине для работы необходима исправность всех деталей, так в человеке для совместной жизни необходимо постоянное исполнение всех избранных им принципов взаимности), почувствует, поймет нутром, оживив свою совесть, которая, возвратив способность видеть себя, одновременно сможет видеть других. Это общий, непреложный для всех аспектов православной веры закон: сначала человек меняет себя, а потом остальной мир. (Тут мы можем подбодрить энтузиастов – это самый короткий и действенный путь преобразования человечества к лучшему. По словам одного преподобного монаха, если человек стяжает в душе мир, то вокруг спасутся тысячи людей.)*

В какой-то мере отсутствие зрения может быть компенсировано обостренным слухом или утонченным осязанием для того, чтобы не погибнуть в уже приспособленной для зрячего человека среде. Однако есть области, доступные только для познания человеческими очами, без возможности замены, и, подобно этому, в невидимом имеются объекты для наблюдения, улавливаемые только совестью.

Нам легко представить ситуацию, когда совести нет, и при этом условии можно наткнуться на множество трудноразрешимых проблем. Например, как мне сохранить равенство и независимость в дружбе, чтобы не разрушить ее своим превозношением или унижением? У кого спросить, был ли я с другом щедр до конца или чуточку экономил, откладывал только для себя дефицитное или неделимое на нескольких? (Опытный взгляд, к тому же, знает, что щедрость может уклониться не только в скупость, но и в слепую расточительность.)

* Сколько таких людей вы встретили – столько христиан вы видели.

Кто скажет, готов ли я открыться ближнему или мне нужно что-то скрывать от него, всегда ли доверяю ему или иногда приходится перепроверять его слова, прогоняя сомнения? Как узнать свои возможности, потолок сил, чтобы не обмануться в мере своих талантов, потеряв их либо бездействием, либо надламывающим перенапряжением? Эти и подобные вопросы могут быть осложнены переменой обстоятельств, например, они имеют разные ответы во время отдыха и во время трудов. Вообще, есть ли в нас что-нибудь, что не требует перерыва для передышки и расслабления, а может, для накопления сил, и как определить срок, когда следует настроить себя на новые свершения или неотложно позаботиться об избавлении от накопившегося на сердце зла?

Есть еще одна необходимая для творения дружбы весть, звучащая не в отдельный и крайний момент, а всегда, как постоянное свидетельство живой взаимности: весть о том, что я не нарушаю свободу другого (не обязательно грубо, а всего лишь постоянным ожиданием от него добра, которое не дает ему возможности беспрепятственно поступать вопреки моим надеждам и не только угрозой мести с моей стороны, но и наличием легкого сожаления о полученном отказе), которая может ущемляться излишним навязчивым вниманием или заботой, наконец, отсутствием готовности выполнить просьбу оставить его в покое, дать передышку от себя.

Для осуществления подлинного единства с другим, человеку необходима весть и о том, что его собственная свобода не нарушена им самим, например, привычкой быть любезным, страхом обидеть и потерять, или отсутствием веры в то, что он может быть нужен, даже если предстанет самим собой, таким, как есть, без прикрас. Вне свободы дружба невозможна (хотя возможна видимость ее), причем, прежде всего, без свободы внутри себя, в мыслях и чувствах. А как узнать нам, что наше отношение честное, равное ко всем, без предпочтений и пренебрежений (с учетом того, что каждая личность неповторимо особенна, то есть все люди разные и по-разному переживаются нами), а в случае ошибки в отношениях кто подскажет, что наша честность нарушена и мы совершаем поступки, как злостные коррупционеры, исходя из своих симпатий или антипатий?

Еще одним возможным последствием слепоты совести является склонность человека к погружению в покаянные переживания (иногда доходящих до отчаяния), вызванных мелкими (иногда вымышленными)

поступочками, совершенно не обращая внимания на жестокие преступления (на которые хором указывают окружающие). Но как, с чьей помощью заметить и понять свою комическую и позорную любовь к отцеживанию комаров и поглощению верблюдов? (Если кто-то не верит в совесть, то никак).

Еще одна задача, с которой не может справиться интеллект человека, а для разрешения которой нужна живая совесть – это необходимость понимать себя сейчас, а не себя в прошлом, для чего мы обычно проводим многосторонний анализ, используя память и необходимый запас времени. Еще совесть обладает особым родом честности, не позволяющим лгать себе и другому, который состоит в контроле над целостностью человека. Значение слова «целый» подзабыто в наше время и требует пояснений. Целостность – широкое понятие, которое в высшем смысле включает, во-первых, всю полноту состава и возможностей самого человека, а во-вторых, всю возможную полноту единства человека с остальным миром (Богом, ангелами, всеми людьми и всем творением).

Следуя указанному ранее порядку, напомним, что целостность в нас может быть нарушена, когда в процессе жизнедеятельности всего лишь некоторые наши составляющие чуть выпячиваются (подобно флюсу), а некоторые чуть отстают. Примеры потери цельности: ум может действовать на полную мощь и быть даже чересчур разгоряченным, а чувства при этом будут спать по причине усталости тела или, наоборот, плоть возбуждена и бодрится пуще разума (так бывает, когда требования и переживания, вызванные активностью гормонов или желудка, заглушают голос мысли).

Потенциал возможностей человека может быть значительно снижен, а то и вовсе утрачен, в связи с уменьшением или потерей жизненного интереса к сущему. Поэтому, когда мы будем чуть тепловаты или даже холодны, совсем утратив аппетит к тому, что происходит вокруг нас, наши действия станут спокойно-равнодушными, мертвенно-рефлексивными, хотя внешне они и будут сопровождаться выражением привычных жизнеутверждающих эмоций. (Отработка номера с улыбкой на лице и кукишем за пазухой.)

Не только сознательное притворство способно изготовить подмену. Организм человека устроен таким образом, что какой-либо недостаток у себя он восполняет увеличением нагрузки на здоровые органы. В душевной деятельности также один навык может в общих чертах

моделировать другой, как бы заменяя его. Так, недостаток чувств при общении у умника может быть восполнен при помощи пронизательности, основанной на наблюдательности, хитрости и изощренной рассудительности. Возможно усиление эмоций в человеке и в случае изменения его внутренних мотиваций, например, они способны возрастая до высоких уровней (таких, как торжество и глубокое удовлетворение) в результате достижения цели, заменяя при этом вынужденную утрату желания творить, а вместе с ним утрату смысла (пусть даже частичного) своего существования. (Именно поэтому православие считает, что главные желания, цели и смыслы у человека должны быть укоренены в вечности, иначе при их достижении или осуществлении в конкретное время остаток земной жизни будет кошмаром пустоты, который затем продолжится в вечности.)

Нарушение или отсутствие гармонии единства всех составляющих в человеке, или, иначе говоря, утрата целостности и простоты уже является ложью перед другими и перед собой, отпадением от правды образа своего естества и совершенства. Только в равноправной совокупности и полноте наших сил мы можем быть честными — иначе человек перестает быть самим собой (первозданным) и не способен как прежде в полноте и первозданности принимать мир. Его око, как орган богоподобной личности, искажается, становится лукавым, немедленно превращая своего хозяина в лицемера.

Лицемерие начинается при восприятии, а в поступках человека оно лишь обнаруживает себя, изливаясь на окружающих (по этому поводу сказано, что от избытка сердца говорят уста). У нас будет повод еще раз вернуться к теме лицемерия, а сейчас приведем пример грубой, а поэтому самой заметной из тысячи его разновидностей и подвидов. Это распространенная форма лукавства, в которой гримаса на лице приветлива, льстивые слова на устах приятны, а все остальное под одеждой и кожей враждебно обольщаемому партнеру.

Несмотря на очевидность процесса, только совесть может во время подсказать обольстителю и его жертве в режиме реального времени, что произошло нарушение честности в их отношениях из-за потери одним из них здорового внутреннего единства. Нам кажется необходимым удержат всех лицемеров от отчаяния из-за того, что им недоступны доверительные дружеские отношения, у них сохраняется возможность возвращения к ним при наличии надежды ожить, также, как заразный больной может сохранять здоровье окружающих, по собственной воле

ограничивая контакты с ними, так и человек, утратив целомудрие (заболев лицемерием), опираясь на свою совесть, может благородно оберегать окружающих от своей лжи своевременным предупреждением о своем хроническом недуге души...

(Мак. л.)... Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей, тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя, дабы спасти тебя от пути злого, от человека, говорящего ложь, от тех, которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы; от тех, которые радуются, делая зло, восхищаются злым развратом, которых пути кривы, и которые блуждают на стезях своих; дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои, которая оставила руководителя юности своей и забыла завет Бога своего. Дом ее ведет к смерти, и стези ее – к мертвецам; никто из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни.

* * *

Сын мой! не упускай их из глаз твоих; храни здравомыслие и рассудительность, и они будут жизнью для души твоей и украшением для шеи твоей. Тогда безопасно пойдешь по пути твоему, и нога твоя не споткнется. Когда ляжешь спать, – не будешь бояться; и когда уснешь, – сон твой приятен будет. Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придет; потому что Господь будет упованием твоим и сохранит ногу твою от уловления...

(З. У. пр.)... *В отношении другой стороны целостности человека – единства с окружающим миром в состоянии, в котором пребывают современные люди, – может показаться безумием само предположение, что кто-то может быть един со мной, если только он не присвоен силой и властью или не подкуплен. Однако человек был сотворен уже в единстве с другими, оно естественно ему изначально и является простым признаком здоровья души, здоровья, без которого не может быть подлинного счастья.*

Для полноценной жизни необходима нераздельная соединенность по крайней мере двух личностей, при которой не теряется неповторимость и особенность каждой из них. Другие могут быть в нас, также, как и мы в других, как неотъемлемые части, без которых каждый станет непохожим на самого себя, не настоящим – ущербным, неполноценным, ложью и карикатурой на свою подлинную личность.

При утрате взаимности человек теряет свою идентичность и становится обычным, похожим на других, подобных себе лишенцев, сохраняя свою инаковость лишь как возможность или как призрак – в индивидуальности, хранящейся в особенностях(пусть и неповторимых) своих внешних качеств и признаков, присущих данному организму, который с наступлением смерти утратит эти признаки в неизбежном разложении тела до состояния полуорганической смеси, до слияния с почвой, с землей.

Мы можем подойти к человеку с полным набором добрых намерений, относясь к нему, как к чужому, но к нему же можно подойти, как к родному, по отношению к которому нет никакой расчетливости, но все наше – его, по его первому желанию, в любое время дня и ночи. Ведать это единство-родство, в котором горе и радость другого – мои, не на расстоянии, а внутри, как свои, может только совесть, и сообщать, когда эта целостность нарушена и начинается ложь двойственных отношений к себе и к другому, может тоже только она.

Вообще ведение всякой меры в личных отношениях опять же можно сравнить с работой вестибулярного аппарата по поддержанию равновесия велосипедиста, с тем усложняющим дополнением, когда ему на плечи садится еще один человек, совершающий непредсказуемые движения (теперь представьте сначала, как трудно будет учиться езде с седоком на шее, а только потом – с седоком на совести).

Любое отклонение в отношениях с близкими в сторону строгости или распушенности, легкомыслия или серьезности, привязанности или отчужденности – это потеря узкого, тесного пути взаимной дружбы, как утрата скрупулезной честности, без которой немедленно начинается ложь. Одна совесть способна поддерживать чистое дыхание жизни, и только она одна способна заметить (и преодолеть) подмену ее на фальшивку, искусную подделку. Совесть имеет еще более чуткое устройство в себе, способное уловить внезапное изменение интенсивности жизни ближнего, благодаря которому, вслед за этими изменениями, мы, для поддержания взаимности, должны повышать или понижать накал собственных возможностей, чувств и ума по отношению к нему для сохранения равновесия в отношениях. Иначе мы рискуем задушить его своей добротой, когда он ослабел, или оскорбить теплохладностью, когда он горит, испытывая прилив сил.

Замечу, что это качество – знать другого, – даже в те моменты, когда он сам себя потерял и не понимает, выявлять среди хаоса его

блажую волю и исполнять ее, при этом оставаясь соразмерным с силами другого, конечно, есть у Бога. И в случае, когда мы бываем ранены, почти без жизненных сил, Он относится к нам так бережливо, так чутко, что Сам дышит в меру нашего дыхания, не надламывая уже переломленной прости и не задувая гаснущую в нас искру жизни.

Причина, по которой совесть обладает многими способностями в невидимом мире, проста: она результат дыхания всеведущего Бога. А Ему все доступно, Он везде, Он всегда. Раскрывая в себе, понимая свою душу, можно узнать, каков Бог, а если кто-то сможет довериться рассказам Бога о Себе, по ним можно узнать, какова она, что может наша душа; а вслед за этим, после того как к ней присоединится преображенное тело, и мы станем цельными, можно узнать Его замысел о нас, и кем мы можем быть для Него. (Заметим по ходу дела, что, если человек не знает, не чувствует своей души, он не способен догадаться, что есть Бог. Более того, он будет абсолютно убежден, что Его нет и быть не может.)

Как ведает и как предведает Бог, так и мы подобным образом можем знать другого еще до земной встречи с ним. Это не значит, что его не обязательно встречать, нет, но после встречи, которая позволит узнать его полнее всеми нашими силами, мы непременно убедимся в том, что этого человека уже давно начали узнавать, и вот теперь предведение ожидания совпало с наблюдаемым, и мы ясно видим его перед нами и в себе одним и тем же.

Может быть, не все христиане услышали, но Сыном Человеческим сказано было им всем, без исключения, что Держава Бога, Царство Небесное, то есть Он Сам внутри нас есть. Для цельных людей это было очевидным, но для слушателей пилатовых времен и для нас, продвинутых, это утверждение – сокрушающий удар, от которого хочется защититься всеми возможными средствами, а не принять, как драгоценный подарок. Самый простой способ не слышать этого откровения – спрятаться под личину невежества, обусловленную объективными причинами: собственной неполноценностью, дурной средой и эпохой, плохими учителями с ущербной программой в школе, а более всего многочисленными примерами отвратительнейших поступков лицемерных христиан, в которых невозможно разглядеть не только следа их знакомства с Богом, но и заподозрить первоначальное знание и понимание ими человеческой души.

По причине того, что внутри человека может жить Бог, в нем могут жить и все люди, которых знает Бог, то есть все, которые были,

есть и будут после нас. Это, между тем, позволяет любому человеку избавиться от нежелательных личностей, не обязательно покинув их или убив их своей рукой, но всего лишь стерев, заглушив их внутри себя. Ясно, что изначальное присутствие в нас других может быть бременем неудобноносимым. При назойливых мыслях об обязанностях перед ними груз общения с ближними может увеличиться до невыносимо тяжелого, превращая жизнь в сплошную муку.

В откровении Христа есть и другая, ускользающая от нас, гордецов, радостная весть, порожденная этим законом: мы можем полноценно жить в другом, в его вечной душе. Именно о такой возможности, но уже осуществленной, говорил Сын Человеческий: «Я в Отце и Отец во Мне», и нам предлагал: «И вы, если захотите, во Мне будете, как и Я в вас».

По этой же причине Он говорил людям, горячо верящим в то, что все в мире может быть сведено только к фактам, к исключительно внешним формальностям, чтобы они, испытав себя, убедились, что не обязательно незаконное желание доводить до темного факта биографии, но достаточно для совершения греха предоставить ему сердце. Например, сластолюбивое принятие чьего-либо образа в своем сердце уже является прелюбодеянием, если угодно – воровством чужого достояния.

Душа, оживляемая вдохновением, то есть принятием духа, приобретает всю полноту бытия Того, кто является Духом. Одиночество же оставляет ее безжизненной, и только инерция тела позволяет человеку демонстрировать плохую копию с жизни, оставаясь грубой подделкой под нее, постепенно теряя силы, растрачиваемые на поддержание этой видимости.

Напомним еще раз, что заповеди-законы жизни одинаково действуют во всех людях, поэтому, если два любых лица вдохновлены на дружбу, не имеющую пределов, то по непреложному слову Сына Человеческого, Он будет посреди них, скрепляя, умножая их единство и участвуя в нем. На этом пир взаимности не замкнется, а обязательно включит в себя всех избранных, позванных Благой Вестью на него, благодаря чему он станет со временем полным и совершенным брачным пиром всеобщего Царства.

Свои отношения с Отцом с Неба принес на землю Сын. Собственно, это то, что единственно составляет богатство Бога, это то, чем единственно обладает Бог. Верно и обратное: там, где нет отношений, нет взаимности – нет Бога. Все, сотворенное Им, тоже имеет ценность

только в том случае, если оно включено в отношения: с одной стороны, как дар приносимый, с другой – как дар принимаемый. Все люди призваны осуществить дружбу и так стать лицами, приобщенными к вечности, неповторимыми личностями, украшающими друг друга и все вокруг себя чудом непредсказуемой взаимности.

Подобно своему Творцу, человек может родиться и состояться только в отношениях с иным, и только подлинные, действительные отношения имеют право называться (истинной) жизнью. Без отношений он робот на батарейках, раб микросхем, в рамках которых он будет действовать, затухая до остановки по правилам, установленным бездушной материей. Все, что было сказано Богом человечеству, – это откровение об отношениях с Ним, о тех условиях, в которых они возможны, о признаках присутствия взаимности, о повадках лукавого двойника взаимности, а также о средствах сохранения единства и условиях его разрушения с живописными картинами того, к чему это предательство единства приводит.

Главным в Вести, исходящей с Небес, было не свидетельство о зле, а о тех путях, которыми смогут спастись изменники и убийцы своих друзей, указание на Того, Кто может открыть двери к этим путям и сберечь на них от разбойников. Более подробные сведения о созидании и разрушении жизни мы раскроем в процессе обсуждения романа. Сейчас же, по возможности кратко, перечислим некоторые действия, убивающие взаимность. Подлинность взаимности утверждается ее полнотой и совершенством, поэтому даже малейшее, мельчайшее нарушение этих ее качеств уже является изменой и убивает ее. Действия, ослабляющие дружеские узы, называются грехом, и он уже является смертью (не имеющие тела бесплотные силы, согрешив, немедленно навечно погибли, стали силами зла), и только земные традиции человеческого общества, вытеснившие знания небесные, почитают смертью момент прекращения жизнедеятельности (обменных процессов) организма. Вера же говорит, что с утратой организма у человека общение может продолжаться (общение сохраняется со святыми и людьми, любимыми при жизни). И даже была одна смерть, которая несла и несет в себе необыкновенную жизненную силу возвращать из смерти одиночества к общению всех грешников, выводить из ада оставленности и воскрешать, казалось бы, безвозвратно ушедших в кромешную тьму.

Какие поступки убивают взаимность? Внешность их может быть различной (хотя, конечно, встречаются однотипные, как под копирку,

предательства), но важна не внешность, так как за одной и той же личиной (например, овечьей шкурой) может находиться жизнь, а может скрываться и смерть. Наиболее распространенной формой предательства является поцелуй, в котором демонстрируют доброе отношение и уважение, но при этом не беспокоятся о том, чтобы не принести вреда жертве своей мнимой любви. На своей главной службе честные христиане даже обещают, что никогда не будут демонстрировать свою любовь к Богу (это и есть целование), пока не уверятся, что никогда, ни при каких обстоятельствах не отступят от нее ни на йоту, как отступил от нее вместе с целованием Друга Иуда.

Противоположным проявлением этого вида подлога является весьма при-
скорбная ситуация, в которой слабый, раненый грехом человек искренне желает проявить себя со светлой стороны, но дурные привычки, помраченные воля и ум не позволяют это намерение довести до дела, результат которого всем будет очевиден и понятен. Все у него получается неловко и нелепо, как у ребенка, у которого не слушаются руки, так что сторонний взгляд увидит только безобразие и вредительство с его стороны, а главное и определяющее – благое движение сердца – будет не узнано, и затем оплевано и оклеветано гневом и раздражением на мнимого негодяя. Новозаветные книги христиан рассказывают, что только Спаситель умел видеть и доверять искре добра в глубине сердца грешника, и даже Его ученики, увлеченные праведностью и принципиальностью в исполнении закона, были готовы изгнать и наказать тех, кто в своей сокровенной глубине уже отказался от зла, но не успел научиться жить этим решением всем своими силами, всем своим существом.

Предательство совершается в тот момент, когда своя воля (обусловленная желанием и ложным пониманием жизни) становится важнее, значимее воли ближнего. Легкое ослабление внимания к чаяниям друга в пользу своих нужд – уже измена, хотя еще не было ни слов, ни дел, рожденных этим предательством. Чем заменяется взаимность – легким отдыхом от дружбы под лицемерной маской доброжелательности или питательным обедом в райском саду мечтательных фантазий, – не важно. Правда отношений, истинная связь доверий, нераздельная слитность разных, с радостью о другом и благодарностью за подаренную жизнь, исчезают, освобождая место для универсального ничто, пустоте в прекрасных одеждах общечеловеческих ценностей.

Пресекается, рвется нить жизни, оставляя покойника в рабстве у смерти, в бессилии к добру и теперь ему своими силами эту нить не

*связать. Он может цепляться за утраченное, звать его, помнить его, – в этом случае жизнь не будет быстро угасать, но все-таки обязательно вытечет через смертельные раны разорванных отношений, нанесенные изменой...**

* Для наиболее любознательных мы сделаем небольшое историческое отступление, только косвенно связанное с романом Булгакова. Именно выбор главным своим врагом самости и главным своим сокровищем другого подвело христиан к необходимости опытно овладеть принципом отречения от себя и подчинения своей воле воле другого. Воплощение желания честной жизни по вере привело к основанию монашества в IV веке, поскольку открытое исповедание себя христианином уже не только не сулило угроз для жизни, но зачастую могло принести пользу для карьерного роста, опираясь на поддержку императоров, симпатизировавших христианству начиная с Константина Великого.

Отказ от брака, ежедневное чтение больших молитвенных правил, жизнь в монастыре и пустынях, регулярное посещение богослужений, особое облачение, отказ от собственности – это все лишь вспомогательные признаки монашества, лишь средства к достижению цели. Главным, определяющим путь монаха деланием было следование новой заповеди жизни – жертвенного служения другим, принесенной на землю Христом. Нужно было учиться слышать-понимать свою волю (которая может, например, прятаться под маской благородных целей и добрых пожеланий, лестью скрывая их истинные источники от самого носителя этих целей и желаний), а также волю своих ближних (и это слышание должно быть таким же ясным и естественным, как слышание себя, и таким же чутким, вплоть до бессловесного созерцания). Это начало монашеского делания, которое впоследствии должно стать действительным радостным предпочтением чужой воли своей (что соответствует честному произнесению молитвы: «да будет воля Твоя»). Путь монаха (впрочем, как и каждого христианина) лежит от подневольного трудничества в послушании старшим до свободного служения ближним в блаженстве, как это было открыто в Его жизни с людьми Сыном Божиим. Став Сыном Человеческим, Он искал в людях добрую волю в желании вернуться от умирания к жизни, полагая свою душу за грешников, вплоть до собственной смерти на кресте.

Держава смерти, которую пытаются создать силы зла и населить ее людьми, попавшими к ним в зависимость, не имеет собственного лица и поэтому она вынуждена подделываться во всех своих проявлениях под царство жизни, стараясь обманом приобрести тех, кто пока только ищет его. Существует свой перевертыш, своя карикатура и на упомянутое монашеское делание, которое называется трезвением (когда человек в ясном уме и духе понимает себя и других, открывая возможность служить им, не принося вреда). В земном обиходе есть типы поведения, при которых люди также отказываются от своей воли, только причины и движущие силы здесь иные. Примером может служить скучное, из-за бесконечной повторяемости, чрезмерное употребление вина (или любого веселящего заменителя его в виде зрелищ или поприщ), которое вызывает потерю памяти у делателя. Упиваясь, он передает себя в заботливые руки кукловодов, устраивающих с ним и для него занимательные представления.

Отличие этого делания от монашеского в том, что делатель не помнит, чью волю, как и сколько раз он исполнял. В этом одна из противоположностей светлого и темного мира – первый всегда хочет назвать свое имя и рассказать о себе, второй – всегда хочет действовать исподтишка, либо делая вид, что его нет вовсе, либо маскируясь, например, под кличку или чужим именем. Если ему и приходится свидетельствовать о себе, то он обязательно сообщит что-то туманно-расплывчатое, или неполное, если не считать случаев грубого наглого вранья. Пьян тот, кто слушает этот шум, излучаемый хаосом, принимая его за музыку жизни, за чистый голос бытия. Продолжение нетрезвого

(Мак. л.)... Сын мой! если ты мудр, то мудр для себя и для ближних твоих; и если буен, то один потерпишь. Кто утверждается на лжи, тот па-сет ветры, тот гоняется за птицами летающими: ибо он оставил пути своего виноградника и блуждает по тропинкам поля своего; проходит чрез безводную пустыню и землю, обреченную на жажду; собирает руками бесплодие. Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города, чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями: «кто глуп, обратись сюда!» и скудоумному сказала она: «воды краденые сладки, и утаенный хлеб приятен». И он не знает, что мертвецы там, и что в глубине преисподней зазванные ею. Но ты отскочи, не медли на месте, не останавливай взгляда твоего на ней; ибо таким образом ты пройдешь воду чужую. От воды чужой удаляйся, и из источника чужого не пей, чтобы пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни. Праведность ведет к жизни, а стремящийся к злу стремится к смерти своей. Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и – безрассудная. Злое наказание – уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет. Преисподняя и Абаддон открыты пред Господом, тем более сердца сынов человеческих. Не любит распутный обличающих его, и к мудрым не пойдет.

путешествия проходит в условиях, когда воля алчущего полностью парализована и человек оказывается в полной зависимости от прихотей своего благодетеля, подающего вожделенный напиток. Привязанность к дурману становится всеобъемлющей, включая желательную деятельность сердца человека. Вне состояния опьянения (с его ослаблением или окончанием) свет оказывается не мил и даже невыносим, и только пьяное забвение опять приносит и удовольствие, и избавление от гнетущих проблем, а также от себя и от людей. Вступает в свои временные права приятная, прелестная жизнь, вызванная и утвержденная винными парами, причем отрезки райского состояния, в которых одурманенному беглецу от проблем дается передышка в виде воли и покоя, с каждым разом становится короче, а количество потребляемого топлива растет. Наслаждение расчетливо разоряет, грабит своих подданных, сначала испытывая их похмелем, а затем предлагая им все более высокую цену за свой приход. И когда, в свое время, оно убедится, что можно получить согласие на любую цену, требует поставить на кон душу. В результате совершения этой сделки покупатель счастья становится банкротом, и никто ему уже не подаст в его нужде даже свиного поила. Безграничное рабство, замешанное на беспомощности добыть дозу, очень похоже на вывернутую наизнанку преданность, не способную на измену, позволяет кукловодам открыто появиться перед подопечным без риска потерять его, в результате прозрения. Большинство людей, испробовавших белую горячку, независимо от возраста, национальности и вероисповедания сообщают об этих посетителях, срывающих с себя маску неизвестности, совершенно одинаковые сведения, сопровождая их рисунками типичных страшилищ под названием черти. В своем описании словами и образами оба упомянутых пути похожи, в основе каждого – самоотверженное служение воле другого, только конечные пункты странствий и плоды у них разные.

Сын мой! отдай сердце твое мне, и глаза твои да наблюдают пути мои, потому что блудница – глубокая пропасть, и чужая жена – тесный колодезь; она, как разбойник, сидит в засаде и умножает между людьми законопреступников. У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид; глаза твои будут смотреть на чужих жен, и сердце твое заговорит развратное, и ты будешь, как спящий среди моря и как спящий на верху мачты. И скажешь: «били меня, мне не было больно; толкали меня, я не чувствовал. Когда проснусь, опять буду искать того же»...

(З. У. пр.)... *Ткань, питающая жизнь, перестает быть целой, и только инерция, свойственная материи отодвигает до времени видимый конец тела. Предав другого и тем самым убив в себе жизнь, человек через некоторое время начинает забывать ее, существуя по законам, отрицающим ее. Он все больше сосредотачивается на своем эгоистическом счастье (счастье другого перестает быть ощутимым, значимым, и предатель уже не может осчастливиться им*) и начинает понимать другого как сырьевой придаток для фабрики своих удовольствий.*

Исчерпав ресурсы ближнего за время пока он добровольно соглашался использовать себя как вспомогательное средство, наступит период, когда тот станет подвергаться грабежу и насилию с принуждением к выполнению чужой (нашей) воли. Однажды ограбленный (тайно убитый) нами ближний станет объектом наших мстительных (за неосуществленные с ним мечты) истязаний, вплоть до полного уничтожения (без возможности увидеть в нем хоть что-нибудь привлекательное), включая и физическое (от высказанных слов, унижающих человеческое достоинство, до плевков и побоев). Мы сами включаемся в помощники смерти и собственноручно помогаем ей побыстрее делать свое дело.

Теперь необходимо привести небольшую справку относительно участия духов, не имеющих тела, в борьбе людей со смертью. В те отдаленные времена, когда человек еще не появился на земле, бесплотные создания (силы) разделились на тех, кто захотел, соизволил быть в общности с Творцом и Его творением, и тех, кто предпочел гордое состояние

* Поэтому пожелание того, что у другого – зависть – всего лишь признак уже наступившей смерти.

божества, которому никто не нужен. Свое внимание мы целиком уделим вторым, поскольку в романе Булгакова явно присутствуют представители только этого отряда. Ангелы, пожелавшие отделиться от единства, осуществляемого в общении, стали коллективом падших демонов, для которых все светлое, дружеское вызывает нестерпимую муку, приносимую болью от зависти. Они, однажды сделав выбор не в пользу взаимности, навсегда потеряли способность к жизни, их смерть сразу стала окончательной, и далее они, оставаясь безжизненными, только совершенствуются в методах ловли и увлечения вслед за собой в область смертной тьмы новых и новых коллег с земли.

Падшие существа не могут сами убить душу другого, они не хозяева его жизни и смерти, поскольку убивает только личный выбор человека. И никто, даже Бог, не может вмешаться в него, нарушая свободу личности. Только собственный вольный отказ от личных отношений в пользу чего-либо другого, объективного, останавливает жизнь, рвет ее нить. Никакие другие обстоятельства, и в том числе прекращение жизнедеятельности физического тела субъекта, не может разрушить взаимные отношения, они всегда есть совокупность двух желаний навстречу друг другу, решимости душ, не подвластных времени, так что смерть тела не способна разрушить единство двух друзей, они вместе, ныне и присно.

В дружбе объективность подчинена субъективности, воля и решимость каждого – единственные господа этого невидимого чуда света. Духи тьмы могут повернуть лицо человека в сторону смерти, обманув, напугав, обольстив любым из бесчисленных способов, объединенных одним названием – соблазн. Дело свободы каждого, столкнувшегося с ними, соблазниться или нет. Но только раз, только однажды соблазнившись, личность теряет право выбирать, как потеряли его демоны, которые абсолютно несвободны, имея возможность делать только зло.

На самом деле, с точки зрения бытия, их нет – они находятся вне жизни и проявляют себя только тем, что стараются растлить, умалить жизнь вокруг себя, похитить чужое, которое, однако, не в силах присвоить и удержать. Демоны – это духи, в которых полностью отсутствует свет отношений, то есть знание другого, отсутствует вообще возможность иметь что-либо общее с кем-либо. В этом смысле они называются духами тьмы, то есть совершенно пустыми, без признаков света, одинокими субъектами. Они внешние, то есть чуждые всему живому без исключения, пребывающие вне жизни. Однако это

такие тени, которые могут молниеносно перемещаться в мире поднебесном (физическом) и обладают подавляющей силой по отношению к людям, раненым смертью и подпавшим под их власть (власть страха, власть лжи, власть небытия). Они способны изобретательно проявлять себя неожиданным для жертвы образом, не схожим по почерку с уже известными в истории случаями расхищения жизни, или, иначе говоря, в своеобразном творчестве-соревновании по разграблению сокровищницы единства мира.

Субъекты, состоящие на службе у тьмы, имеют свой особенный стиль при совершении своих разбойных поступков и в приемах умерщвления, что делает их индивидуальностями, то есть им присуща неповторимость, которая в конце концов исчезнет с исчезновением времени (напомним, что неповторимость, причастная вечности, является признаком личности у субъекта).

Мы говорили, что временное – синоним обмана, поэтому из области временного останется живым только то, что не будет изменено временем и так станет вечным, а все светлое и прекрасное, но имеющее границу во времени, в своей деятельности тоже принадлежит к области обмана, привлекая человека очарованием, вспышкой волшебного света. Однако благо, которое исчезнет – лишь мечта, фантазия, галлюцинация жизни, иллюзия подлинного счастья (которое приходит обязательно навсегда) и человек, прельщенный им, будет неотвратимо раздавлен разочарованием.

Отметим, что разочарование нашей текущей жизнью (частичное или полное), не является следствием невезения, не вызвано случайными встречами с отдельными негодяями или воздействием плохого государственного устройства. Это следствие самообмана, предательской влюбленности в химеру, в ложь. Без поклонения фиктивному и доверия к несуществующему чувство горечи от встречи с посторонним (внешним) злом никогда не коснулось бы нас.

Мерцающее, мелькающее добро особенно привлекательно в пустыне суетливого человеческого общества, поэтому является самой эффективной приманкой тьмы, на которую сначала с удовольствием ловимся мы, а потом мы, в свою очередь, с удовольствием ловим сетью приятных услуг понравившиеся нам особи. Образуется среда, в которой каждый совмещает в себе охотника (соблазнителя и насильника) и жертву (соблазненную кусочком поддельного добра). За подавляющей многочисленностью этого сообщества, которое стремится выработать свою

правду убедительную, придумать свои ценности и понятия прекрасного, ввести в обращение свою мудрость и религию, как бы само собой у вступивших в коллективный сговор, сначала заглушается голос памяти и совести, а потом отдельные носители осколков здоровой памяти изолируются при помощи общего сочувствия к ним, как к неполноценным и безумным, так что их воспоминания никого не беспокоят.*

Исчезающее счастье – вот ядовитая клевета на подлинное блаженство, которая своей ловкой подменой туманит память человеческой души о своей родине и способна заражать ненавистью к так ожидаемой, но обманувшей жизни каждую жертву, прельщенную ей и легкомысленно понадеявшуюся на нее. Очевидная грязь и неприкрытая тьма не способны погубить душу, которая хранит в себе хотя бы слабые образы света, но роскошно, блистательно разодетая лесь (старое имя лжи) может вытеснить и убить спасительную память о жизни, в свою очередь выставив ее недоступной или подлой тем, что может без предупреждения навсегда покинуть человека по какой-либо (может быть, очень веской) причине...

(Мак. л.)... Возьми у него платье его, потому что он поручился за чужого, и за стороннего возьми от него залог. Кто громко хвалит друга своего с раннего утра, того сочтут за злословящего. Непрестанная капель в дождливый день и сварливая жена – равны: кто хочет скрыть ее, тот хочет скрыть ветер и масть в правой руке своей, дающую знать о себе. Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего. Кто стережет смоковницу, тот будет есть плоды ее; и кто бережет господина своего, тот будет в чести. Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку. Преисподняя и Абаддон – ненасытимы; так ненасытимы и глаза человеческие. Мерзость пред Господом дерзко поднимающий глаза, и неразумны невоздержанные языком. Что плавильня – для серебра, горнило – для золота, то для человека уста, которые хвалят его. Сердце беззаконника ищет зла, сердце же правое ищет знания. Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице.

Таков путь и жены прелюбодейной; поела и обтерла рот свой, и говорит: «я ничего худого не сделала».

* Мы сами видим, что установочная глава чрезмерно затянута, но в оправдание скажем, что для нас самой большой наградой было бы, если предоставленные сведения азбуки позволили читателям составить свое мнение о романе прежде, чем будут изложены наши версии. Потерпите!

От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей...

(З. У. пр.)... Это, казалось бы, незначительное отличие человека от духов, позволяющее нам сохранить память жизни и тем самым сохранить слабую, умаляющуюся, но реальную связь со светом, является величайшей ценностью, дивным достоянием, способным нам, предателям жизни, вернуть ее с избытком. Вот в этой малости, едва заметной живой клеточке души, и идет борьба за нас. Благая весть Нового Завета открыла нам без утайки, как совершается видимая и невидимая война за жизнь каждого из нас, вернее, битва за возвращение преданной нами жизни.*

В романе Булгакова нарисован краткий (4-дневный, значит, чуть меньше, чем в «Илиаде») исторический эпизод из бурной эпохи некоторого общества, установившего новое, передовое отношение к добру и злу, для чего понадобилось присвоить им новый смысл. В отношениях между государствами смена геополитических целей и ценностей приводит к выбору новых противников и новых союзников, подобным же образом невидимая брань в заново переориентированном на всенародное счастье коллективе вносит новые образцы тактики и стратегии противоборствующих сторон. Именно эта новая своеобразная война на примере московских боев местного значения показана на страницах «Мастера и Маргариты».

Для того чтобы, наконец, начать полноценное обсуждение эпиграфа романа, мы вынуждены сделать еще одно отступление для того, чтобы выяснить в нем значения двух неясных слов – зло и благо. В первую очередь, это необходимо сделать не из-за того, что это редкие, незнакомые многим слова. Как раз наоборот, ими слишком часто пользуются и в быту, и во всеми уважаемом ученом мире. Однако необузданная всеобщая востребованность приводит не к прояснению значения употребляемых терминов, а к росту неопределенности в их восприятии и, как следствие, утрате взаимопонимания и даже расколу у пользователей языка. Более того, трудно было бы найти двух самостоятельно мыслящих людей, согласных в их определении по существу. Только обзор литературы по определению добра и зла составил бы большой, самостоятельный труд. Наша задача

* О некоторых путях возвращения к себе и о том, как оно и через Кого осуществлялось, «азбука» сообщит позже.

проще, так как нам интересно оценить, измерить содержание романа только с одной точки зрения*.

Не только Своей проповедью, но и Своей жизнью Сын Человеческий помогал вспомнить всем, что зло – это то, что разрушает личные отношения, или то, что способствует или может способствовать гибели, расторжению уникальной дружбы двух неповторимых, но ставших едиными в своем выборе друг друга личностей. Этот выбор подобен обретению главного и единственного сокровища, которое по стоимости превосходит все остальные сокровища мира. Соединяет желание, но и разрывает взаимность вольное, свободное желание человека, который совершает выбор в пользу нового сокровища – себя, своих интересов, отменяя прежнее решение. Любое малейшее движение к разрыву отношений, к измене другу – зло. Зло питается, получает силу в отказе от жизни и одновременном пожелании смерти, в сосредоточении внимания на себе и своих нуждах. Какие бы вывески и лозунги не были начертаны на деяниях, ведущих к разделению – это зло. Симпатия к одиночеству, рождаемому самодовольством и самодостаточностью, – это симпатия к смерти, сердечная тяга к греху, как ценной награде, вместе с предчувствием страдания от уз, цепей дружбы и страха перед непредсказуемой живой жизнью. Зло не приемлет сущего (того, что действительно есть), мучается даже лишь от встречи с ним, поэтому злу (или тому, кто подчинен ему сейчас) невозможно принести правдивое свидетельство о чем-либо подлинном по отсутствию ведения его. Таким образом, зло утверждает ложь по своей природе, без всякого усилия, оно просто не может принести ничего другого. Ложь, в свою очередь, это льстивый язык зла, на котором оно изъясняется (соблазняет и запутывает).

Аналогично тому, как раковые клетки способны существовать до тех пор пока живет организм, приютивший их, поглощая его здоровые клетки вплоть до смерти своего врага, зло питается тканью души своего врага, прикидываясь другом, пока не задушит его. Зло, не имея самостоятельного бытия, участвует в борьбе с жизнью только паразитируя на добре. Если бытие личности по своему строению просто, то жизнь, раненая грехом, смертью, бесконечно сложна. Продолжая принятую аналогию, можно сказать про нормальную, без патологий, жизнь тела, что организм здоров, а организм, утративший первоначальную целостность,

* Понимаем, что предлагаем скучный материал, но в качестве передышки и разминки попробуйте не знакомиться с ним, а примерить его на себя.

благодаря коррозии и тлению частей его составляющих, имеет для своего точного описания (диагноза) тысячи наименований соответствующих болезней.

Ситуация может многократно усложняться, если к одному недугу присоединяются новые, маскируясь друг под друга, таким образом запутывая общую картину болезни, затрудняя диагностику и, следовательно, возможность правильного лечения. Аналогично, существование человека, пораженного грехом, становится чрезвычайно сложным для понимания не только окружающих, но и для него самого, причем один грех помогает появлению разнообразных новых, очень быстро добиваясь положения, в котором попытки отделения зерен от плевел становятся бессмысленными в своей безнадежности. До тех пор, пока остатки жизнеспособных тканей перемешаны с пораженными и разлагающимися, возможность остановить болезнь, не повредив самому организму, остается только в теории.

Ситуация резко упрощается с момента прекращения функционирования тела, оно становится по-своему простым – однородной грязью, прахом, землей. Так что переусложненность – признак зла – присущ любым проявлениям человека, например, мысль, обремененная многозначностью, безусловно, больна. Еще один обязательный признак зла – неустойчивость во времени или наличие крайностей в поведении субъекта в виде неких чередующихся противоположностей. Так, бурная трудовая деятельность сменяется апатией, острое любопытство – безразличием, голод – пресыщенностью, желание нравиться массам – бегством от поклонников, смех – слезами, убежденность – растерянностью, восприятие мира прекрасным – отвращением к смердящей помойке ничемных предметов, утонченное восхищение микроскопическим – поклонением гигантскому, космическому...

Но остановим этот бесчисленный ряд. Зло ни в чем не бывает самостоятельным, оно способно только отражать чужой свет, но не способно на свой. Оно как кривое зеркало злого-презлого тролля из «Снежной королевы». Хотя отражение в нем и отдает чем-то новым, отличным от воспринятого им истинного образа, но это всегда искажение первопричины, перевертыш по тому или иному принципу, или с перестановкой частей, или сторон, например, заменой левого на правое. Зло – всегда пародия, всегда перевоплощение с переодеванием, всегда перетяжки, пересмешки, юмористическая каракуля с примесью неуловимой жути неисправимого уродства...

(Мак. л.)...

Фауст

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторях хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу, –
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.

* * *

Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я – Бог
И вижу, символ мира разбирая,

Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.
Умойся в утренней заре, как в море,
Очнись, вот этот мир, войди в него».

Я рвусь вперед, как во хмелю.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.

Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит
Вкруг моего чела.
А с потолка,
Бросая в дрожь,
Пахнуло жутью замогильной!
Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.
Явись! Явись!
Как сердце ноет!
С какою силою дыханье захватило!
Все помыслы мои с тобой слились!
Явись! Явись!
Явись! Пусть это жизни стоит!..

(З. У. пр.)... Одно из последствий посещения зла – невыносимая жажда на него, на его новое посещение, жажда до умопомрачения, до буйства, не удерживаемого и железными цепями. И, сопутствующий всем его формам воздействия, манящий призрак волшебного оазиса – своеобразная ностальгическая тоска по неповторимости утраченного удовольствия, усиливающаяся наплывающими волнами чудесного видения.

Зло замкнуто, оно не может открыться и услышать жизнь (может только увидеть следы страданий и шрамы на ее лице), то есть не знает никого, не может ничего хорошего, существенного рассказать

о ком-либо, но может притворяться компетентным эрудитом, подсывая ложь и подкрепляя ее неопровержимыми порочащими сведениями на объект клеветы (например, его рассказ про ужасы смерти, несмотря на кажущуюся правдивость – тоже ложь, так как смерть уже упразднена и остался только ее дым, который обязательно рассеется в момент всеобщего прозрения).

Искажение тоже может иметь двойную направленность: обязательно недоговаривать или марать, с большим успехом можно добавить и приукрасить, и тогда опрометчиво доверившийся глупец (эта глупость не природная, а благоприобретенная под влиянием лени, жадности, расслабленности, тщеславия и мечтательности), поверивший в ложную красоту и доброту прелестного мира и себя, такого умного, когда-нибудь горько, горько разочаруется, поймет, что имел дело с подлогом, а подлинника не знает.

Ложь умеет почесывать самолюбие человека и тем самым подстрекает трубить о добрых делах и умалчивать о злых, вселяет желание слышать хвалу о себе от других, хотя в то же время про этих других знает и распространяет дурное. Проще всего убедиться в таком положении дел при конфликтных ситуациях, когда в своих обидчиках невозможно признать доброго и Божьего.

Ложь из личного дела может стать делом всенародным и, как отдельный случай воплощенного вранья в обществе, можем указать на хорошо известный перевертыш добра среди людских слуг, собранных солидарностью любви к начальству в хор подхалимов и холуев (отличие вторых от первых состоит почти в полном их бескорыстии, согласи получать ничтожную мзду лишь в виде ласки), которые, благодаря многоголосию, особенно убедительно раздуют заслуги и затушуют грешки вышестоящих.

Еще один важный признак зла – его неотвязная настойчивость, обусловленная склонностью к насилию. Его гонят, от него отбиваются, бегут и прячутся, а оно лезет, преследует и внедряется. Навязчивые мысли, вползающие против нашей воли – это стрелы, посланные тьмой, так же как навязчивое добро – это волк в овечьей шкуре, которому нужна вкусная, добротная жертва.

Зло любит, подержав в голоде, затем перекормить, то есть добро, не знающее меры, тоже носит баранью дубленку, но само принадлежит отряду хищников. Злу нравится соперничество между друзьями, нескончаемое выяснение кто лучше, быстрее, умнее или сильнее. Оно

никогда не оставит живую душу пребывать в своей уникальности, требующей не сравнения, а лишь удивления (один из низменных, а потому любимых софизмов зла: истина познается в сравнении), будет подсовывать для организации состязания совпадающие признаки субъектов, а их скрупулезное сопоставление (как похоже на желание объединить!) будет усиливать уже начавшееся разъединение.

Зло любит одушевлять временное и несуществующее, подмешивая его к действительности. Среди своих подопечных оно любит прекрасных принцев и принцесс, которым внушает, что составить счастье друг друга могут только равные по великолепию и происхождению. Оно любит своих детей, ненавидящих отвратительных монстров, исчадий ада, достойных полного безжалостного уничтожения.

Зло любит реальность представить глупой бездарностью или обречь ее в чудо, доступное только ловким фокусникам, но чаще все же чем-то примитивным, не заслуживающим внимания, банальным, рождающим неизбежную скуку, грозящую муками безысходной тоски.

Зло также любит внушать, что реальности вовсе нет, как нет единственной правды, как нет ничего вечного под луной. Зло любит нашептывать, что реальна только смерть, как самый непреложный упрямый факт, а среди людских слуг неодолимая сила есть только у тьмы, властно пугающей всех страхом смерти.

Зло не любит того мгновения, в котором находимся мы, упорно принауждает строить жизнь на воспоминаниях прошлого или на обдумывании желательного будущего, тем самым похищая у человека реальность происходящего теперь (есть много людей, знавших счастье, так же много тех, кто ждет счастья. А сколько тех, кто счастлив сейчас?).

Зло умеет приспособливаться и подстраиваться, оно способно видоизменяться и перевоплощаться, может ускоряться и совершенствоваться. Оно усыпляет и успокаивает своих подопечных до бесчувствия, но оно требует постоянной подозрительности и осторожности, без перерывов на отдых. Для тех, кто захочет разорвать с ним союз, выйти из его банды оно мстительно, злопамятно, оно не простит, не оставит незамеченным и не выпустит на свободу, и всегда при этом оно льстиво, льстиво, сладко льстиво.

Человеку уставшему, теряющему силы, хрупкому и малодушному перед суровыми испытаниями действительностью зло заботливо подскажет: так, как ты, жить нельзя — надорвался, изнемог: остановись, передохни, отключись, расслабься, не живи — умри. При этом не утихнет

его мхатовский шепот: ты сможешь сам, преодолей все сам, у тебя получится, уже получается, ты добьешься всего сам, и достигнешь сам, сам, никто не нужен со своей жалкой помощью... И обязательно внезапный крик: «Ничтожество! Бездарь, пустышка, ни на что не способный неудачник!» – который будет повторяться, как эхо, до новых баюкающих ласковых слов.

Зло любит замедлять и любит торопить, оно любит тревожить грядущими бедами и усыплять беспечностью большой вероятности при употреблении слова «авось». Ему нравится сомнениями или любопытством выводить душу из мирного равновесия (так борец, атакуя соперника, ищет возможности вывести из равновесия его тело, чтобы неожиданно поставить подножку) и одновременно затуманить сознание дурным покоем – нежностью летаргического сна бездействующей, но потенциально могучей души...

(Мак. л.)...

Фауст

Пергаменты не утоляют жажды.
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.

* * *

Я, названный подобьем божества,
Возмнил себя и вправду богоравным.
Насколько в этом ослепленье явном
Я переоценил свои права!
Я счел себя явлением неземным,
Пронизывающим, как бог, творенье.
Решил, что я светлей, чем серафим,
Сильней и полновластнее, чем гений.
В возмездие за это дерзновенье
Я уничтожен словом громовым <...>

* * *

Какой я бог! Я знаю облик свой.
Я червь слепой, я пасынок природы,
Который пыль глотает пред собой
И гибнет под стопую пешехода.

* * *

Ликующие звуки торжества,
Зачем вы раздаетесь в этом месте?
Гудите там, где набожность жива,
А здесь вы не найдете благочестья.
Ведь чудо – веры лучшее дитя.
Я не сумею унести в те сферы,
Откуда радостная весть пришла.
Хотя и ныне, много лет спустя,
Вы мне вернули жизнь, колокола,
Как в памятные годы детской веры,
Когда вы оставляли на челе
Свой поцелуй в ночной тиши субботней.
Ваш гул звучал таинственной во мгле,
Молитва с уст срывалась безотчетной.
Я убежал на луговой откос,
Такая грусть меня обуревала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый.
С тех пор в душе со светлым воскресеньем
Связалось все, что чисто и светло.
Оно мне веяньем своим весенним
С собой покончить ныне не дало.

* * *

Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.
О, если бы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный
Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!
О, если б плащ волшебный взяв,

Я б улетаю куда угодно! –
Мне б царских мантий и держав
Милей был этот плащ походный.

Вагнер

Не доверяйте духам темноты,
Роящимся в ненастной серой дымке,
Какими б ангелами доброты
Ни притворялись эти невидимки...

(З. У. пр.)... Прежде чем по возможности кратко коснуться понятия «благо», упомянутого в эпиграфе, заметим, что любая вещь (в широком смысле) может быть использована как во зло, так и во благо. К слову «вещь» мы в рамках данного контекста относим как предметы видимые (такие как, например, нож или компьютер), пограничные (такие как искусство и культура), так и вовсе невидимые, как желание или гнев, который может быть направлен на ближнего (тогда он зло) или на собственный грех (тогда он благо). Так же и наше милосердие может выручить преступника, желающего уйти от лап собственной тьмы, а может и растлить того бездельника, который использует его как возможность продлить бесчестное состояние дармоеда. В одном из определений зла говорится, что оно есть неправильное использование вещей (например, любви, которая может быть направлена к себе, а не к служению другому).

Прежде чем мы приведем свидетельства Нового Завета о благе, напомним, что восприятию чужого мнения нам мешает абсолютная уверенность в своем. Мы предлагаем, не отрицая достоверности вашего опыта в понимании данного слова, попробовать приглушить его на время, чтобы услышать нечто, отличное от него.

В одной из бесед с Сыном Человеческим некто обратился к Нему: «Учитель благой». На что Учитель дал очень твердое категорическое утверждение: «Никто не благ, только один Бог», и в связи с этим, в свою очередь, как бы спросил: «Ты называешь Меня благим, потому что Я – Бог?».*

Слово «благой» содержит в себе, суммируя, несколько определений – добрый, святой, совершенный, источник жизни и света, премудрый, смиренный сердцем, творец, художник, промыслитель, покровитель,

* Не что-то меньше, а именно претензию на свою божественность утверждает сатана в эпиграфе, сообщая, что он всегда совершает благо. Впрочем, как любой человек, задумавший совершить благо.

вседержитель, суций (тот, Кто был, Кто есть и Кто будет), вездесущий. И это не исчерпывающий ряд (в котором каждое объясняет и дополняет другие, и без всех не будет понятно одно), а лишь несколько имен Бога, раскрывающих Его бытие.

В своем единственном истинном значении «благо» обладает свойствами не исчезать и не умаляться (иначе это не благо, а призрак), быть везде (оно не может быть стеснено границами чего-либо), всегда обладать полнотой совершенного бытия (чтобы не было и тени, его омрачающего, штриха, нарушающего его). В земном мнении о благе есть ложное представление о способе его достижения, которое готовит искателя к тому, что для его приобретения надо чем-то пожертвовать, что-то утратить, то есть осуществить его за счет другого добра (примерно как в законе сохранения М. Ломоносова: если где-то что-то прибавилось, то обязательно в другом месте убывло).

Один из признаков подлинного блага состоит в том, что если оно придет и коснется кого-нибудь, то все кругом расцветет и обогатится. Именно поэтому один божий человек, стяжавший мир в душе, приносит спасение тысячам вокруг себя. Общественное мнение, замешанное на предрассудках (таких как: не сделаешь добра, не получишь зла), пугает мнимыми неустройствами, сопутствующими изменению привычного бытового уклада при появлении блага, пугает и им самим, его требовательностью и принципиальностью, справедливостью и склонностью к возмездию с воздаянием. Однако при реальной встрече с благом нагнетаемые молвой страхи исчезают, открывая себя как орудие клеветы, зависти и злобы, то есть оказываются помощниками тьмы, запугивающей глупцов злым благом.

Самому субъекту, встретившему благо, подается не только то, что он просил или мог себе представить: признак живого блага в том, что оно приносит с собой дары непредставимые умом, невиданные сердцем и нечаемые душой. Оно изумляет и тем самым встреча с неожиданным расширяет человека, раскрывает его по-новому, так что у него умножаются силы и таланты, и он внутренне становится другим, новым. Это тоже верный признак блага, когда осчастливленный им может искренне засвидетельствовать, что после такой встречи нельзя представить себя прежним, при том, что своими силами добыть, урвать полученное было невозможно.

Сын Человеческий так и говорил в ответ на вопрос: «Как можно исполнить то, что Ты предлагаешь в Своих заповедях?» – «Это невозможно

людям, это возможно только Богу». Такое утверждение не означает, что обещанное Им нам недоступно, но убеждает, что если благо приходит в нашу жизнь – это обязательно Дар, Дар Царя Небес. И если слово «дар» для землян связано с имуществом того или иного господина, то Дар, приносимый благом, – это единство с самим Богом.

Необходимо помнить, что, принимая, падшие люди немедленно забывают, перестают интересоваться тем, что привело к умножению их достояния – личные отношения (для этого даже специально выдумали подлый, лукавый прием: отблагодарить с целью забыть со спокойной душой о дарителе).

Еще один признак блага – это отсутствие у него стремления выставить себя напоказ. Оно таится между двумя, приютившими его, как величайшая драгоценность, которая, однако, скорее всего, не будет понята другими, а из-за своей хрупкости (дочери неповторимости), разрушается от непонимания и неуважения. Поэтому до времени благо таится, как зерно под слоем почвы, которую ему предстоит преодолеть-прорасти. Оно естественно открывает себя, когда преизбыточная взаимность блага между друзьями начинает выражаться в зримых, доступных чувствам образах, то есть нашим очам открывается крошка огустевшего добра невидимого мира блаженства, даруемого нам Богом. Благого дара, непостижимого по своей колоссальности Его снисхождения, щедрости, заботы или, иначе говоря, промысла о своих ближних (детях, то есть нас). Промысла, который собирает на сокровенный брачный пир пьющих изысканное вино взаимности, пока по гласу последней трубы все, скрытое завесой материи, не обнаружит себя и не станет явным и важнейшим.

Сосредоточиться только на малом, на вещественной крошке, значит забыть, потерять и умертвить главное – скрытую причину ее появления. Это один из симптомов нашей смертельной болезни сердца: другого и отношения с ним почитать менее нужными и перспективными для обретения блаженства, чем его имущество и возможности. (Кто этого не замечает, пусть посмотрит на отношение к себе: окружающим нужны вы или ваши накопления, фактические и общечеловеческие?) В этом предательство, в этом насмешка и оплевание души иного, весьма необходимые для того, чтобы торжественно отвергнуть, благочестиво распять, радостно похоронить и в глубоком спокойствии предать его забвению.

Именно поэтому вместе с победой в обществе накопительного способа существования ныне царствует мнение, что блага вовсе нет, а есть

успехи и удача, есть радость осуществленной мечты и радость самосовершенствования в разнообразнейших видах самодеятельности. У блага есть еще одно уникальное свойство: в момент, когда рожденная им взаимность возрастает до состояния счастья, ее не хочется беречь и прятать в сундук, ею хочется делиться, раздавать всем желающим. Если, в свою очередь, друзья жениха войдут в радость супругов, благо не оскудеет, оно будет расти и становиться еще удивительнее и мощнее.

Мы говорили подробно о качествах, присущих благу, для того, чтобы не перепутать его с благом ложным, воровским, а теперь укажем на его источник и сущность. Благо исходит от первого лица Единого Бога, все Свое богатство и всемогущество отдающего без остатка другим лицам. Он всегда рождает Сына, и никогда не было такого, чтобы у Него не было Сына, ведь тогда Его нельзя было бы назвать Отцом. Из нашего мира, в котором есть время, видится, что Он рождает Сына вчера, рождает сегодня и будет рождать завтра (в вечности Он просто рождающий).

Еще одно лицо Единого Бога – всегда рождающийся Сын, который отвергается Себя (Его сыновство – в полноте всесилия, а не такое, как у нас детство – в беспомощности) и всегда исполняет волю Своего Отца. В воле Отца было сотворить мир, и Сын его сотворил. Пища Сына – это именно свободное творение воли Другого (но не подневольное, а доброхотное исполнение!).

При несовпадающем своеобразии Лиц, Их желания одни, Их воли совпадают так, что Отец всегда в Сыне, а Сын в Отце. Для каждого Лица главным сокровищем является не Он, а Другой, и вся жизнь и радость сосредоточены в Другом. Эта нераздельная блаженная взаимность и становится живоносным источником всякого блага. Благодать Отца по отношению к нам такова, что Он согласен отдавать все и отдает нам и Своего Сына. А Сын таков, что всегда хочет быть отданным нам, доброхотно выполняя волю Отца, и всегда отдает Себя нам, вплоть до смерти, без остатка. Только совершенные отношения могут рождать благо. В подлинном благе не может быть и тени несовершенства.

Для нас, закоренелых эгоистов, с трудом улавливающих желания других, невозможно понять, как Живому может быть дороже Другой, а не Он Сам и утрата, через отдание Его – это расставание не с нашими жалкими тленными сокровищами, а потеря такого блаженства взаимности, которое, только слегка соприкоснувшись с нами, несовершенными, раздавило, сожгло, разорвало и стерло в пыль своей силой, величием,

невместимым богатством. (Именно поэтому Бог скрывается от прямой встречи со своими избранниками, пока они не окрепнут и смогут устоять под правдой Его слова – вынести Его доверчивый взгляд, не сгорев от стыда и ужаса за себя)...

(Мак. л.)...

Фауст

Когда в глубоком мраке ночи
Каморку лампа озарит,
Не только в комнате рабочей,
И в сердце как бы свет разлит.
Я слышу разума внушенья,
Я возрождаюсь и хочу
Припасть к источникам творенья,
К живительному их ключу.

* * *

Но вновь безволие, и упадок,
И вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок
За просветленьем настает!
Паденья эти и подъемы
Как в совершенстве мне знакомы!
От них есть средство искони:
Лекарство от душевной лени –
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты
Страницы Нового завета.
Вот, кстати, рядом и они.
Я по-немецки все писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.

* * *

«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,

Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкование.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было дело», – стих гласит.

* * *

Гляди-ка, от ужаса шерсть он щетинит!
Глазами своими
Бесстыжими, враг,
Прочтешь ли ты имя,
Осилишь ли знак
Несотворенного,
Неизреченного,
С неба сошедшего, в лето Пилатова
Нашего ради спасенья распятого?

* * *

Как ты зовешься?

Мефистофель

Мелочный вопрос
В устах того, кто безразличен к слову,
Но к делу лишь относится всерьез
И смотрит в корень, в суть вещей, в основу.

Фауст

Однако специальный атрибут
У вас обычно явствует из кличек:
Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик,
Смотря как каждого из вас зовут:
Ты кто?

Мефистофель

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Фауст

Нельзя ли это проще передать?

Мефистофель

Я дух, всегда привыкший отрицать.
И с основанием: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное мое начало,
Моя среда.

Фауст

Ты говоришь, ты — часть, а сам ты весь
Стоишь передо мною здесь?

Мефистофель

Я верен скромной правде. Только спесь
Людская ваша с самомнением смелым
Себя считает вместо части целым.
Я — части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот — порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел — поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,
И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.

Фауст

Так вот он в чем, твой труд почтенный!
Не сладив в целом со вселенной,
Ты ей вредишь по мелочам?

Мефистофель

И безуспешно, как я ни упрям.
Мир бытия – досадно малый штрих
Среди небытия пространств пустых,
Однако до сих пор он непреклонно
Мои нападки сносит без урона.

* * *

Не завладей я областью огня,
Местечка не нашлось бы для меня.

Фауст

Итак, живительным задаткам,
Производящим все кругом,
Объятый зависти припадком,
Грозишь ты злобно кулаком?
Что ж ты поинтересней дела
Себе, сын ночи, не припас?

Мефистофель

Об этом надо будет зрело
Подумать в следующий раз.

* * *

Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

Фауст

Ах, так законы есть у вас в аду?
Вот надо будет что иметь в виду
На случай договора с вашей братьей.

Мефистофель

Любого обязательства принятье
Для нас закон со всеми наряду.
Мы не меняем данных обещаний.
Договорим при будущем свиданье,
На этот раз спешу я и уйду.

* * *

Царь крыс, лягушек и мышей,
Клопов, и мух, и жаб, и вшей
Тебе велит сюда явиться
И выгрызть место в половице...

(З. У. пр.) ... Именно этот живой закон, по которому бытийствуют Отец и Сын, принес на землю Сын и предложил его людям. Предложил не в учении, не в теории, Он им жил с ними, Он и был этой неумирающей заповедью. И если с чистым эта заповедь дарителю приносит только блаженство, то с грешником тот, кто отказывается, отрекается от себя в его пользу, умрет от эгоизма друга, от неразделенности. Страдает и умирает, чтобы не оставить его в одиночестве, а значит – в смерти, то есть ложится в наш гроб, только бы и в гробу друг не был во тьме оставленности. Однако страдание и умирание Сына, хотя внешне и схоже со смертью грешника, противоположны ей по своему существу и действию, они согреты благом, которое расцветет великою радостью Небесного Царства, если погибающий человек будет желать прощения и воскресения. Смерть Сына живоносна для благоразумных предателей. Эту, и только эту заповедь пытается открыть нам Новый Завет, вдруг она понравится и найдутся те, кто рискнет, дерзнет отказаться от известных удовольствий ради неведомой милости.

Как приходит благо? Всегда неожиданно, ломая все планы, всегда незаметно, как растет из зерна стебелек пшеницы, пока не достигнет поверхности земли. Тот, кто сеял его, понимает, что при хороших условиях стебелек должен показаться в условленное время, но на это нужен естественный, клеточка за клеточкой, рост стебля. Тело прирастает не вдруг, а постепенно, эта естественная постепенность унаследована от мира духовного, в котором взаимность растет от взгляда к взгляду, от прикосновения к прикосновению. Если следить за ним, наблюдать, высчитывать привес и прибавку, благо не явится никогда. Не может возникнуть дружбы, если она будет измеряться и оцениваться. Контроль взаимности – это убийство, смерть доверию, а оно (доверие) – ее вечная мать. (Уместно вспомнить, что соотносительность в познании ныне почитается критерием правды. Все сопоставляется – вот и заполняет все пустота одичавших индивидуальностей.)

Что трудно для понимания людей в благе? Увидеть, что оно из вечности, и встреча с ним, пусть мимолетная, приобщает к бытию, которое всегда. Нам кажется, что надо постоянно проверять благо, не бросило ли оно нас, а для его сохранения необходимо стать хорошим, чтобы соответствовать ему. А безоглядно довериться слову дарителя, которое обещает, что

мы можем перестать осязать единство с ним, но благо уже не оставит, не покинет нас, не можем. Горе нам.

Остановим рассказ о благе, у нас «Азбука», а не диссертация, и вновь приглядимся к словам Мефистофеля, взятым в эпитаф романа.

Указали на того, чьи слова задают смысловую канву всему произведению Булгакова, и тут же вынуждены привести на него сведения из «Азбуки». Для первого знакомства сообщим, что дьявол всегда врет, собственно, он и придумал вранье и ввел его в общее употребление. До нас ложь дошла уже в широком ассортименте: грубая, скромная, наглая, тонкая, привлекательная, отталкивающая, общественное мнение, клятвы, клевета, донос, умные речи, благочестивый шум, анонимная правда, искренние и сердечные заверения, пламенные речи и в том же духе бесчисленное разнообразие помоев, составляющее топкое житейское море. Где искать источник этих миазмов, где начало искажения правды у живописателей?

Начало искажению может положить один неточный мазок, легчайшее прикосновение художника: чуть приукрасить или умолчать, чуть затуманить действительность или навязчиво преподнести ее. Можно внести искажение пафосной или лирической интонацией, перебрать в таинственности или доступности. Разрушить правду можно, ограничивая ее созданием подходящих для нее условий или подчинением ее определенному времени. Можно обесценить ее, разбрасывая и раздавая всем без разбора, или превратив в товар. Как же узнавать ложь при умножающемся час от часа обилии ее форм и каким образом уберечься от нее?

Вечно торопящиеся любители ускоренных курсов и экстернов не смогут воспользоваться советами «Азбуки», поскольку люди, пожелавшие обнаружить ложь и видеть ее проявления всегда и везде, посвящали этой науке всю свою жизнь, но при этом главной изначальной целью этого дела была поиск правды и встреча с ней. Оказывается, что на пути к ней подвижники как раз узнавали в себе беспредельное множество видов ее врагов – явных, которые открыто борются с ней, и тайных, которые поддельваются под нее или прикидываются ее спутниками. Как и враги на войне, человеку не так опасны понятные ему виды лжи. Губят же, угнетают и, смеясь, управляют им безымянные незнакомцы с фальшивыми паспортами и удостоверениями.

Если человек решительно, серьезно не интересуется правдой, то им будет владеть и руководить всего лишь одна, постоянно приставленная, комфортная и приятная для него мелкая ложь. Конечно, удобная ложь способна поселиться всерьез и надолго в своем подопечном послушнике только

под чужим именем. Ну а кличка будет включать слово «правда» с какой-нибудь уточняющей припиской. Вообще, разнообразие, множественность правд переводит их в стан противоположной, антагонистической к жизни оппозиции. Приведем примеры такого рода правды: для начальства и для подчиненных; для друзей и для родственников; официальная и только для служебного пользования; вечерняя и утренняя; сиюминутная и окаменевшая; простецкая и мудреная; всем известная и для избранных; та, за которую платят, и та, которую продают; та, которую достают из-под ногтей и та, за которую награждают; своевременная и неуместная; вчерашняя и нарождающаяся; обиженная и гневная; убедительная и правда разочарованного оптимиста... Читатель легко пополнит этот список*.

Отдельные приемы обмана, к которым прибегает тьма в отношении своих слушателей, могут быть дополнены их комбинациями, например, такой, как частая смена показаний по поводу одного и того же предмета перед уже охмуренным пациентом, в зависимости от колебаний его состояния.

Подобно тому как человеку не стоит доверять и проверять доносы клеветников на своего друга (лучше все о нем узнавать от него), а для этого необходимо научиться видеть самих клеветников, вера рекомендует не сосредотачиваться на любых сведениях тех, кто хотя бы иногда лжет на жизнь. Более того, она советует не уделять внимания вранью (даже если оно очень похоже на действительность), тем более нельзя принимать его к сведению для обдумывания и, хуже того, распространять его дальше, подыскивая и расширяя тем самым круг подобных себе дураков.

Про дураков же надо помнить, что все серьезное и основательное их тяготит, а отдушину от этих невыносимых проблем им дает приятная, ни к чему не обязывающая беседа с себе подобными глупцами или, на худой конец, с подхалимами (хитрецами). Если найти в себе немного мужества, можно увидеть, что попадаться на вранье мы обязательно будем, но при этом, если мы хотя бы иногда будем прикладывать усилия и замечать его в себе, то мы не утонем в нем. Вера считает глупость не природным качеством, а приобретенным в результате выбора самого человека. Он создан по образу премудрого

* *Примечание редактора.* Если читатели могут продолжать, то я тем более, вот, пожалуй, правда: профессиональная и дилетантская; всенародная и кастовая; серьезная и смешная; правда защитников и правда обвинителей; бывшая в употреблении и правда энтузиастов-первооткрывателей, желающих с ее помощью осчастливить массы; долгожданная и незваная; скучная.

Отца, и если мы становимся глупыми, то тем самым порочим нашего Родителя, даем повод упрекать Его в производстве некачественного творения. Малодушные либо не поверят, либо с сожалением и обидой будут вынуждены узнать, что умным может быть каждый, только для этого ум должен жить и развиваться вместе с хозяином, то есть он требует постоянного труда над собой. Но в детстве мы пользуемся подсказками кого попало, в юности предпочитаем лениться, растрачивая время на пустые забавы, а в зрелом возрасте окончательно убеждаемся, что лучше не знать, не видеть, не понимать, не помнить и не думать – это хорошо для эгоиста, для его самосохранения, иначе возможны значительные траты на исполнение своего долга, на помощь нуждающимся и на спасение окружающей среды.

Выгодно бывает отказаться от своего ума в чью-нибудь пользу (например, коллектива), выгодно и по другим причинам – рациональным, карьерным или вызванным давлением страха за свое существование перед всемирными или местными приватизаторами правильного ума. В заключение этой краткой справки скажем об уме самое главное: он не ограничивается возможностями рассудка – рациональный ум только помощник у большого ума, сосредоточенного в душе, в сердце человека. (Для сомневающихся предложим порассуждать в минуты отчаяния, обиды, тоски и в минуты радости, счастья. Даже законы естественных наук будут восприниматься одним и тем же человеком по-разному, в зависимости от состояния мудреца.)

Этот ум может видеть и понимать вечность, может отличать добро от зла, не путать свет с тьмой и, самое сложное (невозможное для рационального ума), понять себя и другого, не совпадающего с тобой, а затем творчески открыть путь к единству с ним. Для пытливых читателей романа добавим еще некоторые необязательные сведения о жизнедеятельности ума. Как некачественные, контрафактные сведения путают, засоряют и лишают здоровья наши мысли, так и неуважение, неблагодарность к жизни, а еще в большей степени подлые поступки одурманивают, отравляют и лишают красоты ум сердца, оставляя его бессильным для благого труда, превращая его в болевую точку своего хозяина.

Настало время, чтобы, как новую улику на лжеца, привести дополнительные сведения из начала времен, когда сотворенные духи и составляющие тварное небо определились, будут ли они вмесите с Богом или поищут для себя иных, неведомых путей. В этом непринудительном

выборе один из главных ангелов, вдруг ощутив свои возможности, понял, что может быть, как Бог, силен, изобретателен и могущественен. В этот миг он немедленно оказался вне взаимности с другими, за пределами жизни в общении, поскольку участник жизни никогда не надмевается и не любит себя, отвергаясь своего, пусть даже реального, величия в пользу ближнего для служения его воле.

Души по своему устройению просты и целостны, поэтому свое решение они принимают раз и навсегда. (Слегка забегаая вперед, скажем, что человек имеет двойственную природу из души и тела, и за счет тела, обладающего инерцией, присущей материи, и запасом времени, необходимым для его распада, в течение длящегося земного страдания имеет возможность выносить страшный суд своим решениям и поступкам, тем самым давая возможность изменять свое положение, приняв милость, прощение от Спасителя.) ...

(Мак. л.)...

Фауст

Меня кошмар ночным удушьем сдавит,
И я в поту от ужаса проснусь.
Бог, обитающий в груди моей,
Влияет только на мое сознание.
На внешний мир, на общий ход вещей
Не простирается его влияние.
Мне тяжело от неполноты такой,
Я жизнь отверг и смерти жду с тоской.

Мефистофель

Смерть – посетитель не ахти какой.

Фауст

Блажен, к кому она в пылу сраженья,
Увенчанная лаврами, придет,
Кого сразит средь вихря развлечений
Или в объятьях девушки найдет.
При виде духа кончить с жизнью счеты
Я был вчера на радостях не прочь.

Мефистофель

Но, если я не ошибаюсь, кто-то
Не выпил яда именно в ту ночь?

Фауст

В придачу ко всему ты и шпион?

Мефистофель

Я не всеведущ, я лишь искушен.

Фауст <...>

Найдешь ты пользу в обществе моем.

Давай столкнемся друг с другом,

Чтоб вместе жизни путь пройти.

Благодаря моим услугам

Не будешь ты скучать в пути.

* * *

А что ты требуешь в уплату?

Мефистофель

Сочтемся после, время ждет.

Фауст

Черт даром для меньшого брата

И пальцем не пошевелинет.

Договоримся, чтоб потом

Не заносить раздора в дом.

Мефистофель

Тебе со мною будет здесь удобно,

Я буду исполнять любую блажь.

За это в жизни тамошней, загробной

Ты тем же при свиданье мне воздашь.

Фауст

Но я к загробной жизни равнодушен.

В тот час, как будет этот свет разрушен,

С тем светом я не заведу родства.

Я сын земли. Отрады и кручины

Испытываю я на ней единой.

В тот горький час, как я ее покину,

Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.

Мефистофель

Тем легче будет, при таком воззренье,
Тебе войти со мною в соглашенье.
За это, положишь на мой обет,
Я дам тебе, чего не видел свет.

Фауст

Что можешь ты пообещать, бедняга?
Вам, близоруким, непонятна суть
Стремлений к ускользящему благу:
Ты пищу дашь, не сытную ничуть.
Дашь золото, которое, как ртуть,
Меж пальцев растекается; зазнобу,
Которая, упав к тебе на грудь,
Уж норовит к другому ушмыгнуть.
Дашь талью карт, с которой, как ни пробуй,
Игра вничью и выигрыш не в счет;
Дашь упоенье славой, дашь почет,
Успех, недолговечней метеора,
И дерево такой породы спорой,
Что круглый год день вянет, день цветет.

Мефистофель

Меня в тупик не ставит порученье.
Все это есть в моем распоряженье.
Но мы добудем, дай мне только срок,
Вернее и полакомей кусок.

Фауст

Пусть мига больше я не протяну,
В тот самый час, когда в успокоенье
Прислушаюсь я к лести восхвалений,

Или предамся лени или сну,
Или себя дурачить страсти дам, –
Пускай тогда в разгаре наслаждений
Мне смерть придет!

Мефистофель

Запомним!

Фауст

По рукам!
Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» –
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, – я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

Мефистофель

Имей в виду, я это все запомню.

Фауст

Не бойся, я от слов не отступлюсь.
И отчего бы стал я вероломней?
Ведь если в росте я остановлюсь,
Чьей жертвою я стану, все равно мне.

Мефистофель

Я нынче ж на ученом кутеже
Твое доверье службой завоюю,
Ты ж мне черкни расписку долговую,
Чтоб мне не сомневаться в платеже.

Фауст

Тебе, педанту, значит, нужен чек
И веры не внушает человек?
Но если клятвы для тебя неважны,

Как можешь думать ты, что клок бумажный,
 Пустого обязательства клочок,
 Удержит жизни бешеный поток?
 Наоборот, средь этой быстрины
 Еще лишь чувство долга только свято.
 Сознание того, что мы должны,
 Толкает нас на жертвы и затраты.
 Что значит перед этим власть чернил?
 Меня смешит, что слову нет кредита,
 А письменности призрак неприкрытый
 Всех тиранией буквы подчинил.
 Что ж ты в итоге хочешь? Рассуди,
 Пером, резцом иль грифелем, какими
 Чертами, где мне нацарапать имя?
 На камне? На бумаге? На меди?..

(З. У. пр.) ... *В убеждении, что именно он – бог, пребывает Ангел Света, ставший духом тьмы, а вместе с ним и часть ангелов, последовавших за ним, за его мыслью, что каждый из них – как Бог. Могут ли быть у тех, кто как Бог, соперники? Нет, поэтому, когда конкуренты все-таки появляются, их стараются устранить и сделать подданными своей державы – царства тьмы (не имеющего даже общей границы с Царством Света), там, где хозяйничает всепоглощающая смерть, где все «бывшие» предавшие и утратившие жизнь ненавидят ее из зависти и хотят похитить и уничтожить ее у всех званых на брачный пир. Характер этого яростного похотения жгучий, оно разгорается все жарче от жертвы к жертве, звериный аппетит нарастает и во время самого поглощения.*

Почему у Гете тот, кто как Бог, представляется скромному ученому частью силы, хотя мыслит себя непременно единственным и наиглавнейшим? Секрет не в скромности гостя, а в хозяине дома. Сейчас он не готов узнать правду о всесии своего посетителя (может быть, из излишнего скептицизма, а может быть, из страха), но в урочный час, когда он станет полностью беспомощным и зависимым, ему продемонстрируют могущество, управляющее всеми царствами земли.

Лукавство обнаруживается и в словах загадочного незнакомца: «вечно хочет зла». Представляющий себя так на самом деле не причастен к вечности, он должен был бы сообщить, что давно, с незапамятных времен,

хочет зла или хочет его с тех пор, как понял, что он велик как никто, но по своей извращенной природе не умеет и не смеет сделать это. Пусть не в прошлом, но в будущем он хотел бы иметь вечность в своем царстве для истязания злых дураков, что позволило бы забыть об обидном довременном периоде своего небытия. Попавшие в ад грешники будут тогда составлять население его державы, целиком подчиняясь законам тьмы, оставаясь недостижимыми для света Небесного Царства, вне сил, действующих в нем. Настоящий государь, ничего, что население искалеченное и нежизнеспособное. Ведь вход сюда только для одиноких, только для мертвецов, но как раз это обстоятельство сулит господину шеола (места, где нет Бога) царствование во тьме, которому не будет конца. Само название человека – челом к вечности – обернется для него судьбой, роком, потому что целую бесконечность будет он в услужении у рабовладельца.

Перед образованными интеллектуалами нельзя обнаружить себя грубым притворщиком, ведь они доверяют лишь проверенным сведениям, авторитетным источникам и упрямым фактам, известным всем. Поэтому им для сооружения приманки выгодно подольстить знакомой правдочкой, подтвердив их компетентность, а заодно приобрести у них доверие. В гетевской цитате роль живца играет смелая обнаженность темной силы в свидетельстве о себе: «хочет зла» (что-то вроде правды). Это показная честность, которая будет легко вывернута наизнанку при помощи шаловливой диалектики, так недостижимо возвышающей земных мудрецов над невеждами. Парадокс – друг ученого, питательная среда его размышлений, но в личных отношениях он враг однозначности, чистоты взаимности и с его помощью агрессор свое откровенное признание, а с ним и свое разоблачение, с изяществом превращает в легкий и веселый каламбур.

Важнейшую роль в определении личности человека играет желание. Собственно, оно выявляет его сущность. По слову одного из вселенских учителей Церкви, «человек есть желание». Конечно, по своему подобию этот закон имеет основание и в Отце человека. Только у Отца это желание всегда благое, а у нас чаще всего бывает не так.

Для наглядного пояснения определяющей роли желания в человеке приведем один эпизод из жизни удивительного христианина, жившего в четвертом веке. Он стал пустынножителем для поиска честных отношений с Богом и людьми. В числе первых подвижников, открывавших путь тем, кто предпочел полную сосредоточенность на общении с Вечностью временным сокровищам, он опытно узнал взаимность с Ней, а затем принял дар взаимности с людьми, уже избравшими тот же путь,

людьми, пока только возжелавшими его, и спутниками, сохранявшими это желание всего лишь как будущую возможность.

В терпеливом, изнурительном труде по отказу от властолюбивых земных ценностей и поиску, обретению и хранению сокровищ не отсюда он превзошел всех встреченных на своем пути братьев. Но однажды был потревожен вопросом, пришедшим невесть откуда: найдется ли где-либо аскет, если не богаче, то хотя бы в его меру владеющий духовными дарами? Этот вопрос так заинтересовал и увлек его, что он задал его своему собеседнику – Богу. Тот ответил своему чадицу, что он не превзошел в своих подвигах двух женщин из Александрии (порт в Египте).

Оставляя без внимания подробности, сообщим, что пустынный оставил свое место, пришел в Александрию, нашел в ней этих двух женщин и долго наблюдал за ними. Безрезультатно: он ничего не понял и принужден был обратиться к ним лично с просьбой разъяснить, чем же высока их жизнь. Они смутились перед старцем, в котором была видна одна душа, объяснили, что живут в семьях с мужьями, приходящимися друг другу братьями, и еще вчера разделяли с ними супружеское ложе. Поэтому не только о созерцании, но и о воздержании не может быть и речи.

Старец верил откровению, принятому им в пустыне, и взмолился о том, чтобы женщины доверили ему свою сокровенную жизнь. Те в застенчивости поведали, что, заключив брак, просили своих суженых ради веры остаться вместе с ними в девстве, но их избранники хотели многодетного семейства. Женщины доброхотно постарались исполнить их чаяния.

Сохранились слова инока в ответ на это признание: «Поистине Бог ищет не мужа и не монаха, не деву и не жену, а ищет свободное желание в сердце человека, принимая его как само дело». Ради этих простых, но смелых и сильных слов мы надолго задержали внимание читателя. Не требует доказательств утверждение, что самое величественное доброе дело, не основанное и не подкрепляемое неудержимым желанием сердца совершить его, – ложь, именуемая либо лицемерием, либо лукавством, либо фарисейством. Уточним, что желание, имеющее временные границы – каприз, а благое желание, не имеющее в своем младенчестве (в начале) пышного фасада из добрых дел, чаще всего не привлекает внимание людей, поскольку они не ищут этого царственного желания паче (более и прежде) всего прочего, не знают его родства с Истиной, и, конечно, не ценят его.

В духовной жизни справедливость определяется и утверждается взаимностью (например, чего не хочешь себе, не желай другому; над тем, кто судит без милости, будет суд без милости), поэтому есть и обратный порядок возникновения слепоты у человека, который вначале не верит, не замечает чужое желание, а вскоре не будет верить и придавать значение своему желанию, пока у него не будет зримых доказательств его исполнения. Ему всегда будет мало одного желания для того, чтобы пережить радость от посещения блага, он будет унывать от собственного бессилия и отчаиваться от отсутствия воплощенного чаемого. В качестве утешения людей с расслабленной волей приведем высказывание знаменитого ученика Сына Человеческого: «Несчастный я человек, то доброе, чего хочу — не делаю, а злое, чего не хочу, то делаю». Он доверял своей совести, а препятствие в осуществлении своего желания видел в последствиях смертельной болезни, которая нуждается в терпеливом врачевании, путем открытия своих ран перед Сыном Человеческим.

Хотим обратить внимание читателей на странности в поведении старца. Он, воспитатель многих, знавший события Нового Завета наизусть, так искренне, так торжественно (как гимн вере) воспевает мысль, которая многократно повторялась еще и еще раз за разом Сыном Человеческим. Он говорил всем нам, что мы, видя, не видим, и, слыша, не слышим. Однако поверить этому и узнать, каким образом неуловимая слепота действует в нас, мало кому удастся, как не удалось даже ближайшим ученикам Христа во время Его земного пути.

Чтобы приблизиться к пониманию этого, казалось бы, абсурдного откровения о нас, вспомним, что обладание полнотой сведений о том или ином предмете не помогало установить связь между ним и нашей жизнью. Примерно как школьник, выдолбивший формулы по физике, может подставлять в них значения исследуемых величин и получать конкретный ответ, но понять, что означает для него ответ, а тем более, почувствовать реальную взаимосвязь этих параметров природы между собой, видеть ее повсюду вокруг себя, выявить факторы, которые ограничивают или нарушают эту связь, не может (чаще всего даже не догадывается, что это возможно). Более того, формальное знакомство с неким явлением без малейших угрызений совести уживается с прямо противоположным житейским мнением о характере и особенностях участия данного явления в среде нашего обитания. Набивший оскомину пример — горячее желание человека во время грозы укрыться от электрического заряда под деревом, которое как раз притягивает его, сокращая путь движущегося заряда через плохо проводящую среду к земле. А ведь такая ошибка грозит потерей здоровья...

(Мак. л.) ...

Мефистофель

Зачем ты горячишься? Не дури.
Листка довольно. Вот он наготове.
Изволь тут расписаться каплей крови.

Фауст

Вот вздор! Но будь по-твоему: бери.
Какие-то ходульные условия!

Мефистофель

Кровь, надо знать, совсем особый сок.

Фауст

Увы, тебя я не надую.
Я – твой, тебе принадлежу,
Раз обещаю к платежу
Себя и жизнь свою пустую,
Которой я не дорожу.
Чем только я кичиться мог?
Великий дух миропорядка
Пришел и мною пренебрег.
Природа для меня загадка.
Я на познание ставлю крест.
Чуть вспомню книги – злоба ест.
Отныне с головой нырну
В страстей клокочущих горнило,
Со всей безудержностью пыла
В пучину их, на глубину!
В горячку времени стремглав!
В разгар случайностей с разбегу!
В живую боль, в живую негу,
В вихрь огорчений и забав!
Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неумоимости всечасной
Себя находит человек.

Мефистофель

Со всех приманок снят запрет.
Но, жаждой радостей терзаем,
Срывая удовольствий цвет,
Не будь застенчивым кисляем,
Рви их смелее, – мой совет.

Фауст

Нет, право, ты неподражаем:
О радостях и речи нет.
Скорей о буре, урагане,
Угаре страсти разговор.
С тех пор как я остыл к познанию,
Я людям руки распростер.
Я грудь печалям их открою
И радостям – всему, всему,
И все их бремя роковое,
Все беды на себя возьму.

Мефистофель

В течение многих тысяч лет
Жую я бытия галет,
Но без изжоги и отрыжки
Нельзя переварить коврижки.
Вселенная во весь объем
Доступна только провиденью.
У бога светозарный дом,
Мы в беспросветной тьме живем,
Вам, людям, дал он во владенье
Чередование ночи с днем.

Фауст

А я осилю все.

Мефистофель

Похвально.
Но жизнь, к несчастью, коротка,
А путь до совершенства дальний,

Нужна помощника рука.
Возьми поэта на подмогу.
Пусть щедро он тебе привьет
Все доблести по каталогу:
Бесстрашие льва, оленя ход,
Страсть итальянца, твердость шведа.
Его рецепту ты последуй,
Как претворить в одну черту
Двуличие и прямоту.
Затем со страстью перевозданной
Пусть влюбит он тебя по плану.
Все мыслимое охвати,
Стань микрокосмом во плоти.

Фауст

Что я такое, если я венца
Усилий человеческих не стою,
К которому стремятся все сердца?

Мефистофель

Ты – то, что представляешь ты собою.
Надень парик с миллионом завитков,
Повысь каблук на несколько вершков.
Ты – это только ты, не что иное.

Фауст

Итак, напрасно я копил дары
Людской премудрости с таким упорством?
Я ничего своим усердьем черствым
Добиться не сумел до сей поры.
Ни на волос не стал я боле крупен,
Мир бесконечности мне недоступен.

Мефистофель

Ты в близорукости не одинок,
Так смотрите вы все на это дело.
А нужен взгляд решительный и смелый,
Пока в вас тлеет жизни огонек.

Большой ли пользы истиной достигнешь,
Что, скажем, выше лба не перепрыгнешь?
Да, каждый получил свою башку,
Свой зад, и руки, и бока, и ноги.
Но разве не мое, скажи, в итоге,
Все, из чего я пользу извлеку?
Купил я, скажем, резвых шестерню.
Не я ли мчу ногами всей шестерки,
Когда я их в карете разгоню?
Поэтому довольно гнить в каморке!
Объедем мир! Я вдаль тебя маню!
Брось умствовать! Схоластика повадки
Напоминают ошалевший скот,
Который мечется кругом в припадке,
А под ногами сочный луг цветет.

* * *

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Мощь человека, разум презирай,
Который более тебе не дорог!
Дай ослепленью лжи зайти за край,
И ты в моих руках без отговорок!
Нрав дан ему отчаянный и страстный.
Во всем он любит бешенство, размах.
От радостей земли он ежечасно
Срывается куда-то впопыхах.
Я жизнь изведать дам ему в избытке,
И в грязь втопчу, и тиной оплету.
Он у меня пройдет всю жуть, все пытки,
Всю грязь ничтожества, всю пустоту!
Он будет пить и вдоволь не напьется.
Он будет есть, и он не станет сыт,
И если бы он не был черту сбыт,
Он все равно пропал и не спасется.

(З. У. пр.) ... Если для того, чтобы объяснить слепоту рассудка, мысли можно привести поясняющие примеры, то продемонстрировать наглядные образцы слепоты сердца затруднительно и даже невозможно.

Должно совершиться чудо, но это не чудо исцеления, возвращающего зрение уму, а чудо обретения веры, которое откроет эгоисту, что он слеп сердцем, закрытым для других. Это чудо откроет путь к другому чуду, в котором прошение о прощении предательства (принесенного, например, безразличием или невежеством), вызвавшего утрату ближнего (который стал чужим), встретится с милостью, несущей свет взаимности. Можно годами, десятилетиями ходить рядом с человеком, на каждом углу наткнуться на него, но так и не встретиться с ним. Нужен удар грома, чтобы заглушить шум всевозможных делишек, благодаря которому пострадавший потеряет способность откликаться на эти делишки и, наконец, сделает открытие, что его главное дело еще не началось. Если не испугаться этого открытия, то оно напомнит нам, что жизнь невозможна без пока еще не встреченного, что он необходимая наша часть. Одно уже это прозрение сделает нас живыми, благодаря надежде на будущую встречу с ним, хотя в данную минуту могут быть скрыты как реальная острота необходимости в нем (до полной нищеты без него), так и ясные черты его облика.

С этого момента может начаться зрячий путь человека рука об руку с другим, на котором надо учиться радостно доверять и открываться, хранить дружбу, возводящую их существование в бытие и дарующую блаженное единство, которое всегда. Вот эта наша злая слепота на очевидное невидимое не позволяет нам ощутить нашу же природную способность быть счастливым в потаенном мире свободного единства двоих и многих, когда ты не являешься владельцем и распорядителем ценности, подобной себе, а она сама, по своему желанию, выбирает быть с тобой всегда вопреки всему, принося и утверждая постоянное живое чудо общения.

Сын Человеческий места для поиска жизни указал такими словами: попробуйте найти сокровище, находящееся на небе, и это откроет вам путь на небо, потому что где будет ваше сокровище, там будете и вы, желающие его. Желание указывает на точный адрес нашего сокровища, которое в символах «Азбуки» именуется то бисером, то драхмой, то талантом, и, как бывает с величайшей драгоценностью, потеряв ее, ищут, находят, а найдя, продают все, что имеют, чтобы получить ее. На языке этих символов небом называется живая душа, прежде всего Бога, а потом и всех Его детей. Нам, бесчувственным, Он сказал, что это Небо, устроенное как Царство, есть в каждом из нас. Немногие обнаружили нужду в нем и потом искали его, и уж считанные единицы

обрели его здесь, еще на земном пути (потому имеет такую силу общечеловеческая молва, что невидимые богатства — это выдумки обиженных неудачников).

Люди соединяются своим небом (небо к небу), а потом к нему, как на лозе, прирастает все остальное, осязаемое для тела. Часть Неба Творца есть в каждом, но и небо каждого есть в Нем. Эта взаимность есть и может быть осуществлена в полном подобии между одним человеком и всеми остальными. Еще до очной земной встречи наше небо могло бы узнать тех, кого мы встретим в будущем, также верно и со стороны других, что среди них есть неведомые нам люди, которые ждут нас и ждут лучшего времени, когда мы откликнемся на их ожидание. Описаны случаи первых встреч, в которых их участники совершенно определенно ощущали себя старыми знакомыми, и это убеждало их, что заключение дружбы совершается на небе. Это называется не начать знакомство, а продолжить его, узнав в предназначенный момент своего, с которым тихо был всегда.

Относительно наших сокровищ Новый Закон сообщает кому-то приятную, а кому-то ужасную истину. Он говорит, что наша вера обязательно осуществится и нам будет дарована та жизнь, которую мы призывали нашей верой*. Именно вере принадлежит наша внутренняя убежденность, что то или иное нас сделает счастливыми (это и есть выбор тайного сокровища), христианская вера человеческое представление о счастье возводит в ранг блаженства, которое сопряжено с взаимностью свободных душ (т. е. действующим, осуществленным благом соединения двух небес). Не побоимся повторить еще раз, что вера Нового Завета — это не план-схема, наполненная предположениями и догадками, позволяющая лишь на ощупь пользоваться недоступно-непонятым, а твердая определенность нематериального мира, выявленная до очевидности, благодаря созерцательным способностям очей нашего сокровенного человека.

Вера человека может презирать слабых, ненавидеть нуждающихся, бояться честных, симпатизировать знаменитым или боготворить кошечек, тяготиться ответственностью и липнуть к гормональному. Сам он об этом может даже не догадываться, но жизненная стратегия и тактика такого индивида будет выстраиваться день и ночь так, чтобы его вера сбылась, осуществилась. При этом любопытно

* Верой не притворной, а реальной, например, такой, расхожей: меня неспособны понять, а люди либо недостойны меня, либо вовсе ничтожества.

проследить судьбу тех вредителей, которые, пусть даже нечаянно, помешают такому верующему строить свое тайное счастье – они не поймут, да и не смогут выдумать толковых предположений, почему тот грубо и категорично вычеркнул их из списка знакомств с разрешением на жизнь.

Итак, веру каждого можно легко узнать по тому, как он представляет себе рай и ад – набор тайных возжеланий и предпочтений против собраний невидимых истязаний и мук*. Это место окончательного и полного исполнения наших упований, в котором будет царить абсолютное счастье без наималейшего огорчения или место окончательного, беспросветного несчастья из-за полной утраты, по своей вине, райского добра. (Людам, уверенным в знаниях своих предпочтений и антипатий, «Азбука» предсказывает, что для них обстановка в последнем приюте окажется большим сюрпризом, вне зависимости от его названия.)

Тех, кто не имеет смелости признаться самому себе в своей вере, напугаем еще сильнее, приведя обещание Нового Завета – все тайное обязательно станет явным, а тому, кто не знает, как это может осуществиться, но кто имеет смелость, подскажем простое упражнение. Выберите определенный промежуток времени и в течении его совершенно (до конца, даже в мыслях) откажитесь от предмета, который вы будете проверять на ценность, значимость для вас. Если данная привычка или данный продукт, этот субъект или эта идея освободят вас на время разлуки от воспоминаний и тяги к нему, то есть расставание не причинит заметных неудобств, то испытываемый предмет не является вашим сокровищем. Такой опыт называется постом.

Для того, чтобы оценить подлинность радостных событий у героев романа, особо отметим свойство желаний, ведущих к жизни в будущем и формирующих иллюзорное настоящее. Наглядность нам обеспечит пример одного исторического лица, еще в юности решившегося на сознательный поиск блаженства. В начале он отказался от имуществ, не видя в нем искомого, потом отказался от власти, безделья, суеты, славы и подобного им. Его пример помог нащупать путь к блаженству многим соотечественникам, но однажды они неожиданно-негаданно нашли его горько плачущим. Им стало страшно, так как уже много лет они видели его радостно-спокойным, приветливым и жизнелюбивым. Ученики решились задать вопрос о причинах его плачевного состояния, опасаясь, что это результат его предательства (падения), победы над ним

* Можете на сомневаться, он есть у каждого!

соблазна, от которого он не смог отказаться. Вопрошаемый отверг это и подобные ему предположения, открыв, что дело в утрате, которую он пережил. Его воспитанники выразили недоверие его словам, поскольку были свидетелями того, что он давно ничего не имел, что владело бы им. Тогда он объяснил, что его горе вызвано утратой желаний, из-за того, что они сбылись.

Серьезным, ответственным людям иногда доводится дожить до исполнения их чаяний здесь, на земле, для того чтобы они успели, смогли найти новые, бездонные, настоящие. Признак благодатности этих желаний заключается в том, что они приходят и исполняются, но встреча с ними не исчерпывает их, а открывает их новые возможности, сохраняя при этом уже обретенное при встрече. Так, влюбленные могут искать радость познания друг друга каждый день, и не устать, а обнаруживать, что их отношения, а значит, каждый из них, неохватен, так что нужда в новой встрече будет только расти.

Именно так, узнавая другого, тебя становится больше, узнавая новое в единстве, обязательно открываешь новое в себе. Встреча с другим необратимо меняет человека. Конец взаимных желаний при сохранении привычных добрых отношений приводит к тому, что участники совместного плавания не замечают кораблекрушения. Они с глубокой убежденностью полагают, что уже знают досконально как другого, так и себя, беспечно пребывая в иллюзии, что круиз продолжается. Это один из грозных признаков смерти – окончательное понимание взаимоотношений с кем-либо. Точно так же окончательный диагноз состояния организма возможен только после его смерти, исчерпывающему познанию доступен лишь труп.

Уместно напомнить здесь, что непознаваемость Бога – это не отрицательная черта Его, ошибочно трактуемая как недоступность, а положительная: Он открыт, Он познаваем, но так необъятен, что познание – влюбленность в Него – никогда не исчерпается и не остановится. И мы можем стать подобными Ему, узнавая Его вновь и вновь, и мы становимся другими и тоже без предела своих новых возможностей. Другими словами, рай и ад – это не решение какого-либо суда, как приговор за содеянное человеком.

Это осуществление выношенного в себе за земную жизнь главного желания человека. Желания, которое избавится от своих кожаных одежд и проявится, обнажится вхождением либо в вечную жизнь, либо в вечную смерть. Души не исчезнут, они обретут совершенный сосуд

(воскресшее тело) и будут пребывать либо в одиночестве без тех, кто хуже тебя, либо вместе с другими, в забвении себя. Делая тот или иной выбор на земле, мы не чувствуем, что выбираем в будущем рай или ад (люди слишком несерьезны и безответственны в обыденной среде), а на самом деле своим отношением мы помещаем себя в них уже здесь. С концом земного пути этот выбор с неизбежностью обнаруживает себя и становится неизменным, так что страшный суд всего лишь правдиво свидетельствует, запечатлевает и утверждает в вечности истинное желание сердца человека.

Духи тьмы еще до последнего суда сделали свой окончательный выбор, поэтому они не будут участвовать в нем. Так, используя свою свободу, они ненавидят свободу других, желая похитить обманом саму возможность иного выбора у людей, всегда хотят разрушить дружбу, единство, разделить всех со всеми, яростно желают делить на части и самого человека – растлить целостность чувств, мыслей, движения души и воли. Такое расчленение называется тлением, распадом личности, подобно тлению тела, распадающегося на клетки, а потом на атомы и элементарные частицы...

(Мак. л.) ...

Студент <...>

Отдамся лучше богословью.

Мефистофель

О нет, собьетесь со стези!
 Наука эта – лес дремучий.
 Не видно ничего вблизи.
 Исход единственный и лучший:
 Профессору смотрите в рот
 И повторяйте, что он врет.
 Спасительная голословность
 Избавит вас от всех невзгод,
 Поможет обойти неровность
 И в храм бесспорности введет.
 Держитесь слов.

Студент

Да, но словам
 Ведь соответствуют понятия.

Мефистофель

Зачем в них углубляться вам?
Совсем ненужное занятие.
Бессодержательную речь
Всегда легко в слова облечь.
Из голых слов, ярясь и споря,
Возводят здания теорий.
Словами вера лишь жива.
Как можно отрицать слова?

* * *

Ведьма

Слепа, простите за прием!
Но что ж не вижу я копыта?
Где вороны из вашей свиты?

Мефистофель

Прощаю. В промахе твоём
Виновна долгая разлука.
О том не пророню ни звука.
Все в мире изменил прогресс.
Как быть? Меняется и бес.
Арктический фантом не в моде,
Когтей ты не найдёшь в заводе,
Рога исчезли, хвост исчез.
С копытом вышел бы скандал,
Когда б по форме современной
Я от подъёма до колена
Себе гамаш не заказал.

Ведьма

(приплясывая)

Я просто обворожена,
Вас видя, душка-сатана!

Мефистофель

Найди другие имена,
А это мне вредит во мненье.

Ведьма

Что вредного в его значенье?

Мефистофель

Хоть в мифологию оно
Давным-давно занесено,
Но стало выражать презренье.
Злодеи – разговор иной,
Тех чтут, но плохо с сатаной.
Ты можешь звать меня бароном,
И я, как всякий князь и граф,
На то имея больше прав,
Горжусь своим гербом исконным.
(*Делает неприличный жест.*)

Ведьма

(*смеясь во все горло*)

Ха-ха-ха-ха! Года идут,
А вы все тот же шелапут!

Мефистофель

(*Фаусту*)

Все эти ведьмы льнут ко мне.
Учись, как с ними обходиться.

Ведьма

Чем я могу вам пригодиться?

(З. У. пр.) ... Как можно с доверием воспринимать слова в визитной карточке эпитафия, которые обещают благо от зла? Как ни странно, основания для него есть, и серьезные. Никто и никогда, вкусив зла, не возвращался к добру, опираясь не только на свои силы, но и на помощь праведников и пророков. Можно усилить это утверждение, сказав, что никто и никогда не видел блага от людей, живших под солнцем (мы имеем в виду не мимолетное благо, намек на него или искорку его, а действительное самозабвенное отдавание себя другому без обид, претензий, ожидания благодарности и усталости в служении).

Так, его наименование – благо – остается звуком, не наполненным практическим содержанием в душе человека, которое должно приходить

с жизненным опытом. Это слово пусто для людей, и на место пустоты приходят подвернувшиеся по случаю мелкие смыслы – заменители. Так что же и когда приходит к человеку на место блага и поселяется под его именем? То, за что продается единство друзей, предатель начинает переживать как главное свое достояние, без которого ему будет мука. Все, высокое и низкое, схожее с благом и противоположное ему, реальное и вымышленное, все, что знает цивилизация способно заместить благо, а оно, настоящее, становится невыносимым, как невыносим взгляд того, кто был предан тобой. Удивительно, истинное благо, рискуя быть забытым всеми, дает свободу не только человеку, но и его сердцу и даже его памяти, а фальшивое лишает его свободы даже в желаниях, не позволяя расстаться с собой.

Путаница, возникшая среди людей в отношении блага, преодолевается наблюдением за плодами, сопровождающими его появление. Два господина предложили свои сокровища. Один говорит о себе явно (и ему не верят), а второй прячется (и его слушают, как себя). От даров одного всегда можно отказаться, взявши у другого попадаешь в кабалу. Сын Человеческий говорил о свойствах одних, как о воде, вызывающей жажду, а о других, как о воде, утоляющей жажду навсегда. Этими водами, в свою очередь, растворяются все мысли, слова и дела выпившего их.

И столь вкусна у господина с переменчивой внешностью похлебка, что отобедавшие у него гости за право получить ее вновь отказываются от своей свободы даже клеточками своей памяти и совести. Повидимому, этот отказ тоже прописан в договоре с продавцом, только может быть, очень мелким почерком. Справедливости ради отметим, что находятся отважные бунтари, которые вдруг спохватываются по утрате свободы и бесстрашно бросаются возвращать ее, выступая против рабства тиранов и тоталитарных обществ, рабства человеческим условностям и традициям. Они сами готовы умереть за свою независимость от них и привести с собой на героическую смерть всех желающих сбросить оковы, навязанные обществом.

Это настоящий праздник для господина Инкогнито, приветствующего безумство храбрых, организующих массовую гибель соплеменников без его помощи. Сумасшествие защитников всего хорошего утверждается их убежденностью в правоте творимого дела и в своем моральном здравии, возводящей борцов со злом на земле в когорту лучших представителей человечества. Действительно, внешне их прорыв к новой человечности бывает похож на триумф сил света над тьмой позорных

предрассудков, который для убедительности может сопровождаться реализацией свободы совокуплений или осуществлением свободы стимулировать иллюзии и галлюцинации.

Однако напомним, что некоторые дары только выдаются бесплатно, а потом, как при кредитовании, требуют платы за счет талантов души, растраты ее сил и возможностей, а главное – способности к личной свободной внутренней жизни, к реальной дружбе. Для людей, испытывших такое, есть свое наименование – поврежденный или падший.

Можно ли жить и дружить с инвалидом? Конечно, но нужно всегда помнить о его слабостях и бережно, заботливо относиться к нему (не угасить в нем тлеющего льна). И он, в свою очередь, должен помнить, что у него есть утраты во внутреннем составе и его способности, в связи с утратами, не дотягивают до среднеарифметического прожиточного уровня и поэтому без бунта, без ропота согласившись со своими недостатками (а это означает отсутствие обид на Бога и претензий к здоровым), нужно стать осторожным всегда (забвение ведет к усугублению инвалидности) и согласиться мирно терпеть боль своих немощей. Это сложные отношения, нуждающиеся в постоянной взаимной милости, но в награду осознанное, зрячее преодоление обоюдных несовпадений и несовершенств может сделать эту выстраданную дружбу вдвойне блаженной.

Больное тело и больная душа не могут быть непреодолимым препятствием для дружбы, также как земная кончина не способна разлучить любящие души. Но память человека на невидимое еще короче, чем память на окружающую видимость, поэтому дружба между ранеными грехом создается с большим напряжением сил, сугубой тщательностью и кропотливостью. Проверьте, результат стоит трудов. Вообще тот, кто возвращается от существования к жизни, больше ее ценит и глубже чувствует, чем до своей измены ей. Воскресшие отношения (не по видимости, а по существу) лишены страха их утраты, так как бездна уже преодолена, и у познавших силу воскресения уже никто и никогда не отнимет радость жизни. (Внимательный читатель скажет, что его намеренно запутывают, так как мы сообщали, что утрата, вызванная изменой, необратима, и, вдруг, когда возникло доверие к этой информации, появляется новое слово, с помощью которого эта самая необратимость оказывается преодоленной. Читатель, ты чуть-чуть прав, мы немножко забежали вперед, не предупредив тебя, но обмана не было, утрата взаимности действительно окончательная для изменщика, и

таких, как он, несчастных предателей, если они будут искать выхода в опоре на собственные силы. В этом месте мы прервемся до времени и пока умолчим об одной невероятной возможности выбраться из уз смерти.)

Мы уже не раз заговаривали о рабстве и зависимом положении предателей. Теперь очередь подробнее описать кнут рабовладельца и оковы, которыми он принуждает подчиниться ему. Как и господин, все его имение невидимо, но его наручники крепче железных – это непреодолимая тяга к предмету вождления. Если просто так отнять эту страстную любовь, все становится не только бессмысленным, но и ненужным. Эта любовь, от которой невозможно отказаться. Ну а кнут – это страх ее потерять, усиливающийся возрастающим голодом, пугающий будущим без нее, без обладания желанным предметом. Вот результат метаморфозы, происшедшей с людьми, бросившимися за пустяковым счастьем: их первозданное естество, принимавшее и раздающее благо без усилий, немедленно легко и незаметно для себя, утратило этот талант.

Еще одна утрата выяснилась при встрече со злом. Прежнее отношение к нему, как к пустому и никчемно-неопасному, не замечавшее его (как не обращают внимания на дешевый стеклярус), пропало, и на него открылись очи, и пришло признание его, как силы и власти, оно стало вождленным.

Цельный, чистый человек недоступен видимым и невидимым болезням, он неуязвим для них, точно так же он не мог быть ранен чем-либо внешним (Сын Человеческий тоже не мог пострадать от грешников и их зла. Его раны не от воздействия темных сил, а оттого, что Он захотел разделить со своими детьми их болезни, на Нем язвы наших страданий и наша смерть. Главное чудо Христа не в Его пришествии к нам, а в том, что Его соединенность с нами – до конца, до разделения гроба с каждым человеком, до сошествия в ад наших душ. Он так отвергся Себя ради нас, что жил исключительно нашей жизнью, а наша жизнь для Него оказалась смертью. Смерть Иисуса Христа – самое великое чудо Православия. Он по естеству был выше всяческих обстоятельств (царем) и мог этими обстоятельствами управлять по собственному усмотрению, как Он повелевал всей природой.)

Поменяв ориентацию своих ценностей, он неожиданно оказался в неведомой доселе ситуации, которая была предсказана ему как потеря жизни – смерть. Благо не забылось совсем, но стало тяжелым в своем постоянстве, мучительным, невыносимым. Теперь встреча с Благом

лицом к лицу грозила уничтожением, посмотреть Истине в глаза с тех пор никто не мог, иначе бы сгорел. (То, что Сын Божий был под образом Сына Человеческого, принесло возможность грешникам беседовать с Ним и принимать от Него дары, не опаяясь Светом, поэтому тайна вочеловечивания Бога служила сбережению погибающих, а не попытке запутать их и оставить в неведении.)

Способность встречи с благом сохранилась, как возможность его вспышки, всплеска, как смутная догадка с памятью на глубине, что добро не чуждо нам вовсе, в осознании острого дефицита блага как в собственной жизни, так и в жизни окружающих.

Однако, Его не просят, как диковинку, а требуют, срываясь в обиды на других, в том числе и на Бога. Подлинного блага среди людей почти не стало, но вопреки этому расплодилось его показы на ток-шоу и дефиле, умножая, тем самым, число его знатоков и его носителей. Стало хорошим тоном вносить символы добра в свой девиз на родовом гербе, присваивая право считаться благодетелем по признакам кровного родства. Престижным стало получать награды за самоотверженное утверждение блага вокруг себя, им стало возможным гордиться и ему же неистово учить молодое поколение и прочих невежд. За него стало можно объявлять войны и доблестно утверждать его огнем и мечом.

А вот другое, когда-то, вначале, противоположное ему по сути и противоестественное людям по природе, стало сначала обычным, привычным, а потом невинным, и оттого желанным и приятным, так что теперь его нельзя назвать грехом. В честном поединке, поле которого служит душа человека, вновь изобретенное прогрессивное благо всегда легко побеждает благо старое, окостеневшее и отжившее. Оно, воцарившись на святом месте, стало второй природой людей (которую «Азбука» называет падшей, о которой довольно быстро сложилось убедительное мнение, что именно она, а ничто другое, является природой первой и имеет право называться естеством человека).

(Мак. л.) ...

Фауст

Сведи меня с той девушкой.

Мефистофель

С которой?

Фауст

Которую я на углу настиг.

Мефистофель

Она сейчас лишь вышла из собора,
Где отпустил грехи ей духовник.
Я исповедь подслушал, в ту же пору
За нею тайно прошмыгнувши вслед.
Ей исповедоваться нет причины,
Она, как дети малые, невинна,
И у меня над нею власти нет.

* * *

И говорит: «Дитя, не тронь серег.
Неправое имущество не впрок.
Пожертвуем-ка эти украшения
Заступнице небесной в приношенье».
Дочь смотрит на каменьев перелив
И думает: «Ужель так нечестив
Даритель и его проступок грубый?
Даренному коню не смотрят в зубы».
Был совещаться вызван капеллан,
И он одобрил материнский план.
«Вы приняли разумное решение,
Мир вашей добродетельной душе:
Кто жадность победил, тот в барыше.
А церковь при своем пищеваренье
Глощает государства, города
И области без всякого вреда.
Нечисто или чисто то, что дарят,
Она ваш дар прекрасно переварит».

Фауст

Как и всеядец ростовщик еврей
И главный королевский казначей.

* * *

Ортодокс

Оберон хоть без рогов,
Все же черт в итоге,
Как и все в конце концов
Греческие боги.

* * *

Пурист

Ведьм хотя и весел круг,
Но нецеломудрен.
Только, например, у двух
Нос едва припудрен.

Молодая ведьма

Пудру на лицо и лиф
Надо престарелым,
Я ж красуюсь, все раскрыв,
Обнаженным телом.

Матрона

Мы б вели напрасно спор
О вопросах плоти.
Вы ж, голубка, до тех пор
Заживо сгниете.

* * *

Флюгер

(поворачиваясь в одну сторону)
Сливки общества, верхи,
Только званым место.
Избранные женихи,
Лучшие невесты!
(Поворачиваясь в другую сторону.)
Провались в тартарары
Проходимцы-гости.
А не то я сам с горы
Провалюсь со злости!

Ксении

Лязгом ножниц на ремне
Дайте насекомым
Туш исполнить сатане
И его знакомым.

Музагет

Я пришел на юбилей
И застрял до часу.
Ведьмы севера милей
Девственниц Парнаса.

* * *

Светский человек

Чем фальшивей пустосвят,
Тем с ним спор бесцельней;
Даже брокенский разврат
Для него молебня.

* * *

Догматик

Нет, критикой меня не сбить.
Раз черт есть вид объекта
То, значит, надо допустить,
Что он и сам есть некто.

* * *

Супернатуралист

Я здесь не просто ротозей:
О выводах заботясь,
До ангелов я от чертей
Дойду путем гипотез...

(З. У. пр.)... *Новой природе человека, питающейся новым благом, естественно (легко, как вздох здоровых легких в сосновой рощице на берегу моря) и даже приятно получать (и трудновято отдавать); просто забывать о тех, кто нам одолжил (и упорно помнить тех, кому мы дали); остро чувствовать плохое отношение к себе (и даже в снах не догадываться о той боли, которую несем другим); простить обидчика, согласно хорошему воспитанию, но при этом чуть-чуть отдалить его от себя, насколько это возможно, а если нет, то стать осторожным и недоверчивым с ним. Такой человек, само собой, как будто так и должно уметь забывать без малейших усилий (обещания, долги, свое достоинство, то, что кроме тебя могут быть другие люди...), умеет быть*

бесчувственным и при этом точно знает, что конец всего так далеко, как коммунизм от Америки. Новодельное благо воспринимается как абсолютная и несомненная ценность, не требующая доказательств своего величия, хотя, благодаря своей общечеловечности, бывает многолика. Эта особенность возжеленного добра запечатлена в человеческой культуре изображением различных идов. Из их пантеона нынешний поклонник выбирает себе основного, как ему кажется, первородного из них, а остальных держит как вспомогательных.

Вот объяснение парадокса в эпиграфе – не приносится и не дарится исконное благо, а создается из ничего новое, вызываемое чудесами, предложенными в пустыне искусителем всем сынам человеческим. Конечно, новое благо годится только для нового человека, который преобразается вместе с его принятием, после чего изуродованный перерожденец способен насладиться пустотой, завернутой в иллюзию.

Зло под видом галлюцинации добра создает своего, как бы неповторимого потребителя – самодовольного индивидуума. Новое благо, подаренное злом – враг первозданной жизни, паразит, питающийся продуктами распада цельного человека, оно – милое лицо напудренного покойника.

Оставим все-таки такому благу его настоящее имя – зло. Это необходимо для того, чтобы постоянно указывать на людское лицемерие, скрывающее смертельную влюбленность в грех под маской любителя свободомыслия, всего прогрессивного и человеколюбивого, или ценителя смирения, который не слышал вокруг себя (и сам не высылал) требований и угроз Богу, чтобы Он водворял справедливость и уничтожал злодеев. Думаю, что тот, кто не заметил за собой этих гневных просьб, может хотя бы вспомнить слезливые претензии к Всевышнему (или сердечные недоумения) в том, что Он не останавливает разбойников ударами судьбы и не насылает на душегубов и их родственников горе и страдание.

Причина сетований на Всевидящего судию лежит в вере грешных людей. Они убеждены, что грех делает человека-злодея счастливым, и поэтому требуют положить конец этому блаженству. Падшее человечество не может даже представить себе ситуацию, в которой грех не только не может принести счастье, но сам по себе становится горем для человека, так что тот уже не требует дополнительного истязания, чтобы уравновесить украденное добро ударом боли.

В этом и состоит гибельное состояние человечества, что оно верит в исключительность счастья с грехом и только с ним (поэтому для приличия грех иногда прикрывают необходимостью особого проявления свободы человека, что очень благородно), оно не чувствует страдания разрушающейся и умирающей души. Представители высокоразвитой цивилизации знают наверное (точно), что главные мучения наступают, когда грех безвозвратно отнимают и поэтому нет для них хуже пророчества, чем пророчество, обещающее исчезновение греха.

Грех – это синоним смерти, это – маленькая, окончательная смерть, присутствие которой исключает наличие жизни в человеке, разрешая ему пользоваться только фотографиями прошлого. Прямое название происходящего с нами – состояние умирания, но такого умирания, в котором стало приятно пребывать. Нам понравилось с гибельным восторгом сладостно пропадать. В своей беспросветной слепоте самообмана мы, уже за границей царства жизни, боимся наказания от Бога за грешки здесь и в будущем веке, не понимая, не чувствуя, не предполагая, что самое тяжелое наказание – остаться в лапах греха или холуем греха, во власти непроницаемого бездеятельного одиночества.

Богу никогда не надо было преследовать людей за их зло. Он мог оставить нас и Его забвение своих блудных чад, исключение из Своей памяти, из дыхания Своих уст немедленно привело бы к возгоранию в них неугасимого огня сожаления об утраченных возможностях, дало бы свободу неусыпающему червю неосуществимых желаний в гробе беспомощного бессилия, причмокивая, жрать нас, без предоставления нам утешительной возможности потерять сознание и перестать чувствовать.

Для человека первого естества (первой свежести), знающего, что замена друга на удовольствия – это единственное горе, воровать у друга или у Отца, или у Сына – безумие. Но для человека второго естества (второй свежести), убежденного, что души нет не только в нем, но и в другом, и в Отце, и в Сыне, как нет и единственного блаженства в служении дружбе; что не брать, не рвать, не отпихивать – добровольное безумие, топчущее счастье. Можно сказать, что мысль Достоевского о том, что если вечности нет, то все можно – слабовата... Если ее нет, то совершенно необходимо всеми силами добиться счастья здесь и обязательно успеть, даже если нужно всех стереть.

Мы считаем, что эпитафия, текст которого взят из знаменитого произведения, отсылает к одной из самых тяжелых, а потому наиважнейших проблем, волновавших сокровенного человека в Булгакове и всех тех, кто искал подлинную жизнь. Именно поэтому к нему необходимо отнестись без примеси снисходительной расслабленности и благодушной шутиivosti. Теперь пора сделать предположение, что Булгаков, следуя смыслу эпитафии, вознамерился написать роман именно о том, как людям предложили умереть, и они, весело принимая это приглашение, всем своим существом полюбят смерть, выстроятся в длинную очередь за ней и с удовольствием самозабвенно будут умирать, светло празднуя свое исчезновение.

Посмотрим, получилось ли у Михаила Афанасьевича показать это и верны ли наши догадки...

Глава III. О ЗАГЛАВИЯХ

(ознакомительная)

Итак по плодам их узнаете их.

Мф. 7:20

Он же спросил их: а вы за кого почитаете Меня?

Лк. 9:20

Знакомство с романом мы хотим начать от печки, с названия первой его главы. Мы ждем интригующего повествования о неизведанном, богато украшенном различными чудесами. Однако желание узнавать новое немедленно заставляет нас впасть в противоречие с тем, что написано в первых же строках книги. Как быть любителям встречи с неизвестным, если само начало романа не советует нам этого: «Никогда не разговаривайте с незнакомцами». Любопытные легко преодолеют этот парадокс, осторожные же могут уладить такое недоразумение тем, что вспомнят, как прежде наши прадеды высказывались про надобность знакомств и про отношение к разговорчикам в них. Советы же нашей эпохи, которые предлагают незнакомца либо встречать любезно, с богатыми подношениями, либо (чтобы не было худо) встречать, как врага, с оружием в руках, мы способны принять к сведению, но к исполнению их допустить не можем, так как достаточных оснований для выбора одного из них у нас нет....

(Мак. л.)...

Фауст

Одна, в несчастье, в отчаянье! Долго нищенствовала – и теперь в тюрьме!

Под замком, как преступница, осужденная на муки, – она, несравненная, непорочная! Вот до чего дошло! – И ты допустил, ты скрыл это от меня, ничтожество, предатель! – Можешь торжествовать теперь, бесстыжий, и в дикой злобе вращать своими дьявольскими бельмами! Стой и мозолю мне глаза своим постылым присутствием! Под стражей! В непоправимом горе! Отдана на расправу духам зла и бездушию человеческого правосудия! А ты тем временем увеселял меня своими сальностями и скрывал ужас ее положения, чтобы она погибла без помощи.

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Стыдись, чудовище! – Вездесущий дух, услышь меня! Верни это страшилище в его прежнюю собачью оболочку, в которой он бегал, бывало, передо мною ночами, сбивая с ног встречных и кладя им лапы на плечи. Возврати ему его излюбленный вид, чтобы он ползал передо мною на брюхе и я топтал его, презренного, ногами! – Не первая! – Слышишь ли ты, что говоришь? Человек не мог бы произнести ничего подобного! Точно мне легче от того, что она не первая, что смертных мук прежних страдалец было недостаточно, чтобы искупить грехи всех будущих! Меня убивают страдания этой единственной, а его успокаивает, что это участь тысяч.

Мефистофель

Ну вот опять мы полезли на стену, ну вот мы снова у точки, где кончается человеческое разумение! Зачем водиться с нами, если мы так плохи? Хочет носиться по воздуху и боится головокружения! Кто к кому привязался – мы к тебе или ты к нам?

Фауст

Не скался так плотоядно! Мне тошно! – Неизъяснимо великий дух, однажды явившийся мне, ты знаешь сердце мое и душу, зачем приковал ты к этому бесстыднику, который радуется злу и любит чужой гибелью?

Мефистофель

Ты кончил?

Фауст

Спаси ее или берегись! Страшнейшее проклятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель

Я не могу разбить ее оков, не могу взломать двери ее темницы! «Спаси ее!» Кто погубил ее, я или ты?

Фауст дико смотрит по сторонам.

Ты тянешься за молниями, громовержец? Счастье, что они не даны тебе, смертному! Уничтожить несогласного – какой простой выход из затруднения!

* * *

Ну вот что. Я доставлю тебя туда. Но ведь не все на земле и небе в моих силах! Вот что я могу сделать. Я усыплю зрителя. Завладей ключами и выведи ее из темницы своими силами. Я буду стеречь снаружи, волшебные кони будут со мною, я умчу вас подальше. Это в моей власти.

Фауст

В путь немедля!.....

(З. У. пр.) ... Вспомним, на языке христианской веры знакомство включает в себя два последовательных действия – встреча и познание. Встреча, или сретение, – очень редкое событие среди людей, в котором двое соединяются с открытыми друг навстречу другу душами. Можно прожить долгие годы под одной крышей, съестъ вместе десятки пудов соли, разбить лбы при столкновениях нос к носу и не встретиться. Подлинная встреча – это начало счастливого единства навсегда, с доверием другому до конца, с неизменной заботой о другом до забвения себя.

Познание – это совместный путь, на котором человек начинает выходить из своего одиночества, слушая, узнавая другого. В свою очередь, он останется недоступен незнакомцу, если не будет рассказывать о себе, взаимное познание оборвется. Так нераздельно соединяет двоих полное доверие с взаимным откровением.

Сын Человеческий никому не был известен на земле вплоть до своего погребения (узнавать Его стали только после того как Он покинул Свой Гроб). Он пришел рассказать, засвидетельствовать о Своем бытии и позвать в него желающих. Он объяснял, каким образом Его можно услышать и не перепутать с похожим на Него. Для этого необходимо уважать Его целиком, во всей полноте, относится осторожно, со страхом принести Ему боль хоть каким-либо малейшим движением души, принимать без насмешек и вражды все законы Его жизни, которые Он часто называл Заповедями. Наше глухое своеволие нарушает при встрече с Ним Его устройство, которое определяется Его желаниями, Его надеждами, Его предпочтениями (сокровищами), которые включают всех ближних Его. Мы, по привычке навязывая каждому свои правила, будем

уменьшать, уничтожать полноту Его жизни, которую для дружбы с нами Он открыл и доверил. Своими заповедями Он хотел поделиться со всеми, преподавая их как дар тем, кому они понравятся, а не как категорический указ, требующий безусловного исполнения, не как угрозу наказания в случае отказа подчиниться. Его заповеди подсказывали, вместо молчащей человеческой совести, как наши неосторожные, лукавые поступки могут убить Его (и все живое), поэтому их соблюдение означает простое: мы открываем Ему возможность жить с нами.

То, что присуще Богу, то, по принципу подобия, присуще и человеку. Мы на собственном опыте знаем, что тот, кто не уважает нас и наше мнение, не слышит нас и наши просьбы, не хранит то, что дорого нам, навязывает чуждое нам, не может называться другом, а называется врагом. Так каждый человек оказывается живой заповедью, которую можно услышать, если отнестись к нему с симпатией.

Новый Завет свидетельствует, что редкие слушатели узнали Христа: ведь узнать означает принять Его, а он говорил о Себе, что Сыну Человеческому негде приклонить голову. Место для настоящего преклонения одно — это сердце человека. То есть никто не допустил Его до себя и, собственно, это и явилось причиной Его смерти — он был вытеснен из человеческой среды и оказался не признан, одинок среди нас. Подробности исторических событий в Иерусалиме во время Его посещения во многом окрашены цветом той эпохи и своеобразием физической географии того региона, но главная внутренняя, а потому единственная трагедия Сына Божьего — неприятие нами Его в свою душу, отказ Ему в равной дружбе, так же, как отказ в преданности и верности — совершалась и продолжает совершаться без оглядки на время и место, но в тех же словах и делах, однажды в истории земли сделавшихся явными.

Некоторое оправдание людей состоит в том, что со своей уже падшей природой мы не способны на силу взаимности, сравнимую с Его отношением к нам. Однако понимать это мало. Выручить, спасти человека могло покаянное признание в своем недостойнстве, которое принесло бы прощение предателям и восстановление их в первоначальном естестве. Даже самые близкие ученики Христа боялись, что Его милости не хватит превозмочь их измены и до последних общих минут с Ним клялись, что пойдут за Ним до конца и лучше умрут с Ним, чем бросят Его. Они верили в свою доброту, с которой не потребуется обращаться к Нему за спасением от своего эгоизма.

Что означало Его предложение Своей дружбы ученикам на вечерней трапезе перед арестом? Простое: Он был теперь беззащитен перед ними. Он доверил каждому из них всего Себя, и любое движение их души, не способное хранить этот Дар, означало Его умирание и кончину. Как ни странно, но все люди боятся измен, односторонне понимая эту обыденную практику как уязвимость от сотаинника по отношению к себе, но не собираются сохранять верность по отношению к другим. Именно потому никто не открывается до конца, что уверен — его не поймут, не сберегут, предадут. Вот и ходят неопознанные объекты, непонятные друг другу и самим себе, поскольку на вопрос «какой ты, кто ты?» возможен только один ответ: такой, как в дружбе (а если нет дружбы?). Можно понять, почему Сын Человеческий все время подбадривал проходящих к Нему: «Дерзай, чадо!». Для того чтобы быть готовым к серьезным отношениям, надо быть готовым как на гибель от измены друга так и на преодоление отчаяния от своего собственного изудства.

Иисус Христос все время говорил о Своей решимости пострадать от друзей своих, люди же страшились принять от него дар взаимности, их пугало, что Его решительность, Его ценности, Его законы общения сначала измучают, а потом раздавят своей высокой требовательностью. Дружба с Сыном Человеческим воспринимается ослабевшим от жизни человеком как угроза его существованию. Вот эту нашу немощь знал Христос и старался помочь малодушным, вдохновляя обещанием, что если кто-то из нас захочет сберечь свою душу (то есть побоятся рискнуть ей), то потеряет ее, а если решится потерять ее в дружбе с Ним, то сбережет ее (она немедленно узнает жизнь вечную и войдет в нее).

Этот совет верен для всех человеческих взаимоотношений*. Согласно этому подобию, в построении общего пути с другими надо знакомиться не с возможностями их кошелька, а с заповедями их жизни (склонности, принципы, привычки, все, что полно жизни, а также все, что разрушает ее, приносит боли или тревожит), и, уважая, сохраняя эти законы (т. е. сберегая достоинство, внутренний мир, свободу, не мучая и не убивая), продолжать их узнавать от встречи к встрече.

Имея одну природу для своего состава, приятели не совпадают как личности, они не тождественны в своем восприятии мира, в своих

* Пожалуйста, два противоположных мнения из разных царств. В одном считается, что для крепкого единения необходимо совпадение во взглядах и оценках, в другом — утверждается возможность единства только при инаковости личностей.

чувствах, которые порождаются ими в своем опыте, а значит, в своих взглядах. Поэтому они будут дороги друг другу, взаимно дополняя каждый каждого и, пребывая в единстве, расширяют, дадут объем картине увиденного, умножат таланты. Вернувшись в одиночество никто из них не будет способен хотя бы вспомнить, как было вдвоем – только чувство утраты будет свидетельствовать о прежнем изобилии. Можно сказать, что знание здесь живое, оно присутствует только пока люди дружат, при разрыве – сразу тьма неведения.

Инаковость субъектов подразумевает, как само собой разумеющееся, что они не могут быть заменены один другим, хотя допускает естественное единство, не как совокупность, а как еще одно новое, непредсказуемое целое. На этом принципе зиждется христианский брак или дружба: двое одиноких должны умереть, чтобы родилось единое в двух лицах, при сохранении особенного в каждом из них. Именно эту небесную, не подавляющую друг друга взаимность принес с собой Сын Божий и предложил нам.

Для того чтобы ее принять, людям придется отказаться от единственно известной на земле возможности быть вместе – сопоставлять одного с другим, вводя относительность с утратой абсолютного, а значит соперничать в том, что у кого лучше, правильней, красивей и талантливей. Этот способ общения является враждой, из которой каждый выходит одновременно сначала победителем (мое лучше) и немедленно вслед за этим побежденным (только оно оказывается никому не нужно). Сочетание, построенное на сопоставлении себя с другим, ведет к отрицанию возможного приятия его в целостности, предполагая необходимость в улучшении, доработке до соответствия стандартам оценщика. В отличие от наших законов, закон жизни просто разрешает другому быть. Таким, как есть, не переделывая, не перестраивая его даже в ожиданиях, ни в одном из потаенных уголков души...

(Мак. л.)...

Маргарита

Разлуки срок был невелик,
А ты от ласк совсем отвык
И холоден к моим объятьям!
Что мне с тобой такая жуть?
Ты разучился целоваться!
Бывало, станем обниматься,
И страшно, – разорвется грудь,

И вдруг – какой-то холод, муть!
Целуй меня! Ах, ты так вял,
Тебя сама я поцелую!
(Обнимает его.)
Какой ты равнодушный стал!
Где растерял ты страсть былую?
Ты мой был. Кто тебя украл?
(Отворачивается от него.)

Фауст

Мой друг, теперь одно: в дорогу!
Во имя наших жарких нег
Решись скорее на побег!
Скорей со мною из острога!

Маргарита

Усыпила я до смерти мать,
Дочь свою утопила в пруду.
Бог думал ее нам на счастье дать,
А дал нам на беду.
Ты здесь? И это не во сне?
Все время я в бреду.
Ты не ушел? Дай руку мне.
О милая рука!
Но в чем она? Ах, узнаю.
Она в крови слегка.
Вину твою мы скрыть должны,
Ах, шпагу убери свою,
Вложи ее в ножны.

Фауст

Что было, поросло быльем.
Спеши! Мы пропадем.

Маргарита

Останься в живых, желанный,
Из всех нас только ты
И соблюдай сохранно

Могильные цветы.
Ты выкопай лопатой
Три ямы на склоне дня:
Для матери, для брата
И третью для меня.
Мою копай сторонкой,
Невдалеке клади
И приложи ребенка
Тесней к моей груди.
Я с дочкою глубоко
Засну, прижавшись к ней,
Жаль, не с тобою сбоку,
С отрадою моей!
Но все теперь иначе.
Хоть то же все на вид,
Мне нет с тобой удачи,
И холод твой страшит.

Фауст

Идем! Доверься, не тяни!

Маргарита

На волю?...

(З. У. пр.)... По нашему мнению, название первой главы романа можно пересказать, для лучшего усвоения, так: незачем вам жить, оставайтесь мертвецами, вам не стоит даже пробовать покидать страну сладкого покоя привычных ощущений. Однако такая интерпретация оставила от названия одно назидание и утратила оттенок заботливости о слушателях советов. Для того чтобы компенсировать эту потерю, обратимся за помощью к «Азбуке».

Сын Человеческий не раз говорил (хотя в этом, казалось бы, не было необходимости, поскольку любое Его самое тихое, самое незаметное слово непреложно и действенно, поэтому его одного достаточно для утверждения истины), что пришел ко всем и ради всех. Однако вместе с этим сообщает также, что в некоторые селения Он заходить не захотел и с некоторыми собеседниками разговаривать не стал, прямо так и заявляя, что раз вы не до конца откровенны, и Я вам не скажу своего мнения (например, какой силой Я действую).

Есть иное Его свидетельство о тех, кто вроде бы откликнулся на Его слова и старался делать добрые дела – творил чудеса Его именем, учил Его заповедям, занимался благотворительностью, однако при этом Сын Человеческий утверждал, что примерное поведение работников не выстроило дружеских отношений с Ним, что Он их не знает, то есть даже знакомства с этими чудотворцами у Него не состоялось.

Пользоваться имуществом, талантами другого и быть с ним другом – разное. Те, кто умели услышать Христа и, вслед за Ним, старались встретиться со всеми – с каждым были готовы познакомиться и поговорить, но выстраивали отношения не с любым, а выборочно. Кто же из званных на общую жизнь не входит в нее? Ответ слишком простой, а потому ускользающий от понимания: тот, кто сам для себя не избрал дружбу, на которую позвали, как ценность, не попадает в число избранных, своим выбором (не выбором) исключая себя из их общества.

Открывая людям благие возможности жизни, Христос всегда предупреждал о волках в овечьей шкуре, имея в виду не только людей, но и мысли, и чувства, которые, имея видимость доброго дела, основаны на ложных мотивах и принципах. Вот и для взаимности есть два противоположных указания: одно – иметь желание принять всех, другое – не метать бисер перед свиньями и не давать святыни псам. Однако они не противоречат друг другу. Предложить свою жизнь нужно всем, но делиться ей можно только с тем, кто хочет взаимности, ценит ее как главное сокровище, как драгоценный бисер. Именно наличие в сердце человека желания совместного пути, а не его воспитание, не сила его веры или иное какое-то богатство является единственным условием для дружбы. Дурные же, на наш общечеловеческий взгляд, качества, как то: плохое воспитание, жестокий нрав, подлый характер или бедность не могут быть препятствием для ее осуществления, если это желание есть. Осталось найти метод определения тайных намерений человека. Казалось бы, это совсем не трудно, но для этого потребуется:

Промежуточная глава (пропедевтическая)

«Бди!»

Козьма Прутков

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить <...>

Марк 13:22

Очень много людей, читавших или слышавших о Новом Завете, вынесло из него для себя непререкаемое убеждение, которое подхватили многие, даже не догадывающиеся о наличии Нового Завета, и которое стало общепринятой, никем не оспариваемой аксиомой: не суди. Иногда добавляется, для завершенности и большего веса, и вторая часть: не суди, да не судим будешь. Именно так, с церковно-славянским акцентом. Однако такая установка при буквальном исполнении отнимает возможность разобраться в хитросплетениях наших отношений друг с другом и не позволяет определить добротность поведения кого-либо. При этом, вместе с наглой пропагандой неразборчивости по отношению к добру и злу, она претендует на статус доблестного духовного поступка, основанного на смиренном послушании нетварной заповеди как исполнения ниспосланного нам от Бога (в которого почти никто не верит) священного табу.

Этот запрет иногда обосновывается знатоками тем, что судить сейчас и не надо, потому что не время, а надо подождать Страшного Суда. Тогда самый страшный судья со своими страшными заседателями компетентно выпишут заслуженные приговоры, мол, только они знают как, а мы не справимся, у нас кругозор мал и у нас у самих рыльце в пушку.

Еще одним общим местом, в том числе и для христиан, является мнение, что жизнь бывает духовной (когда человек живет по правилам веры и слушает советы свыше) и бездуховной (когда человек действует согласно своим хотениям и потребностям). К нему примыкает расхожее мнение по поводу общественной пользы различных индивидов – одни, успешно адаптировавшиеся в коллективе (большом или маленьком), ее приносят, а другие, покинувшие всех или покинутые всеми, существуют сами по себе и для себя, ее не приносят.

Оказывается, у Православия по этим вопросам другое мнение.

Человек никогда не бывает один. (Внимательные читатели сразу возразят, указывая на наши же утверждения, что многие находятся

в состоянии одиночества и мы сами себе противоречим. Мы не хотели саморазоблачений, просто просим Вас быть еще внимательней.) Человек бывает одинок, но он никогда не бывает один. Как это понять?

Сначала мы сошлемся на ваш собственный опыт. Может быть, кто-нибудь вспомнит, как много лет подряд он находился в тесном плодотворном общении, как ему казалось, с близкими, которые внезапно, в конце концов, оказались ему совершенно чужими (и он для них, по закону взаимности, тоже). Или другую, более распространенную ситуацию, когда кругом много симпатичных талантливых коллег, и не с кем поделиться насущным, никто не собирается откликнуться пониманием ни сейчас, ни потом. Бывает присутствие другого, которое подчеркивает и усугубляет одиночество, вплоть до безысходности. (Желающие могут проверить совестью свою веру в добрые личные отношения с добрыми людьми – много ли у них примеров иного, настоящего присутствия их.)

Оставляя на время без внимания множество промежуточных положений, обратимся к прямо противоположной ситуации, когда человек разделен временем и пространством (в том числе и физическим присутствием на земле) с теми, кто был встречен для дружбы и разделил с ним бытие.

Механическое отсутствие близких будет компенсироваться возрастанием внутреннего диалога с ними (например, в таких проявлениях, как усиление желания быть лицом к лицу и переживания сугубой благодарности за состоявшуюся общность), который приведет к дальнейшему обогащению единства. Особо подчеркнем, что и тут, по закону взаимности, обновление дружбы ощутит каждый из избранных...

(Мак. л.)...

Мефистофель

(на коленях перед троном)

Что ненавистно и желанно?

Что нужно и не нужно нам?

Что изгнано и под охраной?

Что и сокровище и хлам?

Пред кем в душе дрожат вельможи

И кем пренебрегают вслух?

Кто жмет к твоему подножью

Верней и ниже всяких слуг?

* * *

Астролог

(говорит по подсказке Мефистофеля)

Нам солнце блещет золотом в лазури,
За деньги служит вестником Меркурий.
Все возрасты Венера привлекла,
И утром нам и вечером мила.
Луна чем недоступней, тем капризней.
Кровавый Марс угроза нашей жизни.
Юпитер краше всех. Сатурн не мал,
Но малым кажется. Его металл
Все остальные весом превзошел
И дешев, потому что так тяжел.
Сойдется солнце с месяцем вдвоем,
И золото сольется с серебром, –
На свете ничему препятствий нет,
Все рады, достигим любой предмет:
Роскошный сад, отделанный чертог,
Приязнь красавицы, румянец щек.
Как их достать? Ученый человек
Даст средства к достиженью этих нег.

* * *

Мефистофель

<...>

Со всей бесхитростностью, вдруг,
Селитру роя на задворках,
Найдет бедняк червонцы в свертках
И в страхе выронит из рук.
Что ж нам сказать про знатока?
Тот, кто охотится за кладом,
Взломает своды тайника
И спустится в соседство с адом
Через проломы потолка.
Бокалы, рюмки из рубина,
Ряды как жар горящих блюд!
И тут же редкостные вина
Его отведыванья ждут.

Вино б могло за долгий срок
По капле вытечь из бочонка,
Но винный камень твердой пленкой
Гнилые бочки обволок.
Все эти перлы виноделья,
И эти перстни, ожерелья
Недаром покрывает тьма.
Ценить их в блеске дня – не диво,
Найти их – требует ума.

* * *

Им не понять, как детям малым,
Что счастье не влетает в рот.
Я б философский камень дал им, –
Философа недостает...

(З. У. пр.)... *Формальная разлука не нарушит, а подчеркнет, выявит ярче реальную слитность двоих воедино тем, что обострит очевидность того, что им невозможно друг без друга.*

Только два варианта соединения людей существуют в многолюдном человеческом сообществе: одно – механическое, при разобщенности внутренних миров, другое – мистическое, порождающее новое явление жизни в нескончаемом блаженстве узнавания нечаянного.

Христос указал признак, по которому могут быть опознаны типы объединения: при одном таланты наследства расточаются, при другом – собираются. И в том и в другом случае изменения происходят в соответствии с духом, их сначала зародившим, а потом поддерживающим и вдохновляющим. Всему тварному сопутствует либо дух соединения, либо дух разъединения. Не бывает жизни бездуховной, она всегда водима либо духом тьмы, сущность которого есть любовь к смерти, либо духом Света, сущность которого есть любовь к творению единства. Можно сказать, что человек всегда живет по вдохновению, только это вдохновение бывает творческим, животворящим и вдохновением темным, ищущим путей к небытию. Либо одному говорим «да», а другому «нет», либо наоборот. Третьего не дано, любая неясность, двусмысленность или неопознаваемость в нашем предпочтении, или нерешительность, категорически свидетельствует о том, что наше «да» отдано тьме.

Когда вера старается донести до нас свое устройство, обращаясь в своих примерах к известным нам земным предметам, мы должны помнить, что это сравнение – лишь бледный образ описываемого первообраза. Правильный, здоровый взгляд воспринимал бы действительность в обратном порядке – явление духовного мира, первичное и многогранное, по-разному запечатлевается в наборе чертежей устройства «вспомогательного» тварного мира. Попытка осмыслить, представить небесное царство по картинкам царства кесаря всегда приводит к самообману. Намек мы можем уловить, но узнать точно первообраз без личной встречи с ним невозможно. (Именно поэтому христианство настаивало на том, что сведений о Боге для веры недостаточно, она начинается и совершается в общении с Ним без посредников. Напомним для утешения, что жажда пока еще неосуществленной встречи уже является семенем живой веры, предтечей единства.)

Дух хотя и связан с дыханием, но не представляет из себя некую атмосферную газовую среду, это мыслящий, волевой субъект. Он без границ, но имеет сердечный центр, связывающий живыми нитями желаний все наполняемое им пространство и может быть выражен личным именем в общении с другими субъектами. Именно таким персонифицированным духам принадлежит главенство в двух враждебных царствах, хотя их враждебность имеет различные основания: одно по своей природе агрессивно, а другое мирно, но непримиримо к сопернику из-за своей несовместимости с насилием и смертью. Так что оба царства могут быть сопоставлены с двумя господами, каждый из которых предлагает свой собственный праздник на званой вечерней трапезе еднородных им персон.

Новый Завет отрывает человеку, что ему суждено выбрать господина, и это именно прозрение для тех, кто сам мечтал быть господином и желал оказаться независимым от всех остальных господ: ему придется исхитриться, чтобы не замечать правды этого откровения, а вместе с ним своего позорного (всем очевидного) рабства гнусному тирану. Для признавших же своим господином другого становится ясно, что они зря боялись слова господин, поскольку господство Небесного Царства выражается не в эксплуатации других, а в служении им. Отец выполняет все просьбы Сына, но Сын, будучи истинным Царем Израиля, выполняет волю Отца и благие желания всех званых Им, и это не мука для Него, а хлеб. Он рад приносить Себя любимым. (Все это эгоистам не только трудно на волосок выполнить или на мгновение

представить себе, им невозможно поверить в это даже краешком своей души. Мы понимаем, что раздражаем многих, но домостроительные законы жизни все равно будем раз за разом повторять.) Первый на Небе – всем раб, и самый главный – всем слуга. Там служат – последнему, отдают себя – меньшему.

Признаюсь, что по отношению к такому закону я разделен на двое. Одна часть посмеивается над ним, так как никогда не встречала его на земле, сам не живу по нему, не имея сил для его исполнения. Но другая часть верит Царству Небесному, порядок, установленный в нем, волнует, действует на душу. Этот отклик внутри восстанавливает в памяти мгновения присутствия его на земле, когда обладающий силой и властью не гнул ближнего, а старался предоставить их ему в помощь. Такой образ действия не удастся хранить долго, от него быстро отрекаешься из-за усталости, страха, поиска выгоды, но все равно эти мгновения светят чем-то согревающим через туман суеты обычного и привычного, затмевая минуты земных триумфов, побед и достижений. Оказывается, что та жизнь, не отсюда, именно она родная нам, хотя почти неведомая на практике, хотя и забытая по цвету и вкусу, а не та, другая, вытеснившая ее из нас – кому мачеха, кому чужая жена, которая является по вызову времени и остается чуждой, враждебной призывам вечности.

Пусть вы не верите в самую возможность радостного служения слабым и нехорошим (разум кричит, что так быть не может), но поверьте тем же самым разумом в справедливость такого допущения: подопечный при таком господине в выигрыше и назовет его скорее отцом, чем начальником...

(Мак. л.)...

Герольд

Толпою кинулись к добыче.
Посередине, в толкотне,
Бросает в сотню рук возникший
Свои подарки, как во сне.
Но это – плутовские шутики:
Чуть схватят драгоценность в руки,
Ее внезапно нет как нет.
Была браслетка, где браслет?
Кто думал, что на самом деле
Владеет ниткой жемчугов,
Сжимает вместо ожерелья
Горсть копошащихся жуков:
Одни с жужжаньем вверх взлетают,

Другие бабочек хватают.
Кто ждал несметного добра,
Трезвеет от мечтаний сразу:
Все речи мальчика – проказы
И золото все – мишура.

* * *

Тощий

Подальше, подлое бабье!
Вы – наказание мое.
Я звался Скупостью, пока
Жена стояла у горшка.
Хозяйство множилось в те дни;
Все в дом, а из дому – ни-ни!
Ужель не доблесть, а порок,
Что я копил, что я берег?
Но с женщинами перемена:
Копить теперь несовременно.
Теперь у баб, как у банкротов,
Желаний больше, чем расчетов,
И муж, влезающий в долги,
На положении слуги.
Что сбережет жена, припрятав, –
Все для любовников и сватов.
Забыта честь, потерян стыд,
С утра до ночи дом открыт.
Я скряга сам, и я за скряг,
Я за мужчин, я бабам враг.

* * *

Мефистофель

Елену вызвать – это шаг
Опасный и немаловажный,
Не то что призрак благ бумажный.
Созвать колдуний, ведьм – пустяк,
Тут я всегда к твоим услугам,
Но героини, как-никак,
Ведь не чета моим подругам.

* * *

(высовываясь из суфлерской будки)

Мое призвание – шепот, подговор.

Черт – прирожденный, записной суфлер.

(Астрологу)

Ты, знающий планет пути и сроки,

Уловишь на лету мои намеки.

* * *

(взваливая Фауста на плечи)

Ну вот тебе! Какие недотроги!

Нет, черту с дураком не по дороге.

Лежи, несчастный, в забытии.

Кого ошеломит Елена,

Отдаст ей помыслы свои

И уж не вырвется из плена.

Хожу по комнате и в ней

Встречаю прежнюю картину.

Раскраска окон лишь темней,

Да больше стало паутины.

Все тут – до высохших чернил,

Бумаги и пера огрызка,

Которым Фауст закрепил

Диаволу свою расписку.

В пере остался крови след

Как бы напоминаьем старым.

Реликвий редких кабинет

Гордился б этим экземпляром.

И шуба на крюке цела, –

Я в ней над новичком смеялся, –

Он, верно, до сего числа

В услышанном не разобрался.

Сниму одежду на меху.

Ведь только в одеянье этом

Вы можете с авторитетом

Молоть любую чепуху.

Но что ученому дано,
То черту не разрешено.

Снимает и встряхивает меховой плащ, из которого вылетают моль, кузнечики и прочие насекомые.

Хор насекомых

С приездом, с приездом,
Старинный патрон:
Твоим появлением
Наш рой привлечен.
Ты сеял нас редко
Числом небольшим,
И тысячью тысяч
Теперь мы кишим.
Таинственно скрытен
Лукавец и плут,
А вши прямодушно
Наружу ползут.

Мефистофель

Рад видеть этот молодой приплод.
Вы только сейте, урожай придет.
Еще раз плащ встряхну. Поодиночке
Взлетает моль из ветхой оболочки,
Жучки, букашки, живо по углам!
Скорей запрячьтесь глубже в старый хлам!
В забытые глухие закоулки,
На дно пустой разохшейся шкатулки,
Между горшечных пыльных черепков,
В пергаменты, в глазницы черепов.
Под этой гнилью и негодным ломом
Естественно водиться насекомым.

(Надевает плащ.)

Накину вновь я этот балахон,
Как будто важным званьем облечен,
Но мало называться принципалом,
Иметь студентов надо под началом...

(З. У. пр.)... Человек, не определившийся в своем мнении по поводу хорошего и плохого, полезного и вредного, своего и чужого, будет мучиться при встрече с незнакомцами, не зная, отнести ли их к кругу друзей или врагов (к которым отнесем и лица, не вызвавшие ни положительного, ни отрицательного отклика).

Процесс определения ближних и дальних может протекать при регулярной смене мнений, каждый раз основываясь на свехубедительных доводах, причем длиться он может неопределенно долго. В этом случае поиску правды помогают чужие авторитетные советы, которые значительно ускоряют частоту перемены мнений. Совесть, похожая на флюгер, приносит горе не только субъектам, попадающим в поле ее внимания, но прежде всего самому носителю этой совести. Очень может быть, что для таких персонажей действительно лучше не выходить за рамки привычного и традиционного и тихонечко угасать, изживая уже имеющийся капитал. Такое смиренное поведение может продлить процесс умирания, но гарантированно не позволит припасть к источникам жизни.

Другое дело, если человек способен взять ответственность и сначала перед самим собой, а затем и пред всеми засвидетельствовать свой нравственный выбор. В этом случае появляется возможность через сравнение с избранными ценностями познать всех и вся. Конечно, испытание светом своих сокровищ не может быть простым в мире, где все перемешалось, но живая совесть, как хорошее зрение, способна отличить полезное от вредного для счастливой жизни в данной системе ценностей. Есть свое мнение о двух господах, которым невозможно служить одновременно (так что обязательно один будет расти, а другой уменьшаться) и у православия.

Законы в царствах Света и тьмы противоположны по воздействию на личности и их легко можно было бы узнавать, если бы одно из них не старалось подделываться под другое. Мы укажем для примера различие, с которым приходится сталкиваться в первую очередь.

Если господин одного царства всегда торопится честно представиться, а если ему не рады, то без обид отходит, не навязывая себя, то другой господин скрывает свое имя, предпочитая либо произносить его неточно, либо представляться кем-то другим, а уж если не принимают его, то лезет упорно и с главного и запасного входа, а втеревшись, продолжает хитрить и путать, оплетая паутиной лжи и недомолвок до тех пор, пока у пациента не иссякнут возможности для бунта против него, и только тогда он громко заявит себя как окончательного

и безраздельного владельца своего подопытного, что, впрочем, тоже является и преувеличением, и новым способом давления.

Оба господина владеют духовными державами и их очному словесному представлению предшествует прикосновение незнакомца к сопутствующему им душевному миру, который отзывается в одном случае тревогой и смущением, в другом – покоем и прояснением. Влияние двух миров на человека начинается с духовной области и только потом распространяет действие на тело, постепенно преобразая его. Преображение физической природы людей сопутствует не только действию невидимого света, проясняющего лики и умиротворяющего животные желания, но и действию незримого духа тьмы, при котором черты лица искажаются, подчиняясь правилам внутреннего распада и страдания. (Для примера, припомните лица с правильными, красивыми чертами (которые вы, может быть, встречали), но при этом лишенные сокровенного движения мысли и чувств, неуловимо их одухотворяющих. Физиономии довольные, уверенные в себе, сияющие, беспечно-величавые, но при этом вызывающие жалость к их обладателям, как к людям глубоко несчастным.)

Господство в одном царстве оканчивается тем, что дитя вырастает и преобразается в друга, а в другом приятель льстивого незнакомца постепенно истлевает и преобразается смертью в грязь. Наглядный же результат был заложен, как семя, еще при выборе духа для своей души. Так каждая душа либо оживляется духом и ищет, как умножить и улучшить отношения с жизнью, либо напивается духом мертвечины, отделяя и отдаляя себя от других. Горделивое одиночество питается чувством превосходства* (основанном на осознании неких преимуществ, не важно действительных или мнимых), затем враждой с другими и унижением их, а в заключении равнодушием и безразличием к ним.

Последнее состояние любит внушать дух уныния, который нашептывает своему клиенту, что жить не стоит и лучше схорониться в стороне от жизни, что мир плох и несовершенен до полной несправедливости, а люди очень плохи, причем чем дальше, тем хуже, что Бог плохо все придумал и плохо заботится о них, и сам ты недоделан и не годишься для благополучного существования в предлагаемых обстоятельствах. Этот голосок может быть очень тонким и тихим, но поразительно его воздействие, которое делает детей скучными и смиренными,

* Или другой противоположной крайностью – чувством своей недостаточности, которое иногда именуют чувством неполноценности, как и положено у двуликой лжи.

школьников жертвами и мучениками образования, молодых людей каторжанами, на которых наложено проклятие из обязанностей перед семьей и работодателями, серьезных уважаемых людей трусами и скептиками в ответственных решениях (например, в необходимости для полноценной жизни честной традиционной семьи), пожилых людей отчаявшимися от уверенности в том, что самое главное на свете – здоровье. Этот дух близко подводит своих пленников к пропасти небытия и дает понюхать ветерок, веющий из нее.

Можно на своем пути встретить много незнакомых лиц, но все они будут посланниками лишь двух господ – духа Света и духа тьмы. Умение распознать во встречном друга или врага не основано на изучении родословной, семейного положения, анкет, деловых качеств, а зависит от простой честности человеческого сердца. Живая совесть помогла бы легко определить принадлежность видимых и невидимых встречных к одному из двух миров, но она, многократно изнасилованная своим хозяином, становится подслеповатой и лукавой (отдающей свои функции разуму или чувствам), а потому неразборчивой и беспомощной.

В данной работе мы не ставим целью указывать пути выздоровления человека вместе с его совестью, но со всей ответственностью заявляем, что эти пути есть (и они описаны теми, кто их нашел) из самых сложных и смертельно безнадежных недугов.

Те, кто решит все-таки выбрать что-нибудь одно для себя из бытия и небытия (например, первое), вынужден будет научиться различать духи, сопровождающие их. Люди решительные, мужественные, не покладая рук учились этому навыку трезвого восприятия невидимого всю свою жизнь. Эта наука особенно усложняется при практическом применении в отношениях с людьми, которые бывают очень переменчивыми. И сам судья, и его попутчики могут временами питаться то одним духом, то другим, отнимая возможность передохнуть от постоянного труда совершать суд над колеблющимися душами, отбросив трусливую надежду хотя бы на временный покой для совести в лукавом расчете на постоянство их взаимоотношений. Опыт общения может стать успешным только после того как подвижник (тот, кто решил двигаться совместными путями с другими) в общении с духовным миром начнет верно (значит – честно) понимать себя в каждый момент своей жизни, ясно наблюдая изгибы и хитросплетения добра и зла в себе, нащупав пути к своему подлинному освобождению и навыки хранения обретенной свободы...

(Мак. л.)...

Фамулус уходит.

Мефистофель усаживается с важностью.

Едва успел до кресла доплестись,
Знакомый гость откуда ни возьмись!
Он – человек формации новейшей
И, следовательно, нахал глупейший.

* * *

Рад, что пришли вы без заминки.
Я оценил вас в тот приход.
Мы бабочку уже в личинке
Угадываем наперед.

* * *

Бакалавр

Большая дерзость – притязать на то,
Чтоб что-то значить, превратясь в ничто.
Ключ жизни – кровь, она родник здоровья|
А что свежее юношеской крови?
Кровь юноши – в цвету, она горит
И жизнь из жизни заново творит.
Кипит работа, дело создается,
И слабость перед силою сдается.
Пока полмира мы завоевали,
Что делали вы? Планы сочиняли,
Проекты, кучи замыслов и смет!
Нет, старость – это лихорадка, бред
С припадками жестокого озноба.
Чуть человеку стукнет тридцать лет,
Он, как мертвец, уже созрел для гроба,
Тогда и надо всех вас убивать.

* * *

Вот назначенье жизни молодой:
Мир не был до меня и создан мной.
Я вывел солнце из морского лона,
Пустил луну кружить по небосклону,
День разгорелся на моем пути,

Земля пошла вся в зелени цвести,
И в первую же ночь все звезды сразу
Зажглись вверху по моему приказу.
Кто, как не я, в приливе свежих сил
Вас от филистерства освободил?
Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч – внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, объято тьмою.

(Уходит.)

Мефистофель

Ступай, чужак, про гений свой трубя!
Что б случилось с важностью твоей бахвальской,
Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской,
Которой бы не знали до тебя!
Разлившиеся реки входят в русло.
Тебе перебеситься суждено.
В конце концов, как ни бродило б сусло,
В итоге получается вино.

(Молодежи в партере, которая не аплодирует.)

На ваших лицах холода печать,
Я равнодушие вам прощаю, дети:
Черт старше вас, и чтоб его понять,
Должны пожить вы столько же на свете.

(З. У. пр.)... Для возвращения читателям благодушного спокойствия приведем (кратко) случай, произошедший с человеком так близко узнавшим Свет, что он пребывал во мнении, что теперь норма для него – быть независимым от тьмы, слышать голос Неба даже в малейших движениях своего внутреннего человека. Тут-то ему явился наяву живой Свет, и он радостно, с благодарностью, низко поклонился ему. В глубоком поклоне он неожиданно для себя разглядел, что посетивший его свет стоит на копытах. В конце концов все кончилось для инока хорошо, но какие практические выводы надо сделать из этой истории расскажем потом, в свое время.

Одним из важнейших и необходимых навыков в плодотворном труде производства суда над собой является постоянство этого труда. Лучше,

безопаснее жить по стихиям мира сего, развеваемому, как морская волна на ветру, не совершая определенного выбора своего пути, чем сделав его, позволить себе считать такой выбор неокончательным или разрешить себе «всего лишь» время от времени убеждаться в верности ему. Как принцип, утверждающий правду в человеке, необходима неколеблемая определенность в предпочтении дружбы перед иными сокровищами мира вместе с решимостью постоянно подтверждать выбранный путь проверкой на отсутствие измены или возможности измены ближним (даже в самом малом).

Таким образом, суд необходим, но это суд над поступками, над своими видимыми и невидимыми действиями, в которых мы следуем или отрекаемся от перводанного естества взаимной влюбленности. Вместе с тем это не самоубийственный самосуд со смертельным приговором, из-за частых падений отказывающий себе в возможности вечной жизни, а утверждающий эту возможность в соединении твоего покаянного признания с милостью, приносимой другом, преданным тобой.

Клевета на себя и свою душу – поверить, что сдохнешь, недостойн, теперь уже никогда не сможешь, всем навсегда чужой, не способный к счастью урод, а заодно – это хульный, клеветнический суд над своим Отцом, породившим нежизнеспособного недоделка. Такой суд и является самоубийством, вначале поражающим сердце, а потом охватывающим всего человека, включая его тело. Считается, что злее поступка, яростнее клеветы и беспощадней бунта против себя, друзей и Бога, чем это самоуничтожение, нет.

Люди, доверившиеся другому светлому духу, спешат на исповедь засвидетельствовать суд своей совести о малодушных изменах и вражде своему Небесному Царству вместе с непреложной верой в милосердие Спасителя и свое высокое достоинство, данное Небесным сыновством. Сомнение в своем происхождении (в том числе, ошибка в родословной), которое сопровождается недоверием, в частности, к своим талантам и, в целом, к своему царскому наследству, закрепляется в постоянной подслеповатой недооценке своих сил и жизненных перспектив (не по Сеньке шапка). Затем уснувшая совесть будет механически восполнена в человеке его излишним доверием к среднестатистическим данным об общечеловеческих добродетелях, обязательных для всех и для каждого.

С одной стороны, этот усредненный эталонный уровень развития доброты и интеллекта частенько будет недостаточным для преодоления форс-мажорных ситуаций, что будет приводить к состоянию

тоски и печали. Но и с другой стороны, наш сокровенный человек будет (не важно, что редко) чувствовать, что столь заниженная планка возможностей хотя и ведет к более либеральным, гуманным судам над собой, но не позволяет стать равноправными гражданами Небесного Царства и уже является отречением от истинной родины, что тоже неизбежно подчинит нас тоске и печали.

Классический замкнутый круг тьмы, из которого без знания секретных заклинаний не выйдешь. С удалением от зоны света подобных кругов становится все больше, пока они не покроют всю обозреваемую человеком жизненную перспективу. Он начинает верить, что все бесполезно, все усилия бессмысленны, поиск обречен, и в этом положении для него становится актуальным совет, который дали заботливые ближние Иову Многострадальному: «Прокляни своего Бога и спокойно, безболезненно умри!».

Кажется (может, ошибочно?), что с развитием гуманизма в среде мыслящих существ этот совет бывает востребован все чаще и чаще.

Итак, если христианская традиция предлагает всегда знать, с кем ты встречаешься, понимая одновременно какой ты сейчас (т. е. свое собственное состояние), то совет, вынесенный в название главы, предлагает нам пользоваться другой философией, допускающей как неразборчивость в связях, так и возможность трусливого отказа от них. Видимо, персонажи романа будут вдохновлены духом, сопутствующим такому образу действия, но для того, чтобы отбросить всякие сомнения в правильности нашего предположения, нам придется самим, без подсказок хитрого автора, пунктуально проверять всех незнакомцев при помощи «Азбуки» на их принадлежность к одной из всегда враждующих сторон. Заодно еще раз убедимся, что если не предоставить возможности свету проникнуть в помещение, то его содержимое нельзя будет рассмотреть.

Подводя итог, мы еще раз укажем на возможный источник ошибок при попытках самостоятельно решать практические задачи по знакомству с неизвестными. Даже наличие убедительных внешних признаков принадлежности субъекта к тому или иному царству не может гарантировать правильный ответ.

Окончательный страшный (честный) суд может быть осуществлен только в духе, который превосходит все правила и условности. Казалось бы, действенная, отработанная методика, приносившая хороший процент безошибочных экспертиз, способна сама по себе служить критерием истины, но достаточно одного исключения из правила для того,

чтобы опровергнуть всю гениально и мастерски придуманную систему опознавания «свой-чужой».

Дух дышит, где захочет, и может воспользоваться любой одеждой для своего выхода в свет. Все надеющиеся на науку, изучающую добрые дела (каковыми являются книжники и фарисеи), должны помнить, что их знания, как палочка для слепого, лишь смягчают сердечную слепоту в привычной обстановке, но бесполезны при встрече с новыми серьезными испытаниями. Их можно считать специалистами, которые хорошо разобрались во всевозможных кодексах и сами отличаются примерным поведением при их исполнении, но именно эта старательность внедрила в них веру, что послушание закону и есть высшее человеческое служение, поскольку даже эти примитивные кодексы никогда никому не удавалось выполнить до конца без нарушений.

Недоступность непорочной жизни согласно правилам, дополненная благоговением ко всем известным в истории праведникам, вызвала возникновение системы распределения людей по степени их вреда или пользы для общества. Невольно, без злого умысла, эта градация вызвала у самих законовладельцев двойственное поведение – одно перед достойными людьми с положением и деньгами, другое перед быдлом, не заслуживающим никакого уважения. Практические выгоды от применения к людям двойных стандартов стали ясны пользователям ввиду увеличения их социального дохода, но по какому-то неведомому наваждению прибыль от научной оптимизации человеческих взаимосвязей никому не принесла счастья.

Сын Человеческий объяснял нам, что при таком рациональном способе религиозной жизни отсутствие счастья обусловлено нашим отказом от милости, суда и веры, который будет переживаться как горе. То есть страдание вызывается не внешним источником, а последствиями собственного образа действия, в котором нет места для созерцания реальности (для живой веры) видимого и невидимого мира (его здоровых и больных субъектов), а главное, нет места для милосердного сострадательного отношения ко всем без исключения грешникам, необходимо-го как воздух и для нас самих...

(Мак. л.)...

А чем же занимаетесь вы тут?

Вагнер

(шепотом)

Созданием человека.

Мефистофель

А скажите,
Какую же влюбленную чету
Запрятали вы в колбы тесноту?

Вагнер

О боже! Препрежнее детей прижитье
Для нас – нелепость, сданная в архив.
Тот нежный пункт, откуда жизнь, бывало,
С волшебной силою проистекала,
Тот изнутри теснившийся порыв,
Та самозарождавшаяся тяга,
Которая с первейшего же шага
Брала и отдавалась и с собой
Роднила близкий мир, потом – чужой,
Все это выводом бесповоротным
Отныне предоставлено животным,
А жребий человека так высок,
Что должен впредь иметь иной исток.

(Повернувшись к очагу.)

Вон, светится! – надеяться уместно,
Что если в комбинации известной
Из тысячи веществ составить смесь
(Ведь именно в смешенье дело здесь)
И человеческое вещество
С необходимой долей трудолюбья
Прогреть умело в перегонном кубе,
Добьемся мы в келейности всего.

(Снова обращаясь к очагу.)

Свершается! И все прозрачней масса!
Я убеждаюсь, что дождался часа,
Когда природы тайную печать
Нам удалось сознательно сломать
Благодаря пытливости привычной,
И то, что жизнь творила органично,
Мы научились кристаллизовать.

Мефистофель

Кто долго жил – имеет опыт ранний
И нового не ждет на склоне дней.
Я в годы многочисленных скитаний
Встречал кристаллизованных людей.

Вагнер

(не отрывая глаз от колбы)

Вскипает, светится, встает со дна:
Работа долгая завершена.
Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

(В восхищении разглядывая колбу.)

В стекле стал слышен нежной силы звон,
Светлеет муть, сейчас все завершится.
Я видом человечка восхищен,
Который в этой колбе шевелится.
Чего желать? Сбылась мечта наук.
С заветной тайны сорваны покровы.
Внимание! Звнящий этот звук
Стал голосом и переходит в слово.

Гомункул

(внутри колбы, обращаясь к Вагнеру)

А, папенька! Я зажил не шутя.
Прижми нежней к груди свое дитя!
Но – бережно, чтоб не разбилась склянка.
Вот неизбежная вещей изнанка:
Природному вселенная тесна,
Искусственному ж замкнутость нужна.

(Обращаясь к Мефистофелю.)

А, кум-хитрец! Ты в нужную минуту
Сюда явился к моему дебюту.
Меня с тобой счастливый случай свел:

Пока я есть, я должен делать что-то,
И руки чешутся начать работу.
Ты б дельное занятие мне нашел.

Вагнер

Одно лишь слово. Дай мне ключ к проблеме.
Теснят меня вопросами все время.
Вот в чем я, например, не разберусь;
Душа и тело слиты нераздельно,
Так отчего же тесный их союз
Не оградил их от вражды смертельной?

Мефистофель

Нет! Слушай, лучше назови причину,
Зачем не ладит с женщиной мужчина?
Ты этого вовек не объяснишь.
Но вот работа для тебя, малыш.

Гомункул

Какая?

Мефистофель

(указывая на боковую дверь)

Вот где докажи делами,
Какой талант тебе особый дан.

Вагнер

(все время глядя на колбу)

Нет, право, ты прелестный мальчуган!

* * *

Мефистофель

Оставь! Ни слова о веках борьбы!
Противны мне тираны и рабы.
Чуть жизнь переиначат по-другому,
Как снова начинают спор знакомый!
И никому не видно, что людей
Морочит тайно демон Асмодей.

Как будто бредят все освобождением,
А вечный спор их, говоря точней, –
Порабощенья спор с порабощеньем...

(З. У. пр.) ... Сделаем мимолетное замечание по поводу счастья, чтобы оценить его наличие у некоторых персонажей романа. Одно из свойств подлинного счастья заключается в его избыточности у обладателя, так что он не может удержать его в себе, и ему обязательно захочется щедро, без оглядки делиться им со всеми встречаемыми. Тем, кому их счастья кажется недостаточно для того, чтобы раздавать неизвестным, можно посочувствовать, поскольку такое состояние является признаком горя, которое до определенного времени его носитель не будет осознавать. А горе будет жить собственной жизнью и постепенно подтачивать жизнелюбие хозяина. По этой причине попятившему потихоньку миллиард в первый момент будет казаться, что все у него в руках и с такой удачей можно блаженно успокоиться. Но нет, мало, скоро станет очевидно, что для полного счастья надо еще. Многие обижаются на тех, которые пятят все новые миллиарды, наивно считая, что для них самих этого было бы достаточно. Нет, они глубоко заблуждаются – еще и еще просто необходимо, ведь нутро не обманешь: если счастья не хватает, оно начнет требовать его увеличения.

Мы говорили сейчас о несовместимости двух видов веры, которые согласны только на единоличное присутствие в человеке. Однако этот антагонизм становится очевидным не для всех и далеко не сразу. Объясняется это тем, что одной из вер невыгодно сразу предлагать выбор человеку, она знает свою силу подчинять и хочет без излишних хлопот поставить потребителя перед фактом его беспомощности в деле борьбы за свободу. Эффективность такой тактики подтверждается успешным опытом ее применения в течении тысячелетий. Бог один, главное знать, что он есть – вот пример пропагандистской машины, нацеленной на притупление бдительности покупателей при выборе того или иного товара. Неплохо для честного отъема собственности снять напряженность, скрыв ответственность за выбор, при этом добавок подкупить скидками и возбудить аппетит рекламными акциями, также хорошо помогает грабить элементарный шулерский прием, состоящий в использовании известного товарного знака на контрафактном продукте. Таким образом втирают не оригинал, а его двойник.

Двойники известны не только среди вещей, они есть и среди людей (это бывает нужно, чтобы отвести внимание от прототипа или,

пользуясь чужим именем, получить причитающуюся ему выгоду). Двойники есть и у веры, и у церкви. Если их не распознать, а принять как продукт первой свежести, то среди пока еще не соблазнившихся верующих они будут называться антивера (вместо веры) и антицерковь (вместо церкви). Двойников может быть много, с различными вариациями подмен комплектующих частей религиозного механизма, хотя все они на самом деле действуют единым духом и неразличимы в нем, обладая лишь несущественными, призрачными особенностями.

Мы уже указали одного из главных двойников христианства – обрядоверие, которое дотошно исполняет внешние установления, служащее по букве при отсутствии соответствующего духа. Такая копия легко может подкупить людей образованных и начитанных. Для простецов с меньшими культурными запросами предлагается более грубый заменитель, в котором отсутствуют внутренние смысловые связи между культовыми действиями и бытовой жизнью, слегка нарушена грамматика догматов (похоже, но не до точки над йотой), и искажены начертания букв (правил и предписаний), зато сухость и строгость упрощенной традиции восполнены умильной чувственностью. Так строится народная вера, слепо доверяющая мистическим ритуалам (гибридными с языческими) вместе с исповедованием устойчивых полупословиц и полу-поговорок, дублирующих первоисточник в доступнопримитивном варианте. (Христос изъяснялся на разговорном языке своего времени, но никогда не понижал высоты образов Небесного Царства для лучшего понимания его лентяями. Он желал их возвращения к полноценному восприятию через пробуждение ума, совести, чувств и не хотел унизить их насыщением скотской пищи, в которую превращается через опошление, через приспособление к лукавому и примитивному святыня взаимных отношений.)

Бытовое православие даже с усердными взмахами руки, напоминающими крестное знамение, даже с покаянными слезинками, даже с весьма трогательной божбой (например, клянусь всеми святыми; бог мой, за что мне такое наказание; вот вам истинный крест; бог все видит, не даст соврать и т. д., и т. п.), даже с подкупающим «глас народа – глас божий» является двойником христианства, воцарившемся на святом месте, оставшемся на время пустым. Только разорвав силки из банальностей разленного ума и полусонной совести, отбросив задушевное сказочное благочестие, можно надеяться на приход, возврат живой веры с живым Богом. Беседы, допускающие участие в них злокачественных

старых знакомых не способны избавить нас от разбойников, которые незаметно, дождавшись потери нашей бдительности, под шкурой друзей вотрутся и завладеют нами. Мы извинимся перед несогласными с нами, если они громко объявят перед всеми, что под их кожей скрывается только один, всегда хороший, человек. Мы разрешаем им кинуть камень в нас, лицемеров, под одной физиономией бывающих и добрыми, и злыми, на своем опыте узнавших, что благопристойный футляр не спасет от необходимости честно жить внутри него.*

* Конечно, мы имеем в виду мысли, а не людей.

Глава III. Продолжение (с окончанием)

Меньше знаешь – крепче спишь!
Народная мудрость

Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня?
Мф. 16:15

И сказали в ответ Иисусу: не знаем.
Сказал им и Он: и Я вам не скажу...
Мф. 21:27

Как всегда, Христос, для имеющих очи, первым перед ними тихо исполняет заповеди, а затем для имеющих уши, не дожидаясь вопросов, объясняет притчами, как это Он делает. С Его слов, Господин виноградаря и имения (напомним, на языке Нового Завета это и есть Бог) все время выясняет со своими соработниками, честны ли они с Ним в своих обещаниях и делах, а это означает, что и люди, если хотят подлинных отношений, должны поступать подобным образом. Собственно, за добрые дела, сделанные нам, мы сохраняем благодарность (или, может быть, должны были бы?) благодетелям, а за плохие расстаемся с обидчиками, в ожидании их воскресения (как отец с блудным сыном, пожелавшим еще при жизни отца жить на средства, которые он должен был получить только после его смерти).

Еще проще для нашего понимания позицию Христа по отношению к грешникам и греху раскрывает нам ситуация с женщиной, застигнутой ревнителями нравственности и закона в прелюбодеянии. Не только требующие ее смерти делатели и охранители добра, но и Сын Человеческий признают за ней свежее совершенное зло. А вот дальше вера, указывающая пути выхода из открывшейся человеческой беды, у праведников и у Сына Божьего оказывается разной. Поборники справедливости и чистоты жизни как воздаяние за содеянное требуют для злодейки немедленного возмездия, которое в данном случае означает ее смерть. Этим пресекается жизнь человека как отрицание ее возможной ценности для

общения. Личность теряет свою безусловную необходимость для судьи, а значит исключается возможность ее вечного присутствия в его душе. Именно про такой суд без милости Сын Человеческий сообщает судье, вынесшему его, что, исходя из любезной ему справедливости, на суде самого судьи будут действовать точно такие же, как он предложил, судебные нормы без милости. Милость подразумевает, что зло обнаружено, выявлено, осуждено, но тот, кто принес это зло, настолько дорожке всех принесенных им утрат, что ему стоит несправедливо подать жизнь-прощение. Иначе говоря, уничтожение грешника более тяжкая потеря, чем ущерб, нанесенный совокупным злом от него. Пытаясь донести эту мысль до нас, один кронштадтский священник советовал: «Грех ненавидь, а грешника люби!» (Между прочим, этот совет верен и по отношению к себе.)

Выражая эту мысль при помощи книжной классики, можно напомнить, что Робинзону Крузо лучше жить с людоедом, который по привычке будет откусывать от него каждый день порцию живого тела, чем без него в комфортном одиночестве и целостности. Самое благополучное, безболезненное и безопасное пребывание в изоляции несчастнее, чем времяпрепровождение в лишениях и тревогах рядом с дикарем Пятницей. Поэтому есть за что сказать спасибо грешникам: если бы их не стало, самому талантливому богачу-одиночке не было бы возможности жить (общаться). Личное предложение Вам, читатель, – ну, скажите хотя бы одними устами: «Грешники, спасибо вам, что вы есть!» Ничего не почувствовали?..

(Мак. л.) ...

Сфинкс <...>

Но назовись, чтоб мы тебя узнали.

Мефистофель

Мне имена различные давали.

Скажите, между прочим, с нами рядом

Нет путешественников англичан?

Они так любят изученье стран,

К полям сражений ездят, к водопадам.

Им подошел бы вид таких полян.

Мне также псевдоним был ими дан.

Они меня назвали в старой пьесе

«The old Iniquity» с обычной спесью.

* * *

Хирон

Ничтожна женщин красота,
Безжизненная зачастую.
Воистину прекрасна та,
Что и приветлива, чаруя.
Живая грация мила,
Неотразима, не надменна,
Такою именно была,
Когда я вез ее, Елена.

* * *

Мефистофель

(двинувшись вперед)

Решительней! Без остановок!
Раздумывать в мои лета!
Быть только чертом без чертовок
Не стоило бы ни черта.

(З. У. пр.)... Еще одна причина пожелания «не судите» состоит в том, что прощающая милость не нуждается в изучении степени виновности преступника. Опять подчеркнем, что приводимые в «Азбуке» сведения (в том числе в отношении и милости и наказаний) касаются не государственной службы, а дружеских, невидимых отношений. Осудить – это значит не согласиться впустить человека в вечность вместе с собой. Помиловать – разрешить ему быть вашим другом навсегда. Милость при своем осуществлении проявляет себя, на первых взгляд, как абсолютная несправедливость: один действует со злобой, нанося рану другому, другой, в ответ на просьбу о снисхождении, вместе с прощением одаривает его всем своим достоянием. Однако в таких взаимоотношениях есть место для справедливости более высокого порядка. При обращении к Господину (в дружбе другой всегда господин) с просьбой о милости к нам, мы, в свою очередь, должны быть согласны на совместную вечность с Ним, а вместе с этим, как необходимое условие нашей честности, мы должны быть согласны на помилование всех наших обидчиков, в свою очередь приводящее к совместной вечности и с ними. (Такое понимание милости отпугнет значительное число ее потребителей, поскольку в этом случае она не нацелена на возвращение возможности бесстыдного использования другого для получения от него прибыли в виде удовольствий.)

Всем, как самому первому человеку, так и нам, предстоит встретиться перед наступлением вечности со всеми, кто был, кто есть, и кто посетит этот мир после нас. На этой встрече нам предстоит окончательно определиться (если мы не сделали этого заблаговременно) по отношению к ним, нужны ли они будут нам для дальнейшего счастливого бытия. Определиться можно только поговорив с незнакомцами и таким образом узнав их. И только узнав можно сделать осознанный выбор: кто они для нас? Для тех же, кто живет верой и уже сделал свой выбор, утверждение правды состоит в том, чтобы подтверждать его всегда, в каждый момент нашего земного пребывания. В противном случае забвение выбора или измена ему становится обманом и предательством.

Тот, кто обладает здоровым зрением (включая здоровый ум), способен отличать пищу, годную для употребления, от ядовитой. Подобным образом здоровые души могли бы различать духовное состояние субъектов, с которыми им довелось встретиться, еще до начала общения с ними узнав, с кем имеют дело и чем может закончиться это общение. Но люди, приобщившись делам тьмы, стали подслеповаты и вынуждены заводить знакомства с осторожностью, все время проверяя свою и чужую добротность и порядочность. Сын Человеческий подтверждал опасность, возникающую при общении людей тем, что окончательно распознать встречного можно будет только глядя на результат взаимной жизни, так что одной интуиции грешников здесь недостаточно.

Можно сказать, что дерево определяется не глубиной и силой корня, не высотой и красотой кроны, все это служит процветанию самого дерева. А вот его плоды, отбирающие у него много энергии и соков, нужны не ему. Плод – это то, что достается другому. Так и по слову Христа, определить породу растения (выращено ли оно в саду тьмы или в саду света), мы не сможем, пока не распробуем их плодов. Плод красивый, приятный на вид (например, терпимость ко всему, всеобщее равенство), но если он в чьих-то руках служит разделению, или чья-нибудь душа отравилась им, или были побочные жертвы, то его производители и разносчики могут быть отнесены к волкам, пусть и в качественной и стильной европейской одежде.

Напротив, дело всей жизни может быть справедливо всеми оплевано и осмеяно вместе с его исполнителем, но если даже после смерти делателя, осужденного современниками, найдется человек, который

не поверит в то, что никем не замеченное раскаяние этого несчастного злодея в глумлении над своим Спасителем или Его заблудшими овцами может опоздать и который, пусть и не ко времени, признает погибшего другом, то Спаситель восстановит взаимность заступника с отверженным и тот оживет. Тогда возродившемуся станет очевидно, что поругание Иисуса Христа было возможно только потому, что Тот, кого он гнал, не хотел для нас заслуженного вечного позора из-за измен и предательств и, принимая от людей смерть, жаждал подать убийцам возможность избавиться от уз собственной смерти, поскольку в самом этом умирании за возлюбленного врага есть непобедимая жизнь, преодолевающее одиночество мертвецов вольным пребыванием с ними и подаянием им взаимности даже в аду. Плод нашей жизни – смерть, плод смерти за спасение другого – жизнь, собственно только она и является истинной жизнью *par excellence*, но людям безмерно трудно это понять и в это поверить.

Два царства пользуются одинаковыми словами, но значения их главных слов противоположны, причем одно из государств создает эту путаницу умышленно, желая подделаться и занять место первого. Мы принимаем подмену в отношении слова «жизнь», связывая ее с физиологическими возможностями тела, и поэтому автоматически подменяем понятие слова «смерть», связывая ее с утратой этих возможностей. В смерти Христа нет отмены смерти тела, но в ней есть продолжение первородной жизни – отвержение себя для сохранения единства с нами, усопшими грешниками, в ней свет милосердия для погасших душ. Добровольное сохранение Им единства с нами, Его погибшими чадами, оставляет нас живыми и во гробе – разрушает, преодолевает наше посмертное одиночество.

Смерть тела продолжает оставаться данью за наше земное существование, но она теперь тоже изменяет свою сущность, так как благодаря ей мы лишь теряем возможность ухудшаться до бесконечности – умираем для новых грехов и тем прекращаем процесс распада души. Такая смерть сохраняет возможность жить в Свете (благодарно приняв жертву Спасителя) без присутствия тьмы, и имя этой возможности – воскресение. Сопоставляя свои поступки с тем, как действует Сын Человеческий, мы тем самым рассматриваем себя в Его Свете самозабвенного служения нам и Своему Отцу, и можем узнать, каковы мы. Такое зрячее отношение к себе и окружающим, испытанное полной мерой истинного добра, как мы уже сообщали, называется трезвением,

которое в режиме реального времени распознает состояние субъекта. (Привычка жить стихийными (как получается) отношениями, таким образом, – враг трезвению, пособник самообмана, дающего согласие на фиктивную жизнь в мечтах, пьяную жизнь, питающихся тем, чего нет.)

Наконец, мы хотим представить отношение к названию первой главы романа, которое могло бы сформироваться у образованного христианина. Он воспримет его совет как шутку, поскольку если люди не будут стараться узнавать (а значит, слушать) незнакомцев, то они обязательно, в свое время, отвергнут беседу с Христом. А человек, побеседовавший с Ним (пусть даже первый раз), знает наверное, что лучше тысячу раз ошибиться и пострадать от своего невежества и глупости, чем один раз упустить встречу, несущую счастье истинной дружбы.

Мнение совестливых, образованных христиан было бы еще более категоричным, так как они знают, что люди сами по себе способны понимать только плохое, полагая при этом, что умеют отделять добро от зла, но беда в том, что их добро на самом деле является злом в овечьей шкуре. Поэтому уверовавшие грешники терпеливо ждали встречи с добром, как самого великого чуда, и состоявшуюся встречу с ним понимали, как свое подлинное рождение, как свое спасение, обретение вечного Небесного Царства, как ожившую радость негаснущей взаимности. Весь их земной поиск правды и ожидание подлинного единства с другими они считали сутью своей веры, сокровище которой во встрече и нескончаемой беседе с неизвестным пока Благом, Которое снизойдет к ним, в страну себялюбивых предателей.

Узнать неизведанное и недостижимое, увидеть Тихий Свет Жизни, просили они как великой милости к себе, послушникам тьмы. Цель и смысл своего существования они определили как путь от любимого греха к Незнакомцу, который вернет им возможность быть в общении, возвратит способность быть другом. Этим людям совет из названия первой главы показался бы издевкой или кощунством, послушав который человек обрекал себя на пребывание негодяем в кругу негодяев. Христиан с таким взглядом на реальность всегда было меньшинство, подавляющее большинство не замечает, что коренная проблема верующих в том, что они не знают подлинного блага и не хотят Его знать вплоть до его публичного распятия, в котором они сами и участвуют. Так было, так есть и так будет. Не ведая истинного, присваивают звание добра подделке, мечте, фикции. Обманувшиеся в выборе главного сокровища христиане могут воспринять

для себя совет в заглавии вполне серьезно, поскольку уверены, что свое благодетельное начальство, как бы оно не было одето, они знают в лицо, чего и другим желают, и, при этом убеждены, что подозрительных посторонних, которых и знать не надо, из благочестивой боязливости, нужно держать от себя на почтительном расстоянии.

Двойник христианина по любому поводу всегда абсолютно уверен в одновременном существовании двух взаимоисключающих истин. И в данном случае он знает, что, во-первых, умеет безошибочно определять кто свой, а кто чужой, а во-вторых, отрицает саму возможность проведения легитимного суда для распознавания злых и добрых при условии обязательного соблюдения и политкорректности, и презумпции невиновности. Наша позиция в отношении Булгакова построена на доверии к его свидетельству, что он является учеником писателей, которые называли себя христианами, а значит, различали суд, выносящий приговор поступкам и суд, выносящий приговор совершителям поступков. Их вера велела им беспристрастно выносить суд каждому делу, слову и движению души всех людей (и в первую очередь, себе), она же настаивала на том, чтобы наше осуждение людей было либо с милостью, либо с благодарностью. Не осуждать, приговаривая к смерти, и производить суд, отделяя добро от зла – обязательная заповедь для христианина.

Конечно, как мы сами провозглашали, каждый читатель имеет полное право на свой собственный суд, однако он должен помнить, что, совершая этот суд, он определяет собственную участь в будущем. Так, назвав нечто любовью, он будет удостоен той самой любви, как это нечто. Так же, назвав другое нечто добром, он воспримет и для себя добро в виде этого другого нечто.

Легко догадаться, что, опираясь на свою веру, в том числе дающую человеку право отвергнуть так понятую в ее свете тьму (как напоминание определенных негативных явлений нашей жизни), он, в конце концов, исключит из своего земного бытия (или существования), вплоть до полного забвения, эту самую им утвержденную тьму, чем бы она не являлась на самом деле (по нашей близорукости в разряд зла могут быть зачислены явления, необходимые для полноценной жизни, например, такие как правда или чужое мнение).

В отношениях субъектов взаимный суд и взаимопознание составляют их неотъемлемую часть, порождающую в них либо царство дружбы, либо царство вражды. Христианство считает, что для того, чтобы разглядеть человека, необходим свет жизни, то есть все в конце концов проверяется на

истинность жизнью Того, Кто сошел с Небес. Настоящее, которое испытывается на верность Вечности, становится понятным, узанным, а процесс его выявления тоже называется трезвением (в этом смысле у христиан пьян не тот, кто выпил, а тот, кто не понимает происходящего). Введя в свой роман персонаж, напоминающий Учителя христиан, Булгаков, без предварительного выяснения верований человека, тем не менее, подводит его к необходимости сопоставить написанное им с Евангелием и Евангельским духом, а значит, призывает каждого читателя вынести страшный суд и художнику, и его героям, а вместе с ними, и себе.

ОСОБОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ*

(глава, опережающая саму себя)

Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

Мф. 6:23

<...> а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Мф. 15:14

Большинство тем, затронутых в романе «Мастер и Маргарита», мы по уговору сверяем с мнением «Азбуки», согласно порядку их поступления. Но среди них есть одна особенная, которая явно или скрыто присутствует везде, в каждом соприкосновении читателя с окружающей средой, решительным образом влияя на его восприятие еще до того момента, когда он начинает обдумывать прочитанное. Поэтому мы не стали дожидаться очевидного повода для дачи разъяснений, а немедленно, вне очереди, приступаем к ним.

Общее мнение законопослушных граждан причислило к главным злодеям тех, кто сознательно выбрал сторону тьмы, таким образом заблаговременно творчески смело оправдав для себя возможность самых гнусных поступков. Эти люди могли действовать, нагло демонстрируя перед всеми превосходство своей злой силы, но ведь были и другие, которые тайно получали эстетическое удовольствие, прививая неискушенной публике вкус и любовь к изысканному злу под ширмой благотворительности и тем самым талантливо растлевали ее. Однако слабость учителей и последователей этих сект всемирного демонического союза состоит именно в том, что они сознают свой выбор. Безусловно, это знание не делает их хорошими, но позволяет в любой момент признать себя злодеем перед пострадавшими и получить прощение от тех из них, кто способен на искреннюю милость. Не длительное перевоспитание,

* Особое отступление было частью восьмой главы, но по идейным соображениям нам показалось необходимым поместить её именно здесь для того, чтобы ни у кого не возникло подозрения в заведомой злобе и в умышленном вредительстве одной из двух (известных нам) групп христиан. Те и другие (праведные и грешные) абсолютно искренни в своем вероисповедании добра.

а их доверие к простившему возвращает им звание человека и добрую жизнь во взаимности.

Но есть у зла другая, более сильная рука. Казалось бы, невинная самоуверенность, позволяющая человеку быть убежденным, без тени сомнений, в том, что он узнал, каково благо и что составляет область тьмы, развязывает руки доморощенному доброхоту, создавая из него персону, способную удушить самым зверским образом любое добро, включая Сына Божия. Именно полная уверенность людей в том, что они творят благо, позволяет им с правоверным фанатизмом терзать и уничтожать истинную жизнь вместе с ее невинными носителями. Искренняя вера в фальшивое, некачественное добро и самоотверженное служение понятной, но лукавой правде создает армию тех, кто сначала оставляет место оклеветанной Истины и Жизни пустым, а потом возводит на место святыни антиистину и антижизнь – ложь и смерть с портретным сходством Истины и Жизни.

Как ни странно, признаком того, что люди служат ложным богам, является истовость их поклонения, вдохновенной лестью пробуждающая в них могучие силы для совершения подвигов, вплоть до принесения в жертву всех своих талантов, всего жизненного достояния. Подданные одного царства гибнут за здоровье своих богов, Бог другого Царства умирает за Своих подданных. Как по форме похожи они со стороны, и какая пропасть между двумя кажущимися близнецами по существу.

Слепец, думающий, что он видит, будет честно поклоняться заместителю правды, новому свету. Такой тип искреннего служения рукотворному благу называется лицемерием. Ему в Евангелии уделено очень много места, почти треть проповеди Христа, но в церковной литературе о нем говорится крайне мало, по-видимому, считая эту тему хорошо известной и понятной всем.

Мы постараемся обратить особое внимание читателя на то, как раскрывает проблему лицемерия христианство, поскольку все земное пропитано им, «защищая» людей от встречи с Истиной, «уберегая» погибших и от спасения, и от Спасителя. Христианами должны были бы называться те верующие, которые услышали и доверились откровению Сына Божия и, таким образом, приняли в себя, вместе с Его вестью о снисхождении подлинной жизни Неба на землю, и Его Самого – того Самого Некто.

Подобно тому как наследование крови позволяет добавлять имена родителей к имени ребенка, так и оживший в душе человека Другой

дает возможность ему носить имя Друга. Для того, чтобы воспринять другого сердцем, надо иметь зрячее, слышащее нутро, которое называется совестью. Ум, рационально воспринимающий действительность, может дополнить весть, воспринятую внутренним ухом, а может оспорить ее и, враждуя, вытеснить ее, подобно тому как желая тела легко заглушают аргументы разума.

Трудно людям, привыкшим к одиночеству в царстве смерти, догадаться о существовании Царства взаимности, и во много крат сложнее им понять законы и силы, действующие в Нем. Необычной, вызывающей и парадоксальной подсказкой покойникам, интересующимся жизнью, были слова Христа о том, что заповеди Жизни противоположны заповедям нашего земного существования, сопровождающегося привычной разобщенностью всех, согласно закону естественного отбора сильнейших из них.

У нас богат тот, кто берет и накапливает. Там – богатство отдачи, богатство дара другому, все остальное превращается в пыль. У нас сильный с удовольствием подчиняет себе, там сильный служит (с радостью) плохеньким и хилым. У нас продолжение наслаждения требует постоянной смены изысканных блюд, там нескончаемая насыщенность от единственного подлинного поступка и радость только от постоянства. Тут причина события находится в прошлом, там причина свершившегося – в будущем. У нас все относительно, там все абсолютно. У нас признак общности – единство взглядов и мнений, там признак единства – желание быть с иным, неповторимым другом, особенности которого могут быть познаны только во взаимном доверии. Тут в процессе жизни все само по себе истощается, там – естественно умножается и возрастает без присвоения окружающего. Тут – злая несправедливость, там – крайняя несправедливость добра. Тут – почти невозможно разглядеть свет, там – вовсе нет тьмы, даже в фантазиях ученых. Здесь железное подтверждение на бумаге с подписью и печатью, там можно опереться только на невидимую твердь обета (обещания) другого. Тут особенность как болезнь, там особенная неповторимость как признак здоровья. Тут главное – забота о себе, там – единственная радость о другом. Здесь за материальным выражением не разглядишь движущей силы, там за духом, за действующей тайной не видно внешности (тело одето светом, а не наоборот). Тут тот, кто бережет себя – живет, там тот, кто не заботился про себя – мертвец...

(Мак. л.)...

Елена

Довольно! Муж мой, высадившись на берег,
Меня вперед со взморья выслал к городу,
С какою целью, остается тайною.
Кто я? Его жена, царица прежняя,
Иль к жертвоприношенью предназначена
За мужнины страдания и за бедствия,
Из-за меня изведенные греками?
Свободна я или в плену, – не ведаю.
Двусмысленность судьбы и славы двойственность
Мне дали боги в роковые спутники,
И грозное присутствие неясности
Со мною даже у порога этого.
Муж слова мне на корабле не вымолвил,
Почти со мною не встречаясь взглядами,
Как будто мне задумывал недоброе.
Когда ж у рукавов Эвроты к берегу
Носы передних кораблей приблизились,
Он, словно по внушенью Бога, вымолвил:
«Здесь по положенному выйдут воины,
И я на взморье смотр рядом их сделаю.
Ты ж подымайся по речному берегу,
Коней гоня лугами травянистыми
Священного Эвроты, до излучины,
Где прежде простиралась местность сельская
И выстроен Лакедемон впоследствии,
Со всех сторон горами грозно стиснутый.
В жилище царском с башнями высокими
Обследуй, что за это время сделали
Служанки под надзором старой ключницы.
Старуха пусть тебе покажет множество
Сокровищ, нам твоим отцом завещанных,
Которые и я безостановочно
Копил в года военные и мирные.
Ты все найдешь в порядке установленном,
Ведь это властелина преимущество,
Что он находит все по возвращении
На месте том, где было им оставлено.
Менять уклад не вправе подчиненные.»

* * *

Вот что гласило дальше слово царское:
«Когда же вдоволь ты удовлетворишься,
Что все в порядке, размести треножники,
Как заблагорассудишь ты, и выложи
Все, что бывает под рукой старейшины,
Свершающего жертвоприношение.
Поставь котлы, тазы и блюда плоские,
Налей воды из родника священного
В кувшины, заготовь сухого топлива
И острый нож, заботливо отточенный,
На видном месте положи. Дальнейшее
Предоставляю твоему решению».
Так он сказал, прощаясь, не прибавивши,
Животное иль человека хочет он
Заклать богам. Здесь есть о чем задуматься,
Но я не беспокоюсь. Боги ведают,
Что надо и что нет, и так и сделают,
Чем люди ни считали б их веления,
Добром иль злом. Что решено бессмертными,
То, смертные, должны суметь мы вынести,
Жрец подымал порой топор над жертвою,
А опустить не мог: тому помехою
Бывало приближение неприятеля
Иль Бога подоспевшего вмешательство.

* * *

Форкиада

Стара и все же не стареет истина,
Что красота несовместима с совестью
И что у них дороги в жизни разные.
С давнишних пор их разделяет ненависть.
Когда случайно встретятся противницы,
Друг другу спину повернуть торопятся
И врозь идут: стыдливость опечаленно,
А красота с победоносной дерзостью,
Пока ее не скроет сумрак Оркуса
Иль зрелый возраст не научит разуму.

Приплыв с чужбины, чужестранки грубые,
Вы подняли тут крик по-журавлиному,
Когда, крича нестройно и пронзительно,
Они летят над головою путника.
Потом, забыв про них, опустит голову,
И журавли своим путем потянутся,
А он своим. Вот так и с вами станется.
Кто вы такие, что в жилище царское
Ворваться смели, как менады пьяные?
Кто вы такие, чтоб орать на ключницу,
Как воют псы на месяц ночью лунною?
Вы думаете, я не распознала вас,
Военных лет отродье, тварь походная,
Заразы плод, заразы передатчицы
И воинов и мирных граждан пагуба?
Вы ненасытной саранчой мне кажетесь,
Обрушившейся на поля и пажити,
Чужих трудов губительницы жадные,
Дешевая статья торговли лагерной.

* * *

А правда, что из царства мертвых будто бы
К тебе Ахилл являлся на свидание,
Тебя давно любивший и пожизненно?

Елена

Как призрак с призраком с ним сочеталась я,
Как с духом дух, как с видимостью видимость.
Но я сама упасть готова в обморок.

(Поникает без чувств на руки хоретад.)...

(З. У. пр.)... Мы чуть-чуть повторили Евангелие, и опять бросилось в глаза, что проповедь Христа является для нас, рациональных, полным безумием и вызовом. Поэтому именно в этом месте хочется найти правильные слова в адрес миссионеров, которые представляют христианство удобным, естественным и легкоусвояемым делом для всех людей доброй воли, стремящихся к процветанию общества одновременно

с хранением национальных святынь и древних традиций. От чьего имени они проповедают и куда на самом деле ведут? Отвечая на этот вопрос, мы на полпути к разгадке романа (с точки зрения «Азбуки»).

Вслед за доверием ко Христу, как к другу, как к родному, христиане убеждаются в правде Его слов о том, что Он (уже) победил мир, упразднил державу дьявола, освободил от рабства злу всех грешников и, добровольно приняв нашу смерть, тем самым эту смерть разрушил, умертвил, так как даже мертвые перестали быть одинокими, и рядом с каждым из них в гробе есть Сын Человеческий. Оказалась упраздненной не биологическая смерть организма, а упразднена его обособленность, его отделение от всех. За человеком пошли в ад, и потерянный для единства погибший обретается Снисходящим снисхождением до его ничтожества, чем низлагается смерть разделения, открываются затворы, не пропускающие свет отношений. Мы еще раз привели эти прозрения веры для того, чтобы вдумчивый читатель мог задать естественный вопрос: если жизнь торжествует над смертью, тьма тает как дым, сатана спал с неба, мир на земле, а в людях благоволение, то с кем или с чем так тяжело и малоуспешно воюют христиане? Отчего у них так мало постоянной радости, что мешает им воспользоваться плодами воскресения Спасителя и установить повсеместно общественное благосостояние и блаженство?

В утверждение того, что идола низвергнуты смерть теперь не соперник, а грех тем более, — крещеным людям дана не только защита от них, но и заповедана власть самим наступать на демонов, давить и попираť их, как саранчу. Что же мешает ликованию и пению жизнеутверждающих гимнов на всех перекрестках? (В этом месте из экономии времени мы даже не остановимся на том, что чистое око здорового сердца просто не заметит зло, как нечто несуществующее, будет созерцать только благую жизнь, понимая, что придавать значение пустому и мнимому — это шаг к утверждению тьмы и служению ей.)

Да, все так: все возможные грехи прощены, смерть тела перестала быть причиной разлуки. Этот необъятный дар милости Отца, пославшего в страну смерти умереть и Своего Сына, чтобы разрушить одиночество покойников, теперь могут принять все люди, но человек волен отказаться от милости, и сегодня ему предоставлена все та же свобода выбирать между светом и тьмой. Именно люди, любящие добро,ывбравшие его целью своего жертвенного служения, но по той или иной причине не поверившие в необходимость принятия этой спасительной милости каждым (даже самым героическим) из нас, противостояли

и противостоят проповеди Христа, распяли и распинают Его Самого. У них было свое учение об истинном добре, свой дух, как закваска, делавшая их цельными и правдивыми, но, приняв этот дух, они становились врагами милосердия Христа. Имя их научной веры – лицемерие, имя их перед народом – учителя веры и хранители преданий старцев, имя их перед Светом – лицемеры.

Христос как на главную причину лицемерия и на главную болезнь лицемеров указывает на слепоту. Именно так: если слепой – то лицемер. Эта слепота имеет лишь ограниченную аналогию с людьми, в повседневной жизни имеющими проблемы со зрением, поскольку касается совершенно иной области восприятия и охватывает всю полноту ведения видимого и невидимого мира, то есть чувствами, умом и сердцем. В первую очередь это зрение предназначено для познания личных отношений во всем их богатстве. Слышать, видеть, верить, понимать – синонимы по отношению к области взаимности между друзьями и, по сути, тождественны в своем действии и его последствиях.

Для того чтобы не оговаривать особо о каком типе зрения (слышания) говорится, в ситуации, описывающей личные отношения, их называют верой. Итак, верить – значит понимать, доверяют тебе или нет. Верить – значит знать, что этот ближний при необходимости обязательно поможет тебе вопреки твоему недостоинству, или знать, что, несмотря на твое доброе отношение к нему, он обязательно предаст без всякой необходимости. Верить – значит слышать, что в тебе обычно есть два противоположных желания, одному из которых ты отдаешь предпочтение, отвергая другое. Отметим, что состояние двойственности последует и предшествует детскому (то есть простому – сначала чистому, а потом темному) устройству человека. Взрослея, он, на практике подтвердив несколько раз свой выбор зла, лишается чувства, указывающего на момент выбора и становится однозначно предсказуемым, следуя диктату своего полубессознательного выбора.

В зрелом возрасте человек матереет и коснеет так, что уже не может вспомнить, что когда-то выбирал вне супермаркета и телевизионной программы. Верить – значит остро чувствовать рабское состояние при утрате малейшей части свободы. Верить – всегда видеть прошлое и будущее отношений. Верить – видеть неповторимость каждого. Верить – понимать область, где живет и действует тайна, которую нельзя ощупывать и исследовать, но которая в непредсказуемые моменты будет сама себя раскрывать в откровении.

Эта область присутствует не только в других, но и в нас самих, и вера слышит эту познаваемую непознаваемость, ну а все остальное, объективно определяемое в человеке, удивляется этому познанию и жаждет его новых откровений (так же, как ждут их от нас). Ну а если человек не верит, то есть не видит всего этого и догадывается, что что-то упускает из своего внимания, то у него есть еще возможность выбора между тем, чтобы признать свою слепоту (или подслеповатость) и ждать прозрения, и тем, чтобы подменить реальный мир своими измышлениями (может быть, прекрасными).

Только наивным, недалеким людям кажется, что слепцы должны желать исцеления и, опираясь на помощь зрячих, искать пути к тому, кто может его подать. Ну а если в своей глубине люди не хотят видеть истинную картину жизни (не важно, по какой из уважительных причин)? А если слепцов подавляющее большинство и многим из них нравится их положение (что может быть укреплено непонятной завистью окружающих к их успехам)? А еще примем во внимание, что имеются особо ловкие слепцы с даром легко и непринужденно одурачивать подобных себе товарищей, раненных слепотой и скрученных пассивностью. А если люди не только привыкли к мраку неведения, но и нашли в нем нечто привлекательное и удобное, так что охраняют державу тьмы не за страх, а за совесть? А еще надо учесть, что вместо убогой реальности индивидуалистов можно сначала корпоративно нафантазировать, а потом зафиксировать в ролевых играх очередную прелестную реальность. Добавьте к тому скорость роста ажиотажного спроса на модные диковинки псевдоверы и крепость традиций, в которых одухотворяется любовь к стадному бессловесному коллективизму. Спросите у себя сегодняшних, у многих людей вы видели свое собственное, особенное выстраданное мнение, от которого не отказываются даже за очень большие деньги? Учтем также инстинкт самосохранения, который знает, что бывает с людьми, которые давно привыкли жить во тьме, и вдруг перед ними зажигают яркий свет. Интуиция каждого гражданина подземной страны возбуждает у него страх перед возможностью дерзновенно открыть глаза на солнце, приводя огромное количество аргументов за слепоту и ни одного за опасную зрячую веру.

Распространено устойчивое представление, что лицемерие является собой грубое притворство, в котором человек знает правду, но изображает нечто другое. На самом деле — это крайность, которая, во-первых, редко встречается, а во-вторых, вполне безобидна. Так безопасны

плут и врун, которые знают, что они обирают и обманывают. Хотя по невнимательности можно попасться на их фокусы и приманки, но их показная доброта выдаст себя кричащей инородностью и тем предупредит об опасности принятия троянского коня, плохо скрывающего двойственность посетителя.

Откровенное, то есть понятное для самого носителя зло не опасно или, точнее, не смертельно опасно для него и окружающих. Тьма, очевидная для совести, имеет возможность в любой момент быть признанной человеком, а потому, даже войдя в него, подвластна покаянию, что лишает ее смертоносной силы. Еще раз укажем, что зло, в том числе и лицемерие, может быть принято осознанным выбором, когда совесть различает хорошее и плохое, но предпочитает более приятное. Такое предательство добра при желании можно будет вспомнить, так как оно было обдумано и выношено.

Однако есть еще одна возможность выбрать служение злу без шансов вести, пусть не борьбу, но хотя бы надзор за ним. В этом случае выбор совершается человеком не из сопоставления той или иной возможности, а заранее, в момент отказа от совершения выбора через неразборчивое принятие всех встречных, хотя реальное сочетание со злом наступит только в момент слышания (встречи).

Да, читатель, не удивляйся, что ошибки человека, его падения могут появиться еще до начала обдумывания им своих поступков. Дело в том, что все представления о мире, в том числе о добре и зле, свете и тьме, рождаются от того, как человек слышит. Поэтому Христос, охраняя своих учеников от гибели, предупреждал их о том, что они должны всегда быть внимательны к тому, как они слушают (верят). Без этого трезвого внимания мы уже становимся лукавыми людьми, не имеющими в себе закваски правды. (Это может касаться не только всеядной неразборчивости, но и элементарной порядочности, когда мы выслушиваем другого, не погасив в себе заглушающий его шум от собственных желаний и проблем.) Человек не является источником света, но он может принять его в себя и затем, как драгоценный камень, пропустив через себя, отбросить этот свет различными красками вокруг себя. Свет, о котором мы говорим, можно именовать благом, истиной — смысл сказанного от этого не изменится.

Впускать или не впускать — тут главный, определяющий выбор каждого из нас. Все приходящие образы с ликом добра или зла должны быть испытаны по существу на тот дух, который прикрыт этим ликом, и

только потом мы можем ответить доверием или отказом. Именно здесь начинается падение, первая измена человека, когда лукавый голос он примет за истину. Только соприкоснувшись с гостем мы можем определить добр он или зол. Христианская вера утверждает, что дыхание Творца, оживившее человека своим присутствием, может помочь нам в свидетельстве о посетителе при сравнении его дыхания с нашим, ведь подобное познается подобным. Если мы слышим дыхание нашей совести, оно подскажет, говорит наш посетитель родным или чужим голосом. Возможность определить друг или хищник перед нами – услышать их весть – дает внутреннее ухо по имени совесть. (Если твоя совесть сейчас молчит, отложи встречу до времени, когда она оживет.)

Итак, мы ответственны за то, чтобы слышать правдиво, без искажений голоса добра и зла, а уже после этого нам приходится ответственно выбирать для себя в спутники одного из них (двум служить невозможно: служение двоим совпадает с однозначным выбором темного хозяина, с той лишь особенностью, что при этом вкрапляются времена глумления, заигрывания со светом).

В ситуации неопределенности, вплоть до выбора, в человеческой душе будет идти борьба двух господ, но если ошибка произошла в начале, в момент слышания, при встрече с неизвестными, то все в человеке после этого (в том числе борьба между добром и злом) будет мнимым, фальшивым, пошлым. Ошибка при распознавании лиц при знакомстве или отказ от знакомства (как будто нет этого встречного) тоже называется лицемерием, которое проникает в мировоззрение и становится его подсознанием. Но это неосознанное лицемерие более разрушительно по своему воздействию и последствиям, чем лицемерие сознательное, которому открыто было отдано предпочтение в споре с искренностью и честностью.

Похожая ситуация и с другими пороками. Например, если я знаю, что убивать плохо, но убиваю (может, потому что очень выгодно, а может, приятно) – это оставит след в душе. След от раны, рубец, который исчезнет только в том случае, если меня простит моя жертва. Но если я думаю, что убить – это значит махнуть ножом в сердце, а умыть руки во время резни – это проявление скромности или осмотрительности, если принял мысль, что убивать не всегда плохо, но иногда даже очень хорошо, полезно для общества и для меня, то отнятие жизней у вредных насекомых в человеческом обличье будет сопровождаться ростом героического энтузиазма и искренней яростной проповедью этого метода

устройства счастливой жизни. Для справки сообщим читателям, что существовали общества (страны, обладающие могуществом и авторитетом), в которых принесение кровавой жертвы, в том числе своего ребенка, считалось доблестью и наградой. (Добряки, желающие всем всего наилучшего, могут подумать на досуге, как бы они объяснили им, что убивать плохо.)

Искреннее зло – то, которому служат самозабвенно и вдохновенно, как истинному добру, не поддаваясь сомнениям. А что в этой системе ценностей, где жизнь младенца – топливо для всеобщего благополучия и поэтому считается высшим общественным благом, относится к области зла? Вам трудно представить себе? Не лгите, и в наше время избавление от ребенка во чреве матери открывает дорогу к счастью жрецам самоублажения, вольнолюбивым стяжателям эйфории текущего момента.

Подвид лицемерия, которое видит одно добро для себя, а для других считает подходящим иное добро, занимает промежуточное положение между грубым и искренним лицемерием, обладая признаками обоих. Искренний лицемер, как искренний лжец, убежден в своей честности и объективности, так как собственного зрения было недостаточно для того, чтобы заметить изъяны своей веры, опирающейся на смесь атеистических и идеалистических теорий со своими специфическими законами-заповедями. Ложь такого мировоззрения трудно заметить не только потому, что люди бывают рассеяны или вовсе невнимательны к деталям, но, в первую очередь, из-за того, что оно сносно описывает и хорошо предсказывает будничную, повседневную суету без настоящих испытаний.

Скажите, кто сегодня поверит, что эта сермяжная (хотя, может быть, и высоконучная) правда не имеет подлинной силы на земле, утверждения в вечности? Ее ложные образы людей, духов и Бога не могут поколебать убежденности в своей честности и объективности носителя таких истин. Он без всякого насилия над собственной совестью способен не только к хранению, но и к жертвенному служению своему искреннему обману. Он так видит, так слышит и без фальшивых нот готов словом, делом, помышлением воспроизводить звуки этой музыки. Все честно. И обман, и обольщение им, и совместное растление с летальным исходом воспринимаются как чистая мелодия жизни.

Такую ненасильственную подмену подлинности в себе и затем вокруг себя заметить умнику очень сложно и, если точнее, даже невозможно.

Однако, если сомневающийся в ценности своего богатства с доверием прочтает откровения Христа, то сможет обнаружить самообман и даже весьма просто. Слепцы, знающие о своей слепоте, не станут возжами для других обездоленных (хотя бы из соображений собственной безопасности сами будут просить, если не возвращения им зрения, то помощи от зрячих), но слепцы, не подозревающие о своем недостатке, убежденные в своей прозорливости (зоркости), обязательно будут лезть в предводители масс, ими же соблазненных.

Добавим, что подслеповатость – неточное различение объекта наблюдения или мелкие погрешности уже при воспроизведении его в душе (в воспоминаниях или рассказах), также утверждает ложь и делает человека лицемером, поскольку так или иначе искажает оригинал. Тут должна быть исключительная порядочность у совести для того, чтобы из-за маленького дефекта всю картину классифицировать как ложную.

Погрешность в познании ближнего ставит меня при общении с ним в позицию лицемера: я не у того спрашиваю и не тому, кто на самом деле, отвечаю, хотя вероятней всего на лице будет изображение полнейшего почтения, но не тому человеку, который рядом. Также и с Богом. Он один может стоять перед нами как Отец, но искаженное восприятие Его подменит истину, и мы будем беседовать с антибогом (с тем, кто встал вместо Бога), с другим, а не с Ним.

Если Вас лично неправильно или не до конца понимает близкий человек, он знает Вас? Можно эти отношения назвать откровенными и доверительными? Они – дружба? Мы, казалось бы, доступнее для понимания, чем невидимый Бог, но многие ли воспринимают нас честно, такими, какие мы есть? (Мы подскажем вам ответ – таких людей нет. Ни одного.) Наши отношения в этом случае можно твердо назвать лицемерными.

Можно подчинить описание живого человека неким правдоподобным схемам, такой вид лицемерия называется фарисейством. Если эти схемы составлял не сам человек, а нашел их в записях всеми уважаемых предков, то такой лицемер называется книжником. Эти отношения сохраняют свое подобие и в том случае, когда мы имеем дело не с человеком, а с Богом. Сам же Бог лишен всяческого лукавства, поскольку знает нас такими, какие мы есть. Со всем нашим злом и со всеми талантами из добра. Наша взаимность с Ним состоится, только если мы будем подобны Ему в этом. С приходом Того, Кто прощает, открылась возможность честного пути и лицемерам. Признавая свою слепоту, то есть исповедуя себя лицемерами, они будут постепенно прозревать,

исцеляясь милостью, и как признак здорового отношения к себе они приобретут осторожность к тому, что они воспринимают, сомнениями испытывая увиденное.

Это пространное и утомительное отступление понадобилось нам, чтобы дать наименование людям, живущим, без всяких сомнений, согласно своим убеждениям. Честные люди. Но, на удивление, они имеют много видов. Среди них просто честные, и честные лжецы, и честные бандиты, и четные революционеры, и честные развратники, и честные доброжелатели, и честные лицемеры... Им нет числа, тем, кто верит в свою искренность и невинность. В общении честность подкупает и дает толчок к ответной честности...

Не оказалось греха, от которого бы не спас людей Сын Божий. Любое зло побеждено тем, что оно может быть прощено Сыном Человеческим, пострадавшим от него. Христиане утверждают, что на кресте Иисус принял на Себя грехи всего мира, и они оказались меньше Его милости к нам. Так что откровенное зло перестало быть смертельным для человека и, принеся признание Милующему в его совершении, он из врага становится Ему другом.

Однако у всепобеждающего прощения оказался достойный противник, способный отнять у него заблудившихся овец. Именно лицемерие стало главным и единственным врагом миссии Христа. Человек, не увидевший, а значит, не поверивший в милость Бога, вместе со слепотой на свои грехи проходит мимо своего спасения, в своем свободном выборе отказывается от него и остается в состоянии смерти, которое он возлюбил больше, чем жизнь. Мера беззакония ревнителей зла, соблазняющих на него невинные души, как превосходящая все прочие грехи, ставится вровень с лицемерием (например, так: и будет он (тот, кто соблазнит одного из малых сих (т. е. грешников)) иметь участь такую же, как лицемеры). Не наказание будет причиной страдания тех, кто не захотел войти в царство милующего Света, а горе своего личного отказа от предложенного им дара общения. Горе вам, лицемеры – это пророческое предупреждение о тоске в людях, не разглядевших открытых путей к блаженству взаимности.

Закончим эту главу напоминанием, что нас не интересуют ни нравственные оценки происходящего в романе, ни методы борьбы (или утверждения) с мистическими феноменами, встречающимися на его страницах. Нам нужно всего-навсего узнать, как понял бы события в «Мастере и Маргарите» человек, встретивший Христа.

Глава IV. О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ

(называющая)

<...> и говорили: не Иосифов ли это сын?

Лк. 4:22

<...> ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, что это Я, и многих прельстят.

Мк. 13:6

Итак произошла о Нем распря в народе.

Ин. 7:43

Многочисленные знатоки романа могут смущенно пожать плечами, поскольку они давно хорошо знают всех основных его персонажей, но на этот счет «Азбука» может иметь другое мнение. Эксперты подмечали, что Булгаков соединил два повествования, поместив одно в другое. Так и говорили: «Роман в романе», и даже придавали самостоятельное значение каждой составляющей, вплоть до того, что любимец Сталина, поэт (и драматург, и писатель) Константин Симонов захотел в первую очередь отдельно издать пилатовы главы (уже после смерти своего обожателя).

На бумаге общим действующим лицом в Москве и Ершалаиме является только Воланд. Общение между обитателями этих городов только опосредованное, через кого-то или через что-то. Никакого прямого разговора, ни одного личного мнения друг о друге между персонажами разных эпох нет. Маргарита и мастер высказывают свое отношение к рукописи только в общем, не вдаваясь в подробности и больше думают о том, как она повлияла на их жизнь. Будущий ученик мастера в основном интересуется Пилатом, но как-то отвлеченно от общего настоящего и от сугубо личного, так, в чисто научно-познавательном плане. Все остальные москвичи сталкиваются с произведением мастера только в силу своей профессиональной деятельности. Ни одного комментария частного лица, никаких индивидуальных переживаний, полное молчание. (Нам кажется, что Булгаков криком настаивал на выявлении нашего мнения о ершалаимских приключениях, для чего и была установлена тишина среди участников романа с советской пропиской)...

(Мак. л.)...

Елена

Не вправе взыскивать я за провинность,
Которой я виной. О горе мне!
Меня преследует печальный жребий
Так обольщать весь век сердца мужчин,
Что больше ничего они не помнят.
Обманом, силою, захватом в плен
Меня герои, боги, полубоги
И демоны таскали за собой
В своих походах, битвах, отступленьях.
Сперва я голову кружила всем
В одном своем лице, потом в двояком,
В тройном и четверном. Освободи
Закованного. Бедный не повинен.
Кто ослеплен богами, чист душой.

Фауст

Царица-лучница, с тобою рядом
Я вижу пораженного стрелой!
Охотница, стреляешь ты так метко,
Что, чуть ты натянула тетиву,
Я во мгновение ока тоже ранен.
Воображаю, сколько будет жертв,
Когда ты воцаришься в нашем замке
И в нем засвищут тучи этих стрел!
Чем стану я? Ты мне мой двор взбунтуешь,
Небезопасным станет камень стен,
И я боюсь, тебе, победоносной,
Все войско восхищенно присягнет.
Что остается мне, как не отдать
Тебе во власть себя и все владенья,
Которые своими я считал.
У ног твоих позволь мне всенародно
Признать тебя своею госпожой,
Которой только стоило явиться,
Чтоб покорить нас и занять престол.

* * *

Хор <...>

Отнят выбор у женщин.
Их не принято спрашивать,
И бывшие поклонники
Только копят им опытность.
Пастухам златокудым ли,
Или фавнам щетинистым
Отдаваться приходится
Сообразно случайности.

Все тесней прижимаются,
Прислонившись друг к другу,
И сближают колени,
И хватаются за руки,
Широко перевесившись
Над подушками трона.
Для царей посторонние
Словно место пустое,
И при нас они нежатся,
Как на тайном свидании.

Елена

Я – далеко и близко вместе с тем,
И мне легко остаться тут совсем.

Фауст

Дышу едва, забывшись как во сне,
И все слова претят и чужды мне.

Елена

На склоне дней я как бы родилась,
В любви твоей всецело растворясь.

Фауст

Не умствуй о любви. Какой в том толк?
Живи. Хотя миг живи. Жить – это долг.

* * *

Здесь все бессмертны, словно боги,
Улыбка у людей чиста,
Довольство, чуждое тревоги,
Наследственная их черта.

* * *

В краю безоблачности редкой
С тобой укроемся вдвоем,
Приютом изберем беседку
И полным счастьем заживем.

* * *

Елена

(Фаусту)

На мне сбывается реченье старое,
Что счастье с красотой не уживается.
Увы, любви и жизни связь разорвана.
Оплакивая их, с тобой прощаюсь я,
В последний раз к тебе в объятья падая.
Прими меня, о Персефона, с мальчиком!

*(Обнимает Фауста. Телесное исчезает,
платье и покрывало остаются у Фауста в руках.)*

Форкиада

(Фаусту)

Держи покрепче, что тебе оставлено.
Не выронь платья. Демоны подземные
Уж за него со всех сторон хватаются,
Чтоб унести к себе. Держи, не вырони.
Хоть платье не богиня, та – потеряна,
Однако ткань в твоих руках – божественна.
Воспользуйся неоценимой милостью
И улети. Она над миром низменным
Перенесет тебя, пока удержишься.
Прощай. Вдали, в великой отдаленности
От этих мест, с тобою мы увидимся.

Занавес падает.

Форкиада на просцениуме исполински выпрямляется, сходит с котурнов, снимает маску и покрывало и оказывается Мефистофелем, готовым, в случае надобности, объяснить пьесу в эпилоге...

(З. У. пр.) ... Обосновывать свою позицию по поводу главного действующего лица у Булгакова мы по привычке начнем с вопроса: если кто-нибудь из нас решит написать своего «Евгения Онегина», будут ли пушкинские Татьяна и Евгений участниками нового романа с событиями и персонажами немного похожими, но и немного отличными от своих прототипов? Точнее, смогут ли читатели ограничиться присутствием новых Евгения и Татьяны, не допуская и малейшего участия (хотя бы в качестве сравнения) прежних. Тем более, если современный раскрепощенный Онегин, сначала отбив у сестры нетрадиционной ориентации, станет любовником, а потом откажется жениться на непраздной Татьяне, посоветовав побыстрее выскочить за какого-нибудь богача, потому что она по гороскопу предназначена другому, который лучше подходит ей.

Да, новое произведение, но прежние имена вернут первообразы не только как память, но и как участников (например, как судей) свежей версии. Двойники не смогут стать самостоятельными даже для тех, кто не читал и не слышал об Александре Сергеевиче, потому что его читал автор литературного нововдела, и это незримо запечатлено в каждой строчке, вышедшей из-под его компьютерной клавиатуры. Первозданные Евгений и Татьяна вошли в мысль того, кто не согласился с ними и родил своих, как ему показалось, настоящих. Мы взяли для примера достаточно известное произведение, хотя, может быть, и в ограниченном несколькими странами пространстве. Однако есть книга, известная всему миру и имеющая возраст, равный нашей современной цивилизации. О ней думали (не важно, хорошо или плохо) люди нескольких континентов на протяжении почти двух тысяч лет. Тот, о Ком написана она, стал действующим участником сокровенных переживаний, определявших поступки громадного числа людей. Не только целая книга, но и небольшое сообщение о ком-то, использующем Его имя, делает Иисуса Христа главным свидетелем данного повествования. Не стороннего, не молчащего, но во всеуслышание говорящего очевидца. Это – наше убеждение.

Повествование в романе открывается беседой двух литераторов, и в центре этой беседы находится Иисус Христос. Они сыграют не последнюю роль в водевиле, но не станут важнейшими лицами необычайного приключения, начавшегося на Патриарших. А Тот, Кого они старательно

пытались изъять из сознания и памяти своих сограждан, хотя и незримо для многих, будет главным свидетелем и участником всех описанных событий. Читая роман, мы будем, согласно его развитию, приводить свои доводы в пользу нашего утверждения. Кроме первенствующего основополагающего разговора Берлиоза и Бездомного об Иисусе Христе, Его имя будет произноситься еще дважды. Профессор Стравинский уточнит у обезумевшего поэта, какого Понтия Пилата он имеет в виду, и критик Ариман зафиксирует, что в периодическом издании была сделана попытка проташить апологию Иисуса Христа. Странное трехкратное произнесение имени христианского Бога в обстановке, которая скорее требовала полного умолчания о Нем. Ссылаясь на «Азбуку», ограничимся ее утверждением, что там, где двое или трое собираются во имя Его, там и Христос посреди них. По крайней мере, трое на страницах булгаковской книги собрались.

Еще одной причиной безусловного присутствия Христа в романе Булгакова, о которой не заявляется вслух, но от которой невозможно отмахнуться, является родство с Ним всех персонажей (может быть, за исключением Алоизия Могарыча).

В царской России всех граждан крестили, причем их учет велся именно по церковно-приходским книгам. Крещение и участие в Таинствах Церкви было обязательным, и служащие предоставляли ежегодно справки об этом для того, чтобы их не уволили с работы. Время, в котором происходит действие романа, отделено от того исчезнувшего обязательно-православного государства сроком, недостаточным для появления взрослого некрещенного поколения. Так что все его персонажи еще при старом режиме побывали в иорданской купели и в этот момент родились во Христа и умерли греху.

.....
.....
.....

Мы намеренно предоставили возможность некоторым читателям усмехнуться или возмутиться в ответ на наше заявление. Тем не менее, мы настаиваем на том, что крестившийся человек уже не может отделить свою жизнь от жизни Христа. Подобным образом, человек бывает навсегда связан с родителями или детьми. Да, он может выгнать их, может забыть их, даже убить, но отношения с ними разорвать не удастся. Унизив родных, мы будем находиться в обществе униженных нами; предав забвению, мы будем всегда гнать их от себя все дальше и дальше, но борьба за

полное освобождение никогда не прекратится. Отняв (украдв?) чужую жизнь, мы будем невольно вечно свидетельствовать о зияющей пустоте в нашей душе, и даже наркоз, действующий от угара великих свершений или от собственного азарта, и даже потеря сознания не смогут заглушить горечи этой утраты, не говоря уже о бессильных попытках убедить себя в том, что смерть другого нас не касается и в особых случаях даже полезна и успокоительна.

Христианин может отречься от Христа, может стать гонителем Его или совершенно равнодушным к Нему. Но этот выбор неотступно, в каждую секунду жизни, все равно будет сопровождать бывшего друга Христа. Нет, не мезтью постоянных угрызений, не травмами от ударов судьбы, а сосущей утратой возможности быть с удивительным другим и неутоленной жаждой доверчивой дружбы. «Азбука» доносит до нас непреложный закон взаимности Христа с людьми, который действует, не взирая на то, верим мы или нет, по которому все, сделанное нами самому маленькому человеку, мы делаем и Ему. Но верно и обратное – то, что мы сделаем Ему, только в эту меру, не выше, мы можем поступать с людьми. Отказавшись от Его дружбы, мы не сможем быть друзьями ни с кем. Лишив Его возможности присутствовать в нашей жизни, мы все наши отношения обречем на безжизненное механическое перерабатывание их во времени, на пустоту пошловатой оперетки.

Можно было не провозглашать на первых страницах имя Христа. И без этого все поступки советских граждан в романе были совершены христианами, а если учесть, что один из булгаковских персонажей времен понтийского Пилата явно претендует на место Христа, то выясняется необходимость сообщить основополагающие откровения православия о Боге.

Наиболее точное и краткое свидетельство о личности Бога содержится в Его имени. Наше подобие Ему осуществляется в том, что Всеведущий Бог, знающий нашу жизнь и нас, произнося наше имя, выявляет наше присутствие в Бытии. Если человек полностью отрицал свои отношения с кем-либо, не желал их, его имя произнести нельзя, его нет. Бог своими именами открывается людям в отношениях постепенно, чтобы не навредить им, раненным смертью, изъеденным грехом...

(Мак. л.) ...

Фауст

Не можешь ты без вечных штук.
Вздор, небылицы, что ни звук.

Мефистофель

(серьезно)

Но слушай же. Когда за грех один
Господь низверг нас в глубину глубин,
Мы центр земли в паденье пересекли
И очутились в вековечном пекле,
Где полыхал огонь среди теснин.
Признаться, несмотря на освещение,
Мы оказались в трудном положении.
Раскашлялись тут черти целым адом,
Тяжелый дух пуская ртом и задом.
От вони ад раздулся. Серный газ
Давил на стенки каменистых масс.
Росло давление. От его прироста
Потрескалась кругом земли короста.
Взрыв тотчас вызвал общий перелом,
И стало верхом то, что было дном.
Геологи, наш опыт разработав,
Ввели теорию переворотов.
И правда, свергнув бездны жаркий гнет,
Теперь мы дышим воздухом высот.
Лишь откровенье с трудностию крайней
Людей подготавливает к этой тайне.

Фауст

Гора крута, а как и почему,
Претит копать духу моему.
Когда природа всю себя сложила,
То шар земной круженьем обточила.
Вершины гор – естественный нарост
Вокруг ложбин, ущелий и борозд.
Понятно, что крутых хребтов отроги
К долинам рек становятся отлоги.
Существование гор, лугов, лесов
Обходится без глупых катастроф.

Мефистофель

Ты полагаешь? Но иного мненья,
Кто был свидетелем их появления.
Я был при том, когда еще на дне
Пылал огонь и гул катился громкий.
Молох ковал утесы на огне
И сыпал стопудовые обломки.
Найдя в полях гигантскую плиту,
Смолкает ум философа неловкий.
Гигантский камень брошен на лету
Во времена горячей этойковки.
Он говорит при виде этих стен:
«Ничем необъяснимый феномен».
Простонародье более пытливо,
Оно не остается в стороне
И, наблюдая странные массивы,
Приписывает чудо сатане.
На «чертов мост» глядит в пути скиталец
Или в песке находит «чертов палец».

Фауст

Какие любопытные подходы
У вас, чертей, во взглядах на природу!

Мефистофель

Что мне природа? Чем она ни будь,
Но черт ее соавтор, вот в чем суть.
Мы с жилкой творческой, мы род могучий,
Безумцы, бунтари. Взгляни на кручи.
Вся ширь земная – дело наших рук.
Теперь ты облетел ее вокруг.
В какой-нибудь из точек перелета
Спуститься ты не ощутил охоты?
Ты видел как-никак с высот своих
«Все царства мира и всю славу их».

Но ты брюзглив, и кругозор привольный
Не властен над душою недовольной...

(З. У. пр.)... Он открывался в именах, которые не могли по отдельности вместить Его, но, собирая их воедино, ведение о Нем прояснилось. Как примеры назовем некоторые: Вседержитель, то есть Тот, Кто есть во всем, и пока Он присутствует, у субъекта сохраняется возможность жить. Он – поддерживающий жизнь. Он – Сущий, то есть Тот, Кто был, Тот, Кто есть и Тот, Кто будет. В этом имени открывается способ осуществления жизни – это то, что бытийствует, не исчезает и не меняется. Только о такой личности можно сказать, что Она есть.

В этом смысле (а это главный и единственный подлинный смысл) грешника нет – это исчезающая субстанция, призрак, который развеется в вечности, как дым. Поэтому для того, чтобы людям появиться – стать настоящими, – им необходимо подружиться с бытием (Оно живое), которое делится своим, в том числе и бессмертием.

Как это возможно? Это было тайным поиском людей, помнящих о своем небесном отечестве, вопреки своему отказу от него в пользу временных благ. Хотя взаимность с бытием была нарушена еще первыми людьми, и они попали под крепкую, как любовь, власть смерти, так что их существование с позиции настоящей жизни уже можно было назвать смертью, но до своего полного исчезновения им была дана надежда в обещании (обете), что к тем, кто сохранит память о жизни, придет тот, кто выручит, спасет их от одиночества небытия. Он снизойдет к нам в долину, объятую тьмой, из мира светлого блаженства во взаимности и предложит всем предателям милость, возвращающую свет отношений.

Всепобеждающая милость упразднит и простит все зло, которое уже собиралось вечно царствовать в них, а остатки добра в людях, обреченные на полное истощение, сохранит и придаст им силу семени, из которого разовьется, вырастет та самая блаженная взаимность, в которой нет ни печали, ни малого недостатка в полноте бытия, ни тени на красоте отношений с присными (с теми, кто всегда).

В течении тысячелетий никогда не иссякал ручеек из людей, которые грешили и жили среди грешников, но не оставляли надежду для себя и своих потомков увидеть день посещения их Милостью, хранили ее, терпели и находили вновь. Для такого непрерывного сохранения в памяти сердца бывшего, но утраченного единства с Богом и обещанного Им спасения, при неохватно длительном сбережении обетования в неприкосновенности, вместившем в себя смену многих, многих поколений,

вместе с теплым ожиданием исполнения обещанного для всех народов, было бы совершенно недостаточно человеческих сил.

Терпение и верность не являются сильной стороной человеческого рода, особенно когда твои прадеды и деды, ты сам и твои дети, несмотря на героическую преданность ожиданию исполнения своей веры, уходят в страну смерти и исчезают в Шеоле — месте, где совершенно нет Бога, где абсолютно невозможна взаимность. Мрачная бездна, в которой та наша часть, несогласная со смертью, не мыслящая себя в одиночестве, оказывается страждущей и стенающей наравне с теми, кто сам не только не ждал, но и боролся презрением и насилием с ожидающими, глумливо вопрошая у них: «Где ваш Бог?».

Как не обидеться на веру, если участь друзей и врагов одна? Действительно, хранить непоколебимое доверие к тому, что придет избавление от власти смерти и, вместе с этим, видеть, как сонмы людей из века в век уходят в непроглядную тьму — тут без обид и бунта против Бога, без проклятий Ему невозможно для человеческих сил. Народ божий, хранимый духом от окончательного предательства, которое совершилось бы при разочаровании в милости Творца, смог сохранить эту спасительную нить для всех, сберечь ее до времени, в котором найдется на земле человеческая душа, выбравшая своим единственным сокровищем надежду на возвращение жизни и восстановление единства с Богом и людьми. Только этот народ, согласившийся на презрение и гонения, в своей вере почитал главной ценностью общение с Богом Творцом, и именно это выделило его среди всех прочих народов в поклонение Единому, без разделения Его на мелкие составляющие в пантеоне божков.

Другие вкушали приятное от многого — золота, вина, войны, плодородия, красоты, торговли, всего не перечесать, и во главе каждого кусочка жизнедеятельности восседал свой ревнивый повелитель. Среди множества богов, хранящих и выдающих приватизированные ими богатства или предлагающих определенные услуги, выбирался главный. Ему отдавалось первенство в проявлении инициативы во время частых войн всех со всеми, правда, без права уничтожения других богов. Большое число небожителей нуждалось в большом количестве храмов для поклонения им. А в избранном народе было установлено особое служение приготовлению к встрече с посланником Небес, способным вернуть самим людям божественное достоинство детей этого Неба.

Для осуществления общей службы всех избранных для ожидания было уготовано особое место — один единственный храм в Иерусалиме,

в котором главное святилище было предназначено Богу, и оно оставалось пустым до того времени, когда Он снизойдет к своему народу, нуждающемуся в Нем, как в спасителе, возвращающем свободу и жизнь. Ожидание Мессии, конечно, сопровождалось помощью Бога, и эта поддержка Духом Небес называлась промыслом, заботливым наблюдением в людях малейшей возможности вручить им дар, приближающий встречу.

Духом был дан обет (обещание Бога), и духом он был принят праотцами. Духом призывались к вере хранители этого завета, и духом подавалось покаяние избранникам, предавшим свое служение. Духом был дан закон, помогающий избранному народу не очень быстро разрушаться, чтобы нашлись те, кто дождется своего Избавителя от смерти. Эти люди были просвещены верой в том, что в своем выборе однажды предпочли грех, но при этом были уверены, что признание его перед Мессией (личности из жизни вечной) выручит их Его милосердием и человеколюбием. Как, когда это будет, какой ценой – ниточка памяти ветхой церкви постепенно становилась тоньше, люди с течением столетий после посещения их последними пророками перестали это помнить и понимать, за исключением нескольких верующих простецов.

Иисус Христос – в этом имени вся история земли, не история цивилизаций, войн, переселения народов, а история каждого человека (включая и грядущую историю). Иисус – это Спаситель. Не тот, кто пришел помочь, исцелить, наставить, дать эликсир молодости, а Тот, Кто явился вернуть жизнь умершим. Он так и свидетельствовал о Себе, что пришел искать, найти и возродить погибших. Абсолютно беспомощных для веры, абсолютно пропавших для жизни, затерявшихся в одиночестве так, что простым взглядом надзорного органа их было уже не увидеть, не заметить. Нужен был Всевидящий и Всемогущий для того, чтобы отыскать их во тьме смерти.

Слово «найти» относится не к географическому или временному ориентированию; «найти» – значит отыскать их в бестолковом, бессмысленном, бесследном пребывании на земле, хотя бы искру движения их души от тьмы к Свету (то есть малейшее чувство или мысль, потянувшуюся и к взаимности, и к вечности).

Его всесилие, восставляющее грешников от небытия и одиночества, таково, что не обязательно даже, чтобы вспышка блага была опытно пережита ими, ее могло и не быть, достаточно простого признания, что в жизни благо прошло мимо, и сожаления, что все содеянное утонуло

в себялюбии, что мысли и чувства отравлены эгоизмом, что наше одиночество выбрано нами.

Спаситель с высоты гор всенародно объявлял, что Он пришел не ради праведников, но ради потерявшихся и пропадающих. Тем, кто и без Него имеет отношение к свету, добру, Он не нужен, поскольку они нуждаются в соратнике, а не в избавителе. Для тех злодеев, которые захотели принять от Него прощение, Он всегда был Спасителем, до последних мгновений их земной жизни. Они знали, что зло, сотворенное ими, прощено перед вечностью, и это прощение открыло им возможность быть с Ним вместе навсегда. И уже будучи вместе с Ним, желать таким же извергам, какими недавно были они, обрести предложенное прощение и тем самым помогать спасать! Они видели, что, обретя их Своей милостью, Он несет их на своих плечах – они не могут сами, без Его помощи, быть добрыми, трудолюбивыми, щедрыми, ступать по жизни твердо и прямо. Им милость нужна всегда, чтобы не вернулись в силу их прежние пороки, чтобы их несовершенное добро не исчезло, став приманкой, и не стало предательской силой, целованием Иуды...

(Мак. л.)

...И если случай есть, лови минуту,
Железо куй, покуда горячо.

Фауст

Не понял ничего. Какой тут случай?
Скажи ясней, загадками не мучай.

Мефистофель

В пути сюда мне сообщали,
Что император наш в печали.
Его ты помнишь? Это тот,
Которого мы развлекали
Дождем обманчивых щедрот
При помощи своих банкнот.
Он молодым взошел на трон
И тут был нами ослеплен.
Купить надеясь полвселенной
Посредством нашего подмена,
Поверил постепенно он,

Что до скончания времен
Ему и море по колено,
Что царствования образцом
Такое будет почитаться,
Когда две цели совместятся
И будет он в лице одном:
И царствовать, и наслаждаться.

* * *

<...>

И каждый встречный-поперечный
Губил другого из толпы
С жестокостью бесчеловечной.
По делу уезжал купец
И находил в пути конец.
Достигло крайнего размаха
Укоренившееся зло.
Все потеряли чувство страха.
Жил тот, кто дрался. Так и шло.

Фауст

Шло, падало, плелось, тащилось,
Пока совсем не развалилось.

Мефистофель

Никто в том не был виноват.
Всем значить что-нибудь хотелось.
Выгадывал второй разряд,
А первым это лишь терпелось.
Однако этот ералаш
Не по душе стал лучшим людям.
Они задумали: «Добудем
Порядок. Император наш
Нам не оплот в борьбе суровой.
Давайте выберем другого,
Который властной рукой
Нам будет обновленья знаком,
Чтоб сочетать счастливым браком
И справедливость и покой».

* * *

Император

Что там ни говори, мы выиграли бой.
Разбитые враги рассеялись толпой.
Вот трон изменника, а вот сундук тяжелый
С казной, которой он поддерживал крамолу.
Мы ж, свитой окружив себя со всех сторон,
Ждем представителей от подданных племен.
Известья добрые: везде успокоенье,
В стране подавлен бунт, нам радо население.
Нам скажут, в наш успех вмешалось колдовство,
Плоды достались нам, довольно и того.
А мало ли еще случайности какие
На памяти хранят анналы боевые?
На голову врагов то дождь кровавый льет,
То град камней летит, то ураган невзгод.
Или вселяет гул таинственный в пещере
Уверенность в одних, а в остальных неверье.
Но побежденный пал, преследуем стыдом,
А тот, кто победил, не помнит ни о чем,
Но славит господу, сливая в хор хвалебный
Миллионы голосов, собравшихся к молебну.
В счастливый этот час дарений и наград
Я на себя смотрю и перемене рад.
Правитель молодой пусть времени не ценит,
Года пройдут, года его и переменят. <...>

* * *

Архиепископ

В счастливый этот час владеет горько мною
Сознание, что ты в союзе с сатаной.
Хотя, на первый взгляд, упрочен твой престол,
Ни к богу ближе ты, ни к папе не пришел.
Узнай он, как достиг ты снова воцаренья,
Он поразит твой край громами отлученья.
Ведь не забыты им еще те времена,
Когда, взойдя на трон, простил ты колдуна
И милости лучом, склонясь челом венчанным,

Коснулся головы, противной христианам.
Покайся между тем и в грудь себя ударь
И лепту скромную дай церкви, государь.
Места, в которых след оставил осквернитель
Победой колдовства, отдай ты под обитель
С окрестной полосой, с лесами и горой,
Поросшей по краям травой луговой,
С ключами, бьющими сквозь каменные глыбы,
Со множеством озер, богатых всякой рыбой.
Чем шире будет мера щедрости твоей,
Тем и прощенье будет ближе и верней...

(З. У. пр.)... *Людские праведники, возвышающиеся над невежественной порочной толпой, в своих полудоброте, полуправде, полувере представлялись себе и окружающим героическими защитниками истинного добра. Эти лучшие люди в конце концов и стали гонителями и убийцами Спасителя, распятого вместе с разбойниками – теми, ради которых Он и пришел. Разделив с ними позорную смерть, Он не оставил их одинокими и в смерти, а тем же, кому для того, чтобы выжить, милость была не нужна, тем, кто умел совершать благие поступки и чудеса (даже от Его имени), Он сказал: «Я не знаю вас».*

Причина такого незнания добрых людей Всеведущим кроется в том, что они, даже если пользовались Его именем в принесении благ, не хотели знать Его и не узнали. Они не узнали Его милосердия лично к ним, поскольку не почувствовали необходимости избавиться от умирания в полужизни, а значит, не ждали и не ждут своего Спасителя. Он не нужен им как родной, как друг. Он лишний в их системе высших ценностей – поэтому Он будет под тем или иным предлогом благочестиво устранен, чтобы не разрушить ее.

Откуда у Иисуса спасительная сила? Она из Его имени – Христос. Христос – это Сын Бога, это Бог, исполняющий волю Отца. Исполнение воли другого – от желания любящего сердца, с отказом от своей воли, радостным забвением себя. Но воля Христа не поправа, не отвергнута забвением, она драгоценна для Отца, который до отвержения Себя готов исполнять волю Сына. (А Сын просил Отца простить нас.) Христос – носитель этой небесной жизни-возможности, приблизившейся к нам, живущим по противоположному закону – закону любви к себе с молитвой в сердце: да будет воля моя.

Вся наша раздражительность и обиды, ярость и уныние – из-за нарушения первозданного внутреннего закона Царства Небесного (забвения себя ради любимого), который есть внутри каждого из нас. Теперь люди таковы, что в них есть место для каждого из двух царств, в которых действуют противоположные законы. Казалось бы, каждое наше действие может быть оправдано и одобрено одним из этих царств, что должно сопровождаться миром и благополучием в душе, но правда нуждается в том, чтобы быть единственной, и раздвоенность приводит к постоянному страданию из-за того, что любой наш поступок не может удовлетворить одному из законодательств, владеющих нами, и наш выбор одного из них оскорбляет другое.

Совесть не дает возможности использовать двойные стандарты для наших поступков, откликаясь на них тревогой и болью, пока честность не станет однозначной. Человек оказывается несчастным пленником замкнутого круга, в котором, действуя против правил своего Небесного Царства, сжигает душу, а исполняя его законы, испытывает горе уже из-за мести греха, живущего в нем. Встреча, в носителе двух царств соединяющая себялюбца и Того, Кто в дружбе забывает про себя, ведет к умиранию последнего от нечестности лукавого друга.

Однако Его смерть не бессмысленна, поскольку дает возможность ожить эгоисту, желающему вернуть небесное сокровище в его первозданном совершенстве и полноте. Спасенные живы смертью Иисуса за них, для них источник истинной жизни течет из Его гроба. Его гроб – не наш приговор, не наша победа над Ним. Его гроб – это наше безжизненное сердце, где нет места желанию и воле ближнего. Он лег в наш гроб, приготовленный нами самим себе. Он не занял наших квартир на земле, Он занял наше место захоронения под землей. Его нахождение в нем – это откровение о нашем выборе, о нашей жизни, свидетельствующее о том, что она есть смерть.

С нами невозможна жизнь, основанная на равенстве и справедливости. Принести нам жизнь может только добрая несправедливость – милость в ответ на наше зло несправедливой самости. Те, кто нуждаются в посещении их гроба Спасителем, даже в смерти своего тела не будут одиноки, будут вместе с Ним. Отныне разрушено одиночество умирания, потому что есть Тот, Кто умирает с каждым. С нами захотели быть даже тогда, когда мы не способны на взаимность. Достаточно сказать «прости» за ее отсутствие, и она радостно воскреснет. Только бы не забыть и в скудости, и в земном изобилии просить сердцем

не оставлять нас, своевольников-мертвецов, а если не получается – признаться, что нет сердца для того, чтобы попросить. Если преданная нами жизнь помнится, если сладкое предательство сопровождалось хоть малым сокрушением о содеянном – покойник воскреснет, как воскресает дружба при прощении возвратившегося для примирения из далекой страны друга-предателя.

Те, кто пока не нашел в себе и в ближних настоящей жизни, но признали Христа и Свет Его отношения к падшим, обязательно будут искать Его и просить духа сокрушения для встречи с Ним. Тем, кто считает, что умеет жить, умеет любить, умеет прощать, способен делать добрые дела, может помогать и даже может защитить, а еще в силах строить добротное общество, которое сделает людей счастливыми, – тем не нужен Иисус.

Пропадаю и тяну за собой всех, не имею возможности быть благим и поддерживать жизнь – спасите! Вот основание для явления Иисуса Христа в жизнь человека. Все его пребывание на земле от зачатия до вознесения, каждое слово, каждое прикосновение к нам, погружение в темные воды Иордана, вход в Иерусалим, каждая встреча – было Его умиранием от единства с безжизненными, но для гибнущих людей оно было спасением, соединением с милостью и прощением, а значит, сопровождалось возвращением нам имени божьих детей и права открыть свою волю для исполнения ее Им.

Чтобы пояснить сказанное, зайдем с другой, практической стороны и приведем пример делания, общепринятого у подвижников-христиан. Желая решительно находиться в вере, не отпадать от нее, они непрерывно в своей глубине произносили молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Глубина, на которой они ее произносили, позволяла им незаметно для окружающих быть на поверхности жизни такими же, как и все – разговаривать, работать, спать, но при этом сердечная ниточка беседы со Спасителем не прерывалась. (Подобным образом обиженные и озлобленные вынашивают свою месть, никак внешне не выдавая себя среди привычной повседневности, суеты встреч и расставаний.) Это означало, что избранные грешники понимали, что им всегда необходимо спасение, не только в откровенных падениях, но и в их несовершенном ущербном добре. Нужна милость, которая воссоединяет с жизнью всегда, каждую секунду. Такой милостью можно было делиться, в свою очередь, с теми, кто сам не мог или не умет обратиться к Спасителю, как тот бессловесный паралитик, принесенный друзьями к Его ногам. Вот разница между двумя грешниками, один из которых не нуждается в прощении, а другой его принял! Первый может творить благие дела, а помиловать не может, второй же знает, что на благо сам не способен, а миловать

может. Отметим особо, что тайна наших отношений с Христом еще и в том, что каждому из нас прощение уже заранее принесено Им, и необходимо лишь появление у нас желания восстановить преданные отношения, и они немедленно проявят себя в нас – оживут.

Новый Завет также называется Благой Вестью. Эта весть пришла к грешникам. Она благая, потому что пришедший к ним – Бог, только Он благ. Для тех, кто пропадал, может существовать только одно хорошее сообщение – они прощены и будут жить в благе, если захотят, а это возможно при осознании ими своих измен-грехов. Все встречи людей с Иисусом Христом были встречами с благом: они просили исцеления – им даровалось спасение, они хотели увидеть Истину среди толпы – к ним в дом приходило спасение. В ответ на простое прикосновения к Себе Он сообщал человеку, что вера его спасла его.

Иисус Христос раскрывал и другие имена, вобравшие в себя разные стороны Его служения. Он и Путь, который по аналогии с земными путями, знакомящими с географией и природой, социальным устройством государств и их культурой, показывает человеку шаг за шагом невидимую жизнь, которая вбирает в себя желания, помыслы, радости, упования, соединенные в нервной системе души, помогающей им звучать в гармонии. Вместе с этим Путь раскрывает таланты человека в свободном единстве с другим, обнаруживая способность забывать себя, сопереживать иному, удивляться неповторимости и богатству отношений с ним, творчески непредсказуемо исполнять желания друга. Узнав Путь с Ним, мы сможем открывать пути дружбы и с другими личностями.

Христос – Истина. Истина потому, что Он не обманывает, не исчезает, Он есть всегда, Он такой вчера, сегодня и завтра. Его слова подлинны, поскольку обязательно становятся делом. Они переполнены желанием быть исполненными даже для просьбы врага, они настоящие тем, что их не надо запоминать или силиться расшифровать, достаточно прикоснуться к ним и немедленно станешь их участником, удивляясь их чистотой, ясностью и всеохватностью, благодатной силе в них.

Он – Жизнь. Жизнь потому, что Она всегда и везде без границ и даже без полосы отчуждения, воздвигаемой смертью. Жизнь всегда новая, к которой нельзя привыкнуть и от которой нельзя устать, по которой нельзя соскучиться, но, одновременно с этим, Она всегда без измен, желанная и неизведанная, открытая и таинственная, невмещаемая и сокровенная. Жизнь всемогущая, за пределами мыслимых сил, и до полного истощения нежная и тонкая, сберегающая бесконечно слабое...

(Мак. л.) ...

Мефистофель

Должна прославить нас молва,
Но что нам скажет наш глава?
Начав с двух кораблей в пути,
Вернулись мы на двадцати.
О сделанном дает понять
Доставленная нами кладь.
В открытом море дерзок взгляд,
Молчит закон, царит захват.
То китобойщик, то пират,
Захватываешь ты фрегат.
Напав на два, ты жизнь отдашь,
Чтоб третий взять на абордаж.
Затем берешь четыре, пять,
И уж не можешь перестать.
Флот этот твой! Таков устав:
В ком больше силы, тот и прав.
Никто не спросит: «Чье богатство?»
Где взято и какой ценой?»
Война, торговля и пиратство –
Три вида сущности одной.

* * *

Звон колокольный – не пустяк.
Он отравляет каждый шаг.
Недопустимо равнодушие
К тому, что вечно режет уши.
Заладят это «динь-динь-динь», –
Прощай, безоблачная синь.
Что похороны, что крестины,
Для колокола все едино,
Вся жизнь как будто – призрак, хмарь,
А главное – один звонарь.

Фауст

...Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.

Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пусть живут муж, старец и дитя.
Народ свободный на земле свободной
Увидеть я б хотел в такие дни.
Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!
Воплощены следы моих борений,
И не сотрутся никогда они».
И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

* * *

Мефистофель

Конец? Нелепое словцо!
Чему конец? Что, собственно, случилось?
Раз нечто и ничто отождествилось,
То было ль вправду что-то налицо?
Зачем же созидать? Один ответ;
Чтоб созданное все сводить, на нет.
«Все кончено». А было ли начало?
Могло ли быть? Лишь видимость мелькала,
Зато в понятие вечной пустоты
Двусмысленности нет и темноты...

(З. У. пр.)... Христос – Пастырь. Пастырь, у которого хватает доброго сочувствия к своим подопечным, чтобы устремиться от всех удобств и богатств за падшим, злодеем, враждебной душой и, найдя его, благодаря всего лишь признанию им своего зла, взять на плечи и понести – то есть исполнить по-отечески все необходимое, что должен и мог сделать в жизни своей человек, не потерявший своего первозданного здоровья. Для завистливых незаметно взаимное делание того, кто несет, и того, кто лежит на плечах. Смертельно раненому самолюбию трудно принимать работу друга-спасителя за себя, ведь для этого ему нужно смиренное согласие от его господствующей гордости на помощь себе, которое редко бывает у уважающих себя людей – вернувшись в жизнь, они немедленно хотят опять стать совершенно самостоятельными и независимыми, стыдятся признавать, что только что вернулись в жизнь и не успели понять, как оно это – жить?

Он – Дверь. Дверь, которая распахивается в свет бытия взаимности перед тем, кто признался в нежити своего предательства. Дверь между областью умирания, надзираемая смертью, и свободным пространством жизни, которая открывается самой тихой покаянной просьбой. Врата в блаженство вечных, постоянно обновляющихся неразрывных отношений (это – естественная норма или закон подлинной жизни, присутствующий в любом ее семени).

Его имя – Друг. Он пришел к нам, своим друзьям, как Друг, не потому, что мы можем ответить ему верностью, а потому, что Он выбрал нас всех в друзья, желая поделиться своим богатством бытия вопреки нашей предательской злобе и мертвенной холодности к Нему. Другами Он называет всех учеников на последней вечерней трапезе с ними, перед тем как они разбегутся, бросив Его одного перед лицом клеветы и распинающего лицемерия. (Он знает это наперед, говорит, что так и будет, только им не верится, что они те самые, которые с Ним сейчас так хорошо, по-братски вкушают, немедленно предадут.) Другом Он называет и апостола Иуду во время его предательского поцелуя, давая ему понять, что коварная, подлая измена не разрушит Его отношения к нему. И гибель Иуды связана не с высшим приговором его злу, а с тем, что он не поверил в то, что возможно прощение его зла (точнее, не заметил, что оно уже прощено), что Милость ищет, как вернуть ему жизнь. Есть Дружба, преодолевающая зло предательства – Иуда погибает, отвергнув недоверием эту дружбу Иисуса.

Мы, конечно, не исчерпали все имена Христа, лишь очертили круг тех, которые связаны с действием романа.

Безусловное включение Булгаковым евангельского Иисуса Христа в свой роман позволяет исследовать на соответствие своему имени Его местного двойника, Иешуа, и не только. Становится возможным всерьез отнестись и к именам других персонажей. Наличие Света (одно из имен Христа) обнаруживает либо дружескую соединенность Света с субъектом, в меру которой оправдывается его имя, либо отсутствие ее, при котором имя перестает соответствовать сути человека, становится ложью, постоянно глумящейся над Ним и его Отцом. В случае, когда со Светом в человеке не совпадает ничего из его сокровищ, вместо имени обычно появляется кличка, или псевдоним, или карикатурное имя, выражающее дела человека, проявляя себя как перевертыш, противоположность первому истинному имени. По мере необходимости будем присматриваться к настоящим и фальшивым именам персонажей, действующих у Булгакова.

Глава V. РАЗРЕШИТЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

(так кто есть кто?)

<...> как тебе имя?

Мк. 5:9; Лк. 8:3

<...> но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах.

Лк. 10:20

<...> ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.

Откр. 3:1

Первыми, с кем встретился на Патриарших прудах каждый читатель «Мастера и Маргариты», были Михаил Александрович Берлиоз и Иван Николаевич Бездомный. Именно они с недюжинным профессиональным мастерством говорили об Иисусе Христе. Кем Он был для них? Враг, способный отравить трудовые массы быстродействующим наркотиком, смертельным ядом. Атеисты на все сто, которые боролись за искоренение памяти о Нем.

Главным, более опытным и искушенным воинствующим безбожником, как и положено, был старший из них, настаивавший категорически на полном исключении Иисуса Христа из списка живых и превращении Его имени в мифологический дым из фантазий полудиких невежд. Помогать ему вызвался молодой сметливый и напористый, но ему пока не хватало беспринципности и чутья. Он сразу понял, что Иисуса надо скомпрометировать, но больше чем до грязных обличений не додумался, чем огорчил наставника. Тот, в свою очередь, решается по-отечески отнестись к молодому революционеру и открывает себя, исповедуя главное свое убеждение, из которого он вырос и сформировался (действительно, мало носить в себе искреннюю веру; для того, чтобы она стала делом, стала явью, ее надо открыто исповедовать в личных отношениях).

И в то самое время, когда Михаил Александрович, как бы усыновляя Бездомного, пытаясь привить верный взгляд исторического материализма растущей, внимающей душе поэта, высказывает твердое окончательное решение христианского вопроса; тут же его собственными словами решается и его судьба (и предопределяется судьба его благодарных слушателей).

Кроме того, слова сердечного манифеста председателя пишущей братии формируют и объясняют то духовное поле, на котором развернутся события романа; они ключевые в понимании сил, действующих в нем.

Отныне в мире Бездомного и других христиан, освободившихся от нематериальных истин, главным лозунгом, формирующим новое общество, будет: Иисуса Христа на самом деле никогда не было. В подтверждение наших мыслей, как только прозвучала исповедь мировоззренческих убеждений Берлиоза, немедленно появляется персонаж, вокруг которого будут крутиться все остальные герои пьесы. Теперь уже в беседе троих будут посеяны семена, которые дадут пышный урожай на страницах романа, поэтому приглядимся к узелкам, завязавшимся в час жаркого весеннего московского заката.

Мы уже намекнули на то, что литераторы были сознательными врагами Иисуса Христа, стараясь привлечь к своей брани с Ним новых солдат для войск Царства Разума. Заслуженным и непримиримым врагом в первую очередь был Берлиоз – генерал генерального штаба армии атеистов. Бездомный был подмастерьем на подхвате – младшим офицером, только что допущенным до баталии. Очевидно (с точки зрения «Азбуки»), что их активным собеседником, сначала незримым, а после решительного отречения от Христа, и зримым, был дьявол, князь (генералиссимус) тьмы. Все трое были союзниками, но заправлял могущественный дух, его заслуженным полководцем был Михаил Александрович, а необстрелянным бойцом – Иван Николаевич. Указы дьявола его военнослужащие выполняли толково, верно, истово. Почему же главнокомандующий вдруг до умопомраченности неожиданно устраняет своего старшего помощника? Может быть, тот стал тайным другом христианства? Из-за чего такой очень нужный, уважаемый деятель мирового масштаба уничтожен, а оставлен сырой, заблуждающийся, туповатый? Ошибка Булгакова или хаос в планах дьявола? Будь вы на месте Воланда, кого из этих двоих оставили бы вы действовать для получения более обильной и скорейшей пользы, а кого бы похоронили? А может, сам Воланд – психопат или дурак? А может, он сам – тайный христианин??? Мы считаем, что в романе есть убедительные ответы на эти вопросы, но их надо дождаться, а теперь опять к началу.

Внимательный читатель, конечно, уже обратил внимание на имена двух досточтимых граждан, распинающих свои отношения с Иисусом Христом. В первую очередь нас интересуют имена, так как «Азбука» сообщает, что церковь часто и придирчиво поминает имена своих чад, живых и усопших, и совершенно игнорирует при этом их фамилии и отчества. Итак, перед

нами два имени – Михаил и Иван. Оба имени древние и имеют в священной истории своих носителей, тесно связавших свою жизнь с Богом.

Вообще имя несет в себе некое доброе пророчество о том, кому принадлежит. Оно должно раскрыться, осуществиться по жизни, то есть в союзе со Светом. В случае отпадения от жизни носителя имени, оно становится насмешкой над тем, что задумано о личности. Если взять пример из Евангелия – это Закхей, который, судя по имени, должен был нести людям справедливость, но в реальности занимался тем, что ее бессовестно нарушал и тем богател. Но когда его имя было признано небом, и он стал самим собой – божьим человеком, то, не задумываясь, захотел восстановить попорченную справедливость и воздать всем обиженным им вчетверо. Один человек, а в разные периоды жизни его имя проявило себя с противоположных сторон.

Если искать примеры из общей истории, то и в ней отыщутся тезоименитые пары, по-разному засвидетельствовавшие о себе. Вспомним Александра – защитника народа по прозвищу Невский, осуществившего свое призвание, заложенное в имени, и другого Александра, по прозвищу Македонский, погрузившего в войну необъятные пространства для подчинения народов своей власти.

Еще одним примером могут послужить два Владимира – один, подчинивший свои владения господству Христа, и другой, отличник по Закону Божьему, истреблявший христианство в своих владениях всеми доступными терроризму средствами.

В церковном предании имя Михаил носит Архангел, который получил его так: один из могущественнейших ангелов, однажды взглянув на себя, понял свое величие и тут же воскликнул: «Я как Бог». Другой Ангел, не обольщаясь своими исключительными достоинствами, возвысил свой голос и произнес на все времена: «Кто как Бог?», что соответствует утверждению, что – никто, и этим низверг самозванца с небес и предохранил многих от соблазна стать одиноким божеством. «Кто как Бог» на древнем языке и звучит как Михаил. (Есть еще один возможный перевод этого имени с иврита – «Никто как Бог». Тем, кому он нравится больше, могут выбрать его.) Имя же изгоя, не пожелавшего остаться ангелом Света – сатана.

Архангел Михаил утвердил на небе единственность Бога и его исключительность как Первопричину всего. В этом месте обратим внимание читателей на то, что у слова «небо» есть несколько значений. Первое, главное – это нетварное Небо, Бог и Его Царство. Второе,

дополнительное – тварное небо, ангельское*, которое было сотворено в первый день вместе с землей (веществом проматерии).

Именно на этом небе, ангельском, Архангелом Михаилом был исповедан Творец, и тем самым самозванные боги низвергнуты с него. Эти падшие с неба ангелы стали темными духами (не участвующими в общении со Светом) поднебесного пространства. И, как считает Предание, обитают они в воздушном и безвоздушном пространстве вещественного космоса, которое подслеповатые земляне также называют небом. Там, где ясно из контекста, мы не будем специально оговаривать, какое небо в том или ином случае мы имеем в виду...

(Мак. л.)...

Мефистофель

Чуть дух покинет тело, договор
Ему представлю, кровью подкрепленный,
Но столько средств есть с некоторых пор
Отбить у черта душу незаконно!
Поверья предков, словно старый хлам,
Лишились силы, всякий смысл утратив.
Бывало, я со всем справлялся сам,
Теперь нуждаюсь в помощи собратьев.
Тяжелые для черта времена!
В загоне честь, обычай, старина.
Всегда готовым надо быть к подвохам,
А в старину душа была честна
И вылетала вон с последним вздохом.
Я схватывал ее, как кошка мышь,
Без промаха, и вмиг, без проволоочки,
Сжимал в когтях. Теперь не то, шалишь!
Душа нейдет из грязной оболочки,
Ей дорога вонючая дыра,
Пока ее не сгонят со двора
Враждующие меж собой стихии.
Сиди, гадай, когда она и как
Решит уйти и хитрости какие
Готовить ей, чтоб не попасть впросак.

* У христиан ангелы иногда называются вторыми светами.

Смерть на руку уже не так скоро,
Сражает не ударом топора.
Застынет труп, его б уж класть в гробницу,
Ан смотришь, ожил он и шевелится.

* * *

Старейших корпораций господ,
Князя прямого и кривого рога!
Без промедленья, всей толпой в дорогу!
Пасть адову несите мне сюда!
Пасть адова, положим, не одна,
И по разрядам грешников их много.
Но нам пред заключеньем эпилога
Такая щепетильность не нужна.

Страшная пасть ада разверзается слева.

По сторонам клыки торчат. От злобы
Поток огня слюной стекает с неба,
И город мук, дымящийся в огне,
Виднеется в далекой глубине.
Об зубы бьется бешеная пена,
И грешники, подплыв, хотят спастись,
Но, скрежеща, смыкается геенна,
И их смывает огненная слизь.
Страстей таит еще немало бездна
Для грешных вольномыслящих мирян.
Хорошая острастка им полезна.
Им кажется, что это все обман.
(Толстым чертям с коротким прямым рогом.)
Обжоры, краснощекие кубышки,
Налившиеся сальные угри!
Смотрите в оба: фосфористой вспышки
Вы в теле не заметите ль внутри?
Ту душу, ту крылатую Психею
Хватайте, остальное – червь дрянной.
Печать поставлю я на ней, и с нею
В круговорот бросайтесь огневой.

* * *

Чтоб род людской сразить бичом тяжелым,
Хотели мы, чтоб пол был отменен.
Наш адский план о существе бесполом
В мечтаньях набожности воплощен.
Наивничают, тайно строя глазки,
Чтобы обставить нас не в первый раз!
Ведь это – черти, как и мы, но в маске,
Оружьем нашим побивают нас.
Не посрамимся! Станем пред могилой
И силе противопоставим силу!

* * *

Мефистофель

(спохватываясь)

О, что со мной! Как Иов, весь в нарывах,
Я страшен сам себе и все же горд
И радуюсь, уверившись, что черт –
В наследственных своих основах тверд
И спасся от соблазнов нечестивых.
Зараза дальше кожи не пошла.
Огни отполыхали все дотла,
Я отрезвлен и всем вам без изъятья,
Как подобает, шлю свое проклятье...

(З. У. пр.)... Существует православный исторический анекдот про первого космонавта и руководителя его государства. Немедленно, сразу после первого пилотируемого орбитального полета, Никита Сергеевич спросил у Юрия Алексеевича, глядел ли он в иллюминатор и видел ли он там Бога? На радость своему пылливому вождю, герой космоса бодро и весело отрапортовал, что глядел и никого не увидел. Уверенность в своих силах и энтузиазм у первооткрывателей сразу возросли. Единственно, они не догадывались, что высматривать в тех местах на предмет наличия надо было духов злобы или руководимых ими инопланетян.

В продолжение темы многозначности слов упомянем часто встречающийся термин «жизнь». У него также несколько уровней. Первый – это преизбыточная жизнь Бога, которая, изливаясь, рождает новую жизнь вокруг себя. Бог – и источник жизни, и собственно Бог – и есть Жизнь. Второй – это неугасающие отношения сотворенных в единстве со своим

Отцом. Третий – земной, отождествленный с функционированием тела, который есть существование с умиранием – постепенное изживание отблеска настоящей жизни.

В свое время люди легко отличали различные значения слов, подобно тому, как до сих пор невозможно перепутать государя с милостивым государем. Еще раз напомним, что тьма стремится перемешать и спутать смысл терминов, сохраняя в них внешность копий настоящих слов, но изменяя их значение. Мы не можем каждый раз уточнять значащее понятие, просто надо помнить, что у слов из нашего обихода часто есть двойник с противоположным или измененным смыслом. (Как слово «мир» – может указывать на согласие и гармонию, исходящую от Самого Бога или благую взаимность всех лиц в Царстве Света, а может – на совокупность вещей, нас окружающих, или на стихию страстей, страны теней, в которой все враждуют против всех. Так сегодня слово «бытие» в одном случае – вечная блаженная взаимность личностей, которая дает начало материи, в другом – видоизменяемое (движущееся) состояние материи, которое формирует и определяет индивидуальное классовое сознание субъекта или коллектива субъектов.)

Обобщая, можно сказать, что слова обладают смыслами различной степени свежести. Именно второй свежести смысл имени приобрел в своем пребывании на земле Михаил Берлиоз. Его скептическая позиция в отношении функционирования души, а значит и Бога, вопрос «Кто как Бог», разрешила сугубо материалистически – никто и нигде. Если сатана утверждал, что он бог, а Архангел Михаил отверг эту ложь, оставшись с истиной, утверждающей, что есть только один Бог, а остальные подобны Ему, благодаря единству с Ним, то председатель Моссовета решил древний вопрос по-новому, кардинально и рационально. Так как все временно и все относительно, то никого вечного в принципе быть не может, Бога – нет!!! Все течет, все меняется и исчезает. В этой редакции имя Михаил является для всех веселым напоминанием того, что все эти встречные-поперечные скоро умрут, а раз так – значит, и сам Берлиоз в любой момент может внезапно исчезнуть. Поэтому после признания сатане, что Бога для Михаила Александровича не существует, мы, не дочитывая романа, имеем право спокойно дожидаться времени, когда его вдруг не станет. Ему не нравится Иисус Христос и все, что с Ним связано, а без Его милости любой грешник не способен прожить и мгновения.

Имя второго литератора тоже знаменито среди христиан, благодаря тому, кто первым засвидетельствовал перед всеми людьми приход к ним Мессии.

Как всегда, ограничимся только теми буквами-знаками из «Азбуки», которые нужны для понимания романа, так что с силой и богатством жизни Иоанна Предтечи Крестителя Христа нужно знакомиться в другом месте. Здесь же остановимся лишь на одной закономерности при земных проявлениях духовной жизни – они всегда имеют своих физических предшественников-предтеч. Явления темного духа предваряются соблазнами, которые воспринимаются как ощущение страха, растерянности, тревоги, смущения, любопытства, сладкого предчувствия – то есть воздействием, слегка выводящим из внутреннего равновесия. Так, у борцов победный прием должен быть подготовлен ложными движениями, нарушающими равновесие тела соперника. Явления светлого духа (это может происходить только со страждущими падшими, поскольку здоровые (то есть святые) находятся в постоянном единении с ним, и для его появления им нужно сначала его потерять (расстаться)) предваряются откровениями – не совсем обычными внешними сообщениями через пророков, ангелов, чистые души (детей, например), которые призваны подготовить человека к встрече с Богом. Эта подготовка всегда связана с покаянием, то есть со смягчением внутреннего противостояния Ему.

Последним ветхозаветным пророком, провозвестившим явление новой жизни, стал Иоанн Предтеча. Последним, потому что свидетельствовал не столько о повелениях и обещаниях Бога, не о предзнаменовании грозных событий, способных смешать многие судьбы, а о самом Боге, Его приходе к людям и условиям встречи с Ним. Проповедь Иоанна была обращена к той потаенной части человека, которая сама, без чьей-либо подсказки-помощи, знает, что и в прошлом, и ныне действует неправо. Вот эту очевидную для падших неправоту он призывал признать, так как этого было достаточно для соединения с Царством Небесным, которое само стало нисходить и приближаться к человеку, впавшему в бездну, ад греха.

Желание оживить умирающих у Бога возникло раньше желания ожить у погибающих. Бог первый двинулся навстречу грешникам, им осталось увидеть это, довериться и пожелать принять дар прощения – покаяться. Что могло быть в этом первом покаянии людей, привыкших выживать? Признание в себе ненависти, жадности и лжи, склонности к насилию – во всех грубых проявлениях человека из плоти с молчащим или злым сердцем. Свидетельство о поступках, совершенных в предпочтении желаний тела над пожеланиями души. В падшем состоянии

именно потребности тела – физиологические и душевные (чувственные) – определяют поведение индивида. Призыв к покаянию – это единственная просьба к людям, которая немедленно, без дополнительных условий возвращала ее исполнителя в Небесное Царство. Ни подвиги воздержания, ни моленные стояния, ни героическая смерть или терпение умопомрачительных невзгод на миру, нет, простое искреннее слово «прости» своему Богу приводило к встрече и сочетанию с жизнью вечной.

Как ни странно, но именно эта встреча с вечной жизнью открывает совершенно непредставимое доселе плотскому человеку ведение своего греха. Только после своего прощения он узнает, сколько ему прощено. Это обновление человека воспринималось как безусловный дар духа, о котором христиане, вкушившие его, просили, как о первой необходимости, присущей во все дни их земного бытия, то есть молили о жизни, соединенной с духом сокрушения.

Дух сокрушения – это воздух, которым они дышат с первого до последнего дня своего пребывания в вере. Чем здоровее грудь, тем глубже, полнее и чище это дыхание, вбирающее все благоухание райских полей, лесов и морей, необъятного простора единства со всеми. Утрата этого дыхания, подающего сердцу возможность слышать и высказываться, отдавать и принимать, считалось горем, ложным, болезненным состоянием души. Тайная сила живого покаяния связана с тем, что человеку, приложившему малейшее усилие против своего зла (не шаг навстречу Богу, не восхождение, а именно замедление в своем разрушении), открывалась возможность познакомиться со Светом. Светом отношений, от которого он отказался прежде. Возрождение человека начинается с его очей, прозревающих на невидимую вечность. Это прозрение способно убить, раздавить человека внезапно, в мгновение ока узнавшего, вспомнившего все свои мерзкие деяния против жизни.

Для того, чтобы он не погиб, не умер под тяжестью улик своих беспрерывных преступлений, а возродился, ему необходим личный опыт, нужна убедительная уверенность осязательного знания в том, что его пришли только выручать и прощать, а не казнить. Узнать себя, какой ты на самом деле, в одиночестве, значит удавиться, а в присутствии милующего Спасителя – ликование, которое не удержать в себе.

С чужих слов, даже доверяя им, это узнать невозможно, поэтому так важен личный опыт, пусть даже очень несовершенный и неполный. Он только предтеча спасительного покаяния, открывающего возможность уже здесь, в увядающем мире, пребывать в радости, но, к сожалению,

приближение к церковной ограде оказывается пределом, за который не хотят или не решаются заглянуть: самоуспокоительная привычка утверждаться в достижениях, покорении вершин, не дает возможность догадаться, что истинное осуществляется только как путь, а остановка на высочайшем пьедестале – конец, обнажающий ложь обладания.

Продвигаясь по пути вместе с Истиной, подвижник узнает, что первые, такие трудные для признания грехи, оказались мелкими, пустяковыми детскими проказами. Главная беда усматривается не в отдельных падениях, а в жадном, трусливом, эгоистическом сердце, которое невозможно уговорить на забвение себя ради другого, а хорошее мнение о себе в это время сокрушается собственными низостями, которые никак не мог предполагать. Так, от своего падения к падению, запинаящийся путник узнает и крепость дружбы, и силу Всепобеждающей милости своего Спасителя. Милости, принесенной не посторонним наблюдателем, а Тем, на Кого и легло все зло.

Объясняя эту тайну, Христос говорил, что сделавший нечто кому-либо, делает это Ему. Его Царство есть внутри каждого, им оживляется каждый, и Оно всегда первым принимает удар зла на себя. Люди часто обижаются на Бога за то, что Он их не защищает, и не хотят заметить, что Он разделяет вместе с ними все, что выпадает на их долю.

Если бы мы умели чувствовать взаимность, то были бы счастливы в самой страшной беде – ведь мы принимаем ее не брошенные, не оставленные Другом, страдающим от нас и вместе с нами.

Да и не имеет права прощать злодея тот, кто находится в стороне от пострадавших. Право на милость для мучителей только у мучаемых. Для того, чтобы простить всех, надо пострадать от всех, и земная жизнь Иисуса Христа была дверью к страданию от каждого злодея. От каждого из них Он принимал чашу, наполненную смертью, которую мы изливаем вокруг себя, и, испив ее до конца, до капли, Сын Человеческий, оставаясь всемогущим Сыном Божиим, был в труде до кровавого пота.

Даже Он, Всесильный и Премудрый, не мог нам помочь на расстоянии и для спасительного воссоединения нужно было спуститься к нам, на голгофский эшафот и в нашу могилу.

Христианская вера очень проста (она об обретении двумя друг друга) – она исповедь злодея с доверием к милосердию прощающей нас Истины и решимость милующего умереть вместе с распинающим и за

него. Тут взаимное принесение двух жертв, соединяющих участников таинства в простоте их самоотверженных волей. Одна жертва – отказ от зла, дающего единственную радость от греха, того единственного, что может только ощущать, а значит переживать, как жизнь, падаший. Другая жертва – добровольный отказ от блаженства рая ради своего гонителя. Это кровеносная система единой жизни грешника и Спасителя, по венам которой течет отравленная, по артериям уже очищенная кровь.

Ничего в Благой Вести, кроме раскаяния одного и прощения Другого, нет. Евангелие говорит о первой и последней проповеди Христа в одних и тех же словах. Начало и конец об одном, а то, что между ними, объясняется различными по силе света* (вплоть до самого тихого – каждому по его возможностям) глаголами явившееся Спасение людям с помраченным умом.

Проповедь Христа внешне повторяет проповедь Иоанна Предтечи: «Покайтесь, Я иду к вам (приблизилось Царство Небесное) выручать вас. Доверьтесь, примите в себя эту благую весть». Но у этого Проповедника иные полномочия. Он может не только символически омыть нечестивца, Он, омывая сердце, подает прощение, открывающее вечность, и возвращая все возможности и права сына, наследника Отца. О величии этого дара кающиеся грешники в начале даже не догадываются, только с ростом доверия они узнают всю бездонность той меры, в которую открывается им милость Бога.

Крещение Христа, которое засвидетельствовал Предтеча и тем окончил все пророческое служение, сделало покаяние доступным даже для людей с мертвой совестью. В реку Иордан погрузился Податель жизни и взял на Себя все зло, которое будут омыwać с себя крещающиеся в освященных Им водах. Христос подарил людям Крещение-покаяние в Святом духе, это означает, что милость от Его сошествия в реку смерти, втекающую в Мертвое море, всегда действенна, всегда хранится Духом, готовая к излиянию на того, кто сокрушением о грехах открывает себя навстречу ей и дает силу этой милости исполнить задуманное Богом о нас – спасти человека.

Доверяющиеся этим водам, погружением в них умертвляют, топят исповеданные грехи (а не грешников, как было при потопе), принимают их освящение, которое есть соединение и облачение (одеяние) в крещающегося вместе с ними Христа. Свое крещение человек делает неотступным,

* Вновь желаем оправдаться за многочисленные повторы.

длящимся (сохраняет свое возрождение в дружбу постоянным), принося обновленное покаяние, которое убеждено, что открытое в себе зло уже преодолено, не существует, так что и вспоминать нечего, но исповедует неведомое, не узнанное в себе раньше (но то, что обязательно открывается при созидании совместной жизни, можно сказать, что обычное существование слишком мелкое для пробуждения в дремлющем человеке его подлинного лица)...

(Мак. л.) ... Вот как трудно созидаются те вещи, которые на вид иным кажутся вовсе не трудны. Если ты под словом необходимость появления второго тома разумеешь необходимость истребить неприятное впечатление, ропот и негодование против меня, то верь мне: мне бы слишком хотелось самому, чтоб меня поняли в настоящем значении, а не в превратном. Но нельзя упреждать время, нужно, чтоб все излилось прежде само собою, и ненависть против меня (слишком тяжелая для того, кто бы захотел заплатить за нее, может быть, всею силою любви), ненависть против меня должна существовать и быть в продолжение некоторого времени, может быть, даже долгого. И хотя я чувствую, что появление второго тома было бы светло и слишком выгодно для меня, но в то же время, проникнувши глубже в ход всего текущего пред глазами, вижу, что все, и самая ненависть есть благо. И никогда нельзя придумать человеку умней того, что совершается свыше и чего иногда в слепоте своей мы не можем видеть и чего, лучше сказать, мы и не стремимся проникнуть. Верь мне, что я не так беспечен и неразумен в моих главных делах, как неразумен и беспечен в житейских. Иногда силой внутреннего глаза и уха я вижу и слышу время и место, когда должна выйти в свет моя книга; иногда по тем же самым причинам, почему бывает ясно мне движение души человека, становится мне ясно и движение массы. Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и личность, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности, что можно заметить вполне только после нескольких чтений; а книгу мою большею частию прочли только по одному разу все те, которые восстают против меня. Еще смотри, как гордо и с каким презрением смотрят все на героев моих; книга писана долго; нужно, чтоб дали труд всмотреться в нее долго. Нужно, чтобы устоялось мнение. Против первого впечатления я не могу действовать. Против первого впечатления должна действовать критика, и только тогда, когда с помощью ее впечатления получают образ, выйдут сколько-нибудь из первого хаоса и станут определительны и ясны, тогда только я могу действовать против них. Верь,

что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения. Не осуждай меня. Есть вещи, которые нельзя изъяснить. Есть голос, повелевающий нам, пред которым ничтожен наш жалкий рассудок, есть много того, что может только почувствоваться глубиной души в минуту слез и молитв, а не в минуты житейских расчетов!

Но довольно. Теперь я приступаю к тому, о чем давно хотел поговорить и для чего как-то не имел достаточных сил. Но, помолясь, приступаю теперь твердо. Это письмо прочитайте вместе: ты, Погодин и Сергей Тимофеевич. С вами ближе связана жизнь моя, вы уже оказали мне те высокие знаки святой дружбы, которые основаны не на земных отношениях и узах и от которых не раз струились слезы в глубине души моей. От вас я теперь потребую жертвы, но эту жертву вы должны принести для меня. Возьмите от меня на три или на четыре даже года все житейские дела мои. Тысячи есть причин, внутренних и глубоких причин, почему я не могу и не должен и не властен думать о них. Не в силах я изъяснить вам их; они находятся в таких соприкосновениях со внутренней моей жизнью, что я не в силах стать в холодное и вполне спокойное состояние души моей, дабы изъяснить все сколько-нибудь понятным языком. Ничего не могу я вам сказать, как только то, что это слишком важное дело. Верьте словам моим, и больше ничего. Если человек в полном разуме, в зрелых летах своих, а не в поре опрометчивой юности, человек сколько-нибудь чуждый неумеренностей и излишеств, омрачающих очи, говорит, не будучи в силах объяснить бессильным словом, говорит только из глубины растроганной глубоко души, – верьте мне, тогда нужно поверить словам такого человека. Не стану вам говорить, что благодарность моя будет за это вам бесконечна, как бесконечна к нам любовь Христа спасителя нашего. Прежде всего я должен быть обеспечен на три года. Распорядитесь как найдете лучше со вторым изданием и с другими, если только последуют, но распорядитесь так, чтоб я получал по шести тысяч в продолжение 3-х лет всякий год. Это самая строгая смета; я бы мог издерживать и меньше, если бы оставался на месте; но путешествие и перемены мест мне так же необходимы, как насущный хлеб. Голова моя так странно устроена, что иногда мне вдруг нужно пронестись несколько сот верст и пролететь расстояние для того, чтоб

менять одно впечатление другим, уяснить духовный взор и быть в силах обхватить и обратить в одно то, что мне нужно. Я уже не говорю, что из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России и что в полный обхват ее объять я могу только, может быть, тогда, когда оглянущу всю Европу.

Что касается до моего приезда в Москву, то ты видишь, что мне для этого необходимости не настоят, и, взглянувши глубоким оком на все, ты увидишь даже, что я не должен этого делать прежде окончания труда моего. Это, может быть, даже слишком тягостная мысль для сердца, потому что, сказать правду, для меня давно уже мертво все, что окружает меня здесь, и глаза мои всего чаще смотрят только в Россию и нет меры любви моей к ней...

(З. У. пр.) ... Это покаяние касается уже не внешних поступков, а причин, которые их порождают. Например, таких как наличие подсознания – подвала забытых вещей. Сваленное в кучу барахло, от которого отмахнулись, – неразрешенные жизненные проблемные ситуации, вытесненные на периферию сознания, – будет отравлять воздух незаметно, действуя исподтишка, привнося во все отношения стихийное бессознательное, несправедливо грязное (иначе зачем было бросать в подвал).

Вообще, бессловесные стремления человека, вызванные избытком чувств, не облекаемые мыслью слова, то есть неконтролируемые ею, формируют внутреннюю нечестность (затуманенную ложь), которая подпитывается также двойственностью желаний человека, разделенного в себе. Каждая из его автономных областей – разум, потребности тела вместе с его очагами услаждения, хотя и дремлющая, но парящая над вызовами времени совесть, – своей разобщенностью синтезируют закваску натурального лукавства, те самые дрожжи природного лицемерия, которые способны переродить (перебродить) всего человека вместе с его естественными и добрыми намерениями. Постоянство лицемерия подпитывается и поддерживается бессилием внутреннего человека наполнять сердечным теплом внешние формы поведения. Можно сказать, что лицемерие паразитирует на совести человека, доводя ее до состояния смерти, когда мы начинаем путать добро и зло. Однако и людям, перепутавшим жизнь со смертью, крещенская вода подает возрождение, исцеляя око сердца.

Но и это не окончательный дар разбойникам. Погружение в Иордан Христа – Его снисхождение во тьму нашего ада, приобретенного сослужением силам тьмы, пороками, приносящими удовольствие от

глумления над добром. Это сошествие продлится до достижения глубин преисподней, когда Он на Голгофе достигнет самой отдаленной страны одиночества – Шеола, пленники которого хранились на недоступном для вод Иордана расстоянии. Еще раз повторим, что присутствие Спасителя в нашем аде означает, что покаяние (радость от Его милости) побеждает любой когда-либо признанный грех.

Но есть особая сила в людях, способная противостоять всепобеждающему милосердию – это лукавый взгляд, воспринимающий волков в достоинстве овец, а настоящего пастыря с овцами в облике губителей народа и отечества, и тем самым спасающий грех. Мы говорили о том, что лицемерие имеет разные степени «совершенства»: от грубого притворства, которое еще можно заметить в себе самому человеку до искреннего заблуждения, которое заболевшим им слепцом без чуда исцеления не может быть осознанно. Кроме того, лицемерие может проникнуть в само покаяние, каким является расчетливо-трусливая исповедь, которая вроде бы и признает грех, но не для того, чтобы появилась новая жизнь, включающая в себя окраденного друга, а для того, чтобы сохраниться в прежнем состоянии вместе с возможностью безобразничать, но в будущем избежать наказания за заявленные шалости.

Еще один вид лицемерия, способный обессилить покаяние, состоит в частичной утрате памяти. Например, забвение того, что должен сам при одновременном осознании того, что должны другие или утрата милосердного отношения к другим негодяям при ясном понимании его необходимости для себя (тоже негодяя).

Но, несмотря на защитные меры против спасения, лицемерие тоже побеждено им, точнее, для лицемеров уготовано прощение, которое может оказаться для них сюрпризом, сокрушительной неожиданностью. Вся их крепость из лжи, намертво отгораживающая от взаимности с соседями, может растаять, если они нечаянно, незаметно для себя, пожалеют хоть кого-нибудь. Нечаянная милость к случайно встреченному грешнику распахнет дверь спасения навстречу и их жизни.

Ясно, в условиях общей амнистии, тьме теперь важнее не толкнуть человека на великий грех, пусть он останется мелким, едва различимым, а так исказить картину жизни, чтобы это зло не только было невозможно посчитать за зло, но само оно представлялось спасительным добром. Добавим еще страху читателям, сообщив им, что величина предательства, по словам Спасителя, всегда одна: «Кто не верен

в малом, тот не верен и в большом». Ну а на меньшее обратить внимание куда сложнее, чем на грандиозное. Подскажем, что маленький, безобидный грех – это выдумки того же лицемерия, которое старается ослепить нас на то, что кража любого размера не может не убить дружбу. Еще один вопрос из «Азбуки»: каковы были сила и цена дружбы, если я постарался незаметно стащить у друга грош?

Мы были вынуждены вспомнить об Иоанне Предтече и о его служении. Теперь, в сопоставлении с его житием, мы можем утверждать, что наш Иван сыграл подобную, хотя и карикатурную роль. Поэт Бездомный (вспомним, что Предтеча, покинув дом, жил в пустыне) стал для столичных жителей святой Руси предтечей, то есть тем, кто предупредил о появлении необычного посетителя, правда не мессии, а мессира. Он, как бешенный, бегал, возвещая пришествие неизвестного, среди своих, ожидавших счастья новой жизни в царстве невиданной свободы, а свои ему не поверили, он предупреждал о необходимости встречи с пришельцем, а его поместили в светлую темницу и заперли.*

Вглядимся в едва заметные детали проповеди безумного поэта, которые своим подобием комически сближают ее с проповедью Предтечи. Иоанн (благодать Божья) Креститель послушался веления гласа Неба и крестил в Иордане помазанника Божия, который в Своем служении станет жертвенным Агнцем за грех всего мира. После исполнения предсказанного ему знамения о сошествии Духа в виде голубя на Сына Божия, запечатлевшего подлинность случившегося, тот, кто не был Свет, но пришел, чтобы свидетельствовать о Свете, возвестил людям о приходе их Спасителя. Пророк сам нуждался в крещении от Иисуса, так как прощением грехов и ему открывался вход в Небесное Царство. Но, исполняя послушание, вменявшее ему только одно свидетельство о явлении Мессии, он вынужден был, принимая геройскую смерть за правду о властителе страны, тем не менее, уходить в ад, так как на земле лично не узнал милости, а значит, единства с Господом. (Запомним, Предтеча не погружался в крещенскую воду.) Иоанн не пропал, не исчез в аду, так как стал ожидать Спасителя в этом гиблом месте, продолжая верить, как солдат, продолжающий битву с врагом, когда уже нет армии, дома, страны, но зная наверное, что если ты будешь убит не сдавшимся, победы у врага быть не может...

* Предтеча тоже находился в заключении, поводом было тоже некоторое безумие пророка – он простодушно сказал царю, что тот неправ, поскольку царская должность не может разрешать человеку поступать незаконно.

(Мак. л.)... Гнев или неудовольствие на кого бы то ни было всегда несправедливы, в одном только случае может быть справедливо наше неудовольствие – когда оно обращается не против кого-либо другого, а против себя самого, против собственных мерзостей и против собственного неисполнения своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже других, и удивляетесь, что многие по-видимому умные люди не замечают того, что заметили вы. Но это еще бог весть, кто ошибается. Передовые люди не те, которые видят одно что-нибудь такое, чего другие не видят, и удивляются тому, что другие не видят; передовыми людьми можно называть только тех, которые именно видят все то, что видят другие (все другие, а не некоторые), и, опершись на сумму всего, видят то, чего не видят другие, и уже не удивляются тому, что другие не видят того же. В письме вашем отражен человек, просто унывший духом и не взглянувший на самого себя. Если б мы все, вместо того, чтоб рассуждать о духе времени, взглянули, как должно, всякий на самого себя, мы больше бы гораздо выиграли. Кроме того, что мы узнали бы лучше, что в нас самих заключено и есть, мы бы приобрели взгляд яснее и многосторонней на все вещи вообще и увидели бы для себя пути и дороги там, где греховное уныние все тьмит перед нами, и вместо путей и дорог показывает нам только самое себя, т. е. одно греховное уныние. Злой дух только мог подшепнуть вам мысль, что вы живете в каком-то переходящем веке, когда все усилия и труды должны пропасть без отзыва в потомстве и без ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо осветились глаза наши, то мы увидали бы, что на всяком месте, где б ни довелось нам стоять, при всех обстоятельствах, каких бы то ни было, спешествующих или поперечных, столько есть дел в нашей собственной, в нашей частной жизни, что, может быть, сам ум наш помутился бы от страха при виде неисполнения и пренебрежения всего, и уныние недаром бы тогда закралось в душу. По крайней мере, оно бы тогда было более простительно, чем теперь. Признаюсь, я считал вас (не знаю почему) гораздо благоразумнее. Самой душе моей было как-то неловко, когда я читал письмо ваше. Но оставим это и не будем никогда говорить.

Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны, потому что произносятся людьми, которые чем-нибудь раздражены, или огорчены... Напишите мне о себе самом только тогда, когда почувствуете сильное неудовольствие против себя самого, когда будете жаловаться не на какие-нибудь помешательства со стороны людей, или века, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться

на помешательство со стороны своих же собственных страстей, лени и не деятельности умственной. Еще: и луча веры нет ни в одной строчке вашего письма, и малейшей искры смирения высокого в нем не заметно! И после этого еще хотеть, чтобы ум наш не был односторонен или чтобы был он беспристрастен. Вот вам целый воз упреков! Не удивляйтесь, вы сами на них напросились. Вы желали от меня освежительного письма. Но меня освежают теперь одни только упреки, а потому ими же я прислужился и вам...

(З. У. пр.) ... Так, несмотря на свое величие среди всех мужей, рожденных женами, вопреки своей негибимой стойкости и преданности вере, он оказывается меньшим среди тех, кто предавал, но был помилован Богом. Это возмущающее разум праведников великое откровение для имеющих уши у совести, о том, что человеческая доброта, возведенная в степень подвига, бездонной пропастью отделена от Божьего блага, когда-то утраченного человечеством.

Иоанн Предтеча исполнил свое пророческое служение, предупредив всех живущих о посещении их Сыном Божиим, но ему самому еще только предстояло познакомиться со Христом и стать Ему другом после проповеди в стране мертвых. Наш московский Иван тоже возвещает всем на площадях и собраниях о необычайном посетителе, только кричит он о пришествии князя мира сего, с которым тоже толком не познакомился, а поводом к такому самозабвенному оглашению непосвященных является сбывшееся на его глазах пророчество.

Именно исполнение пророчества вдохновило нашего Ивана стать предтечей мрачного властелина, но взволновало его не всемирное, исконное, недоступное, ожидаемое народами, а мелкое, частное, бытовое. Голос Воланда предрекал на разлитое масло, комсомолку, несостоявшееся собрание, и именно эти провидческие детальки, ставшие упрямыми фактами, убедили Ивана в непонятном могуществе неизвестного иностранца и толкнули на его огласовку среди обывателей.

Метод, подготавливающий слушателей, способных заинтересоваться необычным посланником, у наших предтеч мы можем считать одинаковым. Хотя и обращались они к разным мировоззренческим группам людей, но доказательные базы у них, при всем совпадении внешних черт, противоположны. (Не упустим возможности напомнить, что подобное познается подобным, и обе проповеди обращены каждая к своей из противоположащихся частей одного и того же человека.)

Схожими штрихами в портретах предтеч являются символы, под которыми появились те, о ком они заявили во весь голос – мессия и мессир. На иконах Иоанна Предтечу пишут с десницей, указывающей на жертвенного тельца, которым станет для всех людей Сын Божий, освобождающий их от власти тьмы. Иначе говоря, Креститель возвещает смерть мессии. Беспокойный Иван взволнован могуществом мессира, который утверждает его принесением в жертву своего бесценного апостола Михаила Александровича. Поэт, вдохновленный ужасом, свидетельствует о пророческой смерти Берлиоза. Таким образом, приход мессира тоже основан на жертве, только не своей жизни, а чужой. Ситуация напоминает одно природное явление, но высвеченное разными источниками света, например, прямым солнечным лучом или отраженным от луны.

Еще одним штришком при изображениях в прямом и отражаемом свете может служить собственное крещение двух предтеч. Собственно, Иоанн Креститель хотел и спрашивал возможности самому креститься от Иисуса Христа, но получил отказ и не погрузился в воды реки. Эти воды, омывающие все людское зло, всю грязь измен и предательств, были возрождены Иисусом, Своим схождением в них принявшим всю смертельную тяжесть растворенного в них всемирного греха. Там, где вода в христианских таинствах воспринимает спасительную силу погружающегося Сына Человеческого, она и сегодня престаёт быть водой потопа и становится купелью, возрождающей чистую, первозданную жизнь.

Крещение Христово открывает человеку путь к полному обновлению-очищению, на котором он получает от Него столько благ, сколько пожелает, сколько может вместить. На вопросы рассудка о механизме просветления крестившихся «Азбука» убедительно отвечает указанием на то, что духу подвластно восстановить то, что было повреждено духом. Собственно, Иоанн Предтеча и возвещал о том, что Идущий вслед за ним будет крестить духом, но нам в этом откровении сейчас важно то, что оно само могло быть произнесено только под водительством духа же.

Действительно, пророческое служение воспринимается верующими как особый дар редких избранников, согласных предоставить свой голос для служения, для говорящего в нем Бога, который есть Дух. Пророк бывает также водим духом, которому он подчиняет как свои ноги, так и другие уды своего тела. Среди тех, кто нес пророческое служение, были признания в том, что они, повинаясь велению духа, порой неожиданно, вопреки своему желанию и разумению, меняли свои маршруты и судьбоносные проповеди. Еще нам хочется добавить к описанию обсуждаемого

таинства, что в знак видимой перемены, выходя из вод крещения, новые люди одеваются в новую, чистую одежду.

Проницательный читатель, посмотри теперь непредвзято на нашего Ивана! Он носился по Москве по немыслимой траектории, которая могла быть вычерчена только под водительством духа. Действительно, с одной стороны, рациональному объяснению решения Ивана по выбору пути преследования визитера никак не поддаются. А с другой стороны, его убежденность в единственности и верности своих поступков свидетельствует о наличии невидимых для нас, сторонних наблюдателей, внутренних доводов.

Мы считаем, что, опять-таки находясь в харизматическом состоянии, под водительством духа, он появился у реки, а затем погрузился в ее темные воды. Тут скептики могут указать на несовпадение с поведением другого Иоанна, но ведь и руководящий дух у того и у другого не совпадают в своей природе, а тьма и Свет по-разному вдохновляют. Что поделаешь, можно быть Христа ради юродивым, то есть глупым и смешным перед людьми, когда не пользуешься слабостями окружающих, не воздаешь по заслугам клеветникам и предателям, лукавым нахлебникам, или с очевидной выгодой не лижешь начальству, не занимаешься саморекламой – все это делает человека жалким вместе с его пустяковыми святынями в глазах умных и достойных.

Но можно быть юродивым ради власти, серебра, силы, вседозволенности, премудрости человеческой, популярности, показной сексуальности..., то есть глупым и смешным пред людьми, в тайне узнавшими счастье, вековую мудрость и свободу. И то, что забавляет тебя, читатель, в опереточном поведении Бездомного, одержимого навязчивой мыслью о спасении неподготовленных к чудесам москвичей, напротив, делает более серьезным и вдумчивым любовника Маргариты Николаевны, слушавшего рассказ об этом из первых рук, рождает в нем новые мистические желания и блаженные мечты.

Что высоко в глазах одних – низко в глазах иных, и, конечно, что низко в глазах тех же одних – высоко в глазах тех же иных. Это – непреодолимая данность, которую невозможно устранить ни волшебным консенсусом, ни воспитанием суперлиберальных толерантов. Благодаря сказанному, мы с уверенностью в себе можем утверждать, что чудаковатое купание Ивана в реке было поворотным событием в его судьбе.

Странное, но не случайное водное паломничество Бездомного совершалось в неслучайном месте. Еще недавно рядом с облюбованным им берегом реки стоял Храм Христа Спасителя, который был варварски разрушен

не в результате стихийного бедствия, не в результате нашествия безжалостных варваров, а исходя из требований новой морали в формировании новых счастливых общественных отношений или, иначе говоря, из законов нового всемирного добра лучших людей Нового человечества.

Бывшие служители бывшего храма с ненарушаемой регулярностью освящали воду в прорубях Москвы-реки в Крещенские дни, которая становилась, согласно их молитвам, водой Иордана, принявшего в себя Христа. В Крещенском освящении воды, также как и в освящении ее при крещении людей, любая емкость с водой – купель, пруд, река – становятся Иорданом, так что все крестившиеся или омывшиеся на Крещение становятся жителями Святой Земли, как и те, кто две тысячи лет назад на себе испытал силу освященных Христом вод. (Таким образом, для нас важно зафиксировать, что все булгаковские христиане неразрывно связаны личным участием в иерусалимских событиях времени правления Тиберия.)

Но прежде чем вода воспримет в себя животворящую силу от Сына Божия рождать в вечность, над ней произносятся слова, повелевающие тьме, притаившейся в водах омовения, покинуть место своего временного пребывания. Именно так, изгоняя демонов, открывается возможность войти в тварный мир Свету, без этого возможно купание с неясными последствиями, но возрождение невозможно: там, где нарушается установленная благая традиция, на опустевшее место с умноженной силой возвращается зло, поэтому «Азбука» советует людям прежде чем сделать шаг к свету, проверить свою серьезность и решительность, чтобы следовать своему выбору неотступно.

Лучше не торопиться в сочетании браком с добром, чем потом изменить и отказаться от него. Второе для человека будет хуже, чем первое. И вот уже несколько лет не освящается в Крещение Москва-река, давно в ней не было, нет, не купающихся – их было достаточно, – не было обрядовых погружений, но пришло время, и для соединения с таинственным консультантом находится храбрец, который бросается в темную, дурно пахнущую неосвященную водичку, из которой, он как нам представляется, выходит другим человеком.

Этот Иван из робкого, но рассудительного делается агрессивным и безапелляционным, некоторая поэтическая бестолковость вдруг заменяется прозорливостью, чем, например, приведет в смущение поэта Рюхина, и, главное, сосредоточенность на истории с Берлиозом перейдет в сосредоточенность на истории с Пилатом. Символом всех этих изменений (главное из которых осталось невидимым для заинтересованных наблюдателей,

поскольку произошло в душе поэта), по неумолимой логике параллельного развития жизни и антижизни, стало облачение Бездомного в новую одежду.

Некоторые скептики могут возразить, обратив внимание на то, что одежда, поджидавшая Ивана на берегу, была не первой свежести, но тут уж, как говорится, по мощам и миро. То, что крестильная одежда Ивана была грязной и рваной, говорит о том духе, в котором было совершено чудесное происшествие, а не о трагической случайности, благодаря которой прежняя одежда из-за грязного воровства исчезла. Пропажа была духоносной, также как пропажа полусвидетеля преображения Ивана, который окажется подозрительно похожим на персонажей сонного представления по сбору валюты. Мы не можем настаивать на том, что его дымящийся в самокрутке табачок был неслучайным несовпадением с чистотой дыхания православных восприемников, крестьящих своих духовных детей, но на неслучайном совпадении старых рваных одежд у последователя (простите, преследователя) Воланда и самого мессира на его же торжественном приеме мы настаиваем. Почему? Объяснимся позже...

(Мак. л.) ... Все это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно – черта. Но вы не упускайте из виду, что он щелкопер и весь состоит из надувань. Из чего вы вообразили, что вам нужно пробуждаться или повести другую жизнь?

Один упрек вам следует сделать – в излишестве страстного увлечения во всем: как в самой дружеской привязанности и сношениях ваших, так и во всем благородном и прекрасном, что ни исходит от вас. Итак, глядите твердо вперед и не смущайтесь тем, если в жизни вашей есть пустые и бездейственные годы. Отдохновение нам нужно. Такие годы бывают в жизни всех людей, хотя бы они были самые святые. А если вы отыскиваете в себе какие-нибудь гадости, то этим следует не то, чтобы смущаться, а благодарить бога за то, что они в нас есть. Не будь в нас этих гадостей, мы бы занеслись бог знает как, и гордость наша заставила бы нас надеть множество гадостей, несравненно важнейших. Без них не было бы у вас и этого прекрасного смирения, которое составляет первую красоту души.

Итак, ваше волнение есть, просто, дело чорта. Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он – точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль

запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад – тут-то он и пойдет храбриться*. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он чорт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: «Хвалился чорт всем миром овладеть, а бог ему и над свиньей не дал власти». Его тактика известна: увидевши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дело, он убежит бегом и потом подъедет с другой стороны, в другом виде, нельзя ли как-нибудь привести в уныние; шепчет: «Смотри, как у тебя много мерзостей, – пробуждайся!» когда не зачем и пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словом, пугать, надувать, приводить в уныние – это его дело. Он очень знает, что богу не люб человек унывающий, пугающийся, словом – не верующий в его небесную любовь и милость, вот и все. Вам бы следовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписание, руководствуясь только тем, что дареному коню в зубы не глядят.

О себе скажу вам вообще, что моя природа совсем не мистическая. Недоразумения произошли оттого, что я слишком рано вздумал было говорить о том, что слишком ясно было мне и чего я не в силах был выразить глупыми и темными речами, в чем сильно раскаиваюсь, даже и за печатные места. Но внутренне я не изменялся никогда в главных моих положениях. С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных, не переходил из одного положения в другое и, если встречал на дороге что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломал голову, а махнувши рукой и сказавши: «объяснится потом!» шел далее своей дорогой; и точно бог помогал мне, и все потом объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что в существе своем все тот же, хотя, может быть, избавился только от многого мешавшего мне на моем пути и стало быть чрез то сделался несколько умней, вижу ясней многие вещи и называю их прямо по имени, т. е. чорта называю прямо чортом, не даю ему вовсе великолепного костюма à la Байрон и знаю, что он ходит во фраке из <.....> и что на его гордость стоит вы<...>ться, – вот и все!...

(З. У. пр.)... Мы прочитали несколько страничек романа Булгакова, но их достаточно, чтобы стало формироваться убеждение в том, что борьба добра со злом в нем будет происходить не между Воландом и каким-либо положительным героем, например, таким как Иешуа, а между Воландом

* Разрядка наша.

с компанией и Евангельским Иисусом Христом. Такое противостояние исключает нахождение сторонников Сына Божия среди всех поименованных представителей «Мастера и Маргариты».

Наличие одного действующего христианина означало перенесение военных действий Царем Небесным и Князем мира сего на страницы романа, согласно утверждению «Азбуки», что Христос пребывает в Своих учениках даже до скончания века! По этой причине в книге может не оказаться ни одного благого персонажа, и мы в дальнейшем проверим и подтвердим это подозрение. Ну, а у Воланда есть один враг, который способен похищать у него души грешников, и он продолжает, пока не закончится его время, бороться с Ним всеми недозволенными способами и средствами, известными в темном мире.

Противоборство это почти невидимо, но настолько наполнено напряжением смертельной схватки, что оно несколько раз краешком айсберга еще всплывает в романе, и в нем не будет ничего тайного, что бы не стало явным. Эту линию мы считаем одной из главных, формирующей цель и смысл романа, и, как не удивительно, она будет неумолимо диктовать его героям правила поведения иногда вплоть до мельчайших деталей.

Ну а как же с именем противника Христа? Оно не выражает его личность, поскольку личности не может быть у того, кто живет в отражении кривого зеркала или кривой луны. А вот действия сатаны, согласно «Азбуке», характеризуют названия-клички, которые он получил взамен утраченного имени. Его называли клеветник и мечтатель, противник, убийца, соблазнитель и лжец. Подобное происходит и со всеми его служителями.

Когда к человеку, попавшему в полную зависимость от духов тьмы так, что он никак не мог проявить себя даже в малейшем звуке, обращался Христос с тем, чтобы узнать его имя, бесы обнаружили себя. Они вынуждены были ответить, так как жертва-хозяин был умерщвлен, задавлен гостями, а покойники, как известно, молчат. У бесов, как у их предводителя, нет имен, и они ответили, что их легион (много), оставшись безличными, поскольку никак не соединены с жизнью и не проявляют себя в ней.

С потерей возможности жить утрачивается и имя у субъекта. На его место приходят псевдонимы, клички, ущербные или украденные имена. По этой причине в христианских храмах при поминовении никогда не употребляют народные, ласкательно-уменьшительные или новоизобретенные имена, имя произносится полное, неискаженное. Кошунством считается присвоение животному клички, выбранной из человеческих имен, то есть имена хранятся, оберегаются от издевательства, равно как сам человек!

Как человек, соединенный с жизнью, соответствует своему имени, так субъект, утративший единство, погруженный во тьму законов объективности, соответствует своей кличке – пустота прикрывается пустотой. Названия, приклеившиеся к духу тьмы, тоже требуют от него, чтобы он воспроизводил их в своих делишках всегда: враждовал всегда, скучал всегда, был пуст всегда, лгал и клеветал всегда. Постоянство во зле у всех, утративших имя – еще одна линия романа, которая буквально подчиняется законам, открытым христианством. Булгаков дал власть «Азбуке», согласно откровениям Христа, руководить всеми поступками тьмы, их тьма в романе не выходит за границы дозволенного ей Сыном Человеческим.

В качестве разминки, а за одно для украшения историческим орнаментом обратимся к дополнительным опознавательным знакам двух наших литераторов – их фамилиям. Конечно, категорических выводов и здесь сделать нельзя. Но кое-какие смысловые мотивы в их звучании услышать можно. Первую замысловатую мелодию мы распознаем в некоторой искусственности их авторских подписей – Берлиоз и Бездомный с Поныревым.

Фамилия поэта вместе с псевдонимом позволяет угадать прообраз из советской действительности – Лакей Ефимович Придворов (псевдоним которого может быть составлен из букв псевдонима своего литературного отпрыска). Отметим, что реальный, из плоти и крови, прообраз тоже промышлял стишками грязного антихристианского содержания. Грязного не потому, что большевистский рифмоплет не соглашался с тем, что был такой Иисус Христос, а потому, что методы изобразительной борьбы с Ним были омерзительно нечистоплотные. Понятно, что не каждому дано уважать противника, но бесстыдство пошлой клеветы, беззастенчивое использование собственных порнографических фантазий, неуместных в принципиальном споре, пригодных только к пробуждению низких страстей скучающей черни, заслуживает поощрительного слова лишь у наследников великих французских просветителей. У людей же, с симпатией относящихся к жизни, злобные выделения, как прививка от черной оспы, помогают выработке устойчивого иммунитета к любым сплетням из помойки.

Оговоримся особо, что, обозначая подотряд, к которому примкнули персонажи с Патриарших, мы никаким образом не выносим окончательное определение их человеческой сути. Она должна проявиться сама, без наших повелений, как их собственный суд по отношению к сделанному ими на земле (обещаем, что здесь нас ждут сюрпризы!). Как иллюстрацию к сказанному можно предложить творчество и жизнь Андрея Платонова и Николая Островского, Артема Веселого и Александра Фадеева, Исаака Бабея и Аркадия Гайдара – подотряд один, а какие разные судьбы.

Мы будем настойчиво повторять, что собственный страшный суд человека над собой перед лицом Христа является отправной точкой для утверждения его личности. От слов своих осудишься и от слов своих оправдаешься – такую власть Он предоставил своим блудным детям. В этом законе сохранена высшая справедливость, так как при этом, каким судом судишь других, таким и будешь судим – то есть если мы лишим последнего слова своих собратьев, то лишимся его сами, и тогда не милость, а дела, упрямые факты будут нашими прокурорами. Не ожидание акта взвешивания на чашечках весов правосудия, а выбор между принятием предуготованной для нас милости или отказ от нее, без разницы в какой форме – категорической, беспечно-равнодушной или лукавой, – оставит нас одинокими или едиными с другими. Трудно человеку поверить, что будущая жизнь зависит не от списка наших правонарушений, а от нашего желания сжечь этот список или оставить его на приятную память для души и тела, без чего сластолюбцу свет не мил...

(Мак. л.)... Вновь повторяю вам еще раз, что вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я был только скрытен, потому что был неглуп, – вот и все. Причиной нынешних ваших выводов и заключений обо мне (сделанных как вами, так и другими) было то, что я, понадеявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрелость свою, отважился заговорить о том, о чем бы следовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придут в такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вот вам вся история моего мистицизма. Мне следовало несколько времени еще поработать в тишине, еще жечь то, что следует жечь, никому не говорить ни слова о внутреннем себе и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого ответа моим друзьям насчет сочинений моих. Отчасти неблагоразумные подталкивания со стороны их, отчасти невозможность видеть самому, на какой степени собственного своего воспитания нахожусь, были причиной появления статей, так возмутивших дух ваш. С другой стороны, совершилось все это не без воли божией.

Появление книги моей, содержащей переписку со многими весьма замечательными людьми в России (с которыми я бы, может быть, никогда не встретился, если бы жил сам в России и оставался в Москве), нужно будет многим (несмотря на все непонятные места) во многих истинно существенных отношениях. А еще более будет нужно для меня самого. На книгу мою нападут со всех углов, со всех сторон и во всех возможных отношениях. Эти нападения мне теперь слишком нужны: они покажут мне

ближе меня самого и покажут мне в то же время вас, то есть моих читателей. Не увидевши яснее, что такое в настоящую минуту я сам и что такое мои читатели, я был бы в решительной невозможности сделать дельно свое дело. Но это вам покуда не будет понятно; возьмите лучше это просто на веру; вы чрез то останетесь в барышах...

(З. У. пр.)... *Поверить, что эта заповедь, предлагающая спасение как незаслуженный дар, решающая для меня, что она и есть реально действующая сила воскресения, которая выстраивает, творит мою жизнь, трудно. А без этого невозможно, еще более трудно поверить, что этот самый закон определяет жизнь тех, кто вокруг меня. В этом месте чуть-чуть напугаем любознательных читателей, объявив, что для честной веры христианина совершенно необходимо не только опытно узнать этот закон и широту его возможного применения, но и лично способствовать его осуществлению (то есть искренне, с радостью прощать).*

Для того чтобы приписать к какому-нибудь виду или отряду Берлиоза, не обязательно знать, как досталась ему фамилия: натуральным или искусственным путем. В непродолжительный период российской истории, в котором смута в головах при определении главного врага всеобщего процветания сменилась кричащей ясностью и определенностью*, все слои общества решили, наконец-то, перестать безмолвствовать и свергнуть самодержавие.

Как только низами был взят курс на беспощадную борьбу, лучшая часть дворянства и творческой интеллигенции (сообща примкнувшая к ним), до этого сочетавшая в себе и доброе, и злое, стала очищаться путем добровольного перехода из легального положения (требующего демонстрации лояльного отношения к властям) в некое подполье (вобравшее в себя наиболее кровавых ревнителей народного счастья).

Там, в глубокой конспирации, неутомимые борцы, нагревая свой разум до кипящего состояния, накапливали все то невиданное передовое и прогрессивное, что необходимо для постройки нового светлого мира на месте, очищенном от всего старого и темного. Эта деятельность по обновлению включала и смену имен и фамилий на клички. Так произошло с Кувалдовым, прежде носившим композиторскую фамилию и состоявшем в партийных соратниках Олина, Чугунина, Булыжникова, также очень своевременно принявших нужные для вдохновения пролетарских масс, согласно текущему революционному моменту, фамилии.

* Чему воочию был свидетелем Булгаков.

Итак, сначала было время собирать камни, когда буржуазное гнилье, выделив из своей просвещенной среды лучших людей с передовой идеологией, унавозило народные массы и, вместе с тем, подготовило почву для последующей перековки всякого, оставшегося после ухода тех лучших (по меткому выражению вечно живого Олина), г*** в передовую частицу передового класса.

Однако после сбора камней, организовав не только ядро товарищей нового типа, но и благоприятные условия для их размножения внутри руководящей и направляющей партии, немедленно наступил новый исторический этап. Спасибо диалектике. Пришло новое время, и отшлифованные в победоносной революции булыжники из авангарда производителей научного материализма стали отправляться в придонную гущу пока еще не очень сознательных творческих масс зарождающегося соцреализма для оплодотворения их всесильными идеями с возогреванием своим энтузиазмом до состояния пламенных борцов*.

Именно великий исторический момент, до которого дожил Булгаков, когда самые сплоченные вокруг вождей пролетариата революционеры-резервисты под видом ученых, художников, писателей и музыкантов переместились из коридоров власти в кабинеты руководителей творческих союзов, фотографически точно запечатлен в романе. До сих пор всему живому в сфере искусства, оказавшемуся на территории этого слабого звена, очень больно от последствий заботы мировых вождей революции о прослойке с надстройкой.

Но нас интересуют не плоды адовой работы, а горячая пора, во время которой, по производственному образцу работы металлургов у раскаленных мартенов, учились управлять творческим процессом партийные инженеры человеческих душ. Одним из них и был председатель Массолита, товарищ Берлиоз, который, задавая тон всему роману по-большевистски терпеливо, заботливо, с по-отечески радушной интонацией воспитывает молодые кадры. Забота об уме и совести подрастающей смены не окажется напрасной, поэт Бездомный вскоре сможет почуять, что знания важны, но для того, чтобы влиться в ряды и подхватить гордо и смело знамя рокового боя кровавой борьбы, прежде всего необходима именно чуткость в определении директивного духа руководящих указаний. Нам представляется, что именно редкий талант различения духов поможет сделать ему карьеру в романе. Теперь перейдем от авторских подсказок Булгакова к наблюдениям за поведением литераторов.

* Для людей старого прижима переведен на их привычный язык: партия свои лучшие кадры направила руководить творческим сознанием пролетарских творческих союзов.

Глава VI. КАК И ПОЧЕМУ?

(задумчивая)

<...> и как один умрем... за власть...

Слова из песни

И сказал я в сердце моем: и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым? И сказал я в сердце моем, что и это суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увь! мудрый умирает наравне с глупым.

Книга сына Давидова

Никому не надо доказывать, что дураки задают очень много вопросов. Это полбеда. Полная беда приходит к нам, когда на них приходится отвечать, или когда они вовсе остаются без малейшего ответа.

Для иллюстрации приведем некоторые недоумения, способные появиться при беглом взгляде на такую скучную и примитивную сторону жизни, как смерть. Понятно, что веселый здравомыслящий человек и особенного значения-то не придаст такому пустяку, потому и не возникнут вопросы. Но не только поэтому эта тема не избита вопросами, есть еще недвусмысленная угроза со стороны авторитетной группы людей широких взглядов с аристократической свободолюбивой косточкой, которая постановила, что неприлично напоминать и преступно спрашивать о том, что может испортить настроение приличному джентльмену и прекрасной даме. И мы, вместе с ними, считаем, что за такое сажать надо.

Однако чистый лист позволяет в качестве разминки поупражняться в мастерстве ведения допроса. Итак, кто или что (злые люди или злые обстоятельства) способны вызвать преждевременную смерть? Бывает ли кончина несвоевременной, или, наоборот, она может оказаться своевременной (ну, например, когда другим от этого становится лучше)? Стоит ли считать исчезновение человека естественным событием, а если да, то кому или чему это было нужно придумать? Так природа захотела? Но тогда, если соблюдены времена и сроки (человек очень долго жил), исполнены правила приличия (не ругался грязно, не пил и не курил, угасал без мучений) и никто из окружающих не обделен наследством, не расстроен неизбежным

финалом (нет пострадавших от его смерти), то такая гибель может считаться образцовой и красивой?

Ясно, что эти сомнения по общей проблеме перехода от субъектов к тому объективному праху, в который они превращаются, можно умножать неограниченно. Но нас интересует частная персона с известным именем и положением в обществе, и поэтому загадка случившегося с ним позволяет сформулировать вопросы более конкретно. Нехорошая карма, черная порча, обида госпожи удачи или что-то другое, более материальное, осязаемое – временный кризис социалистического бытия, неудачная комбинация полей электронов, критическое скопление протонов и нейтронов – подтолкнули Берлиоза под трамвай комсомолки? Можно ли выявить причину случившегося с Михаилом Александровичем на Патриарших, а если удастся ухватить ее, то не найдется ли средства для тех, кто попадет в такую же ситуацию, с тем чтобы... что-либо изменить в ней? Или, действительно, все фатально, и глава Массолита просто поучаствовал на своем месте в обычном круговороте вещей в природе, и потому о нем не надо беспокоиться?

Нам представляется, что, кроме патологических спорщиков, среди читателей не найдется несогласных с тем, что свое приключение подготовил сам Берлиоз, причем устроил все необходимое для его исполнения по собственной воле и даже с желанием. Завязка, кульминация и разрешение истории происходили согласно писанным правилам, которые невозможно отменить, даже если на время забыть про них.

Мы сомневаемся, что могут найтись добрые люди, которые скажут, что пьяница не любит и не стремится к похмелью, а драчуны не хотят у себя иметь сломанных ребер и выбитых зубов. Действительно, где найти очень уж добрых людей, верящих в то, что бутылку водки можно найти случайно, а в добавок к этому можно найти удачливого простака, который выпьет эту бутылку, не догадываясь о ее содержимом. В реальных историях водку как-то приобретают, и во время поиска возжеленного продукта у делателей бывает радостное возбуждение, которое может сопровождаться страхами о том, что не хватит денег или не достанется, потому что раскупят, или отнимут другие желающие.

Случаются и чудесные внутренние прозрения, когда смутные ощущения перерастают в убежденность, в результате которой предвидение исполняется. Используя эту аналогию, мы убедимся, что в тексте имеются достаточные сведения для понимания случившегося с Берлиозом. Первая подсказка – это необъяснимый страх в сердце научного материалиста,

доходящий до паники. Мы говорили, что при посещении людей духовный мир обязан (это вменяется всем его персонам в правило) предупредить нас об этом тем или иным способом. Такие предтечи есть не только у светлого, но и у темного мира. И уже наше личное дело обращать свое внимание на предупреждение или нет. (В общении между людьми это правило тоже должно было бы выполняться: при знакомстве просят разрешения подойти и только после этого представляются.)

При этом надо учитывать, что все, связанное с державой дьявола, обрывается дымовыми завесами и разнообразными маскировочными средствами, чтобы запутать и обмануть пациента. Примером фальшивой визитной карточки как очень востребованным обманом для людей, уверенных в своей проницательности, является доверие приметам. Тут тщетно изучать опыт предыдущих поколений. Для того, чтобы обвести самодовольного хитреца, идущего в ногу с прогрессом науки и техники, будет придумано что-нибудь новенькое, эксклюзивное. Перед этим, для создания повышенной болезненности процесса обнаружения в себе дурака, вам могут предложить несколько пустяковых случаев, когда примета поможет. Наживка у духовного лохотрона бывает разная, а метод давно отработан. Чуть прикормить интересной для вас затравочкой (тут надо понять и принять во внимание индивидуальность лоха), а потом подсесть и неожиданно дернуть даму пик вместо туза — и, пожалуйста, знаток жизни находится в глубочайшей депрессии, доводящей до... (Нет, нет! Здесь нет неотвратимости, не пугайся, читатель, не впускай иглу в сердце. «Азбука» утверждает, что всегда за казалось бы всеми мыслимыми пределами невозврата к жизни, Благая Весть все равно обещает вырвать нас)...

(Мак. л.)... Убедите его прежде всего в той непреложной истине, что *излишество* теперь удел всех, кто только сколько-нибудь имеет сердце не бесчувственное к делам мира, какой-нибудь характер и какое-нибудь убеждение. Все переливают через край, потому что никто не спокоен. Я, более других спокойный и хладнокровный, впал в излишество более других: писавши мои письма, я был истинно убежден в той мысли, что все звания и должности могут быть освящены человеком и что чем выше место, тем оно должно быть святее; я хотел рассмотреть все места и звания в их чистом источнике, а не в том виде, в каком они являются вследствие злоупотреблений человеческих; я начал с высших должностей; я хотел напомнить человеку о всей святости его обязанностей, а выразился так, что слова мои приняли за куренье человеку. Не увлекись я духом излишества,

который раздувает теперь всех, я бы выразился, может быть, так, что со мною во многом бы согласились те, которые оспаривают теперь меня во всем, хотя чувствую, что и тогда видна была бы во мне односторонность: занявшись своим собственным внутренним воспитанием, проведя долгое время за Библией, за Моисеем, Гомером – законодателями веков минувших, читая историю событий, кончившихся и отживших, наконец, наблюдая и анатомируя собственную душу в желании узнать глубже душу человека вообще и встретаясь на этом пути с тем, который более всех нас знал душу человека, я весьма естественно стал на время чужд всему современному. Зато теперь проснулось во мне любопытство ребенка знать все то, чего я прежде не хотел знать. Точно как бы на то была уже такая воля, чтобы я не прежде приступил к узнаванию мирских дел, как узнавши получше самого себя. И мне кажется, что я теперь далее всякого другого могу уйти на пути *разведыванья*: ни раздраженья, ни фанатизма во мне нет, ничьей стороны держать не могу, потому что везде вижу частицу правды и много всяких преувеличений и лжи...

(З. У. пр.) ... Какие же бывают симптомы перед посещением тьмы? Да такие же, как во время ее посещения, только в легкой форме. Мысли о том, что жизнь может быть прекрасной и удивительной в беззаботности и праздности, что и сам ты можешь быть почитаемой звездочкой, светящей хорошим людям, что можно своевременно вытянуть удачный жребий с богатой невестой или умным и красивым женихом.

А могут окутать приятные предчувствия, что все помехи в виде дурных людей и дурных обстоятельств скоро рассосутся, что благодаря подмеченному ненароком в зеркале превосходству над прочими в сообразительности и привлекательности, чувство собственного достоинства станет источником постоянного счастья. Да мало ли еще имеется мелких истин, возвышающих и баюкающих нас. Это чаще бывает с новоначальными создателями самих себя, еще не забывшими согревающий уют дружеских отношений.

С течением времени самоустроители распределяются между двумя основными группами своих выпускников. Неважно, это умудренные опытом, добившиеся завидного положения в обществе тяжеловесы вместе с добрым, уважительным мнением о них у окружающих их посторонних, или это одичавшие от всеобщего непонимания изгнанники, отверженные от молочных рек цивилизации. Те и другие одинаково оповещаются о предстоящей встрече с помощью весьма грубого и болезненного намека. Их

посещает немотивированное смущение или необъяснимая тоска, подтачивает сверлящая тревожность, сменяемая уколами страха или ужаса, вслед за которыми топящим мрачным потоком набегают жутковатые мысли о собственной неполноценности и бесперспективности всяческих усилий.

Доверие к этим мыслям быстро приводит к изменению мировоззрения, в котором понимание бесплодности всякого дела и недостижимости заветных целей довершает потерю уверенности в завтрашнем дне и в возможность познания мира*. Даже в страшном сне мы не посмели бы предположить, что Берлиоз не брал в руки книг, в которых описывалось состояние человека под воздействием благоприятных или враждебных внешних и внутренних обстоятельств. Конечно, брал, также как брал и другие, относящиеся к литературным памятникам предыдущих эпох, а взяв, конечно, читал.

Однако важно не само прочтение и даже не доскональное знание освоенного, а отношение к нему, некая заинтересованность что ли, которая возогревается теми проблемами, которые беспокоят сердце читателя. Если читатель с головой погружен в стихию мирового прогресса и эволюции, то он в первую очередь будет видеть в читаемом то, что будет созвучно его интересу. Остальное же остается на периферии внимания вялым и инертным дополнительным материалом, неспособным при необходимости стать руководством к действию.

Знал, знал Михаил Александрович о том, что коварные завистники уже начали искать пути для того, чтобы занять его место, которое перед этим надо было бы освободить от него самого. Поступившая из сердца информация о тупой иголке**, подкрепленная интуицией, должна была подготовить опытного аппаратчика к тому, что грядут вместе с изменением генерального курса новые постановления, которыми будет необходимо вдохновляться, и нельзя упустить момента коренного перелома и в собственной линии поведения.

Но нет, никакого делового вывода он не сделал, а лишь трусливо подумал о необходимости восстановления подорванного на боевом посту здоровья своего организма. Виноват, непростительно виноват. Ведь видел он своими подслеповатыми глазами в «Азбуке» прописанным черным по

* Мы еще и еще раз подтверждаем свою решимость изучать одни буквы из азбуки, а слова, в которые складываются эти буквы и всяческие советы и рекомендации по поведению в той или иной ситуации мы не рассматриваем.

** Просим читателей на страницах романа самим убедиться в том, что покалывание иглами своих внутренностей испытывали многие персонажи романа перед роковыми встречами с иностранными визитерами.

белому, что всякие видения – это признак бедственного состояния души, которая вопиет о нужде в немедленной помощи.

Знал, знал это Берлиоз, но в этот закатный вечер на Патриарших еще крепче, еще яснее и убедительней он знал, что у него души нет. А раз ее нет, то ей никак не может грозить беда. Вот эта уверенность и не предоставила возможность высказаться другим голосам богатой натуры Берлиоза, кроме голоса безбожного разума.

Все это можно было бы простить, – и глухоту к мистике, когда-то, в незапамятные времена, порожденной только что с его помощью побежденным классом и тогда еще невежественными, никем не организованными, дрожащими от страха перед непознанными силами природы массами. А вот не обратить никакого внимания на экипировку залетного незнакомца – это уж слишком, тут вина непростительная, за которую необходимо будет щедро расплатиться.

Прежде чем мы начнем обсуждать встречу литераторов с иностранцем, нельзя не остановиться на одном предмете, которому в повседневной жизни совсем не придают значения, но в «Азбуке» он отмечен как особо важный.

Нам уже доводилось сообщать о практике молитвы (некоей сердечной беседы между двумя лицами) как о важнейшем делании каждого честного христианина. Подчеркнем для памяти, что в начале такой беседы важно именно обращение по имени, оно ставит собеседников лицом к лицу. Поскольку молитва относится к общению в мире духовном, то взаимность, возникающая в момент личного обращения, реальна, хотя до особого времени получения явного ответа она остается лишь в вере молящегося и его не видимом, но осязаемом желании быть вместе, которое может быть вдохновлено только тем, к кому обратились с просьбой о взаимности.

Христос свидетельствовал о Себе, что Он всегда в молитве, всегда видит Отца, а Отец всегда видит Его. Последователи Христа, Его ученики, с радостью проповедовали, что молиться нужно всегда, что это не только возможно, но и является благой, приятной ношей, а не тяжким бременем. В ненаучной науке быть другом без перерывов на обед (для нашего исследования важны не этапы возрастания взаимной жизни и тонкости ее сохранения, а признаки ее присутствия и условия ее разрушения). Непостоянная молитва – это непостоянная, вспыхивающая от раза к разу дружба. Правдолюбец может усмехнуться, констатируя, что иначе не бывает. Нам остается сослаться на то, что раньше, в былинные времена, встречались влюбленные, которые могли рассказать, что теплая блаженная взаимность в период их естественного жертвенного отношения друг к другу

сопровождала их и днем, и ночью. С ней едят и пьют, ходят на работу и на войну, предстояние и внутренний диалог не прекращается, не ослабевает от вынужденных расставаний и подневольных дел, он украшается новыми обстоятельствами, а старое и привычное продолжает раскрываться с неожиданных сторон.

Порядочный христианин признается, что когда он не молится, то в этот момент он забывает, отказывается от Бога и от всех своих друзей. Что делает человек, по мнению «Азбуки», когда он не молится? Ответ способен смутить предприимчивых людей. Он тоже молится, но только другой силе, не нуждающейся в равноправии и в открытой дипломатии. Просто, вероятно, из скрытности или ложной стыдливости, это не называют молитвой (это вообще стараются никак не называть; так, хандра или погружение в себя, в свои переживания), так как в ней не усматривают свободной взаимности, а как причину видят расчетливый самоинтерес, страх, усталость, которые скорее вызваны замкнутостью, а не общением.

Однако именно общение приводит к состояниям, связанным с разнообразными переживаниями одиночества или оставленности. Просто внутренний разговор в этом случае происходит не во взаимности, а между двумя эгоистами, значит беседа не дружеская, потому и плоды соответствующие. Для того чтобы не путаться больше, назовем такой обмен словами с сопутствующим настроением, злой молитвой, которая вдохновляется духом, который выделяет тьма.

И, конечно же, для публики серьезной, давно разоблачившей пережитки народных заблуждений, неосновательным покажется и наше утверждение, что если помянуть нечистую, то она будет тут как тут. В главном интеллектуальная элита права – нечисть не надо звать, она с каждым всегда рядом*, всегда лезет, а если у нас есть VIP-читатели, для них по секрету скажем, что она всегда руководит.

«Азбука» уверяет, что освободиться от влияния безымянной братии возможно, но трудно и удавалось немногим. (Для того, чтобы не отравлять безысходностью чуткие души, подскажем, что спасение от власти тьмы доступно всем, нужна только просьба о прощении собственного зла к Тому, Кто имеет власть отпускать грехи.)

Избавление от замкнутости, вызванной самовлюбленностью, стало осязаемой явью на земле, как обретение взаимности с милующим Спасителем, которая не может быть нарушена обстоятельствами и временем.

* «Дьявол уже пришёл» - так объясняет глупым студентам один пытливый исследователь мысль, которую хотел сообщить нам Булгаков. Что же остаётся от этой трактовки, если князь мира сего и не собирался никогда куда уходить?

Ничтожные силы человека на долгом пути блужданий, но скрепленные едва тлеющей решимостью в утверждение серьезности благого выбора – вот две лепты, позволяющие восстановить Богочеловеческий храм Всесильному.

Если по зову совести не прервать стыдливо скрываемое (от всех и от себя) знакомство с тьмой, то тайное все равно станет явным. Конспиративное влияние неосознанной лжи из сумрачного подполья подсознания обнаружит себя, когда ее количество потребует нового качества в поведении своего носителя и предстанет открытым сотрудничеством между тьмой и тем, кто ее вольно или невольно призвал. (Для уже упомянутых чутких душ нам хочется заявить, что подчиненность мрачным силам лжи, но не радостная (от использования ее плодов), а страдательная, в которой человек хотя и уступает ей, но временами сожалеет об этом или даже иногда сопротивляется ей, всего лишь, может быть, чуть замедляя развязку, является безусловным признаком наличия света в человеке, достаточного чтобы обрести Спасителя. Имеется даже мнение среди прощенных, что такой человек, несмотря на постоянные поражения, подчиняющие его тьме, несет мученический подвиг, воюя на стороне света.)

Первая же мысль Берлиоза, ставшая доступной нам, читателям, сразу задает характерный тон молитвы, призывающей чертей. Его почин с энтузиазмом подхватывает Бездомный, и в дальнейшем весь роман испещрен всевозможными обращениями и воззваниями к нечистой силе. Мы не исследовали книгу дотошно, но интересно, есть ли хоть один персонаж, вовлеченный в непосредственный контакт с группой визитеров, хотя бы раз не позвавший их на помощь?..

(Мак. л.)... Покаместь дело в том, что мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, покауда еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. Все мы ищем того же: всякий из мыслящих ныне людей, если только он благороден душой и возвышен чувствами, уже ищет законной желанной середины, уничтоженья лжи и преувеличенностей во всем и снятия грубой коры, грубых толкований, в которые способен человек облекать самые великие и с тем вместе простые истины. Но все мы стремимся к тому различными дорогами, смотря по разнообразию данных нам способностей и свойств, в нас работающих. Один стремится к тому путем религии и самопознания внутреннего, другой – путем изысканий исторических и опыта (над другими), третий – путем наук естествознательных, четвертый – путем поэтического постигновенья

и орлиного соображенья вещей, не обхватываемых взглядом простого человека, словом – разными путями, смотря по большему или меньшему в себе развитию преобладательно в нем заключенной способности. Анатомируя человека, видишь, что в мозгу и голове особенно устроены для этого органы возвышенья и шишки на голове. Органы даны – стало быть, они нужны затем, чтобы каждый стремился своей дорогой и производил в своей области открытия, никак невозможные для того, кто имеет другие органы. Он может наговорить много излишеств, может увлечься своим предметом, но не может лгать, увлечься фантомом, потому что говорит он не от своего произволения: говорит в нем способность, в нем заключенная, и потому у всякого лежит какая-нибудь правда. Правду эту усмотреть может только всесторонний и полный гений, который получил на свою долю полную организацию во всех отношениях. Прочие люди будут путаться, сбиваться, мешаться, привязываться к словам и попадать в бесконечные недоразумения. Вот почему всякому необыкновенному человеку следует до времени не обнаруживать своего внутреннего процесса, которые совершаются теперь повсеместно, и прежде всего в людях, стоящих впереди: всякое слово его будет принято в другом смысле, и что в нем состоянье переходное, то будет принято другими за нормальное. Вот почему всякому человеку, одаренному талантом необыкновенным, следует прежде собраться сколько-нибудь самому...

(З. У. пр.)... Предупредим, что в подходящий момент мы рассмотрим и другую форму злой молитвы, представленной в романе, которая для некоторых шалунов может оказаться более привлекательной, чем прямое обращение к демонам.

Мы не желаем давать нравственную оценку поведению чертыхающихся персонажей, но хотим обратить общественное внимание на то, что с первых до последних страниц «Мастера и Маргариты» идет совместная работа советских товарищей и залетной шайки гипнотизеров по подготовке перехода нечистой силы на легальное положение. Неважно, сознательно или нет в насквозь материалистическом обществе пропагандируется привлекательность веселых и загадочных демонов (бессознательность еще хуже ввиду очевидной неразборчивости такого старателя), но среди атеистов приметным стало гласное признание успешности их ненаучных предприятий. Более того, даже возникло плодотворное сотрудничество между чертами и индивидами, которым оказалось тесно и душно в скучной обывательской Москве.

Действительно, нельзя признать пригодным для благодушного и покойного проживания общество, где все поголовно убежденные воры, развратники, пьяницы и взяточники, но при этом вынуждены делать вид, что все это не приносит им должного удовольствия или вызывает жгучее чувство стыда. Преодоление реакционных табу на проявление бесстыдства и распушенности, вместе с получением прав наказывать и перевоспитывать, вплоть до уничтожения, тех, кто стесняется и стесняет других, привело к новой форме взаимовыгодных отношений между людьми и чертями. Старое рабское служение злой силе (примерно так, как при угнетающем царизме) доросло до свободного обмена услугами с ней (можно сказать, что сменились производственные отношения) и породило новых людей с фальшивой совестью и новую духовную общность, не только не стесняющую себя соблюдением правил традиционных религиозных культов, но стремящуюся заменить их своими, низменными. Формальное название таких граждан, порожденных избыточным познанием темных сторон падшей природы, – либеральные гуманисты, выступающие за равные права людей и демонов, а новые романы о том, что в результате дальнейшего прогресса появится на их месте, еще не написаны.

Итак, привычно и естественно Берлиоз с Бездомным позвали чертей, и, пожалуйста вам, тут как тут встреча с ними. Сначала с прозрачным господином, но это не всерьез. Это – только одно из предупреждений-предтеч. Но вот появился и главный иностранец. В этот ответственный момент мы просто обязаны предоставить слово «Азбуке», которая имеет сведения о хитростях, к которым при встрече с расслабленными простаками, среди своих еще более простых простаков, слывающих премудрыми, прибегает темный элемент для их надежного обмана.

При первом очном знакомстве со своими жертвами этот лукавый элемент предпочитает пользоваться обликом тех, кому испытуемые доверяют или отдают предпочтение в своей жизни и в своих мечтах. К примеру, известно, что людям, во что бы то ни стало добивающимся общения с представителями небесного царства, искустители являются в их облике и даже увлекают верными пророчествами и душещипательными толкованиями самых трудных мест Священного Писания.

В дальнейшем визитеры частенько предоставляют возможность самим обольщаемым совершить чудеса с возрастанием в них эйфории до такой степени, что оскорбления, истязания, приводящие обычного человека к безмерным страданиям вплоть до безумства, не способны нарушить их состояние духовного экстаза. В своем предельном проявлении сотрудничество

с духами приводит фанатиков к натуральному уподоблению Христу с появлением на их теле Его ран от гвоздей. Зачем тогда нужен Иисус Христос, зачем нужен был Его приход к нам, если вместо Него можно было послать этих любвеобильных героев, остается невыясненным, да и неинтересным.

Опытные христиане такое состояние псевдоподвижников называют прелестью, то есть лестью (ложью) в высочайшей степени и предупреждают, что обратной дороги из этой восхитительной западни для одурманенного мнением о своей высокой духовности нет (для этого самозваному великану веры пришлось бы признать перед всеми свою глупость).

Вообще нет человека или святого человека, которые помогли бы обольщенному разрушить эту демоническую крепость прелести, вавилонскую башню из черного дерева, вознесшуюся в его обманутом воображении до небес. Только нечаянная милость Бога властна освободить зарвавшегося в небеса из его неприступной крепости, построенной из лжи. Ну а людям с не столь высокими запросами и обманы предлагаются соответственные – помельче. Кому-то может явиться президент, кому-то чиновник рангом пониже, для других, более чувствительных – актер, певица или прославленный спортсмен. Кого ждали, о ком вздыхали, тот и выскочит перед вами обрадовать и поразить.

По мере развития знакомства первый лоск с приглашенных может слететь. Президент станет приходить в тренировочном костюме, актер в засаленном халате, а спортсмен может покрыться лишаями или утратить некоторые члены. Потом и вовсе перестанут появляться кумиры, а их заменят те, кого человек недолюбливал или опасался. История свидетельствует, что подвизающиеся на поле невидимой брани подвергались налетам эфиопов или литовцев в лисьих шапках, менее крепких атаковали скорпионы и песьи мухи. Для тех, кто невидимую брань доводил до конца, товар открывался лицом и пред ними на месте видений проявлялись омерзительные, безобразные до невозможности вонючие рожи.

В качестве успокоительной передышки приведем правдивый рассказ из минувших времен. В одном монастыре просиял инок, к нему за советом и поддержкой стали стекаться многие. И главным вопросом у них был: как он научился молиться? Инок скромно отвечал, что этому его научили бесы. Они много лет приходили и мучали монаха, а он все время мучений кричал, взывая к Богу. И докричался, понял, как нужно молиться.

Приведенные сведения служат одной цели – дать возможность пытливому читателю самому догадаться, кому в тайне сердца поклонялись атеистически настроенные литераторы, если на секундочку поверить «Азбуке». Да,

тем, кто всегда вызывает доверие, нескрываемое уважение и всяческое неподдельное восхищение, безусловно, должен быть иностранец. Там все истинное – прогресс, свобода предпринимательства, справедливая судебная система, культура питания, а главное – там истинные создатели истинного.

Для большей убедительности укажем на странное совпадение той и уже нашей действительности. Оказалось, что при первой возможности (эта возможность открылась бывшим комсомольцам в 1990-е годы) легально покинуть страну строящегося коммунизма, все ее запевалы оказались в Германии, Англии, Франции, Польше – там, где им больше, чем на Патриарших, нравятся жаркие апрельские вечера. Можно предположить, что Булгаков пророчески угадал такое будущее для обитателей страны не только при выборе облика для сатаны, но и в выборе фамилии для идеолога материалистического жития от литературы. Михаил Афанасьевич остановился на всем известном иностранном доноре*, хотя среди звонких композиторских имен у него на стадии черновиков были и отечественные.

Из праздного любопытства хотелось бы узнать провидческий ответ на вопрос о том, хватит ли стране трехсот лет, чтобы появились люди, освобожденные от магического поклонения в западном направлении, вызванного непреодолимым влечением к их ценностям, и, одновременно, не поврежденные порчей самомнения, питающейся яростной убежденностью в своей вселенской космической миссии местной доморощенной правды, достаточной для спасения всех и вся.

Кстати, проникательные предводители местечковой империи добра пишут многочисленные разоблачительные сочинения, в которых примитивные дьявольские проказы давно превзойдены происками подлейших тайных сообществ и кровожаднейших вредительских кланов. С полувзгляда ясноглазых благочестивцев рассекречены мировые заговоры, которые за избыточностью зла давным-давно оставили отдыхать на пенсии всех имеющихся в наличии чертей.

Мы сами только что назвали Михаила Афанасьевича (а ведь тоже Михаил (!)**) пророком в своем отечестве, и, представьте себе, немедленно хотим опровергнуть это утверждение. Дело в том, что знания гимназического курса конца XIX – начала XX века по Закону Божьему вполне достаточно,

* Это совпадение фамилий в результате доставило поэту Бездомному дополнительные трудности и разочарования.

** Хотя и не к месту, но нам захотелось сообщить, что Афанасий означает бессмертный, и что в одном Михаиле может уживаться два противоположных Михаила – светлый и темный, причем этот один при определенных условиях способен видеть этих двух в себе одновременно.

чтобы ученики, его освоившие, могли на обыкновенном ежегодном экзамене рассказать преподавателю, что случится с человеком, если тот потребует, чтобы Бог не вмешивался в его жизнь или (что на самом деле то же самое) станет открыто утверждать, что Его не существует.

Уже Адам, немного предав своего Отца, оказался в зоне смерти. Любое предательство (отказ знать и исполнять желание друга), даже самое ничтожное, нарушает правду во взаимности, но оставляет возможность восстановить ее, признавшись в этой измене. Уже будучи неспособным к подлинной жизни человек-предатель продолжает сохраняться милостью своего Отца, надеющегося на то, что хоть когда-нибудь в сердце блудного сына возникнет желание возвратиться к Нему.

Это ожидание Отца может тянуться даже не годы, а многие десятилетия. Для вечности не важно, когда она примет на свой брачный пир пропавшего. Весь этот срок беглец может совершать новые предательства, увеличивая их меру до необозримых величин, которые станут причиной утраты части его души и вызовут точно такое же необозримое по величине страдание Отца и Сына.

Итак, власть над собой грешник передает в руки смерти, точнее, сил тьмы. Была бы ее власть — добила бы немедленно, но господство зла над человеком до тех пор не абсолютно, пока Бог видит в нем хоть клеточку совести, не утратившую способность к жизни. Только вольный отказ самого человека от этого покрова, рвущий ниточку милости к себе, на которой он удерживается от падения в бездну, соединенный с желанием погрузиться во тьму нежити самосуществования (без других, в самозабвении), произнесенный несколько раз вслух предоставляет аду возможность без помех делать свое дело.

То есть приговор, произнесенный над самим собой, отправляет поклонника смерти на казнь. Оказывается, что отказ от вечности в единстве с другими в пользу добровольного союза со смертельной пустотой одиночества всегда совершается в ненарушаемой свободе выбора и не бывает насильственным, потому и называется самоубийством. Внешне можно малодушно оправдаться, сославшись на обстоятельства: например, неразборчивую Еву, хитрого змея, недалёковидного Бога, происки врагов и прочие беды. Но невидимая причина союза с тьмой находится внутри сердца, как следствие предпочтения счастливых условий существования в самоизоляции над блаженством творческих отношений с друзьями.

В обществе есть убийцы, которые несут смерть телу. Среди друзей смерть их единству приносят только самоубийцы. Берлиоз выбрал свое будущее

в механической совокупности социальных организмов, где все подчинено неизбежности исполнения научно обоснованных законов, а свою душу за ненужностью передал в собственность великого шалуна. Так за что он так с Берлиозом? Не за что, а для чего. И тут тьма старается подражать Свету, у Которого причина всегда находится не в прошлом, а в вечности, но у тьмы нет этой вечности, и она старается сделать вид, что причина находится в будущих временах, отдаленно напоминающих вечность.

Когда злу будет особенно выгодна гибель председателя союза писателей, когда от этого зверского своей натуральностью представления будет получен наибольший эффект, то есть при созревании в Михаиле Александровиче революционной ситуации, его уже свершившуюся фактическую тайную гибель явным образом, при помощи масла, Аннушки, трамвая и комсомолки, выставят на всеобщее обозрение. Мы еще будем иметь повод обсудить загадки безвременных кончин. Ну, загадки загадками, а нам надо как следует разобраться в происхождении иностранного консультанта, а также, по возможности, покопаться в его биографии.

Приступим к наведению справок, пока он сел на соседнюю скамейку рядом с нашими просветителями и положил руки на черный набалдашник трости в виде головы пуделя, а подбородок на руки. Прежде чем расспросить о заграничном чуде Булгакова, проведем необходимую ретроспекцию подобных явлений потусторонних субъектов перед людьми, зарисованных на бумаге его предшественниками.

Глава VII. О ПРЕДКАХ (обременительная)

Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы; поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя.

Книга сына Давидова

Третье прикосновение Булгакова к главному произведению Гете требует, настаивает на том, чтобы труд последних десятилетий немецкого поэта был обновлен в памяти. Множественное число пересечений и совпадений уже на первых страницах «Мастера и Маргариты» с основными темами «Фауста» без ложной скромности указывает на то, что роман Михаила Афанасьевича – наследник, генетический родственник, рассказывающий о старом споре в новые времена...

(Мак. л.)... В книге этой есть повести, [...] которые мне очень нужны. Этого писателя я уважаю, потому что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о [том, что делается] разных проделках в России. Там же есть и другие повести из русского быта. Пожалуйста, не забывайте того, что мне следует присылать только те книги, где слышна сколько-нибудь Русь, хотя бы даже в зловонном виде. Я очень боюсь, чтобы Плетнев не стал меня потчевать Финляндией и книгами, издаваемыми Ишимовой, которую я весьма уважаю за полезные труды и уверен, что книги ее истинно нужны, но только не мне. Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей...

(З. У. пр.)... Новые времена отличаются от старых тем, что некоторые действующие лица в них ветшают. Именно некоторые, а не все. Те, кто выбрал для себя жизнь в Свете, остаются детьми Света, время над ними не властно, каждое мгновение у них принадлежит вечности. Ветшают же те, кто предпочел самодостаточность потребительских отношений с окружающими за счет их нещадной эксплуатации, кто истощает землю (из которой

сделаны и сами) и перерабатывает в невозобновляемые отходы время, которое утекает вместе с водами тех рек, в которые невозможно войти дважды. (К слову сказать, те и другие (и самозабвенные, и самодостаточные) исповедуют гуманизм как высшую ценность, только ветви его, которые они почитают, разные. Одна все полагает во благо человека и во имя человека, а этот человек – он сам, собственной персоной, а другая вроде тоже самое, но главный человек иной – ближний, до забвения себя. Опять-таки принципы, слова и рассуждения этих двух царств часто почти неразличимы, а плоды – противоположны, их способ существования – непримиримая война.)

Слабеет от века к веку человек и это меняет православие, вернее, меняет практику церкви, которая снисходит к возможностям своих заблудших детей. Царство тьмы, напротив, становится наглее, откровеннее, увеличивая требовательность к рабам греха. Именно поэтому старые мотивы борьбы зла с добром в новейшие времена имеют новую аранжировку, но по сути своей не меняются ни на йоту.

«Мастер и Маргарита» предлагает посмотреть прекратился ли старый спор между светом и тьмой времен «Фауста» с исчезновением официального признания обществом Бога, точнее, с законодательным утверждением на уровне правительства, что Его нет. Нам, современным людям, сделать это в правильной последовательности трудно, поскольку мы и прошлое, и будущее привыкли измерять нашими сиюминутными аршинами, не делая поправки на время действия. Поэтому попытаемся схитрить и пройти путь по-новому, в обратном направлении – вспомнить, что в «Фаусте» имеется схожего с «Мастером и Маргаритой», а не по старинке – от родителей к детям.

Описание первого посетителя вечерних Патриарших прудов, попавшего в поле зрения двух литераторов, могло бы смутить нарочитой двойственностью его портрета: зубы разного цвета с левой и правой стороны, на разной высоте брови и уголки рта, разного цвета глаза. Однозначность была только в цвете одежды (серый костюм, ботинки и берет) и в набалдашнике трости.

Глядя на черного пуделя в руках иностранца, мы вспоминаем, что именно в его облике Воланд явился пытливому ученому в произведении Гете. Кто-то немедленно скажет, что там была другая кличка у проказника. Да, согласно времени и месту, посетитель тогда просил себя называть Мефистофелем, подтверждаем этот факт, который никак не может скомпрометировать в глазах почтеннейшей публики сатану, обладающего

свободой выбирать себе в любой момент любое подходящее имя. Но Берлиоз, вожатый писательского цеха, наверняка знал немало приключений гетевского доктора Фауста? А если знал, мог ли не заметить живую, броскую иллюстрацию из общеизвестного шедевра? Да, безусловно, и знал, и мог, но его пытливость и цепкость остались в прошлом. Сейчас же в нем остались одни неопровержимые убеждения, а они не оставляют места для сомнений и размышлений в голове, которой так скоро надо будет отделиться от туловища главы Массолита.

Нет, не мессир запорошил глаза Михаила Александровича. Он сам замечтался и забылся в грезах о новом рае, поверив, что вселилие человеческого разума, а не кто-то другой изгнал призрак Иисуса Христа из передового общества покорителей природы. Его сверхъестественного размера очки в черной оправе не помогли ему узнать своего настоящего вдохновителя и господина, и он, так и не разбудив своей совести, остался в искренней убежденности, что беззаветно, по правде служил одному-единственному объективному научно-техническому прогрессу. Не печальтесь, сострадательные сердца, служение Берлиоза не окончилось историей на Патриарших, оно продолжилось и продолжается, но об этом потом, в главе о бале, в части о чаше.

Сами того не заметив, мы воспользовались штампованными этикетками столетней давности на произведении Гете, которые, как нам кажется, должны быть сегодня уточнены и переиначены. Великое творение гениального поэта, классика сокровищницы мировой литературы. Конечно, такая оценка «Фауста» безнадежно устарела и только смелости не хватает нам открыто признать (постановить) это. Действительно, может ли современный, широко мыслящий человек, владеющий искусством толерантности и политкорректности, всерьез заинтересоваться главной проблемой, поставленной в поэме?

Единственный вопрос, который волнует немецкого автора (если он только не придуривается) – это возможно ли спасение для сознательных грешников, и если да, то что способно помешать его осуществлению. Начало поэмы и ее конец об этом прямо вопрошают и прямо отвечают. То, что между ними – это напряженная длительная борьба света и тьмы за души людей внутри этих людей.

Одни находятся в постоянном контакте с соблазнителем, другие встречаются с ним от случая к случаю, но все посвящено одному – исследованию того, как человек встречается с многоликой ложью, о чем беседует с ней, как примеряет ее на себя и облачается в нее, соблазняя других. При этом

выясняется, что все-таки остается ниточка, связующая его с жизнью, которая может вывести его к свету вопреки кровавым распискам и обещаниям, выданным князю тьмы. Мы настаиваем на том, что это главная и единственная тема книги Гете, все остальное в ней второстепенно.

Можно ли считать автора «Фауста» гениальным, а само произведение чем-то большим, чем надгробный памятник умершей литературы и умершей религии? Мог ли полноценный человек, живший во времена французской революции и революции в естествознании, всерьез беспокоиться о том, как вымышленные герои выбирают свое местопребывание в вечности? Если мы таким образом вынуждены, с великим снисхождением, принимать взгляды писателя, отставшие от мировых тенденций развития человеческой мысли, то чем он сам лучше своих мыслей?

Гете нынче тоже не меньше нуждается в снисходительном отношении. Думаем, что правда на нашей стороне, поскольку, сам того не замечая, читающий народ невольно голосует за и против гениальности той или иной книги. Убеждены, что сегодня не более одного процента наших сограждан прочитали Гете с желанием, а не по заданию в институте или не по указанию направляющего подзатыльника от родителей (которые и сами его не читали).

Получается десять тысяч на миллион, то есть всего полтора миллиона на страну. Подозреваем, что это число сильно завышено, а количество тех, кто с интересом, для расширения, а заодно и для проверки своего мировоззрения (при этом всерьез задумавшись о вечности), вникал в неисповедимые пути героев, надо уменьшить в 10, а то и в 100 раз. Теперь, после усушки и утруски, остается всего 15 тысяч человек на 17 миллионов квадратных километров или один читатель на тысячу квадратных километров*. Произведенные расчеты вынуждают нас напомнить, для сохранения взаимопонимания с потенциальным читателем, некоторые сюжетные линии «Фауста», имеющие свое продолжение и развитие в романе Булгакова...

(Мак. л.)... В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, — те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь,

* Объективности ради, нужно признать, что книга Гёте может быть полезна как прикладное пособие для обучения маркетингу. Заучивание монологов Мефистофеля перед Фаустом и другими заинтересованными лицами разовьёт до невероятных размеров навык одурачивать потенциальных покупателей.

то же будничное выражение на лицах, – он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдруг представятся – эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье “Христос воскрес!”, которое заменяет в этот день все другие приветствия, это поцелуй, который только раздается у нас, – и он готов почти воскликнуть: “Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!” Разумеется, все это мечта; она исчезнет вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полусонной беготни и суеты, пустых визитов, умышленных незаставаний друг друга, наместо радостных встреч, – если ж и встреч, то основанных на самых корыстных расчетах; что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, и говорят не о Воскресенье Христа, но о том, кому какая награда выйдет и кто что получит; что даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли. Вздохнет бедный русский человек, если только все это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: “У нас все есть – и семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивление всем”.

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, – так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильнее! еще больше! потому что узы, нас с ним связывающие, сильнее земного кровного нашего родства, и породнились мы с ним по нашему прекрасному небесному отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы – в своей истинной семье, у Него Самого в доме. День этот есть тот

святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека.

Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему <...> веку, когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; когда обнять все человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека; когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христианство в силах это произвести; когда стали утверждать, что следует ближе ввести Христов закон как в семейственный, так и в государственный быт; когда стали даже поговаривать о том, чтобы все было общее – и дома, и земли; когда подвиги сердоболия и помощи несчастным стали разговором даже модных гостиных; когда, наконец, стало тесно от всяких человеколюбивых заведений, странноприимных домов и приютов. Как бы, казалось, <...> век должен был радостно восприять этот день, который так по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движениям! Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не на деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день своего брата, как брата – он его не обнимет. Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, – он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мнениях, – он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, страждущий видней других тяжелыми язвами своих душевных недостатков, больше всех других требующий сострадания к себе, – он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза. Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, и часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, наместо того, чтобы призвать его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!..

(З. У. пр.) ... У Гете главный персонаж – слегка разочарованный профессиональный искатель истины, попутно усомнившийся в ценности бытия.

Он заключает договор с сатаной, по которому покупает недоступно-желанное для себя, а продает, сами понимаете... Ученый скептик получает пламенное влечение к себе своей избранницы, которая в своем выборе между всем хорошим (чему учила мать) и сердечным пристрастием к нему, жертвенно отрекаясь от всего хорошего, предпочитает последнее. Потом в пути у любовников появляется убитый ребенок, заодно с убитым братом сожительницы, подкрадывается безумие (шизофрения?) самой сожительницы и созревает смертный приговор для нее. Фауст не забывает подружку в тюрьме и в подходящий для бегства момент уже дежурит Мефистофель с черными конями наготове для того, чтобы скакать вместе с истинно влюбленными в страну покоя и воли. Но сумасшедшая Маргарита принимает участь, которую считает достойной своих преступлений и ее казнят. Этим оканчивается половина поэмы, а есть еще другая половина, в которой погоня уже не за живой, а мифической красавицей и безобразия не с пьяницами из плоти и крови, а с нечистой силой (на лысой горе), в миражах величественных исторических событий. Все, все чем возможно пресытить искателя вкусной жизни и затем окончательно разочаровать его во всем...

Не только в наше время, но и раньше, в былые времена, вторая часть «Фауста» меньше привлекала к себе внимания не только читателей, но и критиков. Например, уважаемый нами Сергей Фудель, знаток литературы и, что самое важное для нас, глубокий, живой христианин, в письме своему сыну (а такие личные письма, не для общих ушей, самой интонацией выражают подлинную значимость обсуждаемого предмета) говорит о второй части не просто как уступающей в художественной ценности первой, а как о лишней, бесполезной пристройке, без которой можно было спокойно обойтись.

Не для того, чтобы устроить дискуссию, а для того, чтобы яснее обрисовать наш взгляд на веру и литературу, зависящую от веры, сообщим наше частное мнение по поводу второй части «Фауста». С точки зрения христианской аскетики прельщение невидимым миром считается несравненно более глубоким падением, чем свойственная всем похотливость в отношении зримых прелестей мира сего. Телу доступнее грубое, примитивное, а потому оно более понятно очам души человека. Плоть, хотя и руководит поступками обычного грешника, не способна подменить ум его сокровенного человека, а заигрывание с духовным миром, с одной стороны, приносит несоизмеримо более тонкие и сладостные переживания, затмевающие все плотские утехы (люди, вкушившие погружение в неотмирные

галлюцинации*, начинают стыдиться общения с непросвещенными обывателями), а с другой стороны, незаметно сжигает орган, способный, пусть и задним числом, отличать подлинный духовный мир от эфемерного.

Очарование, вопиющее о необходимости возврата к нему во что бы то ни стало, и забвение блаженства реальности – вот порочный круг соблазненной на чудесный пустяк души, которой некуда возвращаться. Жизнь Сергея Фуделя была переполнена терпением соблазнов и боли от зримого зла, которого бы хватило на десятки и сотни его малодушных сограждан. Но эта явная брань уберегла его от встречи и брани с невидимым войском царства прелести. Немногим удалось бы вынести столько десятилетий страданий, выпавших на долю Сергея Иосифовича и не перестать ценить жизнь, но уже из этого малого остатка сохранить к ней светлое отношение смогли лишь считанные единицы (пример иного окончания противостояния мучителям – Варлаам Шаламов).

Этот непосильный большинству тернистый путь сплошных страданий таит в себе меньше соблазнов и искушений, чем война с духами злобы поднебесной. Поэтому трагичность и мудрость второй части Фауста скрыта неким покрывалом и оценить ее способны только те, кто это покрывало приподнял над собственной жизнью. Кроме того, сейчас найдется немного любителей и ценителей поэзии Гомера, а для них соприкоснуться с персонажами эпических событий древности в новое время и новыми героями будет дорогим подарком. Опять приходится вспоминать, что подобное познается подобным, а если подобного у познающего нет, то процесс познания даже не может начаться.

В руках Фауста, в его собственности, в подчинении его похотению оказывается вся слава и власть над царствами мира и их обитателями. Любая прихоть исполнима, нет недостижимого ему в его самых фантастических мечтах. Чего же вам боле? Но он, разочаровавшись в великолепных иллюзиях, оказывается, сохранил детское доверие к реальной жизни как к чуду, как к недостижимой красоте (которую нельзя положить в карман), которую не замечал, добиваясь мгновения экстаза, потому что смотрел не в ту сторону.

Именно верность истинному вместе с несогласием на его заменитель дала возможность обрести спасение Фаусту, вслед за прощением Небесами Маргариты, вопреки протестам инициатора их гибели с предъявлением рукописи, подписанной кровью. Желание смерти, даже подтвержденное распиской в лапах дьявола, можно отменить, если обратиться

* Например, наркоманы.

к милости Спасителя. Вот такой гимн величественной Божией милости, вызывающий раздражение у праведников, Гете запечатлел в своем «Фаусте». Как раз судьба одного такого праведника оказалась в центре смыслового узла «Фауста». Брат Маргариты, бесстрашный жертвенный воин, возвращающийся с полей сражений, застаёт дома обесчещенную сестру, а рядом с ней ее растлителей. В благородном поединке с ними, призванном наказать злодеев, Валентин получает смертельное ранение. Грешники, познавшие свет милости, которые окружают умирающего правдолюбца, просят его простить тех, кто, вступив в союз со злом, стал причиной гибели его семьи, но он непреклонен. Валентина не вдохновляет возможность спасения его врагов, его возогревает ненависть к делам тьмы. Правозащитник, отвергающий вечную жизнь людей ради принципов, уходит в ад, а грешники, когда-то наслаждавшиеся злом, наследуют рай. Какое несправедливое распределение квартир будущего века! Ну, как не обидеться на Бога?!

Сделаем необходимое замечание по поводу упомянутой в романе Булгакова опере Гуно «Фауст». По многочисленным воспоминаниям, Михаил Афанасьевич любил эту оперу более других и десятки раз бывал на ее представлениях. Надо отметить, что сходства в ней с произведением Гете примерно столько же, сколько похожего в опере «Евгений Онегин» на одноименный роман Пушкина. Но при этом либретто М. Карре и Ж. Барбье, если его считать самостоятельной литературной единицей, очень неплохое. Оно по-своему завязывает схватку Мефистофеля за души Фауста и Маргариты, по-своему ее завершает, но в постановке главного, определяющего вопроса произведения – останутся ли его герои во власти Мефистофеля или нет, – вполне соответствует оригиналу Гете, правда, без второй части...

(Мак. л.)... Нет, не воспрядновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует воспрядноваться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему – *гордость*. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее – гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдился хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства

выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. Стоит только прислушаться к тем оправданиям, какими он оправдывает себя в том, что не обнял своего брата даже в день Светлого Воскресенья. Без стыда и не дрогнув душой, говорит он: “Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой, он запятнал себя бесчестнейшим поступком; я не пущу этого человека даже в переднюю свою; я даже не хочу дышать одним воздухом с ним; я сделаю крюк для того, чтобы объехать его и не встречаться с ним. Я не могу жить с подлыми и презренными людьми – неужели мне обнять такого человека как брата?” Увы! позабыл бедный человек <...> века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди – братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое.

Все разом и вдруг им позабыто: позабыто, что, может быть, затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянув на них, взглянул он на себя и поискал бы в себе того же самого, чего так испугался в других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, – в виде, не пораженном публичным позором, но которое, однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Все позабыто. Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренья! Бог весть, может быть, иной совсем был *не* рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи и готова была облобызывать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевной, поддержал бы ее на краю пропасти.

Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогой любви было трудно достигнуть к его сердцу! Будто уже до того окаменела в нем природа, что никакое чувство не могло в нем пошевелиться, когда и разбойник благодарен за любовь, когда и зверь помнит ласкавшую его руку! Но все позабыто человеком <...> века, и отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы не поразились обонянье его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханьем чистоты своей. Такому ли человеку восприздновать праздник небесной Любви?

Есть другой вид гордости, еще сильнееший первого, – гордость ума. Никогда еще не возростала она до такой силы, как в <...> веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет название плута, подлеца; какое хочешь дай ему название, он снесет его – и только не снесет название дурака. Над всем он позволит посмеяться – и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него – святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы. Он позабыл и то, что нет всех сторон ума ни в одном человеке; что другой человек может видеть именно ту сторону вещи, которую он не может видеть, и, стало быть, знать того, чего он не может знать. Не верит он этому, и все, чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смиренья не может к нему прикоснуться из-за гордыни ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усумнится, но не усумнится в своем уме. Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей – нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие – и уже друг друга ненавидящие. Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, – дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного убеждения, из-за того только, чтобы не уступить противной партии, из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке – уже одна чистая злоба воцарилась на место ума...

(З. У. пр.)... В качестве главного ориентира мы будем опираться на первообраз «Фауста», но прежде чем начнем выявлять его родительские черты в романе Булгакова, сделаем краткую остановку.

Текст Нового Завета был написан четырьмя учениками Иисуса Христа, которые по названию своего труда получили титул евангелистов.

Сам Христос не оставил никаких письменных памятников. Он умел читать и писать, у евангелистов отмечены случаи, когда Он пользовался этими навыками, но убедительного свидетельства Своей проповеди на бумаге или камне в качестве автографа Он не оставил. Не оставил не потому, что тогда не умели бережно хранить документы, а потому что это противоречило Его целям. Сын Божий пришел с обращением к единственному месту, способному услышать и запечатлеть Его слово – сердцу человека. В случае, если бы ни одна душа не доверилась Ему, Его миссия была бы безрезультатной.

Первые христиане передавали друг другу Благоую Весть только устно, поскольку только лицом к лицу можно рассказать о великой тайне своей дружбы. Весть о Христе была живой, являлась выражением опыта отношений человека, грешника, нашедшего своего Спасителя, и Бога. Только субъективные впечатления, одно непохожее на другое, но никогда не отрицающие, не противоречащие друг другу, были достоянием первых общин. Однако с ростом учености в странах Средиземноморья многие премудрые мужи, не чуждые философии и любви к подзаконному порядку в природе, уразумели, что рассказам христиан не хватает объективности, и они же, в соответствии со своими научными взглядами, принялись фиксировать на бумаге устное творчество и биографию Учителя христиан.

Только после того как появились человеческие измышления о Христе, записанные порой хотя и добрыми, сочувствующими людьми, но согласнo их ограниченным, земным представлениям, в лучшем случае допускавшим иногда близкое, иногда отдаленное внешнее сходство с Подлинником, но не более, назрела необходимость противопоставить человеческим басням, способным запутать и увести от Истины неискушенных и наивных людей, свидетельства очевидцев, возрожденных Духом. Только после этого, вслед за апокрифами, появились четыре Евангелия вместе с посланиями и деяниями апостолов, составившие книги Нового Завета.

Хотя каждая из частей написана неповторимым стилем, присущим каждому из евангелистов, круг описываемых ими событий и степень подробности также имеют индивидуальный характер, но то, что они передали о Христе, было плодом их совместного труда с Духом Истины. В повествовании запечатлены черточки их личностей, но откровения Сына Божия они передали благодаря абсолютному слуху, не искажая их своими чувствами и домыслами. Они стали голосом другого,

а сами замолчали, не мешая его слушать. Вот эта чистота передачи особенно бережно и ревностно хранилась христианами, знающими, что именно клевета (в которую рассказчики искренне верили, как в правду) помогла развитию тайны беззакония, в том числе при предательстве и общественном суде над Иисусом Христом.

Так, при переводах на новые языки с трех основных – греческого, латинского, иврита (арамейского) – соборно обсуждали употребление того или иного термина, выверяя его евангельским духом. Новые переводы затем утверждались высшими иерархами церквей. (Так было и со славянским переводом, благословленным и в Византии, и в Риме.) Все эти сложности имеют одну причину: желание сохранить подлинник, не искажая голос Христа, а значит, самого Христа. Многим кажется, что другого можно знать приблизительно, главное признать его существование и предоставить ему равные права с прочими другими. Но это правильно только в том случае, когда важны деловые отношения. Дружба нуждается в доскональной точности при скрупулезной честности – это необходимое условие для ее существования.

По странному совпадению с романом Булгакова, у Гете явление черного пуделя Фаусту случилось сразу после того как мудрствующий ученый, отмечая старое, стал по своему рассуждению вновь переводить первый стих от Иоанна Богослова, в котором речь шла как раз о Христе. В греческом первоисточнике от Иоанна Он предстает под именем «Логос»: «Вначале был Логос». Древние языки значительно отличаются от современных тем, что слова в них являются емкими обобщающими символами, включающими все богатство сопутствующих смыслов. (Поэтому предложения в древних языках уточняли, какой частный смысл надо выделить в данном случае, в противоположность тому, как ныне пытаются обобщать разнообразные мелкие частности.)

Объясняя это с другого (нынешнего) края истории, можно сказать, что современный язык полон слов тонких по смыслу, указывающих на детали общего, подвергнувшегося многоступенчатому анализу. Этому языку для того, чтобы описать некое целое, нужно привлечь очень много слов-терминов из специфических областей знаний (поэтому, например, философы, историки, чиновники, политики, математики, крестьяне, литераторы, деловые люди и т. д., хотя и числятся представителями одной национальности, но цеховые диалекты зачастую делают их иностранцами друг для друга). Древнему же языку нужно было уметь говорить художественно и притчами, чтобы малым количеством слов передать особенности и частности. Мы не будем

упоминать многочисленные сочинения по поводу логоса, а предельно кратко выберем только три из его равноправных значений – «смысл», «слово», «дело». Именно «слово» вобрало в себя одно из имен Христа. Он – Слово, которое, конечно же, в отличие от нас, никогда не расходится с делом, которое совершается всегда и навсегда. Поэтому Его слово – истинно. Оно и смысл, который проникает во все и связывает со всем сущим, но смысл не в виде окончательной формулы, а развивающийся, обрастающий новыми гранями умного кристалла, а потому это смысл – живой, его нельзя выучить, но с ним можно быть.

Ученый-новатор в своем переводе засомневался в правильности старой трактовки, в которой первенство принадлежало невидимому творческому, а значит, для практичного наблюдателя – не оформившемуся и не утвердившемуся (не застывшему). Он совершил выбор как человек, для которого главное – результат в конце пути, и у него наиважнейшим, основным стал новый, иной оттенок в определении логоса – дело (на языке иностранцев – бизнес). Начало Евангелия от Фауста: «В начале было Дело».

Не можем удержаться от того, чтобы не коснуться эпохи, в которой творил Гете. Это было жаркое время перехода от зарождавшейся в считанных просветителях веры во всецелое человеческое разума к провозглашенной всем думающим миром вере в окончательную победу труженика и мыслителя над природой и темным наследием прошлого. Вызрела очевидность того, что начало, основа и будущее цивилизации – это дело, а значит, пришла светлая эра деловых людей и деловых отношений. То, что в обществе было еще семенем, только искавшим добрую почву, в сердцах будущих бизнесменов, в начале поэмы Гете, утверждается как вселенская религия благоденствия – удивительно, какое это могучее пророчество, могучее по своему железобетонному осуществлению, свидетелями чего мы являемся сегодня. Как пример рукотворной башни, доросшей до небес, мы укажем на самую передовую и могущественную страну современности, мечта которой, священный идеал есть самоосуществление себя в деле, которое дает право на проживание в его заоблачных верхних этажах.

Доктор Фауст по своему произволению изменил, подправил одно слово в Благой Вести и немедленно вслед за этим как много всего мистического приключилось с ним. Гете знал, что перемена одной йоты в Евангелии сделает все откровение о Сыне Человеческом подложным. Что же будет, если в Новом Завете изменить много слов?* Знал ли, может быть, догадывался или хотя бы задумывался об этом Булгаков? Теперь никто об

* Удивительно то, что количество измененных слов не повлияет на результат, ложь от этого не станет более качественной и сильной. Как для кражи у друга достаточно похитить грош, так для подмены истины достаточно похитить одно слово.

этом нам не расскажет, и поэтому продолжим о Гете. Имя Христа упомянуто в его произведении только раз на первых страницах, при этом к Нему нет личного обращения, к Нему проявлен лишь научный, то есть косвенный, интерес. Кроме того, почти неуловимо для посторонних, образ Его искажается (и тем самым подменяется), попадая под суд человеческого приземленного разума. Тем не менее, всю поэму Он теперь незримо присутствует в каждой сцене, поскольку решение вопроса о спасении людей ставит их перед лицом не мнимого, а истинного Христа. В личных отношениях с Ним человек обретает жизнь, подлинная жизнь может быть только вечной, поэтому ему надлежит постоянно совершать свой выбор – нужен ли им Иисус-друг со Своей милостью или нет? На наш взгляд, главное в трагедии Гете – это непрерывное развитие взаимоотношений между грешниками и Иисусом Христом. Продолжение исследования важнейшего принципа по сохранению жизни (смерть интересна только демонам) в новые времена, раскрывающегося в предстоянии творения перед Творцом и его борьбе с Ним, предлагает булгаковский роман. В нем унаследованы самые насущные проблемы своих прародителей, поэтому Иисус Христос, названный и утвержденный в первом диалоге его героев, невидимо стоит рядом со всеми персонажами до последней его точки. И за ней.

Есть очень важная особенность христианской веры (то есть ведения жизни не отсюда), которой поделился и делится со здешними людьми Христос. Не чувствуя, не понимая ее, многие из приходящих к Нему требовали знамений и доказательств, подтверждающих Его личность и Его слова. Он принес людям не новые знания и возможности, но Самого Себя им в друзья, поэтому такое отношение к дружбе с Ним без доверия к Нему решительно отвергалось Им.

Причина отказа от публичных сеансов демонстрации доброй воли не в том, чтобы сохранить рычаги для манипуляций над толпой, используя туман недосказанности. Нет. Просто закон, по которому действует добро (оно так устроено, оно такое по своей природе) говорит, что, выставляя себя напоказ (тем более для рекламы), оно теряет свою силу, свою правду. То есть хорошее дело, став явным для окружающих, достойно оплаты, но недостойно дружбы, оно просто не является ее частью. Любая показуха, всякое любование тем, что предназначено быть сокровенным, уничтожает реальность внутренних отношений. Интересно и то, что злые чувства вынуждены подчиняться тем же правилам поведения. (Люди это немножко понимают до сих пор, поэтому стараются скрыть свои гнусные мысли и планы в отношении ближних для

того, чтобы их вражде, их войне ничего не мешало. Для того, чтобы злоба и ненависть разгорались, их нужно таить в себе, ни с кем не делась. Тогда силы тьмы внутри человека вырастут до таких размеров, что с их помощью можно будет сокрушать горы. Кажется, раньше утверждали, что опасна не та собака, которая лает...) Для рассеянных мы уточним, что так происходит в личных отношениях, а в общественных все с точностью до наоборот. Законы в царстве кесаря противоположны законам дружбы. Большой трагедией для христианства было смешение границ царства небесного с границами царства земного, для чего была придумана некая симфония, способная совместить в единое несовместимое (то, что должно быть разделено совестью, для сбережения того и другого).

Область проблем, далекую от страстей мастера и Маргариты, нам пришлось упомянуть лишь для того, чтобы случайно не перепутать относительное и объективное добро с абсолютным благом субъективного. Прежде чем оставить своим вниманием царство кесаря, укажем, что для земных людей оно играет роль ширмы, за которой действуют невидимые для них силы добра и зла, не подвластные правилам природы, прописанным в университетских курсах естественных наук. Интересующихся же невидимым миром (ищущих свое небесное отечество) мы предупредим, что в нем духовные законы также неумолимо непреложны, как и в материальном мире, и им подчиняются не только действия небесного света, но и тьмы, с той лишь разницей, что цели и радости у них взаимоисключают друг друга.)...

(Мак. л.) ... И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех людей в одну семью? Ему ли услышать благоухание небесного братства нашего? Ему ли восприять этот день? Исчезнуло даже и то наружно добродушное выражение прежних простых веков, которое давало вид, как будто бы человек был ближе к человеку. Гордый ум <...> века истребил его. Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе еще никогда не давались, — и мир это видит и не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная,

незначаящая, которую допустил вначале человек как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главного и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку? Что значат эти так называемые бесчисленные приличия, которые стали сильнее всяких коренных постановлений? Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных, – посторонние, побочные влияния? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а божии помазанники остались в стороне?

Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святыне обычаи Церкви, небесный Хозяин которой не имеет над ними власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит, как незнакомый и чужой всем? Всем ли точно он незнаком и чужд?

Но зачем же еще уцелели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, – то младенчество, от которого небесное лобзание, как бы лобзание вечной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество и, как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно еще шевелит нашу душу? Зачем все это и к чему это? Будто не известно зачем? Будто не видно к чему? Затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу на Небе. И, завопив раздирающим сердце воплем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях <...> века, но в обычаях Вечного Века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый

друг обнимает великодушного, все ему простившего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог весть, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.

Но и одного дня не хочет провести так человек <...> века! И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь: все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздник этот празднуется, как следует, и празднуется так в одной его земле? Мечта ли это? Но зачем же эта мечта не приходит ни к кому другому, кроме русского? Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: “Христос воскрес!” – и поцелуй, и всякий раз так же торжественно выступает святая полночь, и гулы всезвонных колоколов гулят и гудут по всей земле, точно как бы будят нас? Где носятся так очевидно призраки, там недаром носятся; где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник Светлого Воскресенья воспризднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов! На чем же основываясь, на каких данных, заключенных в сердца наших, опираясь, можем сказать это? Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” – вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней...

<...> и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды – все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек...

(З. У. пр.)... Легко, без всякого принуждения забывается, что у людей с поврежденной природой очное явление Авторитета всегда ущемляет свободу. Особенно хорошо это понимают дети, старающиеся шалить, скрывшись с родительских глаз. На глазах же у них совсем другое поведение, так что даже те родители, которые стараются быть проницательными наставниками, воспитывая доверчивых и открытых наследников, очень плохо знают своих отпрысков.

Впрочем, по закону взаимности, отпрыски тоже совершенно не знают своих родителей. Это было еще одной причиной для Сына Человеческого не пребывать все время на Земле, а отойти в невидимую область, вознесясь к Своему Отцу с тем, чтобы не принуждая людей всем доступной очевидностью, оставить за человеком свободный выбор, без внешнего давления. (Составители «Азбуки» утверждали, что аналогичная причина была в явлении нам Христа облаченным в человеческую плоть. Это было нужно отчасти для того, чтобы не смущать и не подавлять Своим Божеством впечатлительных потомков Адама и Евы. То есть тело помогло Ему не только разделить с людьми их участь на земле, но служило подслеповатым, привыкшим к тьме детям защитой от яркого небесного света Его души.) Можно было подумать, что Вознесшийся исчез, и до Него теперь не докричаться оставшимся здесь не только в радости, но и в беде. Однако Новая Заповедь утверждает другое: Он с нами всегда, до скончания века. Это может стать для человека реальным опытом, знанием живой веры и только тогда он может честно признаться: «Я знаю Истину».

Бог очень чуток, очень заботлив и Он никогда не будет мучить человека Своим нежеланным или неожиданным присутствием, но будет ожидать его обращения к Себе, стоя рядом. Сокровенность Бога, раскрывающаяся явно только для друзей или будущих друзей, не просто

настаивает, но требует, чтобы никаких доказательств бытия Божия не было.

В противном случае исчезнет таинство жизни, так что просьбы в предъявлении доказательств добрых отношений или поиск этих доказательств – чистый соблазн, предлагаемый исподтишка тьмой. Но в то же самое время Бог остается внутри человека (своего гонителя) как заложник, как безгласная жертва грешника и разделяет с ним его боль, его страдание, умирая вместе с ним от его беззаконий. Многие люди обнаруживали с удивлением, что в самые мерзкие, гнусные моменты их жизнедеятельности они не были покинуты Им, а потому сохранены и, при желании, спасены.

Мы считаем, что все приведенные нами сведения достаточны для того, чтобы вновь подтвердить обоснованность нашей решимости весь роман проверить Христом (сопоставить с Его жизнью, с духом Нового Завета).

Но пока к Фаусту, который был искушаем дьяволом. Мы и тут выскажем свое убеждение насчет современного состояния проблем с искушениями. Представляется, что этой дилеммы – с кем остаться: с высшими или с низшими – сегодня нет. Люди нынче не выбирают, они даже забыли, что когда-то выбирали, и не могут себе представить, как это можно отказаться от того (любви прелестниц и прелестников, острых ощущений, власти над прошлым и будущим, неисчерпаемых преимуществ перед другими...), что само идет тебе в руки.

В «Азбуке» такое состояние человека называется страстью, то есть привычным поведением, при котором, не замечая нездоровых поступков и чувств, как при хронической болезни, без которой болящий и представить себя не может.

В этом состоянии момент сомнения в правильности своих действий, как и момент борьбы с дурным желанием, начисто отсутствует, так что страстный не может заметить, когда и где он решил поступить гнусно, а если его будут обличать обстоятельства извне, то причина дурного поведения будет обнаружена человеком вне себя. Так научили (или не научили); так все поступают (например, если ты не взял чужое, кем-то потерянное, то оно пропало бы и не досталось никому); поступил плохо, но другие бы на этом месте натворили бед намного больше; он первый начал; много хорошего сделал перед этим, поэтому устал и не хватило сил; обиделись, потому что не доросли до моего уровня; с этими негодаями нельзя иначе поступать – подобным самоочевидным для лицемерия оправданиям нет числа.

Но и это не последняя глубина падения. Следующее по степени солидарности со злом и запущенности в степени разложения – это состояние порочности. В нем делатель зла аргументированно его защищает от упреков совести, обороняет его от внешних обличений с применением силы и утверждает его открыто при каждой возможности, так что даже противоестественные вещи наделяются достоинством, заслугой, а не позором. Сам же источник и носитель порока выставляется как некий эстет с некими природными преимуществами его эксклюзивной натуры перед обычными людьми. Видим, от искушения до очарования злом большая дистанция, часть которой еще предстоит пройти всему человечеству и его бытописателям, значит, будут новые романы о блудных детях и их путешествиях на страну далече.

Пусть не для романа, а для рассказа с современным сюжетом можно предложить историю человека, который пакостит в лифте, а в ответ на замечание, что так нехорошо, нельзя, он наотмашь бьет по физиономии или убивает бессовестного, сующего нос не в свое дело, нахального моралиста. В развитие темы можно показать реакцию на этот эпизод либеральной элиты блошинных войн, которая устроит транслируемое на весь мир всенародное шоу с интимными признаниями супергероя, в торжественной и праздничной обстановке утверждающего свою низость, как новое достижение свободы при увеличении широты взглядов на общечеловеческие ценности.

Раз уж нам пришлось вспомнить Гете, то по необходимости придется вспомнить и предшественника его произведения. История, рассказанная немцем, имеет свой прототип в Библии, причем не отдельным эпизодом, а целой книгой в ней.

Это, конечно, не первое откровение об отношениях человека с добром и злом на страницах Ветхого Завета. Все до единой человеческие личности в вечной книге, начиная от Адама и Евы, встают перед выбором, с кем им пребывать: с Богом или с Его противником. Кстати, первый человек тоже беседовал с искусителем и согласился с тем, что его предложение интереснее, чем предложение Творца. С сожалением должны в его оправдание сказать, что люди все до единого, чьи имена названы в Библии, поступили в конце концов точно также, с той лишь разницей, что одни согласились пожить для себя сразу, а другие – повременив. Все они по завершении земной карьеры перешли в места, соответствующие их выбору, однако момент борьбы против искушения или сожаление о своем поступке разделили их на тех, кто был рад тому, как все устроилось и тех,

кто ожидал прощения своей измене (которая могла быть подлой или крохотной, почти неуловимой, такой, как сомнение в друге или желание отдохнуть от него)*.

В Библии ситуациям, в которых праотцы и отцы мечутся между светом и тьмой, отводится от нескольких слов до пространных повествований, и только одна книга Иова целиком посвящена брани одного человека с сатаной. В удобном месте мы еще сравним развитие судеб, искушаемых дьяволом, в трех указанных книгах, связанных между собой одним мистическим сюжетом, и даже предложим сюжет для следующей, четвертой ситуации, в которой должны будут оказаться люди, поддавшиеся соблазну (а может уже оказались?) в результате развития во времени процессов, описанных в книге о многострадальном человеке. Он же представляется в ее начале справедливым и удаляющимся от зла, насыщенным богатством и детьми, сходящимися в свой день на радостный пир. И в особый день прихода сынов Бога перед Господом Сам Господь свидетельствует об Иове, как единственном на земле непорочном и удаляющемся от зла.

Тут начинается беседа Господа с сатаной, который сомневается в искренней богобоязненности Иова, имеющего много благ. Даром ли отказался от зла этот человек, или его хорошее поведение куплено Господом различными благодеяниями к нему, останется ли он добр к Богу, если ничего другого, кроме Бога, у него не останется? За этим вопросом стоит утверждение: «Ты, Господи, ему не нужен, ему нужны Твои возможности и Твое богатство».

В этом месте могут возмутиться проницательные граждане, ссылаясь на то, что между Богом и сатаной не может быть общения, поэтому все эти беседы – бессовестный вымысел. С одной стороны, мы безусловно согласимся с ними, поскольку ничего общего между истиной и ложью быть не может, но с другой стороны, укажем на современное всеобщее заблуждение, в котором полагают, что беседу между двумя враждующими субъектами можно назвать общением. Раз нет общего, то нет общения. А обмен словами в этом случае называется не беседой, а спором, в котором по крайней мере одна сторона не желает признавать другую своим ближним. Так что обмен словами между Богом и сатаной выражает спор между ними с первого дня творения человека до его последнего дня на земле, который можно передать так: Бог говорит, что человек хочет жить, признав главным для себя своего друга, а поэтому он – Его, а сатана кричит

* Мы согласны, что это похоже на повтор, но считаем, что это не повтор, а подобие в одном из вариантов обрамляющего орнамента.

о том, что человеку кроме него самого никто не нужен, разве только как объект для получения чего-нибудь приятного, и поэтому он – его. Ничего другого между Светом и тьмой не обсуждается, причем главная баталия происходит в сердце человека, который должен согласиться с доводами либо Света, либо тьмы – либо Бога, либо дьявола.

«Азбука» считает, что вся история человечества составляет воплощение этого спора во всех народах и в каждом человеке до скончания века, так что разговор сатаны с Творцом в книге Иова – лишь фрагмент общей всемирной невидимой брани, открытый для назидания всем желающим слышать тайное. В нем прикровенно свидетельствуется, что по единому для всех закону Господь хранит и оберегает людей от трудов, ставших непосильными для их природы, раненой эгоизмом. Не для насмешки или унижения на сынов Божиих была возложена забота обо всем мире. Быть царем и служить каждой нуждающейся твари – это не лагерная повинность заключенного, а блаженное бытие свободного бога-человека, любящего всех.

Не видеть, как к тебе относится другой, означает отсутствие отношений, веру в ложь, которая умалывает, а значит, убивает другого. Люди не чувствуют, не видят совестью, что всегда живут в милости, всегда оберегаемы и прощаемы, всегда одарены настолько, что не умеют этого оценить и стать благодарными за щедрую благосклонность. Напротив, все бесповоротно убеждены, что Бог не додал и не додумал, что бросил и, насмехаясь, постоянно угрожает истязаниями, что добро в людях наказуемо, и появление всего лучшего и разумного обошлось без Его вмешательства, благодаря любящей матери-природе, вопреки Ему.

Причина этих диаметрально противоположных взглядов на Бога (нами учтены и те, кто считает, что Бога вовсе нет, исходя из того, что Его присутствие незаметно, а значит, если Он и есть, то является ничтожеством, которое можно не учитывать. Очевидно, что такая точка зрения выработана великодушными гуманистами и совпадает с точкой зрения гуманистов обиженных, отличаясь лишь эмоционально окраской) во многом соотносится с различием самооценки у Его судей.

Тот, кто знает про себя, что больше возлюбил грех, чем кого-либо, не сомневается в том, что причиной несчастий на земле является он сам. Так, если бы он реализовал все свои благие таланты, то все вокруг него, включая нехороших людей, не заметили бы своего губительного положения, пребывая в блаженстве взаимности. И в нынешнем его положении, если бы Бог не миловал его постоянно, не покрывал от его собственного зла, то давно бы уже и он сам, и все вокруг было бы осквернено и разрушено.

Те же, кто знает про себя, что больше возлюбил свет, чем тьму (то есть не может без добрых дел, справедливости, честности, красоты, культуры, научного творчества, свободы, не выносит низкопоклонства, лизоблюдства, невежества, ханжества, лицемерия, великодержавного шовинизма и узколобого национализма, пьянства, радикализма, косности и всяческой демагогии, и прочего непотребства) ясно видят, что их добру противостоят враждебные вихри и тираны с террористами, постоянно похищающие плоды непосильных трудов и заслуженные награды за них. Так что, если преодолеть темные силы и уничтожить их носителей, тогда естественным образом добрым людям будет счастье на века, однако «несправедливый» высший разум не наказывает негодяев и всеми силами мешает лучшим из лучших осуществить свою мечту.

Собственно, основываясь на этих двух точках зрения, можно передать спор сатаны с Богом в книге Иова, в котором дух одиночества утверждает, что среди людей нет никого, кто видел бы заботу Господа о нем, кто нуждался бы в самом Господе, а не в подачках от Него.

Господь соглашается предоставить возможность Иову выявить свое отношение к Нему, честно ли, бескорыстно ли он дружит с Богом. При первом испытании сатане запрещено касаться самого Иова. Покров милости снят со всего его имения и тут же гибнут его дети и хозяйство. Иов не воспринимает это как незаслуженное наказание и остается благодарен Господу. При второй беседе с Богом сатана справедливо замечает, что ущерб Иова был бы значительней, если дать возможность крушить его кости и плоть. Господь снимает Свой кров с тела Иова, но запрещает трогать его душу. (Только после прихода Сына Человеческого и Его победы над сатаной, в результате которой тот упал с небес, человеку стало возможно душой встретить дьявола и не подчиниться ему, оставаясь в единстве со своим Спасителем, войдя в Его победу над ним. С возвращением людей в сыновство Богу им вернули возможность властвовать и над духами тьмы).

Утрата здоровья Иовом, погружение в непрерывное страдание без надежды на его окончание вдруг обнаруживают, что при таких обстоятельствах он не рад жизни и проклинает день своего рождения и даже ночь своего зачатия. Свое горе оказалось сильнее радости жизни, радости пребывания с другими. В своем крайнем страдании Иов не заметил, что храним Господом и не оставлен с испытаниями один на один.

Дальше можно было бы подчиниться малодушному предательству и пойти по пути разрыва всех отношений с Богом. Тем более, что даже любящая заботливая жена от искреннего сочувствия к нему посоветовала

похулить Бога и поскорее умереть без длительных страданий. Давние друзья, как умные мужи, видя безмерные страдания Иова, испытывали его совесть пробуждением сомнений в том, что у него действительно были добрые отношения с Господом.

Да, может быть предательство настоящего, но может быть и предательство прошлого. Если оно не хранится живым в благодарном сердце, то дружба умирает не только в настоящем, но и исчезает то, что, казалось бы, было. Например, в случае, когда память о подаренной взаимности хранится небрежно, то она перестает переживаться как подлинная, а начинает восприниматься ложной, мечтательной и даже презренной до тошноты.

Иов – удивительный пример того, как человек может ценить отношения с Богом (а значит, и вообще любые личные отношения) выше своего благополучия, своего здоровья, всего того, что сегодня у людей цивилизованных входит в набор совершенно необходимых вещей для счастья. Кажется, что он, оставшись с Господом, тем самым отказался от своих умерших детей, отказался от жены и друзей, утратив взаимное понимание. Действительно, объективное восприятие произошедшего толкало Иова в бездну отчаяния от безысходности утрат, но своей глубиной он робко догадывался, что подлинная (*par excellence*) потеря близких была бы при потере его единства с Вечностью. Субъективное, недоступное другим для объяснения, подсказывало, что, сохраняя единство с Господом, он сохранит всех их, найдет их, ведь у Бога все живы. Господь не Бог мертвых, а Бог живых. Именно эта спасительная вера позволила Иову отречься от своей неправды, раскаяться в пепле и получить животворящее прощение. Узнав милость, он просит у Господа милости своим друзьям и те тоже оживают. По отношению к Иову Бог зримо утверждает заповедь милосердия, которая действует и будет действовать всегда и по отношению ко всем людям. Точно также, позволив злу, тлению коснуться всего, что есть у человека, – всего, что в руке у него (как и у Иова, включая детей) и его самого, злу запрещено Господом распоряжаться душой человека. Мы сами и только сами торгуем ею, никто иной без нашего согласия не может посягнуть на нее...

(Мак. л.)... Вы напрасно негодуете на неумеренный тон некоторых нападений на “Мертвые души”. Это имеет свою хорошую сторону. Иногда нужно иметь противу себя озлобленных. Кто увлечен красотами, тот не видит недостатков и прощает все; но кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить ее так ярко наружу, что поневоле ее

увидишь. Истину так редко приходится слышать, что уже за одну крупницу ее можно простить всякий оскорбительный голос, с каким бы она ни произносилась. Самые эпиграммы и насмешки надо мной были мне нужны, несмотря на то, что с первого разу пришлось очень не по сердцу. О, как нам нужны беспрестанные щелчки, и этот оскорбительный тон, и эти едкие, проникающие насквозь насмешки! На дне души нашей столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежеминутно нас поражающую руку.

Я бы желал, однако ж, побольше критик не со стороны литераторов, но со стороны людей, занятых делом самой жизни, со стороны практических людей; как на беду, кроме литераторов, не отзывался никто.

Никто не заметил даже, что последняя половина книги отработана меньше первой, что в ней великие пропуски, что главные и важные обстоятельства сжаты и сокращены, неважные и побочные распространены, что не столько выступает внутренний дух всего сочинения, сколько мечется в глаза пестрота частей и лоскутность его. Словом, можно было много сделать нападений несравненно дельнейших, выбрать меня гораздо больше, нежели теперь бранят, и выбрать за дело. Но речь не о том. Речь о лирическом отступлении, на которое больше всего напали журналисты, видя в нем признаки самонадеянности, самохвальства и гордости, доселе еще неслыханной ни в одном писателе. Разумею то место в последней главе, когда, изобразив выезд Чичикова из города, писатель, на время оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится сам на его место и, пораженный скучным однообразием предметов, пустынной бесприютностью пространств наших и грустной песней, несущейся по всему лицу земли русской от моря до моря, обращается в лирическом воззвании к самой России, спрашивая у нее самой объяснения непонятного чувства, его объявшего, то есть: зачем и почему ему кажется, что будто все, что ни есть в ней, от предмета одушевленного до бездушного, вперило на него глаза свои и чего-то ждет от него. Слова эти были приняты за гордость и доселе неслыханное хвастовство, между тем как они ни то, ни другое. Это просто нескладное выражение истинного чувства. Мне и доньше кажется то же. Я до сих пор не могу выносить тех заунывных, раздирающих звуков нашей песни, которая стремится по всем беспредельным русским пространствам. Звуки эти выются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущает в себе того же. Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не

заселенные и бесприютные пространства не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому – именно ему самому, тот или уже весь исполнил свой долг как следует, или же он нерусский в душе...

(З. У. пр.) ... Современному человеку, привыкшему к чистейшей лжи, трудно заметить падение Иова, но оно было. Его друзья говорили о Господе верно, но не совсем. Иов говорил о Господе точнее, но не до конца. И эта недосказанность правды точно так же превращает ее в ложь. (В этом месте нам бы хотелось обратить внимание на то, что, как и все настоящее, правда может стать истиной, если она испытывалась по самому большому счету, без скидок и натяжек. Поэтому очень трудно понять Библию именно потому, что она все время хочет нам изъяснить подлинные смыслы вещей именно этой единственной, самой великой меркой, совершенством без примеси какой-либо тени или недостатка.)

Но не только неполнота правды Иова нуждалась в прощающей милости. Он сам в начале своих упреков Господу упоминает Левиафана как символ злодейства, как имя, которое скрывает пробудившегося среди людей сатану. В своем откровении ему, Бог прямо говорит, что хранил Иова от встречи с царем всех сынов гордости, против которого вся сила человеческая падет поверженной одним его взглядом. Что ему земное, если на его шее обитает сила, от которой перед ним бежит ужас, если он за собою оставляет светящуюся стезю, так что бездна кажется сединою, и на все высокое он смотрит смело. Не только прощения грехов, избавления от смерти, но и победителя зла, того, кто упразднит его царство – ад, ждали верующие времен Иова и после него, вплоть до прихода Сына Божьего. Иов не мог, как Фауст, встретиться и беседовать с сатаной, а если бы встретился, то непременно погиб бы. Иов не мог написать роман о хороших людях, потому что не знал таковых. Но Иов не стал бы не только отчаиваться и сходить с ума, но даже не расстроился бы от того, что его роман не напечатали, а при этом еще и полили грязью.

Нашему современнику эти утверждения могут показаться бездоказательными из-за того, что страдания Иова не представляются сегодня крайними до невозможности, но его следующее, последнее искушение было сложнее, чем перенесение самых тяжелых испытаний. Оно не выделено особым образом, поскольку, как и везде в Священном Писании, нет указующих восклицаний, нет наводящих подсказок, но ищущий найдет, ему помогут не извне – осветят смыслом изнутри.

Пройдя через страдания, Иов в богатстве и довольстве, в счастье с женой и благополучными детьми, не забыл свое главное сокровище. Это испытание изобилием, в котором главное не в объеме накопленного золота, а в умении думать и рассуждать, в многообразии увиденного и пережитого, в насыщенности высокими отношениями и высоким положением, в преодоленных скорбях и падениях, многократно сложнее, чем собственно испытание злом. Быстрее всего, беспечальней и неотвратимее теряется взаимность, предаются друзья в изобилии, в потоке разнообразных наслаждений, в счастье тела вместе с его пресыщенными чувствами и превыспренным умом, в сонном покое сердца.

Одна из причин искушения Фауста была именно в его переуслаждении богатством разума, сопровождаемым беспечным довольством человеческих потребностей. В романе Булгакова испытания условиями существования на зависть другим дано было пережить Маргарите Николаевне. Всю свою обеспеченность удобствами и эксклюзивными возможностями она приняла стоически спокойно, на гнев и недоумение многим приличным женщинам. (Кто объяснит им, как можно быть несчастной в такой нирване?) Благополучие, подтверждаемое со стороны испепеляющими взглядами жадных, насытых сердец, алчущими его как сверхчеловеческой удачи, не обеспечило молодой замужней женщине блаженства. Маргарита обнаружила себя несчастной. (Вы не поверите, но так бывает с каждым, кто надеется на богатство. Нет, мы не хотим отговаривать любознательных от стяжания больших состояний, мы просто предлагаем им не прилагать (не отдавать) любому капиталу все свое сердце.) Не только у Маргариты, но и в судьбе ее мастера можно найти подобное испытание избытком, и результат этого испытания, как и положено у любовников, был у него подобен. Но об этом подробно позже, а сейчас возвращаемся к пуделю.

Воланд положил свои руки на черный набалдашник своей трости...

Мы вменяем себе в обязанность все время указывать на то, как консультант и его служители (в роли которых частенько бываем и мы, предупреждаю тебя, читатель) переиначивают, подменяют, перевертывают все, что есть в достоянии у Христа и Его Церкви. (Слово Церковь требует объяснения, мы обязательно приведем относительно нее сведения из «Азбуки», но сделаем это в месте, где визитеры будут глумиться над ней открыто.) Одним из действующих (а не изображающих только) символов власти и могущества предстоятелей церкви (власти служить погибающим, могущества прощать им грехи, избавлять от смерти) является посох. Трость, на которую были возложены обе руки Воланда, представляла из себя посох

сатаны, неузнанный и нераспознанный Берлиозом и Бездомным. Будь они не так азартны и чуть повнимательней, то непременно бы поклонились державному могуществу посоха, а потом только иным, специфическим атрибутам иностранца (иностранца в широком смысле этого слова – из небесной страны). Но они не узнали мистического посоха, у которого власть, как у клинка, наводящего ужас для подчинения слабых, а могущество – сила, толкающая их на грех и смерть. Подобно тому как церковные иерархи пользуются посохом вне богослужения, которое они всегда возглавляют, так и Воланд ходит с ним между сеансами черной магии, на которых и так ясно, что он – первый. Сигнал для посвященных подан, но нет рядом пока ловких и продвинутых учеников в его хитроумной науке разделять и растлевать, чтобы принять, распознать этот сигнал, после чего прозорливцу* необходимо засвидетельствовать свое глубокое почтение, а не то...

* В романе есть несколько примеров таких проницательных и осторожных людей.

Глава VIII. ГЛАЗА РАЗБЕГАЮТСЯ

(пестрая)

Но и эти шатаются от вина и сбиваются с пути от сикеры; священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждениях спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет *чистого* места.

Исаия

Я не могу не верить этим слухам, потому что сам их распускаю.

Марк Твен

Начнем внимательней приглядываться к интимной встрече литераторов со своим хозяином. Может быть, мы кого-то возмутили или даже обидели своим призывом, ведь справедливость настаивает на том, что знакомство, в результате которого пострадали Берлиоз и Бездомный, не может быть дружественным, братским. И вообще, как можно считать себя хозяином, когда тебя в глаза не видели? На это у нас есть несколько соображений. Во-первых, нам только предстоит исследовать, действительно ли пострадали литераторы, или их дальнейшая судьба представляла собой своеобразную награду за верную службу. Во-вторых, этот хозяин никогда и никому другого завершения знакомства с ним и не обещал. В-третьих, ну почему драматурга-кукловода, которого не видят марионетки, исполняющие прописанные роли, нельзя считать хозяином? В-четвертых, он пришел к ним для перехода от заочного к очному знакомству, а их непроницаемость и плохое поведение никак не бросают тень на него самого.

Впрочем, внешний вид иностранца действительно может смутить и запутать любого случайного прохожего. В его облике можно выделить глаза, а остальное не так важно, так как он может менять его по своему усмотрению. В чем захотите, в том и явится, а может для вашего удовольствия явиться в неожиданном шокирующем виде, щекочущем ваше воображение.

* Если вы свободны, независимы, то в этом случае ваше недовольство нами оправдано. Но не для нас, для себя, в тайне от других попробуйте убедиться в своей свободе и решительно отложите хотя бы на три дня свои привязанности, привычки, вплоть до самых пустяковых. Вы действительно всегда независимы?

Впрочем, глаза он тоже выбирает на свой вкус, ну так и посмотрим, какой у него сегодня вкус.

Глаза разного цвета говорят о двойственности хозяина (люди, не бойтесь, если природа вам подарила глаза с разным пигментом — это ничего плохого не говорит о вас. Главное не их цвет, а их выражение, но, если вам самим захочется иметь разные глаза — это совсем другая история), так как любая многосложность у духовных объектов говорит об их принадлежности царству тьмы. (Для наглядности вспомним людей, которые сочувствуют сложным натурам и сами таковы. Сегодня они могут быть искренно добры и чувствительны, а завтра утром, как бы невзначай, холодны и обижены. Первое располагает к себе и открывает душу для встречи, а второе гадит в нее, доверчивую, так, что жить не хочется. В наш скупой на взаимность век такая приманка действует безотказно, так что стала появляться новая мода опускать крючок без приманки — все равно клюет, а силы на изображение симпатии к жертве остаются сэкономленными.)

Второе, что можно сказать о глазах, это то, что о них нынче очень редко говорят. При помощи глаз человек видит физические объекты, но не только. При помощи глаз человек способен говорить, может быть, самым проникновенным языком. Мы, конечно, не забываем, что в нашей суетливой повседневности все люди легко и с желанием принимают, но отдают с большим трудом и без желания (если это что-то ценное, а не дрянь — тогда делятся со всей щедростью и любезностью). Общество молчаливо одобрило некое одностороннее, неравноправное поведенческое сообщение между эгоистами, все к этому привыкли. Все сказанное, конечно, относится и к взаимодействию глаз.

Не случайна современная мода на отражающие зеркальные окна и черные очки. Одни люди не хотят отдавать вам хоть самую малость от взгляда своих остекленевших очей, другие люди, как слепцы, прикрывают темными стеклами пустые глазницы бесчувственной, глупой души. Как пример для их подражания — черный глаз Воланда, из которого не исходит не искорки света. Бездна, в которой тонет любой свет отношений, любое обращение к нему и любая частица залетевшей в его зенки жизни, становится бывшей, исчезает без следа. Зияющая пустота, представленная для обозрения любопытствующим, которые нуждаются в острых ощущениях гибельного восторга. (В том числе и от созерцания черного квадрата.)

Мы должны признаться, что в первую очередь заговорили о внешности Воланда не из-за его глаз, лица или комплекции, мы сделали это из-за Николая Васильевича Гоголя. Именно Гоголя Булгаков считал своим главным

учителем, самым близким по мироощущению писателем. Мы верим Михаилу Афанасьевичу, а это значит, что личность и творчество Николая Васильевича для него не просто дороги, а имеют исключительную ценность, способную не просто обогатить его как учащегося у него, но в своем творчестве он, как по крайней мере считает сам, становится продолжателем дела учителя, хотя и со своим индивидуальным, неповторимым почерком.

Слово «ученик» прозвучит и в «Мастере и Маргарите», и, хотя там будут учитель и ученик совсем других наук, но принцип наследования и продолжения трудов отца, как и принцип отцовства, будет тот же. Как усвоение сыном характерных фамильных традиций и особенностей во взглядах, стиле речи и даже излюбленных словечках отца, хотя и достаточно естественно в нашей повседневной жизни, но у самих родителей рождает милое чувство в те моменты, когда их отпрыск невольно предстает их копией. Трогательно простодушная душевная наследственность также, как и творческое сыновство, согревает всех его свидетелей добрым светом нечаянного, а потому подлинного родства душ.

Нет, не внешний облик приехавшего в Москву иностранца роднит его с приехавшим в город N деятелем «Мертвых душ». Ни стар, ни молод – ну, ведь это хотя и похоже на 40 лет, но слишком неопределенно, чтобы проводить сопоставление с кем-то. Двух героев из разных книг и эпох роднит та манера, в которой они написаны художниками. Сходство в восприятии мира отражается и в технике мазка живописца. Не толстый и не тонкий, росту не маленького и не громадного, – да ведь это, наверное, об одном и том же человеке один и тот же писатель? Схожие портреты в начале поэмы и романа, также как и одни и те же лошади в их конце, означают одну рамку для наблюдаемой картинки, высветляют одну мысль в двух разных временах, а потому, казалось бы, в двух разных народах. Какая межа из исторических потрясений в промежутке между «Мертвыми душами» и «Мастером и Маргаритой», перепавших всех и каждого в русской сторонущей, успевая лечь между населяющими ее людьми, но как одновременно с этим они между собой похожи до смешного и до ужаса, как будто ничего и не было: ни времени, разделяющего их, ни кошмара, рожденного в разделившее их время...

(Мак. л.)... Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски великодушном движении многих государей, действовавших даже в ущерб собственным выгодам. А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в применение, в умение приложить данную

мысль таким образом, чтобы она принялась и поселилась в нас. Указ, как бы он обдуман и определителен ни был, есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желанья применить его к делу той именно стороной, какой нужно и какой следует и какую может прозреть только тот, кто просветлен понятием о справедливости Божеской, а не человеческой. Без того все обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ, для которых новый указ есть только новая пожива, новое средство загроздить большей сложностью всякое отправление дел, бросить новое бревно под ноги человеку! Словом – везде, куды ни обращусь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат: или виноват тем, что поторопился, желая слишком скоро прославиться и схватить орденишку; или виноват тем, что слишком сгоряча рванул, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвование; не расспросясь разума, не рассмотрев в жару самого дела, стал им ворочать, как знаток, и потом вдруг, также по русскому обычаю, простыл, увидевши неудачу; или же виноват, наконец, тем, что из-за какого-нибудь оскорбленного мелкого честолюбия все бросил и то место, на котором было начал так благородно подвизаться, сдал первому плуту – пусть его грабит людей. Словом – у редкого из нас доставало столько любви к добру, чтобы он решился пожертвовать из-за него и честолюбьем, и самолюбьем, и всеми мелочами легко раздражающегося своего эгоизма и положил самому себе в непременный закон – служить земле своей, а не себе, помня ежеминутно, что взял он место для счастья других, а не для своего. Напротив, в последнее время, как бы еще нарочно, старался русский человек выставить всем на вид свою щекотливость во всех родах и мелочь раздражительного самолюбья своего на всех путях. Не знаю, много ли из нас таких, которые сделали все, что им следовало сделать, и которые могут сказать открыто перед целым светом, что их не может попрекнуть ни в чем Россия, что не глядит на них укоризненно всякий бездушный предмет ее пустынных пространств, что все ими довольно и ничего от них не ждет. Знаю только то, что я слышал себе упрек...

(З. У. пр.)... Произведение ученика также, как произведение учителя, повествует о том, как заезжие дельцы будут скупать мертвые души. Конечно, у Гоголя скупка совершается с помощью посредников – через помещиков. Но ведь и помещик, продававший мертвецов, как живых, сам к ним общается, он тоже куплен злом и тоже становится мертвецом. У Булгакова, скажете вы, ничего такого нет, там другая схема торговли. Да просто

время иное – помещиков нет (видно, за смертью их души и тело приказало долго жить), потому и торги ведутся непосредственно с крепостными, с подневольными рабами новой эры*, без промежуточных звеньев, что удешевляет сделку, вдобавок при этом обычно расплачиваются фантиками и этикетками, а не ассигнациями. Еще одна деталь, вызванная временем, отличающая одну скупку от другой, это то, что Павел Иванович был вынужден ездить за товаром, а к Воланду сбегались сами, да еще выстраивались в очередь. Ну, эзоповская «Ворона и лисица» в переводе Крылова.

Для нашего дальнейшего исследования полезно вспомнить, что сам Николай Васильевич говорил о своей поэме. (При этом нельзя пройти мимо того, что Гоголю (как и прочим классикам) критики, вместе с другими заинтересованными лицами, не верили, считая их объяснения в лучшем случае дымовой завесой. Можно сказать, что они даже не обращали внимания на его высказывания, как на неразумные, и строчили свое прогрессивное, выставляя несчастного писателя обличителем разбойничьего помещичьего строя и бесчеловечных крепостнических порядков. Уже в то время, между золотым и серебряным веком поэзии, стало ясно всем, что писатели просто не способны понять того, что пишут, ну а в наше время (между стальным и пластиковым) эта норма кое-где уже закреплена юридически и за публичное отрицание ошибочности позиции автора в отношении своей писанины экспертам от литературы положено реальное наказание.)

Говорил же Гоголь, что изобразил в поэме не мерзких представителей царской власти, а страсти. То есть не людей, а виды состояния человека, присущие каждому из нас, но только приклеенные, как в сказке, к одной отдельно взятой физиономии. Можно сказать, что на лица персонажей натянули маски, не снимаемые даже во время отдыха на протяжении всего срока повествования. Но теперь скажите, можно ли художника считать великим, если злодейство у него всегда совершают недостойные сострадания ничтожества, пригодные только для обличений со стороны специалистов, для презрения со стороны обычных граждан, для уничтожения со стороны спецподразделений, а со стороны мудрых избранников из смешанной толпы – снисходительной усмешки?

Проблема личности становится бездонной в том случае, если на путь зла становится человек добрый, умный, талантливый благородный, способный своей дружбой сделать счастливым любого. Тут трудно понять причины и

* Рабство бывает не только социальным. В азбуке написано, что делающий грех не свободен – он раб греха. Впрочем, в ней говорится и о людях, слышавших эту правду из уст Христа, но не согласившихся с ней. Так они и объявили: «Мы никогда никому рабами не были».

следствия, выявить мотивы злого поступка, а у мелких негодяйчиков все просто, так что тут для их обличения нужен даже не труд мастера, а старания подмастерья.

Так для чего и где Гоголь нашел такие пошлые типы? Ответственный гражданин и сейчас без подсказок укажет на них, поскольку они в изобилии встречаются повсюду, и наметит светлый путь по искоренению вредного элемента из просвещенного общества. Но Николай Васильевич указал другое место и другую цель. Он утверждал (но ему так никто и не поверил), что все негодяи преспокойно уживались в нем самом. И уж совершенно ясно, что дальнейшие его признания просто не читали, а если читали, то только с той целью, чтобы убедиться, что ему нельзя верить, особенно тогда, когда он представляет публике последствия собственных саморазоблачений. Легче верить абсурду, чем в свидетельство писателя о том, что выведенная на свет его страстишка если не проходила совсем, то затихала настолько, что потом редко напоминала о себе. (Здесь нам хочется подпустить мистики и расширить обсуждаемый объект. Если среди знакомых человека есть родная душа, то ее слабость он будет воспринимать, как свою или даже острее. В этом случае сокрушение, высказанное им по поводу злой немощи, смягчит ее темные последствия не только у него самого, но и у дорогого ближнего, ее первообладателя.)

Представим читателям новую возможность не согласиться с нами, но если среди их множества найдутся редкие согласные, не скроем, для нас это будет нечаянной наградой, дающей надежду на то, что все мы не чужие. В качестве яблока раздора мы предлагаем такое утверждение: единственным источником правды о жизни писателя является сам писатель. Все обладатели острого литературного зрения, собирающие для своих эскизов и полотен материал вокруг себя – маляры и имитаторы*. Только тогда сила проницательности взгляда достойна удивления и восхищения, когда она позволяет художнику увидеть самого себя в деталях, рассмотреть, как все сущее в мире отзывается и действует в нем самом. По нашему убеждению, это необходимое и достаточное условие истинности таланта, возводящее творения его обладателя в чин бессмертных. Думаем, что все персонажи «Евгения Онегина» имели свое местечко в Пушкине. Подозреваем, что невообразимое множество дураков и негодяев города Глупова и головлевской усадьбы уместились в Салтыкове-Щедрине. Достоевскому,

* Мы, конечно, не имели в виду представителей соцреализма и авангарда. Это два сапога одного и того же рационального взгляда через один и тот же оптический прибор, только с разных концов.

по-видимому, не надо было ездить в творческие командировки для того, чтобы написать портреты Рогожина, Лямшина или Смердякова. Только на этом зыбком мнении зиждется наша убежденность, что всех своих героев Михаил Афанасьевич тоже давно и очень хорошо знал в себе. Без этого он не смог бы считать себя продолжателем трудов великих писателей. Да, называть себя учеником Гоголя, это значит поставить себя на край пропасти, потому что если написанное не будет достойно наследия учителя, то масштаб этого наследия определит величину позора самозванца. Крах этого ученика будет несравним с провалом учеников Панаева и Скабичевского...

(Мак. л.)... Своих же собственных мыслей простых, неголоволomных мыслей, я не сумел передать, и сам же подал повод к истолкованию их в превратную и скорее вредную, чем полезную сторону. Кто виноват? Неужели мне говорить, что меня подталкивали просьбы приятелей или нетерпеливые желания любителей изящного, усаждающихся пустыми, скоропреходящими звуками? Неужели мне говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимые для моего прожития деньги, я должен был поторопиться безвременным выпуском моей книги? Нет, кто решился исполнить свое дело честно, того не могут поколебать никакие обстоятельства, тот протянет руку и попросит милостыню, если уж до того дойдет дело, тот не посмотрит ни на какие временные нарекания, ниже пустые приличия света.

Один только запрос умен и достоин тебя, и я бы желал, чтобы его мне сделали и другие, хотя не знаю, сумел ли бы на него отвечать умно, — именно запрос: отчего герои моих последних произведений, и в особенности «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, точно как бы в сочинении их участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще год назад мне было бы неловко отвечать на это даже и тебе. Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения — история моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, определяю тебе себя самого как писателя. Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно*

в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого, точно, нет у других писателей. Оно впоследствии углубилось во мне еще сильнее от соединенья с ним некоторого душевного обстоятельства. Но этого я не в состоянии был открыть тогда даже и Пушкину.

«Мертвые души» не потому так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее, чтобы они раскрыли какие-нибудь ее раны или внутренние болезни, и не потому также, чтобы представили потрясающие картины торжествующего зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого, что нет ни одного утешительного явления, что негде даже и приотдохнуть или перевести дух бедному читателю и что по прочтенье всей книги кажется, как бы точно вышел из какого-то душного погреба на Божий свет. Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но пошлости не простили мне. Русского человека испугала его ничтожность более, чем все его пороки и недостатки. Явление замечательное! Испуг прекрасный! В ком такое сильное отвращенье от ничтожного, в том, верно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итак, вот в чем мое главное достоинство; но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мне в такой силе, если бы с ним не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная история. Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мной...

(З. У. пр.)... Также рискованным шагом будет назвать учителем того, кому ты не веришь в жизни. Булгаков узнал с юности, что своя подлость, выведенная на свет, тает как дым. Испытавший это на себе видит, что между двумя способами творить, первый из которых основан на доброте и порядочности писателя, обличающего зло вокруг себя, а второй – на бесстрашной честности, обличающей самого себя перед добром и порядочностью – пропасть. Скажем больше – они враги, враги не на жизнь... В нашей цивилизации, в ее нынешней культуре из этих двух остался жить прекрасный и гениальный человек-художник, он же в конце концов – маэстро, настоящий профессионал. Это приговор нам и тому, что мы сейчас называем искусством.

Как маленькую иллюстрацию к данной теме приведем отношения между художниками и зрителями, которые сложились сейчас и были когда-то давно (так

давно, что не помним когда). Раньше художник запечатлевал красоту, а зритель удивлялся тому, как он сумел ее увидеть и передать. Зритель, в понимании своей беспомощности сотворить нечто подобное, хвалил и восхищался произведением художника, а тот в это время ясно видел недостатки своего творения и ругал по-чем зря себя и свой труд. Критическое отношение к себе подстегивало к поиску, к открытию законов правды и красоты, что в свою очередь усиливало чувство собственного несовершенства, вопреки тому, что ему громко аплодировали не только дилетанты, но и меценаты. Теперь ровно наоборот – всевозможные художники знают свою гениальность небожителей и публично хвалят себя, доказывая новизну, уникальность и непревзойденную глубину своего шедевра. Публика же, во главе с независимой критикой, напротив, – ругает, поносит и учит творить бесталанных недозревших авторов не только профессиональными, но и сугубо бытовыми выражениями.

Что же случится с персонажами «Мертвых душ», если их посчитать самостоятельными субъектами и выпустить на волю? Гоголь в своей поэме не показал ни одного персонажа, который хотя бы чуть-чуть устыдился своих безобразий. Все прущие, все защищающие свой образ жизни и свою правду. Не на них ли глядя сам автор задался вопросом: «Куда несетесь вы?»*

Много общего с «Мертвыми душами» есть и в еще одном произведении Николая Васильевича, которое, как он ни старался, не захотели воспринимать в авторском понимании, а просеяли через свое прогрессивно-назидательное видение, после чего приписали к обличительно-сатирическому. В нем тоже есть неугаданный визитер и обманувшиеся туземцы, и даже непонятный открытый финал, который вместо успокаивающей конкретности погружает в тревожную неопределенность.

Однако для нас главное не во внешнем сходстве. Мы хотим упомянуть о нем, поскольку его связь с романом Булгакова угадывается в совпадении как исходного материала для действующих лиц, так и идейных оснований для сюжетных линий. Здесь нам приходится опираться только на суждения самого Николая Васильевича, так как он не был доволен ни одной постановкой своего «Ревизора» и ни одной рецензией на него. Режиссеры и актеры то ли не смогли услышать, то ли не захотели понять того, что просил он них автор**. Все толкователи увидели в пьесе нелепых лжецов, которые соревновались в обмане друг друга, и именно в этом была потеха.

* Нам представляется, что для Гоголя не было загадки в этом вопросе, а задан он был для того, чтобы её не было и у нас (Мы не правы. Мы хотели утаить очевидный ответ, но нас распирает, поэтому выболтаем, что так несутся только в бездну).

** Интересно, если Булгаков ученик Гоголя, догадывался ли он, что нечто подобное может произойти и с ним и его творениями?

Гоголь же настаивал на том, чтобы Хлестакова не изображали врунишкой, получающим пользу от самообмана других врунов (нечестных госслужащих и их домочадцев). Он объяснял, что Хлестаков говорил то, во что верил и просил сыграть его, как искреннего, честного человека. Здесь нет никакого вымышленного парадокса или искусственной натяжки.

И опять. Проповедь Иоанна Предтечи и первая проповедь Иисуса Христа призывали к покаянию для соединения с живым Царством Небесным, вышедшим навстречу грешникам. При этом никаких подробностей, в чем собственно нужно каяться, они не давали. И во время всей своей последующей земной жизни Иисус Христос не обличал воров, прелюбодеев, убийц, не выставлял напоказ ни одной гнусной истории, скрываемой провинившимися слушателями и случайными прохожими. Он предоставил возможность совести человеческой признать посильную для ее дальнорзости собственную неправду, зло собственных поступков. Подменить совесть человека чьей-то еще, пусть уважаемой личности или даже партии нового типа, нельзя. Отказывая себе в наличии хоть какой-то третьесортной, бросовой совести в пользу здоровой и чистой, но чуждой, человек отрицает себя как личность, как потенциального друга, становится самоубийцей, который не дорожит не только жизнью близких (которых предал в сердце), но и своей.

Этот отказ различать жизнь и смерть у порога отношений со Спасителем и есть убийство зародыша Царства Небесного, которое есть в нас. Это убийство во чреве отношений, еще не увидевших белый свет. Не к правилам, а к живой совести призывает Евангелие и именно о совести говорят его притчи, в которых упоминается судья.*

* Раз за разом будем напоминать, что законы царства кесаря совсем другие. Хорошо и плохо в этом государстве может проявлять себя только относительно общепринятых ценностей. К тому же, это плохо и хорошо умеет приспособливаться, изменчиво само по себе, варьируется от державы к державе, имеет ограниченную и избирательную область действия, а в праздничные и кризисные периоды имеет свою несовпадающую с повседневностью специфику. Как раз обучать законам писанным и не писанным, разъяснять что можно и что нельзя является одной из главных задач царства кесаря, от первичных составляющих – семьи, школы, производственного коллектива, территории местного самоуправления до самих государей – везде должна идти вместе с представлением общественных правил дрессировка к их неуклонному исполнению. За усердное исполнение – награда, за нарушение – наказание и, если останется жив – исправление. Гласное выставление на обзор всех общих уставов, условий, контрактов, общепринятых традиций и принципов – обязанность всякого рода властей. А вот сокрытие правовой информации, недоговоренности и расплывчатость в этом царстве и есть проявление мошеннических действий начальства. Если представитель власти скрывает и темнит не заключайте договора взаимности, уходите, вас ограбят, а может и убьют.

Есть прямая притча о спящей, бездействующей совести – нерадивом судье, который не желал помогать вопрошавшей его бодрствующей душе. (Напоминаем, очень часто в притчах Нового Завета душа человеческая, вне зависимости от пола ее обладателя, ведет беседы, будучи представленной в женском роде. Дева, ожидающая жениха – душа, ищущая веры, вдовица – душа, потерявшая живую веру, невеста на брачном пире – душа, встретившая Бога и решившаяся соединиться с Ним в дружбе навсегда.)

Эта притча советует не смиряться с безжизненностью совести, а стучаться, тревожить ее, все время спрашивать себя, как поступить, искать в себе живые мысли и чувства, и за постоянство в вопрошании, за неотступность, серьезность, решимость тебе отворят сердечный ум. В тебе раскроется дверь, соединяющая с правдой, и ты станешь понимать, что хорошо и что плохо, совесть начнет учиться слышать иного и станет учиться высказываться. Она будет защищать не только от льстивой, ласкающей, подкупающей лжи (не будет верить ей), но будет оберегать и от злой, удушающей клеветы, не принимая ее во внимание, помогая избегать малодушных оправданий в несодеянном зле перед людьми и перед собой, которые только умножают свинство.

Еще одна притча о совести предупреждает, что мы можем заглушать и не слушать ее только когда проходим земной путь, при дальнейшем следовании в царстве вечности она заговорит в полный голос, возгласит обо всех наших совершенных и не совершенных поступках, обо всех мыслях и малейших движениях души. Поэтому, если здесь мы не захотим расплатиться со своими долгами, если у нас останутся из-за забытого зла не примиренные отношения со всеми, кого мы могли встретить на своем пути, то судья отдаст нас истязателю – попросту воскресшая совесть будет терзать вечным напоминанием наших предательств.

Еще раз напомним закон восстановления внутреннего человека: пусть совесть груба и неразборчива, и в этом ее состоянии достаточно начать признавать грубое добро и грубое зло, доступные для ее слабого зрения, и она станет выздоравливать. Люди никогда не утрачивают окончательно способность отличать хорошее от плохого, поэтому их хитрость, ложь, жадность, хотя постоянно прикрываются дымовой завесой добропорядочной солидности и вежливости от бессилия поступить иначе, в своей глубине знают им цену, без подсказки понимают, что их поступки низки. Такое зло можно прятать перед другими вплоть

до забвения своей неправды под доброжелательным выражением лица, но именно тайное знание своей неправды стимулирует наружную вежливость и внешнюю ласковость в обхождении с теми, кого используем и предаем*. Подлинная доброта не нуждается в украшательстве и натренированной воспитанности**. Застенчивый ворюга – одна из распространенных и понятных разновидностей лицемерного способа двойственного существования человека без права голоса у его совести.

В Евангелии, перед лицом Истины, выявилось два типа грешников. Первый, малочисленный, состоял из тех, кто способен был признать свою неправду. Не частично, а до конца, полностью, включая величайшие и мельчайшие гадости***. Удивительно, эти люди, бесстрашно признав свое зло, вдруг сами начинали просить о прощении других грешников, как о своем. Тайна почему так происходит, но остается фактом, что человек, скрывший часть своих преступлений перед Спасителем, по-прежнему неспособен даже представить, как это возможно: испрашивать милость ко всем злодеям. Этот закон действует и сегодня, со времени объявления его Христом: «Кто относится к другим без милости, сам оказывается без милости.» Если у меня нет сострадания к грешникам, значит просто я пока не захотел расстаться со всеми своими грехами. Полу- или частично не может быть правдой, правдой может быть только то, что до конца. К такому покаянию призывал Предтеча, открыто признавая, что и ему, великому пророку, необходимо прощение, а значит, крещение от Христа. Переводя на язык сегодняшней обыденной речи, можно сказать, что Иоанн Предтеча предупредил людей о приходе Того, Кому он недостойн развязать ремень на Его обуви, несмотря на недостижимую для остальных людей высоту своей аскетической жизни.

Точно такими же простыми словами говорил о своей миссии и Иван Бездомный, жадно ожидавший встречи с сатаной (пусть и под видом заезжего иностранца): «Я предупредил, а там как хотите!»**** Возражения,

* Поцелуй Иуды был следствием не какой-то особой извращённой природы, а хорошего воспитания (обычный пример внешнего, не утверждённого избытком внутреннего).

** Опять напоминаем, что имеем ввиду личные отношения, в царстве же кесаря формальное добро есть ценность без каких-либо натяжек. Добрые привычки, полезные навыки – добродетели порядочного гражданина земного царства.

*** Азбука предупреждает, что честный порядок признания своего зла на исповеди – от великого к маленькому. И в признании своей неправды есть место для происков лукавой совести, которая хочет прикрыться комарами, поглощая известную ей ложь размером с верблюда.

**** Есть в романе и прямые слова от том, что «первым вестником» визитера был Иванушка.

указывающие на то, что Предтеча имел представление о Том, Кого встречает, а Иван понятия не имел, с кем беседовал на Патриарших, а потому изо всех сил хотел догнать, неубедительны, так как его аскетическая подготовка ко встрече с сатаной состояла в том, что он совершенствовался в издевательствах над его врагом – Христом.

Глумление над Сыном Божиим всегда порождается желанием (не всегда ясно осознанным) вступить в братство с дьяволом, Его противником. Что поделаешь, если у тьмы нет ничего прямого, а все вывернуто и перекручено, за неимением другого – ешьте предложенное. «Азбука» утверждает, что только интерес к самому Спасителю свидетельствует об искренности желания человека жить в правде, поскольку живая правда находится только в области личных отношений. (Для справки заметим, что только Спаситель постоянным прощением грешника может даровать ему постоянное единство двоих или, если тот пожелает – нескольких.) Правда, принадлежащая объективности, не долговечна и относительна, она имеет свойство умирать. В этом убедится Берлиоз, а преодолеть нехорошее свойство правды фактов при помощи всемогущего Воланда попытаются мастер с Маргаритой и их впечатлительный ученик, неудачливый поэт. Как Иоанн Предтеча оказался личностью двух Заветов – Нового и Ветхого, соединив в себе два служения уходящего и наступающего, так и в похождении советского Ивана легко заметить своеобразную двойственность его деятельности до и после, которая свойственна людям в переходный период истории от старого к новому...

(Мак. л.)... Во мне не было какого-нибудь одного слишком сильного порока, который бы высунулся видней всех моих прочих пороков, все равно как не было также никакой картинной добродетели, которая могла бы придать мне какую-нибудь картинную наружность; но зато, вместо того, во мне заключилось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и притом в таком множестве, в каком я еще не встречал доселе ни в одном человеке. Бог дал мне многостороннюю природу. Он поселил во мне также в душу, уже от рожденья моего, несколько хороших свойств; но лучшее из них, за которое не умею, как возблагодарить Его, было желание быть лучшим. Я не любил никогда моих дурных качеств, и если бы небесная любовь Божья не распорядилась так, чтобы они открывались передо мною постепенно и понемногу, наместо того чтобы открыться вдруг и разом перед моими глазами, в то время как я не имел еще никакого понятия о всей неизмеримости Его бесконечного милосердия, – я бы повесился.

По мере того как они стали открываться, чудным высшим внушением усиливалось во мне желание избавляться от них; необыкновенным душевным событием я был наведен на то, чтобы передавать их моим героям. Какого рода было это событие, знать тебе не следует: если бы я видел в этом пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявил. С этих пор я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем чем ни попало. Если бы кто увидал те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебе только то, что, когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мертвые души». Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. Притом мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчевашь его же собственной пошлостью. Вследствие уже давно принятого плана «Мертвых душ», для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты от тех, которые считают себя лучшими других, разумеется только в разжалованном виде из генералов в солдаты. Тут, кроме моих собственных, есть даже черты многих моих приятелей, есть и твои. Я тебе это покажу после, когда это будет тебе нужно; до времени это моя тайна. Мне потребно было отобрать от всех прекрасных людей, которых я знал, все пошлое и гадкое, которое они захватили нечаянно, и возвратить законным их владельцам. Не спрашивай, зачем первая часть должна быть вся пошлость и зачем в ней все лица до единого должны быть пошлы: на это дадут тебе ответ другие томы, – вот

и все! Первая часть, несмотря на все свои несовершенства, главное дело сделала: она поселила во всех отвращение от моих героев и от их ничтожности; она разнесла некоторую мне нужную тоску от самих себя. Покамест для меня этого довольно; за другим я и не гоняюсь...

(З. У. пр.) ... Бездомный не только открывает новые возможности существования людей в тесном контакте с компанией чертей, желающих построить свой мир, незаметно подменяющий христианство. Он проявляет себя также, как те самые люди из Евангелия, не принимавшие Христа. То есть они хотели Его принять, но не как Царя Неба, а как царя земного, который будет их бесплатно лечить, безвозмездно кормить, развлекать чудесами и не обращать внимания на их безобразия. Так и просили по-простому, чтобы он стал их земным кесарем. В этом выражалась их вера в то, что счастье тела важнее блаженства души. Точно также в духе евангельских материалистов высказывался и Бездомный, выбирая между Иешуа и его оппонентами: «...Меня же сейчас более всего интересует Понтий Пилат...» Напомним, что римский прокуратор был фактически главой государства в покоренной Иудее, управляя местными царьками.

Кроме людей, открыто искавших не самого Иисуса, а Его богатых возможностей, конечно, было множество тех, кто, как им казалось, искренно, а кто лукаво, выставляли на показ интерес к учению и личности Христа. Но в момент испытания, когда преданность и верность Ему могли повредить их благополучию, они также открыто и дружно исповедовали преданность кесарю, отрицая свою принадлежность Царству Царя Иудейского. Ясно, что этот народ опасался строгой ревизии со стороны земных владык, совершенно не беспокоясь о ревизии своих душ, как невероятном, мифическом, ничтожном в своем значении событии.

Трагическая комедия Гоголя в своем финале прикровенно предупреждает всех обывателей, взявших труд прочесть ее, о евангельском пророчестве, которое открывает, что Тот, Кто однажды пришел простить людей еще раз, посетит их с тем, чтобы громогласно засвидетельствовать наше желание или нежелание принять это прощение. В пьесе Николая Васильевича призыв к честному свидетельству о своих делах местных жителей звучит и в ее начале, и в ее конце. Только в ней говорится не о встрече со страшным судьей, а со страшным ревизором. Смешно, но на это она и комедия, а не Священное Писание. В последних сценах мы слышим горячее, слезное покаяние чиновников, перечисляющих свои грешки, но эта искренность вызвана не любовью к правде, порядочности, а животным

страхом наказания, страхом потерять насиженное счастье, а также досадой на свою непростительную близорукость.

Такое поведение людей при приближении к ним Истины засвидетельствовано и в Евангелии. Многие откликнулись на проповедь Иоанна Предтечи и Иисуса Христа о покаянии под страхом (или ужасом) испытать в будущем на себе гнев праведного судии, присуждающего сокрывшим зло воздаяние в соответствии с их тайными преступлениями. Такое отношение к истине, как воздающей вечными небесными страданиями за коротенькое земное зло, названо в Евангелии лицемерием, а носители такой веры – лицемерами. Трудно поспорить с тем, что местное городское население в «Ревизоре» сплошь страдало грубым лицемерием. Все они без исключения дали волю этой слабости настолько овладеть ими, что перед внезапно посетившей их в конце концов истиной в них не оказалось ничего живого. При ее появлении надо было обнаружить хоть одно движение к ней навстречу ума, чувств, воли. Но оказалось, что уважаемые люди в своем долгом безбедном существовании «как везде принято» прошли мимо жизни и при обращении с ней становятся тем, кем были на самом деле – высушенными букашками гербария.

Есть, много в нас есть того, что похоже на жизнь, но не жизнеспособно, суетно, пошло (мы имеем в виду не упрощенное понимание этого термина, как похотливой сальности или дешевого атрибута неразборчивости, а исконное, главное его значение – снижение в нас (так или иначе, пусть даже совсем незначительно) в любой из своих составляющих полноты реальности, и, как следствие, утраты переживания ее как высшей ценности). Страшны все вопросы, раскрывающие это бедствие в нас, например, не мелка ли в нас радость, честность, доброта, мудрость, а значит, есть ли в нас хоть что-то подлинное или наличествует только фирменная одежда и обстановка. Отдельно взятый человек, скорее всего, не будет задавать себе таких вопросов. У Гоголя нашелся уездный город таких, а у Булгакова – целый столичный град, с примыкающей к нему страной. Что напишет их следующий ученик, каков у него будет масштаб охвата этой могильной слепотой?

Незамеченным для читателей оказалось главное откровение в пьесе Гоголя, способное положительно повлиять на наше житие-бытие, если только серьезно принять его во внимание. Николай Васильевич виртуозно написал аксиому (утверждение, не требующее доказательств), согласно которой грубые лицемеры всегда легко проигрывают лицемерам искренним. И этот упрямый факт правильно передает закон общения, не только

для ограниченного количества персонажей. Искренность людей, верящих в ложь (например, возводимую в верное, а потому всесильное учение), побеждала преднамеренных лицемеров в размере государств и целых цивилизаций.

Вспомним недавние истории, случившиеся на 1/6 части суши. Небольшая кучка хлестаковых, убежденная в том, что только свобода с равенством и полнейшая демократия могут сделать всех людей счастливыми и довольными, убежденная настолько, что произнесение этих слов вслух приводило их в состояние экстаза (заражая всех без исключения зевак), легко спихнула с трона целую армию городничих и их приспешников. Не стоит напоминать, что отстраненные от власти кровососы и угнетатели трудового народа были убеждены в своем миссионерском эпохальном значении для великой империи, несмотря на свои небольшие, вполне простительные недостатки. Однако приход к власти опьяненных всем прекрасным (чего должна была достигнуть цивилизация свободных мыслителей) хлестаковых сделал невозможным сокрытие их провальной безответственной деятельности в масштабах государства. Они сами собой очень быстро превратились в новых городничих (только в светских платьях), окруженных новой разухабистой камарильей. Как дым рассеялась естественная искренность и пламенная увлеченность, и они немедленно перед всеми перестали быть убедительными. Тут откуда-то из подполья появилась компания новых хлестаковых, открывшая, что свобода и демократия с неравномерным распределением уже ранее награбленного – фикция или даже хитрая уловка всего реакционного, что есть на свете. Отсюда немедленно следовало, что любая, даже самая занюханная собственность убивает свободу и демократию, а также уничтожает всех хороших людей. Сомневаться в этом никому не приходило в голову, поскольку каждому известно, что если хорошему человеку дать собственность он тут же превращается в самого плохого и злого буржуа. В этом физическом факте начинала действовать пролетарская мистика, так как сочувствующие или завидующие собственникам невидимым для вооруженного глаза образом становились их приспешниками и прихлебателями, без личных накоплений и приобретений попадая в число нехороших людей. Легко, полетно верилось в великое счастье без признака малейшей собственности. За него хотелось положить душу вместе со всеми вместе взятыми классово чуждыми элементами, и новых городничих как ветром сдуло при появлении этих новых хлестаковых. Но как только новые хлестаковы заняли их место, они сразу превратились в новейших городничих. И у них по каким-то неведомым роковым причинам пропала искренность. Обязывающее положение по руководству невиданным доселе в мире строем открыло в них одновременно левые и правые уклоны, которые раньше и в страшных снах не снились, а еще много всяческого оппортунизма, победа над которым перманентно перешла в культ личности. Казалось, все прочно и незыблемо и все, наконец, еще теснее сплотили свои ряды. Но и тут рядом, откуда ни возьмись, оказались хлестаковы, свято верящие вместо вождей в победную силу коллективного руководства и вместо мировой революции в мирное

существование. Новейших городничих, понятно, сдуло со свистом и на их место тем же заведенным макарон водрузились бывшие новейшие хлестаковы, превратившиеся самым естественным образом в наиновейших городничих. Далее для краткости укажем только схему: перестроившиеся наиновейшие хлестаковы, свято верящие в ускорение и гласность, легко заменили заматеревших наиновейших городничих. Вошедшие в должность перестроившиеся городничие в свою очередь оказались перед лицом хлестаковых, вдруг прозревших на то, что истинную свободу с демократией может обеспечить только частная собственность на средства производства и толерантность по отношению к маленьким человеческим извращениям. Либерализованные хлестаковы веселым смехом гласно прогнали своевременно перестроившихся городничих и стали самыми смешными куклами в сверхультрановой истории городничих того самого государства...

Не знаю, найдутся ли согласные с нами, но, по-моему, все это очень прозорливо описал Николай Васильевич.

(Мак. л.)... Но того, о чем я прошу, никто не исполняет: мои запросы никто не считает важными, а только уважает свои; а иной даже требует от меня какой-то искренности и откровенности, не понимая сам, чего он требует. И к чему это пустое любопытство знать вперед, и эта пустая, ни к чему не ведущая торопливость, которою, как я замечаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, как в природе совершается все чинно и мудро, в каком стройном законе, и как все разумно исходит одно из другого! Одни мы, бог весть из чего, мечемся. Все торопится. Все в какой-то горячке. Ну, взвесил ли ты хорошенько слова свои: «Второй том нужен теперь необходимо»? Чтобы я из-за того только, что есть против меня всеобщее неудовольствие, стал торопиться вторым томом так же глупо, как поторопился с первым. Да разве уж я совсем выжил из ума? Неудовольствие это мне нужно; в неудовольствии человек хоть что-нибудь мне выскажет. И откуда вывел ты заключение, что второй том именно теперь нужен? Залез ты разве в мою голову? почувствовал существо второго тома? Потвоему, он нужен теперь, а, по-моему, не раньше как через два-три года, да и то еще принимая в соображение попутный ход обстоятельств и времени. Кто ж из нас прав? Тот ли, у кого второй том уже сидит в голове, или тот, который даже и не знает, в чем состоит второй том? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Сам человек лежит на боку, к делу настоящему ленив, а другого торопит, точно, как будто, непременно другой должен из всех сил тянуть от радости, что его приятель лежит на боку. Чуть заметят, что, хотя один человек занялся серьезно каким-нибудь делом, уж его торопят со всех сторон, и потом его же выбранят, если сделает глупо, – скажут: «Зачем поторопился?»

Не думай, однако же, после этой исповеди, чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет бог. И это вздор, что выпустили глупые светские умники, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, а после уж и черты нельзя изменить в себе: только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль. Я уже от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям, обсмеял их в них и заставил других также над ними посмеяться. Я оторвался уже от многого тем, что, лишивши картинного вида и рыцарской маски, под которою выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. И когда поверяю себя на исповеди перед тем, кто повелел мне быть в мире и освободиться от моих недостатков, вижу много в себе пороков; но они уже не те, которые были в прошлом году: святая сила помогла мне от тех оторваться.

Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды. Выдумывать кошмаров – я также не выдумал, кошмары эти давили мою собственную душу: что было в душе, то из нее и вышло...

(З. У. пр.) ... Относительно общественных нравов, представленных в пьесе, тоже можно обнаружить нечто удивительное. Последующие века открыли, что ситуация, в которой равно нравятся и мать, и дочка, вовсе не комическая, а вполне обыденная, а потому трагическая. Универсальными свойствами обладает также заключительная сцена пьесы. Она так угадана, что может быть с успехом использована во всех пьесах, написанных до «Ревизора» и после. Городничие с помощниками во все времена ждут над собой независимой экспертизы, впрочем, как и мы, но только это нисколько не смешно. Гоголь, как мог, боролся с тем, чтобы в его почти божественной комедии не было опереточного конца. Окончательный расчет в отношениях между добром и злом не только в человеческом обществе, но и в жизни каждого человека не может быть совершен раньше последнего

дня старой земли, поэтому в книге, претендующей на честность, окончательная судьба героев останется под вопросом до того грядущего последнего часа. Готовил к этой завершающей встрече своих персонажей и Пушкин – его главным героям с окончанием его повествования о них еще предстоит творить свою жизнь. Нет примитивных завершенных концов и у Достоевского. И в романах Булгакова судьбы героев открыты для беспристрастной оценки истины. К этой оценке готовились и сами писатели, надеялись, что будем готовиться и мы, их читатели.*

А теперь закончим краткий разбор внешнего вида иностранного консультанта. С точки зрения «Азбуки», главное о нем могут рассказать не только двойственные черты лица, но и его специфические манеры. Все та же переменчивость – вот основная черта поведения, предупреждающая о том, что перед нами плут. В беседе с пересмешником нельзя заниматься обсуждением глобальных проблем, а наши бедные литераторы оказались слишком серьезны с ним (государственные интересы увлекли и попутали) и вступили в диалог, любой исход которого должен был окончиться для них безобразием. «Азбука» на этот счет лаконична: нельзя не только беседовать, но нельзя отдавать лихим проходимцам даже чуточку внимания, в каком бы виде (может и соблазнительном) они не являлись. Нельзя пить яд, нельзя присматриваться ко злу, прислушиваться ко лжи. И хотя некоторые исследователи (среди которых есть и церковники!) романа Булгакова утверждают, что из всего множества персонажей только Воланд говорит правду, постараемся подтвердить утверждение «Азбуки» о том, что он всегда врет.

Понимаем, что однажды высказанная небольшая спорадическая примесь лжи весь массив правды данного субъекта превращает в неправду, но нам важно удивить всех Булгаковым, который позаботился о том, чтобы у Воланда не было ни одной правдивой фразы. Хотя, может быть, у него это получилось совершенно случайно!

* Нашлись во множестве читатели, которые просили Пушкина продолжить, как казалось, неоконченные произведения. Приставали с пристрастием, еле отбился.

Глава IX. ГДЕ СТАВИТЬ ПРОБУ (разоблачительная)

Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие;
место правды, а там неправда*.

Из книги сына Давида

Бди!

Козьма Прутков

Известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками... Что за бойкое перо! Господи Боже! Как пишет этот человек!

Н.В. Гоголь

Портрет иностранца, представленный двумя озабоченными художниками слова на Патриарших, не соответствует действительному облику его обладателя, даже без нарочито приклеенных отвлекающих деталей, без вечернего грима и без дурацких прикрас. Если бы он появился в Москве в своем натуральном виде, то романа бы не получилось, поскольку все его персонажи, увидев специалиста по магии как есть, немедленно сдохли бы от ужаса. За это мало кто благодарит, но людей, пока они не выпросят, берегут от созерцания реальных субъектов из царства тьмы. Всем свойствам обманчивой внешности консультанта соответствуют и сведения, предлагаемые им, чтобы заинтересовать слушателей. Для доказательства этого наблюдения разберем самые убедительные, а также слегка сомнительные высказывания, пожалуй, немца в сером берете, при этом опустим все его сообщения во время знакомства, бьющие на эффект, которое было сплошь одно кривляние.

Выбирая для обмена мнениями не горячую схватку в полемике, а желая, как бы исподволь, убедить атеистов, что их собеседник управляет человеческими жизнями, Воланд вначале подсовывает им мысль о том, что для подробного расписания значимых событий в ближайшем и отдаленном будущем отдельного индивида нужно составить точный план. Конечно, тут была искорка иронии по отношению к громадьи незыблемых

* А можно это увидеть под луной?

планов, утвержденных съездами, в которых были подробно прописаны на будущее инструкции не только о количестве и качестве выплавленного и построенного, выращенного и выпеченного, но и по количественному и качественному изменению состава несчастного и счастливого населения.

Было предусмотрено, что одним предстояло исчезнуть (ну, например, троцкистам и попам), а другим усовершенствоваться и размножиться (таким, как настоящие ленинцы, настоящие мичуринцы и творческая интеллигенция, оплодотворенная рабочим классом). Тут мы сами, пока не поздно, обязаны извиниться, так как совершили намеренную подмену. Подменили царство личных отношений царством кесаря, в котором, естественно, есть место семейным планам, планам трудового коллектива и проектам высшего руководства.

У отдельно взятого приличного гражданина должен быть прописан распорядок дня, примерный список упражнений для зарядки организма, почасовой план стяжания и траты капитала, в общем, все необходимое для нахождения в данном обществе в данную историческую эпоху. Чем меньше личного в желаниях и ценностях субъекта, тем точнее его планы, тем дальше в необъятную перспективу простирается его взор. Можно ли представить себе человека без личного? Пожалуйста – человек-пекарь, человек-шофер и, если будете настаивать, то и человек-муж или человек-любовник, а нынче и человек-женщина.

Не трудно и в семейных обязанностях, и в половых похождениях стать профессионалом. Наука и здесь приходит на помощь и может подсказать, что положено говорить мужу или жене для их постоянного пребывания в глубоком удовлетворении от качества созданной ими ячейки общества. И уж куда проще этого, используя замысловатые методики, натренировать обходительную, обаятельную похотливость в дамском угоднике, поддерживающем в обществе веру в вечную любовь. Нынешняя далеко продвинутая наука психология убеждена, и своим убеждением заразила всех людей доброй воли, что секс спасает мир от чувства одиночества и преждевременного осознания бессмысленности общения с хорошими людьми.

Терпеливый читатель! Мы не рискуем здесь высказать свое мнение, но спросим у тебя, можно ли составить план дружеских отношений, можно ли где-нибудь украсть или заготовить слова для объяснения в любви, можно ли хотя бы заранее наметить или точно узнать (чтобы, без дураков, как следует подготовиться) время встречи с родной душой, которая изменит всю твою жизнь, ну и разве можно предусмотреть когда ты сам сможешь услышать или сказать живое слово и благодаря которому только в тот момент и поймешь, что, собственно, значит жить.

«Азбука» говорит, что свобода в личных отношениях не может подчиняться расписанию и решение дружить и разорвать дружбу всегда будет неожиданным чудом или неожиданным горем для обоих. В этом смысле святые говорили, что планы строит тот, кто не умеет жить (хотя он же и учит других, как это делать лучше).

«План», предложенный Христом, был таков: проживи сегодня день достойно и тогда завтрашний день тоже будет достойным, новым, непохожим на сегодняшний. И вновь хороший хозяйственник возразит, что без планирования развитие экономики невозможно, как нельзя без плана (хоть и плохонького) в шахматах, но вновь мы скажем, что речь идет о жизни человека, а не некоей госструктуры. Где план – там и управление ситуацией.

Воланд намеренно чуть-чуть подмешивает логики к своим лукавым речам, помогая старому и юному натуралистам, спорящим с ним, еще крепче увязнуть в его сетях. «Управление» человеком своей жизнью заключается не в выстраивании определенной, подходящей цепочки событий, а в правильном принятии всех обстоятельств жизни (ну, примерно, как у Иова). Подарок судьбы может быть не только на радость, но может растлить и погубить, да и земную безвременную кончину можно прожить достойно и блаженно, на зависть успешным долгожителям, а можно трусливо и позорно подчиниться ей. Кроме того, если начальство должно управлять своими подчиненными, то в личных отношениях управлять чужой жизнью запрещено, нарушение свободы другого человека является насилием над ним, убивающим саму возможность взаимности. И тут опять вынуждены оговориться, что земные царства строятся на прямо противоположных принципах (в них нельзя тратить по-пустому слова там, где надо употребить власть), но эти правила зафиксированы в специальной литературе – кодексах и конституциях.

Человек смертен, а иногда внезапно смертен. Только что Воланд намекал на существование другого мира, неограниченного привычными рамками времени и материи, но вдруг предлагает утверждение из мира атеизма. Действительно, если души нет, то могут родиться только потенциальные покойники, которые иногда реализуют эту потенцию совершенно случайным, непредвиденным образом. Сообщение о смертности человека непосредственно чертом таким образом исключает возможность существования, как духовного существа (духа), самого провозвестителя (тогда он должен быть из плоти), так как подобное познается подобным и человекообразное существо без души не может услышать демона.

Воланд опять подсовывает парадокс с отрицанием самого себя, что может вызвать помешательство или головокружение у эмоциональных безбожников. Сильное, яркое заявление Воланда определяет характер основного спора между Богом и сатаной в романе Булгакова. Посмотрим повнимательнее, с какими истинами спорит и что старается замутить бывший главный светоносец, он же нынешний временный владелец погибших душ.

«Я мыслю – значит, я существую». Это утверждение не является достаточным условием для наличия жизни в человеке. Существование в высшем своем проявлении только сохраняет возможность ожить. Для «Азбуки» «существование» и «жизнь» – разные слова, так как «существование» – это пребывание без жизни, то есть тот, кто живет, будет видеть существующего как мертвеца, которому нужно полюбить (думать об этом мало) для того, чтобы стать живым. Обратный взгляд от существующего к живому не замечает различия в их положении (поэтому и не понимает своей ущербности), а значит, не понимает необходимости расширить, дополнить свои возможности общения, чтобы, преодолев бездействие души, вернуться в бытие взаимности. Нет справочников, которые могли бы хоть одному из существующих мыслителей доходчиво и удобоваримо намекнуть, что для него хранится неведомая жизнь, что она есть, о чем ему можно только предположить, а узнать ее он может, только приняв чудо из рук милости (жизни).

Вера различает два состояния, относящиеся к небытию субъекта. Одно – отсутствие субъекта среди сотворенного мира. Про человека у христиан так и говорится: «Ты из небытия в бытие привел нас». Или иначе, есть определенный момент времени, в котором возникает, рождается новое лицо, но до того этого лица не было, и оно могло не появиться. Однако симметрии в вероятном появлении человека и возможном прекращении его существования с возвращением в состояние до появления на белый свет нет. Все явившиеся уже не могут испариться и исчезнуть, они приговорены попасть в вечность. При их творении в них вложены неисчезающие души, имеющие подобие в Отце, который подает каждому человеку свое начало. Также и духи, однажды возникнув, бесследно пропасть не могут...

(Мак. л.) ... Затем сожжен второй том «Мертвых душ», что так было нужно. «Не оживет, еще не умрет», – говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притом в ту

минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее. Благодарю бога, что дал мне силу это сделать. Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу. Нужно принимать в соображение не наслаждение каких-нибудь любителей искусств и литературы, но всех читателей, для которых писались «Мертвые души». Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство. Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: «Смотрите, немцы: мы лучше вас!» Это хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь. А у нас, еще не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! Нет, по мне уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, чем самонадеянность в себе. В первом случае человек, по крайней мере, увидит свою презренность, подлое ничтожество свое и вспомнит невольно о боге, возносящем и выводящем все из глубины ничтожества; в последнем же случае он убежит от самого себя – прямо в руки к черту, отцу самонадеянности, – в дымном надмении своих доблестей, надмевающих человека. Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе «Мертвых душ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен.

Создал меня бог и не скрыл от меня назначения моего. Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – *душа и прочное дело жизни*. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно. Мне незачем торопиться; пусть их торопятся другие! Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно...

(З. У. пр.)... Вероятно, одной из самых трудных для понимания покойниками мыслью христианского откровения будет та, которая сообщает, что нахождение субъекта в длительности, пребывание в чувствах и разуме может быть как жизнью, так и смертью. Существование покойника никогда не оканчивается, он продолжает видеть, думать, но при этом лишен возможности жить, быть в полноте своих талантов, а значит, самим собой, так как не захотел разделить взаимность с кем-либо. Бытие же живого тоже нескончаемое, но только вместе, в общении. В этом смысле сатана покойник, а духом смерти называется не потому, что собственноручно убивает, а потому, что не живет и заражает, делится этой нежизнью с желающими. Он подстрекает полюбить смерть, демонстрируя, как это оригинально и привлекательно быть покойником и при этом шалить. Он не может продлить кому-либо бытие или предоставить возможность бытия, то есть, попросту говоря, неспособен как-то помогать жизни и в этом есть его качественное отличие от людей-грешников, которые до последнего суда не утрачивают окончательно связь с жизнью.

Однако вступление (сознательное) человека во внутренний контакт с духом тьмы приводит к немедленной утрате им возможности каких-либо личных контактов с живыми со стороны новопосвященного покойника, то есть у него теряется взаимность в общении с близкими при сохранении (неполном) внешних его форм (признаков). Вступивший в завет с тьмой приносит им страдания и соблазны, а они, со своей стороны, терпя от него боль, но жалея, прощая его, могут сохранять в нем остатки человечности. Итак, дух зла своим существованием (но не жизнью!) демонстрирует силу и повадки постоянно действующей смерти, все так же крепкой, как любовь. Его дети (украденные, отнятые от живых родителей – сам он родить не может), в подражании ему в своем благополучно-мертвецком существовании воспроизводят в себе и вокруг себя зримую привлекательную нежизнь.

Рожденный в жизнь человек, во времена еще несуществующей смерти, для того чтобы жить, должен был хранить жизнь, в том числе постоянной благодарностью (радостью) поддерживая ее. Заповеди взаимных отношений, запечатленных в сердце незримой печатью, естественно просто сберегали его дружбу со всеми, в согласии с законами Небесного Царства. Никто у него не мог отнять эту возможность, в выбор человека не может вмешаться ни Бог, ни дьявол. Он сам управлял своим единством, но сам же решил от него отказаться, отдав предпочтение

приятному умиранию. В этом умирании с тех пор и пребывает человечество. С началом последних времен каждому погибающему предложили: «Оживи!» Приглядишься, быть живым лучше, чем отбывать срок покойником (тем, кто находится в покое от жизни). Ваш отказ от бытия в предательстве друга прощен и дарована возможность воскреснуть (уже сейчас, а не после разлучения души с телом). Люди, поверившие в свою мертвость, понявшие свою неспособность к жизни и доверившиеся милости Того, кто Себя именовал Жизнью, назвали Его Спасителем.

Спаситель пришел к мертвецам, которые могли теперь выбрать жизнь и отказаться от смерти, выйдя из своего одиночества. Поэтому, с точки зрения христиан, напугать покойников тем, что они смертны, причем внезапно смертны, невозможно. А вот обрадовать их внезапным возвращением к жизни можно. И это единственное настоящее чудо. Те же, кто ожил уже, не станут пугаться тех, кто грозит им смертью, так как знают, что для возвращения в одиночество его надо захотеть, а по почте его не присылают и возвращающий жизнь сильнее похищающего ее.

Так что человек воскрешаем и иногда внезапно воскрешаем. Лазарю, брату Марфы и Марии, потребовалось строгое, властное указание для того, чтобы он покинул уже обжитую могилу. Как легко думается, что жизнь у нас отнимают, и как же трудно сознаться в том, что жизнь из нас утекает из-за нас же самих, как не хочется это признавать. Если же найдется мужество для этого, то как легко увидеть Того, Кто может управлять так, что она вернется к нам. Правда, для этого все также трудно, до невозможности, будет лично, от уст к устам, призвать Его имя. В связи со сказанным, обратим особое внимание на то, что в новое время появилось много новых забот у врага рода человеческого, и главная задача у него состоит теперь не в том, чтобы понадежней умертвить свои жертвы, это полдела, а дело — не дать возможности покойникам, раскаявшимся, вырваться из его лап и вернуться к жизни.

Нам хотелось бы положиться на внимательность читателя, но за множественностью их забот подстрахуемся и сами выскажем предположение, что в «Мастере и Маргарите» в центре внимания будет борьба сатаны за выполнение его последней главной цели — украсть возможность воскресения у погибших, а как это будет, проследим. Пока же заметим, что, в контексте нашей гипотезы, теорема Воланда о смерти, предложенная на Патриарших, может иметь в себе более сильную скрытую угрозу для ничего не подозревающих грешников в том, что он владеет властью победить

Спасителя не прямо, а окольным путем, украв, как фокусник, у людей Его прощение, спрятав поглубже под ворохом земных сокровищ Его милость.

Если иметь в виду смерть как отказ от взаимности, то тайна Сына Божия состоит в том, что Он не умирал. Человеческое в Иисусе остановилось на кресте, сердце перестало биться, но Христос Своим Божеством продолжил жить, не оставляя нас, умерших, в тесноте гроба, а входя в него, нисходя навстречу нам, разрывая тьму самоизоляции.

Это движение к другим и есть свидетельство присутствия жизни, жизни жительствоющей, то есть такой, которая способна передать ее тем, кто раньше от нее отказался. Самая великая сила жизни явила себя в умирании, смерти Христа за других. Это снисхождение обретает всех, утраченных ранее. И опять никто не управляет человеком, оставляя его в свободе решить самому: возвращаться в жизнь или продолжать приятное упокоение в нежити. Хитрый соблазн, вывернутый наизнанку – пугать мертвеца тем, что он может умереть, и нам горе, что мы не чувствуем лукавства в этой страшилке, покупаемся на нее и верим ей, что живы и ужасаемся смерти. Грешно смеяться над мертвыми людьми, особенно когда они не понимают шуток. Подмени понятия, назови пошлое красивым – и красивого никогда не будет. Назовидохлое живым – и жизнь никогда не вернется.

Те, кто доверяют «Азбуке», могут сделать вывод, что участники беседы с иностранцем были обречены с тех пор, как молчаливо согласились с его пошлыми истинами. Как и все прочие его доброхотные слушатели.

«Имейте в виду, что Иисус существовал», – звучит пред воинствующими безбожниками, как смелая апология христианства с ноткой трогательной интимности. Вместе с тем это утверждение тоже чистейшая, наглая ложь. Иисус Христос не в прошлом – Он был, есть, будет. Он – Сущий. Еще одна ядовитая ложь в самом слове «существовал». Существуют потерявшиеся, оставленные, Христос всегда вместе, всегда живет.

Вначале, солгавши как бы по-житейски обыденно, Воланд исподволь подготовил пустое место для того, чтобы выкатить свою главную броневойную клевету, спрятанную в его романчике собственного сочинения. Если мы так или иначе (радуясь или злясь, или оставаясь безразличными) попадемся на нее, то обязательно станем сначала смешными, а потом жалкими. Но мы не можем в наших предположениях быть сами себе ревизорами, поэтому, переходя к анализу воландова сочинения, трепещем чистительского суда.

Глава X. О РАЗЛИЧЕНИИ ДУХОВ (сопоставительная)

Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?

Бывший мытарь

Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол»,
не верь глазам своим.

Козьма Прутков

Зачем нам два Синявских?

Хозяин

От всех известных нам книжных экспертов было получено одинаковое заключение, что Иешуа и Иисус абсолютно разные. Даже несчастный Берлиоз это признавал, хотя по его установке их обоих не было, а это значит, что они для нас обязаны быть идентичны по этой установке, как дырки от двух бубликов. Если мы имеем дело с разными личностями, встреченными на страницах книги, а не на перекрестках судьбы, то их инаковость будет особенно остро восприниматься благодаря цельности образов, написанных авторами текстов.

Не разная манера одеваться, говорить, не отличие в словарном запасе или культурном уровне, а именно совокупность всех качеств человека, рождающая неповторимый характер его отношений с окружающими людьми, позволяет узнавать человека, без риска перепутать с кем-либо. Назовем это правдой образа.

По нашему мнению, перед нами два правдивых образа, и в силу своей правдивости они становятся непримиримыми соперниками из-за того, что для них существует одно-единственное место во всех читателях (кроме самых изощренных). Каждому из нас предстоит выбрать, кому из них отдать предпочтение и оставить жить с нами, а кого вычеркнуть из круга интересов и общения. (Можно, конечно, как Берлиоз, махнуть сразу двух, или двух оставить, как принято у шизофреников.)

В реальной жизни между людьми не может быть такого конфликта (каждый занимает свое место, если только его не перепутали с кем-то). Вероятно, только клоны будут претендовать на право быть истиннее своего

донора, а одна личность в литературе, нарисованная несколькими писателями, приводит к столкновению правд, породивших различные литературные образы из-за особенности их зрения (или мировоззрения).

В нашем случае значительные совпадения в историческом контексте описываемых событий, совпадения в именах персонажей, схожесть тем их бесед только усиливают напряженность борьбы за наши симпатии и будут подчеркивать несовместимость Иешуа и Иисуса в принципиальных любителях реальности. Одинаковый окружающий орнамент только резче выделит несовпадения в тезках и будет подсказывать, какой характер носят их различия – технический, онтологический, эмоциональный.

А может быть, потребуется с особой тщательностью как-то иначе, дополнительно определить не только оружие, но и место их битвы, например, философия или мистика, и на их фоне попытаться разглядеть личностные особенности каждого. Интересно, что при некоторых обстоятельствах все, о чем мы только что упомянули, сами Иешуа и Иисус могли бы обсудить между собой в очной беседе и так выяснить свои взаимоотношения. Попробуем и мы, познакомившись с ними, определить, кем они являются друг для друга.

Для этого попытаемся двигаться в двух направлениях. Отыскивая внешнее сходство в событиях Евангельского рассказа и повести о Понтии Пилате, нам будет важно увидеть сквозь них не только инаковость их героев, но и выяснить, позволил ли себе Булгаков задрапировать наготу Иешуа, прикрыв его хотя бы какими-нибудь одеждами цитат из слов и поступков Иисуса Христа...

(Мак. л.)... Вы очень односторонни, и стали недавно так односторонни; и оттого стали односторонни, что, находясь на той точке состоянья душевного, на которой теперь стоите вы, нельзя не сделаться односторонним всякому человеку. Вы помышляете только об одном душевном спасенье вашем и, не найдя еще той именно дороги, которой вам предназначено достигнуть его, почитаете все, что ни есть в мире, соблазном и препятствием к спасенью. Монах не строже вас. Так и ваши нападения на театр односторонни и несправедливы. Вы подкрепляете себя тем, что некоторые вам известные духовные лица восстают против театра; но они правы, а вы не правы. Разберите лучше, точно ли они восстают против театра или только противу того вида, в котором он нам теперь является. Церковь начала восставать противу театра в первые века всеобщего водворенья христианства, когда театры одни оставались прибежищем уже повсюду

изгнанного язычества и притоном бесчинных его вакханалий. Вот почему так сильно гремел противу них Златоуст. Но времена изменились. Мир весь перечистился сызнова поколениями свежих народов Европы, которых образование началось уже на христианском грунте, и тогда сами святители начали первые вводить театр: театры завелись при духовных академиях. Наш Димитрий Ростовский, справедливо поставляемый в ряд святых отцов Церкви, слагал у нас пьесы для представления в лицах. Стало быть, не театр виноват. Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен. Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали. Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Отделите только собственно называемый высший театр от всяких балетных скаканий, водевилей, мелодрам и тех мишурно-великолепных зрелищ для глаз, угрожающих разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театр. Театр, на котором представляются высокая трагедия и комедии, должен быть в совершенной независимости от всего. Странно и соединить Шекспира с плясуньями или с плясунами в лайковых штанах. Что за сближение? Ноги – ногами, а голова – головой. В некоторых местах Европы это поняли: театр высших драматических представлений там отделен и пользуется одной поддержкой правительств; но поняли это в отношении порядка внешнего. Следовало подумать, не шутя, о том, как поставить все лучшие произведения драматических писателей таким образом, чтобы публика привлеклась к ним вниманием, и открылось бы их нравственное благотворное влияние, которое есть у всех великих писателей. Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр и многие другие из второстепенных писателей прошедшего века ничего не произвели такого, что бы отвлекало от уважения к высоким предметам; к ним даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипело у тогдашних писателей-фанатиков, занимавшихся вопросами политическими и разнесших неуважение к святыне. У них, если и попадаются насмешки, то над лицемерием, над кощунством, над кривым толкованьем правого, и никогда над тем, что составляет корень человеческих доблестей; напротив, чувство добра слышится строго даже и там, где брызжут эпиграммы. Частое

повторение высокодраматических сочинений, то есть тех истинно классических пьес, где обращено внимание на природу и душу человека, станет необходимо укреплять общество в правилах более недвижных, заставит нечувствительно характеры более устоиваться в самих себе, тогда как все это наводнение пустых и легких пьес, начиная с водевилей и недодуманных драм до блестящих балетов и даже опер, их только разбрасывает, рассеивает, становится легким и ветреным общество. Развлеченный миллионами блестящих предметов, раскидывающих мысли на все стороны, свет не в силах встретиться прямо со Христом. Ему далеко до небесных истин христианства. Он их испугается, как мрачного монастыря, если не подставишь ему незримые ступени к христианству; если не возведешь его на некоторое высшее место, откуда ему станет видней весь необъятный кругозор христианства и понятней то же самое, что прежде было вовсе недоступно..

(З. У. пр.)... Собеседник булгаковского Пилата доставлен к нему со следами побоев, в его взгляде не царственное спокойствие, а тревога. Кровоподтеки на лице узника открывают череду различий между ним и Иисусом Христом. Кроме того, имя узника дано в родной арамейской транскрипции, на языке народа, который не принял Евангельского Иисуса, и это тихонечко намекает на его местечковость, ограничивающую предназначение подсудимого кругом людей, знающих этот язык. В имени, произнесенном таким образом, нет возможности выхода на просторы вселенной, собравшей все народы, как было бы, будь оно возглашено на греческом языке (или латыни).

Как Бог и как безгрешный Человек, Иисус Христос был неуязвим для внешнего воздействия (болезней, ранений). И не знал препятствий, составленных из тварной материи. Падшая природа делает наше тело тяжелым и подверженным различным враждебным воздействиям. В чистоте первозданного Адама Сын Человеческий ходил по водам, проходил сквозь двери и людей, желавших схватить Его. Свое согласие Отцу на мучения и смерть Он объявил перед всеми гибнущими людьми при Своем Входе в Иерусалим и тем самым получил доступ к ним, страдающим от своего греха, став таким же страдальцем, но беспричинно, не вынужденно.

Добровольно отказываясь от полноты жизни, утесняя себя до бездыханного состояния, Он снизошел до равенства с нами даже в умирании. И тем самым в нашей земной кончине оставил возможность быть

с Ним во взаимности, как с равным. Главное и неожиданное чудо не только для людей, но даже для князя тьмы, состояло именно в сочетании Иисуса с человеческой смертью.

Дьявол как-то в отраженном, превратном свете помнил Бога и не был способен представить, что Он может сойти в человеческий гроб (в том числе и потому, что не способен представить, как сам сделает это). Смерть же Иисуса была дивно связана с Его всеведением. Он знал все зло людей, уже принесенное и еще должное совершиться (потому и может помочь вообще всем злодеям) и, целиком приняв Его своей человечностью, дал ему убить Себя и достиг дна ямы, вырытой на глубину всех могил человечества.

Он знает на Себе боль от всей нашей лжи, страдание от всех наших предательств и нашего презрения ко всему живому. Вся чаша беззакония и убийств, принесенная грешниками, была выпита Им. Храм Его тела мог быть разрушен только после того, как весь народ божий (включая нас) захочет Его смерти и крикнет: «Распни Его!!!» С согласия, активного или молчаливого, при доверии страху или безразличию (постоянному или сиюминутному), но именно с согласия всех людей Иисус был осужден на распятие. Только после громогласного произнесения приговора Пилатом от лица народа (очень демократично!), утвержденного единогласно, без воздержавшихся и несогласных, начинается время главного чуда Сына Божьего: Христа начинают истязать, проливая кровь и тем исцеляя вселенскую боль человечества.

К Пилату Христос был приведен после суда Синедриона, на котором Его удостоили плевков, пощечин и насмешек. Они, верующие братья, унизили Иисуса, исключили из своей религиозной организации, но применять грубое физическое воздействие предоставили язычникам.

Итак, до суда светского Христос был на церковном суде, и, хотя иудеи не имели права казнить, но смертный приговор они могли вынести, передав осужденного римской власти. Первый, а потому главный, суд состоялся у первосвященника, который и определил, что Иисус достоин смерти, поскольку делает Себя сыном Бога. Это и есть единственная истинная вина Сына Человеческого. Церковь, ожидающая Бога, отказала Богу в праве жить в ней.

Светская власть вынесла свою формулировку приговора, главной виной в котором было указание на претензию Иисуса быть царем (известно, что бог в царстве кесаря — это кесарь). Для людей, считающих себя верующими, важен первый авторитетный приговор, для людей, верящих

в земное счастье, значимей второй. Как раз для доказательства небожественной природы Христа лучшие служители церкви били Его по щекам и заушали, но сделано было это не с тем, чтобы нанести травмы, а показать всем низменное происхождение узника (от Отца, которого никто в глаза не видел), достойного пренебрежительного обхождения, что, по их мнению, невозможно было сделать по отношению к настоящему (которого бы Бог защитил от любого неуважения), а не этому мнимому, как им казалось, мессии.

В первой же сцене с Иешуа можно угадать, что в его планы не входит принесение жизни в жертву ни ради угнетенного злом добра, ни ради истинного блага добрых людей. Перед нами нет непорочного (ни в чем) агнца, а ведь только чистое и неподпорченное способно противостоять злу и дарить совершенство.

Евангельский жертвенный пасхальный Агнец был совершенным, без малейшего изъяна. Только прекрасный, только переполненный блаженством мог быть принесен на заклание и тем самым выручить всех убивающих Его.

Бичевание осужденного, по законам того времени, должно было заменить распятие, которое оказалось бы вторым наказанием за одно преступление (дважды не наказывали). Но Пилат с удивлением услышал от народа, что Иисус, как никто другой, все равно должен принять невозможную уже казнь и быть распятым. Наказание сверх меры всякого закона, как залог прощения сверх всякой меры (бездна милосердия против темной бездны). И дерзнувшему принять от Него такое прощение обещано, что они не увидят смерти вовек, то есть не будут уже одиноки, но всегда будут во взаимности со своим Спасителем, даже при необходимости перенести, как неизбежную утрату, смерть тела!

Еще раз: они не только не ощутят смерть в себе, этого мало: они не будут ее видеть в других (своим сердцем, полным избыточной жизни), а это верный признак того, что человек истинно живет и смерть им преодолена.

Хотя первое, беглое знакомство с подследственным бродягой из Галилеи со всей убедительностью уже сообщало, что он не может и не собирается спасать грешников, умерев за них, к нему добавляется подтверждение из его собственных уст. Неопровержимое свидетельство того, что этот узник не желает дать прощение другим ценой своего страдания, звучит в его первых (и таких привычных!) словах: «Добрый человек! Поверь мне...»

Иисус пришел и обратился к плохим, злым людям (к врагам) для того, чтобы спасти их. Иешуа обращается только к добрым людям, считая, что

тем самым укоренит их в доброте. У них разные, противоположные аудитории (или электорат) и у них противоположное отношение к тем, с кем говорят (один обличает плохих, жалея их, другой хвалит хороших, скрывая дурное в них).

Иисус знал, что люди не могут, не умеют верить, открыто сообщая нам, что мы род неверный, то есть неспособный к вере, верности и доверчивости, и предлагал исцелить от этого недуга.

Иешуа просит веры себе (значит думает, что ее можно найти в людях). У кого можно ее попросить? У добрых людей. Он не возрождает веру в других, он сам нуждается в том, чтобы с ним поделились доверием.

Не только не похожи, но противоположны в отношении к людям Иешуа и Иисус. В рассказе Воланда глаза арестованного после удара бичом обесмыслились. Иисус же, напротив, до последнего вздоха на кресте не только исполняет древние пророчества, наполняя их историческим содержанием, но утверждает новые смыслы, возрождающие жизнь в тех, кто не мог на это рассчитывать. Тот, ершалаимский, арестованный, наоборот, сам нуждается в поддержке властного мудреца и, конечно, не может являться логосом, подающим смысл всем ищущим его.

Мы уже начали разговор об именах, и вот, самое важное имя для «Азбуки» – Иисус Христос – Спаситель, Мессия. Сын Человеческий – Иисус и Сын Божий – посланец Неба, Царь Царства – Христос. Говорим о человечности – Иисус, говорим о Божественности – Христос. (Это одна из подсказок, помогающая при чтении Евангелия.) Иногда эти имена употребляются полностью вместе, иногда порознь, в зависимости от той из Его природ (Он имел две природы неслитно и нераздельно), проявление которой более заметно в этот момент. Этого имени достаточно, чтобы полностью узнать, услышать евангельского Спасителя. Персонаж из истории Воланда носит имя только человеческой составляющей – Иешуа, но Га-Машиах (имя мессии на арамейском) – отсутствует. В Ветхом Завете встречались люди с именем Иешуа, но они, как человеческие отпрыски своего народа, ожидавшего посланника с этим именем, лишь напоминали о грядущем вселенском событии. Они порой спасали (или помогали спасать) свой народ из плена, но не плена греха и смерти, а плена у инородцев, а порой совершали дела противоположные своему назначению, превращаясь в карикатуры своего имени.

Иисус вышел из Дома Хлеба, а Иешуа из Гамалы. Христос в Вифлееме был хлебом, сошедшим с небес, позвав во время оно нуждающихся в устланную горницу на преломление хлеба. Так что еще не дослушав до

конца повесть Воланда, мы уже знаем, что Иешуа этого тоже не будет делать, и даже не задумается о чем-то подобном.

Иисус Христос не только знал своих родителей, но и всех зовет узнать их, ведь без этого не будет настоящего знакомства и с Ним. Надо знать всех своих предков и всех предков ближних, потому что они наша неотъемлемая часть. Евангелие так и начинается с родословной Иисуса Христа. Он в первую очередь знакомит нас со всеми, кто дал Ему возможность во-человечиться.

Иешуа – безроден, он ниоткуда. Он не знает ни отца, ни матери. У него нет прошлого, он конечен, он сирота, бродяга среди человеческих душ. Его путешествия из селения в селение лишь обнажают его внутреннюю неприкаянность.

Иисус не путешествовал, он ходил в поисках заблудших овец, собирал их, становился живым домом для них, и они, открывая Ему взаимностью свою душу, становились для Него домом. Мы вслед за Ним путешествуем по времени для того, чтобы найти душу друга – единственное надежное и вечное жилище для нас. Если она примет нас, мы уже никогда не увидим смерти-одиночества.

Христос постоянно пытался донести до своих учеников, что Он всегда не один. Он настаивал на этом и хотел, чтобы мы захотели того же, а захотев, разорвали свою самозамкнутость, узнали Его и Его Отца, приняли Духа, который возвестил бы нам все.

Свидетельство Иешуа поистине сатанинское: «Я один в мире». Это девиз дьявола, начертанный на гербе каждого злодея, апологета тьмы. Иешуа мертв и выносит из уст то сокровище, которым переполнено его сердце.

Умело подделывает Воланд речь Иешуа относительно старого храма. Издали она похожа на новозаветные пророчества (хотя и помечена революционной пафосностью), но внутренне противоположна им. В ней он радостно утверждает, что старая вера будет разрушена, и это новое злое пророчество зла, грозящее гибелью всем надеждам грешников встретить мессию своей веры и зажить в единстве с ним.

Христос возвещал противоположное, что старая вера исполнится, осуществится, и люди дождутся Спасителя и Он возродит их храмы души и наполнит их жизнью. Этому воссозданию отводилось три дня, после того как храм Самого Христа – его тело – будет разрушено. Новые мехи примут новое вино, но старые мехи и старое вино будут всегда служить для их воссоздания. Они не выбрасываются, они оставляются для рождения новой жизни в человеке, который в своей свободе мог бы выбрать лучшее

для себя. В новом вине будет сила, способная преодолевать смерть, и вкушившие его все разрушенное и утраченное будут возвращать к бытию.

Продолжая сопоставление любых на выбор поступков двух женихов, убеждаемся в их антагонизме. Стоя перед Пилатом, Христос не отвечал на обвинения, сфабрикованные священниками и старейшинами. Он мог без устали разъяснять истину тому, кто желал разобраться, а с теми, кто намеренно клеветал, лгал, Он не беседовал никогда и нам не велел. Иешуа же оправдывается, пытается объясниться с наветами, воздвигнутыми на него, уладить недоразумения. Не царская это позиция, не пророческая, не спасительная. Не должно доброму человеку метать бисер перед свиньями (теми всеядными, которым что правда, что не правда – все равно). «Азбука» велит нам даже внутри, в мыслях, в сердце не отвечать на клевету – иначе мы признаем ее право на существование. То, что ложно – того просто нет, а пустота не достойна никакого внимания!

Что же касается собственно рукотворного здания Иерусалимского храма, то Христос предсказал, что на его месте не останется камня на камне, о чем Иешуа не знал и не сообщал.

Каждая встреча с новымиотягчающими обстоятельствами пугает проповедника успокоительных теорий, и малейшая угроза чего-то нехорошего вновь зажигает ужас в его глазах. Даже среди слабых людей находятся те, кто мужественно может смотреть в глаза палачу. Иешуа не из их числа. Булгаков последовательно показывает, что Иешуа не одомашненный Иисус, которого восприняли по-человечески пошловато. Перед нами подлый двойник Христа, призванный оклеветать и подменить Его удобной доступностью для разума доброго обывателя, а затем убаюкать остатки совести слушателей, подпитывая их осознанием превосходства над примитивным оракулом, вызывающим сентиментальную жалость к нему (приятно греющее самолюбие у добрых людей).

Даже незначительное, на первый взгляд, различие в деталях двух соперничающих историй тоже способно выявить несовместимость в их однопименных героях. За Иешуа записывали его проповеди. Это чуть-чуть придает ему сходство с тем, как внимали Иисусу. Да, с одной стороны, «Азбука» говорит о том, что Христос умел писать, но при этом не оставил ни одного письменного свидетельства. Ему было важно, чтобы люди услышали, поняли Его своим нутром. Оно воспринимает непосредственно, без посредников, даже в виде бумаги, и оно не забывает, оно не перепутает.

Если бы ни один человек не уловил, не понял своей глубиной Христа – Его миссия была, как уже говорили, бы безрезультатной. От уст к уста

(а не из записей с авторским свидетельством) передается вера, потому что в ней главное не сведения о вере, а Тот, Кто говорит. Узнать Его, встретить-ся с Ним – вот цель веры и ее единственное содержание.

Вроде похоже, но, с другой стороны, при земной жизни Христа за ним никто ничего не записывал, все записи остались на скрижалях души. Только спустя несколько лет после вознесения Иисуса появились книги учеников, запечатлевшие их свидетельства о Нем, но это было сделано в ответ на написание вымышленных или приукрашенных, переиначенных на вкус посторонних наблюдателей басен о пришествии Христа. Против лжи были составлены книги евангелистов, но знакомиться со Христом все равно нужно было лично, а они дополняли и укрепляли это знакомство, защищали от клеветы.

Нельзя встретиться со Христом, если в человеке возникнет доверие к Его искаженному или подставному образу. Против двойников, против антихристов в виде многообразных Иешуа были книги Нового Завета. Однако будем помнить, что вера строится не на отрицании чего-либо, например, зла, а на непосредственном слышании Спасителя. Единственно верным может быть только свидетельство из уст лично вопрошаемого, лицом к лицу...

(Мак. л.)... Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению. Нужно ввести на сцену во всем блеске все совершеннейшие драматические произведения всех веков и народов. Нужно давать их чаще, как можно чаще, повторяя беспрерывно одну и ту же пьесу. И это можно сделать. Можно все пьесы сделать вновь свежими, новыми, любопытными для всех от мала до велика, если только сумеешь их поставить как следует на сцену. Это вздор, будто они устарели, и публика потеряла к ним вкус. Публика не имеет своего каприза; она пойдет, куда поведут ее. Не попотчевай ее сами же писатели своими гнилыми мелодрамами, она бы не почувствовала к ним вкуса и не потребовала бы их. Возьми самую заиграннейшую пьесу и поставь ее как нужно, та же публика повалит толпой. Мольер ей будет в новость, Шекспир станет заманчивей наисовременнейшего водевиля. Но нужно, чтобы такая постановка произведена была действительно и вполне художественно, чтобы дело это поручено было не кому другому, как первому и лучшему актеру-художнику, какой отыщется в труппе. И не мешать уже сюда никакого приклеиша сбоку, секретаря-

чиновника; пусть он один распоряжается во всем. Нужно даже особенно позаботиться о том, чтобы вся ответственность легла на него одного, чтобы он решился публично, перед глазами всей публики сыграть сам по порядку одну за другою все второстепенные роли, дабы оставить живые образцы второстепенным актерам, которые заучивают свои роли по мертвым образцам, дошедшим до них по какому-то темному преданию, которые образовались книжным научением и не видят себе никакого живого интереса в своих ролях. Одно это исполнение первым актером второстепенных ролей может привлечь публику видеть двадцать раз сряду ту же пьесу. Кому не любопытно видеть, как Щепкин или Каратыгин станут играть те роли, которых никогда дотоле не играли! Потом же, когда первоклассный актер, разыгравши все роли, возвратится вновь на свою прежнюю, он получит взгляд, еще полнейший, как на собственную свою роль, так и на всю пьесу; а пьеса получит вновь еще сильнейшую занимательность для зрителей этой полнотой своего исполнения, — вещью, доселе неслыханной! Нет выше того потрясения, которое производит на человека совершенно согласованное согласие всех частей между собою, которое доселе мог только слышать он в одном музыкальном оркестре и которое в силе сделать то, что драматическое произведение может быть дано более разов сряду, чем наилюбимейшая музыкальная опера. Что ни говори, но звуки души и сердца, выражаемые словом, в несколько раз разнообразнее музыкальных звуков.

(З. У. пр.) ... Полусовпадений оказалось так много, что мы впредь будем обсуждать их кратко, по-деловому.

«Левий сказал, что пойдет со мной путешествовать», — так объясняет Иешуа присутствие Левия рядом с собой. Иисус сам призывал апостолов и у апостолов были другие цели и мотивы — путь вместе с Христом, но путь не странствий за новыми впечатлениями, а познания друг друга. Христос именовал себя Путем, поскольку во взаимности с Ним постоянно раскрывались новые возможности жизни. Выбрав Путь, апостолы каждый день удивлялись, даже оставаясь на прежнем месте, не находя прежними себя и окружающий мир. Доверчивое, непрестанное раскрытие себя друг другу — вот путь в Вечности, а ковыляние в группе бродяг — путь в пустоту.

Пилат булгаковский не просто удивляется, он не верит тому, что мытарь выбросил деньги, которые собирал. Не это было главное и удивительное в апостоле Матфее; он не только оставил мытницу, но раскаялся и получил прощение, а вслед за этим сам получил власть отпускать грехи

нуждающимся в этом. Иешуа не мог дать это своему ученику, да тот и не искал у него прощения своему злу. «Безумие», обуявшее Левия и смутившее Прокуратора, не только скромнее, но и не может быть поставлено в сравнение с той переменной, которая случилась в тезоименитом евангелисте.

Случается, разные Пилаты задают очень похожие вопросы к Иешуа и Христу, но и в них присутствуют обязательные отличия, например, такие: «Что такое истина?» и «Что есть истина?». В обоих случаях есть ошибка в вопросительном слове, тут они равны, но и на ограниченном пространстве из одного изменяемого слова версия Воланда умеет максимально снизить уровень диалога. И если, в соответствии с этим уровнем, Иешуа называет истиной ничтожный факт, то Христос предлагает живую благодатную Истину – Себя, причем принявший Ее будет возрастать до Ее величия. Какие разные сокровища! Одно – мелькнувшая пылинка, другое – все сущее в единстве. Чтобы выбрать второе нужно доблестно верить, что способен вместить такую Истину, ну а первое доступней и дороже покойнику.

Иешуа удивляется и раздражается на то, что его не понимают правильно, все путают. Христос знал, что людям надо измениться, чтобы понять Его. Он многократно объяснял слушателям, что Его слово особое, доселе невиданное среди грешников. Его просто так не услышишь, это возможно лишь очистив сердце. Это слово не вмещается в человека, и чудом является то, что некоторые слышат (парадокс здесь и еще в том, что слышат Его глухие, а слышащие – не слышат и остаются к Нему глухи). Слово Христа неотмирно, только заставив замолчать в себе мир*, можно услышать его. Оно само в себе имеет невиданные, но незыблемые законы и связи, угнетающие, мучающие изменчивых, разъединенных людей так, что для одних (земных мудрецов) будет безумием, а для других, считающих себя хранителями веры – соблазном. Христос пришел глухих сделать слышащими: исцелись, восстань из мертвых – и услышишь. Так легко разрешается предложенный парадокс, и очевидно, что ощущающим себя живыми исцеляться не надо. Это действительно безумно для них.

Иешуа благодетельствует Пилату и без его просьбы исцеляет у него головную боль. Христос пришел исцелять, но не навязывал Свое добро, а ожидал просьбы и только тогда помогал просящим сверх ожидаемой меры. Мы еще услышим в романе мудрое правило гордых людей не просить.

* Здесь мир – это не окрестный шум, а голос несытых желаний, обид, боли, зависти, самодовольства, чувств, мечтаний, страхов недоразумений, всего, что есть эгоистичного во внутреннем человеке.

Мы подозреваем, что многие начнут презирать «Азбуку» и ее законы, когда узнают, что одной из заповедей Христа была заповедь о том, что для получения дара у друга нужно его просить. Не кланяться, не вырывать, а оставляя свободу отказать без последствий – просить, то есть не прятаться, а открыто высказать свое желание, свою нужду, и именно доверчивое раскрытие своего ожидания позволяет с радостью ответить исполнением просьбы. Тут простая честная взаимность друзей. Угадывать просьбы, навязывать благо без его пожелания – унижение блага и разрушение взаимности. Именно так, только в ответ на просьбу помогал Иисус Христос, и Ему была необходима взаимность, без нее Он не может действовать, идти навстречу. Он не насилует даже добром. «Азбука» свидетельствует и для нас, людей, неизбежность этого закона: добро в личных отношениях, сделанное с принуждением, есть зло (в царстве кесаря наоборот, добро всегда совершается с понуждением).

Нам от себя хочется выступить в защиту Евангельской заповеди. Попробуем пояснить ее так. Не может быть брака, не может быть дружбы без взаимных просьб разделить жизнь. Выше просьбы «Войди ко мне в жизнь навсегда, без тебя будет существование» ничего нет. Если она произнесена, и на нее ответили согласием, то остальные просьбы будут как детки, как то, что рождается от главного. Без главного всякие прошения нечисты, подобно тому, как нечисто, подло использование чужого тела для удовольствия с нежеланием принять в единство душу ближнего. На самом деле эти просьбы не будут восприниматься как нечто неудобное, некрасивое. Более того, любящий, заметив, что его стесняется просить любимый, будет оскорблен и ранен недоверием. Для него станет несчастьем невозможность одарить друга. (Конечно, в царстве кесаря, где все чужие друг другу, должны быть другие, противоположные законы.) У людей нынче нет друзей, поэтому им до отворачивания трудно просить (не у кого) и трудно отдавать (некому).*

Еще более существенное отличие между исцелениями Иешуа и Иисуса скрытано на более глубоком уровне их личностей. Персонаж из истории

* Евангельские заповеди могут показать нам как мы живем, прояснить нам кто для нас наши ближние. Для этого закон надо проверить с его обратного конца. Если мне трудно просить и трудно отдавать другу, то я лгу себе, между нами нет дружбы, а если честнее, то я ему не друг. В этом анализе, по виду простом тоже есть место для самообмана. Рабское может подменять дружеское. Если мне легко ответить на просьбу, но при этом у меня нет свободы не отвечать, то есть в случае, если есть привычка к вежливому поведению или страх обидеть отказом поможет незаметно спрятать желание, угодить, привлекательно выглядеть в глазах другого, то и тут дружеских отношений еще не было. Если мне легко просить, прошу всегда, с удовольствием, могу просить настойчиво, навязчиво, стыдом ли, угрозами шантажировать дающего, то я попросту попрошайка, развращённый лентяй, нахлебник, паразит на теле своей жертвы. Точно так же эти отношения назвать дружбой нельзя. Опять отметим, что крайности, как и односторонность в поведении всегда сигнализируют о внутренней лжи человека и о том, что дела его злы, хотя опять-таки могут быть очень приятны на вид.

Воланда врачевал, как экстрасенс или народный целитель, оккультист или маг, на худой конец, как опытный фельдшер. Он помогал преодолеть или смягчить заболевание, и это неплохо для царства кесаря. Христос для того, чтобы исцелить человека, обязательно прощал его грехи, побеждая болезнь до конца (от ее начала). Все, к кому прикоснулась Его исцеляющая милость, в этот момент получали прощение своих грехов. Не может помочь Бог только оболочке человека, Его благо восстанавливает целостность и здоровье падшего, включая и душу, и тело. Хочется напомнить, что прощение греха означает восстановление братских, родственных отношений единства, так что прощенный и простивший воссоединяются во взаимности и именно воссоединение в дружбе дает толчок к исцелению (восстановлению целостности) человеческой плоти и духа в первозданное состояние. (Мы можем немедленно утратить возвращенное нам здоровье неблагодарностью, воспоминанием греха или новым предательством, но это произойдет опять-таки только по нашей воле, а не по недосмотру Бога или чьему-то злому желанию.) Вместо вывода мы обратим общее внимание на то, что если кто-либо, хотя бы однажды узнавший на себе прощение от Бога, прочитает строчки «Мастера и Маргариты» о трогательной заботе арестанта к своему гражданину начальнику, то непременно ужаснется от одного предположения, что вместо Иисуса перед настоящим Евангельским Пилатом мог оказаться Иешуа.

Громко кричит о лжи в словах Иешуа то, что он не просто готов доказывать свою правоту, но готов поклясться в свидетельство подлинности заявляемого (полбеды, что это прямое нарушение заповеди «не клянись!»)

Не так у Христа. У Него самое тихое слово было исполнено силы, все, что Он говорил, становилось делом, делом в вечности. В Нем открылось, почему не стоит произносить клятвы — просто они признак лжи, которую надо прикрыть для убедительности каким-нибудь официальным листком с печатью. Слова, наполненные истиной, не требуют украшательств и доказательств, более того, они убьют истину и желающий всегда услышит их, а без желания их лучше не слышать. Но сказка не сразу сказывается, и в конце романа Иешуа изменится, он произнесет в своей гордости еще более сильную клятву в ответ на просьбу Пилата, но об этом в свое время...

Мы помним беседу Воланда с писателями о том инкогнито, который подвешивает на ниточке или управляет жизнью человека и в его ершалаимской повести появляется похожий на нее диалог. В нем интересны не вариации на тему, а то, что мысли, предложенные консультантом, повторяет Иешуа. Эта ситуация совпадает с театральной постановкой, когда

актер повторяет реплики за суфлером. Может быть, совсем не зазорно среднему обывателю или бродяге иметь такого суфлера, как Воланд. Но для человека с именем Иешуа это было бы не просто позором, а преступлением, если считать его недругом сатаны, призванным разрушить его державу мертвецов. В том-то и дело, что его нужно считать не врагом сатаны, а своим ему. Этот маленький эпизод, по нашему мнению, намекает, без права быть оспоренным, что Иешуа – это подручный Воланда, его слуга с особым заданием. А какое задание и думать не надо – помогать Воланду противостоять Христу, утверждавшему, что только выбор человека определяет его жизнь. А как помогать, тоже ясно с самого начала – подменить Иисуса, воссесть на Его место и развязать руки сатане, своему работодателю. Кто-то может сказать, что Иешуа фигура вымышленная, но если к вымыслу отнестись с симпатией, то он станет господином своего мечтательного слушателя, его вполне реальным и строгим управителем*.

Иешуа сообщает Пилату, что до всего доходит своим умом и именно то, до чего дошел, проповедует. Для самоучки вполне достойное поведение, но по своей сути противоположное служению Христа. Сын Божий настаивал на том, что все, о чем говорил, видел у Своего Отца и Его дела есть исполнение воли не Его Самого, а Отца. Разные деревья, разные будут и плоды. Именно единство с Отцом, служение и проповедь Христа делали истинным, в подтверждение Священного Писания, в котором только свидетельство как минимум двоих может быть верным. Свидетельство одиночки считалось соблазном, губящим слушателя.

(Мак. л.)... знаю, как много у нас есть охотников прикомандироваться сбоку во всяком деле. Чуть только явится какое место и при нем какие-нибудь денежные выгоды, как уже вмиг пристегнется сбоку секретарь. Откуда он возьмется, Бог весть: точно, как из воды выйдет; докажет тут же свою необходимость ясно, как дважды два; заведет вначале бумажную кропотню только по экономическим делам, потом станет понемногу впутываться во все, и дело пойдет из рук вон. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили все должности, сбили и спутали отношения подчиненных к начальникам и обратно начальников к подчиненным. Мы с вами еще не так давно рассуждали обо всех должностях, какие ни есть в нашем государстве. Рассматривая каждую в ее законных пределах, мы

* Ложь, которую незаметно повторили, становится правдой для человека, он напрочь забывает то, что было до этого и пребывает в новой нереальной реальности, как подлинной и единственной.

находили, что они именно то, что им следует быть, все до единой как бы свыше созданы для нас с тем, чтобы отвечать на все потребности нашего государственного быта, и все сделались не тем оттого, что всяк, как бы наперерыв, старался или расширить пределы своей должности, или даже во все выступить из ее пределов. Всякий, даже честный и умный человек, старался хотя на один вершок быть полномочней и выше своего места, полагая, что он этим-то именно облагородит и себя, и свою должность*. Мы перебрали тогда всех чиновников от верху до низу, но секретарей позабыли, а они-то именно больше всех стремятся выступить из пределов своей должности. Где секретарь заведен только в качестве писца, там он хочет сыграть роль посредника между начальником и подчиненным. Где же он поставлен действительно как нужный посредник между начальником и подчиненным, там он начинает важничать: корчит перед этим подчиненным роль его начальника, заведет у себя переднюю, заставит ждать себя по целым часам, – словом, вместо того чтобы облегчить доступ подчиненного к начальнику, только затруднит его. И все это иногда делается не с другим каким умыслом, как только затем, чтобы облагородить свое секретарское место. Я знал даже некоторых совсем недурных и неглупых людей, которые перед моими же глазами так поступали с подчиненными своего начальника, что я краснел за них же. Мой Хлестаков был в эту минуту ничто перед ними. Все это, конечно, еще бы ничего, если бы от этого не происходило слишком много печальных следствий.

<...> в управлениях по части искусств, художеств и тому подобного правит или комитет, или один непосредственный начальник, и не бывает места секретарю-посреднику: там он употреблен только записывать определения других или вести хозяйственную часть; но иногда случается и там, от лености членов или чего другого, что он, мало-помалу втираясь, становится посредником и даже вершителем в деле искусства. И тогда выходит просто черт знает что: пирожник принимается за сапоги, а к сапожнику поступает печенье пирогов. Выходит инструкция для художника, писанная вовсе не художником; является предписание, которого даже и понять нельзя, зачем оно предписано. Часто удивляются, как такой-то человек, будучи всегда умным человеком, мог выпустить преглупую бумагу, а в ней он и душой не виноват: бумага вышла из такого угла, откуда и подозревать никто не мог, по пословице: “Писал писачка, а имя ему собачка”.

* А среди священнослужителей могут ли найтись форменные чиновники и секретари? – (прим. З. У.)

Нужно, чтобы в деле какого бы то ни было мастерства полное его производство упиралось на главного мастера того мастерства, а отнюдь не на каком-нибудь пристегнувшемся сбоку чиновнике, который может быть употреблен только для одних хозяйственных расчетов да для письменного дела. Только сам мастер может учить своей науке, слыша вполне ее потребности, и никто другой.

Только один истинный актер-художник может слышать жизнь, заключенную в пьесе, и сделать так, что жизнь эта делается видной и живой для всех актеров; один он может слышать законную меру...

(З. У. пр.) ... Знакомство-противостояние с Иешуа началось... Похож, не похож? Ведь должна же быть поправка на индивидуальное восприятие рассказчика, чем больше друг от друга отличаются рассказчики, тем значительней может быть поправка. Ну, примерно так, что для одного высокий, а для другого даже очень низкий. С такими натяжками (при учете субъективности наблюдений) мы можем совместить очень многое в Иешуа с Иисусом. Если приложить старание, то совместить можно все, кроме одного, которое категорически до полной противоположности их разнит: один пришел спасать Собой, другой – нет. Какова же цель другого? Удивить всех чем-то неслыханным или передразнить, посмеяться, обесмыслить? Выразить себя или отвлечь на себя внимание от первого?

ЧАСТЬ II

Глава XI. О ПРЕХОДЯЩЕМ (грустная)

Где наша не пропадала.

Словарь утешений

Вот нечестивый зачал неправду,
Был чреват злобою и родил себе ложь;
рыл ров, и выкопал его, и упал в яму,
которую приготовил.

Отец Соломона

Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом.

Козьма Прутков

Вряд ли какие-нибудь похожие мысли мелькали (краткое время еще) в голове Берлиоза, но он (почему? тяга к какой-то справедливости? привычка на партийных собраниях быть принципиальным или какая-то неведомая, сохранившаяся с детства интуиция?) и без этих мыслей, не увлекся и не вдохновился повестью иностранца. Как следствие, он в качестве главной, но совершенно неубедительной претензии к истории Воланда обозначил полное ее несовпадение с евангельскими рассказами. (Понимал ли этот уважаемый человек в очках, что в этот момент он смешон, а ведь это тоже провозвестник его близкого конца.) Впрочем, в данном случае главное не повод, а результат, главное, что Михаил Александрович не доверился, не принял с воодушевлением только что услышанное от своего тайного учителя и вдохновителя. Именно эта неспособность обрадоваться новым откровенным вымыслам сатаны стала причиной того, что Берлиоз был зарезан комсомолкой, а заодно смысловым ключом к пониманию всего романа. Как говаривал некогда один из наследников Берлиоза: «Вот где

собака порылась», и был несомненно в этом прав и обаятелен. Михаил Александрович Берлиоз верой и правдой послужил антихристианству (простите за вычурность!). Отдал все, что мог, ради общего блага не щадил сил и, пришло время, он исчерпал себя. Пользы от него уже не было никакой (хорошо, что этого не заметили посторонние)*.

Мало смести с дороги Христа и все, что к Нему относится, мало Его вычеркнуть из серого вещества соплеменников. Сатане этого мало. Это грубое убийство, топорная работа, не способная принести хорошие, устойчивые, необратимые результаты. Конечно, в начале необходимо обрушить прежнее здание, потому как свержение колоссального авторитета, скрепленного трудами тысячелетий – наиважнейшее, наинужнейшее, можно сказать, сверх архизначимое дело. Но рассеется дым крушения и из обломков развалин начнут возводить помещения, чтобы как-то перезимовать. Казалось бы, никчемные, выброшенные на помойку истории осколки былого величия могут согреть, укрыть, выручить. Конечно, здесь не может быть места массовым прозрениям, но и опасность, исходящую от одиночек, нельзя преуменьшать. Вера заразна. Против нее нужны строгий карантин и поголовные прививки. Поэтому на место взрывников-очистителей должны прийти другие, более гибкие, более самостоятельные, более изобретательные, что ли. Кто они и над чем будут работать? Они наследники и будут творчески, по-своему продолжать дело ниспровержения авторитета.

«Азбука» говорит, что свято место пусто не бывает. Этот закон не может отменить сатана, но и его, извернувшись, он может использовать с прибылью для себя. Святое место надо заполнить, но заполнить так, как он умеет – видимостью, натуральным призраком, зыбким отражением, под которым останется зияющая пустота. Галлюцинацией сердца, миражом сознания, иллюзией совести. Иначе свободное место может тревожить всех некой незавершенностью, оно может породить опасное ожидание. Да, есть план лучше, ярче, азартней – план, по которому нужно подменить авторитет, поставить двойника, подвязанного на ниточке, который будет для черни приятен во всех отношениях, и толпы народа в едином порыве с глубоким удовлетворением согласятся на него. Со временем двойник обрстет вниманием и мифами, воспользуется чужими заслугами, заинтригует сомневающихся, ожесточит, разъярит недобитых традиционалистов или смешных ортодоксов, которые своим праведным беснованием создают дополнительный эффект правдоподобности. В общем, антиавторитет

* Если не считать за подтверждение его окончательной никчемности отсутствие элементарного огорчения среди его приспешников.

станет действующим обновленным авторитетом, который будет лучше понят, чем прежний, благодаря общему прогрессу опять-таки коллективного сознания. Ну а подставной, например, Иешуа, обоснуется в головах поклонников, станет в доску своим на чужом месте. Как же приятно, пусть даже слегка, заставить людей поклониться самозванцу и расположиться своей душой доверием к мерзости.

«Азбука» с первых веков христианства указывает на то, что главный враг не очевидное всем зло, а подмена блага, которую не замечают. Подать на тарелочке не само, а вместо него. В греческом языке приставка «анти» и означает «вместо». Уже в те первые апостольские времена было много антихристов, люди призывались к тому, чтобы верить в Христа, в Его подлинности, не впуская никого вместо Него. Сообщалось также, что они, эти «анти», всегда присутствуют в мире, ждут своего часа последнего времени, когда останется один самый главный антихрист, очень добрый человек, которому поклонится до земли не та или иная ограниченная группа, а весь мир. Привлекательная игра сулит много удовольствий, ведь одно дело – мучить кого-нибудь, но совсем другое наслаждение, когда он без твоей помощи сам умучивает себя намного больше и разрушительнее, чем кто-то со стороны. Христианское пророчество говорит, что в последние времена демоны будут отдыхать, поскольку люди превзойдут их в делании зла. И тут не один и не два, а уже много человек окажется сильнее ангелов, правда, падших.

Подведем промежуточный итог. На смену разрушителям должны прийти те созидатели, которые будут помогать внедрять подделку в том числе и тем, что они сами будут в нее искренне влюблены, или, по крайней мере, временно очарованы ей. Среди них некоторые будут только безоглядно верить в нее, а некоторые даже дорастут до того, чтобы прислуживать ей. Настало время издать приказ по войску Воланда: те, кто сделал свое дело, должны уйти, уйти принципиально, по-деловому быстро, чтобы не мешать участникам новой стадии игры в бисер*. Дебют закончен, начинается миттельшпиль. План на него хорош, но тот, кто будет участвовать в нем, косвенно, сам того не желая, все-таки засвидетельствует о настоящем свете, так как будет бежать от него, прятаться, может быть, незаметно для самого себя.

В «Азбуке» есть слова Христа о том, что сыны тьмы не идут к свету потому, что дела их темны, а свет может обнаружить их зло не только перед

* По-видимому, по-своему переприменить Евангельские слова о том, что кое-кто пришел к своим и свои не приняли его ко всем Латунским и Ариманам, только с оргвыводами, Воланду очень приятно.

всеми, но и перед ними самими. Поэтому даже не признавая Бога, беглец от Него в своей нетревожимой глубине знает, что Бог есть. Но ситуация изменится, если появится ложный свет. В этом случае существует более удобная возможность забыть о настоящем свете так, что даже при встрече с ослепительным светом человек не заметит его – вслед за изменой свету в нем отмирают органы, способные его воспринимать.

Можно заметить, что планы сатаны по растлению всего общества совпадают с хорошо отработанными методиками по растлению отдельно взятого человека, что называется – один дух. Согласно заведенному порядку, в коллективе своих сотрудников, уже сделавших твердый выбор между ним и Богом, дьявол может открываться, а вот сомневающимся и колеблющимся не должен до поры, чтобы невзначай не оттолкнуть их к Богу. Странно, непонятно, но история свидетельствует, что честные злодеи (не двоедушные, а именно те, которые искренне верили во зло, как в чистейшее добро, но без личных отношений с темными субъектами), в конце концов открывали для себя Бога и вера их была необыкновенно ясной, сильной, преданной. Человек, честно ищущий, сомневающийся в себе, даже если он на каком-то этапе ошибся, встретится с истиной. Самодовольный или теплохладный (равнодушный) – нет.

В наше время существует множество оккультных практик, которые толкуют о темных энергиях, дурных полях, нехороших предопределениях, а морду, которая прячется за ними, не называют, скрывают, прикрываясь ссылками на древние знания и новые научные открытия, предлагая любопытным играть вслепую. Попривыкнет человек к небывальщине, осмелеет в риске своей головой, появится вкус к остренькому – тогда, пожалуйста, можно и морду показать.

Мы осознаем, что привели не доказательство, а только тенденцию, на которую люди могут не обращать внимания.

И все-таки одних лукавых путей, чтобы уловить пусть даже не очень соблазнительных людишек, маловато. Кое-что впечатляющее должен предложить и сам кукольник. Многие, конечно, знают, что Бога нет, но одновременно с этим они также ясно представляют, что если бы он был, то он был бы всемогущим, всезнающим и мог бы всем управлять. Воланд претендует именно на то, чтобы быть богом. Глубина его предвидения, точность его предсказания убедительно доказывает его жертвам, что он бог. Тут-то, тут, когда под трамвай толкнул – честен перед ротозеями, всемогущ! Но «Азбука» упрямо повторяет свое: врет, ничтожен.

Берлиоз не был связан с жизнью и поэтому был предсказуем, как предсказуем бином Ньютона. Причинно-следственная связь в нем была жестко отрегулирована, и определенный раздражитель вызывал совершенно определенный отклик (стыдно признаться, но и нам это знакомо). Примеры на удачу: партия скажет «надо» – Берлиоз ответит «есть»; покажи ему чуждый элемент – Берлиоз побежит закладывать; покажи Христа – в обморок от отвращения упадет. Чем материальнее (научнее, что ли) человек, тем больше на него оказывают влияние происки врагов, погода, звезды, луна. Можно так ослабеть, что движение кошачьего хвоста будет, как приказ к исполнению. Воланд слегка продемонстрировал этот механизм в действии, вслух определяя положение планет, хотя, конечно, по большей части это было маленькой комедией в стиле Бегемота. Итак, можно ли знать, когда кирпич упадет с крыши, если ты сам устанавливаешь место и время, когда столкнешь его ботинком (ну, а если не собираешься толкать, тогда и не упадет?)? Если бы школьникам дали решать эту задачу, то и среди них нашлись бы те, кто правильно дал ответ (так как не раз уже сбрасывали кирпич и с крыши, и с моста, и с балкона соседей). Просим заметить, что все остальные, сосредоточившие свое внимание только на последствиях падения, думали бы, что верный ответ может знать только пророк...

(Мак. л) ... Наконец, живя весь в своем искусстве, которое стало уже его высшей жизнью, которого чистоту блюдет он как святыню, художник-актер не попустит никогда, чтобы театр стал проповедником разврата. Итак, не театр виноват. Прежде очистите театр от хлама, его загромоздившего, и потом уже разбирайте и судите, что такое театр. Я заговорил здесь о театре не потому, чтобы хотел говорить собственно о нем, но потому, что сказанное о театре можно применить почти ко всему. Много есть таких предметов, которые страдают из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: «Рассердясь на вши, да шубу в печь», то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу. Односторонние люди и притом фанатики – язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть. У них нет никакого смирения христианского и сомнения в себе; они уверены, что весь свет врет и одни они только говорят правду. Друг мой! смотрите за собой покрепче. Вы теперь именно находитесь в этом опасном состоянии. Хорошо, что куда вы вне всякой должности и вам не вверено никакого управления; иначе вы, которого я знаю, как наименее способного к отправлению самых

трудных и сложных должностей, могли бы наделать больше зла и беспорядков, чем самый неспособный из неспособнейших. Берегитесь и в самих суждениях своих обо всем! Не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть на свете, видя во всем одно бесовское. Их удел – впадать в самые грубые ошибки. Нечто тому подобное случилось недавно в литературе. Некоторые стали печатно объявлять, что Пушкин* был деист, а не христианин; точно как будто бы они побывали в душе Пушкина, точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догмах христианских, за которые и сам святитель Церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовля себя к тому глубочайшей святостью своей жизни. По-ихнему, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки. Пушкин слишком разумно поступал, что не дерзал переносить в стихи того, чем еще не проникалась вся насквозь его душа, и предпочитал лучше остаться нечувствительной ступенью к высшему для всех тех, которые слишком отделились от Христа, чем оттолкнуть их вовсе от христианства такими же бездушными стихотворениями, какие пишутся теми, которые выставляют себя христианами. Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику печатно, в виду всех, возводить на Пушкина такое обвинение, что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае если бы смысл какого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясниться и оговориться в малейшем действии своем. Публично выставлять нехристианином человека и даже противником Христа, основываясь на некоторых несовершенствах его души и на том, что он увлекался светом так же, как и всяк из нас им увлекался, – разве это христианское дело? Да и кто же из нас тогда христианин? Этак я могу обвинить самого критика в его нехристианстве. Я могу сказать, что христианин не возымеет такой уверенности в уме своем, чтобы решать такое темное дело, которое известно одному богу, зная, что ум наш вполне проясняется и может обнимать со всех сторон предмет только от святости нашей жизни, а жизнь его еще не так, может быть, свята. Христианин перед тем, чтобы обвинить кого-либо в таком уголовном преступлении, каково есть непризнание бога в том виде, в каком повелел

* А про Булгакова это не объявляют? – Прим. З. У.

признавать его сам божий сын, сходящий на землю, задумается, потому что дело это страшное. Он скажет и то: в поэзии многое есть еще тайна, да и вся поэзия есть тайна; трудно и над простым человеком произнести суд свой; произнести же суд окончательный и полный над поэтом может один тот, кто заключил в себе самом поэтическое существо и есть сам уже почти равный ему поэт, — как и во всяком, даже простом мастерстве, понемногу может судить всяк, но вполне судить может только сам мастер того мастерства...

(З. У. пр.)... Теперь приглядимся к человеческим привычкам. Они выполняют роль, аналогичную домашней технике — экономят силы и время. Не надо думать, выбирать, находиться в нервном напряжении: привычка подменяет творческий процесс там, где мы считаем, что он невозможен или слишком затратен. Привычка охватывает все возможные и невозможные стороны жизни человека. У тех безумных счастливых, которые хоть на минуту вырывались из цепких лап привычки, тут же открывались глаза на то, насколько механически мы постоянно воспроизводим накатанное, заученное, а не живем, не дерзаем. Бывает, за много лет душа не скажет ни одного вдохновенного слова, не отважится ни на один шаг к неизведанному и, (можете не верить), не допустит ни одной живой мысли. И все-таки такого человека можно предсказать только с некоторой вероятностью, поскольку после смерти Христа у любого покойника всегда есть возможность в любой, самый, казалось бы, неподходящий момент, ожить.

В Священном писании есть примеры того, как из милости к погибающим Бог может отменить даже Свое пророчество. В кратком изложении мы приведем один случай из Библии.

Пророку Ионе было предложено идти к ниневитянам и предсказать им скорую гибель из-за умножившегося у них беззакония. Пророк не хотел идти к язычникам и тратить на них силы, данные Богом. Но его все-таки мягко принудили попасть в Ниневию. Там Иона нехотя передал им слова суда Божия над ними. Но неожиданно испорченные люди обреченного города одобрили этот суд над собой, они поняли, что недостойны жить и согласились с приговором. И за это признание Бог помиловал их. Иона же, в свою очередь, обиделся на Бога за то, что вынужден был пророчествовать мерзким поклонникам тьмы, да еще при этом пророчество его Великого Бога не сбылось. В сердцах он уходит в пустыню, чтобы за невозможностью проповедовать бросить свое служение, но после сна в безжизненном месте видит, проснувшись, перед собой

побежавший ручей и прекрасное дерево рядом с ним. Радость была короткой – уже на следующее утро ручей и дерево высохли (ведь пустыня), и Иона бросил Богу упрек в том, что Тот не пощадил такую красоту. На что услышал возражение, что нехорошо жалеть пустяковые временные вещицы, а людей не жалеть. Это объяснило Ионе Бога, он понял Его и благодарил. «Азбука» поясняет нам, что предсказывать гибель легко (многие знают это на собственном опыте), но это не является собственно пророчеством. Единственное подлинное пророчество состоит в том, чтобы предсказать, как в людях, приговоренных к гибели, устроится, зацветет, возродится жизнь.

Люди липнут к пророчествам тьмы, подчиняются им, и они сбываются. В простой заповеди нам по этому поводу оставлена свобода: не верь – не сбудется. Только пророчество благой вести и законы ее осуществления являются проявлениями истины, прочие пророчества условны. Для Фауста прогноз тьмы не сбылся. Для его Маргариты тоже. Хотя ее земная кончина была до некоторой степени предсказуема, но она не стала концом ее жизни, пределом, за которым не было места радости. Она осталась быть. Ей не грозило стать участницей бала сатаны в нехорошей квартире. А ведь как похожи события, приключившиеся в двух романах с головами ее и Берлиоза. (Ущипнем читателей за любопытствующий нос и раньше времени выболтаем, что жизнь Берлиоза тоже не кончилась, не только под трамваем, но и после бала у него на квартире.)

Сделаем еще одно замечание по поводу упомянутого Воландом седьмого доказательства. Для обывателя земная кончина кажется катастрофой, для человека, познакомившегося с вечностью уже на земле, она оказывается приобщением к настоящему. Среди христиан считалось особой милостью и избраннычеством уведомление их о дне и часе кончины. Понятно, что эта возможность подавалась тем, кто созерцал сокровенное, кто изжил животный страх смерти, для кого каждая минута была общением. Добавим, что люди, провожавшие своего близкого в другое Царство, радовались и за него, и за себя, прощались тогда в светлых одеждах, а не в черных одеждах траура (как принято сейчас, интересно, почему*?). Если все это принять во внимание, то только что сказанное нами о тех,

* Несколько словечек позволим себе о тех и других похоронах. На одних (на которых плачут и имеют скорбный вид) произносят хвалебные речи о добрых делах покойника, на других (на которых сквозь горечь светло сродняются окончательно в единое) только прощают и просят Бога о прощении грехов усопшего, а благое берегут в молчании, и оно не обманывает, пребывает с ними. Признаемся, что вторые сейчас встречаются очень редко даже в храмах.

неведомых христианах, будет казаться нынешнему поколению возмутительной, вызывающей провокацией. Так что захочется крикнуть в прошлое им и им подобным: лицемеры, демагоги и мракобесы! Ну, конечно, все это мифы трусливых дикарей, все это придумано, все подстроено, не принимайте утопию близко к сердцу, не волнуйтесь, успокойтесь, все, все, что касается вас, добрый читатель, любящий приключения, кончается и все закончится, перестанет быть.

Да, трудно представить, что другой бы сказал «спасибо» за то, что ему заранее показали, как он даст дуба, а этот, как и положено заслуженным и порядочным товарищам, не то обиделся, не то расстроился. Нынче люди предпочитают не знать не только о том, когда умрут, но и вообще сам факт, что просто умрут. Так что для нынешних знатоков то, что им вдруг приходится умирать всегда сюрприз и не из приятных (знатоки посмелее если и соглашались умереть, то предпочитают сделать это так, чтобы для них это прошло незамеченным).

Нет, не сказал Воланд всей правды Берлиозу, а с полуправдой спорить не будем.

Глава XII. О НЕНАПИСАННОМ В РОМАНЕ (неубедительная)

Хотите – верьте, хотите – нет.

Доброе пожелание

Итак, служители возвратились к первосвященникам и фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его? Служители отвечали: никогда человек не говорил так, как Этот Человек. Фарисеи сказали им: неужели и вы прельстились? Уверовал ли в Него кто из начальников, или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он.

Сын Грома

С появлением новых значимых персонажей на страницах романа, с усложнением его действия завязываются новые сюжетные линии, переплетаясь в смысловые нити, готовые образовать один крепкий узел, вобрав в себя остальные, более мелкие. Новыми мы называем их, сообразуясь с порядком их появления, но, приглядевшись, видно, что они все из одной пряжи, которая была известна раньше, только здесь вплетаются в клубок по-особому, согласно вызовам времени.

Дотошные исследователи России первой половины двадцатого века обращали внимание на то, что уже после массовых сожжений икон, экспроприации церковной утвари, уничтожения самих церквей, ну и по большей части тех, кто в них служил, общество поголовного братства материалистов, на удивление всем, строили сплошь бывшие крещенные люди. Главное внимание этих изысков сосредотачивалось на том, каким образом огромное количество христиан беспроблемно превратилось в значительное скопление антихристиан. Но это дело социологов, ученых-религиоведов, политиков, изучающих метаморфозы больших общественных процессов. Нас же не интересуют массы, нас интересует всего-навсего один, отдельно взятый человек. Для нас важно понять, что означает для этого единственного человека крещение. Выяснив это, само собой станет ясно, что представляет из себя государство, сплошь состоящее из категории переродившихся (переориентировавшихся) граждан.

Итак, еще раз с громадной долей вероятности (жаль, что сама вероятность не бывает больше единицы, это плохо для прогнозов) мы можем предположить, что все действующие лица в романе за своим совершеннолетием родились еще при старом режиме, а значит, были крещены еще в пеленках. Те же из них, кто успел вступить в брак в оные доисторические времена, были венчаны, а если же успели родить, то и крестили своих детей, если успели поучиться в гимназиях, то проходили Закон Божий, а некоторые, вероятно, могли расширять свои знания и в семинарии, кто знает. И все-таки из этого большого списка предположений выделим всего лишь одно. Крещение.

(Признаюсь, страшная тема).

Тем, кто знаком с церковными дисциплинами, такими как литургика, догматическое и нравственное богословие, православная гимнография, форма, в которой мы представляем «Азбуку», может показаться не только ненаучной, но и неудобоваримой. Но мы умышленно не будем употреблять богословские термины и церковные штампы, а воспользуемся для пояснения явлений веры привычными житейскими образами, дополняя и уточняя их специальными оговорками для приведения в соответствие с религиозными понятиями и символами нашей обыденной речи (очень часто слово, взятое из православного обихода, при современном употреблении меняет свой смысл (иногда на противоположный)).*

*Для разъяснения азбучных понятий более всего подходят два типа общности из обычных человеческих отношений – дружба и брак. Подобие всегда имеет свои ограничения, но оно дает верный намек, верную интуицию внутреннему человеку, желающему понять, каково оно единство и жизнь в нем, которые предлагает людям Иисус Христос. В очередной раз обращаясь к матери учения**, напомним, что законы единства лиц в Троице, законы единства между человеком и Богом, законы единства между человеком и человеком, по откровению Христа, абсолютно схожи. Точнее, в них действует один общий для них закон духа. То есть человек, повстречавший Бога, будет знать, каковы должны быть отношения между людьми, и человек, подлинно соединившийся с человеком, будет знать, какова она, взаимность с Богом. В связи с этим тот, кто имеет хотя бы маленький положительный опыт в дружбе или*

* Например, слово равнодушный когда-то означало единомышленный (с равной душой), теперь – не имеющий ничего общего.

** Повторению.

в браке, в эту меру сможет приоткрыть для себя смысл таинства Крещения. (Еще одним желательным условием для ощутительного уяснения ткани веры является опыт хранения постоянства. Или, иначе говоря, стояния, пребывания в подлинности высказанного слова или начатого дела, которое сопровождается одновременно неизменным внутренним строем (настроением), порожденным верой.)

Крещение имеет аналогию в брачном пире (или в заключении взаимного дружеского обета) человека с Иисусом Христом. Крещением это называется потому, что один из друзей – подлец, желающий положить конец своей подлости, а другой так давно ожидал этой встречи и так великодушен, что с радостью принимает единство, для которого ему придется умереть. Именно так.

Человек, принимающий крещение, соглашается на то, что для его прощения и окончания одиночества нужна смерть обретенного друга – Иисуса. Или, иначе говоря, крещающийся признает, что его воплощенная подлость убила дружбу, которая была изначала, но убитый прощает, и дружба вместе с друзьями воскресает. Крещение – это переход через смерть отношений благодаря честности, открытости и доверию к восстановленному единству за счет вольной (не вынужденной) жертвы (Самого Себя) одного, и благодарное принятие этой жертвы другим. Больше ничего в крещении нет. Но в нем и не меньше, чем сказано.

Крещение оба хранят в себе всегда. При утрате крещального единства предавший одним только сокрушенным словом о содеянном восстанавливает его в прежней силе. То есть пока человек, ищущий правды, ходит по земле, он будет находиться одновременно и в духе сокрушения о своем неумении дружить, и в духе благодарности тому, что доброта, милость другого так просто покрывает эту постоянную чудовищную немощь души.

Крест, который носят крещеные – внешнее выражение того, что всегда должно было бы гореть внутри, но гаснет в нас, изменниках. Поэтому мы принимаем на себя изображение наших отношений, свидетельствуя, одновременно, что выбор нами был сделан, но пока мы не способны быть верными своему выбору самым главным в нас – сердцем. Человек, носящий крест, свидетельствует перед всеми, что он так пожил, что ему нужен Спаситель и предупреждает окружающих, что для взаимности с ним необходима и их прощающая милость. На самом деле, если не прощать человека (пусть самого лучшего), с ним невозможно сохранить единство, но тот, кто со своей стороны познал

необходимость креста для того, чтобы ожить, будет готов с радостью приносить прощение всем своим предателям, кто нуждается в нем. Крест – это страшная правда о личности того, кто его принимает в дар; и Крест – это неизъяснимое величие благородства Того, Кто ему этот дар подает...

(Мак. л.) ... Но какой теперь смысл критики? спрашиваю я. Какая польза смутить людей, поселивши в них сомнение и подозрение в Пушкине? Безделица – выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства! Человека, на которого умственное поколение смотрит, как на вождя и на передового, сравнительно перед другими людьми! Хорошо еще, что критик был бесталантив и не мог пустить в ход подобную ложь, и что сам Пушкин оставил тому опровержение в своих же стихах; но будь иначе – что другое, кроме безверья наместо веры, мог бы распространить он? Вот что можно сделать, будучи односторонним! Друг мой, храни вас бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло: в литературе, на службе, в семье, в свете, словом – везде. Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя. Односторонний человек ни в чем не может найти середины. Односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком. Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его, потому что христианство дает уже многосторонность уму. Словом, храни вас бог от односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта. Театр и театр – две разные вещи, равно как и восторг самой публики бывает двух родов: иное дело восторг оттого, когда какая-нибудь балетная танцовщица подымет ногу повыше, и опять иное дело восторг оттого, когда могущественный лицедей потрясающим словом подымет выше все высокие чувства в человеке. Иное дело – слезы оттого, что какой-нибудь заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека, – слезы, которые, как я слышу, проливают теперь в Петербурге и не музыканты; и опять иное дело – слезы оттого, когда живым представленьем высокого подвига человека весь насквозь просвежается зритель и по выходе из театра принимается с новой силою за долг свой, видя подвиг геройский в таковом его исполнении. Друг мой! мы призваны в мир не затем, чтобы истреблять и разрушать, но, подобно самому богу, все направлять к добру, – даже и то, что уже испортил человек

и обратил во зло. Нет такого орудия в мире, которое не было бы предназначено на службу бога. Те же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идолов своих, по одержании над ними царем Давидом победы, обратились на восхваленье истинного бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услышав хвалу ему на тех инструментах, на которых она дотоле не раздавалась...

(3. У. пр.) ... Мы вынуждены продолжать сердить всех повторами, но известное нам житейское прощение или судебное помилование никак не похоже на единственное настоящее Прощение. Нас Он прощает не за прошлое, не за поступок, а для взаимной вечности. Это – преодоление зла как никогда не существовавшего (не бывшего), это – награда, превышающая цену всех трудов помилованного, это – доверчивая беззащитность простившего, полностью вручающего свою жизнь в руки прощенного друга при безграничной уязвимости от его возможного нового проявления эгоизма. Это – цена брака с нами (величина выкупа).

Любое серьезное решение человека соединиться с кем-то навсегда в «Азбуке» называется браком: дружба – тоже брак. Земной брак ограничивается временем, нормами местной традиции и числом лиц с исключительными полномочиями в узкосемейных отношениях. В противоположность ему евангельский брак обладает неповторимостью для каждой взаимности двоих и одновременно не допускает «правовой» исключительности кого-либо – никто не выделен, но никто и не обделен.

Выборочное предпочтение одних отношений перед другими является нарушением честности и порядочности (высшей). Умалая одного, разрушаются отношения со всеми. Но в новозаветных отношениях верно и другое: двигаясь навстречу одному – приобретешь остальных. Такое единство, казалось бы, частных встреч и разлук является законом, заповедью объемлющей всех в Царстве, которое не отсюда. Это очень трудно понять и принять нам, людям, оттачивающим свое восприятие других в непрекращающейся повседневной суете в категориях «свой – чужой». Это тоже железный закон разделения для падшего человека, непрестанно действующий в обществе падших, заповедь, которая активно воюет с заповедью Неба всеми возможными приемами ведения боевых действий.

Тот, кто желает креститься, должен подумать о том, что, принимая в вечные друзья Христа, он принимает в вечные друзья и всех, кто Ему дорог. Пришел же Он ради всех, без исключения. Немыслимо большое

количество друзей может показаться абсурдным и ненужным, но только мертвой душе. Пусть даже пока не воскресшей, но выздоравливающей душе дружба со всеми не просто желанна, но и необходима. Нет одного – нет целого мира. Исчез один – и горе всем, узнавшим его. Именно поэтому христиане не спрашивали, по ком звонит колокол, для них любой другой – их собственная главная часть. (Некоторые скажут, что таких христиан они не видели: подскажем им, что тот, кто еще пока только в глубине своей души решил, что взаимность со всеми – единственно возможное честное и доброе отношение к людям, уже именно такой христианин, хотя он только в начале очень-очень длинного пути от желания до его воплощения.)

Для недоверчивых приведем пример такого выбора и у Христа. Тех, кто не был готов к отношениям с Ним за множеством дел или по какой еще причине, Он не отвергал, не заставлял дружить, но ожидал их возвращения в друзья со всей Своей необыкновенной милующей силой. Ждать другого – теперь эта мистическая возможность быть вместе (с верой в будущее соединение, хотя эта взаимность пока в зародыше, пока как зерно, но уже, если прислушаться, ощутимо есть в настоящем) с дорогим сердцу грешником (но не с его грехами) доступна людям, принявших милость от Христа. Собственно, это было одним из важнейших Его условий для принятия нас в единство с Ним – прощайте других, не отказывайте никому в дружбе, чтобы самому оставаться прощенным и в единстве с Жизнью.

Крещение – это неизбывное единство, в сравнении с ним лучший и счастливейший земной брак лишь намек, лишь начало движения в его сторону. В нем каждый счастлив счастьем другого, а не своим. Сильнейший прислуживает слабейшему. Утайка нужды одним – оскорбление для другого. В этом союзе умение слышать и желание открываться, память всего и знание друг друга каждое мгновение. Отсутствие мельчайшего подозрения к другому или страха боли от него. Свобода, благодаря естественности, с присутствием всех возможностей, ощущение нераздельности и нескончаемости. Спокойное изживание до исчезновения всего негативного. Полнейшая тайна всего происходящего, с невозможностью не поделиться неизъяснимым блаженством общения. Необыкновенной силы желание быть, и чтобы все тоже были. Такая жизнь рождается в таком обычном и привычном крещении*.

* Сами убедитесь, что в любой крошке христианской веры содержится вся Благая Весть, простая и ясная. Но недоступная простым смертным?

Теперь подойдем к общению с другого, обыденного конца. Попробуйте хотя бы на минуту представить себе человека, состоящего в браке (в дружбе) с такими тайными мыслями: «Я не нуждаюсь в общем столе с другом. Беседа в браке становится не желанной необходимостью, а повинностью, в которой желанной необходимостью становится поставить партнера на место. Хорошо известно, что я кроме ограничений, называемых браком, о нем ничего не знаю и не помню. Известно только мне, что я забыл имя друга, точнее то, как оно произносится неформально». Все это показательное единство может выглядеть очень даже культурно при соблюдении правил приличия. Подобным образом происходит невинный отказ от детей, родителей, всех тех, кто делился с тобой сокровенным и кому ты приносил обет верности. Если ни одного обета не было, не может быть предательства, поскольку чужих предать нельзя. (Именно в этом тонком месте лукавая совесть очень любит красочно лгать, вызывая в добром человеке угрызения себя же самой в гнусной измене, которой не было. С одной стороны, противно, но с другой, вот это самое противно лукаво убеждает, что у тебя было что предавать, что ты жил не впустую. Еще один утешительный навар для пустышки от надуманных грехов в том, что она может тешить себя умением переживать и приятно щекотать самолюбие знанием добра и зла.)

Но если близкие были? Но на них есть привычки, убивающие живое: лень в ежеминутном труде за единство, превращающая человека в потребителя, в аутичного изживенца; самодовольство, оскоряющее взаимность; малодушие, согласное на безопасное ничто; одновременно отказ от гласного выражения себя нечистого по отношению к ближнему, образуя в себе потаенного врага, который быстро утверждает мерзость запустения за общей трапезой и вызывает приступы ужаса, муки от мысли, что необходимость изображения отношений может не кончиться, тем самым быстро выжигая остатки желания жить.

Энергичные люди способны на длительный конфликт, на битвы и разборки. В них становится очевидным изменение отношения к другу, бурная вражда легко обнаруживает себя перед всеми. Активное развитие болезни всегда сопровождается болью, сигнализирующей о неблагополучии в организме. Для человека это шанс вылечиться. Однако есть причины (среди которых пониженный тонус – наиболее заметная, но не самая главная), которые горячую войну переводят в холодную, и если для государств это считается благом, то для личных отношений оказывается катастрофой.

Если вражда — это в том числе и признак равнодушия, то безразличие к чужому — признак глубокого омертвения, разрыва, крушения, которое своими силами участники конфликта (каждый из которых одновременно в одном лице агрессор пополам с жертвой) не преодолеть. Вся дипломатия (формальная воспитанность) в личных отношениях смело может быть названа лицемерием, то есть очень своевременным средством, которое весьма приятным и культурным образом прикрывает отворотительные вымученные гримасы смердящих разбойников.

Однако наши обещания друг другу, наши общие радости и скорби — это лишь намек на ту взаимность, которая открывается в Крещении. Взаимность (в которой живут на небе) такова, что, если ее предать и опять попросить вернуться, в ответ на нашу просьбу она обязательно возвратится. Это — единство по просьбе изменника, приносимое милостью. Если мы будем оставаться рабами самолюбия и подлости, но будем просить милости, мы будем оставаться в милости, а наше рабство будет незаметно ослабевать. Только если мы откажемся от милости, по ложному стыду ли, по неверию ли в то, что когда-нибудь разлюбим эгоизм и сможем быть счастливы без него, по усталости ли терпеть над собой несправедливость все возрастающего прощенного долга, только тогда, по личному отказу от помощи, мы выпадаем из единства, подаренного крещением.

Когда человек говорит, что ему уже не нужно прощение, но ему необходимо здоровье, разнообразное насыщение, что он не нуждается более в неравноценной взаимности, — он вновь становится блудным сыном. Можно отказаться от матери и отца, но нельзя уничтожить их материнство и отечество, они не перестанут быть теми, кто ввел тебя в жизнь. Можно отказаться от Спасителя, но рождение грешника в жизнь вечную, крещение, отменить нельзя. Блудный сын из Евангельской притчи отказался от доброго, порядочного отца, блудные дети крещения отказываются от милующего, умирающего за них Сына Божия. Но избранные из них ищут дорогу вернуться вновь и вновь, и возвращаются всегда, не находя отказа.

Забыть руку дарителя — одно, забыть того, кто защищал тебя на войне — чуть больше этого. Но забыть Того, Кто защитил тебя небесным даром от твоего собственного зверства, это, поистине, настоящее чудство. Однако у нас есть возможность усовершенствовать и это безобразие. Иуда трагически умер (хочется сказать, трагически не смог жить), оставшись в полном одиночестве. Все отвернулись от него

и бывшие друзья, и покупатели его услуг. Он не был в почете, общество вытеснило его, не интересуясь его переживаниями, а он страдал. А теперь взгляните на общество иуд в романе, которые знать не желают, что погрязли в иудстве, и прекрасно себя чувствуют, многократно предав Того, Кто их спас.

Крещенные, забывшие крещение. Крещенные, стесняющиеся крещения. Крещенные, ненавидящие свое крещение. Это нехорошо, но может быть еще кое-что похуже. Это крещенные, согласившиеся на свое крещение, но только такое, которое ни к чему не зовет, которому ничего не предлагают, а только ждут от него. Продолжая жить ради себя, можно даже получить удовольствие от поста или посещения всенощной, чувствовать трепетную связь с традициями и с удовольствием верить в православные народные приметы*. Можно и свечи поставить, а может, почитать молитвослов или Священное Писание. Можно целоваться на двенадцатые праздники и становиться крестными или шаферами. Можно благодушно считать, что это очень давно кем-то положено и потому следует сохранять. Жить благополучно в браке, который давно уже умер, но встречаться семьями и готовить детей к браку, пропагандируя его как важную ячейку общества и малую церковь. Можно встретить тысячи, миллионы лиц христиан и ни одного живого среди них. Вот главная причина краха, приключившегося с христианским царством. Подтверждает этот диагноз массовое спокойствие бывших христиан через десять, двадцать лет после этого краха. Именно о них, о людях, крестившихся в Христа, роман Булгакова, о христианах, у которых святое место свободно для какого-нибудь бездарного Иешуа. Судьба христиан после распада их личной веры, описанная в романе, не преувеличение. Несмотря на фантастичность приключений, пародийно-трагикомическую внешность персонажей, роман точен, правдив в своем свидетельстве о нас.

Еще страшнее представленного на его страницах торжества лицемерия то, что эту выверенную честность романа то ли не замечают, а если в тайне от нас замечают, то ей не удивляются или не дают удивлению выйти на поверхность. Испачканная одежда христианства еще видна, но под этой одеждой бездонная пустота, как глаз Воланда, не заметны даже остатки христианского трупа. Еще истово крестятся, хватают свечи и иконки, клянутся Богом истинным, но это такие действия, за которые обыкновенный, нормальный верующий не

* Так и хочется помянуть Иудушку Головлева.

то что просит прощения за ложную божбу, за поминание имени Божьего всуе, то есть за театральную имитацию того, чего внутри нет, а сгорает от стыда ярким пламенем.

Практика христианина включает в себя постоянное наблюдение за соответствием внутреннего и внешнего. Несоответствие считается грубой, гнусной ложью, которая, если не будет останавливаться покаянием, не успеете глазом моргнуть, как разовьется в кондовое мертвящее лицемерие. «Азбука» приводит рассказ одного подвижника, который, зайдя в свою келию, обнаружил там беса, усердно молящегося за аналоем. Монах настолько был поражен нелепостью и вызывающей наглостью увиденного, что, забыв про свои правила, спросил у черта, что тот делает, ведь молиться ему невозможно, нельзя. А тот с большой охотой подтвердил, что у него не было и нет возможности обратиться к Богу, но он не молится, а кривляется. Монах понял из этого сообщения кое-что важное для себя, если захотим – можем понять и мы. Тяжело признать, но у верующих намного больше кощунства над верой, чем самой веры. (Честная вера меняет отношение людей между собой. Так, даже если расстался, разошелся с другом, не надо сплетен про него, не надо грязных намеков и светлых воспоминаний о нем, честнее – молчать!) ...*

(Мак. л.)...

Предупреждение для тех, которые
пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актеру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той серьезности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но сами они совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь

* Один человек, заставший правление Понтия Пилата, пытался объяснить ещё тем христианам, что именно из-за их веры (так как видят ее посторонние люди) хулился имя Бога.

смеется. Умный актер, прежде чем схватить мелкие причуды и мелкие особенности внешние доставшегося ему лица, должен стараться поймать *общечеловеческое* выражение роли. Должен рассмотреть, зачем призвана эта роль; должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актер должен в такой силе исполниться ею сам, чтобы мысли и стремления взятого им лица и как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во все время представления пьесы. О частных сценах и мелочах он не должен много заботиться. Они выйдут само собою удачно и ловко, если только он не выбросит ни на минуту из головы этого гвоздя, который засел в голову его героя. Все эти частности и разные мелкие принадлежности, – которыми так счастливо умеет пользоваться даже и такой актер, который умеет дразнить и схватывать походку и движение, но не создавать целиком роли, – суть не более как краски, которые нужно класть уже тогда, когда рисунок сочинен и сделан верно. Они – платье и тело роли, а не душа ее. Итак, прежде следует схватить именно эту душу роли, а не платье ее...

(З. У. пр.)... Пусть не обманываются доверчивые читатели теми поступками и словами персонажей «Мастера и Маргариты», которые как-то напоминают христианство. Все это – мыльная опера или бенефис комедиантов, потешающих почтеннейшую публику талантливыми пародиями. Может быть, кто-нибудь особенно одаренный вольнолюбием может талантливо посмеяться над матерью, только что потерявшей ребенка, или сыном, только что брошенным обожаемым отцом. Но матери это трудно сделать, да и сыну, наверное, тоже. Однако у персонажей романа это получилось. Для справки напомним, что по «Азбуке» мать, отец и брат Христу тот, кто (всего лишь) слышит Его. Еще одна неприятная заповедь из «Азбуки» утверждает, что то, что человек делает другому человеку, он делает Христу. Так что сейчас, может быть, не все крещены, но наше лицемерие в человеческих отношениях и без всякого крещения непосредственно адресовано Христу. Если это кому-то не слишком очевидно, то все равно по своей сути так же гнусно.

Некоторые воскликнут: «Нас крестили в младенчестве в несознательном возрасте, без нашего согласия, мы ничего ведать не ведали, знать не знали и никого не предавали и не собирались предавать». Человек, которого украли у матери

с отцом может их никогда не найти, но уважать их, быть благодарным им его естественная потребность. Уважение к родителям нужно не им в качестве награды, а ему, чтобы не быть сиротой. Можно остаться с родителями, но тяготиться ими – и это больше, чем их потерять. В сознательном возрасте вместе с быстрым приращением ума можно в них слегка разочароваться, однако уважать их, оставаться благодарным им, полезно. Это нужно умному ребенку. Ум подскажет ему, что он может не смеяться над ними в момент их падений, а защищать перед всеми от их же слабостей и ошибок. И это сделает достойными всех – родителей, ну и, в первую очередь, его, их наследника. При крещении ребенка ответственность за то, что он будет воспитан в Отчем доме и расположится к своему Отечеству, берут крестные отец и мать. Не только много крещеных людей ходило в ту пору по улицам Москвы, но еще больше крестных матерей и отцов. Да, к слову сказать, уже давным-давно эти родственные духовные связи были не только оборваны и позабыты, но и отношение к этому родству стало не то насмешливым, не то презрительным. С незапамятных времен эти родители бросают своих детей, и это хуже, чем родителям по крови перестать кормить и одевать ребенка. Первое, что узнает малыш, это то, что вера – область, где слова и дела – пустяк, школа, где учатся лицемерить. И тут безразличие, бесчувствие и невежество иногда для приличия прикрываются фальшивыми улыбками и добрыми жестами. Тут пустыня, в которой не с кем переглянуться, но все притворяются знатоками, ценителями и последователями. Голый король, вернее, мертвый король – труп, о котором говорят (сотни лет), как о живом.

Первым начинает демонстрацию потешных картинок из жизни христиан Иван Николаевич. Мы были нарочито многословны при рассказе о христианских обрядах ради небольшой реплики по поводу случайного крестного, как вор внезапно появившегося во время крещения Бездомного на набережной Москвы-реки*. А то, что перед этим, для разогрева публики, любящей посмеяться над убогими православными, нацепив на себя бумажную иконку и взяв в руку свечу, он устроил крестный ход – не сомневайтесь. Вы можете возразить, что крестный ход – это много икон и много свечей, но нет, не обязательно. Тем более что у Христа было много апостолов, а у Иешуа – один, мы видим стремление Га-Ноцри к минимализму, так что лиха беда начало, а дальше все пойдет как по заведенному**.

После шести дней, посвященных трудам по обеспечению своей земной жизнедеятельности, в седьмой день каждой недели христианин

* И потом как вор также внезапно пропавшего в ночи.

** Забегая вперед, подтвердим эту закономерность ещё одним маленьким упрямым фактом. У Христа было четыре Евангелиста, ну а как легко заметить у Иешуа – опять один. Это правило не иметь двух свидетелей будет строго соблюдаться во всех мероприятиях Воланда, предразнаивающих Христианские Таинства.

стремился в будущий век, в котором он, вместе со всеми людьми, даже если не умрет, дождавшись его воцарения, обязательно изменится. Он жаждал ясности, честности этого дня, в котором он не будет то и дело отпадать от единства, подчиняясь похоти своих очей, похоти тела и повседневному самолюбию. Близким людям, которым он доверял, откровенно признавался, что то, что хотел (быть любящим, верным, смелым, щедрым) – не мог исполнить, а то от чего желал бы отказаться (обидчивость, жадность, малодушие, лицемерие) – не мог не делать. Мы сами слышали, как он говорил: «Несчастный я человек, не принадлежу своему выбору, больная бессильная воля, омертвевшие желания, покрытые коростой дурных привычек». И у него в этих постоянных признаниях складывался путь: жалуясь Другу на паралич души и деформацию совести, он давал возможность Ему исцелить себя. Постоянство возвращается прежде всего как трезвение (постоянное наблюдение) за собой, которое будет смягчать нервные всплески, вспышки капризов, от которых страдают все люди, в том числе заинтересовавшиеся христианской верой. Спокойное, доверчивое исповедание своей лжи учило верующего, как нужно пребывать в правде (в духе сокрушения). Постепенно сближаясь со Спасителем, они узнавали про себя такое, что не смогли бы пережить от ужаса, услышь это сразу – вот и не слышали, как не слышим мы.

Приход христианина в храм означал открытое признание того, что он пока не являет из себя образ и подобие, не может служить примером благой жизни. Он ждет ее прежде всего в себе и поэтому упрямо не дает возможности засохнуть истинному и расцвести пышным цветом плевелам лукавства. Хождение в храм – это признание своего недостойнства. Человек, знающий покаяние, не нуждается в исповеди перед священником, покаяние принимается Богом из его сердца. Человек, умеющий беседовать (высказываться и слышать ответ во время молитвы) с Богом, свободен от молитвенного правила. Только потерявший в себе живого Бога (а не Его установки) будет нуждаться в том, чтобы принять частичку Его Тела в себя. Человек, имеющий неотступно в сердце Бога и согласный радостно творить Его желания – сам живой храм и не нуждается в посещении храма. Именно к таким отношениям звал Христос, а рукотворные храмы были временно* устроены для тех, кто еще не окреп для того, чтобы стать нерукотворным.

* Временно, пока есть время.

Выход из храма людей с иконами и свечами был одним из средств ту благоую жизнь, возрождавшуюся в прихожанах в недрах церкви, изнести на просторы земли. Сокровище берегут, но христианство хочет, чтобы все стало сокровищем. Сокрушению учатся в таинствах церкви как величайшей науке возрождения, собирая ее по крупичкам (жемчужинам), но оно должно присутствовать не только краткий миг в храме, а везде в общении со всеми людьми.

Прощение обид, которое так трудно дается даже в храме, необходимо для соблюдения правды приносить всегда и всем. Благодарность, как капля росы, освежающая все отношения, должна из принудительного делания стать постоянной песней сердца человека. Узнавая цели, мы намечаем путь, а узнав Путь, открываются новые, неведомые цели. Только совершенство может человека сделать честным, и честный человек стремится к совершенству. То, что в нас не достигло совершенства нуждается в сокрушении.

Самодовольное несовершенство — результат пребывания в искреннем лицемерии. Вначале верующий учится принимать, но делает он это для того, чтобы научиться отдавать, точно так, как Христос отдавал Себя другим и считал отдавание Себя Своим хлебом. Им и был установлен порядок, не позволяющий прокаженным лечить тех, кто болен простудой. Вернее, заразным был предоставлен выбор продолжать свою грешную практику по оздоровлению единоверцев, но без Него, либо пойти по пути с Ним, на котором врач, прежде врачевания, должен исцелить себя сам. То есть помощь больного врача окружающим начинается с того, что он в заботе о их здоровье не лезет исцелять, чтобы там не вышло чего похуже. Что называется, «не повреди». Крестный ход и открывает перед всеми тех, кто встал на путь исцеления души от эгоизма и желал бы восстановления жизни в себе, а потом и во всем мире.*

Для Бездомного вера была чужой на все сто. Он хватает картинку, которая и иконой уже не является, цепляет ее булавкой, как атрибут костюма, и зажигает венчальную свечу, которую хранят до смерти и кладут в гроб, как символ обещанной желанной верности здесь и в жизни будущего века. Все это представление, конечно, навеяно впечатлениями, оставленными христианством в воспаленном мозгу бедняги, которые Иванушка, для осуществления своих фантастических планов, решил использовать, как используют, не понимая язык продвинутых иноземцев, поражавших своей тарабарщиной дремучих туземцев. Однако человек, не понимающий тарабарского языка,

* Как раньше было заведено среди здравомыслящих больных.

но пытающийся говорить на нем, издавая по воспоминаниям исколотой памяти сочетания звуков, характерные для иностранного, чужого наречия, может восприниматься среди своих только как клоун. А носитель языка сочтет его речь глумлением над собой. (Мы считаем, что это тоже одно из пророчеств Булгакова, которое исполняется над нами, его потомками*. Стало обязательным принципом слушать бесчисленных экспертов по поводу предметов, с которыми они знакомы только со стороны. Теперь это хороший тон вещать со снисходительным выражением сладкого от умиления лица о том, что в лучшем случае тебе безразлично, а в худшем – противно, но при этом совершенно неизвестно.)

Пусть не в такой степени, как Иван Николаевич, другие персонажи романа тоже ломали комедию, совершая характерные для церковников движения или произнося их ходульные заклинания. В их суеверном кликушестве ни одного некощунственного слова веры, только истовое кривляние. Что эта показуха** рождает в окружающих, какой соблазн разносит по умам? Презрительное отношение к христианству с оттенком брезгливости и снисходительности. Да, напоминание о православии начинается с крестного хода, только в исполнении то ли «как бы» христианина, то ли псевдохристианина, цель которого – опозорить христианство, а опозорив – насмешить им честной народ. Все мини представления из христианского быта, которые будут исполнены публикой из романа, призваны послужить достижению той же цели...

(Мак. л.) <...> Всех труднее роль того, который принят испуганным городом за ревизора. Хлестаков сам по себе ничтожный человек. Даже пустые люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить чье-нибудь внимание. Но сила всеобщего страха создала из него замечательное комическое лицо. Страх, отуманивши глаза всех, дал ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрезаемый доселе во всем, даже и в замашке пройтись козырем по Невскому проспекту, он почувствовал простор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нем все – сюрприз и неожиданность. Он даже

* Только забвением простого, жизненного смысла иконы можно объяснить нынешнее употребление православными бумажных изделий вместо них, или икон, под окладом которых написаны только лицо и руки, образов, на которых уже нет, не видно самого образа, а поклоняются старине и намоленности доски. А от продавцов православной аптеки, которые навязывают эти иконки от того, а эти от другого, спасу нет. Слепые вожди слепых.

** Мы считаем, что и самый прогрессивный общественный строй тоже был разрушен не врагами, а показухой, убившей веру в мировую революцию даже в твердокаменных.

весьма долго не в силах догадаться, отчего к нему такое внимание, уважение. Он почувствовал только приятность и удовольствие, видя, что его слушают, угождают, исполняют все, что он хочет, ловят с жадностью все, что ни произносит он. Он разговорился, никак не зная с начала разговора, куда поведет его речь. Темы для разговоров ему дают выводывающие. Они сами как бы кладут ему все в рот и создают разговор. Он чувствует только то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не мешает. Он чувствует, что он и в литературе господин, и на балах не последний, и сам дает балы, и, наконец, что он — государственный человек. Он ни от чего не прочь, о чем бы ему ни лгать. Обед со всякими лабарданами и винами дал изобразительную словоохотность и красноречие его языку. Чем далее, тем более входит всеми чувствами в то, что говорит, и потому выражает многое почти с жаром. Не имея никакого желанья надувать, он позабывает сам, что лжет. Ему уже кажется, что он действительно все это производил. Поэтому сцена, когда он говорит о себе, как о государственном человеке, способна точно смутить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказывает, как распекал всех до единого в Петербурге, является в лице важность и все атрибуты, и все, что угодно. Будучи сам неоднократно распекаем, он это должен мастерски изобразить в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь, наконец, и самому других, хотя в рассказах. Он бы и подальше добрался в речах своих, но язык его уже не оказался больше годным, по какой причине чиновники нашлись принужденными отвести его, с почтеньем и страхом, на отведенный ночлег. Проснувшись, он тот же Хлестаков, каким и был прежде. Он даже не помнит, чем напугал всех. В нем по-прежнему никакого соображения и глупость во всех поступках. Влюбляется он и в мать, и в дочь почти в одно время. Просит денег, потому что это как-то само собой срывается с языка и потому, что уже у первого он попросил и тот с готовностью предложил. Только к концу акта он догадывается, что его принимают за кого-то повыше. Но если бы не Осип, которому кое-как удалось ему несколько растолковать, что такой обман не долго может продолжаться, он бы преспокойно дождался толчков и проводов со двора не с честью. Хотя это лицо фантазмогорическое, лицо, которое, как лживый, олицетворенный обман, унеслось, вместе с тройкой, бог весть куда, но, тем не менее, нужно, чтоб эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всех труднее. Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми. Актер особенно не должен упустить из виду это желанье порисоваться, которым

более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове, желанье ребяческое, но оно бывает у многих умных и старых людей, так что редкому на веку своем не случалось в каком-либо деле отыскать его. Словом, актер для этой роли должен иметь очень многосторонний талант, который бы умел выражать разные черты человека, а не какие-нибудь постоянные, одни и те же. Он должен быть очень ловким светским человеком, иначе не будет в силах выразить наивно и простодушно ту пустую светскую ветреность, которая несет человека во все стороны поверх всего, которая в таком значительном количестве досталась Хлестакову...

(З. У. пр.) ... Между прочим, раздвоение Ивана опять налицо: одновременное отрицание Христа и демонстративное использование атрибутики, к Нему относящейся, – конечно, признак нездоровья, однако для него оно внутренне непротиворечиво*. Так уж получается, что попавшие под влияние тьмы внутренне не меняются, вдохновляясь постоянно одним и тем же духом, а внешне впадают в поведенческие противоположности. Так и у Иванушки хула Христа и бег в кальсонах с иконкой и свечкой – одного духа поступки. Это вдохновенное последование за врагом Христа стало увертюрой, прологом к ритуальному омовению новообращенного оглашенного (того, кто услышал глас новой проповеди сатаны). Все действие очень похоже на обычную практику современных христиан – столько же понимания и благоговения вложено в погружение и, как еще один штришок к карикатурке, увенчивает это подобие праздничное пение баса (почти беса) о любви, правда, всего лишь к одной Татьяне (опять одной!).

* Мы будем настаивать на том, что это тоже одно из забытых пророчеств Булгакова. Размах духовной шизофрении ныне впечатляет. Несовместимое совместились и в атеистах и в христианах, оттого они стали похожи друг на друга и стало трудно догадаться, почему они раньше не ладили между собой.

Глава XIII. О ТОМ, ЧТО БЫВАЕТ ВЕЧЕРОМ В СРЕДУ (очередная)

Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Председатель

И предал я сердце мое тому,
чтобы познать мудрость и познать
безумие и глупость: узнал,
что и это – томление духа;
потому что во mnogой мудрости
много печали; и кто умножает
познания, умножает скорбь.

Книга сына Давидова

Ширится участниками история на Патриарших, а мы находим в этом новый материал для нашего исследования.

Значительное число персонажей одним махом появляется в «Грибоедове», поэтому мы немедленно обсудим самого Грибоедова и его «Горе от ума», упомянутое в исторической справке вместе с автором, читающим его в доме у тетки Александра Сергеевича. Попробуем применить «Азбуку» для получения разъяснений.

Помнится, был в Москве кожно-венерологический диспансер принудительного лечения имени великого писателя-гуманиста Владимира Галактионовича Короленко. Ресторация с плясками и прочими увеселительными процедурами, носящая имя Александра Сергеевича Грибоедова, как нам кажется, получила свое название из теплых рук одного и того же заботливого чиновника-бюрократа, раздающего названия различным общественным учреждениям. По всей видимости, деятельность Грибоедова, как и

всех прочих, можно расчленить на его частно-общественную жизнь и писательство, которое случилось с ним как бы нечаянно и необдуманно. И только спустя годы умные потомки, ознакомившись с его экспромтом, смогли наполнить его смыслом, определив, что горе от ума бывает у прогрессивных мудрецов в обществе реакционеров и ретроградов. И по сей день цвет мозговой интеллектуальной элиты на просторах прежней империи тяжело страдает среди тупых, корыстолюбивых, властолюбивых, трусливых, хитрых, ограниченных, лстивых, высокомерных, чванливых, недалеких, завистливых, ревнивых, хвастливых, злопамятных, мелочных приспособленцев, наводняющих общество*. Тяжко от глухой безнадежности в океане серости, тяжело страдает от нее цвет человечества. Для него, для цвета, это прямая угроза засохнуть в душливой атмосфере, испаряемой невежественными, невоспитанными и не облагороженными вольностью мысли, безликими человекообразными схемами с примитивными правами и низменными обязанностями.

В Новом Завете, как мы уже сообщали, нет классификации злых дел, у них одна цена, и это молчание подразумевает, что зло людям должно быть хорошо известно. Однако, есть область, где наша совесть подслеповата, и Христос особое внимание нас, бесчувственных, обращает именно на это неприметное для нас зло.

Он предупреждает, что даже если мы чистосердечно его не видим, все равно нам будет горе. Горе тем, кто в своей повседневности не различает, путает плохое и хорошее, ядовитое и съедобное. Любая неправильно используемая вещь, даже достоинство человека, может обернуться для него горем. Понятно еще, когда схватил недоброкачественное в блестящей обертке, но как быть, когда у тебя в руках то, что под оберткой вроде бы благое, полезное. И оно может принести горе. Есть несколько притч, в которых рассказывается о талантах, подаренных людям. Бывало, что раздавали поровну, бывало – не одинаково. Никто эти таланты (в то время это была мера денег) из испытываемых не своровал и не пропил. Однако некоторые, невзирая на величину дара, умножили богатство, принесли прибыль, другие же просто сохранили их в неприкосновенности, сберегли, проявив порядочность.

И вдруг честным, справедливым людям, вернувшим то, что в свое время получили, добрый, милостивый господин говорит страшные вещи: что они лукавы, ленивы и будет им горе. Можно было бы усомниться в доброте и великодушии благодетеля не только уважаемым людям

* Так написано в школьных пособиях по литературе.

с развитым воображением, но и пунктуальным юристам и честным госслужащим. Действительно, тот, кто прощает, кто жертвует собой ради жуликоватых наемников, может ли посылать муки и страдания на законопослушных исполнителей? Видны двойные стандарты для грешников и людей порядочных. Здесь можно предъявить претензии, но можно также постараться понять дающего. От чего Он хотел предостеречь принимающих, и как можно разрешить унижительное для щедрого раздающего противоречие?

В Священном Писании приведены признаки, сопутствующие жизни и смерти: если что-то растет – оно живет, если что-то не растет или уменьшается – оно умирает. Зарытый талант показывает в человеке тягу к смерти, когда есть все возможности жить. Одно дело перепутать ценности и пользоваться ворованным – это плохо, другое – любить праздность, бездарно, по-плюшкински, по-обломовски, гноить свое достояние – гораздо подлее, несопоставимо хуже.

В случае, когда способности и таланты оказываются не развитыми, не умноженными, сигнальная система души начинает предупреждать об этом болевыми ощущениями, человеку становится горе, и он начинает, казалось бы, ни с того ни с сего горевать. Эта тоска будет отвращать настроение, рождать смутную тревогу и ноющую неудовлетворенность всем и, главное, собой. Погребенные таланты жестоко мстят. Но недовольство собой можно заглушать, если разжигать в себе недовольство окружающими. Двойное горе человеку, который поверит, что вся его беда от них. Всем достанется от его мук, но ему самому больше всего, потому что такое поведение сопровождается, вдобавок ко всем бедам, тихие похороны собственной совести.

Ум человека, наравне с другими талантами, требует труда, развития, иначе он становится обузой. Татьяна не заблуждалась и не лицемерила, когда говорила Онегину о его уме. Онегин умен, одарен более других, но ум его слеп на один глаз, умея различать лишь слабости окружающих и недостатки общества. Узнав же, что он умнее общества, Евгений, довольный этим наблюдением, замер и окостенел. Над Онегиным судьба смиловилась и поразила громом, в результате чего он получил шанс научиться думать. В счастливый момент мы расстались с пушкинским героем, внутри которого началась борьба за жизнь. С Чацким – хуже. Остатки бывшего величия видны, следы ума еще присутствуют – он действительно был! Он, не напрягаясь, видит недостатки, пороки людей, он, порой, весьма чувствителен, способен уловить настроение собеседника, но что он

ждет со всей своей проницательностью от общества? По всей вероятности, он ищет людей толковых, приятных, без слабостей и с широкими взглядами. Мы подозреваем, что Чацкий желает общения с добрыми, богато одаренными людьми, он ищет места, где нет гнусных грешников. Вот вам признак паралича ума, его разложения и утраты. Найти в любом человеке по-настоящему светлую черту трудно, редкие умники (единицы на поколение) находили их в каждом*. Но ждать встречи с гражданами, напичканными добродетелями – это уже слишком, это действительно поздняя стадия болезни ума, при которой наступает горе его бывшему владельцу. Еще одно совпадение между пьесой и романом в том, что ее крещенные персонажи как будто не слышали о христианстве. С точки зрения крещенного человека – Чацкий действительно сумасшедший, поскольку намерился не миловать злодеев, а получать от злодеев милости. «Азбука» прямо говорит, что, если ты решил сблизиться с кем-либо, то для подлинности отношений необходимо принимать его таким, как он есть, то есть по сути – врагом. Самый простой пример свидетельства об отсутствии отношений, если мой друг после моего предательства или подлости убежал от меня, значит он никогда не хотел со мной дружбы и не захочет ни с кем. Грибоедов показал общество христиан, одна часть которого притворяется хорошими и не любит тех, кто этому не верит, а другая часть (меньшая) ожидает, что все будут по-настоящему хорошими. Комедия. Особенно смешны зрители, сочувствующие Чацкому. Смешно, когда людям – искреннее горе из-за солидарности с безумием.

Последняя сцена «Горя от ума» своеобразно роднит ее с «Ревизором». В ней главный герой хочет найти место, где перед ним, как главным контролером, предстанут положительные личности. Он бросается прочь, пока оскотинившийся народ не замрет в неподвижности. Ревизор уезжает. Куда он метнется? В уединенный скит прозревать, где хорошо? В пустыньку, печалиться о гибнущем человечестве? Нам почему-то кажется, что туда на карете не ездят. А ездят на карете в достойное с любой стороны тайное общество благородных единомышленников. Там уму будет отрада и утешение. «Горе умным» или «Горе уму» были бы совсем другими пьесами, а у нас «Горе от ума» про тех, кто промечтал и проболтал его. О Грибоедове тоже можно сказать, как о пророке, который предугадал то, как будет употребляться ум в будущем. Хотя и на это пророчество время наложило свой специфический отпечаток. Сначала лучшие умы бросились на великие идеи и на фоне этого величия прекрасных утопий было хорошо заметно горе их

* Заваленными горами грязи.

безумных проповедников. Но потом идей расплодилось до необозримости, и в меру, обратную их количеству, уменьшился их масштаб. Проповедники жизни с гениальным умом по виду стали благополучней, и сами чувствуют свое несомненное превосходство над бездарной чернью, и у них теперь есть местечки за пределами Москвы, куда можно с удовольствием скрыться на карете. Горя в них, среди прочего людского моря, не стало видно совсем, они выглядят намного благополучней окружающих, но оно прорывается теперь через тьму их творческих находок и свершений при неистовой игре в бисер. Поразительная надрывная пустота шедевров их профессиональных изделий волчьим воем трубят на весь мир, что гениям ума великое горе.

Булгаков пишет в романе о людях из привилегированных надстроечных слоев, обладающих способностями выше среднестатистической по стране нормы. Можно сказать, что это современные ему Чацкие, может, помельче, зато количеством побольше, но тоже страдающие болезнью, унаследованной от него. Дана широкая палитра тех, у кого горюшко от умишка. Многие, правда, уже начали приспосабливаться, притираться к обществу, но некоторые еще хотят уехать. Непонятным образом в качестве завораживающего парадокса писателю удалось представить историю, в которой все людские персонажи настолько глупее безмозглых визитеров, что у последних в результате можно заподозрить некоторый ум, какого не найдешь даже у современных им писателей.

А в общем—то, те же самые москвичи, что и сто лет назад.

Конечно, тема людского горя от своих талантов касается не только писателей булгаковского периода, но и его предшественников*. Пишущее и читающее общество всегда с подозрением относилось к тем, кто сомневался в наличии хороших людей и требовало выведения положительного героя. Бедный Чехов так и слыл среди своих пессимистом и разочарованцем,

* Горе, как мы сказали, может быть не только от ума. У человека, наделенного способностью слышать гармонию первозданного целостного мира может открыться горе, если он перепутает ее с разукрашенной или высокопарной пошлостью. Человеку, наделенному смелостью и отвагой горе наступит, когда он смалодушничает перед полнотой жизни с ее непредставимыми возможностями или без рассуждения бросится проверять себя во всех испытаниях, предлагаемых ей. Человеку доброму будет горе, если он потратит ее на содержание туенядцев и лентяев, либо из осторожности сбережет ее для достойных. Горе человеку честному и порядочному если останется нем или потратит себя на беседы с лукавыми проходимцами. Горе человеку, одаренному желанием дружить, если он будет ждать спутника, достойного себя. Горе прозорливым, если они предсказывали только несчастья. Горе памятливым, если они не могут забыть зло. Горе любому богатству, сбереженному или потраченному впустую, точнее — просто беда.

хотя его главной чертой была ненависть к лицемерию в себе и в окружающих. Он любил все положительное, можно сказать, страстно любил, только не был согласен на подмену, на пошлость. И при таком взгляде оказывалось, что твердого на все сто хорошего в нас нет. Однако это не повод для разочарования – это мотив для воссоздания этого хорошего в нас. Значительно осложняется это строительство здания добра тем, что оно начато не на пустом месте, а в зоне, где все подпорчено ложью, где названия материалов и товаров не соответствуют заявленному продукту. Исцеление от самообманов и подлогов – вот фундамент дома, который способен устоять под напором злых ветров лжи. Исчезающее желание правды (в себе и других) среди океана фальши (своей и чужой) – вот изначальная честность, реально доступная вдруг прозревшему человеку, когда-то соблазненному ложью. Чехов тоже, бывало, соскальзывал с этого пути честности перед собой, но всегда возвращался. Бремя, которое несет человек, ищущий блага – невозможность мгновенного, чудесного осуществления этого желания, в первую очередь, в деле утверждения собственного доброго человека, во вторую в отношении формирования общества из добрых людей. Это нужда в грядущем свете будет одновременно сочетаться с поползновениями к иным, темным сокровищам и это соприсутствие противоположностей в себе скоро утомляет и надламывает, поселяя, в конце концов, сомнение в своей искренности по отношению к добру. Так что легче или вовсе отказаться от света, или убедительно притвориться*, что ты с ним. Не любить десятилетиями в себе подлеца, ждать, когда этот подлец, пусть не умрет, но угомонится – нечто героическое, из эпических подвигов, хотя не знаем ни одного случая, когда бы за это давали ордена.

И Достоевский скатился в поиск доброго человека, хотел найти персонаж без преступления, но получилось что-то нежизнеспособное, идиотически несостоятельное, которое в конце концов впало в бессознательность. Живые под его пером получались люди, либо решившиеся служить злу, либо ищущие осознанно или бессознательно освобождения от него. Федор Михайлович не стал трусливо прятать бездну, он показал, как она беседует с нами (кому так проще – с ним, с Достоевским), влечет к себе не прикрытая гримом и театральными костюмами. Признать ее – значит признать смертельное бессилие одинокого человека перед ней, но это возможно только одновременно признав Того, Кто помогает устоять перед ней. Без второго исключено первое. Эта тема роднит всех писателей, упомянутых

* В первую очередь для самого себя.

прямо или косвенно (кроме шуточных персон) в «Мастере и Маргарите». Ее наследует и дает ей в полной мере возможность развиваться и Булгаков.

(Мак. л.) ... Гоголь – М. С. Щепкину

Что же касается до прилагаемой при сем «Развязки «Ревизора», которая должна следовать тот же час после «Ревизора», то вы, прежде чем давать ее разучать актерам, вчитайтесь хорошенько в нее сами, войдите в значенье и в крепость всякого слова, всякой роли так, как бы вам пришлось все эти роли сыграть самому, и, когда войдут они вам в голову все, соберите актеров и прочитайте им, и прочитайте не один раз, – прочитайте раза три-четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькие и по нескольку строчек. Строчки эти должны быть сказаны твердо, с полным убеждением в их истине, потому что это – спор, и спор живой, а не нравоученье.

Действующие лица

Первый комический актер – Михайло Семенович Щепкин.

Хорошенькая актриса.

Другой актер.

Федор Федорыч, любитель театра.

Петр Петрович, человек большого света.

Семен Семеныч, человек тоже немалого света, но в своем роде.

Николай Николаич, литературный человек.

Актеры и актрисы.

Первый комический актер (*выходя на сцену*). Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, в этот раз точно хорошо сыграл, и рукоплескание публики досталось не даром. Если чувствуешь это сам, если не стыдно перед самим собой, то, значит, дело было сделано, как следует.

(*Входит толпа актеров и актрис.*)

Другой актер (*с венком в руке*). Михайле Семеныч – это уж не публика, это мы подносим вам венок. Публика раздает венки не всегда с строгим разбором; достается от нее венок и не за большие услуги; но если своя братья – товарищи, которые подчас и завистливы, и несправедливы, если свои братья – товарищи поднесут кому с единодушного приговора венок, то, значит, такой человек точно достоин венка.

Первый комический актер (*принимая венок*). Товарищи, умею ценить этот венок.

Другой актер. Нет, не в руке держать; наденьте-ка на голову!

Все актеры и актрисы. На голову венок!

Хорошенькая актриса (*выступая вперед, с повелительным жестом*). Михаилу Семенычу, венок на голову!

* * *

Первый комический актер. Нет, товарищи, взять венок от вас возьму, но надеть на голову – не надену. Другое дело – принять венок от публики, как обычное выражение приветствия, которым она награждает всякого, кто удостоился ей понравиться; не надеть такого венка значило бы показать пренебрежение к ее вниманью. Но надеть венок посреди себе равных товарищей, – господа, для этого нужно иметь слишком много самонадеянной уверенности в себе.

Все. Венок на голову!

Хорошенькая актриса. На голову венок, Михаилу Семенычу!

Другой актер. Это наше дело; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надеть его, а потом мы вам скажем, зачем вас увенчали. Вот так. Теперь слушайте. За то вам венок, что вот уже с лишком двадцать лет, как вы посреди нас, и нет из нас никого, который был бы когда-либо вами обижен; за то, что вы всех нас ревностней делали свое дело и сим одним внушали охоту не уставать на своем поприще, без чего вряд ли у нас достало бы сил. Какая посторонняя сила может так подтолкнуть, как подтолкнет товарищ своим примером? За то, что вы не об одном себе думали, не о том хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всяк не оплошал так же в своей роли, и никому не отказывали в совете, никем не пренебрегали. За то, наконец, что так любили дело искусства, как никто из нас никогда не любил его. – И вот вам за что подносим теперь все до единого венок.

Первый комический актер (*растроганный*). Нет, товарищи, не было так, но хотел бы, чтобы было так...

(З. У. пр.) ... Теперь несколько слов о носителях основной точки зрения. На все хорошее. Во времена приключений, описанных в романе, количество доброискателей от литературы достигло, казалось, своего максимума. Деятнадцатый век оказался прелюдией к появлению целой армии оптимистов, выписывающих контуры новой счастливой эры и конструирующих из подручного материала персонал для этой эры. Энтузиазм, по преимуществу, имеет заразные формы распространения, и эйфория от

близкого уже справедливого общества честных трудови́ков стала повальной, так что от напоминания о том, что люди бывают со слабостями, брезгливо отмахивались, на крайний случай обещая вычистить всех вредных насекомых, если их не удастся подогнать под общие стандарты строителей всеобщего благоденствия.

Целые поколения жили убеждением, что сила духа и бодрая воля способны свернуть горы и воспитать в себе семьянина и гражданина, прекрасного во всех отношениях. Эта вера влилась в кровь, реальная возможность стать хорошим и даже примером для миллионов была физически ощутимой, не было необходимости находить аргументы, чтобы погасить сомнения в этом. Сомнений не стало. Ясно как (божий) день: хочешь стать хорошим, значит будешь. На худой конец коллектив поможет перековкой и переплавкой в нового человека. Вот на этой высокой ноте мы возьмем паузу для того, чтобы сравнить содержание особо чтимых дат в новых календарях героев книги с календарями тех, кто жил по старинке и читил памятные дни уже мифических вселенских событий.

Инженеры человеческих душ отдыхают после трудового дня (а некоторые еще только ждут его окончания), вкусно едят, с чувством выпивают, зажигательно танцуют. В этом ровным счетом нет ничего плохого, это хорошо, это заслуженно и даже полезно. У них сегодня после спланированных дел узаконено вечернее время для праздника. Но какой сегодня день? Может быть, у приверженцев старого режима есть другая традиция для него? Пусть христиане, отбросившие свое христианство, пляшут, но что бы они отмечали в этот день вечером, если бы оно сохранило для них какой-нибудь смысл?

Вся история в «Мастере и Маргарите» расписана не по числам, а по дням недели. Для порядка и для того, чтобы потом спокойно обсудить все события четырех дней романа, вначале сопоставим его календарь с христианским.

Иностранный консультант со своей свитой появляется к вечеру среды, которая в Православии соответствует Великой Среде. Опохмелка заезжего артиста с Лиходеевым случилась в четверг утром. В церкви утром совершается литургия Великого Четверга. Феерическое представление мага в театре Варьете прошло в четверг вечером. В церкви вечером служится чин 12-ти страстных Евангелий, взятых из последнего дня земной жизни Христа, вплоть до Его смерти и погребения. Подготовка к балу Сатаны (расчистка территории для него и вербовка его обслуживающего персонала) – пятница. В церкви Великая Пятница – вынос Погребальной Плащаницы

и вечером – чин Погребения. Бал в квартире номер 50 в промежутке между пятницей и субботой. Отлет всадников из Москвы в субботу после полудня. В церкви – Великая Суббота или Суббота Покоя. На следующий день в городе гастролеров уже нет, они в местах временного упокоения, как и некоторые персонажи романа. Этот день в церкви – Пасха, Светлое Воскресение. Светлая Заутреня с Пасхальной литургией начинается ровно в полночь с крестного хода.

Еще раз особо обращаем внимание на то, что Булгаков не указывает чисел в романе, но скрупулезно отмечает дни недели, и причина этого кроется именно в православном церковном календаре, о котором, между прочим, в романе никаких справок нет. В «Азбуке» можно найти, что большинство церковных праздников неподвижно прикреплены к определенной дате. Однако есть цикл событий, касающийся исхода Христа, время празднования которых непостоянно, так как зависит не только от Солнечного календаря, но и от Лунного (что нашло своеобразный отклик в «Мастере и Маргарите»).

Кроме того, он зависит от даты совершения Ветхозаветной Пасхи. Этот плавающий календарь имеет свои неподвижные точки отсчета. Пасха Христова всегда приходится на воскресение (и еще раз: после весеннего равноденствия, после полнолуния, после иудейской пасхи). Предшествующая ей неделя носит название Страстной Седмицы и день в день связана с последними днями земной жизни Иисуса Христа. Каждый день этой седмицы называется Великим, начиная с Великого Понедельника до Великой Пятницы и Великой Субботы. Страстная Седмица начинается, в свою очередь, после окончания Великого Поста празднованием Входа Господа в Иерусалим. Этот день также всегда приходится на воскресение. Так как в романе упомянуто прибытие Иешуа в Ершалаим, мы посчитали возможным рассказать чуть-чуть о Евангельских событиях этого дня.

Входом Иисуса Христа в Иерусалим открылось время, в котором Он целиком передал Свою жизнь в руки людей. Это было воплощением решения Бога не оставить грешников, быть с ними всегда, а значит, принять смерть за них. Его главная проповедь станет молчаливым исполнением заповеди служения ближним, которую Он принес людям из Своего царства – Закона жизни, по которому только отвергаясь себя ты можешь быть в единстве с другим.

Люди не могли разумом принять это безумное, без жалости к себе движение сердца, но природа чувствовала великое снисхождение Неба к ней и, не понимая, что они делают, и взрослые, и младенцы кричали

*входящему в вечный город, прося о спасении**. Обычно в нас без спроса громко говорит другое, противоположное, но в тот раз живые клеточки тела и души в людях приветствовали возвращение к ним жизни. Интересно пророчество Христа об этих событиях своим ученикам – потом уразумеете, что Я делаю. Оно сбывается и по сей день: нам надо потерять главное, которое было неприметным, естественным, обычным, чтобы оценить, что оно для нас значило, чем было для нас. И это прозрение может быть не запоздалым, эта утрата окажется не победой разлуки, а возможностью возвратиться, для осуществления которой необходимо было напомнить о том, сколько в нас слепоты, сколько смерти.

Вспомнив их, можно категорически утверждать, что у Иешуа намерений кого-нибудь выручить из плена смерти не было не только в желаниях, но и в самых коротеньких мыслях. А теперь к событиям среды.

Согласно «Азбуке», в Великую Среду вспоминается предательство (он заранее получил серебряники от церковного начальства) Христа Иудой. Этот день, как напоминание о неумении людей (всех нас) сохранять верность в дружбе и победе над ней проклятой любви к золотому тельцу, на каждой неделе в течении года отмечен постом. В Великую Среду те же события проживаются в церкви слово за словом православного Предания. Хотим мы того или не хотим, но решительное предательство Христа его менее известными учениками более поздней эпохи тоже случилось в среду весеннего месяца на Патриарших на лавочке под липами.

Теперь о вечернем бдении в грибоедовском ресторане у Никитских ворот. Его легче понять, если вспомнить о еще одной традиции вечера Страстной Среды.

*В установившейся церковной практике служба, посвященная определенному событию, состоит из двух частей. Первая совершается накануне вечером, вторая – на утреннем богослужении в день празднования**.* По этой причине служба Тайной Вечери начинается вечером в Великую Среду, после ее окончания по древней традиции все прихожане участвуют в исповеди, которая проводится в этот день с особой тщательностью и глубиной. Вся Страстная Седмица есть время особой сосредоточенности христианина на своих отношениях с Христом, время, когда он решительнее, чем когда-либо, отказывается от всего, что может отвлекать от этих испытаний совести. Вместе с тем верующие стараются

* Да, творение дел в неведении тоже бывает и добрым, и злым.

** Шесть дней творения человека тоже начинались вечером и оканчивались утром.

чаще бывать на службах этого периода, уставные указания для которых имеют уникальные особенности, отсутствующие в других службах годового круга, и которые делают верующих непосредственными участниками Евангельских событий, выявляющих их истинные отношения со Христом. Из этого откровения о себе человек приносит исповедь, где главное внимание отдано тому, что пережила, как испытывалась его взаимность со Христом. В этом свидетельстве он видит себя среди разбежавшихся учеников, видит себя лукавым обвинителем своего Бога, поскольку любая претензия к жизни есть упрек к Нему. Увидев главное, намного легче разглядеть в себе примитивную жестокость и желания намеренно причинять боль, цепкие когти малодушия, вошедшие глубоко под кожу, и уж обязательно откроется море безразличия к судьбам многих людей, а значит, и к Нему. Плюс жажда зрелищ, замешанных на чужом страдании; алчное выслушивание сплетен и художественная передача их; лицемерие как неумение быть естественно открытым, быть тем, кто есть, и неумение видеть все как есть; нежелание задумываться над своими делами, которые легко предаются забвению. Есть возможность высказать свою непригодность к дружбе, чтобы утром принять Хлеб, преломленный для того, чтобы восстать, появиться на свет в обновленной взаимности.

Нет, никому в «Грибоедове» в среду вечером иконка и свечка не напомнили их отношения с Иисусом*, лишь вызвали вопросы к внешнему виду и состоянию Бездомного Ивана. Веселится публика насветло, ничто ее не тревожит и не беспокоит в себе. Напротив, все кажутся себе настолько достойными, что даже чувствуют немного обделенными в размерах своего материального вознаграждения и общественного почитания. Никакого подозрения в том, что можно как-то иначе, никаких намеков на совесть. Все в порядке, мы живы! Мы живы, живы, и живем, как можем. В общем, обстановка для радушного приема иностранцев подходящая.

* В Евангелии упоминаются двенадцать апостолов, причём у большинства из них подробности жизни отсутствуют, но имена их всех названы особо подчеркнуто. Это не значит, что христиане больше нечего о них не знают, нет, есть жития апостолов, хранятся их послания, но для Евангелия важнее назвать каждого из них по имени. Мы же убеждены, что подробное перечисление имен двенадцати подручных Берлиоза, ожидавших его на ночную вечерю четверга, при полном их отсутствии в дальнейшем в романе Булгакова, тонкая аллюзия на главные события вечера Великой Среды с весёлым смехом над грибоедовскими христианами.

Глава XIV. НАЧАЛО ВЕРБОВКИ ПОМОЩНИКОВ (очередная)

В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель, и бессонный труд
Смирненно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же - ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...

Филипп барон

...не стало праведного, ибо нет верных между сынами
человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему;
уста лстивы, говорят от сердца притворного.

Книга отца Соломона

Утром четверга появляется еще один новый персонаж, который плохо помнит, что было с ним вчера, накануне Великого Четверга. Для «Азбуки» потеря сознания, беспамятство означает состояние, в котором человек передает себя под управление неизвестным субъектам. И главная беда не в том, что это инкогнито не из высшего общества, а в том, что человек отказывается от жизни, потому что она невозможна без совести, без сознания и без способности чувствовать и помнить. Не может быть человека (*par excellence*)* без ответственности за каждую мысль, за каждое чувство и, конечно, за дела. Попросить другого действовать вместо тебя в твоей шкуре – это хуже самоубийства, поскольку отказ от себя является самоубийством, которое ставит точку в безобразиях, а здесь налицо сдача напрокат тела для желающих безобразничать и глумиться за чужой счет.

* *Par excellence (лат.)* – в истинном смысле слова.

Особое положение, в котором из двух соперничающих за тебя миров право на свободу действий предоставляется только одному, тому, что хочет неограниченного буйства, удалого безудержного веселья, обнаженного перед всеми наглого разврата. Другой в это время обрекается на вынужденное молчание и унижение в бездействии. Как искрометная издевка над тем, что Он побуждает человека из всего, что пришлось встретить, сделать выбор, вслед за чем одно с сокрушением выбросить, а другое сохранить благодарной памятью. Если не делать это своевременно, то безработная совесть все пережитое, которому не вынесен суд, складывает в темный чулан нашей памяти, где хорошее и плохое, сваленное в одну кучу, хранится до лучших времен. С одной стороны, тяжкий груз событий, от которых мы сбежали, гнетет душу, и это плохо для нас, с другой – тем самым гнетом старается пробудить ее от забвения себя и возвратить к жизни. Не стоит забывать, что закоулки нашего чулана иногда называют подсознанием, то есть тем, что человек не захотел или испугался понять...

(Мак. л.) ... *Входят Федор Федорыч, Семен Семеныч, Петр Петрович и Николай Николаич.*

Федор Федорыч (*бросившись обнимать первого актера*). Михайло Семеныч! Себя не помню, не знаю, что и сказать об игре вашей: вы никогда еще так не играли.

Петр Петрович. Не почтите слов моих за лесть, Михайло Семеныч, но я должен признаться, не встречал, – а могу сказать нехвастовски, был на всех первоклассных театрах Европы, видел лучших актеров, – не встречал подобной игры, не примите моих слов за лесть.

Семен Семеныч. Михайло Семеныч (*в бессилии выразить словом, выражает движеньем руки*), вы просто Асмодей!

Николай Николаич. В таком совершенстве, в такой окончательности, так сознательно и в таком соображении всего исполнить роль свою – нет, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе создание, творчество.

Федор Федорыч. Венец искусства – и больше ничего! Здесь-то, наконец, узнаешь высокий смысл искусства. Ну, что есть, например, привлекательного в том лице, которое вы сейчас представляли? Как можно доставить наслаждение зрителю в коже какого-нибудь плута? – а вы его доставили. Я плакал; но плакал не от участия к положенью лица, плакал от наслаждения. Душе стало светло и легко. Легко и светло от того, что выставили все оттенки плутовской души, что дали ясно увидеть, что такое плут.

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, оставивши в сторону мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встречал, – а могу сказать нехвастовски, был на лучших театрах, – уж не знаю, кому за это обязан автор: вам ли, господа, или начальству наших театров, – вероятно тому и другому вместе, но подобная обстановка вынесет хоть какую пиэсу. Не примите моих слов за лесть, господа. Позвольте, однако ж, оставивши все это в сторону, сделать мне замечанье насчет самой пиэсы, то самое замечанье, которое сделал я назад тому десять лет, во время ее первого представления: не вижу я в «Ревизоре», даже и в том виде, в каком он дан теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семен Семеныч. Я даже вижу вред*. В пиэсе выставлено нам унижение наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее. И притом, какое неуважение, какая даже дерзость... я уж этого даже не понимаю, как сместь сказать в глаза всем: «Что смеетесь? – над собой смеетесь!»

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, ты позабыл: ведь это не автор говорит, ведь это говорит городничий; это говорит рассердившийся, раздосадованный плут, которому, разумеется, досадно, что над ним смеются.

Петр Петрович. Позвольте, Федор Федорыч, позвольте вам однако ж заметить, что слова эти точно, произвели странное действие; и, вероятно, не одному из сидевших в театре показалось, что автор как бы к нему самому обращает эти слова: «над собой смеетесь!» Говорю это... вы не примите моих слов, господа, за какое-нибудь личное нерасположение к автору, или предубеждение, или... словом, не то, чтобы я имел что-нибудь противу него, понимаете; но говорю вам мое собственное ощущение: мне показалось, точно как бы в эту минуту стоит передо мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас: над нравами, над обычаями, над порядками и, заставивши нас же посмеяться над всем этим, нам же говорит в глаза: «вы над собой смеетесь».

Первый актер. Позвольте здесь мне сказать слово: вышло это само собой. В монологе, обращенном к самому себе, актер обыкновенно обращается к стороне зрителей. Хотя городничий был в беспамятстве и почти в бреду, но не мог не заметить усмешки на лицах гостей, которую возбуждал он смешными своими угрозами всех обманувшему Хлестакову, который в это время несется во весь дух себе на почтовых, бог весть, в каких краях. Намеренья у автора дать именно тот смысл, о котором вы говорите,

* Ну в точку, прямо как про «Мастера и Маргариту» – (прим. Ред.).

не было никакого: я это вам говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пиэсы. Но позвольте мне с моей стороны сделать запрос: ну, что если бы у сочинителя точно была цель показать зрителю, что он над собой смеется?..

(З. У. пр.)... Главная (и единственная) заповедь Бога, закон Небесного Царства, по которому строятся все отношения в нем (кроме отношений ничего нет в этом Царстве), состоит в том, что каждая личность отдает другому свою душу, всего себя.

Когда Сын Божий захотел помочь людям, Он ограничил Себя человеческим телом и человеческими законами и стал Сыном Человеческим. В этом самоограничении уже заметен закон отдания себя.

Он ходит по земле и, отдавая Себя, прощает, исцеляет, воскрешает, ибо каждое проявление милости связано с отдаванием себя. И по условию взаимности в этом отдаании, принимает то, что есть у грешников, чтобы отдать Ему — их язвы (каждый наш грех — это Его кровавая рана). Этим им возвращается возможность оставаться в единстве с Ним вопреки содеянному прежде злу. Это пребывание вместе тоже является отдаванием Им Себя, поскольку позволяет прощенным опять наносить раны новыми предательствами.

Два сыновства соединяются в Одном — Иисусе Христе, и впервые в Нем, первом человеке на земле, стал осуществляться в полноте и совершенстве Небесный Закон. Как зримое знамение этого чуда снисхождения Живого к мертвым, Спаситель отдал в волю людям Свое Тело. Так что распятие Его на кресте — это завершение во времени раскрытия действующего в Нем закона Вечности, как облеченное в плоть тайное приношение жизни за други своя. Поэтому видеть своими глазами это отдание Богом Себя теперь могут и слепые сердцем.

Все что до того было сокровенно теперь стало для всех грубо и зримо. Но своим сотаинникам Христос Свою спасительную смерть вручает на Тайной Вечере еще накануне распятия. Он отдает Свое Тело и Кровь во оставление грехов, это внешний вид Его Креста для друзей, которые на трапезе принимают отдание Себя Христом, как признание этого нового порядка в их повседневных отношениях с Ним. Благодаря этому в них уже постоянно действует сила возрождения, не так как у врагов, принявших дар спасения лишь задним числом после совершившегося распятия.

Еще раз: враги принимают Жертву Христа у Его Гроба, а друзья на Тайной Вечере. И те и другие приемлют один и тот же Дар, но одни

в зримой очевидности совершившегося, а другие в очевидности невидимой веры. И те и другие избавляются от смерти, но на ее разных стадиях обитания в них. Мы можем отказаться от признания этих неравноправных отношений со Христом вплоть до ненависти к этому порядку, но мы будем продолжать жить только благодаря Его действию в нас, хоть и без отчета себе в этом. Иисус Христос передает Себя ученикам как еду и питье, принимая которые они возвещают Его смерть и Его воскресение.*

Еду и питье чудесным образом на утренней трапезе Степе Лиходееву вручает иностранный артист, и директор театра Варьете с благодарностью принимает их** и даже чувствует некое воскресение. Разные трапезы, разный результат как следствие разных желаний и несовместимых представлений о жизни и свободе.

Пусть без веры, пусть холодно, одним рассудком измерьте дистанцию между двумя столами и возлежащими у них. Посещение горницы Берлиоза и Лиходеева под номером 50 дает начало деятельной подготовке консультанта к своему главному ежегодному таинству (и пятидесятнице?). И мы в той и этой подготовке можем найти мотивы для сопоставлений. «Азбука» сообщает, что горница для Тайной Вечери готовилась учениками Христа, при этом от них было достаточно одной просьбы хозяевам и те доброхотно предоставляют ее им. Помощники артиста готовят нехорошую горницу при помощи убийства, взятки, насилия и доноса. Каковы они сами, таковы и сани. А ведь по подготовке к событию можно много сказать о самом событии.

В это время переподготовка к новому служению происходит и у молодого литератора из поэтического цеха. В беседе с профессором психиатрической клиники Бездомный незаметно для себя и для медицинского

* В этом месте государственные мужи могут потряхнуть кудрями, погладить седую бороду и возмутиться: «Так неужели нет добрых и порядочных людей, которые могут быть примером для подражания и оплотом общественных устоев!?». Конечно, могут. В отдельно взятом государстве могут быть передовики, герои и заслуженные люди. Могут они быть в партиях, профсоюзах и других частичках людской массы. Есть те, которых награждают и даже прославляют. В качестве первого смущающего соображения заметим, что положительные типы в одном государстве не считаются таковыми в других. Сколько государств, столько и разных положительных типов. Даже в одном и том же государстве при смене власти зачастую признаки добра переписываются согласно новым задачам. Азбука же признает только совершенное добро. Добро (par excellence) по самому большому, единственному счету и на века. Такого в нас нет, а могло бы быть.

** Вы возразите: «Тут трапеза только для одного, а не для всех». Согласны, но тут дело в принципе, в том и отличие тьмы от Света, что одна разъединяет, а другой соединяет. Понятно, что и на столе другие яства. Эксклюзивная обособленность приносимых даров от Воланда не случайность, на его балу мы ещё раз убедимся в этом!

персонала противопоставляет евангельскому рассказу историю, услышанную от консультанта. Связующим звеном для того, чтобы это противостояние было установлено и зафиксировано, явился римский прокуратор Понтий Пилат. Дотошный Стравинский, пытаясь правильно опознать Понтия Пилата, спрашивает, тот ли это Пилат, который жил при Иисусе Христе, и получает утвердительный ответ. Пилат тот самый (!), только отныне он будет беседовать не с Царем Иудейским, а с бродячим разбойником и философствующим мятежником. Неуловимая подмена, как припрятанная в рукаве карта, легким движением шулера легла на чужое место, как будто там всегда лежала. Очень похоже на правду, на честную раздачу, а тут еще такие привычные Пилат и Иешуа, да и новые проблемки между ними понятней, ближе, актуальней, а потому намного интересней благодаря доступности.

Для того чтобы было проще различать принадлежность законов, данных Богом, им присваивают названия, связанные с той частью Священного Писания, к которой они относятся: ветхие заповеди или новые заповеди. Так тот, кто живет по заповедям, утвержденным до принятия Нового Завета – ветхий человек, после – новый человек. Если их попытаются различить при помощи каких-либо объективных данных, то это не даст никаких результатов! Но если они похожи до неразличимости для постороннего наблюдателя, как понять в чем они не совпадают?

Ветхий человек, раз предав взаимность, безысходно остается одиноким. Новый человек, тот, кто, предав Бога, принимает дар прощения – и тем разрывает одиночество, соединяясь с простившим. Как Сын всегда рождается от Отца, Который Его всегда рождает, так и Сын всегда прощает нас и мы, всегда принимая прощение, всегда рождаемся в жизнь. Новизна не в том, что человек изменился, новизна в том, что у него появился верный Друг.

Подобно тому как в христианстве, вместе с принятием в единство Сына Божьего, верующий получает в общение Дух, Иван Николаевич после возникшего интереса, а затем знакомства с Иешуа, по своеобразной аналогии, тоже одухотворяется и получает возможность слышать глас духа, только с других поднебесий. В романе есть прямые слова о том, что появился новый Иван (вместо ветхого Ивана), то есть состоялся своеобразный брак и даже не с абстрактным гипотетическим злом, а непосредственно с персонами из темного мира.

Принимая Крещение, человек хочет, чтобы вместе с ним, как и он, ожили все, а при своем обновлении Иван соглашается со смертью Берлиоза,

признав, что редактор литературного журнала его больше не интересуется. Только с одним отречением от человека, даже без желания узнать, что будет с арестованным Га-Ноцри, Бездомный уже бы стал совершенно иным, похоронив прежнего Ивана. Кроме нехороших обстоятельств (отсутствия питания, нечестной конкуренции и т. п.), позволяющих тебе убить человека, есть и весьма невинные – плохая память, обилие дел или успехов, долгожданная встреча с удивительным и прекрасным, да мало ли чего еще, но тоже убивающее, но теперь не конкурента, а всего лишь прохожего, постороннего. Однако результат один: жестокое убийство и почти невинное лишение жизни другого одинаковы по своим катастрофическим последствиям. Не для жертвы, а для агрессора. Старое уходит безвозвратно, приходится привыкать к новым условиям. Мы можем подвести промежуточный неутешительный итог – старый Иван с чем-то человеческим внутри умер, хотя и невозможно точно определить, что в первую очередь сделало Ивана новым, безразличным к живому – интерес ли к Иешуа, потеря ли интереса к Берлиозу. Скорее всего, это произошло единовременно. Как это похоже на ту, другую жизнь из «Азбуки», только опять плоды разные.

Теперь можно подвести общий итог пережитого утра четверга. Для нас он, конечно, прежде всего выявляется в сопоставлении сделанного Иешуа и Иисусом. Поверхностный взгляд определит, что слишком мало данных для сравнения. Про Иешуа в этот день ничего не говорится. Но именно это молчание уже громко заявляет, что у него пассивная роль, и он не будет принимать страдание за людей, он только примет страдание от них. Трапеза Христа с учениками в четверг уже означала принесение Себя в спасительную жертву, Его крест только сделал это видимым для всех. Тайная Вечера – это новая жизнь новой церкви, она же есть исполнение Новой Заповеди. Итак, в тот же день, но уже в Москве, появилась и зажила новая церковь, новое христианство без Христа, отсюда начинает писаться ее история в людях.

Глава XV. КУШАТЬ ПОДАНО (очередная)

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир;
но люди более возлюбили тьму, нежели свет.

Сын Грома

В Великий Четверг вечером совершается служба, посвященная последнему дню жизни Сына Человеческого на земле. В ближайшую к нему субботу должна была праздноваться ветхозаветная пасха, которую не следовало омрачать посторонними великому празднику делами, в том числе и исполнением наказаний. По этой причине необходимо было убить Иисуса Христа накануне, в пятницу. Все события этого дня делятся на 12 частей и поэтому называются чтением 12 Евангелий. Напомним, что служба не повторяет механически бывшее прежде, а вводит молящегося в те события, как в реальность нашего сегодняшнего дня.

Уже как исторический орнамент персонажи романа могли бы вспомнить позабытое ими за пару десятилетий (пока бурно разоблачали на потеху публике Церковь, а заодно церковное лицемерие) православное Российское государство, которое во время Страстной Седмицы в помощь христианам, соблюдающим строгий пост, старалось отменять общественные мероприятия, театральные представления и вообще торжества (даже частные), ведущие к распитию алкоголя. Понятно, народ устал от таких чрезмерных строгостей и в глубине души перестал понимать их, но то ли страх, то ли уважение к невымершим пока дуракам, следовавшим буквальному исполнению церковного устава, сдерживали в массах прилюдное проявление веселого народного нрава и прекрасного настроения. Впрочем, объективности ради, надо сказать, что и даже среди новых церковников в рясах в эти годы появилось достаточно много прозревших и уверовавших, что Страстная тоже подходящее время и для ресторации, и для рюмочки, и для дамочки. Жить становилось веселее.

Вечером в четверг черный маг Воланд с помощниками давал представление в театре Варьете. Почтенной публике были нужны хлеб и зрелища после трудов праведных. Одной из целей нашей статьи является предоставление убедительных доказательств того, что в романе показано

общество, вполне усвоившее как руководство к действию науку безвременно ушедшего Берлиоза. Оно кристально чисто в отношении христианства, никаких воспоминаний, никаких практических навыков из его культурной традиции, ну, самая настоящая Европа. И в этом спянном коллективе выделяют такие фокусы, что дух захватывает.

Усиливает зрелищность магического ток-шоу его сходство с тем, что забывчивые зрители могли видеть в храме во времена принудительных посещений церковных мероприятий. А то, что это не оригинал, а карикатура лишь придает всем удовольствиям полетного смеха, поэтому обратим внимание читателя вот на что. Глава приезжих артистов восседал в кресле, помещенном на сцене, беседовал со свитой, но непосредственного участия в представлении не принимал. Однако просим убедиться, что все его пожелания помощники исполняли немедленно и в точности.

Как это бывает в театре, артисты находились на сцене, для удобства зрителей приподнятой над залом. Но не только волю начальника исполняла веселая двоица, она, не без успеха, старалась исполнить и волю зрителей. Сами зрители не были, как это часто бывает, только посторонними наблюдателями трагикомедии, а активно поучаствовали в ней, благодаря чему изменили не только свой багаж знаний, но и изменились сами.

Мы не будем уточнять, что имеется в виду, когда говорят про человека, вроде бы хорошо знакомого, но после короткого расставания не совсем узнаваемого: «другой человек». Назовем это событие просто: «изменился». Все свидетели представления получили купюры с потолка (никто же не думает, что нашелся хотя бы один отщепенец, который не выхватил и не положил поближе к телу казначейский билет!), на которые отоварились в буфете, а наиболее чувствительная к красоте часть театралов в результате искрометной постановки, прямо в зале устроившей Париж, переоблачилась в новые одежды.

Было и публичное открытие некоторыми зрителями сокровенного, которое нуждалось в покаянии и исправлении. Ничто не убеждает так быстро и однозначно в доброте публичного деятеля, как его мастерство публично исцелять. Вот и на сеансе иностранного артиста случилось не просто исцеление, а воскрешение из мертвых вместе с отпущением грехов (помилованием) и с возвращением, казалось бы, безвозвратно оторванной головы. Правда, перед этим была акция устрашения с отделением головы от туловища, но она тоже вписывается в формирование образа чудотворца, поскольку рождает страх перед мессиром, который, в свою очередь, индуцирует появление сверхмудрости у смердов, почти как у самого дьявола.

Очень может быть, это случайный набор трюков заезжих фокусников, но все вместе они что-то напоминают. Для того чтобы разогнать смутные ощущения, обратимся за подсказками к противной стороне.

Вера имеет свое высшее выражение в особых внешних признаках как в личной жизни верующих, так и в общественном богослужении, но без наличия преизобильного внутреннего, внешнее – ничто и даже хуже, чем ничто. В вере тоже есть двойники: как есть настоящая Церковь, так есть ее двойник, который пытается ее вытеснить, в том числе при помощи нехитрой уловки, предлагая своим людям соблюдать те же правила, традиции и обряды, а взамен получать от них понятные благие переживания и моральное удовлетворение.

Оболочка без содержания тоже может предоставить нечто наподобие радости, точнее, томной приятности от ублаженного самодовольства. Двойник может даже говорить те же слова, но они по своему действию будут противоположны настоящим. В Евангелии не раз отмечалось недоумение людей, которые с детства слушали священников и учителей веры, а потом попали на беседу с Иисусом Христом. Произнесено было все слово в слово, только одно было пусто и тягостно, а от другого исходила сила, подающая желание жить. Есть много запасных дверей черного хода, через которые проникает двойник, и есть только одна дверь (парадная), через которую входит Церковь настоящая.

То, что мы сообщаем о жизни христианской Церкви можно увидеть воочию не всегда и не везде, потому что она бывает прикрыта толстым слоем чего-то чуждого и ложного. Ну совсем как с человеком: смотришь на него и так, и эдак, но везде только грязь, да дрянь, да гниль в таком количестве, что хочется отказать ему в наличии души. А еще хочется поспорить с Богом, который говорит, что она (душа) от Него и бывает только благой. Однако, если у кого-нибудь появится желание найти подлинник, он обязательно откроется перед ним. Он присутствует всегда и везде, но только неброско, не назойливо, не на первом крупном плане.*

Современный храм имеет пол в два уровня. Один – на возвышении, которое включает солею и алтарь, в котором священнослужители совершают главное Таинство, на котором в дар людям себя приносит Христос. Другой уровень, по площади более обширный, принимает вместе

* В этом с Ним иногда бывают согласны родители тех, кто бывает страшен и жесток. Жалея своих несчастных извергов они точно знают, что те вопреки всему могут быть людьми и детьми.

с частью Богослужений всех верующих мирян-прихожан. Такое устройство указывает на простое – мы находимся на земле, а служба совершается на небе, где нам полагалось бы быть всегда, но теперь имеем возможность подниматься на него, несмотря на наши безобразия. На восточной точке алтаря, называемой горним (небесным) местом, стоит трон, на котором восседает тот, кто и есть Небо и Царь. Иногда на него восседает старший священнослужитель, епископ (священник – никогда), который в этот момент по благодати своего рукоположения являет верующим (видящим) Христа...

(Мак. л.)... Семен Семеныч. Благодарю за комплимент! Я по крайней мере не нахожу в себе ничего общего с выведенными в «Ревизоре» людьми. Извините. Не хвастаюсь, что я не без пороков, так же, как и все люди, но все же я не похож на них. Это уж слишком! В эпитафии выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петр Петрович, я спрашиваю у вас: разве у меня рожа крива? Федор Федорыч, я спрашиваю у тебя: разве у меня рожа крива? Николай Николаич, у тебя я спрашиваю: рожа у меня крива? *(Обращаясь ко всем другим)* Господа, я у вас всех спрашиваю, скажите мне: разве у меня рожа крива?

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, странный и ты опять вопрос задал. Ведь ты же опять и не красавец, как и мы все грешные. Нельзя же сказать уж так напрямик, чтобы твое лицо было образец образцом. Как ни рассмотри, немножко косовато, ну, а что косо, то уж и криво.

Петр Петрович. Господа, вы вдалились совершенно в другой вопрос. Это лежит на совести всякого человека; нам смешно и трактовать о том, у кого лицо криво, а у кого нет. Но вот в чем главное дело, позвольте мне вновь возвратиться к тому же: не вижу я большого разума в комедии, не вижу цели, по крайней мере в самом сочинении это не обнаруживается.

Николай Николаич. Но какой же вы хотите еще цели, Петр Петрович? Искусство уже в самом себе заключает свою цель. Стремление к прекрасному и высокому – вот искусство. Это неперемный закон искусства; без этого искусство – не искусство. А потому ни в каком случае не может быть оно безнравственно. Оно стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю: разве это не похвала добру?

Петр Петрович. Бесспорно, Николай Николаич; но позвольте, однако же, вам...

Николай Николаич (*не слушая*). Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное, и видишь, что оно дурно во всех отношениях; но то дурно, если нам так его выставляют, что не знаешь, злое ли оно, или нет; то дурно, когда делают привлекательным для зрителя злое; то дурно, что мешают его в такой степени с добром, что не знаешь, к которой стороне пристать; то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видишь добра.

Первый комический актер. Клянусь, истинная правда, Николай Николаич! Вы сказали то, в чем я всегда был убежден, но не умел только так хорошо высказать. То дурно, что в добре не видишь добра. А этот грех водится за всеми модными драмами, которыми должны мы тешить публику. Зритель выходит из театра и сам не знает решить, что такое он видел: злой ли человек или добрый был перед ним. К доброму не влечет его, от зла не отталкивает, и остается он точно как во сне, не извлеки из того, что видел, никакого для себя правила, к чему-нибудь пригодного в жизни, сбившись даже и с той дороги, по которой шел, готовый пойти за первым, кто поведет, не спрашивая, куда и зачем.

Федор Федорыч. И прибавьте, Михайло Семеныч, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только он истинный артист в душе.

Первый комический актер. Не говорите этого; ваши слова метят в самое сердце. Не можете постигнуть, как подчас бывает горько. Учишь, разучиваешь эту роль и не знаешь сам, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь в положение лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чем ты его потряс, – противен станешь самому себе: хотел бы просто провалиться сквозь землю, и от рукоплесканий горишь, как от собственного стыда. Я решительно не знаю, что хуже: выставлять ли преступления таким образом, чтобы зритель готов был с ними почти примириться, или же выставлять подвиги добра в таком виде, что зритель не закипит весь желаньем с ним подружиться? То и другое по мне – гниль, а не искусство. Глубоко сказал Николай Николаич: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Другой актер. Справедливо, справедливо: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Петр Петрович. Противу этого я не могу сказать решительно никакого возражения. Николай Николаич сказал глубоко; Михайло Семеныч развил еще больше. Но все это – не ответ на мой вопрос. То, что вы сейчас

сказали, то есть, чтобы хорошее выставлено было действительно с силой магической, увлекающей не только человека хорошего, но даже и дурного, а дурное изображено было в таком презрительном виде, чтобы зритель не только не почувствовал желанья примириться с выведенными лицами, но, напротив, желал бы поскорее их оттолкнуть от себя, – все это, Николай Николаич, должно быть непременно условием всякого сочинения. Это даже и не цель. Всякое сочинение должно иметь сверх этого всего свое собственное, личное выражение, Николай Николаич, иначе пропадет его оригинальность. Николай Николаич, – понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу в «Ревизоре» того большого значенья, которое придают ему другие. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачем предпринято такое-то сочинение, на что именно бьет оно, к чему клонится, что нового хочет доказать собой. Вот что, Николай Николаич, а не то, что вы говорите вообще об искусстве...

(З. У. пр.) ... Священнические облачения не являются неким украшением, а каждое по отдельности и все вместе также указывают на то, что люди в священном сане молчат, а действует Христос. Есть возгласы Иисуса Христа, для произнесения которых священник отдает Ему свой голос. Так что невидимый Христос реально присутствует, и Он действует через священников.

Если людям перестанет быть необходимо деятельное присутствие Христа и Его Таинства, они просто не станут совершать службу. Себя, Свою силу, Премудрость Он передал людям. Надо – примут, ну, а если не надо, навязывать Себя не будет. Просите и дастся вам. Нужна личная просьба на личные отношения. В основе каждой службы (любой) с нашей стороны полагается признание нашей неправоты и уверенность, без малейшего сомнения, что нас простят. Все остальное покоится, как на камне, на этой спасительной взаимности, но стоит этот камень изъять – и громада крепости рухнет.

Нет покаяния (которое у живого верующего всегда), значит нет взаимности с Христом и нет ничего истинного. Но если взаимность восстанавливается, блудный сын получает все, но главное не в этом – он сам становится новым человеком. По примеру того, как внешним признаком сокровенного обновления после крещения служит облачение в новую одежду. Однако порядок здесь всегда один: сначала обновляется внутренний человек, потом одежда. Если кого-нибудь нечаянно охватило счастье, то невольно, во всех местах, мимике лица, едва уловимом

движении глаз – это находило свое выражение и становилось понятным сочувствующим. Это тоже одежда веры в человеке, та одежда, в которую одевает человеческий лик внутренний свет. (Но и тут, безусловно, возможна одежда на голом короле). Можно одеться светом, как одеждой, и, действительно, вряд ли мы zapomним, что было наброшено на плечи и натянуто на ноги у художника, одетого вдохновением в процессе творения. На горе Фавор Христос показал себя ученикам, не скрывая Свое Божество под телом, взятым от нас. Тело вместе с одеждой подчинилось Свету и сияло им, став на свое служебное вспомогательное место, благодаря этому высшему поступку послушания преобразившись в проводники Света. Удаление материи с главенствующей позиции не уничтожит ее, а сделает светоносной. Светлая душа в больном теле приукрасит его, но не даст человеку совершенного блаженства, поэтому необходимо было воскресить не только человеческую душу, но и человеческое тело, чтобы оно стало достойным души.

Теперь можно посмотреть на театральный эпизод Воланда не только в прямых лучах земного солнца, но и в отраженном от луны христианском свете. Непосредственный взгляд замечает яркие эффекты, хороший тесный контакт с залом, провокационные, на грани фола, высказывания и номера, пощипывающие нервы. В общем, контраст между расслабляющим философствованием и экстремальными эмоциями от запредельных по сложности трюков – замечательное средство для завоевания симпатий и популярности у туземцев. Но для людей нового тысячелетия ничего особенного в свете современных компьютерных и пиар-технологий, которые и не такое предложат*. А вот, казалось бы, сумрачные лучи ночного светила выявляют упорное стремление сатаны соперничать со своим победителем. Если в «Фаусте» Мефистофель по большей части сам соблазняет жертву, лишь изредка прибегая к помощи ведьм и чертят, то у Булгакова Воланд, начиная с концерта в Варьете, всегда необходимые манипуляции перепоручает своим слугам. Он мыслитель, он повелитель, его могущество столь велико, что даже дрессированные им коты могут делать черт знает что.

Нельзя пройти мимо того, что и для Воланда велик соблазн самому поражать воображение окружающих, как, например, в период его мефистофельства он пережил неплохие минутки, опаявая собеседников вином, струящимся из стола. Кстати, этот мотив, несколько видоизмененный, но по сути тот же, использован на представлении в разделе бесплатного

* Ну, чем не сбывшееся пророчество?

снабжения модной одеждой. Просто там он старался для мужчин, а тут – для женщин, поэтому приманка разная, а результат похожий*. Согласно «Азбуке», соделанный грех – это, конечно, плохо, но хуже, когда субъект не сам совершает его, а помогает сделать его другому. Именно этот бриллиант из сокровищницы зла имеет самую высокую цену, когда твои мерзкие желания удастся для исполнения вернуть кому-нибудь еще. Так что не ради смирения**, а ради пущего удовольствия Воланд дирижирует оркестром, и самая высокая точка его торжества будет, когда не отдельные индивиды, а весь коллектив земли научится угадывать его похотения и творчески, с выдумкой и азартом, воплощать их. Да будет воля его?

Со стороны «Азбуки» можем заявить, что количество делателей на ниве Христовой, трудящихся не в свою славу, а во Имя Божие, всегда было невелико и, по всей видимости, с течением времени имеет склонность к уменьшению. Можно предположить, что наступит момент, когда перевес делателей тьмы над сторонниками всеобщего спасения в количественном измерении будет подавляющим. Найдется ли писатель с достаточным талантом, которому будет интересно посвятить свой роман этой ситуации? А пока, по нашему мнению, Воланд на страницах «Мастера и Маргариты», завидуя Христу, продолжает пытаться превзойти Его хотя бы в чем-то отдельно взятом важном и заметном для своих зрителей. И ведь у него, похоже, получается даже более впечатляюще, чем можно было предположить: и по скорости убеждения, и по темпам роста соучастников. Только опять, как и много веков назад, по плодам из двух царств в душах людей

* Кстати, в «Фаусте» Мефистофель соблазняет мужчину для сотрудничества, а в «Мастере и Маргарите» Воланд приручает женщину. Что поделаешь – феминизация.

** Мы давно уже хотели поделиться своими сомнениями по поводу смирения Воланда, но боялись быть неубедительными. А оно, на наш взгляд, было ясно очерчено еще при убийстве Берлиоза. Смерть тому была подобрана какая-то примитивная, почти естественная, без впечатляющих спецэффектов. Ведь каждый понимает, что комсомолка в трамвае может отрезать ему голову, ничего волшебного тут нет, запах чуда почти неуловим, как главный демон дошел до такого минимализма трудно объяснить, разве что желанием походить на Христа, Который всегда Свое всемогущество прятал под одежду природных сил, чтобы не подкупать своим всеилием тех, кого миловал. Думаем, что у Воланда чесались руки подогнать желтобрюхую тучу и молнией из ее чрева отжечь голову Михаилу Александровичу или мог предложить казнь не сверху, а снизу, позволив ему наступить на канализационный люк, крышка которого лопнула, как будто была стеклянной и как бритвой острым краем застрявшего осколка срезать то, что было над плечами. Для любителей животных можно было приказать воробью, нагавившему в чернильницу доктора, прилететь и при помощи клюва отделить верхнюю часть Берлиоза от туловища. Пророчество о гибели председателя Моссовета в этом случае было бы более впечатляющим: «Сейчас прилетит воробушек и расклюет Вам шею так, что башка у Вас отвалится». Очевидно, что в романе сатана хочет чего-то большего, чем просто напугать нас.

эпохи научно-технического прогресса полная противоположность в переживаниях!

Еще одна особенность выступления иностранных артистов, выдающая их склонность к подражанию, может быть выявлена только в свете «Азбуки». В ней имеющим уши доводится до сведения, что на христианских богослужениях присутствуют не только те, кто пришел в храм, но и вообще все верующие, включая усопших. В этом нет никакого принуждения, но от создания Адама все, кто желал жизни или надеялся на нее или искал, хотя бы сокрушался о том, что ее не встретил, а если встретил, то предал, принимают участие в службе, которую совершает Спаситель и приносит всем нуждающимся в Нем спасение. Мы взяли эту выписку не для того, чтобы кого-нибудь разозлить или потешить, а с тем, чтобы объяснить похотения сатаны, тоже алчущего власти над живущими и умершими. С другой стороны, он одновременно с этим, как и прежде, стремится разделить всех со всеми. Вот из этих противоречивых устремлений и складываются (не без помощи диалектики) его службы. Мы ответственно заявляем, что праздник в театре Варьете для живых и праздник в квартире пятьдесят для мертвых были одной сатанинской службой, которую пришлось чуть-чуть разнести по времени. Хотя это утверждение не совсем точное. Объяснимся. Сеанс черной магии был вечером накануне пятницы. Бал вообще не смог бы вписаться в какое-то реальное время и длился между концом пятницы и началом субботы или попросту располагался между ними.

Выбор дня для служб черной мессы не случаен. В пятницу был распят Иисус Христос и именно этот день мог бы считаться победным для сил тьмы, тем более что в память о преступлении людей, оставивших Бога, христиане не совершают свою главную службу, в том числе с тем, чтобы острее ощутить, что значит остаться без частички жизни, приносимой в Его Таинстве. Именно Его в первую очередь пытается подменить Воланд, поэтому кровь проливается на каждой из его служб. Удивительно, но и здесь внешнее сходство скрывает две противоположности в целях и методах деятелей.

У христиан на литургии приносится бескровная жертва, и вино претворяется в Кровь. Если же у священнослужителя, совершающего службу, откроется кровотечение, служба не возможна, пролитие крови в храме обязывает для возобновления служб в нем прочесть специальный чин от осквернения. «Азбука» поясняет, что христианская Евхаристия является таинством, открывающим будущий день вечной жизни, и в нем не может быть кровавых ран. Удивить логически мыслящих людей может и то, что

в текстах православных служб говорится о том, что, если бы дьявол, мечтающий о гибели Бога, узнал в Иисусе Христе Сына Божия, то не дал бы Ему умереть. Мертвый, как человек с живой душой Бога, вошел в царство мертвых (державу дьявола), и они перестали быть одиноки, царство всеобщей разделенности само собой разрушилось. Поэтому Гроб Господень является Живоносным Источником для всех, в том числе и для погибших.

На службе у христиан, таким образом, все живы, так как вместе с Богом оживают все. А вот служба сатаны предназначена только для мертвых и несет мертвым еще более глубокую смерть. И тут можно усмотреть симметрию в мероприятиях вокруг пятницы. Для зрительского зомби в Варьете был приготовлен номер со смертельным исходом, чтобы они себя чувствовали живыми и милосердными. Труп был первоклассный, с фонтанами крови, что опять-таки предвзовет культуру двадцать первого века, когда бесчувственные и безжизненные утешают себя созерцанием потоков крови и массовым срыванием голов с нехороших людей в бесконечных серийных киноэпопеях про всемогущих добрых защитников закона и примкнувшей к ним невинной части человечества. По просьбам трудящихся труп кое-как реанимируют для сохранения благодушия в массах, что добавляет положительных впечатлений по отношению к мессии, которому хочется прослыть воскресителем трупов. (Пустяки, что голова не села на свою резьбу, и человек, в отличие от прикосновения Христа, не стал целым, первозданным. Это кроме него никого не беспокоит, а ему полезно каждую минуту в лечебнице Стравинского осознавать для смирения перед дьяволом, что он потерял прежние удобства в эксплуатации своего черепа.)

Во второй, полуночной, части праздника сатаны останки реанимируются, правда, опять только до состояния зомби, но зато массово. Ничего, что потом они все равно рассыпаются в прах, но зато на отраду всем преподносится вновь приготовленный труп с фонтаном крови, который никто уже не воскрешает, тем самым уравнивая его положение с состоянием наблюдателей. Ну и условную полноту этого собрания дополняет представитель (представительница) тех, у кого тело пока еще не покинуло душу. Если учесть, что духовное руководство двух отделений совершали одни и те же ангелы, то новых доказательств, что это было одно представление, не требуется. Мистически настроенный читатель, окунувшись в атмосферу московского театра теней, может озаботиться дальнейшим выяснением законов воздействия потаенных сил и субъектов, которые обеспечили историческую легитимность проведенных чертами мероприятий. Для этого нужны недостающие связующие звенья из плоти и крови...

(Мак. л.)... Николай Николаич. Петр Петрович, да как же вы говорите, к чему клонится... ведь это... ведь это видно.

Петр Петрович. Николай Николаич, это не видно. Не вижу я никакой особенной цели этой комедии, обнаруженной в самом сочинении; или, может быть, автор с каким-нибудь умыслом скрыл ее; в таком случае это выдет уже преступление пред искусством, Николай Николаич, что вы себе ни говорите. Разберемте-ка сурьезно эту комедию: ведь «Ревизор» совсем не производит того впечатления, чтоб зритель после него освежился; напротив, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали бесплодное раздраженье, другие даже озлобленье, а вообще всяк унес какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствие, которое возбуждают ловко найденные сцены, на комическое даже положение многих лиц, на мастерскую даже обработку некоторых характеров, в итоге остается что-то эдакое... я вам даже объяснить не могу, — что-то чудовищно мрачное, какой-то страх от беспорядков наших. Самое это появление жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, это окаменение, которое наводят на всех его слова, возвещающие о приезде настоящего ревизора, который должен всех их истребить, стереть с лица земли, уничтожить в конец — все это как-то необъяснимо страшно! Признаюсь вам достоверно, *à la lettre*, на меня ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства, так что я готов подозревать даже, не было ли у автора какого-нибудь особенного намерения произвести такое действие последней сценой своей комедии. Не может быть, чтобы это вышло так само собой.

Первый комический актер. А вот, наконец, догадались сделать этот запрос. Десять лет играет на сцене «Ревизор». Все, более или менее, нападали на тягостное впечатление, им производимое, а никто не дал запроса, зачем было производить его, — точно как будто бы автор должен был писать свою комедию, очертя голову и не зная сам, к чему она и что выдет из нее. Дайте же ему хотя каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку. Ведь, верно же, есть причина всякому поступку, даже и в глупом человеке.

(Все смотрят на него с изумленьем.)

Петр Петрович. Михаил Семеныч, объяснитесь: это что-то неясно.

Семен Семеныч. Это пахнет какою-то загадкой.

Первый комический актер. Да как же в самом деле вы не заметили, что «Ревизор» без конца?

Николай Николаич. Как без конца?

Семен Семеныч. Да какой же еще конец? Пять действий; в шести комедия и не бывает. Разве новая побранка в придачу?

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, заметить вам, Михаил Семеныч, что ж за пьеса, которая без конца? я спрашиваю вас. Неужели и это в законе искусства? Николай Николаич! Ведь это, по-моему, значит принести, поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?

Первый комический актер. Ну, да если она поставлена перед вами с тем именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петр Петрович. В таком случае нужно, по крайней мере, сказать это или же просто дать ключ в руки.

Первый комический актер. Ну, а если и ключ лежит тут же возле шкатулки?

Николай Николаич. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Верно, вам автор дал в руки этот ключ, а вы держите его и секретничаете.

Федор Федорыч. Объявите, Михаил Семеныч; я не в шутку заинтересован знать, что в самом деле может здесь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семен Семеныч. Дайте же открыть нам эту загадочную шкатулку. Что это за странная шкатулка, которая неизвестно зачем нам поднесена, неизвестно зачем перед нами поставлена и неизвестно зачем от нас заперта?

Первый комический актер. Ну, а что ж если она откроется так, что станете удивляться, как не открыли сами, и если в шкатулке лежит вещь, которая для одних, что старый грош, вышедший из употребления, а для других, что светлый червонец, который век в цене, как ни меняется на нем штемпель?

Николай Николаич. Да полно вам с вашими загадками! Нам подавайте ключ и ничего больше!

Семен Семеныч. Ключ, Михаил Семеныч!

Федор Федорыч. Ключ!

Петр Петрович. Ключ!

Все актеры и актрисы. Михаил Семеныч, ключ!

Первый комический актер. Ключ? Да примете ли вы, господа, этот ключ? может быть, швырнете его прочь вместе с шкатулкой?*

Николай Николаич. Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ! Все. Ключ!..

* Мы не сомневаемся, что это было написано про роман Булгакова (простите за глупое вмешательство).

(З. У. пр.)... Нам нравится азбучное правило, которое в одной из версий гласит, что для наемников, оставивших службу у одного хозяина, его конкурентом будет немедленно предложена другая, зеркально отраженная, в которой левое и правое поменяются местами. Сложность в том, что правое и левое у разных господ имеют разные обозначения. От этой путаницы даже скучающим зевакам может стать интересно и даже весело. Может появиться энергия и азарт (не то, что в церкви!) от предвкушения непредсказуемых поворотов, неожиданного финала в результате чудесного феерического действия, недоступных даже для сказочных озарений летающей фантазии.

Глава XVI. О МИСТИКЕ ОПАСНЫХ СВЯЗЕЙ (параллельная)

...я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю –
И новостью сих бешенных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня, Господь)
Погибшего, но милого созданья...

Председатель

Что воля, что неволя – все равно.

Прозрение покойника

Большой неподдельный интерес способны вызвать могущественные визитеры во всех слоях общества, но их сногшибательное искусство (может, само того не желая?) пугает и потом держит в страхе их же почитателей, а с тварью дрожащей каши не сваришь. Так найдутся ли среди землян те, кто не испугается слухов об аде и даже самих адских сил, ведь это самый большой грех – трусость? Какой бесстрашный из смертных мог бы дополнить поднебесную компанию? Вот и узнаем, возможно ли чтобы человек дослужился до того, чтобы стать соратником сатаны и начать относиться к нему по-приятельски, с уважением и интересом что ли. Такой может органично влиться к нему в компанию как свой, как давний друг и будет искренне помогать делать его дело.

У Иисуса Христа были ученики, они же братья, они же дети, они же друзья. Друзья потому, что слышали то, что Он говорил и понимали Его. Они приняли и Его цели, как свои, Его желание стало их волей, но до этого все до одного приняли Его прощение и теперь, благодаря этому, уже в свою очередь, могли понимать тех, кто нуждался в Нем. Выбывая Его, как свое главное сокровище, ученики полагали начало уподоблению Ему, которое шло в них естественным образом, как действует

закваска, заквашивая все тесто, вложенное в сосуд, и преображая в них все сокровенное, что связано с понятием «личность».

Образ Христа, пусть через ошибки, через сомнения и сопротивление ветхого человека, в каждом из Его учеников, шаг за шагом, открывал Себя из душевной тьмы, которую им надо было покаянно изжить. Иисус Христос высвечивался и вызревал с каждым новым словом, собираемым в сердце, становился одной жизнью с ними. Как Христос говорил все открыто перед всеми, не делая тайн ни для кого, так и ученики были открыты всем и, не таясь, прямо говорили чьи они. (То, что Иисус иногда говорил притчами, имело в себе желание не повредить ленивым посторонним, которые не хотели узнать свет. Они не стали разбираться в Его словах и не понесли никакого ущерба от неузнанной ими правды, которая бы стала неподъемным бременем для их совести.)

Таково православие: к каждому человеку Христос обращается лично и помогает непосредственно, но при этом частенько действует через людей, которые Им живут и Ему служат (подобно тому как Отец открывает свои желания через Сына). Это очень важно для Него, чтобы рядом с Ним оказались не только те, кто хотел принять от Него помощь, но нашлись бы и другие союзники, которые, вдобавок, возжелали, чтобы Он нищим на взаимность, как им самим помог и выручил. Поэтому православная церковь называется апостольской, поскольку в ней действует непрерывная преемственность служения, принимающая и раздающая Иисуса Христа. Бог действует всегда, поддерживает дыхание всего, что может дышать, но если не найдется людей, которые будут желать, хоть краешком души, чтобы Его помощь не прекращалась, то зримое присутствие Его Тела и Его Крови будет остановлено. Христиане верят, что только ради этих Даров солнце согревает, а земля еще приносит пшеницу и хлеб из нее, родит виноград и вино из него, а грешники не вымерли, вопреки своему бессилию жить. Ну а тьма продолжает спорить со светом, хочет, чтобы все у нее было привлекательней и вкуснее, чем у света, и незаметно наряжает свои плевелы листвою, похожей на то, что возвращает свет.

Из сумрака, из лунного света появляется в камере перед Иваном и перед нами некто, и уже во время знакомства повелительно, как власть имеющий, обращается с ним, чем довольно быстро успокаивает безумного поэта, примиряя со страшной действительностью. После этого посещения уже бывший поэт становится нормальным, начинает происходящее с ним худо-бедно понимать, рассуждать, и в результате первым входит в число

учеников полоумного ночного гостя. Что успокоило мятущуюся душу со-товарища безвременно погибшего Берлиоза? Вроде бы естественная, но, одновременно, совершенно удивительная вещь: его таинственный посетитель с симпатией относился к сатане, с воодушевлением желал с ним оч-ной встречи, и в этом завидовал никудышному Ивану Николаевичу. Вот это домашнее, легкое, приятельское отношение к дьяволу как к чудесной норме успокоило закипевший, взбунтовавшийся разум и заинтересовало, что ли, Ивана, а потому сделало загадочным и, в силу этого, привлекатель-ным его блестящее будущее как ученого и ученика.

Интересны и значительны мелкие детали первой беседы двух душевно болящих. Мы не хотим у милосердных добрых людей отнимать их мнение, но только для многообразия представим еще одну точку зрения.

Тема безумия в христианстве известна не в качестве самостоятель-ного явления, а как вынужденное приложение к разделению тварных существ на пребывание в мире сем и горнем мире. Люди, полностью погруженные в мир сей, воспринимают тех, кто живет по законам неба, безумцами. Но и наоборот, те, кто привык душу класть за других, сумасшедшими считают тех, кто старается сделать себя сам и в этом ищет счастья. Но это необычное для человеческих представлений безу-мие непонятно людям со здравым земным рассудком, умеющим созда-вать себе благополучное существование. И это двойное понимание здо-ровья только усиливает недоумение одних по отношению к поведению других.

Вопросы друг другу у них примерно одинаковы: «Как можно, обладая такими силами, умом, неординарными способностями, опытом, нагляд-ными примерами так бездарно уничтожать себя? Как им самим их жизнь не кажется безумной? Как можно всего себя посвятить полной глупости, когда есть все возможности проявить себя совершенно ина-че, став обладателем великого достояния?» Вопросы вполне разумны, а секрет безумия кроется не в болезни или отказе мозга и центральной нервной системы, а в выборе сердца. Два разных выбора могут сделать одного и того же человека полной противоположностью себе так, что, если бы такое внезапное переключение стало возможным для кого-ни-будь, он не смог бы понять, каким образом он прежде спокойно сущест-вовал полным безумцем. Так что можно сказать, что существует здо-ровое непонимание одних другими, и примирительный компромисс между их мировоззрениями невозможен. Как раз те, кто захочет то-лерантно позволить им существовать на равных правах, обязательно

поплатятся здоровьем своего рассудка, который станет непригоден для употребления и в том и в этом мире. Таким образом, оба указанных безумия мы считаем нормальным явлением, не разрушающим сознание своих носителей, а потому исключим их из дальнейшего рассмотрения.

Другое дело, когда носитель один, а в нем две различные установки, два враждебных закона, две правды, два сокровища. До тех пор пока человек отдает отчет себе в том, что его душа двоится и выбирает, какой жизненный выбор она хочет сделать необратимым, или уже в результате дерзновенной решимости заключает союз с одним, обрекая себя на нескончаемую борьбу с другим, он будет здраво воспринимать понравившуюся действительность. Безумие как болезнь начинает проявлять себя и развиваться, когда человек, впустивший в себя два разных мира, не хочет признаться себе в этом и позволяет им действовать в нем по своему усмотрению. Не может душа служить двум хозяевам, дом ее обязательно рухнет. (Не устанем повторять, что мы всегда имеем в виду личные отношения человека. Его пребывание в общественных институтах царства кесаря зиждется на прямо противоположных законах. Именно умение угодить и приспособиться к взаимоисключающим указаниям многочисленных начальников может служить основой хорошей карьеры доброго чиновника. Отсутствие гибкости – приговор государственному деятелю на казенном довольстве. Попал в собачью стаю – верти хвостом.)

Каковы причины безразличия к своему устройению, неважно, уважительные или нет, объективные или нет – не играет роли. Именно с внимания к себе начинается порядочность человека и его ответственное поведение. Усталость, лень, ловкость ума и рук, позволяющие с выгодой пользоваться то одним, то другим принципом, всеядная неразборчивость, симпатия к вселенскому плюрализму, малодушие или страсть к играм контрастов, или азарт при жонглировании обоюдоострыми предметами – и здесь можно бесконечно множить варианты возможных обстоятельств, ссылаясь на которые люди отказывают в праве голоса своей совести и становятся лицемерами. Умышленная лукавая слепота, которая чаще всего быстро становится слепотой души, сердцем без очей, на духовном языке и называется лицемерием.

Безумие двойственности может долго таиться, почти никак не проявляя себя, не только от окружающих, но и от самого несчастного. Нужен толчок, острая ситуация, чтобы недуг себя обнаружил и начался кризис (по-гречески – суд), резко усугубляя болезнь до тех пор, пока

страждущий не захочет в конце концов определиться и совершить над собой страшный суд. (Цивилизация разработала множество обезболивающих для того, чтобы снять мучения, но болезнь, ясно, от этого не пройдет.) Формы безумия, которые причиняют неудобства окружающим, по настоянию потерпевших от безумцев, причислены к общественно опасным и служат основанием к изоляции душевнобольных в специализированных стационарах. Причина особой общественной значимости этого рода расстройств скрыта в месте, где именно начинается развиваться ложное представление о действительности – в глубине личности (потопленной от других) или на ее поверхности (которая отвечает за фактические контакты с другими).

Мировоззренческие ошибки на уровне сердца человека, например, в способности достижения цели в рамках правового устройства идеального государства (как следствие путаницы в списке того, что относится в нем к прекрасному, а что к ужасному) грозит серьезными потрясениями заблуждающемуся индивиду, но в очень отдаленной перспективе, умеренно влияя на личные взаимоотношения. А ложное представление о себе, которое в аскетике именуется мнением, уже в короткий срок способно совершенно дезориентировать его обладателя. При этом плохо иметь мнение, преувеличивающее свою значимость, но заниженная самооценка не только не лучше, но труднее для исправления, поскольку самоуничтожение (которое хуже превозношения) ловко прячется за так уважаемую среди добрых людей скромность, в данном случае тоже ложную.

Удивительно, но в чистом виде какое-либо мнение не встречается, а в одном человеке присутствуют завышенное и заниженное одновременно. Только усиливают и ослабляют они разные качества человека. Такая смесь, конечно, много труднее поддается диагностике совестью, поскольку одно прикрывается другим, создавая замкнутый круг самообмана.

В мании величия есть горделивая убежденность в своем превосходстве, которая компенсирует скрытые области неполноценности, в которых духу не хватает признаться, поэтому приходится прибегать к искусственному самоутверждению. В мании преследования есть открытое признание своей слабости, доводящее до трусливого восприятия всего чего угодно, но она компенсирует гигантское тайное самомнение, безапелляционно раздувающее всеобщий враждебный интерес к данному индивиду (интерес, который не был бы так велик, если бы не был велик индивид) до вселенских размеров, до забвения всех прочих

проблем, мнение, в котором духу не хватает признаться. Излечимость подобных заболеваний зависит от того, сможет ли страждущий, совершив исповеднический подвиг, признать свою болезнь, а значит, свою неправду как причину заболевания. Ясно, что в открытых для всех агрессивных формах сумасшествия легче помочь больному, чем в вялотекущих, глубоко скрытых под маской бесчувствия и безразличия, удушающих процессах замыкания на самом себе.

При всем сочувствии к больным людям, мы считаем, что пребывание пациентов в клинике Стравинского было обоснованным и справедливым, но при этом совершенно безопасным для их здоровья, что совершенно не характерно для психиатрических лечебниц, смахивает на сказку, не совпадающую не только с советской реальностью, но и с хорошо известными литературными образцами предшественников Булгакова. Подозреваем здесь легкую иронию автора, указывающего на тех, для кого квартирный вопрос решался наилучшим образом, а заодно намекающего на цену, которую надо платить за комфорт, приобретенный в сотрудничестве с тьмой. Кто-то может не согласиться, но «Дом Драмлита» для пишущей братии, хотя и не наполнен работниками в белых халатах, по разрешенной свободе для его обладателей незначительно превосходит четко отмеренную свободу дома скорби, просто поляны для путешествий мысли в них разные. Нетрудно разглядеть свое особое мнение в каждом из ночных собеседников, которое привело их в дом скорби, но боимся сказать о нем вслух, так как, скорее всего, оно есть в каждом читателе, что может иметь для нас, казалось бы, посторонних, негативные последствия. В связи с этим ограничимся констатацией факта, что мастер предстал перед нами тихим, а подмастерье буйным. Это различие говорит не о доброте одного и худости другого, а лишь о степени поражения мнением их внутреннего человека. Один мог бы еще поддаться лечению, но вскоре был привлечен к новым безумствам проповедью ночного гостя и укреплен в доверии к неожиданному благовестию полуночника зримым примером его правоты (как и полагается по незыблемому правилу: слепые вожди слепых).

Своеобразие в окраске маний вызвано конкретным содержанием бредовой мысли, которая первой стимулировала к росту мнения о себе. Мысль, которая и есть передовой диверсионный отряд, высланный агрессором, преследует человека, желая внедриться под защитный слой самоконтроля (представляющий верхний покров личности), питающийся сомнениями здравого рассуждения для опознания всего, что лезет в душу. На языке веры борьба человека за сохранение независимости от лживых, чуждых идей называется невидимой бранью (войной). Победить

человека может любая, самая глупая мысль. Брань может идти годами и десятилетиями, может длиться секунды или всю жизнь. Допустить в себя клевету на себя, на ближнего, на жизнь можно от усталости, любопытства, обиды – вариантов много, а результат один. Все вещество человека, заглотившего отраву лжи, перебродит ей, так что следов его прежнего, неотравленного, глаз, не вооруженный верой, обнаружить не сможет. Проигранная невидимая брань переводит жертву в изгой доброго человеческого общества. Он и пострадавший, но и преследуемый за свое буйство, несущее большие неудобства его бывшим близким. Мысль сулила открыть истину человеку, а открыла перед самим собой и перед всеми, что он никчем, опасен, вреден. Зачем после этого ему продолжать влачить жалкое существование среди нормальных? Тьма, овладевшая человеком, выталкивает его от добрых людей в места необитаемые.

Недаром вера утверждает, что все видимое дано для того, чтобы лучше понять невидимое. Подобие земных войн и невидимой брани столь широко и столь глубоко, что при определенном навыке можно догадаться о многих сторонах духовной борьбы. В качестве коротенького примера рассмотрим двух воинов. Один бился долго изо всех сил, другой сдался в легкой стычке. У кого будет больше повреждений и саднящих ран? Кому легче перейти на сторону победителя, тому, кто много потерял или тому, кто неплохо сохранился?..

(Мак. л.)... Первый комический актер. Извольте, я дам вам ключ. От комического актера вы, может быть, не привыкли слышать таких слов, но что ж делать? в этот день сердце мое разогрелось, мне стало легко, и я готов все сказать, что ни есть у меня на душе, как бы вы ни приняли слова мои. Нет, господа, не давал мне автор ключа, но бывают такие минуты состоянья душевного, когда становится самому понятным то, что прежде было непонятно. Нашел я этот ключ, и сердце мое говорит мне, что он тот самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говорит мне, что не мог иметь другой мысли сам автор.

Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что этакое города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Словом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека, – ведь не светский человек произнесет над нами суд, – взглянем хоть сколько-нибудь на себя

глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей, перед которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: «Да разве у меня рожа крива?» Чтобы не испугался он так собственной кривизны своей, как не испугался кривизны всех этих чиновников, которых только что видел в пьесе. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, не говорите: «это старые речи» или «это уже мы сами знаем», – дайте ж, наконец, уж и мне сказать слово. Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества? Те вещи, которые нам даны с тем, чтобы помнить их вечно, не должны быть старыми: их нужно принимать как новость, как бы в первый раз только их слышим, – кто бы их ни произносил нам, – тут нечего глядеть на лицо того, кто говорит их. Нет, Семен Семеныч, не о красоте нашей должна быть речь, но о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой трагедией, какою не кончилась эта комедия, которую только что сыграли мы.

Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повелению он послан и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад.

Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой, да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, который в несколько раз хуже всякого другого города, в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! В начале жизни взять ревизора и с ним об руку переглядеть все, что ни есть в нас, настоящего ревизора, не подложного, не Хлестакова!..

(З. У. пр.)... Ну, а что наши полоумные? Иван продолжает поносить черта для красного словца, а гость, напротив, очень душевно и интеллигентно произносит «бог с ним» и «ради всего святого, не пропускайте ничего»*. Какой видимый контраст, а суть опять одна. Очевидно, что ночной пришелец посвящен в некоторые детали деятельности сатаны, даже напоминает

* Понятно, что услышанное от Иванушки для мастера свято.

его московское имя Ивану – Воланд, ненавязчиво подчеркивая как свою волшебную осведомленность в его делишках, так и знакомство с ним. На этом примере мы видим, что можно по-доброму, с пиететом относиться ко тьме и делиться этим, воспитывая вкус к ней у окружающих. Но что тогда значат слова «бог» и «святыня», не пустую ли выдохнувшуюся вещь, годную только для удобрения речи вежливыми оборотами, не презрение ли, не насмешку? Вспомним, что для обычного потребителя верующий в Бога – безумец, но для него и имеющий противоположную веру в сатану (без Бога) – тоже безумец. Странное сближение несовместимого в уме всеядного обывателя, но так проще, так объяснимей: что Бог, что черт – все равно, одна шарманка.

Каким же представил нам Булгаков своего главного героя? Прежде всего, у него нет имени. Этого имени он лишился не только в больнице перед ее персоналом и пациентами, но и во всей огромной стране, во всех умах, во всех бумагах утрачены даже намеки на его имя. Имя стерто. Только так должно быть в кругу сатаны. Могут быть прозвища, псевдонимы, но так как в этом пространстве нет личных отношений, значит, нет личностей, и имена бесследно исчезают. Мастер без имени – это функция, это писатель, который не выражает себя, одни отточенные техники, виртуозное владение предметом, бездна эрудиции, ничего личного. (Почти как у Евангелистов – не сами, а Духом). Нет имени, нет и родства – мастер тоже один, ни родителей, ни друзей, из встречаемых – только чужая жена. Была и своя, но человек без имени не способен вспомнить имя друга. Имя к имени.

По всей видимости, одиночество героя не случай, а его решительный выбор – он вычеркнул всех из своей жизни, убил. По образованию он историк, но он вычеркнул историю из памяти, уничтожил ее и сочиняет свою, с вымышленными персонажами. По всей видимости, у мастера годы взросления прошли не так, как у всех, вернее, они именно не прошли, не кончились.

К юношам приходят однотипные соблазнительные мечты (среди которых – выиграть мешок денег, не работать, жить в свое удовольствие), но они из них вырастают. В большинстве случаев ими просто должны переболеть в легкой форме, как от прививки, с тем чтобы быть свободным от этого глупого соблазна. Хотите – верьте, хотите – нет, но эта, такая обычная зараза поймать удачу за хвост, найти клад – одна из самых развратных мыслишек. Человек создан дышать, думать, ходить, узнавать, работать всем своим существом. Здоровый человек не может представить, как можно не дышать, не мучиться и не работать. Мастеру счастьем было бросить все и ублажать себя любимой игрушкой.

Пишу и страшно: уже давно работа на дядю стала проклятьем для большинства, ею пугают, ею наказывают, ею превращают человека в обезьяну. Принимать подневольную работу как дар, за который иногда платят деньги — в симпатии к такому взгляду, наверное, не найду союзников, а заработаю новых врагов.

Про свое сочинение мастер мимоходом говорит, что Воланд бы его лучше рассказал. Можно было кричать, трубить, трясти указательным пальцем, а можно тихонечко указать на автора. Разницы нет. Имеющий уши, да услышит. Понтий Пилат надиктован, он воспринят чутким слушателем и доставлен людям. Именно поэтому, когда в печке утратится сочинение, кураторы и заказчики произведения мастера легко добудут несколько экземпляров оригинала. Очень своевременная книга не может просто так пропасть по случайности или чьей-то глупости. Сомневаться нужно во всем, но для нас бесплотный автор Иешуа бесспорен, и на это будет еще одно доказательство, подождем.

Глава XVII. ЕЩЕ О ПЕРЕВЕРТЫШАХ (необязательная)

Ни сном ни духом.

Свидетельство под давлением

...сон в руку!

Грибоедов

Чем черт не шутит.

*Полезная информация
(справочник консультанта)*

Мы хотим подсунуть читателю сомнительную версию. Скорее всего, она не верна, а вдруг верна? Именно поэтому предлагаем. Но очень боимся, что наша версия может вызвать у кое-кого очередную лютую обиду на Михаила Афанасьевича. Если так и случится, мы будем защищать его всеми доступными средствами, веря в его добропорядочность.

Наши предположения касаются сна уважаемого Никанора Ивановича. Прелюдией к его сновидению в палате клиники Стравинского была беседа с ним работников тайного департамента в другом казенном помещении. И в этой прелюдии Босой продемонстрировал солидный запас прописных христианских истин, хранящихся в его памяти, изобразил коленопреклонения и углубленную молитву с песнопением. Именно соседство в Никаноре Ивановиче глубочайшего цинизма в его жизненных установках с показным православным обиходным благочестием является ключиком к пониманию его видения.* Принципы мирного сосуществования окультуренной чиновничьей мерзости с мнимой святыней создают питательную среду для потешной религиозности, издающую легко узнаваемый по гадливости аромат протухших деликатесов. Запашок от беседы в конторе с домоуправом и от его сонного видения один и тот же... Стоит обратить внимание на деталь, добавляющую правдоподобие исповеди Босого перед серьезными людьми — его признание во взяточничестве с указанием подельников.

* Вообще нам кажется, что Никанор Иванович Босой прямой потомок Порфирия Владимировича Головлева.

Хотели коснуться этого момента вскользь, но тут есть важное уточнение. Одним из признаков подлинности исповеди человека является отсутствие в ней ссылок на других людей. Если человек неправ, и он просит прощения, то вина остальных (даже если их грех больше) меркнет. Он уже простил всех неправых и остался последним из них. Упоминание чужих грехов на исповеди – это... хочется смягчить жесткую формулировку, но не находится смягчающих слов (хуже, чем донос). Тут может быть только одно оправдание: наверное, этот человек никогда ни к кому не относился всерьез, ко всем встречным-поперечным – только как к чему-то дешевому. Если кроме тебя ничего стоящего нет, то тогда закладывать можно, ведь эта мера оправдана тем, что все вокруг пустое. А с несерьезным все как бы понарошку, с ним можно с чистой совестью разрешить себе поступить, как угодно.

Никто не интересовался тем, как попытка чистосердечного признания может отозваться в сонном видении. А вот как было у Босого. Гулкий глас с небес пригласил его на процедуру сдачи валюты. А над собой Никанор Иванович увидел не то грозную небесную трубу, изрыгающую глас, не то черный громкоговоритель. Мы часто ссылались уже на незначительные детали, как на нечто важное, по причине того, что под овечьей шкурой достаточно разглядеть не всего волка, а только кончик его хвоста. Вот и сейчас попытаемся заметить его хвостик.

К общим параметрам места, куда попал во сне Никанор Иванович, мы еще приглядимся, а сейчас остановим взгляд только на пустом кресле, которое стояло на сцене. Оно оказалось как бы невостребованным, так и осталось пустым, похожим на ружье, которое не выстрелило. Но это не лишняя деталь строгой аскетической обстановки разыгрываемой сонной пьесы. Мы уже упоминали назначение трона – на нем, поставленном на горнее место алтаря, восседает Христос, иногда под видом епископа. Однако когда епископ не служит, а в большинстве церквей города служат одни священники (так как в городе может быть только один епископ), то это место остается никем не занятым из служащих. Священники не имеют права восседать на нем, так как они только помощники епископа, и священнодействуют не от себя, а от его имени и подменить его не могут. Подобные взаимоотношения проявляются и при участии епископа в службе со священниками, они при нем не совершают таинства и даже не преподают благословение народу, поскольку рядом тот, кто давал им это право делать только в его отсутствии. То есть священник принимает часть власти епископа только на делание того, что повелит епископ. Без его благословения

священник бездействует, и действия священника без ведома епископа или против его воли – преступление против церкви и веры. Так что в данном городе, при множестве церквей, все службы, можно сказать, совершает один епископ.

Что касается сна, то он приходится как раз на время спектакля в Варьете, и нельзя же Воланду разорваться пополам, тогда все его дело пропадет. Поэтому, в подражание христианам, он санкционирует одновременное проведение схожих мероприятий с незримым присутствием на одном из них. Впрочем, человек глубоко верующий способен разглядеть на нем восседающего Воланда. Вы скажете, что одно более скромное по сравнению с другим, здесь тоже копия с православных служб. Те, которые возглавляет сам епископ, внешне более пышные и торжественные, хотя сила и суть тех и других абсолютно одинакова. Так что спектакль мага и спектакль во сне совпадают по своим целям и средствам, а разные декорации могут нам дополнить общую картину таинства разгула тьмы. Попробуем распознать, что же еще в этот раз предразнаивает заезжая компания.

Спокойно, попробуем обуздать волнение. Теперь присмотритесь, а ведь этот маленький театр из сна очень напоминает церковь. Вы скажете, что театр очень богатый, но и в православной традиции лучшее и драгоценное приносится в дар храму и украшает его. Можно обидеться на храм за его богатства, а можно догадаться, что он и то, что в нем, не принадлежит какому-нибудь приписанному к нему человеку. Он, вместе со своим содержанием, достоинство тех, кому будет нужен Присутствующий в нем. Так что драгоценности из Храма выносить нельзя, они не могут иметь рыночную стоимость, поскольку пользоваться тем, что в Храме, вне Храма нельзя.

Все богатое убранство должно подсказать вошедшим, что земная красота и ее изобилие недостаточны, они только намек на красоту и преизбыточность Небесного Царства. И прежде всего это касается личных человеческих отношений. Немеркнувшие, сияющие поступки навстречу другому, не для себя – вот золото, которое заменит расхожий металл. Не раз случилось в красной стране, что по капризам новых рачительных хозяев приглянувшиеся им церкви превращались в помещения с иными задачами, удовлетворяющие нужды вызовов времени. Мог и этот театр быть перепрофилирован из храма. Сверкающие люстры очень похожи на паникадила. Нет стульев. Ну и публика как будто перенесена из храма, все с бородой, и, как в строгом монастыре – одна сторона мужская, а другая – женская.

Очень может быть, что это советская власть переделала старое помещение и наполнила его новым человеческим содержанием. Но наше мнение

иное, не потусторонние силы, порожденные на съездах и субботниках изменили привычный вид здания. Дело в тех, кто пришел, в тех, кто служит, дело в людях, теперь наполняющих его. Мы уже говорили о двойниках церкви. Один из них может быть ветхозаветный двойник, одетый в христианские ризы, завоевавший жизненное пространство не в результате разбоя, а путем медленного эволюционного перерождения из подлинника в полную его противоположность.

В Священном Писании пример того, что получается в результате неправильного использования утвари ветхозаветного храма, можно найти на пире Валтасара, сына Навуходоносора, который в свое время при помощи Даниила разгадывал значение странных снов. Но нас больше интересует как из подлинного получается многообразное фальшивое. На самом деле этому превращению не надо помогать, оно произойдет само собой и быстро. Поэтому не надо удивляться подменам (в этом наша ложь), надо удивляться тому, что находятся те, кто самоотверженно сохраняют настоящее. Оно – редкость, оно – чудо, которого здесь не должно быть. Здесь настоящее подлежит распятию, заплеванию и осмеянию, в том числе многими из тех, кто служит в храме, а почти-тельное отношение приносят добротной копии (антиподлиннику), модернизированной под человеческие слабости.

К тому, что было до Христа скатиться очень просто. Людям с жизненным опытом (человеческим мудрецам) легче поверить в то, что первый, опередивший всех, получит больше других. Поэтому трудно, до невозможности, довериться тому, что многие первые будут последними, а последние – первыми. Легче верить (да и верить не надо, это просто ощутимо), что, если тебе дано больше, то ты и богаче, трудно довериться тому, что в маленькой частичке (если она от истинного) столько же, как и в громадине. Легче узнать, что можно, что нельзя и выучить, как надо; труднее чувствовать, как по совести. Также очень трудно перед другими без доказательства собственного благочестия, почти совсем невозможно довериться, как справке с печатью, своему собственному простому желанию в сердце и не засомневаться в том, что оно было. Еще сложнее довериться чужому доброму отношению в ответ на твое предательство, поэтому, если ты простил меня, так и докажи, подтверди свою доброту...

(Мак. л.)... Хлестаков – щелкопер, Хлестаков – ветренная светская совесть, продажная, обманчивая совесть, Хлестакова подкупают как раз наши

же, обитающие в душе нашей страсти. С Хлестаковым под руку ничего не увидишь в душевном городе нашем. Смотрите, как всякий чиновник с ним в разговоре вывернулся ловко и оправдался. Вышел чуть не святой. Думаете, не хитрей всякого плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая, пошлая какая-нибудь привычка? Так ловко перед нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродетель, и даже похвастаешься перед своим братом и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный город, как в нем все прибрано и чисто!» Лицемеры – наши страсти, говорю вам, лицемеры, потому что сам имел с ними дело. Нет, с ветреной светской совестью ничего не разглядишь в себе: и ее самую они надуют, и она надует их, как Хлестаков чиновников, и потом пропадет сама, так что и следа ее не найдешь. Останешься как дурак-городничий, который занесся было уже нивесть куда, и в генералы полез, и наверняка стал возвещать, что сделается первым в столице, и другим стал обещать места, и потом вдруг увидел, что был кругом обманут и одурачен мальчишкою, верхоглядом, вертопрахом, в котором и подобья не было с настоящим ревизором. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, нет, господа, все, кто ни держитесь такого же мненья, бросьте вашу светскую совесть. Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве. Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти! Смехом, который создан на то, чтобы смеяться над всем, что позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значенье! Отнимем его у тех, которые обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Таким же точно образом, как посмеялись над мерзостью в другом человеке, посмеемся великодушно над мерзостью собственной, какую в себе ни отыщем! Не одну эту комедию, но все, что бы ни показалось из-под пера какого бы то ни было писателя, смеющегося над порочным и низким, примем прямо на свой собственный счет, как бы оно именно было на нас лично написано: все отыщешь в себе, если только опустишься в свою душу не с Хлестаковым, но с настоящим и неподкупным ревизором. Не возмутимся духом, если бы какой-нибудь рассердившийся городничий или, справедливей, сам нечистый дух шепнул его устами: «Что смеетесь? над собой смеетесь!» Гордо ему скажем: «Да, над собой смеемся, потому что слышим благородную

русскую нашу породу, потому что слышим приказание высшее быть лучшими других!» Соотечественники! ведь у меня в жилах тоже русская кровь, как и у вас. Смотрите: я плачу! Комический актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу. Дайте мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас, что я так же служу земле своей, как и все вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого божьего государства и возбудил в вас смех, – не тот беспутный, которым пересмекает в свете человек человека, который рождается от бездельной пустоты праздного времени, но смех, родившийся от любви к человеку. Дружно докажем всему свету, что в русской земле все, что ни есть, от мала до велика, стремится служить тому же, кому все должно служить, что ни есть на всей земле, несется туда же (взглянувши наверх), кверху! к верховной вечной красоте!

* * *

М. С. Щепкин – Гоголю.

До сих пор я изучал всех героев «Ревизора» как живых людей. Я так видел много знакомого, так родного, я так свыкся с городничим, Добчинским и Бобчинским в течение десяти лет нашего сближения, что отнять их у меня и всех вообще – это было бы действие бессовестное. Чем вы их мне замените? Оставьте мне их, как они есть, я их люблю, люблю их со всеми слабостями, как и вообще всех людей. Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я вырос и почти состарился, – видите ли, какое давнее знакомство. Вы из целого мира собрали несколько лиц в одно сборное место, в одну группу, с этими людьми в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите их отнять у меня. Нет, я их вам не отдам, не отдам, пока существую. После меня переделывайте хотя в козлов, а до тех пор я не уступлю вам даже Держиморды, потому что и он мне дорог...

(З. У. пр.) ... Каждое слово несет в себе образ того, кем было рождено, но образ можно подменить портретом. И сколько слов* в душе человека, столько возможностей подменить Церковь, подменить веру. Эта подмена получается из-за небрежности, по недосмотру, по черному умыслу, но случается подмену предлагает не записной злодей, а человек, настроенный на все хорошее. Это может случиться со священником,

* Каждое подлинное слово призвано служить Истине.

который всего лишь доверился привычке, но от этого неминуемо переменит подлинник (живой) на его отражение (мертвое), а еще может по обычной человеческой слабости позволить послужить на радость себе так как понятней, как проще. Еще он может забыть на минутку, что не он сам устраивает все как надо, а Тот, кому он призван уступать место, отдавая ему свой голос и заставляя себя в это время замолчать. Забыл, отвлекся, потому что похвалили или поблагодарили, тут он и принял все на свой счет. Или сильно удивился, что у него может получиться с помощью Христа совершить нечто, да забыл поблагодарить. Скатиться на изображение легче, несоизмеримо легче, чем остаться в реальности. Так получают вместо служения представления и концерты. Но и тут не все пропало. Если священник правильно облачен и точно произносит слова службы, но при этом неправильно думает и неверно чувствует, не точно воспроизводит, все равно есть Тот, Кто за него невидимо направляет и совершает службу. Иуда мог быть жадным, лживым и неверным, но все таинства, которые он совершил по благословию Христа, благодатны и действительны. Грехи, которые отпустил кающимся, прощены на Небе, те, из кого изгнал демонов, стали свободны. Его апостольский дар — действительный, то, как он им воспользовался, — за это даст ответ.

Подобно и священник, совершающий таинства, будет давать ответ за то, как их совершал, но сами таинства, по милости Бога, действительны вопреки несовершенству их видимого исполнителя. Если человек приходит не к священнику, а к Богу, недостойнство священника не мешает ему получить просимое. Не священник подает. А вот если он свою просьбу обратит к священнику, забыв про Подателя всего, то результат будет плачевный. Начнет составляться компания изображающих и представляющих, вдохновляя друг друга на продолжение спектакля, так что окончить эту пьесу будет очень трудно. Еще раз приведем пример из повседневности, ведь и она имеет свое отражение в Церкви. Театр может возникнуть у супругов, у друзей, если они не будут следить за реальностью и оторвутся от нее. Только начнем немного играть и поигрывать в близких людей, а дальше пойдут хорошо отрепетированные сцены, а при вдохновении к ним добавятся соответствующие импровизации.

В зависимости от устройства человека, убранство храма, в котором он находится, может для него превратиться в декорации. Иконы на алтарной стене, называемые вместе иконостасом, могут быть окнами

в другое царство. Могут помогать разглядеть его, могут помогать увидеть другие законы личных отношений, другие перспективы взаимности. Могут помочь тем, кто на них изображен, поскольку не только мы, но и они нуждаются в нас, в непредсказуемости и богатстве нашей жизни. Люди, обретишие вместо лица лики, искали свет, искали путь, искали истину, и могут поделиться с нами своим поиском и своими открытиями, а в ответ найти нас. Иконостас может приближать к службе и может соединять с ней. Но если мне чужие те, кто изображен на иконостасе, то, несмотря на их таинственную привлекательность, они могут отделять, отгораживать от службы. Тогда иконы становятся декорацией, препятствием, а то, что находится за ними, превращается в закулистье, из которого выходят артисты.

По своему устройству Иерусалимский храм имел две завесы, одну перед служебным помещением, другую – перед Святой Святым, сокровенным пространством, в которое нельзя было заходить даже священнослужителям. Завеса в храме была расшита звездами*. Присмотритесь, обстановка, включая завесу в театре, очень похожа на храм, не то Ершалаимский, не то христианский, видимо это и есть храм, вернее, его двойник, который стал приемником его. Но не только внешнее убранство театра и внешний вид его посетителей смущает нас и заставляет думать, что это совсем не театр.

Вот мы и подошли к решительному объяснению. Можете сами убедиться, что оно касается не толкования романа Булгакова, а выяснения существа, сердцевины христианской веры, которая питает все сосуды, все составляющие организма человеческого общества кровью. В понимании веры, в понимании Иисуса Христа и того, Кем Он является для нас, каким нам представляется, и лежит разгадка сего мистического произведения**.

В этом определяющем решении нашей совести выявляются все наши отношения с Ним искони, с самого начала. Только увидев первое падение человека как следствие борьбы с Ним, можно увидеть, что все поступки человека стали богоборчеством, постоянным состоянием враждебности к Нему. Человечество выдумало много врагов, но от первого человека у него был один реальный враг, которого оно изгоняло за пределы видимой жизни всеми допустимыми средствами.

* И в театре из сна Босого есть изображения на темно-вишневом бархате, почти как звездочки, но только не звездочки, а изображения купюр (но и они могут светить людям), на которых как на иконах были написаны портреты добрых людей

** Для нас «Ревизор» тоже мистическое произведение так же, как и «Горе от ума».

Измельчание человека, иссушение его души, расслабление до паралича совести позволило внедрить в сознание верующих пошлое, бессмысленное представление о грехе как плохом поступке, подпадающем под классификацию, установленную законом (любым). Это снижение смысла нашего преступления (тем, что переступили через дружеские отношения) является могильной плитой на человеческом доверии к Богу. Нельзя избавиться от того, чего ты не знаешь про себя. Нельзя узнать, что сделал тебе другой, прощая тебя, если даже не догадываешься о своей подлости по отношению к нему.

Не удаленность от нас Бога, не Его глухота, не Его нежелание наказывать своих обидчиков, не Его долготерпеливое ожидание времени, когда мы станем добрыми и хорошими полагает пропасть между Ним и нами. Не наши лень и плохая сообразительность, а категорическое желание, чтобы Его не было с нами здесь и в вечности не позволяет Ему спасти нас Своей Всемогущей Милостью.

Считанное количество покаянных слов услышал Бог от ветхих людей. Именно в ответ на них совершались величайшие благодеяния как для одного, единственного, так и для многих. За тысячи лет несколько признаний вслух. Мало, очень мало избранных знало, что в них нет доброты, что они плохи и как высший дар, не сравнимый ни с чем, ожидали снисхождения с Неба возрождающей Милости. Зачем в гробу ценности цивилизации, тогда они как насмешка над несчастными. Они знали свой гроб и ждали того, Кто его откроет. Ничего другого в их вере не было. Зато ожидание было истовым*.

Они не боялись никаких наказаний, потому что горше наказания для своей души, чем остаться в одиночестве предателем без возможности любить, они представить не могли. Они уже тогда жалели людей, которые думали, что болезни, бедность, утраты достойны печали и страдания. Своей единственной надеждой веры они считали снисхождение к ним небесной взаимности, которая спасает своей дружбой.

Ожидание прощения – вот единственная просьба тех, к кому пришел Иисус Христос. Для нуждающихся в милости, избавляющей от смерти, не требовалось уговоров в покаянии и обличений в грехах и беззакониях. Им нужен был сигнал, что уже можно, что есть куда бежать и открыть свое преступление, именно поэтому первой и последней проповедью Христа был простой призыв к покаянию. Он был обращен именно к ним:

* Спросите себя, когда вам будет легче признаться себе в своем бунте против Неба, когда вы будете бандитом, богохульником, доносчиком или первосвященником, героем, добрым семьянином?

«Теперь можно, дождались, идите ко Мне, Я подам вам Жизнь!» Праведники и вообще хорошие и добрые люди не могли уловить в Его словах главное, что Царство Небесное спустилось и приблизилось к грешникам, они продолжали вслушиваться в то, как надо и как нельзя. Главная и единственная мысль Спасителя была в том, что покаяние отныне обретает силу воскресения, силу, побеждающую смерть, и кающийся принимает в себя Царство, то есть становится другом Бога.

Многие пророки ветхого Завета настойчиво говорили о покаянии, но не знали его лично, что оно теплое, и дышит, и обнимает всех гибнущих, и раскаявшиеся тогда узнавали только предтечу покаяния и все равно умирали и уходили в шеол. Правда, там было особое место – Авраамово ложе, на котором находились люди, желающие и в аду прихода Спасителя. Собственно, они Его дождались, так что и их покаяние не осталось ущербным и бесцельным, просто ему нужно было подождать сотни лет, чтобы осуществиться!

Проповедь Христа, конечно, отличалась от проповеди пророков. Он, переполненный благодатной жизнью, не должен был убеждать в необходимости покаяния. Он в своем обращении к людям сообщал только, что прощения не надо больше дожидаться, оно пришло, оно действует. И для того, чтобы соединиться с ним, не требуется выпрашивать, его достаточно пожелать. Трудно в это поверить, но Бог предлагает все, а грешникам Он все равно остается не нужен как свой, как близкий.

Чтобы убедиться в этом без всяких глубокомысленных изысканий, достаточно ознакомиться с молитвой, которую Христос дал своим ученикам в ответ на их просьбу научить молиться. Она так и называется «молитва Господня», поскольку предложена Им Самим. В этой молитве в первом же слове людям разрешается называть Бога своим Отцом, что означает, что блудные дети приняты своей Родиной. И только после этого стоит просьба оставить долги наши, то есть простить грехи. От нас ждут не согласия на внедряемое прощение, а сердечного вздоха о нем. Обретение милости происходит не под давлением угрозы или подкупа, а от чистого желания вернуться в совершенную жизнь и ее блаженство.

Когда человек попросит прощения? После того как вспомнит свое единственное подлинное призвание и тогда сначала начнет уставать от сладкого греха, затем разочаруется в нем, а потом и возненавидит его. Прощение для него станет избавлением от рабства, рождением в свободу, восстановлением ощущения счастья с предчувствием его

вечности. Люди, понявшие себя, жаждали прощения, ожидая его безропотно, затаив дыхание, как величайший дар, который не боится новых ошибок и преступлений. В прощении – сила необходимости друг в друге. В прощении – раскрытие глаз на обычное как на чудесное, немыслимое и недоступное. Поэтому принуждение к раскаянию – чиновничье изобретение метафизиков от церкви, убежденных в том, что хорошее не может существовать без учета и контроля, без вышестоящих указаний.

Священник, запугивающий казнями или подманивающий выгодой для получения признания в грехах подозреваемого* подлежит запрету на служение. Действительно, такие действия являются хулой на Сына Человеческого. Спаситель никогда не пользовался трусостью и жадностью людей и не подкупал, используя их нужды и любовь к богатству. Он искал только доброй свободной воли людей и уж представить невозможно, что Он взятками в виде подарков привлекал к Себе**. Тот, кто имел счастье узнать дружбу, понимает без объяснений, что утраченные отношения не возвращаются деньгами или угрозами, но таинственная минута примирения, как знамение с Небес, как откровение чуда – неизвестно, когда и откуда приходит, не выдвигая условий, не требуя обязательств. Тот, кто пережил обретение прощения в дружбе, будет вечно ему удивляться и благодарить за него.

Стоит также хоть на какое-то время запомнить, что одним из символов греха в Евангелии является долг. В притчах о прощении грехов прямо указываются даже точные величины денежных долгов. Иногда очень большие, иногда очень маленькие. В одной – пятьсот динариев у одного и пятьдесят у другого, в другой – тысяча талантов и сто динариев соответственно. Как мы видим, денежные суммы являются символом совокупного зла, совершенного человеком, причем для нас денежные наименования, приведенные в Новом Завете – иностранные. Можно сказать, что грехи образно названы в Нем валютой.

При весьма сильном неравнодушии советской власти к валюте, сон Никанора Ивановича и так был бы очень смешным, тем более что глава эта тоже пророчески смотрела в будущее и изобиловала многими исполнившимися предсказаниями относительно гадких валютчиков. Можно вначале допустить с натяжкой, что под сбор валюты в видении Босого замаскированы открытые процессы 20–30-х годов, на которых вредители и враги,

* Этого нельзя делать и простым верующим

** Мы считаем, что все упомянутое здесь относительно покаяния и есть ключ к пониманию «Мастера и Маргариты», поэтому так упорно мы позволяли себе многословие.

внимая увещеваниям заботливых властей и равнодушного народа, возвращали государству всю мыслимую и немыслимую «валюту»: каялись во всех тяжких, в злодеяниях и заговорах, неслыханных от создания мира, ну и заодно сдавали своих подельников, и реальных, и нереальных. В этом ракурсе сон может показаться даже еще смешнее, чем думалось. Но мы отдаем предпочтение другому толкованию сна.

Уже достаточно длительный промежуток времени, если только можно назвать промежутком несколько сотен лет, у христиан происходит нечто странное: священнослужители прямо-таки выбивают покаяние из крещенного народа. Так и слышим со всех сторон: «Надо каяться, необходимо признаться в своих грехах, если не покаетесь – заболете и погибните, или родственники во всех коленах заболеют». И указывают, тычут, тычут в грехи, требуют слез и воздыханий, расписок в том, что безобразие не повторится. Накладывают епитимии и опять: «Покайтесь, молитесь о прощении!» Вслед за ними и крещенный народ тоже уже давно требует с пристрастием от своих ближних покаяния. Сейчас это давно начатое дело продолжает расти, и священники иногда настаивают, чтобы каялись семьями, а иногда целыми сообществами (иногда за грехи давно почивших людей). С нераскаянными иногда запрещают разговаривать и находиться в одном помещении. Если все это перевести на язык долгов в денежных средствах, то получится то самое повсеместное, назойливое: «сдавайте валюту!» Именно такое толкование по-настоящему смешно и бесконечно горько оттого, что двойник отвоевал себе в церкви много времени и пространства. Одно утешение для образованных людей: если не будет подлинника, исчезнет и двойник. Такой вывод они делают из простого наблюдения, что тень жива, пока жив тот, от кого она упала...*

(Мак. л.) ... Отчего вам показалось, что я спел тоже песнь нашему гнусному, как вы выражаетесь, духовенству? Неужели слово мое, что проповедник Восточной Церкви должен жизнью и делами проповедать. И отчего

* Раз у нас пошла чистка литературы, то под общую гребенку причешем и пьесу «Тень» Е. Шварца. В ней усматривают как главный мотив войну добра со злом в обществе. Мы думаем иначе. Ученый по имени Христиан Теодор (Божий дар) вдруг в порыве благодушия видит, что кругом только хорошие люди. И в этот момент у него убегает тень. Зло в пьесе находится не в обществе, а в ученом, который перестал видеть у себя грехи. Его тайный двойник стал свободен и начал действовать по своему усмотрению беспрепятственно. Смысл пьесы в том, что люди, переставшие видеть в себе зло, не ведая что творят, позволяют ему делать свое черное дело. Как и обещала азбука сначала по отношению к себе, а потом ко всем остальным. Добрая мысль великого сказочника о том, что именно хорошие люди открывают охоту тьмы на все истинное.

у вас такой дух ненависти? Я очень много знал дурных попов и могу вам рассказать множество смешных про них анекдотов, может быть больше, нежели вы. Но встречал зато и таких, которых святости жизни и подвигам я дивился и видел, что они – создание нашей Восточной Церкви, а не Западной. Итак, я вовсе не думал воздавать песнь духовенству, опозорившему нашу Церковь, но духовенству, возвысившему нашу Церковь.

Как все это странно! Как странно мое положение, что я должен защищаться против тех нападений, которые все направлены не против меня и не против моей книги! Вы говорите, что вы прочли будто сто раз мою книгу, тогда как ваши же слова говорят, что вы ее не читали ни разу. Гнев отуманил глаза ваши и ничего не дал вам увидеть в настоящем смысле.

* * *

Опомнитесь! Волтера называете оказавшим услугу Христианству и говорите, что это известно всякому ученику гимназии. Да я, когда был еще в гимназии, я и тогда не восхищался Волтером. У меня и тогда было настолько ума, чтоб видеть в Волтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека. Волтером не могли восхищаться полные и зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь. Волтер, несмотря на все блестящие замашки, остался тот же француз. О нем можно сказать то, что Пушкин говорит вообще о французе:

Француз – дитя:
Он так, шутя,
Разрушит трон
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит.

* * *

Еще меня изумила эта отважная самонадеянность, с которой вы говорите: «Я знаю общество наше и дух его», и ручаетесь в этом. Как можно ручаться за этот ежеминутно меняющийся хамелеон? Какими данными вы можете удостоверить, что знаете общество? Где ваши средства к тому? Показали ли вы где-нибудь в сочиненьях своих, что вы глубокий ведатель души человека? Прошли ли вы опыт жизни? Живя почти без прикосновения с людьми и светом, ведя мирную жизнь журнального сотрудника, во

всегдашних занятиях фельетонными статьями, как вам иметь понятие об этом громадном страшилище, которое неожиданными явлениями ловит нас в ту ловушку, в которую попадают все молодые писатели, рассуждающие обо всем мире и человечестве, тогда как довольно забот нам и вокруг себя. Нужно прежде всего их исполнить, тогда общество само собою пойдет хорошо. А если пренебрежем обязанностями относительно лиц близких и погонимся за обществом, то упустим и те, и другие так же точно. Я встречал в последнее время много прекрасных людей, которые совершенно сбились. Одни думают, что преобразованиями и реформами, обращением на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведет в лучшее состояние ни беспорядки, ни пылкие головы. Брожение внутри не исправить никаким конституциям.

Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Нужно, чтобы каждая единица исполнила должность свою. <...> Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство...

(З. У. пр.)... *Есть еще детали из сна Никанора Ивановича, подтверждающие нашу догадку. Публика приветствует отъём валюты у своих родственников и знакомых. Давно забыто, что своя и чужая исповедь должна быть тайной, но все, не зная устали, лезут друг другу в жизнь, собирают сплетни и передают их. Само представление о неприкосновенности чужой жизни (неприкосновенности от любопытства, излишнего внимания) исчезло, а без этой бережливости чужого и своего (неразглашения личных отношений) невозможны не только порядочность, доверчивость, но и сама вера невозможна. Отдать за другого валюту (или называть чужие грехи) – такого прежде про исповедь никто не слышал, аналогично тому, что подбросить валюту (свой грех переписать на другого) – дело для христианина немыслимое.*

Первые страницы «Азбуки» говорят, что вера начинается с желания сдать свою валюту (отказаться от своего зла) и тут же находит свое продолжение в желании просить кредитора о списании задолженности у других валютчиков (простить остальных злодеев). Христиане забыли,

что, получив прощение, у них есть власть прощать зло, которое причинили им. Этого дара до Христа люди не имели. «Немощи немощных носите» – заповедь, которую не только не выполняют, но и не считают нужной, если только, конечно, помнят ее. Стало почетным и престижным у христиан бороться со злодеями и побеждать их вплоть до полного уничтожения, а не прощать и не просить им милости свыше за бездарно проведенную жизнь. Для тех, кто имеет опыт исповеди, предложим упражнение: в следующий раз попробуйте заодно с валютой не сдать никого, в том числе – Бога (учтите, что если у вас есть жалобы на жизненные обстоятельства, – вы жалуетесь на Него). Заранее просим прощение за свои подозрения, но думаем, что у вас ничего не получится. Сказать только о себе, значит взять целиком ответственность за жизнь на себя – таких, извините, до сих пор среди добрых людей не замечали.

Как же так, скажете вы, а Канавкин ведь сдал валюту настоящую, не фальшивую и ничего себе не оставил. Да, опять-таки в этот момент все затаили дыхание и не аплодируют, а вот когда Канавкин указал на валюту тетки, зал страшно взревел: «Браво!». Написано с натуры. Мы считаем это и пророчеством Булгакова. Должны прийти времена (и уже приходят), когда самая изысканная культура самого цивилизованного общества объявит, что доносить на грехи – прекрасно, потому что на доносе строится благоденствие народа, освобожденного от зла, и почтеннейшая публика будет рукоплескать отважным разведчикам грехов.

Все праздники в православии главные, но есть среди главных центральный – Пасха. Она определяет собой все христианство: вера – Пасхальная, дух веры – Пасхальный, если радость – то Пасхальная. Именно ведение воскресшего Христа делает человека православным (правильно прославляющим Жизнь). Воскрес Христос и упразднилась смерть. Грех, зло – они теперь временны, они сами стали тлеть, а потом и вовсе исчезнут. Пасха зовет постящихся и не постящихся... всех... и не велит никому «рыдать своего убожества». Рядом с воскресшим Христом нет ничего в нас плохого, но не мы преодолели свое зло, нас милостью воскресили и воскрешают – Пасха действует везде и во всем.

Каждое воскресение празднуется Пасха, поминается она каждый день, даже при чине погребения, когда Господа вновь полагают в гроб. Пасхой пронизаны не только благие дела, ей доступен и ад, и в аду теперь может быть Пасхальная радость. Человек, встретивший Пасху, не будет умирать от ужаса своих грехов, а будет радоваться их бессилию,

и чем больше в себе он их видит, тем полнее будет его торжество. Такой человек, Пасхально взглянувший на себя, грешника, Пасхально с радостью будет смотреть на других грешников, радуясь тому, что их грехи теперь – ничто, а вместо них – Пасха (хотя сами грешники могут до поры этого не чувствовать). История знает таких Пасхальных людей, и душа не сомневается в их правде, она льнет к ним, как к свету. Пасха не может закончиться, уйти на время, если Она нашла человека, то пребывает с ним всегда. Виноваты. Поддельная Пасха может убеждать; мечта, фантазия и тут могут обмануть, но только в том случае, если в вере искали что угодно, но только не Воскресшего Христа. Есть и надпись в каждом православном храме – Христос Воскресе! Иногда пишут сокращенно ХВ. Весь год буквы не выделяются как-то особо, а на Пасхальный период в 40 дней они внезапно загораются красным цветом, после гробовой тьмы в начале светлой Заутренней.

В театре Никанора Ивановича в полной темноте высказывают красные, горящие слова: «Сдавайте валюту!». Очень похоже, поскольку противоположно по смыслу надписи у христиан, а то, что слова другие, так, ведь и не церковь это, а театр, вернее, двойник, который занял освободившееся чужое место. Да, действительно, у нас подавляющее число граждан честны и чисты, и на предложение покаяться искренне отвечают, что у них нет грехов, а если есть, то мелочишка, грешки, а еще есть пожелание всем добра, да еще от всего сердца. В общем, нет у них валюты, валюты нет и точка! Среди примерных граждан, впрочем, можно найти тех, кого можно уговаривать, и уж если уговорите их сдать заначки, то раскошелившийся грешник утонет в саморазоблачениях и самооговоре, представив, опять-таки, себя насекомым, которое нужно раздавить. Одна крайность непременно должна смениться другой, ложь просто так не выпускает жертву из своих сетей. Сохранить меру в том, чтобы не скрыть, но и не наговорить лишнего, а еще соединить понимание своей меры с доверием другому, чтобы принести от себя то, что доступно тебе, пока подслеповатому, и принять как милость то, что пока недоступно совести, очень и очень трудно. Сдай цент или лепту и прими драгоценного металла столько, сколько можешь унести.

«Азбука» пестрит случаями из жизни грешников, умиравших от стыда за свои поступки, которые слышали от тех, кто узнал Пасху: «Неужели ты думаешь, что мог бы не совершить это?» или «Неужели ты думаешь, что ты не способен поступить еще хуже?» И это правда. Прочитать это возможно, а вот увидеть в себе вживую – почти невозможно. Видимо поэтому теперь,

лица у практикующих христиан озабоченные и угрюмые – тоскуют о своих грешках, которые теперь под запретом. Получается и при встрече с современными сборщиками валюты, захочешь, как лучше, понесешь им иностранное золотишко, а потом тебя до пят выпотрошат, выудят то, чего и не хотел по незнанию нести. Нет, лучше уж сразу заявить: «Нету!! Нету у меня ее! Понимаешь, нету!»

Любителям старины, предпочитающим сказания о старом храме, можно напомнить надпись, появившуюся во время трапезы царя Валтасара: «Мене, мене, текель, уфарсин!» Для нас наиболее интересно слово «текель», которое означало, что царь взвешен на весах и найден очень легким. Ясно, что должник не отягощен золотом в карманах, а потеряв силу притяжения, не может остаться на земле. Валтасар не стал возвращать валюту, расплатившись жизнью. Ну и поделом ему. Сонное видение Босого вполне могло быть вдохновлено указанным событием и в этой трактовке не перестает быть смешным.

И, скрепя сердце, – к последней сцене из сна. В этом театре пищу раздают не в буфете, как положено в любом приличном заведении, а, нарушая все правила гигиены, в помещении, где идет представление. Вам не кажется, что этот характерный узор общественного действия мы все где-то видели, то, на что в данном случае натянута маска двойника? А если не видели, можно прочесть в «Азбуке», что в главной христианской службе, на которой приносится Тело и Кровь Иисуса Христа, люди принимают Истинное Питие и Истинную Пищу из рук священников прямо в храме, в помещении, которое часто называется трапезной. В православной традиции все таинства служат прощению грехов и совершаются покаянным чувством их участников. То есть, они не для тех, кто заслужил, а для тех, кто хочет освободиться от собственного зла и как следствие – от своих болезней души и тела. Причем в первую очередь это касается священнослужителей, которым больше дано и поэтому на них больше вины за несовершенное ими добро. Они громче других каются на этой службе и признают себя первыми из грешников, испрашивая исцеления лукавой совести, больной души и больного тела.

Повара же, раздающие пищу во сне Босого в белых одеждах, означающих безгрешность, тоже требуют сдачи валюты. Того же покаяния, но только не добровольного. Как повара, так и хозяева сцены сами не сдают валюту, а только требуют ее сдачи другими. Последние столетия к причастию на литургии мирян допускают в основном только после исповеди, хотя Тело и Кровь Божии подаются только нуждающимся в оставлении грехов.

Можно было бы заподозрить, что христиане забыли об этом, но нет, священники, как правило, приступают к Таинству без исповеди. Одним можно, другим нет. Наверное, одни достойны, а другие еще не доросли. Получается, что сон довольно точно передает положение дел на службах двойника православия. Вместо церкви, в которой первыми счастливыми становятся нищие, не скрывающие своей худости перед всеми, теперь стоит другая церковь праведников (как чужая жена), взимающая долги, наказующая провинившихся. Полная противоположность поклонению в истине и духе. Причина этого перерождения в том, что спаситель этой церкви (двойника) для ее членов погиб, потому что главное в практике их веры – поклонение страданию и смерти на кресте, а не радость о Воскресении. Фальшивая церковь должна быть с фальшивым Иешуа, но ведь она уже давно есть, хотя этого по большей части не замечают.

Возвращаясь к сдаче валюты, согласимся, что у двойника все логично – недостаток покаянного чувства у населения порождает повышенную требовательность у ее сборщиков, ну, как в Сбербанке недостаток доверия к клиенту компенсируется представлением дополнительного пакета справок. Справедливо и то, что Босому с его фальшивой верой снится фальшивая церковь.

Глава XVIII. ПРО БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ

(успокаивающая)

Любит, не любит
Плунет, поцелует.

Частное дознание

Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Книга сына Давида

В этой главе нам захотелось коснуться не магистральных тем романа, а орнамента, их окружающего, или фона, на котором они разворачиваются.

Для начала обратим внимание на то, что Воланд и его подручные вроде бы очень много знают. Они при каждой возможности сыплют секретными сведениями, чем одних расстраивают, а других (понятно каких) радуют. Создается впечатление, что визит иностранца произвел информационную революцию и явным стало то, о чем даже самые ушлые знатоки не догадывались. И многие узнали правду про себя и про тех, кого считали добрыми людьми. Вроде бы неплохо и даже полезно для благоденствия общества...

(Мак. л.) ... Слова мои о грамотности вы приняли в буквальном, тесном смысле. Слова эти были сказаны помещику, у которого крестьяне земледельцы. Мне даже было смешно, когда из этих слов вы поняли, что я вооружался против грамотности. Точно как будто бы об этом теперь вопрос, когда это вопрос, решенный уже давно нашими отцами. Отцы и деды наши, даже безграмотные, решили, что грамотность нужна. Не в этом дело. Мысль, которая проходит сквозь всю мою книгу, есть та, как просветить прежде грамотных, чем безграмотных, как просветить прежде тех, которые имеют близкие столкновения с народом, чем самый народ, всех этих мелких чиновников и власти, которые все грамотны и которые между тем много делают злоупотреблений. Поверьте, что для этих господ нужнее издавать те книги, которые, вы думаете, полезны для народа. Народ меньше

испорчен, чем все это грамотное население. Но издать книги для этих господ, которые бы открыли им тайну, как быть с народом и с подчиненными, которые им поручены, не в том обширном смысле, в котором повторяется слово: не крадь, соблюдай правду или: помни, что твои подчиненные люди такие же, как и ты, и тому подобные, но которые могли бы ему открыть, как именно не красть, и чтобы точно соблюдалась правда...

(З. У. пр.)... Заглядывая в «Азбуку», читаем, что знать всю мерзость, пусть важную, пусть тщательно скрываемую, а иногда и очень веселую мерзость – означает не знать ничего*. Это множество пусто, оно не может наполниться в будущем, оно – банкрот, мыльный пузырь, тщета, суета. Самое точное определение мерзости – не жуть, не гадость, а пустота.

Ведение маленького семени добра, напротив, обладает полнотой знания жизни или полнотой мудрости. Именно соприкосновение с жизнью позволяет объяснить, что такое болезни, страдания, измены. Есть благо, можно увидеть, как его расхищают, но растрата всегда второстепенна и неважна по отношению к предмету, который ее порождает. Нет блага – нет и его врагов. Паразит не самодостаточен, он глубоко зависим от того, кого ненавидит. Тут можно добавить, что, узнав все зло, невзлюбив его и победно изгнав его, человек остается пуст. Он чист, готов к жизни, но ее в себе пока не имеет, и поэтому в таком промежуточном состоянии он не жизнеспособен. Не только откровенно злые, но и не встречавшиеся с благом еще не родились, их нет, они – только возможность быть.

Внимательный читатель давно бы уже возразил сказанному в начале главы, указав на то, что Воланд видит хорошее – например, когда оно стучится москвичам в сердце. То-то и оно, что он лжет, приведя пример фальшивого добра, фальшивого милосердия. Опять, обращаясь к «Азбуке», прочтем, что первым милосердным человеком на Земле стал Сын Человеческий. Он первым среди всех обладал властью прощать грехи. Этой властью он поделился с теми, кто также захотел жалеть врагов, но это было уже после начала Его служения людям.

Христианство признает милосердие исключительно как милость к изменнику (предательство по внешности имеет бесконечное количество

* Сразу предупредим другую крайность: прекраснოდурно видеть в другом (и в себе) только хорошее – тоже грубая ложь. Видеть так, как есть, значит знать о добре и о зле в человеке без умаления и преувеличений. Эта правда будет к жизни, а не к смерти, если возносить (тайно) благодарность за добро (обычно ему завидуют, если уж увидели) и просить (как себе самому) милости и прощения зла (обычно на него либо обижаются, либо хотят на него симметрично ответить). К сожалению, для того, чтобы так поступать нужна совесть. Поэтому, не пытайтесь повторить это самостоятельно. (Шутка).

форм – плохая память, равнодушие, предпочтение другу любых видов удовольствия без него – еды, питья, игры, пересчета купюр...).

Прощая грехи людей, Христос вместе с этим делал их целыми – целил. У человека без грехов (с прощенными грехами) могли открыться глаза, ум, могла появиться воля и могла воскреснуть необходимость счастья вкупе со счастьем ближних, при осязаемой необходимости забыть себя (свои интересы как главные). Поэтому людям, обращавшимся к Нему за разнообразной помощью, Христос говорил: «Прощаются тебе грехи твои» и прощаемое исполнялось вслед за принятием прощения само собой, без дополнительных слов. Человечество вытеснило этот единственный христианский смысл милосердия и связало его с помощью нуждающимся. Социальная забота подменила заботу о восстановлении дружбы. Теперь цель милости человеческих доброхотов – выручить из нужды, форс-мажорной беды, помочь в страдании. Вере же известна одна главная беда – подлость и измена самого человека, и одна радость – Христово милосердие к нему: простить ему его мерзость. Между этими двумя видами добра – пропасть, вернее, одно призрачно – его нет, а другое подлинно – оно есть. Каждый может заметить, что для доброго человека все эти рассуждения – абсурд и демагогия. Его можно понять. Он собирается жать вокруг то, что, как ему кажется, сам посеял.

Если возможно компанию Воланда с подручными назвать темной, то ее московских сподвижников и всех оставшихся персонажей – невежественными, серыми. Человеческий фон романа – это кричащее невежество, настоящие самозванцы эпохи великого просвещения. Берлиоз со своими Озирисом, Адонисом и Мардуком, так поразившими Бездомного, конечно, был шпаной от образования. Сейчас слово «знать» автоматически связано со словом «память». Человек знает, значит, может пересказать и пересчитать. Но у слова «знает» когда-то было более сильное значение, выраженное словом «понимает». «Помнить» и «понимать» могут дополнять друг друга, но у них разные смысловые нагрузки*. Один пример мы возьмем из школьных лет, когда можно было выдолбить теоремы и законы (взять зубрежкой) или разобраться и получить возможность написанное в учебнике воспроизвести самому. Память была не нужна, если человек мог рассуждать.

Есть, однако, еще одна разновидность знаний, совсем уже вытесненных из обихода. Для этого нужен второй пример. Тут мы сошлемся на философов. Нынешний философ – это тот, кто помнит, а может, с большой долей

* В этом месте мы можем свериться с читателями в наших мнениях относительно персонажей Булгаковского романа. Имелись среди них те, кто читал «Фауста» и те, кто его понимал? Думаем, что большинство читало, а с пониманием было плохо у всех.

вероятности понимает все философские течения, начиная от эллинов и заканчивая эпохой раскола на идеалистические и материалистические представления о реальном мире. Может показаться, под давлением их выдающейся эрудиции, что нынешний философ и есть самый знающий философ всех времен и народов. Однако были времена, в которые считалось, что знать – это жить, как того требует твоя философия, другая практика презиравлась всем обществом, она же и есть наше любимое лицемерие.

Тогда люди к сведениям о философии относились как к сплетням, недостойным уважения. Критерием истинности философии и философа была его жизнь в соответствии с его воззрениями. Нетрудно согласиться с тем, что между приведенными видами знаний – пропасть, и одно из них вполне можно назвать невежеством. Невежеством воюющим, шумным, популярным, востребованным, общепризнанным, но – невежеством.

Если у всего благого и настоящего есть одна степень свежести, то у плохого и поддельного – огромное количество степеней разнообразной несвежести. Если действительно знать (*par excellence*) – это не ряд возможностей передать суть предмета, а одна-единственная. И, напротив, у всезнающего невежества множество разновидностей подходящих определений.

У доброй половины персонажей романа – грубое невежество, которое не нюхало предмета. Орывочные сведения о классических произведениях искусства и отсутствие вразумительных сведений (ложные познания сюда не относятся) о христианстве. Крещеные ничего не знают о мире Вечности, о царстве Истины – они слепоглухорожденные. Многие из них примеривают на себя христианскую одежду – сыплют словами, жестами, копируя христиан, и, одновременно, подсмеиваются над ними и их религией. При этом есть два особенных героя романа, у которых нет никаких, пусть даже нечаянных, контактов ни с Христом, ни с Его наследием. Они действуют так, как будто Его нет и быть не может. Маргарита и мастер имеют дело с Иешуа и теми, кто с ним связан, и ничего с тем, что хоть как-то касается Иисуса Христа. Они стерильно чисты от христианства, в них можно писать новое имя (новую веру), заменяющее его, и оно не рождает сомнений, сравнений, не потребует выбора между ложным и истинным. Христа можно зачеркнуть в рассудке – это полшага, а можно – в сердце. Только тогда, при этом решительном и окончательном шаге человек освободится от Него, вольный получит волю от законов жизни, начнет творить свой мир согласно своим независимым желаниям и оригинальным мечтаниям. Вольный мастер почувствует всем своим существом, что Сына Человеческого нет и не было, и не сможет догадаться, что таким фанатиком, как он,

Тот себя не навязывает. Как говорил иногда Сеятель, запечатлевая возникшую взаимность с некоторыми собеседниками: «оставляю ваш дом пуст».

Теперь притронемся к войне партии и правительства против бескультурия товарищей. Для его ликвидации при большом стечении народа читают Пушкина, поют арии из опер настолько незнакомых Бездомному и Босому, что последний никак не может понять, кто с ним говорит в этих запутанных произведениях. Вообще то, что знакомство граждан с литературой происходит при чтении артистов и прослушивании опер, свидетельствует об убожестве общества. Такими приемами популяризировать чтение можно, но, не прочитав самому книгу, понять, что там имелось в виду, нельзя. Даже Швондер понимал это, давая читать Шарикову переписку Энгельса с ренегатом Каутским. Для тех, кто не слышал опер по мотивам известных литературных произведений, поясним это на примере их экранизаций. Из сотни одна удачная, но совершенно не соответствует замыслу автора литературного прототипа (для посредственных произведений все наоборот – чем хуже книга, тем лучше фильм). Повторим, подтолкнуть к знакомству с автором, заинтересовать, что ли, его творчеством можно, но само знакомство должно быть личным, без посредников.

В своем утраченном прошлом, будучи историком, мастер встречался с легендами о Христе, но, видимо, своего мнения по их поводу не имел, так что, в конце концов, Иисус стал для него реально несуществующим. Такие у нас истории об историках. Даже Бездомный в после-Воландовой жизни очень быстро, правильно сказать, стремительно становится большим грустным ученым новейшей истории. Очень точное наблюдение за современными науками и их обслуживающим персоналом.

Однако пусть творческий авангард человечества смело смотрит вперед, а заодно выдумывает новые актуальные трактовки быстро стареющего культурного наследия. Для нас важно угадать, как относился к художникам и их полотнам, упомянутым в его же романе, Булгаков. Мы будем исходить из того, что для него был второстепенным акустический фон тех канонических инсценировок классиков, а названия использованных произведений и фамилии их авторов в первую очередь намекают на идейных предшественников романа, наследником которых он стал. (Весьма возможно, что среди полусекретных предков был и Шекспир, пьесу которого «Как вам это понравится» больше других любил Гофман (творчество которого оказало значительное влияние на Булгакова). Именно так озаглавил Бездомный свой рассказ в клинике Стравинского об иностранном консультанте. Случайно ли?)

Произведения Пушкина из тех, что упомянуты в романе, не охватишь целиком, но кратко обсудить можно. Строчка из «Пиковой дамы», первой спетая тенором, воскрешает в памяти историю молодого человека, принципиально не игравшего в карты, но зато предпочитавшего влюбленной в него девушке общение с духами. Там духи сулят главному герою выигрыш, и в нашем романе выигрыш приходит к герою-любовнику и без просьб духоискателя. Прогресс в отношениях налицо. Если перейти к «Скупому рыцарю», то в сонном видении главной темой в нем Савва Потапович определил и утвердил безответные просьбы вдовы. Тут можно было бы спросить: к кому? Ну, одно у Пушкина – к рыцарю, а во сне другое – к сонному Куролесову*. Этот эпизод – подсказка для разгадки сна, только вместо одних персонажей надо подставить другие.

*Мы поподробнее обсудим сейчас, что символизирует безутешная вдовица в свете Евангельских притч о женщинах. Это не означает, что мужчины игнорируются в них. На то она и притча, что имеет в себе одновременно понятное и скрытое. Как это было уже упомянуто нами, женщина означает в притчах души всех людей. Дева, ждущая жениха – душа, ищущая Бога. Брачный пир для нее после встречи – начало общей жизни с женихом, Небесным Царем. Непразднские – те, которые уже живут верой, но не выносили ее, не поняли до конца, не укрепились, не решились на нее бесповоротно. Питающие – те, кто стал самостоятельным в вере, отношения с Богом развиваются, но только недолго – не было испытаний, соблазнов, не прозрела совесть для совершения сознательного выбора – вера нежная, младенческая, которую необходимо беречь, кормить легкой пищей – молочком, как бывает с новорожденными. И, наконец, вдовица – это душа, которая прошла не только путь детства, юности, но и расцвета – единства с Богом во взаимном блаженстве. Теперь этот путь оборвался и душа теряет веру, теряет живое присутствие Бога. Она помнит прежнюю жизнь, но вернуться к ней не может, чувствуя лишь утрату взаимности и свое одиночество**. Евангельские вдовицы были настойчивы, и их просьбы никогда не оставались без ответа, возвращая просительниц в жизнь.*

* Может у нас мания, но Куролесов – это народный вариант произнесения греческого Кирие элейсон, в переводе «Господи помилуй». Часть службы в храмах иногда пели по-гречески, а про такого образованного священника говорили, что он куролесит (подобно Иоаким и Анна у русских превратились в Якиманку). Тогда сон о безответной мольбе о милости к носителю Господней милости – смешно.

** Нам хочется привести не пояснение, а задать вопрос читателям. Представим, что вы приняли для себя язык Евангельских образов женщины. Тогда как можно описать состояние и поведение вашей души, если в какой-то промежуток времени она называется чужой женой?

Вдовица из сна Никанора Ивановича остается безутешной, и это не только символ состояния всех персонажей романа, это, к сожалению, и символ болезни Церкви, вернее, видимая практика ее двойника, при которой людей разочарованных, прогулявших, промотавших веру не пожалеют, не примут, а укажут им на выход. Такое отношение к себе ныне и сами овдовевшие считают нормальным и правильным, уважают строгость к провинившимся, так что, если к ним отнесутся с милостью, заподозрят здесь отсутствие православия. Но подлинная Церковь не для богатых праведностью, верой, достоинством, а для нищих, все промотавших в блуде, но пожелавших спасительного возвращения в брак, в отеческий дом.

Походя обратим внимание на то, что спящий Босой отождествляет исполнителя пушкинского «рыцаря» с самими героями маленькой трагедии. Это можно принять как намек на то, что и автор романа поместил себя в его персонажей. Впрочем, и тут всем оставляем свободу мнений...

(Мак. л.)... Из заключительной пьесы, «Развязка Ревизора», вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на «Ревизора» после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно.

* * *

Не поленитесь сыграть сами предуготовительно перед актерами роль Хлестакова, которую, кроме вас, решительно никто не может выполнить. Вы можете этим дать им раз навсегда мотив. Теоретически из них никто не может понять, что эту роль непременно нужно сыграть в виде светского человека *comme il faut*, <...> вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопера, но, напротив, с чистосердечным желаньем сыграть роль чином выше своего собственного, но так, чтобы вышло само собою, в итоге всего: — и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопер во всех отношениях. Все это вы можете внушить им только одной игрой своей, а словами и наставлениями не сделаете ничего, как бы ни убедительно им рассказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить характер еще могут, но создать характера не могут; насилуя себя произвести последнее, они станут даже ниже самих себя.

* * *

Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора»

Семен Семенович. Что, что, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город?

Михал Михалч. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город; что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя. Мне показалось, что этот настоящий ревизор, о котором одно возвешенье в конце комедии наводит такой ужас, есть та настоящая наша совесть, которая встречается нас у дверей гроба. Мне показалось, что этот ветреник Хлестаков, плут или как хотите назвать, есть та поддельная ветренная светская наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков – чиновникам, и потом пропадает так же, как он, неизвестно куда. Мне показалось, что это безотраднo-печальное окончание, от которого так возмущился и потрясся зритель, предстало перед меня в напоминание, что и жизнь, которую привыкаем понемногу считать комедией, может иметь такое же печально-трагическое окончание. Мне показалось, как будто вся комедия совокупностью своею говорит мне о том, что следует в начале взять того ревизора, который встречается нас в конце, и с ним так же, как правосудный государь ревизует свое государство, оглядеть свою душу и вооружиться так же против страстей, как вооружается государь противу продажных чиновников, потому что они так же крадут сокровища души нашей, как те грабят казну и достояние государства, – с настоящим ревизором, потому что лицемерны наши страсти и не только страсти, во даже малейшая пошлая привычка умеет так искусно подъехать к нам и ловко перед нами изворотиться, как не изворотились перед Хлестаковым проныры чиновники, так что готов даже принять их за добродетели, готов даже похвастаться порядком душевного своего города, не принимая и в мысль того, что можешь остаться обманутым, как городничий. Мне так показалось...

(З. У. пр.)... Еще один намек на главную мысль романа можно найти в его частичке – сне Никанора Ивановича, подобно тому, как одно лишь название маленькой пушкинской трагедии высвечивает ее смысл. Ведь рыцарь – это тот, кто бескорыстен, рыцарь – это жертвенное служение и, вдобавок, первоначально рыцарь – это тот, кто бросил все и помчался на край света защищать Гроб Господень. Так что скупой рыцарь – это как

голый король или безжалостный врач, полный абсурд и бессмыслица. Это сладкая соль, которую надо выбросить на поприще, как грязь. Впрочем, не все абсурды бессмысленны, есть среди них премудрые и жизненные, именно их и передразнивают, хотят хоть не напрямую, косвенно, но унижить и низложить. Пример – благоразумный разбойник*. Хотя многие успешные люди в наше время подумают, что разбойники действительно очень умны и изобретательны. Им напомним, что христианская «Азбука» заботится только о личных отношениях, а их разбоем не склеишь.

Очень старался на сцене сонного театра Куролесов, но ничего не понял из его стараний Никанор Иванович. И здесь, к сожалению, просматривается явный намек на Церковь, вернее, на ее двойника. До нашего времени дожили традиции чтения священных текстов в храмах без выражения, просто, не помогая своими (не обязательно не точными) переживаниями в интонациях и с замедлениями вместе с ускорениями. Но в этой хорошей традиции стала пропадать практика ясного, разборчивого чтения – все сливается в гул, чем обкрадывается служба, оставляя ее участников без слов и без смыслов. В этом месте нам хочется царапнуть не только практику, но и тех, кто причастен к этой практике. Прихожане уже не знают, что читаемые тексты нужны не для создания благочестивого шума, их можно слушать, понимать и многому учиться у них, иногда испытывая радость. Если перейти от чтения к пению, то здесь очевидна прямая связь с театром. У церковных двойников в практике концерты и концертики (мы не хотим их запрещать, ведь и они могут очень многим помочь полюбить красивую музыку, и, может, заинтересоваться, что ли, верой) в многоголосии которых нельзя разобрать, о чем поют. Традиция церковного пения, в первую очередь, напротив, хотела донести смысл текстов, слова, которые могут быть сильнее и ярче любой музыки, если они проникнут под кожу человека.

В дохристианские времена и в первые времена христианства, нет, еще при Христе, тоже было много подмен и люди не удивлялись этому, потому что знали, что быть настоящим почти невозможно. Они упорно искали подлинники. И в повседневный труд они включали обязательное наблюдение за тем, чтобы двойники не овладели их жизнью. Причем одна из сильных, значительных, наглых подмен бывает внутри самого человека, когда он начинает неправильно думать о себе. Обидно, когда вместо друга оказалась подделка. Настоящее горе, когда подделкой оказался ты сам. Усилить горе

* Для эпохи массового потребления приготовлен и другой абсурд: безумный богач, хотя известно всем, что без ума капитала не наживешь.

может ситуация, в которой неизвестны пути поиска подлинника и нет друзей, у которых можно спросить, как он выглядел. Все же утешим читателя сообщением из «Азбуки» о том, что разоблачение антиличностей*, а затем непримиримая вражда с ними вовсе не требует многочисленных жертв и затяжных боев. Однажды познакомившись с разоблачителем лжи (носителем истины), а потом, уловив хитрости обманщиков, можно без сверхусилий избавиться от них, просто не обращая на них внимания. Тому, кто привык к склокам, скандалам и подхалимажу, согласны, будет трудно.

В дополнение ко всему вспомним, что Пушкин дописал от себя одну сцену из «Фауста». Из-под его пера появилась еще одна беседа Фауста с бесом, в которой очень точно описывается подмена, на которую попался ученый, и с которой он не желает расстаться. Эта подмена касается не научных теорий, а личных отношений.

Большое удовольствие приносит чтение новых походов Фауста, которые никак, в силу своего совершенства, не оскорбляют основное произведение. И опять у Пушкина продолжение традиции, усвоенной самим Гете, написавшим новые главы «Илиады» и предложившим продолжение беседы из первых глав книги Иова. В «Фаусте» Пушкина, как и у Гете, нет подобострастного отношения к властителю тьмы, и нет демонстрации всемогущества беса, благодаря которому он забавляется и расправляется с живыми мертвецами (то есть своими рабами). Тип отношений между людьми и сатаной за время превращения Мефистофеля в Воланда сильно изменился. Сатаной стали восхищаться, что ли. Сдаем позиции.

* Напоминаем, анти — это вместо.

Глава XIX. О ГЛАВНОЙ ПОДМЕНЕ (центральная)

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни.

Откровение сына Грома

<...> и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих.

Бывший мытарь

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

Павел к Евреям

Беседует ли смерть с человеком или властно отнимает у него возможность говорить? Раб человек у смерти или может сохранить свою личность свободной от нее? Всегда ли чудовищна смерть, или и она может быть светлой, рождающей желание жить? Надо ли бояться и прятаться от нее во время земного пути или проверять себя ею, как делали это те, кто решал, что жить стоит только тем, за что стоит умереть? Христиане – это те, кто отвечал себе на эти вопросы и мог видеть в себе и вокруг себя жизнь и смерть. Они знали цену жизни, так как видели всеохватную власть, распространяемую смертью, которая не смогла при этом окончательно погасить свет. Противостояние жизни и смерти везде, всегда, в каждом – вот что было открыто очам сердца людей, переживших смерть и воскресение Христа, лично участвовавших в Евангельских событиях. Не воспоминание, не оценка своих возможностей погружением в историю, а опыт этих событий рождал подлинные отношения между человеком и Иисусом Христом. (Напомним, что не выдумывать событие, а ждать его – уже начало честных и истинных взаимоотношений с жизнью.) Мы сделали первый намек на определяющее значение главы «Казнь» в понимании романа и судьб его героев с точки зрения православия.

Можно ли смерть человека, своим телом прикрывшего детей от пуля и тем самым подавшим им возможность жить, назвать казнью? Разве в этой

человеческой смерти есть обреченность, безысходность от приговора, вынесенного под напором клеветы? Эта смерть трагична и потому рождает желание не видеть и не слышать о ней ничего, или вдохновенна и рождает в людях желание приносить себя другим слабым? Думаем, что у Булгакова были ответы на эти вопросы, и смерть Най-Турса в «Белой гвардии» он не относил в раздел бездарной гибели и подлой расправы над ним, беззащитным. В этой смерти есть семя жизни, наполненное радостью за других, оставшихся на земле. Не верим в то, что Михаил Афанасьевич отрицал это в кончине офицера, прикрывавшего собой юнцов (мы согласны при этом и с тем, что за ошибочную веру можем быть достойны и порицания, и наказания). С этими предварительными, поверхностными соображениями подойдем к непосредственному обсуждению центральной (хотя бы по нумерации) главы романа «Мастер и Маргарита» – «Казнь».

Сердцевиной христианства является смерть и воскресение Иисуса Христа. Живая вода, воскрешающая всех, кто услышал Его голос, бьет из его Гроба. Мы имеем в виду, в первую очередь, доступный только созерцанию смысл духовного откровения о вечном отношении к нам Бога, подающем Своим детям жизнь (созидающем взаимность), которое облечлось плотью событий и стало явным на Голгофе. С тех пор смысл Слова содержится в тех, кто впустил Его в себя и знает, что цена их дурных поступков – смерть Сына Человеческого, а цена милости Сына Божия – прощение и воссоединение в дружбе с Ним тех, кто убивал Его. Христиане верят в Бога, которого они убили и который не обиделся на них, не ушел прочь, дал возможность признать зло перед Ним, и тем самым сделать его бессильным, временным или, иначе говоря, предать смерть смерти. Можно ли было людям заставить Бога сделать это? Конечно нет, хотя бы потому, что это не могло прийти в голову ни одному человеку. Потому что это – самый главный абсурд. Есть единственный источник, который может рассказать о причинах произошедшего с Иисусом Христом – Он Сам.

Священное Писание сообщает, что никем не принуждаемый Бог дал обещание первым людям после их падения, что придет посланник, который выручит негодяев. Не очень много людей на протяжении всей истории поверило этому обещанию, еще меньше от них своей теплой кровью, живой мыслью, чувствами, способными вместить надежду, не расставаясь пребывали с этим обещанием, ожидая его зримого исполнения.

Никто не вымаливал появления Христа. – Как доказательство этого, не нашлось человеческого дома для того, чтобы принять Его рождение.

Он родился вопреки враждебности людей, которые не хотели ответить Богу на его снисхождение к ним. Города не желали, чтобы он входил в них, Церковь не хотела и противилась Его проповедям, ученики не хотели полной, открытой жизни, которая не прячется от той части действительности, которая несет страдания и смерть. Все, что совершал Христос на Земле, вызывало сопротивление и противодействие (кроме бесплатной еды и бесплатных исцелений после Его рассказа о том месте, откуда пришел к ним). Это естественное непонимание не было фатальным. Он утешал своих деток тем, что они в назначенное время поймут Его, поймут все и станут Его настоящими друзьями и указывал точку, после которой это осуществится: Его смерть и Его воскресение. Без смерти Сына Человеческого и без Его Воскресения открыть для себя всю полноту жизни невозможно, и невозможно стать другом с Ним. В Его кресте и в Его Пасхе явлена та мера, с которой Он относится к каждому, и это та мера, в которую должен войти каждый желающий взаимности с Ним (а значит, научиться быть).

Все свое пребывание на Земле Сын Человеческий оставался Сыном Божьим и, конечно, своим всесилием в каждое мгновение Он мог сотворить все, что угодно, безо всяких мыслимых пределов. Люди не являлись Христу соперниками, не несли угрозу его жизни, они были целью Его спасения, теми, для кого Он со своим Отцом и Духом принесли воскресение. Люди нуждались, в первую очередь, в воскрешении не телесно — Бог мог бесконечно долго поддерживать жизнедеятельность человеческого организма, — а целиком, в совместном воскрешении души и тела, в их единстве и единстве воскресшей личности с Ним и со всеми. Первым шагом, выявляющим эту цель, стало древнее обещание Бога послать избавителя роду человеческому. Второй шаг — решимость позволить Своему Сыну стать уязвимым и вочеловечиться. Следующий шаг — это пролитие крови при обрезании, которое не нужно безгрешному, но которое соединяет со страданием человеческих младенцев, с первых своих дней подчиняющихся законам смерти.

Одной капли крови Бога было достаточно для спасения людей, но Он хотел не только выручить, но поделиться богатством небесных отношений и тем самым дать возможность бывшим грешникам блаженно жить за други своя, возможность быть не только принимающими, но и раздающими. Очередной шаг в своем умирании Он сделал при погружении в Иордан: все грехи людей, омывающихся в нем, легли на Него. С этого момента вся злоба, излитая людьми раньше и после этого,

ложилась на Сына Человеческого. Нет ни одной души, которая бы не обманула Его, не оттолкнула Его, не ударила Его, не оклеветала Его.

Дальнейший путь Его с ними состоял в Его постепенном отдании всего Себя, до каждого своего сустава, до последней клеточки. В пренебрежении и насмешках, пытках и плевках, медленное удушение пренебрежением до полной оставленности. От своих возможностей сопротивляться нашему злу он отказывается полностью при входе в Иерусалим, исключая для себя свободу прибегнуть к своему могуществу, теперь Он раб наших с Ним отношений. У Него оставалась еще возможность привлечь ангелов для защиты от нас, но Он отказывается от нее, как отказывается от последнего и главного – попросить Отца изменить Свое желание спасти людей ценой Своего Сына.

Остановка Его земной жизни – это невозможность быть до конца вместе хотя бы с одним человеком из-за нежелания быть с Ним этого человека. Отказались от Него все. Лично. В том числе отказались от него родственники, отказались единоверцы. Из-за своих слабостей не смогли быть с Ним до конца, оставили ученики. Все лучшее в земной цивилизации отказало Ему во взаимности. Отечество боялось, что он разрушит традиции и хотело сделать Его более удобным для себя. Местная марионеточная власть не посчитала нужным защитить Его. Заморская власть, исходящая от божественного императора, вдруг стала демократической и подчинилась требованиям народа (гласу народа). Своя Церковь не смогла приподняться над правилами и обычаями, вместив Невместимого в какие-либо рамки веры. Она действительно не сохранилась бы, если приняла бы Его, но ей не хватило доверия и великодушия уступить место лучшему. И самой, добровольно умерев, воскреснуть новой жизнью и новой верой*. Отказали все. Но и этого мало. До распятия Христа достаточно было найтись одному, кто смог бы одуматься или пожалеть Его (а не себя), и эта капля сочувствия могла остановить торжество человеческого зла. Но этой капли не могло быть в ветхих людях, и Он знал это, и шел возродить эти мертвые души. Он шел умирать за умерших к взаимности, а обстоятельства Его смерти, воздвигнутые людьми – простая историческая декорация, которая не имеет отношения к подлинным причинам Его смерти. Неотвратимость была, но не в неудачном стечении обстоятельств, случайном

* Суть служения в христианской Церкви должна быть подобной. Священник, христианин, совершая службу, должен спрятать себя, свои желания с тем, чтобы вместо них мог действовать Христос. Для спасения Он нужен гибнущим, в том числе, и священнику.

подборе окружающих его недоброкачественных современников, особо преуспевших во зле, нет, неотвратимость была только в Нем, в его желании умереть смертью злодея и этим спасти злодеев от их одиночества в гробах. Смерть Христа – его добровольная жертва, принесенная нам и за нас. Если тебе, злодею, нужна жизнь – бери Мою смерть за тебя и не увидишь смерти вовек.

Мы заняли много времени у читателя, чтобы сообщить простую мысль: своим названием «Казнь» Булгаков подсказывает нам, что Иешуа хотел жить и не хотел умирать. Но у него не было возможности избежать исполнения приговора Пилата. Иисус мог легко, в любой момент, избежать распятия, но Он более хотел дать возрождение жизни убийцам и поэтому приобщался их гнусной смерти, которой Сам не подчинялся. Над Иешуа издевательское предложение сойти с креста, ему, распятому (так как уж если другим хотел помочь, пусть и себе поможет*) – не могло быть произнесено, поскольку он не собирался помогать людям в тех крайних обстоятельствах, приключившихся с ними. Однако соблазн легкого пути имеет власть над ним, и он не только внутренне соблазнился им, но и принял его как руководство к действию, пытаясь избежать казни.

Над Христом это издевательство не властвовало, как и все соблазны сатаны, предложенные Ему: Он помогал и помог тем самым «другим», не жившим, но кто нуждался в жизни. Рядом с Христом, действительно, в полном смысле этого слова, казнили разбойников, а Он только человеческой ложью был причислен к ним. И даже пребывание на кресте Он целиком посвятил спасительной заботе о погибающих злодеях. Семь слов (семь фраз), сказанных Им на кресте, утверждают возрождение жизни в человечестве**. Последнее слово Иисуса Христа является свидетельством того, что Он вернул возможность жить всем: «Свершилось!» Нам остается лишь проследить за тем, как кончался Иешуа, и почему его смерть не была смертью спасителя. Именно этот упрямый факт окончательно подтвердит, что он играет роль самозванца и помощника Воланда...

(Мак. л.)... П е т р П е т р о в и ч . Михал Михалч! Все то, что вы говорите, красноречиво; но где здесь вы нашли подобие? Какое сходство Хлестакова

* Да и без советов посторонних он сам хотел сойти с креста.

** Двойник веры предлагает добрым людям сопереживать мучениям Христа и все их внимание приковывает именно к тяжести мучений Сына Человеческого. Однако главное при распятии – это деятельное извлечение всех покойников из их небытия одиночества. Поэтому на православных крестах Спаситель умиротворен и спокоен. Больше нет ада, и нет его страдающих узников, страдание закончилось, Бог вместе со своими детьми.

с ветренной светской совестью или настоящего ревизора с настоящей совестью? Николай Николаич. Скажите мне поистине: находите вы здесь какое-нибудь сходство?

Николай Николаич. Признаюсь, никакого.

Семен Семенч. И я тоже как ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Федор Федорыч. Сознаюсь вам, Михал Михалч, откровенно, не смотря на то, мысль не дурна и могла бы послужить даже предметом сочиненья художественного; но я не думаю, чтобы автор ее имел в виду.

Николай Николаич (*решительно*). Вздор! Он и в помышленьи этого не имел!

Михал Михалч. Да разве я вам говорю, что автор имел ее в виду? Я вам вперед сказал. Автор не давал мне ключа. Я вам предлагаю свой. Автор, если бы даже и имел эту мысль, то и в таком случае поступил бы дурно, если бы ее обнаружил ясно. Комедия тогда бы сбилась на аллгорию, могла бы из нее выйти какая-нибудь бледная, нравоучительная проповедь*. Нет, его дело было изобразить просто ужас от беспорядков вещественных, не в идеальном городе, а в том, который на земле, — собрать в кучку все, что есть похуже в нашей земле, чтобы его поскорей увидали, и не считали бы этого за то необходимое зло, которое следует допустить и которое так же необходимо среди добра, как тени в картине. Его дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражаться, чтобы кинуло в трепет зрителя, и ужас от беспорядков пронял бы его насквозь всего. Вот, что он должен был сделать, а это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава богу, не дети. Я подумал о том, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал.

Петр Петрович. Михал Михалч! Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоученье все; нравоученье ближайшее, доступное всем, а не то отдаленное, которое может вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожий на прочих человек. Спрашиваю: зачем этого нравоучения никто не вывел, а только одни вы?

Николай Николайч (*поспешно*). Именно! Вот настоящий вопрос! Разрешите-ка прежде это: зачем одни вы это вывели, а не все?

Семен Семенч. Да, Михал Михалч. Зачем одни вы это вывели? Зачем одни вы это вывели?

* Разрядка наша. — Прим. ред.

М и х а л М и х а л ч . Во-первых, почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я, а во-вторых, почему вы считаете его отдаленным? Я думаю, напротив, ближе всего к нам собственная наша душа. Я имел тогда в уме душу свою, думал о себе самом, потому и вывел это нравоученье. Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я. — Но разве всяк из нас приступает к произведению писателя, как пчела к цветку затем, что<б> извлечь из него нужное себе. Нет, мы ищем во всем нравоученья <для> *других*, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать все общество, дорожа заботливо нравственностью других и позабывши о своей. Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой; увидеть недостатки ведь мы любим в других, а не в себе. Как бы то ни было, но взгляните: три тысячи ведь людей пришло в театр. Все знают, что пришли за тем, чтобы посмеяться, и всякой из этих трех тысяч уверен, что придется над другим посмеяться, а не над ним. Малейший намек, что он может быть похож сам на того, над кем посмеялся, может привести его в гнев, и он готов уже в бешенстве повторять: да разве у меня рожа крива?

Се м е н Се м е н ы ч . Михал Михалч, я говорю не в том смысле...

М и х а л М и х а л ч (*прерывая*). Позвольте, Семен Семенч. Вы человек благородный, человек истинно русской в душе, человек, наконец, который глядит уже глазами христианина на жизнь. Зачем вы произносите речи, противные вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачем вы всякой раз позабываете, что предмет комедии и вообще сатиры — не достоинство человека, а презренное в человеке, что чем больше она выставила презренное презренным, чем больше им возмутила и привела от него в содроганье зрителя, тем больше она выполнила свое значение. Зачем вы всякой раз это позабываете и всякой раз хотите сатире навязать предметы, приличные трагедии? Нет, кто хочет нравоученья, тот возьмет его себе. Кто глядит в душу себе, тот из всего возьмет то, что нужно, тот и в этом вещественном городе увидит душевный свой город; тот увидит, что с большей силой следует вооруж<иться> против лице<мерия>. Тот увидит, увидит, что и дело лежит здесь. Нет, оставьте сатиру в покое: она дело свое делает. Дурного не следует щадить, где бы оно ни было. Но если хотите уж поступить христиански, обратите ту же сатиру на самого себя и примените всякую комедию <к себе>, прежде чем замечать отношение ее к целому обществу. Уж ежели действовать по-христиански, так всякое сочиненье, где ни поражается дурное, следует лично обратиться к самому себе, как бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нет порока,

замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих – не в таком объеме, в другом виде, в другом платье, поприличней и поблагообразней, принарядившись, как Хлестаков. Чего не отыщешь, если только заглянешь в свою душу с тем неподкупным ревизором, который встретит нас у дверей гроба. Сами это знаем, а знать не хотим. Кипит душа страстями, говорим всякой день, а гнать не хотим. И бич в руках, данный на то, чтобы гнать их...

(З. У. пр.) ... В романе на всех трех осужденных повешены одинаковые таблички «Разбойник и мятежник». Как ни странно, надписания соответствуют действительной вине осужденных. Дело в том, что для одного из трех имеется в виду не вина перед государством, а его преступление по отношению к вере. Иешуа затеял бунт для устранения Иисуса Христа, и Пилат, не от себя, а как носитель власти свыше, не ведая, что делает, правильно обозначает вину приговоренного. По этим же причинам Евангельский Пилат пишет на табличке подлинную причину смерти Сына Человеческого. Так что на кресте Мессии надпись была тоже честной: «Иисус Христос Царь Иудейский». Он был Царем на небе и стал первым человеком, вошедшим в Царство, сошедшее на землю, и принял возрожденное Царство, правда, пока без подданных. Однако, после Его смерти на кресте желающие быть «гражданами» этого Царства свободно вступали в него. Причина правдивых надписаний у Иешуа и у Иисуса одна, а надписи – разные.

У Иешуа табличка на двух языках, у Христа на трех, включая язык Рима, имперского града, владевшего всеми народами. В этом было свидетельство вселенского значения распятия Христа и причастности к нему всего мира. У Иешуа был один зритель на казни, в распятии Христа все были участниками, наблюдателей не было.

Иешуа арестовали в отсутствии ученика, тем самым на Матвее не было вины в оставлении учителя в беде. Левий старался подать знак арестанту, что не бросил его, поэтому ясно, что он добрый, порядочный, смелый ученик. Не то что у Христа, приблизившего к Себе трусливых слушателей, перепуганных Его арестом вплоть до отречения, до полного оставления Его один на один со смертью.

Ученики Христа не хотели, чтобы Он умер, боялись Его смерти. Левий желает скорейшей смерти Иешуа. Во всем зеркальное отражение!

Христос открывал людям, что Бог – это жизнь, в нем нет никакой смерти (а значит, Он не может ее послать кому-нибудь), что Бог не есть Бог мертвых, а Бог есть Бог живых, и у Него все живы. Ученики выслушали эту

проповедь, но не сразу поняли, что значит жить. Левий, ученик Иешуа, и сам хочет убить, и обращается к Богу с требованием (!) послать смерть Иешуа. Эта пара не служит жизни, это служители смерти, в первую очередь, духовные служители, выставляющие смерть как благо, как избавление от плохой жизни. Тонкая проповедь тьмы.

Христос открывал, что он и Отец едины, и потому все, направленное в Отца, попадет в Него, и наоборот (такое же единство Он утвердил и со Своими учениками). Левий грозил и проклинал Бога, он отрекался от Него, и это прямо говорит о том, что Иешуа не от Отца, Бог ему чужой.

Стоит особо отметить молитву Левия, ведь беседа с Богом и есть молитва. В предыдущем романе Булгакова, «Белая гвардия», тоже приведена молитва одного из персонажей – Елены Васильевны. Про нее сказано, что она была суеверна, то есть вера ее была пустой. У нее были иконы и лампы, она выучила Закон Божий, и знала, что хорошо, а что плохо, но все это было без знакомства с самим Богом, и потому было шаблонно, мертво от бессмысленности, было чем-то вроде дешевого талисмана. В минуты, когда умирал ее брат, вот с этой оскорбительной, фальшивой верой она, заперевшись одна, стала молиться, выпрашивая жизнь Алексею. Но молитва ее была чудовищна, в ней были претензии, обвинения Богу, самооправдание, основанное на некотором чувстве превосходства, и даже был торг с тем, чтобы расплатиться с Богом за предоставленную услугу.

Все гордое, высокомерное, все неприязненное к Небу так и струилось из милых ее уст, из ее отупевшего, безжизненного сердца. Но Небо не отталкивало ее в ее неправде. Оно, понуждая Елену Васильевну говорить новые слова, ждало хоть чего-то живого, на что можно было бы ответить взаимностью, милостью. И промелькнуло одно-два полуживых слова, которые дали возможность Богу помочь и ей, и ее брату.

В своей молитве Левий ушел гораздо дальше. Это – антимолитва, это только вызов, только негодование до остервенения – и это ученик Спасителя! Так не должно разговаривать даже с врагами, а не то что с друзьями. Дерзость и неприязнь – невиданные вдохновляющие силы молитвы Левия – это дух той компании, которая на страницах романа действует в Москве, они одного духа.

В качестве маленькой передышки заметим, что оба романа Булгакова связаны темой религии, точнее, эта тема, начатая в одном романе, развивается в другом. Чего стоит крестный ход, встречающий Петлюру, но еще мощнее крестный ход Бездомного, встречающий визитеров. Тут, может быть, возразят, что крестный ход одичавшего поэта был нацелен на

поймку темной силы, но мы не можем согласиться с этим. В православном крестном ходе порядок действий такой: сначала утверждается Бог, а тьма сама по себе исчезает, безо всяких операций по захвату и нейтрализации. Как всегда, в подмене все наоборот и в порядке действий, и в ее представителях. Если первый из булгаковских крестных ходов воспринимается как трагедия веры и верующего народа в городе веры (где она начала путь на Руси), то второй – уже как пренебрежительная насмешка в чистом виде, издевательство над верой. И тут мир не стоит на месте.

У Христа при распятии был хитон не сшитый, а тканый сверху донизу, и солдаты не смогли разделить его, и о нем метали жребий. С Иешуа, как и с разбойников, сняли грязные тряпки. У Христа все было цело и чисто.

На кресте Иешуа без сознания. Никогда Христос, ни на мгновение, не переставал быть всевидящим, всеслышащим и всепонимающим. На кресте Его жизнь была особенно напряженной, пребывая в глубочайших страданиях за всех грешников. Принимая от них боль, Он имел власть просить у Отца об их спасении. Не только о прощении понятного всем зла, но и о возрождении их бессовестных душ, которые, ослепнув и онемев, не ведают, что творят. Степень этой одичалости и извращения ума, по Его словам, дойдет до того, что, убивая способное к жизни, люди будут думать, что служат Богу.

Способ распятия Иешуа тоже другой, его привязывают к кресту, а Христос был прибит к дереву. Гвозди, разрывая Его тело, оставили израненные руки на кресте, с одной стороны, прервав Его труд на Земле, а с другой – открывая объятия всем злодеям для личной встречи.

Есть еще маленькое отличие смерти Иешуа от смерти Иисуса, но его значение таково, что оно одно могло бы высветить пропасть между Христом и Его тезоименитым антиподом (или между служением Христа и служением подосланного казачка). «Азбука» сообщает, что пастырь добрый полагает свою жизнь за овец (которые удирают от него в страну далече) и запечатлевает это словами Христа: «Потому любит меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее, никто не отнимает ее у меня, но Я Сам отдаю ее ...». Хотя и осужденный, хотя и распятый, Сын Человеческий умер Сам, никто не мог отнять у Него жизнь. Та же «Азбука» рассказывает, что для скорейшей смерти распятым перебивали голени, но у Иисуса не стали перебивать, так как Он, к удивлению римских воинов, умер Сам. Иешуа был убит палачом, поразившим его в сердце, у него отняли жизнь, и это видимый знак того, что он никого не может спасти и, более того, никого не собирався спасать.

Да и можно ли спасти добрых людей? Если бы место Христа было пусто, то поведение и смерть Иешуа могли вызвать сочувствие, высокие переживания, может быть, и симпатию, но в мире, где есть Христос, такое появление такого Иешуа преступно. Это разбой и мятеж, задуманный для похищения чужих овец. В Евангелии, как мы уже говорили, люди, облеченные властью свыше, сами не подозревая о том, изрекали пророчества в отношении Христа. Подобно им и булгаковский Пилат изрекает пророчество в отношении Иешуа: «Преступник! Преступник! Преступник!». Троекратно повторенное прозрение человеком, поставленным свыше, означает его реальную мистическую правду.

Последнее слово Иешуа на кресте мы даже не будем сравнивать со словами Христа. Оно, как последнее слово преступника, является определением того, кто он таков теперь и каково его будущее. В нем у самозванца даже о добрых людях нет ничего, только «игемон...». Булгаков мистически продлил это слово, и конец романа есть осуществление этого слова – путь по лунному лучу неразлучной теперь парочки игемона и Иешуа. Все, на что сгодился этот подневольный бродяга.

Недоверчивые читатели могут смутно помнить, что Иисус был пронзен копьем, да, но после смерти, как раз для того, чтобы убедиться в ее приходе.

Точки над «i» расставлены, теперь с глубоким удовлетворением можно спокойно наблюдать, как залетная шайка будет собирать спелые плоды с посаженных ими деревьев. Теперь вопрос задается не о том, совершают ли они благо, а о том, найдется ли кто-нибудь, кто рассекретит их и не согласится с тем, что они вытворяют.

Глава XX. ЕЩЕ РАЗ ПРО ЭТО

(попутная)

И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый перед Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

Книга сына Давида

Я пришел во имя Отца Моего, и вы не принимаете Меня; если другой придет во имя свое, того вы примите.

Сын Грома

Уходя на время из Ершалаима продолжим наблюдать синхронное движение событий в романе, но теперь уже в Москве.

Для начала признаемся в маленькой неточности, допущенной нами поскольку в романе все-таки встречаются люди, разбирающиеся в грешках и в нехороших силах. Да, некоторые из них были упомянуты как посетители нехорошей квартиры, но использовали свою осведомленность не для того, чтобы исправиться, а для того, чтобы умело, с прибылью манипулировать нечистым материалом. Потому и прослыли умными людьми. И, надо признать, не зря, потому как если они и понесли некоторый ущерб от этих самых грешников (которыми притворялись черти), то, во всяком случае, их малая трезвость ума помогла избежать больших неприятностей, вовремя учуяв их вдохновителей. От великих бед смог улизнуть Максимилиан Андреевич Поплавский, всего лишь на всего сохранив смелость понимать причины разных явлений (по большей части не совсем чистых, а точнее, совсем нечистых). Будьте уверены, при небрежном поведении он пострадал бы по полной программе, подготовленной свитой Воланда.

Были и другие посетители, которые рукой махали усердно, изображая крест, и имя Христа произносили отчетливо, только было это простой привычкой к красному словцу, рабской данью многовековой старине, которая никак не вредила компании черного мага и поэтому совсем не помогла таким записным христианам, как бедный буфетчик...

(Мак. л.)... Се мен Се мен ы ч. Да где ж бич? Какой бич?

М и х а л М и х а л ч. А смех разве не бич? Или, думаете, даром нам дан смех, когда и последний негодяй, которого ничем не проймешь, его боится

даже и тот, кто ничего не боится. Значит, он дан на доброе дело. Скажите: зачем нам дан смех? затем ли, чтобы так, попусту, смеяться? Если он дан нам на то, чтобы поражать им все, позорящее высокую красоту человека, зачем же прежде всего не поразим мы то, что порочит красоту собственной души каждого из нас? Зачем не обратим его во-внутрь самих себя, не изгоняем им наших собственных взяточников? Зачем один намек о том, что вы над собой смеетесь, может привести во гнев?.. Как бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая склонность наша, все-таки хочет сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только под этой личиной пробирается нам в душу, потому что благородна наша природа и не допустит ее к себе в бесстыдной наготе. Но, поверьте, когда выставишь перед самим собой ее на смех и, не пощады ничего, поразишь так, что от стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое, — тогда эта страсть не посмеет остаться в душе нашей и убежит, так что и следа ее не отыщешь.

Семен Семеныч. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя, противу собственного лица?

Петр Петрович. Я думаю только, что это возможно для человека, который почувствовал благородство природы и омерзенье к своим недостаткам.

Михал Михалч. Я думаю только, что если он сверх <того> и русской в душе, тогда ему возможней. Согласитесь: смех у нас есть у всех; свойство какого-то беспощадного сарказма разнеслось у нас даже у простого народа. Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас скорее может быть возможен поворот смеха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мне, что я лгу; уничтожьте, разрушьте убеждение мое, и вместе с тем разрушьте уже и меня, бедного скомороха, который живет этим убеждением, который испробовал на собственном своем теле. Семен Семеныч, разве у меня не такая же русская кровь, как и у вас? Разве я могу почувствовать в мои высшие минуты иное что, как не то же, что способны почувствовать и вы в такие? Разве я не стою теперь перед вами в мою высшую минуту? Служба моя кончилась. Я схожу с театра, на котором служил 20 лет. Вы сами меня увенчали венками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказал. Смотрите же: я плачу. Комической актер, я прежде смешил вас — теперь я плачу. Дайте же мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас; что я

также служил земле своей, что не пустой я был скоморох, но честный чиновник великого божьего государства, и возбудил в вас не тот пустой смех, которым пересмекает человек человека, но смех, родившийся от любви к человеку. Николай Николаич! Федор Федорч! Семен Семеныч и вы все товарищи, с которыми делил я время труда, время наставительных бесед, от которых я многому поучился и с которыми расстанусь теперь. Друзья! публика любила талант мой; но вы любили меня самого! Отнимите, отнимите после меня этот смех, — отнимите у тех, которые обратили его в кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни [дурного]. Говорю вам, — верьте этим словам, которые говорит душа впервые в свою жизнь: он добр, он честен, этот смех. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим. И в ком уж нет духа посмеяться над собственными недостатками своими, лучше тому век не смеяться. Иначе смех обратится в клевету и, как за преступление, даст он за него ответ...

(З. У. пр.)... Хватит о крепостных, пора перейти к наемникам, и, хочешь не хочешь, должны сначала упомянуть мнение авторитетных мозговедов из числа аналитиков булгаковского романа. Одно дело читать роман без подсказок, другое дело — когда тебе заранее нашептали, что в нем описана величайшая любовь. Невольно приходится беседовать не только с писателем, а, в первую очередь, с его популяризаторами. Нам, признаться, кажется, что тема любви (и секса) в романе вообще не поднималась, а были выписаны портреты добровольных помощников Воланда, согласных на сотрудничество с ним за минимальное вознаграждение, даже меньшее, чем у Фауста. За место для случки и за случку с удобным попутчиком без претензий.

Но ведь есть слова, воскликнете вы, слова, в которых автор убеждает нас, что хочет показать читателю настоящую, верную, вечную любовь*. Слова есть**. Но показывают нам совсем не то, что написано на клетке с буйволом, показывают совсем другое, этакое нечто в духе героев произведения мастера.

Думаем, что последним утверждением вызвали недовольство у почтенной публики. Если Церковь и может претендовать на знакомство со смыслом и истиной, вместе с правом совершать для некоторых обряды религиозного культа с целью поддержания нравственности, то руки прочь от

* В этом, почему-то, Михаилу Афанасьевичу верят без малейших сомнений, а в остальном...

** Но ведь нам и настоящих писателей, и настоящих поэтов показали, и много чего еще. Все вроде истинное и настоящее, кроме глупых червонцев.

любовных утех, в них она не только не авторитет, но демагог и реакционер, истребляющий свободу изъяснения высокого чувства. Мы не задаемся целью спорить с всевозможными прозрениями бунтующего разума и бунтующей плоти.

Повторимся, мы приветствуем право людей иметь свое мнение, мы уважаем его, но хотим напомнить мнение и тех, кто доверился Христу. Оно, по крайней мере, пусть и последним, но на равных правах может быть заявлено перед всеми.

Своим ученикам Христос объяснял, что то, что делали Ему, то будут делать и им. В этих словах пророчества несоизмеримо меньше, чем раскрытия законов взаимности, заповедей личных отношений. Не подобие биографий помогает понять поступки разных людей, а наличие тех или иных невидимых сил, движущих ими. То, как человек относится к Христу, определяет меру того, как он будет относиться и к людям (проверьте себя и на себе) на самом деле. Это пересказанное другими словами Его откровение о том, что заповедь любви к Богу подобна заповеди любви к человеку. Это касается и самого Бога: как Сын относится к Отцу, так Сын относится к каждому человеку. Если кто-то способен забыть себя ради Бога, то он обязательно будет способен сделать это ради человека. Если кто-то способен вместо Христа вымыслить кого-нибудь другого (так бывает и в том случае, если мы неправильно расслышали и поняли, перед кем стоим), то с неизбежностью на месте любого собеседника он будет видеть нечто не совпадающее с ним. Камешек, отверженный в одном, будет отвержен в других. Подобное сопутствует и нашему самовыражению, если поступки человека мучают, уродуют Бога, они, даже если мы не хотим, обязательно будут мучить и уродовать повстречавшихся ему людей.

Что касается всеведения Бога, то оно объемлет не только дела, мысли, но и чувства человека, ведь люди – Его дети. Христос знал, какое бывает счастье у супругов. Например, Он говорил о том, что, рожая, женщина терпит скорбь, но, родив, не помнит себя от радости. Природа этой радости лежит не в предпочтении женщиной ребенка чему-либо, а в счастье со своим мужем, от избытка которого они смогли поделиться этим блаженством с еще одним человечком*. Счастье родившей – счастье состоявшейся, настоящей, верной, вечной любви, и

* Мы понимаем, что так у людей не бывает, все проще, объективней, но если кто-то считает, вместе с нами, что подобное рождение детей единственно честное и чистое, то у нас появились братья (сестры).

именно ребенок с древних времен был свидетельством того, что брак вошел в вечность,**.*

Да, уныло скажут любители чтения по инерции, дети – это радость, но люди с самостоятельным мышлением и практической жилкой возразят: дети – обуза. Муки и их рождение еще можно потерпеть, но потом всегда оставаться с неблагодарными объедалами сущее горе. Нам кажется, что критерий, представленный нами, разъяснит возникшие разногласия. Дело в том, что рожают сейчас партнеры, которые не испытывают взаимного счастья, а потому и плод таких отношений противен. Булгаков в своем романе иногда опускает напрашивающиеся выводы и скрывает продолжение естественного развития событий. Такое замалчивание зачастую лучше обличений и раздачи оценок может рассказать о сути происходящего. Не только дурные плоды, но и отсутствие плодов много говорит о древе желаний людей.

Мы постараемся подтвердить свое убеждение в том, что любовь мастера и Маргариты Николаевны была целиком определена теми чувствами, которые они испытывали к Иешуа, насколько это возможно на просторах скоротечного романа.

Обращает на себя внимание восклицание Булгакова при рассказе о советской семье Маргариты Николаевны: «Боги, боги мои!», после чего сразу ждешь «Яду мне, яду!». Да, третий раз громко вызывают к богам и после первых двух немедленно обильно изливался яд для всех жаждущих его. Может быть, нам померещилось только, что Михаил Афанасьевич пытается помочь наивным добрякам не поверить в сладкую ложь воровской любви? Может быть и не так, у тайных супругов все серьезно, но тогда окажется, что нам померещилась и легкая ирония при описании таких трагических и таких сильных отношений.

Она любила его, она говорила правду, так правдивый повествователь клятвенно убеждает нас в подлинности чувств Маргариты Николаевны к мастеру. Думается, она читала «Евгения Онегина» и с высоты своего богатого опыта могла бы дать его главным героям добрый совет: подождать, когда Татьяне наскучит ее прекрасный муж-чурбан, а затем стать любовниками, тем самым еще больше разогреть их взаимные симпатии. Этот совет был хорошо известен еще в древности, но только в веке торжества разума над силами природы он получил и научное обоснование в такой

* Нам кажется необходимым утешить тех, кто желал, но не дождался. «Азбука» утверждает, что желание определяет человека, поэтому время может не успеть исполнить его, но вечность исполнит.

** У некоторых народов имя сына добавлялось к имени отца.

точной дисциплине, как психология. Но не все секреты отношений между любовниками были известны Маргарите Николаевне. В ситуации, в которую ее закинула судьба, ей самой был нужен совет. Действительно, ее пугала неизвестность – кого же она любит: живого или мертвого? Булгаков не оставляет без внимания вопросы своих героев, и в данном случае тем читателям, кто не догадался сразу, он в конце подскажет, что она все время, с самого начала, страстно любила мертвеца. Мертвеца в том смысле, в котором были мертвы Воланд и Иешуа. Не зря ей приходила мысль о том, что она связана с мертвым. Так оно и было.

Теперь можно твердо сказать, что нечто вроде некрофилии у Маргариты Николаевны действительно было, а вот другая любовь, которая была заявлена в начале этой главы – нет. Хорошая, интересная подделка, как говорится, не специалист и не отличит от настоящей. Правдивый рассказчик дал еще один предупреждающий сигнал о фальшивке тем, что сам подтверждал правдивость чувств Маргариты. Даже в советской литературе писатели для подтверждения искренности героев не пользовались специальными авторскими убеждающими отступлениями, а делали это естественно, как и полагается у художников. Трудно представить Толстого, Тургенева или, на худой конец, Пушкина, вдалбливающих нам, что любовь того или другого персонажа – сущая правда. Раньше так было положено у честных людей: они никогда не доказывали правду, захотят – ее поймут. И, напротив, раньше у всякого рода плутов и лукавцев было обязательное правило украшать свои лживые слова уверениями в их подлинности*. Общеизвестные факты, не требующие доказательств. Но если вам все равно хочется выругать нас – пожалуйста.

Можно сюда прибавить вот еще что: приключилась беда, исчез любовник. Маргарита страдает так, что даже у постороннего человека сжимается сердце, но чу, тут в этом горе есть и капля счастья, кусочек удачи – несчастная любовница не успела переговорить с мужем, поэтому можно продолжать жить в особняке на прежнем месте. Присмотритесь, по ее собственному признанию, у нее та же самая ошибка, как и у Левия Матвея, вернувшегося к своему мастеру слишком поздно. Тут мы верим, любовь Левия к Иешуа той же закваски, что и у Маргариты к мастеру. Та и другая – контрафакт...

(Мак. л.)... Сын мой! словам моим внимай, и к речам моим приклони ухо твое; да не отходят они от глаз твоих; храни их внутри сердца твоего: потому что они жизнь для того, кто нашел их, и здравие для всего тела его.

* Поэтому даже ветхие заповеди не советовали клясться.

Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни.

Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя.

Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо пред тобою.

Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды.

Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла.

Сын мой! внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему, чтобы соблюсти рассудительность, и чтобы уста твои сохранили знание. Не внимай лстивой женщине; ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоудоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней.

Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их.

Итак, дети, слушайте меня и не отступайте от слов уст моих.

Держи дальше от нее путь твой и не подходи близко к дверям дома ее, чтобы здоровья твоего не отдать другим и лет твоих мучителю; чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома.

И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело твое будут истощены, — и скажешь: «зачем я ненавидел наставление, и сердце мое пренебрегало обличением, и я не слушал голоса учителей моих, не приклонял уха моего к наставникам моим: едва не впал я во всякое зло среди собрания и общества!»...

(З. У. пр.)... Интересна и исповедь Маргариты Николаевны, в которой, благодаря внутреннему порыву к открытости, она признается, что лгала, обманывала и жила тайной жизнью, скрытой от людей. Она хочет отбросить, наконец, зависимость от мнения окружающих. Замечательный образчик антиисповеди и антисвободы. Страдалица считает себя виноватой в сокрытии личной жизни перед посторонними (тут обнажение сокровенного совершенно неуместно, так же как неуместно любопытство к чужим отношениям; угождать дурному поведению — значит, самому принять дурь в себя) и одновременно не чувствует себя виноватой в подлости по

отношению к мужу и любовнику, иначе давно попросила бы прощения у них, а не у всех прочих. Хорошо известен в наших широтах перевертыш покаяния, в котором угрызения совести обращены к народу и отсутствуют в отношении отдельно взятого пострадавшего лично от тебя человека. «Азбука» утверждает, что попросить прощения у одного несоизмеримо труднее, чем у безликих (посторонних) всех!

Мы не будем подробно читать «Азбуку» по поводу многоугольной ситуации, коснемся ее предельно кратко. Сожительство лишает всех участников личных отношений, оставляя лишь физиологические, так что муж Маргариты мог почувствовать, а мог и не знать, что не только абсолютно одинок, но и опущен на звероподобную ступень. Но ведь хоть что-то было между мастером и Маргаритой, что крепко связало их? Да, было – любовь к Иешуа. Именно Маргарита Николаевна перестает называть по имени своего партнера, и в этом есть свидетельство того, что он для нее прежде всего писатель, автор шедевра, и только потом – любовник. Он без возражений согласен на такие отношения, прежде всего в себе он ценит писательство, только потом обладание сожительницей. В таком выборе ценностей их любовь взаимна. В этом совпадении их мерзостей – залог нужды друг в друге (до поры до времени).

Еще одной общей чертой любви Пилата и Левия к Иешуа, а Маргариты к мастеру, является их мстительность. Все под влиянием любви желают мести тем, кто вредит их взаимоотношениям, причем кое-кто доходит и до дела. Тут в скобках заметим, что Воланд и компания тоже, на радость читающей публике, ловко, с фантазией мстят тем, кто мешает их любимчикам.

Настанет, придет время, когда общество будет убеждено, что настоящая любовь утверждается местью, а еще лучше кровью, чужой и обильной. Но пока, до исполнения тех времен, поспешим удивиться «Азбуке», которая твердит, что истинные отношения полны великодушия и заботы даже к врагам. Более того, они переполнены желанием делиться с каждым, кто, к своему горю, не узнал пока счастья, и вкусившие их, как последние дураки, не могут представить (не то что принести), что в блаженстве личности, есть место для причинения боли кому-либо (тут хотелось бы неотступно убеждать, что мы не врем, не выдумываем, да боимся, что это не поможет, а только больше возмутит).

Все не то. Да, не то, но откуда же берется то, и доступно ли оно всем, или спрос должен быть только с особо одаренных личностей? В это трудно поверить, но в создании подлинных отношений не надо тужиться для

выделения благородных и высоких чувств и стремлений, они должны вырасти сами собой, как растет стебель из зернышка, без надрывного самоусовершенствования и иссушающего самовоспитания. И именно семя определяет, каково будет древо. Выбор семени для человека равнозначен выбору главного и единственного сокровища для своего счастья. Именно иерархия ценностей, позволяющая воспринимать жизнь как благо, есть закваска, которая выстроит дом по твердо установленному плану или, если хотите, по строго определенным правилам (заповедям).

Бог признается людям, что его сокровище – другой, который может стать другом, если взаимно, со своей стороны, выберет Его как свое сокровище. Если свет жизни, который в тебе (красота, ум, доверие, искренность, верность, чудесная инаковость в восприятии мира, не застывающая новизна взаимной непредсказуемости; острое переживание свободы, усиливаемое осознанием того, что она осуществляется не в одиночестве, а в единстве), пришел от ближнего, а не ты выдавил его из себя, то человеческое существо само будет тянуться и припадать к этому свету жизни с благодарностью, как и все вокруг будет освещаться, насыщаясь взаимностью, а не отнимать и присваивать, как когда ты сам себе свет.

На месте этого истинного сокровища, которое нельзя присвоить, перед которым всегда остаются нищим, обычно полагают, подменяя его, либо сокровище из одушевленных (чаще это сам искатель сокровищ, реже – выдуманный кумир), либо из неодушевленных, которые только на первый насытый взгляд могут показаться кладом неисчислимой ценности. При проверке не я ли награда сам себе, необходимо учесть, что другие могут быть нам тоже в какой-то степени дороги, но для выявления главного из них необходимо сопоставить (а это бывает у бессовестных только в критических ситуациях), какому сокровищу мы отдаем предпочтение.

«Азбука» упрямо заявляет, что при двух хорошо (к себе и к другому), но к себе все-таки лучше – другой для нас не просто чужой, он враг нашему благополучию. (Нам, как и вам, соглашаться с этим не хочется.) Среди временных, а потому мертвых сокровищ могут присутствовать не только приятные гнусности, но и общепризнанные ценности. Отечество или глава государства, природа или наука, партия или идея, культура или творческая деятельность, мораль или нравственность, принципы или справедливость – все это достойно уважения, служения, почитания, но если им отдается предпочтение перед одной единственной душой ближнего, то руководить тем, кто сделал такой выбор, будет всеразрушающий дух разделения. Со всеми вытекающими последствиями.

Стань Маргарита главной для мастера, выбери Маргарита главным для себя мастера, испытания, постигшие их, показались бы им приключением, укрепляющим их родство, их счастье. Роман показывает нам их общее горе, но горе это фальшивое, точнее, это реальное эгоистическое страдание двух индивидуалистов.

Если мы правильно поняли Михаила Афанасьевича, мастер и Маргарита – любовники по интересу, без малейшего намека на личные отношения. Они – чужие, объединенные общими целями и взглядами. Пустота, дефилирующая в модных одеждах свободолюбия и индивидуалистического эпатажа. Почет же и уважение у читателей они стяжали не благодаря своим пламенным чувствам в степени безрассудного безумства, а по другой причине, которую мы постараемся прояснить...

(Мак. л.)... Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя.

Пусть не разливаются источники твои по улице, потоки вод – по площадям; пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою.

Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей, любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да уповают тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно.

И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?

Ибо пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его.

Беззаконного уловляют собственные беззакония его, и в узах греха своего он содержится: он умирает без наставления, и от множества безумия своего теряется.

* * *

Сын мой! храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей; навяжи их навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою.

Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда пробудишься, будут беседовать с тобою: ибо заповедь есть светильник, и наставление – свет, и назидательные поучения – путь к жизни, чтобы остерегать тебя от негодной женщины, от лстивого языка чужой.

Не пожелай красоты ее в сердце твоём, да не уловлен будешь очами твоими, и да не увлечет она тебя ресницами своими; потому что из-за

жены блудной обнищают до куска хлеба, а замужняя жена уловляет дорогую душу.

Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?

Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?

То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины.

Не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден; но, будучи пойман, он заплатит всемеро, отдаст все имущество дома своего.

Кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это: побои и позор найдет он, и бесчестие его не изгладится, потому что ревность – ярость мужа*, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров...

* Не для тех, кто хочет понять сам: в случае с Маргаритой – это Воланд. – Прим. З. У.

(3. У. пр.)... Глава XXI. ПРО ИЗБРАННИЦУ (страстная)

Чего еще искала душа моя, и я не нашел? Мужчину одного
из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел.

Книга сына Давида

Охота пуще неволи.

Прозрение рецидивиста

Кому и кобыла невеста.

Результат наблюдения

Приближаются события, которые окончательно сольют два романа о том и этом времени в один нераздельный роман. Эта связь, конечно, прослеживается и в первой части «Мастера и Маргариты», герои влияют друг на друга и прямо, и косвенно, но чем ближе развязка, тем понятнее становится внутренняя конструкция энергетического поля, регулирующего все силовые линии взаимодействия этой книги.

В христианстве есть очень простой признак единства, о котором все время напоминал людям Христос. Тот вместе со Мной, утверждал Он, кто дал проникнуть Моим словам вглубь человека и потом сохраняет Мое слово. Конечно, это слышание не путем приема звукового сигнала на барабанную перепонку и не развитием технической памяти, хранящей все услышанное. Это слышание связано с тем, что один почувствовал присутствие другого, услышал его жизнь, отличную от своей, а затем услышал уже общее дыхание в согласии и нераздельности друг с другом, вдохнул воздух, без которого ты сам не можешь жить.

Родственность, слитность и, одновременно, чудесная непредсказуемость чужих желаний, мыслей, воли. Мало обрадоваться другому и заинтересоваться им, его можно включить в свое неразрывное «я», обитающее в сердце человека.

Голова может болеть, раскалываясь, может отключиться память, но сокровенное «я» глубже этих кожных заболеваний, ему не надо вспоминать, оно ощутительно всегда имеет друга в себе. Хотя им, носителям

зла,* не хочется, но и их другая, темная сила подчиняется тем же законам. Для того чтобы быть вместе с тенью, тоже нужно своей тенью услышать их вибрации, а потом как-то сохранять в памяти. Падшая природа – не сама по себе вина человека, она есть питательная среда, почва, условие для пути, выбранного человеком.

Падшесть проявляется тем, что она намного лучше слышит соблазнительное, чем благое, и несоизмеримо надежней хранит соблазны, чем благо. На деле это проявляется в том, что мы при всех усилиях не можем отбиться от подчинения какой-нибудь пакости, и при всем своем старании не способны на верность при сочетании с добром. Еще сложнее человеку, испробовавшему острого, вкусного яду, захотеть здоровой пресной пищи.

Согласно закону о слышании, Берлиоз, глуховатый к Иешуа, не принимается в компанию иностранца. Едва расслышал и тут же отвлекается на Понтия Пилата, но ищет, ищет призывающего гласа Иешуа, а значит, найдет его беспокойный Бездомный. Первым услышал Иешуа и открыл для населения земли новую весть, а потом пострадал за нее и стал первым мучеником за новую веру чуткий на догадки мастер. Он старался быть истовым в своей проповеди, но устал от глухоты общества, разочаровался и сжег запись услышанного. За это ему полагалось порицание (с временным пребыванием в исправительном учреждении), но с возможностью восстановления в должности слуги. Да, мы считаем, что не последнее свое доброе дело для сатаны совершил мастер, будут еще поручения, в которых он окажется полезным для своих покровителей.

Составлял протекцию перед сатаной всем своим поклонникам Иешуа, но с особой силой он вмешался в судьбу Маргариты Николаевны, которая так безоглядно прониклась к новому откровению. Именно с помощью очаровательного ершалаимского проповедника, угаданного мастером, Азazelло совратил неподступную Маргариту. Именно отрывок текста, в котором была запечатлена его ершалаимская история, надиктованная писателю темным духом, помог завоевать демону ее доверие**.

Это было совращением по существу, в результате которого Маргарита должна была отдаться в обладание сатане. И хотя Азazelло лукаво, прикрываясь стыдливостью, отвергает догадку распутной женщины, отвлекая ее внимание на то, что физического совокупления не будет, но оно и невозможно с духом, на это есть услужливый плотский подмастерье. Однако

* Вероятно, когда удерживающий в конце времен отпустит тьму, она на краткий миг покажет, на что способна без узды.

** Конечно, это комическое перепевание жизни христиан, которые, услышав евангельское слово (любое, прошедшее через их оболочку), соединяются им со Спасителем.

она именно отдаст себя на служение дьяволу, свободно и с желанием, в приятной ему наготе будет постоянно петь хвалебные песни великому Воланду. Она избранница дьявола, а он ее избранник. Ну и, конечно, у темных сил нельзя действовать без прикрытия, поэтому даже служение под видом жены самого сатаны (у него все жены ненадолго, и имя им – блудницы) должно проходить под успокаивающим мотивом заботы о мастере. «Я погибаю из-за любви», – прорекла Маргарита, но «Азбука» говорит, что из-за любви живут вечно. Определенная доля исполнившегося пророчества Булгакова может быть замечена объективным наблюдателем. Сегодня использовать вместо биографии легенду и действовать под прикрытием правдоподобной лжи – негласно одобренная общая практика, не вызывающая нареканий. Особенно отвратительные практики развратного поведения среди граждан внедряются именно под вывеской любви (не важно, к чему и как).

Христиане знают действие преображения, которое постепенно меняет внешность человека после того, как он выберет свой путь в единстве с Христом. Есть аналог преображения и у людей, которые посчитали выгодным свои планы осуществить в контакте с сатаной. Конечно, тут есть свои особенности, например, использование вспомогательных средств и специфических технологий темной силы. Да, преображение в ведьму или вурдалака может протекать естественным образом и без помощи белой и черной магии, без втираний и подтяжек, но так быстрее, а замороженные обожают скорость и внезапность. В соответствии с тайными пожеланиями заказчицы, до времени скрытыми от самой себя, свой путь омоложения и реабилитации внешности прошла и Маргарита Николаевна. Легкость тела, гормоны радости, свобода от предрассудков – ну какая влюбленная женщина не захочет такой прелести! К сожалению, современные технологии пока не дотягивают до этого космического уровня. Кинем беглый взгляд на записку Маргариты своему мужу. Она просит прощения не для того, чтобы отныне быть вместе, а с тем, чтобы ее забыли, оставшись без нее – изумительно заботливое покаянное изуверство, браво ведьме!

Для того чтобы не отстать, тоже привыкая к скорости, стрелой пронесемся мимо непустякового факта. Перед этим вспомним, что «Азбука» говорит о тех, кто соблазняет, как о злодеях в одном (первом) ряду с лицемерами. Разумеется, Маргарита не смогла отказать себе в удовольствии обольстить ученицу. Знала она, что прислуге дороже, чем дружба с хозяевами, сначала вполне осязаемые чулки с флаконом жидкости, ну и потом,

в первую очередь, возможность участвовать в их разврате, обычно усердно скрываемом. Праздничное, феерическое, с подкупающей щедростью охмурение юной души, жаждущей пляски необычных событий. Хорошая работа. Но и награда не мала – страх перед сатаной исчез, как не бывало. Маргарита поняла – он ей безопасен! Не можем отклониться от своей работы по напоминанию «Азбуки», которая, рассказывая о царстве света, тоже обещает исчезновение любого страха у человека, но только при установлении постоянных отношений с Христом. Страх нет ни там, ни здесь, но плоды вновь разные.

Невидима и свободна! Преображение Маргариты идет параллельным курсом с укреплением ее интереса к событиям в Ершалаиме. «Азбука» открывает, что тело, вернувшееся в первозданное состояние, как у воскресшего Христа, станет легким, полетным и прозрачным, потеряв свою плотность, подчиненность гравитации и непроницаемость для света. Внешность скроется и отойдет на второй план перед красками отношений и светом взаимности. Везде, везде зло подражает добру, везде пытается подменить и заменить, удобно и естественно расположившись на чужом месте. Букварь веры помнит человека, который после открытой вражды с Христом вдруг поверил Ему и Его словам, что Он пришел сделать людей свободными. Перед лицом сомневающихся, но ищущих людей этот посланник Христов свидетельствовал о себе, что стал свободным и ему теперь все возможно (дух упразднил диктат плоти и тьмы).

Свобода эта была живая, с глазами, и он добавлял, что, обладая ей, ему не все полезно. Христианство не боялось сказать, что даже уже прощенным грешникам легко делать что-то недостойное, а с простившим их Богом все равно трудно. Бремя Его казалось, по старой привычке, невыносимым, а Его иго, примеренное на себя, неподъемным. Естественным движением плотского человека будет сбросить с себя и освободиться от этого ига и от этого бремени. И тогда можно все. Вот эту свободу приобрела Маргарита, она знала несчастье тех, кто был закабален различными «нельзя» и табу, и сбросила эти оковы. Теперь вовсе нечего терять, поскольку даже оков нет – вольница. Мы настаиваем на том, что не даем своих оценок, только констатируем, что одна свобода абсолютно не совпадает с другой. Свобода собирать и свобода тратить. Свобода жить и свобода пропадать с гибельным восторгом. В этих противоположностях можно заметить нечто смешное. Вернее, смешными кажутся взаимоотношения их последователей. Те абсолютно уверены, что эти – рабы, но и у этих точно такая же категорическая убежденность, что, наоборот, у тех мрачное рабство.

Отметим и переплетения с заявленными нами линиями литературных предшественников: если раньше главные герои наблюдали за шабашами со стороны, то теперь они действующие лица в них. Что сделаешь, опять модернизация..

(Мак. л.)... Храни заповеди мои и живи, и учение мое, как зрачок глаз твоих.

Навяжи их на персты твои, напиши их на скрижали сердца твоего.

Скажи мудрости: «ты сестра моя!» и разум назови родным твоим, чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои.

Вот, однажды смотрел я в окно дома моего, сквозь решетку мою, и увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми неразумного юношу, переходившего площадь близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее, в сумерки в вечер дня, в ночной темноте и во мраке.

И вот – навстречу к нему женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее: то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы.

Она схватила его, целовала его, и с бесстыдным лицом говорила ему: «мирная жертва у меня: сегодня я совершила обеты мои; поэтому и вышла навстречу тебе, чтобы отыскать тебя, и – нашла тебя; коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями египетскими; спальню мою надушила смирною, алоем и корицею; зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью, потому что мужа нет дома: он отправился в дальнюю дорогу; кошелек серебра взял с собою; придет домой ко дню полнолуния».

Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью уст своих овладела им.

Тотчас он пошел за нею, как вол идет на убой, и как пес – на цепь, и как олень – на выстрел, доколе стрела не пронзит печени его; как птичка кидается в силки, и не знает, что они – на погибель ее.

Итак, дети, слушайте меня и внимайте словам уст моих.

Да не уклоняется сердце твое на пути ее, не блуждай по стезям ее, потому что многих повергла она ранеными, и много сильных убиты ею: дом ее – пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти...

(З. У. пр.)... Глава XXII. О ПОДГОТОВКЕ
(разогревающая)

Шито белыми нитками.

Суд присяжных

«<...> Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Ямщик – барину

Если уж заниматься подделками, то кроме самой картины нужно поменять и раму, в которой она выставлялась. Не сомневайтесь, все атрибуты христианской службы, убранства храма и служащих в нем присутствуют и в нехорошей квартире, куда была доставлена Маргарита перед черной мессой мессира.

Может быть, кто-то не знаком со странным свойством храмов, особенно городских, притертых к соседним домам. Иногда они имеют скромный убористый вид, но при попадании внутрь он раскрывается какими-то неожиданными по величине объемами, которых и подозревать было нельзя. Похожее впечатление на Маргариту Николаевну произвело и означенное помещение. Есть и лампы, только освещают они не лик иконы, а физиономию черт знает какого господина в треснувшем монокле. Есть и стол, почти жертвенник, есть и канделябр с семью свечами, почти запрестольный семисвечник, а был еще и стол, почти престол, с чашей почти что потиром. Было и каждение серой и смолой, почти ладаном. По всему было видно, что идет подготовка к черной службе, которую мы уже называли черной мессой. И все эти старания необходимы для того, чтобы

предложить вместо главной службы христиан – литургии – свою анти-литургию, вдруг найдутся те, кому она понравится больше.

Хозяин темной компании как всегда двойственен, он грозно серьезен и легкомысленно притворчив. Разыгрывается на полном серьезе комедия с приготовлением к мероприятию, поэтому Воланду натирают мазью колена – это нужно, как Бегемоту плоток хорошего бензина. Однако ошибаться нельзя, как-то случайно дав обнаружить свое несерьезное отношение к оперетке мессира. Например, надо вовремя поддакнуть и нельзя невзначай посмеяться над длинной грязной заплатанной ночной рубашкой мессира. В этом облачении дьявола можно разглядеть и его презрение к обожающей его публике, и желание научить своих почитателей восхищаться его настоящей обличиной. Но, может быть, тут и иное. Большая власть над собой дана людьми сатане, есть где под небом проявиться его воле, но не все ему пока попущено с Небес. Есть мнение, что Бог шельму метит, предупреждая тех, кто не хочет с ним общих дел. И в данном случае не прихоть Воланда, а принуждение хоть в чем-то быть собой могло заставить его надеть одежду, соответствующую его словам. Так было в признании одного молящегося царя, сравнившего свою правду перед Богом с рваной одеждой. А может, мессир примерил грязные тряпки с плеча Иешуа? Хотя есть вариант, что это Иешуа донашивал рвань с Воланда*.

Мы чувствуем, что наша версия еще потребует немалого количества сличений оригинала и дурных копий с него, но уже сейчас раздражает длинным рядом сопоставлений, для подавляющего большинства читателей представляющимися не то что скучными не то малозначительными, а то даже неспособными без специальных ухищрений толкователя влиять на прояснения смысла романа. Наша точка зрения состоит в том, что многообразие символов, канонов внутреннего и внешнего устройства составляют целое, хранимое откровением Церкви, имеет скрытую таинственную, но реальную действующую силу. Она вольно или невольно проявляет себя при соприкосновении с любым человеком, безотносительно того, в каком состоянии он пребывает и к какой категории верующих он себя относит

* После некоторых колебаний мы решили привести еще один кощунственный смысл одеяния Воланда. Перед совершением главного Таинства Церкви священники облачаются в специальные богослужебные одежды. Есть одна характерная только для литургии деталь облачения – подризник, длинная белая рубашка до пола, похожая и на хитон распинаемого Христа, и на крестильную рубашку христианина, выбеленную прощением грехов. Насмешкой иностранного артиста над этим облачением и служила грязная ночная рубашка на нем. Тут можно уже увидеть стремление сатаны обозначить некоторое родство со Спасителем, как равенство их служб на крови. Поэтому много крови уже пролилось на алтарь подземного мира (который, согласно заповедям тьмы, тоже должен быть похожим на противоположность себе), и на предстоящем празднике преисподней, конечно, она прольется вновь.

(в том числе и к атеистам, и сатанистам). Точно так же все искаженное злой волей и приспособленное для обмана, — символы, каноны, заповеди Церкви иногда едва заметно, иногда до неузнаваемости, также будет воздействовать на любого человека, вступившего в контакт с тьмой. Плоды могут быть такими: нечаянно вкусив подделки при ожидании подлинного (Божьего), человек сморщится и отвернется, а нечаянно вкусив подлинника при пользовании контрафактом, он насторожится и задумается. Стоит распознавать фальшивки, для каких бы целей (значительных или незначительных) они не использовались. К великому сожалению, никто не сможет отменить правила, что неверный в малом неверен и в большом, поэтому малая доза трупного яда будет убивать всегда. Можно сетовать на неподходящие условия, сетовать на собственную дурную детскость, но для желающих быть (бытийствовать) ложь нужно выявлять всегда и везде, при любых неблагоприятных обстоятельствах. Тотальная спешка, глобальная прослушка. Как просто посмеяться над кощунством сатаны, которое до конца не понимаешь: вроде пустячок, но сколько в нем смертельного яда. Попробуйте, разрешите вашим друзьям смеяться, когда дьявол вас выставит на позор. Приятно?

Методики глумления над христианством из тесной компании Воланда, конечно, передаются в широкое пользование населению, отказывающемуся от Христа. Это было во все времена, ведь над верой время не властно, и одна эпоха не сильно отличается от другой, разве что на их поверхность выносит мусор разных сортов. Ко времени написания романа оклады и священные сосуды из драгоценных металлов уже были экспроприированы, и шла компания по замене хоругвий на плакаты, икон на портреты, догматов на лозунги. Но это внедрение сверху (все, что сверху, приживается с трудом), а более существенное разложение православия исходило из самого народа, заменяющего церковный календарь на народный, заповеди на суеверия и приметы, молитвы на матерщину, кресты на амулеты, то есть все, что было усвоено в быту от Церкви на заменители из религиозной пошлости.

Мы упомянули об этом, чтобы попробовать обосновать предположение относительно присутствия верующего человека в Булгакове. В качестве пробного камня представим, что чувствовал Булгаков при виде станции метро недалеко от Патриарших, которая была облицована мрамором, содраным со стен народного храма, воздвигнутого в память погибших воинов в войне с Наполеоном. У него щемило сердце, и он хотел, чтобы наше сердце тоже было живым и болело, глядя на такую воровскую красоту. И болело бы еще сильнее, когда мы видели людей, искренне восхищающихся такой красотой.

Мы уже приступали к обсуждению титула Воланда, которым величали его приближенные. Настало время добавить к нему новые штрихи. Маргарите предложено быть королевой на главной службе сатаны, так кто же король? Не из тех ли, кто появился из камина? Нет, конечно, король – это сам иностранный консультант. Намеки на королевскую кровь, на шестнадцатый век, помогают вспомнить, что и к французским королям обращались «мессир». Воланд претендует на мессианство и верховную власть, как было с Сыном Божиим и Царем не отсюда. В разных империях были различные названия для верховных правителей, где цари, где короли, и для того, чтобы не выглядеть смешно в состязании с Небесными Царем и Царицей, нужен титул не меньше, но лучше с западноевропейским колоритом. Не так уж важно, понимала ли Маргарита кого она пытается сыграть, но ее доверчивость к дьяволу имеет в себе дерзость, возводящую ее в достоинство присвоенного ей титула. Еще одним условием вхождения в родство с дьяволом является подходящая кровь. (Мы знаем, что многие обозначают свое единство, с вдохновением обращаясь к товарищу: мы с тобой одной крови. Киплинг здесь не при чем. «Азбука» утверждает, что всех желающих знать Бога будет объединять дух истины. Все времена этой вере противостояла вера в кровное родство.) Темное царство высшим принципом единства своих подданных из людей утверждает родство на крови и, хотя не одна Маргарита поклонилась этой лжи, но она стала первой в ряду этих поклонников на просторах бывшей царской, а теперь королевской Москвы*.

Ученики из всех областей знаний совершают сходные ошибки. Среди них и люди, пришедшие к вере вместе со своими досадными промахами на своем пути знакомства с ней, а затем и в практических занятиях по претворению ее в деятельную жизнь. Разница, пожалуй, лишь в том, что со стороны они выглядят смешнее, потому что поприще серьезней, да и самим учащимся обиднее, поскольку делу они стараются отдаваться с чистым сердцем. Встречаются, конечно, как и везде, лентяи, но среди новоначальных православных более распространенной является другая крайность – ревность не по разуму. Неофиты пытаются одолеть духовные практики или чрезмерными усилиями, или истовым подражанием запавшим в душу образам подвижников. Даже Христу было трудно объяснить нетерпеливым людям, что та жизнь, которую Он

* Есть вопрос, на который не обязательно отвечать, но для себя мы его разрешили. Как можно назвать Маргариту, сыгравшую первую роль на бале сатаны? Мы считаем, что она теперь жена дьявола. Что касается других его Маргарит, так он многоженец, тут нет противоречий.

принес нам, развивается также последовательно, неторопливо и естественно, как растет, к примеру, лоза. Ветви, листья, и только спустя годы цветы и плоды, годовое кольцо за годовым кольцом; так и знакомство, и совместная жизнь с другом имеет свои сроки и стадии. Для того чтобы не командовать близким, а стараться пойти ему навстречу, приходится сдерживать свой эгоизм, или иначе – отсекал свою волю. Именно с отсечением своей воли бывает большая путаница у новоначальных. У человека внутри пожар, буря или пепелище с развалинами, а он уже прикидывает, как, забыв про свою волю, исполнит чужую на небе, как на земле.

Эта добрая воля, вычитанная в доброй литературе, подскажет, что домашние нехристи требуют постоянной проработки. Служивцы, а в особенности начальство, хотят погубить отечество и тут, из-за нехватности задач, послушник смекнет, что с самоволием проще всего бороться, отдав себя в полное послушание, и начнет энергично действовать в поисках наставника, умеющего на всё на все сто давать руководящие указания. Затем он также быстро поймет, что полное послушание у всем известного ревнителя и подвижника легко решает любую проблему, а потому сразу красота и благодать! И собираются в кучу все проблемы, даже те, до которых обычному человеку трудно додуматься, быть может лишь за исключением проблем самой веры. Тут и разворачивается со всей возможной истовостью полнейшее послушание, «как батюшка сказал», в которое принудительно включается весь окружающий мир. Это проходит, но это бывает со всеми, ведь глупость и лицемерие не сразу освобождают человека от своей безоговорочной власти (они тоже любят послушание и послушников), они хотят помучить и посмеяться над беглецом напоследок, ну и, разумеется, желают доставить удовольствие наблюдающим за ними культурным доброжелателям без комплексов и предрассудков. Если взглянуть ехидным оком, любая учеба изобилует неловкостями и позорными ошибками, и это тоже имел в виду Христос, когда советовал своим последователям дерзать, не бояться учиться, а значит, ошибаться и быть посмешищем у мудрецов человечества...

(Мак. л.)... В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не рассуждениями. Я должен выставить жизнь лицом, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопрос: мог ли бы я без этого большого крюку сделаться

достойным производителем искусства? Мог ли бы я выставить жизнь в ее глубине так, чтобы она пошла в поученье? Как изображать людей, если не узнал прежде, что такое душа человеческая?

Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей, а потом уже принимайся за перо! Иначе будет все невпопад. Что пользы поразить позорного и порочного, выставя его на вид всем, если не ясен в тебе самом идеал ему противоположного прекрасного человека? Как выставлять недостатки и недостойнство человеческое, если не задал самому себе запроса: в чем же достоинство человека? и не дал на это себе сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Как осмеивать исключенья, если еще не узнал хорошо те правила, из которых составляешь на вид исключенья? Это будет значить разрушить старый дом прежде, чем иметь возможность выстроить на место его новый. Но искусство не разрушение. В искусстве таятся семена создания, а не разрушения. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: «Искусство есть примиренье с жизнью». Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокоивающее и примирительное. Во время чтения душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движение негодования противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще не устремляешься на порицание действий другого, но на созерцание самого себя. Если же создание поэта не имеет в себе этого свойства, то оно есть один только благородный горячий порыв, плод временного состояния автора. Оно останется как примечательное явление, но не назовется созданием искусства. Поделом! Искусство есть примиренье с жизнью!

* * *

Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их и в себе самом и загорелся бы желаньем развить и возлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто. Искусство должно выставить нам все дурные наши народные качества и свойства таким образом, чтобы следы их каждый из нас отыскал прежде в себе самом

и подумал бы о том, как прежде с самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и таким образом действуя, искусство исполнит свое назначение и внесет порядок и стройность в общество!

* * *

Под именем добродетельных людей я разумел лучших людей. Тут была с моей стороны неточность выраженья. Намеренье мое было показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основание их характеров главное...

(З. У. пр.)... Пока вне поля нашего зрения остаются смешные для всех похождения Коровьева с Бегемотом, однако человек, знакомый с «Азбукой», найдет в них нечто особенное, усиливающее смех, как найдет причину для него в той пародии послушания и отсечения своей воли, которую виртуозно разыграет королева мессира. Она не уступает своим новым покровителям в искусстве изображать и подражать*. Приходится удивляться точности и широте художественной силы Булгакова, показавшего в своей книжной истории, согласно общей истории человечества, как тьма глумится над всем. Для нее нет главного и второстепенного врага – все, что живо, подлежит издевательствам. Именно присутствие сберегающей от зла осторожности имел в виду Христос, когда просил не делиться своими жизненными сокровищами с публикой, неразделяющей неприкосновенное личное и свободно доступное общественное. Подтверждаем, мы убеждены, что этот принцип «не метать бисер перед свиньями» Булгаков строго соблюдал с юности, доверяя сокровенное только тем, кто сам жил этим законом. Если таких людей не было рядом, то он не делился бисером ни с кем.

Единственной книгой Нового Завета, которую не читают на богослужениях, является Откровение Иоанна Богослова или Апокалипсис. Это связано с тем, что для ее верного понимания нужно находиться в том же духе, как и апостол, когда записывал ее. Мы умышленно, не смотря на многие совпадающие с романом темы, не тревожим ее, но имя, упомянутое на ее страницах, а затем и у Булгакова, тихонечко тронем. Абадонна четыре раза упоминается в Ветхом Завете и один раз в Апокалипсисе. Это демон преисподней, области, которая находится на самом дне ада, демон смерти, поглощающей все, что встретит

* Христиане должны признать, что у Маргариты получилось не только похоже, но и смешно.

на своем пути, он ненасытен, он хочет проглотить все, его дыхание несет только гибель вместе с исчезновением, распадом в ничто. Он страж врат ада, желающих поглотить не только потерявшихся овец, но и всю Церковь.

Вот кем интересуется Маргарита и, хотя слегка трепещет, но не умирает от страха. Захотеть заглянуть в глаза – значит захотеть сочетать себя с тем, на кого смотришь. Мы говорили уже о том, что смотреть значит не только видеть, но и рассказывать о себе. Маргарита Николаевна пожелала заглянуть в зеницы преисподней, и это желание не могло не понравиться тьме: таких целеустремленных поклонников у нее было не так уж много за время существования человеческой цивилизации. Притяжение Маргариты к губителю вполне пророчески исполнилось в массовой культуре новейшего времени. Современных людей поголовно тянет созерцать кровавые ужасы с покадровой фиксацией смерти, трепанирующей внутренности до состояния своеобразного натюрморта из рассеченных органов. Во времена Булгакова уже появились предтечи этой эпидемии, которые натуралистически выписывали нравы воюющих христиан на первой мировой и гражданской войнах. И тут Воланд, замечательно по технике исполнения, демонстрирует образчик полуправды, в одну из половинок которой хорошо бы поверить всем. Об Абадоне он говорит как о беспристрастном и равно сочувствующем помощнике обеих враждующих сторон, которые Маргарита разглядела на живом глобусе. Конечно, он пристрастен до озверения и нечувствителен до окаменения, но во вражде действительно нет и не может быть доброй и злой стороны – они обе его послушные гладиаторы. И еще раз: крутящийся земной шар на голубом экране и потоки крови, и разметанные части тел, нож рядом с сонной артерией – это не только из романа, теперь это наша нынешняя действительность.

Утекают часы и минутки пятницы, Иешуа казнен, Иисус Христос предал дух Отцу и, обернутый в плащаницу, положен во гроб, в пещеру. Его дети этот день всегда проводят без Его Тела и Крови, и, конечно, это напоминание верным о том, как может быть одиноко в мире без Христа. В свою очередь, и князь тьмы по-своему спешит использовать это время. Как ему кажется – это день его торжества, хотя он – день гибели его царства. Своеобразный перевертыш пира во время чумы.

Глава XXIII

<...> кому мало прощается, тот мало любит.

Евангелие от Луки

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их? куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Пушкин

Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово
Мое, тот не увидит смерти вовек.

Иоанн 8.51

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Иоанн 1.5

Уже слышали мы зажигательный фокстрот «Аллилуйя»! Пели «Аллилуйю» на ночной трапезе двенадцати сподвижников Берлиоза, пели у профессора Кузьмина, в кабинете которого пошалил воробушек, но громче всех грянула эта «Аллилуйя» на бале сатаны. Конечно, этот припев взят из церковной службы, на которой возносится хвала Богу, и чудится тьме, что теперь ее пляски означают Его бесчестие. Фокстрот «Аллилуйя» несет в себе еще одну скрытую усмешку Воланда над православными. В ежедневной богослужебной практике Церкви пение или чтение трехкратной Аллилуйи завершает чтение отрывков («зачал» по-церковному) из Нового Завета. Кроме того, чаще, чем на других, «Аллилуйя» используется на службах поминовения усопших. Этот намек Булгакова при помощи фокстрота призван открыть глаза на то, что веселье во время его исполнения с особенной силой охватывает покойников (совершенно аналогично церковной службе), только они здесь как бы под видом живых.

Еще одна особенность в чтении и пении «Аллилуйи» проявляется во время Великого Поста и Страстной Седмицы, когда ею заменяются обычные

(в течении всего года) будничные и праздничные запевы на вечерних службах. Это второй намек Булгакова на смех тьмы над христианами, в свою очередь потешающимися под музыку джаза над страданиями Спасителя. Разве не новое духовное служение описано Михаилом Афанасьевичем? (Многие будут оправдываться тем, что подпевали и подтанцовывали силам зла несознательно, не понимая, что творят, но ведь и в храмах многие стоят на службах, не понимая, что на них поют и читают, и все-таки остаются их соучастниками.)

На первый взгляд гости ночного праздника так мерзки вместе со своим послужным списком, что тут нет места зависти для приличных граждан к их положению, даже с учетом веселой вечеринки, хотя в ней нет ничего оригинального. Вдобавок, хорошие люди могут почувствовать некоторое облегчение оттого, что всем известных негодяев не подпускают к праведникам, пусть и усопшим. Но нет. Мы можем расстроить любителей добрых порядков, но к Христу приходят не лучшие люди, а те, у которых начала просыпаться совесть, свидетельствующая, что их дела были хуже, злее, подлее, чем у этих*. Разница между грешниками состоит в том, что одним хочется остаться такими, как есть, а другим – худшим, погибающим в своем зле, – хочется вернуть себе человеческий облик. Разница для них и в принимающих – одних до поры до времени приветствует черная королева, посвятив себя сатане, а других встречает сам Христос.

Советы гостям черная королева подает настолько хорошие, что ими пользуются в обществе и сегодня. Например, одной мрачной натуре она советует напиться пьяной и забыться – помогает многим не только во время праздников, а потому можно приступить к главной части бала.

Над нами продолжает довлеть вопрос о том, хочет ли Воланд чего-то своего, индивидуального, есть ли свое фирменное желание, способен ли он родить хоть что-нибудь сам, или совсем, совсем ничего, только паясничать и измываться над тем, что у других. Его бал, его бенефис, такой шикарный, такой фонтанирующий. Он лучший из всех самых блестящих и неординарных, во всем желает у самых разборчивых и взыскательных ценителей вызвать зависть, всем искушенным и выдавшим виды предлагает зрелища, возогревающие глубочайшее почтение перед его всемогуществом, но все это великолепие пропитано предчувствием пустоты. Пшик, дешевый эффект, помпезная, раздутая и безвкусная подделка. Удивляет то, что критики

* Каждый христианин, участвующий в Литургии, стараясь не лукавить, провозглашает себя худшими из грешников (значит хуже участников бала).

ругают за это Михаила Афанасьевича, а не Воланда, но может, им виднее, и еще больше брызг шампанского и бриллиантов можно было добавить. А может, на этом балу эстетам не хватило глубокомысленных дискуссий или лучших представителей избранных меньшинств?

Пришло время убедиться, что сатана противостоит не только мелочам жизни, но и самим основам, фундаменту, краеугольному камню, на котором воздвигнуто единство человека с Христом. Тьма посягает не только на малое, хотя и оно сулит в перспективе многое, но и на самое великое. Видно не даром с давних пор известно, что смерть крепка, как любовь.

Христианство обладает таинством, дарованным Иисусом Христом на Тайной Вечери. В нем люди имеют не только духовное и мысленное единство с Ним, но и осязаемое, физическое. Как при земной жизни Христа, в Нем можно было увидеть и Сына Божьего, и Сына Человеческого, так и после Его вознесения, которое знаменовало Его вход в Небесное Царство с человеческим телом, Он продолжает оставаться одновременно и на земле. Как и положено Богу, быть везде. Собственно, Христом восстановлено пребывание Бога здесь, как было до того, как человек отказался от Него, от общей жизни с Ним. Теперь Бог есть везде, где Ему рады. Новое в этом пребывании то, что Его можно осязать и чувствами (в том числе зрением, до вочеловечения Христа это было невозможно). На ежедневной (кроме Великой Пятницы) Тайной Вечери, в дополнение к первым ученикам Христа в Сионской горнице, Его ученики из нашего времени приходят принять из Его рук (Он-раздающий) Его тело (Он-раздаваемый), которое Он преломляет для них (то есть умирает за каждого, кто примет Его Частицу), и Его Кровь, изливаемую за многих во оставление грехов и в поправление их смерти.

Вкушая своего Бога, они оказываются вместе с ним в завтрашнем дне уже наступившей Вечности, и сами узнают, как бывает там, где все свершилось, и нет уже места для печали об утратах, которых попросту нет. Где все способное к жизни живо, и все способное быть — прекрасно. Человек ощущает эту жизнь родиной, а ту, в которую приходится вернуться — чужбиной, отныне он здесь на земле странник, а не свой. Тут стоит остановиться, для того чтобы не оторваться от реальностей нынешнего быстротекущего дня, который еще переполнен страданиями и разлуками. Один русский монах объяснял своему другу, как это можно видеть вместе, и советовал держать ум во аде, душу горе и не отчаиваться. Непросто увидев рай, не отречься от труда по возвращению

в него всех, кто в нем нуждается. Теперь можно понять слова очевидца этих двух миров, в которых он признался, что его пребывание на земле с Христом, который всех милует и спасает – благо, но смерть, которая введет его в вечные немерцающие отношения с Богом и со всеми, еще богаче и является приобретением, которого здесь нет. Первые христиане ждали не катастрофы грешной земли, они ждали наступления Царства везде, Царства, при котором во всем и во всех зло будет преодолено и предано забвению.

Полуночный бал катится к своей кульминации и становится заметным то, что в главной части пышной церемонии Воланд старается на свой вкус, переиначив, скопировать дары Христа своему погибающему народу. Его вход в Иерусалим продолжает совершаться в наши дни на каждой литургии и называется Великим Входом. Во время него священнослужители, как ослики, переносят на престол Дискос и Чашу, на котором освящаются, а потом возлежат Святые Дары, то есть Он сам. Нечто похожее устраивает и Воланд, когда со своими приближенными торжественно, опираясь на шпагу, как на посох, подходит к месту совершения черной мессы. Похоже, но не то, и Булгаков метко называет эту процессию великим выходом. Направления определены однозначно и точно. Неужели и сейчас можно поставить под сомнение незримое присутствие Христа в событиях романа? Нет, не с Иешуа, у которого нет ничего своего, а заодно не было и входа в Ершалаим, бьется Воланд, только один смертельный враг у него – Иисус...

(Мак. л.)... «Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить попустому». Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться – вот происхождение «Ревизора»! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка. Представлень «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшего своего дела. Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего, и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал

порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, — а способность творить все не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть «Мертвых душ», как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состояния, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над душой человеческой. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем, который один из всех, доселе бывших на земле, показал в себе полное познание души человеческой; божественность которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не слеп, а просто глуп. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет. И, может быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вослед за твоей, примолввши: «Оба писателя правильно писали, хотя и не похожи друг на друга»...

(З. У. пр.)... Компенсировать еще один недостаток у себя — отсутствие плоти — Воланд вынужден привлечением в службу в качестве расходного материала ревностных помощников. Не верьте сарказму старого интригана, получающего отрезанную голову Берлиоза, просто он умеет беседовать, либо насмехаясь, либо запугивая, а на самом деле он благодарит голову (мы в таких вещах не ошибаемся!) за проделанную работу и награждает

(именно так!) Михаила Александровича участием его черепа в черном пире. Развивая мысль Азazelло о том, что многие женщины хотели бы оказаться на месте Маргариты, можно сказать, что близкие друзья Берлиоза хотели бы оказаться на его почетном месте во время праздника тьмы и доставить радость Воланду.

Во время главной части представления черный маг не отказывает себе в удовольствии несколько раз соврать. Лжет он, когда говорит, что есть теория, согласно которой каждому будет дано по его вере. Слова Христа не являются теорией среди прочих теорий. Его слова есть истина – вечно действующая заповедь, закон жизни, который без всяких исключений определяет жизнь каждого. Имея в виду фактор времени, можно сказать, что вера есть семя, урожай которого мы постоянно вынуждены собирать, и иногда называют эту жатву приобретением жизненного опыта, правдивость которого проверяется кризисами (личной жизни). Еще одно правдивое утверждение Воланда поставлено практикой современной общественной жизни под сомнение: факт уже не является самой упрямой вещью в мире, поскольку при наличии элементарной ловкости допускает толкования, которые не только противоположны по выводам, но и несовпадающи по причинному кругу сил, приводящих к данному факту. Возглас мессира «Да сбудется это», как мы уже объясняли, фальшив, поскольку вера Берлиоза (как и каждого человека) начинала сбываться немедленно вслед за ее решительным принятием в сердце (или в уме, если у человека нет души), а уже плоды этого процесса иногда выплывают на поверхность жизни через значительный вегетативный срок. И в небытие уходят не по приказу всемогущего владыки (например, в наказание за провинность), а исключительно по вольному выбору того, кто сам отказывается от бытия. И тост Воланда о бытии тоже фальшив, поскольку желание бытия означает, что есть желание быть единым с Тем, кто является этим Бытием. Более откровенный тост с его стороны мог звучать так: «Выпьем с радостью за того, кто вместо бытия». (Вероятно, можно было пить и за временное бытие.)

Может, он и хотел предложить это Берлиозу, но откровения правды ему недоступны.

Мы выдвинем неочевидное предположение, что самым обидным в этой полуночной церемонии для председателя Массолита было то, что его череп подменил чашу, которая на службе христиан в самой таинственной ее части являет собой самого Христа, которого он так убедительно отрицал. Подменять того, кого считаешь несуществующим, очень даже неприятно и унижительно, но тут можно пенять, действительно, только на себя.

В результате Воланд для совершения своей мессы использует тело, правда, не свое и не безупречное, а запятнанное глупыми ошибками.

Можно было бы подумать, что наказывают и барона Майгеля (у Воланда должна быть ностальгия по титулу барона, так как в бытность свою Мефистофелем он прикидывался бароном) и коварно убивают его. Нет, и ему повышение – награда, ведь будут пить не чью-нибудь, а его кровь, да такие замечательные королевские персоны. Прегрешение, по всей видимости, перед Воландом у него было, но не в том, что он занимался нехорошими делами, а в том, что о его секретной деятельности стало всем известно. Не приветствуется в определенных кругах известность, здесь в почете интим! У Воланда нет и крови, но его кровные друзья подойдут для мелкой подмены и в этом. Выпитая кровь одела в парадный наряд мессира, а глоток, сделанный Маргаритой, сделал ее соучастницей тайны беззакония. Подражая Христу, Воланд тоже пролил кровь для своей службы, только не свою, и за ошибки (только для пущего эффекта в демонстрации своей справедливости), а не для прощения ошибок (грехов), как у христиан.

Вообще придуманная Воландом сцена с чашей является очень подробной карикатурой на христианскую службу и в малом, и в большом. Самая важная часть православного богослужения, на которой возносятся молитвы благодарения Богу Отцу о сошествии к грешникам Его Сына и дарования Им Его Тела и Крови во оставление грехов, по сравнению с протяженностью всей службы, чрезвычайно краткая и лаконичная. На бале Воланда подготовительная часть к главному действию тоже очень длительна и утомительна, а развязка танцулек на гробах очень краткая. У христиан Господь отдает Свою Кровь всем погибающим, ее принимают все должники (не только бандиты, но и лентяи, которые не принесли того богатства жизни, на которое были способны) и становятся причастниками с источником блаженства жизни не имеющей конца. Таким образом, они соединяются с бытием, с вечностью, отличающимся от временного существования тем, что оно – всегда, и у него есть имя – Иисус Христос.

У Воланда все наоборот, он сам принимает силы от грешников, преображаясь при поглощении их крови, он один со своей королевой пьет их кровь, остальным не достается ничего. (На деле у них уже все выпито им до этого, как выпито у Майгеля, который, как ни в чем ни бывало, может появиться в компании Берлиоза на следующем балу сатаны.) Что же еще? Имеющие глаза – смотрите. Мессир со своей гражданской женой и бывшей любовницей мастера выпивают чашу крови, и все доноры

немедленно рассыпаются в прах. Зеркальное отражение того, как обещавшие восстают из праха, приняв чашу от Царя всех живых. Ключевые обстоятельства отношений сатаны со своими жертвами зеркально совпадают в сцене бала с христианскими воззрениями (вернее, следуют им). «Азбука» считает, что если в вере мыслить символически (то есть при помощи знаков, которые намекают или изображают определенные явления), то используя этот принцип, наполненный пустотой небытия (воспоминания именно подчеркивают, что сейчас этого объекта воспоминания нет, так как присутствующее и действующее вспоминать не надо), дьявол имеет возможность править свой бал.

И здесь мы видим тот же метод подмены, на первой стадии которой истинное, оставленное без внутреннего содержания, затем наполняется привлекательной ложью, приправленной под реальность. Дизайнеры и мастера пиара любую мерзость умеют сделать обворожительной и притягательной для рассеянных граждан. Нам же представляется, что Булгаков не только знал их хитрости, но был более умелым, чем они, и сам за великолепием темного действия ни на секунду не терял к нему отношения как к пиру распоясавшейся чумы.

И тут опять, скрепя сердце, укажем на бедствие в церковной жизни, которое дало повод и возможность Воланду поглумиться над верой. Двойник Церкви (который особенно любит прятаться в самой Церкви) в последние столетия изобрел и подsunул ложную, но вдохновляющую хороших людей мысль, что для честной веры и честного участия в Таинствах христианин должен быть готов на жертвы ради веры, жертвы ради отечества и жертвы ради ни в чем не повинных людей. То есть на верующем должен быть знак качества, если он желает соединиться с Богом. Именно это убеждение добрых христиан и использовал мессир на своей мессе, когда потребовалось найти кровь жертвы для нее.

Барон Майгель жертвует собой ради общего блага ночного собрания. Уже есть общее устойчивое убеждение, что среди людей могут найтись маленькие спасители, готовые идти на Голгофу ради победы добра над злом. Но единственной истинной, окончательной первой и последней жертвой была смерть Иисуса Христа за всех злодеев мира. Его жертва абсолютно достаточна, она есть уже окончательная победа над всем мировым злом и не нуждается в новых жертвах добрых людей. Христос умер за то, чтобы мертвецы ожили и стали людьми, и не требуется (да и невозможна) жертва кого-либо за Христа. Те герои веры, которые, в подражание Христу, думают, что идут на Голгофу положить свою душу за воцарение света, горько ошибаются. И дело не только в том, что каждый из этих супердобряков сам нуждается в смерти Христа за него, и смерть Христа вызвана, в том числе, и его поступками, но самое страшное вызвано той подменой, которую они несут себе и другим слепцам.

Признание их подвига служит началом появления очередного антихриста. Они подменяют собой Христа, и подменили уже Его в сознании многих православных. Так что в случившемся с бароном Майгелем есть вина христиан, верящих в добрых людей. Как всегда, большое (лукавое) воображение порождает крайности, умело используемые в практике тьмы, которые, казалось бы, наглядно демонстрируют противоположности человеческого добра и человеческого зла, оказываясь при этом единым делом сатаны. Для того чтобы как-то смягчить возмущение доброжелателей, напомним, что мы говорим о Царстве Божием, а не о царстве кесаря, в котором добро и зло совсем другие, относительные и временные.

У Булгакова очень тонкий слух на интонации речи. В противоположность приглашению Христа в Чаше, чтобы пили из нее все желающие вернуться из тьмы смерти, в котором соединились боль, причиненная Ему нами до пролития Его крови, и радость оттого, что Он может принести спасение предавшим Его друзьям, а также трепетное, настойчивое ожидание тех, кто пожелает Его дара и примет Его, Михаил Афанасьевич предлагает увидеть, наконец, ту тираническую волю, на которую только способна тьма, когда дьявол приказывает очередной королевствующей блуднице: «Пей!».

Тут и негласный запрет пить всем прочим присутствующим, ведь не им сказано «пей»; тут и требование беспрекословного подчинения, а значит, перестать быть собой; тут провозглашение власти, убивающей возможность взаимности. «Пейте» и «пей». Как похожи, а по истине в них нет ничего, что объединило бы их. Одно против другого. И борьба между ними в тех (нам кажется, что в каждом), кому неотвратимо предстоит сделать выбор, чему сказать «да», а чему «нет». К ужасу людей, третьего не дано. Молчание – тоже согласие на пустоту. Не забудем в очередной раз сказать, что свое мнение мы не навязываем, думайте, что хотите...

(Мак. л.) ...

Бассанио

Так внешний вид от сущности далек:
Мир обмануть не трудно украшеньем;
В судах нет грязных, низких тяжб, в которых
Нельзя бы было голосом приятным
Прикрыть дурную видимость. В религии –
Нет ереси, чтоб чей-то ум серьезный
Не принял, текстами не подтвердил,
Прикрыв нелепость пышным украшеньем.

Нет явного порока, что б не принял
Личину добродетели наружно.
А сколько трусов, чьи сердца неверны,
Как лестница песчаная, имеют
На подбородках бороды такие,
Как Геркулес или суровый Марс, –
А вскрой их печень – молока белей,
Но на лице знак мужества являют,
Чтоб страх вселять. На красоту взгляните –
И ту теперь на вес купить возможно;
И часто мы в природе видим чудо,
Что легче те, на ком надето больше.

* * *

Антонио

Послушай, добрый Шейлок...

Шейлок

Мой вексель! Против векселя ни слова!
Я клятву дал, что получу сполна.
Ты звал меня собакой без причины.
Собака я! Страшись моих клыков!

* * *

Мой вексель! Ничего не стану слушать.
Плати по векселю; ни слова больше.
Я не из тех глупцов, унылых, слабых,
Что, охая и головой качая,
На просьбы христиан идут. Довольно!
Не слушаю. По векселю плати!

* * *

Бассанио

Да можно ль всех убить, кого не любишь?

Шейлок

А можно ль ненавидеть тех, кого
Убить не хочешь? ...

(З. У. пр.) ... У нас нет веских доказательств, но если предположить, что у романа Булгакова есть логика и есть цель с ее помощью противопоставить факты и факторы деятельности тьмы заповедям жизни Света, то разные степени приближения людей на пути к Христу можно обнаружить, своеобразно переименованными, в ситуации, когда люди шаг за шагом стремятся в лапы к дьяволу. Начальный вид пути христианина выглядит как старание прекратить работу по разрушению изнутри в себе и вокруг вместе с принятием милости за свои бесчинства. Отказ от любимого греха – вот их жертва, а благодарность за прощение – их посильное служение благодетелю на две лепты.

Следующая часть пути сопровождается попытками понять волю Христа и посильной помощи Ему в поиске подобных им прежним, пропадающих в стране, на которой лежит тень смерти. Их дело состоит в рассказе гибнущим, что им сотворил Господь, как вернул единство с Ним и жизнь в Чаше с Его Кровью.

После бала в полночи можно выделить две категории подручных Воланда. (Соратники третьей категории используются как питательная среда и подручный материал). Помощники второй категории участвуют на правах послушников, выполняющих подсобную работу. Мы знаем, что существует высшая категория, с более высоким посвящением в тайну беззакония, когда градус мастерства члена царства тьмы дает право на инициативу наравне с мессиром. Честь быть второй категорией в романе досталась мастеру и Маргарите. По своему значению для темного мира они вполне могут быть удостоены звания апостолов преисподней, а их совместная деятельность с великим Воландом – как деяния апостолов ада. Как раз в подмену христианского первоисточника. (К первой категории в романе принадлежит антихрист Иешуа, к высшей – сами понимаете...)

По нашему мнению, получила свое развитие на бале и другое дело, почерпнутое из сна Никанора Ивановича. Опять проявил себя двойник Церкви, который вслед за требованием сдавать валюту начинает требовать большего – приступай к чаше, пей! Пусть нас простят искренние, но ранимые люди с уважением принимающие вообще все, что происходит в Церкви. В ней уже довольно давно существует практика, с которой, уже привыкнув, смирились, хотя она должна вызывать гнев, подобный гневу Христа, изгнавшего из храма тех, кто приспособил веру с ее милосердной сердцевиной к укреплению своего благосостояния.

Новый соблазн более тонкий и потому более опасный. Дело тут не в тех, кто торгует утварью и литературой, а в тех, кто использует Церковь не для возрождения личных отношений с Богом и людьми, а для удовлетворения своих «духовных запросов» – обогащения высокими переживаниями и познаниями, а также легком приобретении бесценного человеческого доверия. Нельзя равнодушно терпеть принуждение к принятию таинства.

Только в свободе возможно проявление любви. Указание «Вам надо причаститься» (в романе оно звучит как «Пей!»), с одной стороны, похищает у человека возможность проявить свою волю, а без свободной воли не может быть подлинных отношений, а с другой стороны, глумится над даром Христа, ищущего единства, а не подчинения. Он нас не заставлял, Он, Бог, но нас просил! Получается, что тот, кто принуждает силой к взаимности, желает командовать не только человеком, стоящим перед ним, но и Христом. Вновь дает себя знать старое желание быть святее Бога (или папы Римского). Бог же и Его подлинная Церковь терпеливо ждут, когда блудный сын сам захочет вернуться в Отчий дом*.

Для завершения отчета по праздничному мероприятию в пятидесятой квартире еще раз вернемся ко времени его проведения. Казалось бы, суббота подходящий для черной мессы день, так как в это время тело Иисуса Христа было во гробе. Но «Азбука» утверждает, что в день покоя, в Великую Субботу, Христос, отдавший тело на погребение, получил возможность Своей душой спуститься в ад и наполнить его Собой. Место, где мог устроить свое царство дьявол, именно в субботу оказалось занятым Богом. Поэтому места и времени для проведения самостоятельного представления у Воланда не было и пришлось прибегнуть к магическим фокусам со временем и пространством.

Сведения, предоставленные «Азбукой», указывают еще на одну ложь, припрятанную среди аттракционов сатанинского балагана. Кажется очевидным, что все истлевшие гости бала осуждены уже на вечные мучения и с ними можно увидеться, только если примкнуть к путешествию Вергилия и Данте среди мрачных кругов. Но эта очевидность обманчива. Все временно ожившие покойники не являются собственностью сатаны, они прощены Христом и освобождены от его власти**. Им предложено спасение и их последнее слово будет на Страшном Суде. В их воле принять милость и пребывать в вечности с Богом и всеми Его детьми или отвергнуть милость и остаться в вечном одиночестве, вечно сознавая, что была другая возможность.

В их будущем (после судебном) состоянии заметна двойственность. С одной стороны, им будет мучительно больно терпеть присутствие отвра-

* Доброхоты могут возмутиться тем, что, действуя так, можно не дожидаться возвращающихся. Можно, в этом горе всех ожидающих, про которое Иисус на кресте говорил: «Жажду». Не утоления недостатка воды в организме ожидал Он, а хотел увидеть детей, которым бы стала нужна Его жертва. Но если вернется в свободу хотя бы один, это будет высшим торжеством истинного возвращения к жизни. Это стоит того, чтобы никого не загонять, пусть даже и мягкой, но силой.

** Понимаем, что вызываем гнев и обиду у добрых людей.

тительных других, а с другой стороны, им мучительно больно ощущать в себе погребенные таланты, это и есть тот червь, который будет грызть их не переставая. В мрачном бале, на наш взгляд, есть место и лучику света, и исходит он из очень неожиданного места. А находится оно в отрезанной голове Берлиоза. Он очень старался бороться с Христом и преуспел во вражде с Ним и почти весь стал Ему чужим. Но глаза Берлиоза, полные страдания перед насмехающимся Воландом, дают надежду на его спасение. Искра жизни не согласная со смертью может позволить Христу вырвать Михаила Александровича у смерти. Только бы это крошечное страдание о свете было не призрачным, а настоящим.

Не можем удержаться, чтобы не вставить свое мнение. Думаем, что Берлиоз будет спасен*. Во всяком случае, как мы говорили, ему предложено помилование, как и всем приглашенным, и, по нашему убеждению, он откликнулся на него и, как следствие, перестал радоваться поруганию Христа.

Итак, главное действо сатаны совершено, плюс к тому в Москве появились активные сторонники иностранных пришельцев. Теперь необходимо закрепить достигнутые результаты и успеть смыться, поскольку следующий за субботой день грозит погубить не только достигнутые результаты, но и саму компанию.

* Нам представляется, что и Булгаков тоже не отрицал этой возможности.

Глава XXIV. ПОСЛЕ БАЛА

(разгрузочная)

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.
Итак, – хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье –
Быть может... полное Чумы!

Председатель

Исполнители в ударе, пародия продолжается, но градус ее пафоса начинает снижаться. «Азбука» помнит историю православных приходов, а в ней записано, что после трапезы с Христом, на праздничной службе в доме причта, бывает общее застолье, во время которого люди после проведенного поста (а причастие в храме всегда предваряется постом) разговляются, вкушая дары земли. Компания Воланда не только передразнивает, но и радуется тому, что двойник Церкви подстрекает христиан к излишествам, которые очень часто доходят до безобразий. Несколько стаканов спирта, пусть и для королевы – все-таки очень злая карикатура на недостатки двойника. В романе визитеры не только после бала принимают совместное участие в принятии пищи вместе с избранными москвичами. Вообще-то демоны не нуждаются ни в еде, ни в питии, поэтому, видимо, никогда не едят и не пьют. Конечно, и Воланд с компанией не нарушал этого правила («Азбука» шутит, что черти самые хорошие постники), а все их питание на людях чисто представление для увеселения честной публики. Никакого поглощения полезных веществ в их организме не было и не могло быть, а, в отличие от них, Маргарита Николаевна, испившая чашу из лап сатаны, унаследовала силы, собранные непосильным трудом Берлиоза и Барона Майгеля, так что теперь их дело в ее крови.

Приятно видеть, что Маргарита освоилась и приобрела некоторую свободу в обращении с демонами и с удовольствием кокетничает с ними. Для

нее это не только утешение, но и маленькая награда, ведь у нее была страсть ко всем людям, которые делают что-либо первоклассно, можно сказать, мастера своего дела. Не обращайтесь к шизофрению помощников Воланда, которые чертей называют людьми, а людей – дрянью. Заигрывать с тьмой в наше время очень даже модно. Булгаковым пророчески предсказана современная страсть к звездным и поднебесным профессионалам. Совсем неважно, что у пришельцев за душой, да может, и вредно знать это для сохранения душевного комфорта. Главное любить мастерство и мастера, – движущую силу прогресса.

Маргарита сама провозгласила, что обладает свободой действий, но это не повлияло на ее возможность выбора и она все еще вынуждена изображать игру в отсечение собственной воли по отношению к дьяволу, выполняя его прихоти. Королева не стесняется принимать от него публичные уроки и подает пример их практического применения, вполне достойный внимания далеко продвинутой в тонкостях техники общения современной элитной публики. Чего стоит один совет: никогда и ничего не просить, в особенности у тех, кто сильнее вас. Образец благородства уважающего себя гордого человека. Если его умело подать, можно в него поверить и даже вдохновиться им. И вдохновляются, и хвастаются этим, как высочайшим аскетизмом. (Не забываем, что говорим не об общественных порядках, а о личных отношениях.)

Напомним, одна из заповедей Христа прямо гласит о том, что просить надо и будет по этой просьбе дано. Эта заповедь, как и все другие Его заповеди, являются необходимыми условиями для поддержания подлинных отношений между любыми личностями. Несмотря на внешнюю простоту, она не так легка для усвоения. В ней, прежде всего, говорится о честности отношений, которая основывается на взаимной открытости. Не нужно гадать, что хочет другой, не нужно заставлять гадать другого, чего желаете вы. Тут подразумевается, как само собой разумеющееся, то, что душа, симпатизирующая другой душе, всегда будет как бы в положении нищего, которому могут отказать в пропитании, если от него откажется друг. Поэтому постоянное прошение у другого всего его внимания сопровождает все отношения во взаимности. Ну а угадать просьбу другого на самом деле невозможно, потому что он иной, непредставимый для нас.

Кроме того, в многолетней практике каждого из нас просьбу, обращенную к нам, мы переиначиваем на свой вкус и уж если выполняем не то, что от нас просят, а то, что хотим исполнить (всегда!). Взаимная

глухота к просьбам (личного характера) в наше время абсолютна. И это полбеды. Смысл слова «просьба» в современной разговорной практике украден и подменен смыслом слова «требование». Люди теперь не просят никогда, они требуют. Как отличить одно от другого? Просьба оставляет человека, которого просят, свободным (именно поэтому просить можно, не страшись разрушить жизнь того, у кого просишь), она разрешает ему, по его желанию, откликнуться на нее или отказать, без боязни повредить отношениям. Требование этого выбора не предполагает. Так как вера имеет дело с вещами невидимыми, то нарушить свободу человека можно угрозой, подкупом или с помощью обиды на него, а, может быть, с использованием жалости. Тут набор велик.

Проверить себя – просил или требовал – можно так: если в результате отказа стало неприятно, испортилось настроение или решил больше не просить (а без обид у нас не бывает), будьте уверены – отказали нашему требованию, а не просьбе. Любое же требование – с легким шантажом или приятным соблазном, без разницы (не важно, как будет оказываться давление), вера велит оставить без внимания и без согласия на него*. (Проверьте себя, можете ли отказать требованию, особенно близкого человека, и после этого скажите, есть ли у вас друзья.)

Личные отношения возможны только там, где есть свобода и никогда иначе. Применять силу в них нельзя, но нельзя и скрывать свою волю, свои желания – это все равно, что отказаться от взаимности, от дружбы. Если вам симпатичен человек, возможность исполнить его просьбу обрадует вас. Если вы симпатичны кому-либо, будьте уверены, исполнение вашей просьбы обрадует его. Когда мы чужие друг другу, взаимные просьбы будут мучить нас.

«Не просите» по внутреннему смыслу совпадает с советом, данным еще в первой главе романа – «не разговаривайте с незнакомцами». Высказанные без лукавства, они могли бы звучать так: «Откажитесь от людей, будьте одиноки – это лучший выбор».

Думаем, что демоны не умеют исполнять чужие просьбы, а откликаются только на те из них, что сами подсунули. Вот и с Маргаритой за все ее услуги согласны расплатиться, осуществив одно ее желание, но это сделка, а не великодушный шаг навстречу. Купленная просьба – тоже удовлетворенное требование...

* Тот же принцип действует по отношению к террористам: никаких выкупов, никаких поблажек.

(Мак. л.)...

Порция

Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна:
Тем, кто дает и кто берет ее.
И власть ее всего сильнее у тех,
Кто властью облечен. Она приличней
Венчанному монарху, чем корона.
Знак власти временной есть царский скипетр:
Он – атрибут величья и почета,
Внушающий пред царской мощью трепет;
Но милость выше мановенья скиптра,
И трон ее живет в сердцах царей.
Она есть свойство бога самого;
Земная власть тогда подобна божьей,
Когда с законом милость сочетает.
Жид, за тебя закон; но вспомни только,
Что если б был без милости закон,
Никто б из нас не спасся. Мы в молитве
О милости взываем – и молитва
Нас учит милости. – Все это я
Сказал, чтобы смягчить тебя; но если <...>

* * *

Шейлок

А клятва? Клятва? Небу дал я клятву!
Так неужель мне душу погубить?

* * *

Порция

Ты видишь? В зале свет, горит огонь.
Как далеко свеча бросает луч!
Так добрые дела блестят в злом мире.

Нерисса

При лунном свете не видна свеча.

* * *

Какая ночь! Как будто день больной;
Немногим лишь бледнее. Это день
Такой, как день, когда сокрылось солнце...

(З. У. пр.) ... В очередной раз в компании артиста заходит речь о милосердии, в котором, на радость сочувствующей публике, обвиняют Маргариту. Так, может быть, в ней осталось что-нибудь человеческое? Нам придется еще сильнее расстроить сердобольных книголюбов. Жест донны сатаны – совершеннейшая фальшивка и никаким тут милосердием не пахнет, только издевательством.

Согласно «Азбуке», Сын Божий не только не приказывает, не только не заставляет быть угодным Ему, но, уважая человека и его свободу, разрешает ему быть плохим, даже за счет себя, страдая и умирая от зла человека. Двойник Церкви, вместе с клеветниками на церковь, утверждает, что у Бога есть запреты и табу. Это ложь. Он предупреждает, что те или иные поступки, впускающие зло, приводят к остановке жизни и развитию смерти подобно тому, как земные родители предупреждают своих детей о том, что не стоит прыгать в огонь, хватать электрические провода, есть грязь и т. д. То есть делать это можно, но закончится это плохо. «Нет» у Бога – именно такое, сберегающее, а вот радость о раскаявшемся злодее у Него значительнее, чем естественная радость о нормальных, здоровых благих отношениях.

Читая «Азбуку» дальше, можно вспомнить, что единственным местом в человеке, которое приносит настоящую, вечную, а не фантомную боль, является совесть. Человека можно наградить Нобелевской премией мира и поставить памятники во всех столицах мира, но это не только не поможет ему избавиться от мук нечистой совести, но со временем усилит эту муку (после краткой эйфории). Маргарита просит не подавать платок Фриде, но матери нужен ребенок, а не отсутствие памяти о его убийстве. (Гретхен была в похожей ситуации, и для ее возрождения нужно было воскресить ребенка и помиловать ее саму, что и было ей дано Богом. Новая московская Маргарита не пожалела бы так, как у Гете, ту Маргариту, а предложила бы ей болеутоляющее.)

Мотив помощи Маргариты не в сострадании грешнице, а в опасении за свой авторитет королевы – заодно тонкая интрига с Воландом, ведь пострадает и его имидж. Еще одним поправлением истинного милосердия и насмешкой над ним является форма преподнесения прощения Фриде.

Подлинное прощение может быть только личным, принесенным тем, против кого было совершено преступление, так что безличное обращение – тебя прощают – чистейшая фальшивка, мертвое добро, антиблаго. Если меня не обижали, я не имею права и возможности простить, поэтому Фриду мог простить либо ее ребенок, либо Христос, принявший смерть вместе с ним. Обычное хвастовство, демонстрация бессильной силы и зависть к Тому, у Кого она есть, подлость, отнимающая обманным путем у грешников возможность припасть к настоящей милости. Прощенный и простивший – едины и нет ничего, что могло бы омрачить их единство. Маргарита же и Фрида остались чужими, как будут чужими друг другу Фрида и ее дитя.

Для нас кажется очень важным отношение христиан к милосердию, и то, что оно превратилось в благотворительность (или служит не прояснению личных отношений, а некоторой общечеловеческой привычке), стало настоящим бедствием для них*. Милосердие подменилось полезной практикой, которая не устраняет невидимого разделяющего зла, а значит, незаметно выхолащивает жизнь, удушает веру и исподволь формирует убежденность в непреодолимости греха и внедряет ложную надежду на человеческое добро. Раз нет доказанных примеров выхода через христианство с его персональной ответственностью к общественному благу через исправление самого себя – зачем тогда эта ненужная вещица? Поищем других, доступных путей для улучшения всеобщего благосостояния. Прельстительная идея улучшить жизнь, исправив все вокруг себя, свойственная добрым, хорошим людям, стала самым массовым, не требующим доказательств убеждением, и число сторонников этой светлой веры растет с каждым днем. А начало такой веры в отдельно взятом человеке довольно точно описано Булгаковым на примере Маргариты и Фриды. Делаю для тебя доброе дело, а ты с глаз долой, оставь меня в покое, сгинь.

Тема прощения, милосердия была очень своеобразно прокомментирована Воландом в продолжении разговора с уже извлеченным мастером, но для ее обсуждения нам необходимо сначала познакомить читателя с нашими убеждениями. Состоят они в том, что главной заслугой мастера перед сатаной и главным грехом против Христа был его роман о Иешуа. Хотя грех велик, его легко исправить, признав свою ложь и попросив прощения у Того, кого очернил.

Христос знакомил своих учеников в первую очередь с Царством Света, но отдельно предупреждал о тех состояниях и поступках, которые

* Мы двумя руками за благотворительность в государстве, но она, так понятая, убьет личные отношения. Хорошо видно, что один из путей обмана, выбранных тьмой, состоит в том, чтобы вместо Небесного Царства подsunуть человеку царство кесаря.

препятствуют Его познанию. В том числе Он упоминал об опасности, приносимой духом отрицания, как разновидностью духа лжи, который способен хулить, то есть оболгать самого Бога. Важно, что при этом Сын Божий обещал, что клевета на Сына Человеческого может быть прощена, а ложь на Дух быть прощена не может. Такое положение обусловлено не особым постановлением Бога, а тем, что, путаясь, ошибаясь в понимании деталей воплощения Христа, Его устройства, в котором сочетание двух природ – Божественной и тварной, создает рациональному уму массу проблем в виде разнообразных парадоксов. Человек мог легко запутаться, но при этом всегда мог признать это, припав к спасающей милости. А ложь на Дух, который подает жизнь умирающим, утешает и милует злых, спасая всех желающих вернуться в жизнь, эта ложь губит, поскольку не позволяет найти дверь, выводящую из преисподней.

Впрочем, воздыхание Христа над своими учениками, которые хотели проучить и наказать нехороших людей – «Не знаете, какого вы духа», – уже указывают на ситуацию, в которой христианин может утратить или перепутать Дух (главное ему не упорствовать в этом). То есть его можно в какой-то момент не знать, но такая ситуация разрешима настойчивым неприятием подмены и поиском, в котором обязательно будет дано найти Его или вернуться к Нему. Другое дело, если, однажды узнав Дух, испытав Его милость на себе, потом возвести хулу на него, то есть, по сути дела, сознательно, так или иначе, отвергнуть милость, тогда это решение человека, этот выбор будет для него приговором. Теперь во времена Нового Завета не грех губит человека, а отрицание милости, прощающей грех.

Христианство знает книги, продиктованные Духом, и их можно читать каждому, и знает книги, хранимые Духом, которые прочитать можно будет только после завершения времени и истории. Священное писание, в котором приведены откровения Ветхого и Нового Завета, так и называется – книги или Библия. В книгах приоткрывается людям, как Бог строил с ними взаимную жизнь (это иногда называется домостроительством Божиим).

Есть, однако, книги, в которых записано, как люди рушат свои отношения с Богом. Эти дела не могут быть помещены в одну книгу, поэтому одна книга – книга жизни, в которую вносятся любые, от великих до самых малых, едва заметных движениях человека в сторону своих ближних, включая Бога. Эта книга находится у Бога. Один христианский

подвижник, известный всему православному миру как человек, знавший Бога, оставил записанной учениками одну из своих просьб к Нему. Она краткая и в ней он просит написать его имя в книге жизни. В этом обращении есть скрытое, потаенное признание того, что у него нет добра, благодаря которому его имя было бы твердой рукой вписано в нее и просит милости. (На самом деле, просьба разбойника, распятого рядом с Христом, хотя и звучит чуть иначе, абсолютно совпадает в своей сути с прошением подвижника: «Помяни меня в Царствии Твоем». Если Бог в Своем Царстве произносит имя человека, там оно будет звучать всегда, этот человек будет написан в Книге Жизни.)

Другая книга или книги, в которых хранятся наши злые дела, рассказывающие, как мы гнали от себя ближних и Бога, находятся у врага рода человеческого. Эта книга смерти, предъявляющая всю нашу ложь на жизнь. По ней он будет заявлять претензии на того или иного грешника. Отличие этих книг в том, что в одной из них (по заповедям мира, которому они принадлежат) ничего не пропадает, а поэтому никто из нее не исчезнет. В ней подписи не стираются, и сама она не подвержена старению и тлению. Другая книга в лапах дьявола тоже претендует на вечность, но она-то как раз может утрачивать записи, терять станицы, да и сама может сгореть. И уже много раз сгорала без остатка, когда грешники приносили покаяние.

Мастер хотел сжечь свой роман, и отчасти ему это удалось, но Воланд провозглашает, что рукописи не горят и предъявляет ему несколько целых экземпляров. Опять обман, опять подставка. Он вновь силится изобразить всемогущество, которое обеспечило бы сохранность всей его державы и позволило бы не выпускать мертвецов на свободу. Но бравада мессира может подействовать и вдохновить (некоторых обрадовать) только его сотрудников. Горят рукописи, да так, что не остается от них следа. Все исповеданное перед Спасителем зло тает, как дым, и книги, хранящие записи преступлений, худеют. «Рукописи не горят» в устах сатаны – угроза, шантаж тех, кто хочет удрать от него, а для его помощников – повод для восхищения и умиления. Воланд, как всегда, либо отрицает возможность милости, либо вместо милости подсовывает подделку – не поможет одно, пригодится для обмана другое.

Утверждение, что рукописи не горят, нуждается и в историческом обзоре. Собственно, мы ограничимся судьбой одной рукописи, которая получила широкую известность и напрямую связана с романом Булгакова. Речь идет о его учителе Николае Васильевиче Гоголе и его поэме «Мертвые

души». Мы уже упоминали о смысловом сходстве двух произведений, теперь же предстоит обсудить их вопиющие противоречия. Один сюжет у разных людей. Один – из реальной жизни, другой – вымышленный, из романа Михаила Афанасьевича. В обоих писатели сжигают свои рукописи, доставшиеся потом и кровью. Каковы же обстоятельства двух пожаров и их последствия?

Гоголь подвергался сильнейшему давлению со стороны просвещенного общества, которое ультимативно требовало от писателя вывести на страницах своих сочинений образ гражданина, если уж не приятного во всех отношениях, то хотя бы просто приятного. С положительной внешностью, манерами и поступками, на примере которого можно было бы самим вдохновляться на самоотверженное служение обществу и вдохновлять молодежь на штурм высоких целей. Справедливости ради, можно указать на то, что такие претензии предъявлялись не только Николаю Васильевичу, но и всей русской литературе и продолжают предъявляться. Доходит до обвинений в том, что в России лучшие умы только и делали, что описывали всякие безобразия, а никак не возвеличивали и не увековечивали ее достижения, свершения и завоевания. Появилось отдельное устойчивое мнение, что вся писательская братия была подослана недоброжелателями России, что иногда предъявлялось как обвинение не только в частных беседах, но и в официальных компетентных органах.

Не сумевши убедить общество, что он не собирался подрывать основ государственности, Гоголь убедил себя, что обязан показать нечто прекрасное в русском характере и собрался написать второй том «Мертвых душ», в который впихнул бы и душу живую. Как решил, так и сделал. Все ждали, все торопили, все интересовались. Под непрерывным давлением добрых людей Николай Васильевич написал вторую часть и сжег. Вторая попытка написать вторую часть растянулась даже на более длительный срок, чем первая. Опять внимание, вопросы, ожидание шедевра. И в этот раз Гоголь написал вторую часть и тоже сжег. Читал друзьям, читал знакомым – везде успех, восторженные отклики, отмечающие непревзойденное мастерство. Именно услышав их, Николай Васильевич сжег книгу. Остались воспоминания слушателей, осталось несколько листочков, выхваченных из печки слугой. Потом общество признало у писателя нервное расстройство под воздействием обострившейся нездоровой религиозности. Писателя никто не слушал, все хотели его вылечить и вернуть расшатавшийся ум на место. Диагноз думающего общества таков: серьезное отношение к христианству привело к психическому расстройству, в период обострения которого и был сожжен многолетний труд.

У мастера история такая: стремительное написание книги, успех у знакомых, нападки критики, под действием которой возникает первое расстройство, усугубившееся со временем, и во время обострения психической болезни он сжигает роман, несколько листочков которого выхватывает из печи сожительница.

Как похоже и как непохоже! (У мастера история написана как бы по диагнозу общества безумному Гоголю.) ...

(Мак. л.) ...Развесьте уши. К вам пришла Молва.
А кто из вас не ловит жадно слухов?
Я быстро мчусь с востока на закат,
И лошадь в пути мне служит ветер.
Во все концы земли я разношу
Известья о делах земного шара.
Я сшила плащ себе из языков,
Чтоб ими лгать на всех наречьях мира.
Нет выдумки такой и клеветы,
Которой я б ушей ни засорила.
Я говорю про мир в канун войны,
И я вооруженьями пугаю
В дни тишины, когда земля полна
Какой-нибудь совсем другой заботы.
Молва – свирель. На ней играет страх,
Догадка, недоверчивость и зависть.
Свистеть на этой дудке так легко,
Что ею управляется всех лучше
Многоголовый великан – толпа.
Но это вам разжевывать излишне.
Мы с вами тут как бы одна семья
И знаем слишком хорошо друг друга.

* * *

Мы видим жизни постепенный ход,
И это сходство будущего с прошлым
С успехом позволяет говорить
О вероятье будущих событий.
Их и в помине нет еще пока,
Но семена и корни их в наличье.

Благодаря повторности вещей
Король Ричард мог явственно предвидеть,
Что, изменив ему, Нортумберленд
Усовершенствуется так в измене,
Что должен будет изменить и вам.

* * *

Хоть правда выступает предо мной,
Как черное на белом, — глаз не верит.
Идут измена и убийство рядом,
Как пара дружных дьяволов в ярме.
Работа их бесхитростна, груба
И не исторгнет крика изумленья;
Но ты, рассудку вопреки, заставил
Убийству и предательству дивиться!
И хитрый дьявол, что тебя толкнул
На это безрассудное деянье,
Отличия добьется в преисподней.
Все дьяволы, внушители измен,
Преступные деянья прикрывают
Заплатами, являющими блеск...

(З. У. пр.)... Исходя из доверия к Гоголю и Булгакову и из недоверия к сатане и мастеру, наше мнение по поводу этих двух, безусловно связанных между собой пожаров, будет похожим на выводы, сделанные нами при сравнении движущих мотивов у Христа и Иешуа.

В Гоголе, как и в каждом человеке, жил и художник, и мастер. Как мастер он отточено и умело написал роман о добром человеке, но как художник и как человек он не смог выпустить на свободу эту ложь. Николай Васильевич совершил прекрасный, жертвенный поступок, отказался от клеветы на жизнь, от ее подмены и предал пламени то, что считал грехом по отношению к своей вере и художественной (а Бог — художник!) правде. Выбор между верой, в которой к грешникам приходит Спаситель, и общественным мнением, которое убеждено, что лучшие люди создают прекрасную цивилизацию торжества справедливости и солидарности на основе цветения человеческого разума, происходит не только в душе, оно подвергает испытанию человеческие отношения с друзьями и всем, что ему дорого. Поставить во главу угла Христа и Его Царство означает согласие на

то, что внутренний мир в человеке разделится, и он не будет любой ценой держаться за милые земные привычки и утешения, не будет держаться за дорогих, близких сердцу людей, требующих подчинения себе и своему мнению, не будет держаться за звание патриота, любителя своего отечества, народа, традиций, когда они потребуют служения себе, вопреки тайному выбору совести. Мы не знаем, можно ли отыскать на всем белом свете такого писателя, который смог бы поступить так же, как Николай Васильевич. (Признаемся, и мы не без лукавства, потому что знаем, что ученик Гоголя, для того чтобы назваться учеником, должен одобрить поступок учителя, а значит мистически совершить его. Кроме того, у Михаила Афанасьевича, по нашим данным, тоже как-то получилось сжечь рукопись.)

Мастер умело, по вдохновению написал свой роман о Понтии Пилате, не считаясь с тем Человеком, который выпустил его на волю и разрешил говорить о Себе все, что угодно. Ни одной ссылки, ни одного упоминания, хотя бы косвенного, о Сыне Человеческом. Раз так, то существует теперь только мастер, не человек, теперь он зависим от мнения и прихотей работодателя мастеров. Не сомневайтесь, что не из высоких соображений, а именно по своей низменной воле он поступает, когда устраняется и устраняет свой роман. Мотив сожжения его – не признание своей клеветы на жизнь, а обида на свое творение за принесенные несчастья (заботы, радости созидания, они меньше стоят для него, чем почитание публики, как некий отраженный свет романа в читателях), – полная противоположность мотиву Гоголя. В силу того, что мастер остался согласен с тем, что написал и не отказывался от него, как недостойного, по мистическим законам рукопись сохраняется и даже размножится.

Она отлеживалась у Воланда и им предъявлена автору, согласному ее оставить, если она больше не принесет неприятностей. Тут рукопись действительно не сгорела, но мы приводили примеры, когда она сгорала. Лжет Воланд. В этот момент удобно вспомнить Маргариту, которая во время сожжения книжки проявила себя молодцом перед сатаной и не дала огню сделать свое дело. В этом поступке любовницы мастера как в капле проявляется суть ее отношений к нему – она помогает дьяволу удерживать в своих сетях его душу.

Для любого общества (в которых всегда смесь всего) абсолютное неприятие лжи и абсолютное неприятие правды человеком ставило его в ряд безумцев. Так и получилось, что у Гоголя и мастера диагноз один, а причины безумия – противоположные.

Близкий случай к рассмотренным нами имеется и в романе Булгакова «Белая гвардия». У молодого поэта была «кошунственная» рукопись, но он постарался ее сжечь, то есть исповедовался, после того как понял подлость своей выходки. Здесь мы тоже видим прогресс в проявлении зла от первого до второго романа Михаила Афанасьевича. Интересно, что, как по старому трафарету, одумавшийся безбожник впадает в другую крайность, отбрасывая реальность, начинает мыслить образами из «Апокалипсиса». Для нас важна эта ниточка в душе мечущегося человека, протянутая от едва заметного греха (одного человека) к краху всего человечества под напором совокупного зла. Обычная тактика дьявола через нарушение равновесия, которую увидел и донес до нас Булгаков. Раз это безобразие не помогло – подсунем полную его противоположность. Поэтому растерявшемуся неопиту врач по-дружески дает действительно мудрый совет, избавившись от малого зла, не спешить лезть немедленно на небо, одновременно заглядывая в бездну за край пропасти, неважно, из страха или любопытства.

Михаил Афанасьевич знал, что нельзя потешать публику, предлагая ей приключения с чертями. Его целью не было простое развлечение скушающих агностиков. Как Достоевский решил вывести на первый план своего произведения темную силу после того, как увидел реальную угрозу не в вымышленном, а в реальном, окружающем его, Достоевского, мире. Так и Булгаков увидел в людях (и в себе) смерть органа, различающего доброе и злое (он бесстрашно после этого определил у себя и наступление физической смерти) и решил высказаться об этом перед всеми. Если захотят – поймут, ну, а если им дороже покой (особенно вечный) – нет.

Без особого желания коснемся еще одного опуса Михаила Афанасьевича – пьесы «Батум». Произведение очень похоже на вторую часть «Мертвых душ», в главной роли которого – добрый человек. Для обсуждения этой рукописи нам интересен такой вопрос: не похож ли ее главный герой на Иешуа, с той лишь разницей, что имел более активную гражданскую позицию и, в отличие от него, творил чудеса – не ел, не спал по несколько суток? Булгаков, будучи трезвым человеком, выписывает мессию, несущего избавление страждущим, который может одним словом ловко разрушить гнилое богословие ректора семинарии. Ну чем не предтеча антихриста, мил и без предрассудков. А то, что такие благодетели нравятся людям в Батуме не удивительно – и Воланд нравится москвичам.

Не утаим, нам померещилось, будто Булгаков писал пьесу так, как мог написать ее Горький. И вроде бы получилось, так почему Сталин отверг

пьесу? Если бы ее написал Алексей Максимович, наверное, принял с радостью*?

Пролетарский писатель верил в хороших людей и для него было органично выписать вождя, спасающего этих людей. Такое писание не вызывало никаких подозрений. Но Михаил Афанасьевич категорически отрицал как наличие доброго народа, так и его добрых руководителей, которые день и ночь думают о нем. Поэтому чутье хозяина подсказало насмешливую фальшь пьески о добром пастыре. Не увидел Иосиф Виссарионович настоящего героя, вычислил, что гений добра – дутый, а потому смешной, и запретил ее существование. Никто не хочет заметить, что это – лучшая похвала Булгакову, а только согласны презирать его за лизоблюдство.

Как бытовой орнамент к сцене восстановления мастера в своих правах и обязанностях поищем, как это сказалось на его человеческих отношениях. Настойчиво предложено ему возвращение счастья с любимой женщиной. Она и сама предлагала себя, но он с присущей ему интеллигентностью как-то увертывался от богатого подарка судьбы. Может быть, культурные люди сошлутся на природную застенчивость и деликатность мастера, но раньше они были не очень-то заметны, а тут вдруг настойчивое сопротивление безопасному блаженству. Такое ощущение, что он краешком души понял приближение могилы общей для него, для своей возлюбленной, и для героя своего романа. Но, уж если любовь, то и смерть не страшна...

* А если бы эту пьесу написал Билль-Белоцерковский, ей присудили бы Сталинскую премию.

Глава XXV

Куда ни кинь – всюду клин.

Страшный сон

Конец – всему делу венец.

Царская пословица

Ибо всякий, делающий злое,
ненавидит свет и не идет к свету,
чтобы не обличались дела его.

Сын Грома

И в заключительных пилатовых главах идет переключка с Евангельским откровением. Сходство и тут достигается совпадением некоторых деталей, а различие раскрывает противоположности в основных смысловых событиях. Новозаветные рассказы сообщают о том, что Иисусу Христу на кресте подавали губку с уксусом и губку, в которой уксус был смешан с желчью. В одном пересказе Христос пьет, в другом отказывается, тут нет противоречий – описаны события в разные моменты времени. В пилатовых главах Иешуа предлагают воду и напиток – тут несовпадение, но в главе, приснившийся Бездомному, Иешуа пьет, а в главе, прочитанной Маргаритой, Иешуа отказывается пить. Почти точное совпадение, лишь с одним существенным различием – у Иешуа не четыре, а один биограф – мастер.

Пора обратить внимание читателей на то, что Воланд и Иешуа свои дела совершают всегда в присутствии одного свидетеля. Воланд на черной мессе дает чашу только Маргарите. После нее дарит прощение только Фриде. У Иешуа один апостол. У Иешуа один антиевангелист. У волондова мастера один ученик. У Иешуа один посмертный спутник. Иешуа исцелил одного человека. Воланд воскресил одного несчастного. Все Священное Писание настаивает на том, что число свидетелей для утверждения правды должно быть не меньше двух. Доверьтесь, не проверяйте, – это необходимое и достаточное условие в утверждении истинности события. Очевидно желание Булгакова заставить людей вспомнить элементарные принципы православия и самим догадаться, что все в постановке Воланда

вранье и не заслуживает никакого доверия. Как бы устанавливаются предупреждающие знаки: фальшивка, обман, видимость, небывальщина. Но читатели упорно продолжают оставаться в серьезных размышлениях над словами и делами сатаны и его спутников.

В пилатовых главах совпадают с Евангелием имя предателя и мзда, которую он получил за предательство. Совпадение имени подготавливает нас к тому, что предательство будет настоящим, непоказным в обоих случаях. Однако каждое из них связано с разными потерпевшими личностями, а значит, мотивы и исполнение их будет разными.

«Азбука» об Иуде Искарите говорит как об ученике, апостоле и друге Иисуса Христа. Он был наделен властью прощать грехи, исцелять людей и мог засвидетельствовать перед всеми действие этих сил Христа через свои молитвы. Он выслушал все учения Сына Божьего, а еще на Тайной Вечери Сын Человеческий умыл его ноги. Его предательство заключалось в том, что он в удобный для высших церковных властей момент передал в их руки Иисуса Христа. Место тоже было удобным – укромное для уединения с учениками, без лишних свидетелей, число которых с каждым днем возрастало и грозило сделать арест Христа затруднительным.

Иуда заранее сам предлагает выдать учителя, и ему с радостью дают серебрянники. За услугу было заплачено загодя, авансом – тут щедрость от большого желания. предав и передав Иисуса Христа вождям богоизбранного народа, Иуда раскаивается, зная, что отдал Его на смерть и пролитие невинной крови. Поняв и публично признав вину, он сам возвращает серебрянники, на которые церковные власти покупают землю для захоронения бродяг(!). Иуда не идет просить прощения у Христа, а умирает в петле. Смерть наступает от удушья, как у Сына Человеческого на кресте. Физиологическая причина смерти у них одинакова.

Булгаковский Иуда мало знаком с Иешуа и предает его ложным доносом, то есть вину выдумывает он, а не ершалаимский синедрион. Деньги получает после казни своей жертвы. Против Иуды составлен хитроумный многоходовый заговор, в результате которого он был убит. Смерть его насильственна и похожа на кончину Иешуа, так как оба убиты острым колющим предметом. Деньги нанимателям Иуды возвращают заговорщики, действующие против него. Поступок Иуды чисто деловой, поскольку у него не было личных отношений с Иешуа. И как Иешуа ничего не говорил о покаянии и прощении, то и у Иуды из Кириафа никакого намека на раскаяние не было и не могло быть. Величина предательства зависит от силы предаваемых отношений.

Наше мнение, что они в сопоставляемых случаях не поддаются сравнению. Маленький штрих: один Иуда предал в Гефсиманском саду, другой – убит в нем. Булгаков намекает на то, что его Иуда пострадал как бы за доброе дело, разоблачив самозванца, своровавшего чужое имя. Мы не настаиваем на том, что наше мнение единственно верное, но пока вы нам не предложите что-либо более правдоподобное, мы не откажемся от него.

И еще в развитие темы: в случае с Иешуа первосвященник, не прельстившийся на лжемессию, плох или хорош*? И каковы должны были быть его правильные действия, как первосвященника, по отношению к опасному провокатору и ложному мессии, по вашему мнению? (Этот вопрос не возникает, если для булгаковского Каиафы Иешуа, с точки зрения веры, был только лишь безвредным чудачком, но при этом опасным возмутителем общественного спокойствия в невежественной народной среде.)

Булгаков не дает похоронить Иешуа его ученику. Тело бродяги по приказу своего римского начальства солдаты хоронят в яме вместе с преступниками и заваливают ее камнями. (К гробу Христа был привален один большой камень, виноваты, но мы устали сообщать мистический смысл происходящего), на трупах одежда, выданная палачами**, а для опознания на пальцы надеты кольца, как знак обручения со смертью (перстень в Евангелии символ обручения с жизнью, возвращение в единство).

Количество несовпадений растет, и каждое из них столь существенно, что можно было бы каждому из них уделить несколько страничек из «Азбуки». Однако мы считаем, что ключ к пониманию романа нами уже передан читателям, и они, при желании, легко могут дать мистическое толкование Ершалаимских событий в сравнении с Евангельскими.

Признаков вражды Иешуа с Иисусом с каждой страницей все больше, а их причина и цель всегда одна и та же: желание тьмы в очередной раз симпатичным обманом подменить жизнь смертью. И в этом тоже мы видим горькое пророчество Булгакова: он видел, как в Церкви год от года обрастает новыми мифами, новыми подробностями фальшивая вера двойника Церкви. Появляются не только новые обряды и народные традиции в вере, но образ Христа, сам способ Его восприятия, принципы взаимности, общение с ним искажаются настолько, что незаметно на месте Спасителя оказывается когда помощник, когда попечитель, а еще назидатель,

* Удивительное совпадение – во всех экранизациях Каиафа, осуждающий Иешуа, всегда хитрый, злой, бесчувственный. Эх, посмотреть бы хоть раз одним глазком на мудрого и справедливого церковного политика, останавливающего самозванца (или лжецов могут вычислять только гордецы?).

** Свой хитон Христос, наоборот, отдал страже.

надзиратель, исторический персонаж, тайный собеседник с элитой христиан, далекий от простых людей, все чаще слабак, нуждающийся в защите и покровительстве ревностных православных, госслужащий, чиновник в отделе семьи и воспитания подрастающего поколения.

Само собой это не остановится. Каждая живая душа, положившая себе в обязанность следить за своей ложью для того, чтобы эта подмена не распалась, занимая все новые святые места, должна признать неправду такого христианства и каждый день покаянием очищать Христа от своих грязных наветов на Него. Роман Булгакова покажется тогда сказочной историей, в которой только маленький намек для добрых молодцев, а наша действительность строже и суровей.

Для многих христиан иудейское законодательство становилось камнем преткновения: надо его выполнять или не надо, и какого отношения оно заслуживает? Сам Христос говорил, что пришел не нарушать этот свод законов, а исполнить до мельчайшей черточки. До Его прихода закон был единственной связью людей, впадших в беззаконие, с Богом. Ниточка была тонкая, поскольку толщина ее была равна надежде подзаконных дожидаться Спасителя. Но крепка эта нить.

Весь смысл закона, вся его устремленность были в том, чтобы защищать болевые точки грешников от быстрого распада, и неусыпно, хотя бы в одном человеке, сохранять живой эту надежду. Именно для этого были низпосланы запреты, бездумно, без борьбы преступая которые, все быстро рухнуло бы, не дождавшись мессии. Поэтому строгие предписания в обрядах ждущей Церкви служили тому, чтобы не замутилось понимание, как и кого нужно ждать.

Закон помогал, но выручить не мог, его нельзя было исполнить грешнику, он был неприступен и тем самым громко напоминал, что людьми владеет смерть, то есть они не способны к делам жизни. Как можно было прекратить действие этого закона? Отменить его нельзя, а вот если бы осуществилась цель закона – появилась настоящая жизнь, – он прекратил бы свое существование сам собой. Тому, кто, например, любит трудиться, не нужны расписание и надсмотрщики за выполнением его обязанностей. С рождением Сына Человеческого появился Тот, Кто исполнил закон во всей полноте и, конечно, в мелочах. Объясняется это просто – Сын Божий был настолько больше, богаче, живее закона, что Он даже не трудился над его выполнением. В Его проповеди, Его делах на выполнение положенного уходила мельчайшая часть Его силы...*

* И все равно забыли, а упор сделали на истовом исполнении в нем доступного падшему, и по этой причине закон стали перетолковывать под нужды его исполнителей.

(Мак. л.)... Знаю, что моими необдуманными и незрелыми сочинениями нанес я огорчение многим, а других даже вооружил против себя, вообще во многих произвел неудовольствие. В оправдание могу сказать только то, что намеренье мое было доброе и что я никого не хотел ни огорчать, ни вооружать против себя, но одно мое собственное неразумие, одна моя поспешность и торопливость были причиной тому, что сочинения мои предстали в таком несовершенном виде и почти всех привели в заблуждение насчет их настоящего смысла; за все же, что ни встречается в них умышленно-оскорбляющего, прошу простить меня с тем великодушием, с каким только одна русская душа прощать способна. Прошу прощения также у всех тех, с которыми на долгое или на короткое время случилось мне встретиться на дороге жизни. Знаю, что мне случалось многим наносить неприятности, иным, быть может, и умышленно.

Вообще в обхождении моем с людьми всегда было много неприятно-отталкивающего. Отчасти это происходило оттого, что я избегал встреч и знакомств, чувствуя, что не могу еще произнести умного и нужного слова человеку (пустых же и ненужных слов произносить мне не хотелось), и будучи в то же время убежден, что по причине бесчисленного множества моих недостатков мне было необходимо хотя немного воспитать самого себя в некотором отдалении от людей. Отчасти же это происходило и от мелочного самолюбия, свойственного только таким из нас, которые из грязи пробрались в люди и считают себя вправе глядеть спесиво на других. Как бы то ни было, но я прошу прощения во всех личных оскорблениях, которые мне случилось нанести кому-либо, начиная от времен моего детства до настоящей минуты.

Прошу также прощения у моих собратьев-литераторов за всякое с моей стороны пренебрежение или неуважение к ним, оказанное умышленно или неумышленно; кому же из них почему-либо трудно простить меня, тому напомним, что он христианин. Как говеющий перед исповедью, которую готовится отдать богу, просит прощения у своего брата, так я прошу у него прощения, и как никто в такую минуту не посмеет не простить своего брата, так и он не должен посметь не простить меня.

Наконец, прошу прощения у моих читателей, если и в этой самой книге встретится что-нибудь неприятное и кого-нибудь из них оскорбляющее. Прошу их не питать против меня гнева сокровенного, но вместо того выставить благородно все недостатки, какие могут быть найдены ими в этой книге, — как недостатки писателя, так и недостатки человека: мое неразумие, недомыслие, самонадеянность, пустую уверенность в себе, словом,

все, что бывает у людей, хотя они того и не видят, и что, вероятно, еще в большей мере находится во мне...

(З. У. пр.)... *Время и место служения Мессии определялись законом пророчеств (точнее, пророкам было подсказано, когда все произойдет). Отношение к Нему людей и даже образ Его смерти тоже были определены в предсказаниях. Все, что полагалось иудейской церковной традицией по отношению к первенцу мужского пола, родившемуся в семье богоизбранного народа, было совершено над Ним, Его родителями, и учениками. Иисусу Христу было уготовано Служение Жертвы, которую должна была засвидетельствовать Церковь.*

Так, по закону, на сороковой день после рождения первенец посвящался Церкви, а в знак того, что родители принесли его для жертвы, если ребенка и возвращали им, они отдавали либо теленка, либо пару птиц. Если бы священнослужители Иерусалимского храма были внимательней, они приняли бы от родителей самого Младенца, а не замену жертвы. Эта слепота была пророческой – Церковь не заметила своего Мессию, не ввела в храм как Царя и не упразднилась, поскольку исполнила свое служение и свое назначение.

Встреча посланника Небес отменяла не только законы, но и старую Церковь, как совершившую положенное. Однако был в храме человек с живым сердцем и с живой душой, который признал в младенце Того, Кто умрет за него и за других, тем самым дарует жизнь всем грешникам, так что смерти теперь можно не бояться. Старец свидетельствует о том, что теперь он не один. Более того, теперь нет больше одиноких людей, спасли всех, не только его, и он, без страха за кого-нибудь, уходит теперь не во тьму, а в свет. На этом старце стало исполняться слово Христа, что поклоняться теперь будут не в храме, а в сердце.

Свидетельство древней Церкви было подтверждено свидетельством ее народа, когда престарелая прихожанка засвидетельствовала, что пришло избавление. Вроде, мало – двое, а в этих двоих полнота всей Церкви и ее правды. «Зачем тогда построили христианские храмы?», – спросит читатель. А построены они для тех, кто теряет это поклонение в сердце, предает, забывает. Эти предатели и нуждаются в том, чтобы их мертвое сердце, их погасшие отношения были возрождены прощением и воскресением в ответ на признание в грехе. Мертвые идут за жизнью, которую не имеют в себе, но которую желали бы иметь. И за простое преклонение колен (если другое в них пока не действует),

за холодную исповедь одним языком (другое уже не слушается и не чувствует) этим нищим Жизнью подается все. А когда кто-нибудь имеет все сокровища в теплом сердце, ему храмы не нужны (он сам есть Церковь в единстве с Богом и со всеми), как не будут они нужны после всеобщего воскресения, когда у каждого с каждым будет глубокая, богатая дружба без всякого изъяна.

Но не только все установления закона, относящиеся к жизни человека, были исполнены Сыном Человеческим. Все предписанное в законе по нашей смерти совершилось на Нем. Другой смерти, в которой сбылось бы все Священное Писание, не будет. Ему еще до Его распятия, пока Он был со своими учениками, помазали ноги миром, и только так события могли совершиться мистически правильно, поскольку Он уже принял смерть в сердце, а это значительней, чем формальная остановка дыхания.

После снятия с креста, Он, по иудейскому погребальному обычаю, был обернут в пелены, накрепко склеенные особым составом. Перед своей смертью Христос воскресил к земной жизни Лазаря, и тот вышел из гроба обвитым пеленами, которые сам человек снять не мог. Тело Сына Человеческого было единственным в закрытой пещере, называемой гробом, причем и до него этот гроб никого не принимал. Среди мертвых Он был живой, действующий на благо других покойников. С душою, как Бог, Он сходит в преисподнюю, которая перестает быть местом без Бога, без Жизни, а затем, через пелены, которые останутся внутри гроба целыми, не размотанными, через камень, не сдвигая его, беспрепятственно возвращается к своим ученикам. Те уже успели прибежать в погребальную пещеру и были поражены видом пустых пелен, склеенных, свернутых особым образом, лежащих в ней на своем месте.

Почему-то у нас есть уверенность в том, что все это Михаил Афанасьевич знал намного лучше нас. И виртуозно провел Иешуа мимо Иисуса, нигде не обмарав Христа его нечистым прикосновением. Мы уже говорили, что достаточно было одного существенного несовпадения, чтобы вывести Иешуа на чистую воду, но, тщательным сбережением образа Спасителя, Булгаков хотел крикнуть, что Он для него дорог, но прямо сказать это своему окружению уже не мог. Не поняли бы. Так и остался Иешуа без ран от гвоздей на руках и на ногах, поэтому в нем не было того, что свидетельствовало бы перед будущими поколениями, что и воскресший Христос не перестает каждый день умирать от нас и за нас*.

* Боль прошлого преодолена воскресением и не может оставлять следы на Воскресшем. Раны на Него воскладывает наше настоящее. Когда оно будет остановлено, то они тоже исчезнут.

Людам, для которых государственные законодательства главные, изменения кодексов, внесение поправок, а то и полное обновление конституций – обычная практика, при которой несоблюдение прежних норм не только допустимо, но и благоприятно. Для верующего иудея доскональное исполнение всей полноты обрядов ближним было необходимым условием для общения с Ним. В противном случае тот сразу становился дальним.

Тем более, если это касалось обрядов при погребении человека. Мы не знаем, как еще более убедительно можно доказать, что кончина Иешуа была ничем не связана с иудейской традицией, и он не может рассматриваться не только как Мессия, пророк или праведник, но и как рядовой член богоизбранного народа. Иешуа находился вне рамок иудейского законодательства, которое могло хотя бы теоретически сделать его представителем избранного народа и претендентом на место спасителя. Вроде бы маленькая деталь – погребен не по правилам, но она не оставляет возможности для дискуссии, даже если Иешуа не просто добрый, а самый наиархидобрейший из добреньких людей. Общая могила в яме, устроенная язычниками, и похороны руками язычников без участия иудеев. А отмщение за его казнь ничтожному доносчику – вот единственная посмертная награда бродячему философу. С умозаключениями, судя по записям Левия, достойными лучших образцов теософии Блаватской и Андреева. Среди них все же выделяется первое – «Смерти нет». Пожалуй, это может быть девизом дьявола – он уже убеждал в этом Адама с Евой, а теперь, будучи мертвее всех, делает вид, что всесилен и не чувствует смерти. Допускаем, что и его ярые сторонники тоже убеждаются и убеждены уже, что смерти нет, так как покойникам трудно вообразить, как это можно упокоиться еще решительней и натуральней, как не поймут это, со своей стороны, мастер с Маргаритой. Раз ее, любимой, нет, так и бороться с ней не надо, потому что не с чем. Как говорили в компании Воланда: «На нет и суда нет».

Есть еще одна деталь в записях Левия, которую, убеждены, с удовольствием обозначил Булгаков. Мы уже говорили о религиозной пошлости как особой разновидности пошлости вообще. Она может быть зашифрована не только в самом тексте, как, например, в диалогах – «Как дела?» – «Вашими молитвами», «Вам нужна помощь?» – «Нет, ведь на все воля Божья», «Вы были на Святой Земле?» – «Нет, я не достоин». Представим, как это могло бы быть на исповеди: «Согрешил невнимательной молитвой, нарушил пост в среду, ограбил и убил человека, смотрел телевизор». Сегодня, действительно, люди не очень хорошо чувствуют разницу в масштабах

событий. Теперь от мелочей к записям Левия: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты». Вероятно, можно сконструировать такие комбинации из последовательного ряда неких явлений, что звучать это будет еще низменнее?

Озвученная запись Левия несет в себе не только эмоциональную нагрузку. Как легко догадаться, она, вдобавок, подхихикивает над книгами Нового Завета.

Верующие и неверующие знают крылатое словосочетание – «бесплодная смоковница». Но из них мало кто помнит, на что оно указывает. Уже после входа в Иерусалим на страдания, Иисус Христос, проходя мимо смоковницы (это же и инжир, и фиговое дерево), начинает искать плоды и, не найдя, сообщает апостолам, что бесплодное дерево станет сухим, нежизнеспособным. Евангелие говорит, что это было время, когда смоквы не собирают. Действительно, страдания Сына Человеческого пришлись на весну, и до созревания плодов было еще далеко. Некоторые даже усматривают некоторую жестокость у Христа, поскольку Он несправедливо искал смоквы раньше времени. Но особенность смоковницы в том, что ее плодом фактически является напитавшийся нектаром цветов, а цветы появляются именно весной. Мистический смысл произошедшего состоит в том, что Богу достаточно в человеке благого желания, и Он не ищет и не ждет, когда желание напитается волей, привлечет силы и станет делом. Бог принимает в сердце человека желание как само дело, и «Азбука», как мы помним, говорит, что человек есть желание.

Засохшая смоковница – это человек, у которого не было благих желаний, а, значит, не было будущего. Теперь опять можно вспомнить эпиграф романа, в котором говорится о силе, которая желает зла. Начало и конец повествования смыкаются. Возвращаясь к ученикам Христа и засохшей смоковнице, можно сказать, что они не поняли тогда произошедшего. Иисусу Христу нужно было умереть, чтобы им стало ясно, что сухими безжизненными деревьями были они, без умного, верного сердца, наполненного желанием, в котором только и могут всегда пребывать другие. И сухое дерево ныне может ожить, если его коснется воскрешающий дух жизни.

Баккурот – еще одно название смоквы, и их, не ко времени сладкие, весело едят Иешуа с Левием. Они живы, поскольку смерти нет (а значит, не надо искать жизнь), и без особых усилий можно увидеть, что они почитают за жизнь. Им тьма подменила Свет. Так и видится, как хохотнул Воланд, диктуя мастеру эти строки. И уже спустя годы зашелся истерическим смехом, когда увидел, как спокойно, не движимые мыслью, их читают христиане.

Глава XXVI. ГАСИТЕ СВЕТ!

(подсобная)

Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христо-вою так скоро переходите к иному благовествованию, которое, впрочем, не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема.

Бывший Савл

В нужде и черт священный текст приводит.
Порочная душа, коль на святыню
Ссылается, похожа на злодея
С улыбкой на устах иль на красивый,
Румяный плод с гнилою сердцевинкой.
О, как на вид красива ложь бывает!

Наш Вильям

Намеренно, для того чтобы вызвать у нас размышления, два хулигана, готовые к завершению гастролей, помянули вслух «Дон Кихота», «Фауста», «Мертвые души», «Ревизора» и «Евгения Онегина». Это неспроста, и мы в удобных случаях будем использовать перечисленные произведения и мировоззрения их авторов для прояснения романа Булгакова.

Само по себе утверждение Бегемота, что Достоевский бессмертен, прекрасно. Конечно же, то, что Федор Михайлович жив, должен был ему в утешение сказать именно кот, а не кто-нибудь иной. Тут все закономерно и справедливо. В этом высказывании есть еще одна смешная нотка. Звучит оно очень убедительно, задорно, можно сказать, вдохновенно, так что хочется без всяких поправок согласиться с котом. Однако так же убедительно, веско и неопровержимо еще в начале нашей истории звучало утверждение, что человек смертен, причем внезапно смертен, и все от той же шайки.

Замечательный образчик всеядности, который на языке Евангелия называется свинством. Мы считаем, что это открытие Булгакова тоже смело можно считать сбывшимся пророчеством. Ныне люди, совершенно не стесняясь и не испытывая неудобств, искренне верят и искренне исповедуют совершенно несовместимые взгляды, заражая своей убежденностью всех окружающих.

Еще одна приятная деталь – к дяде Берлиоза, опознавшему визитеров, добавился еще один умный человек – Арчибальд Арчибальдович, который не только не навредил иностранцам, но угодил им и даже разжился на этом деле балычком. Значит, можно ладить с ними и получать прибыль. Недорослям – наука. Засвидетельствовали перед всеми визит артистов двое, значит, было все, описанное в книге, не померещилось москвичам.

Сделаем короткую остановку и в торгсине. Все в этом магазине смешно, но самое смешное в посетителях, особенно в неразлучной парочке. Читатель с деловыми качествами возразит, что не смешно, когда черти говорят правду. Ведь денег, тем более иностранных, у демонов нет и быть не может! Тут надо согласиться, но есть еще одна лазейка, через которую пролезло их вранье, оставшись незамеченным для доверчивых граждан. Ну кто посмеет сказать, что черти не делают злое, поэтому отсутствие у них валюты, с вывернутыми карманами, с одной стороны, наглость, утверждающая, что у них не бывает грешков, а с другой стороны, пародия на окружающих христиан, у которых тоже их нет и, можно утверждать ныне, быть не может.

Нам представляется, что эта шутка над нами одна из самых удачных. У Чичиковых и Хлестаковых валюты не бывает, впрочем, как и у Чацких. Конечно же, у нас с вами валюты нет, не продаем и не покупаем мы никогда и ничего у граждан из того государства визитеров, не нужны нам их хваленые удовольствия и наслаждения.

При должной смекалке, оказывается, можно не только кормиться на пепелищах, оставшихся после шалунов, но можно и сотрудничать с сатаной и его подданными. Тут всем желающим добрососедских отношений с проказниками может помочь пример ученика Иешуа. Без давления и угроз, а потому бесконфликтно, договаривается с Левием Воланд. Нет, не только ложь на подлинный свет имеется в вопросе Воланда к нему «Что бы делал свет, если не было бы теней?»*. В нем есть насмешка и над его собственными поклонниками, любителями ложного света. Действительно, что бы делало добро Иешуа, если бы не существовало зла? Мы можем ответить на этот вопрос: если бы не было явного грубого зла, добро Левия и его бытописателя было бы трупной грязью. Только для того, чтобы убедиться в этом, его надо было бы поставить рядом с настоящим добром. И имя добра у самозванца с подручным иное – не благо, а соблазн, так что этому добру зло необходимо. В нашей современной практике такого

* Напоминаем, что в настоящем свете (в настоящей дружбе) нет никакой тени (нет даже намек на предательство).

добра пруд пруди (другого и не найдешь, вот и почитают его за истинное). Технологию его осуществления точнее всех показал на конкретном примере Иван Иванович: «Если жена изменила тебе, радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству». Относительное добро, затопившее человеческое общество – хранитель и двигатель зла...

(Мак. л.)... В заключение прошу всех в России помолиться обо мне, начиная от святителей, которых уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы как у тех, которые смиренно не веруют в силу молитв своих, так и у тех, которые не веруют вовсе в молитву и даже не считают ее нужною: но как бы ни была бессильна и черства их молитва, я прошу помолиться обо мне этой самой бессильной и черствой их молитвой. <...>

Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей неколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя. Кто после моей смерти вырастет выше духом, нежели как был при жизни моей, тот покажет, что он, точно, любил меня и был мне другом, и сим только воздвигнет мне памятник. Потому что и я, как ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих, и никто из тех, кто сходилса поближе со мной в последнее время, никто из них, в минуты своей тоски и печали, не видал на мне унылого вида, хотя и тяжки бывали мои собственные минуты, и тосковал я не меньше других – пускай же об этом вспомнит всяк из них после моей смерти, сообразя все слова, мной ему сказанные, и перечтя все письма, к нему писанные за год перед сим.

Завещаю вообще никому не оплакивать меня, и грех себе возьмет на душу тот, кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой. Если бы даже и удалось мне сделать что-нибудь полезного и начинал бы я уже исполнять свой долг действительно так, как следует, и смерть унесла бы меня при начале дела, замышленного не на удовольствие некоторым, но надобною всем, – то и тогда не следует предаваться бесплодному сокрушению. Если бы даже вместо меня умер в России муж, действительно ей нужный в теперешних ее обстоятельствах, то и оттого не следует приходить в уныние никому из живущих, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всем нужные, то это знак гнева небесного, отъемлющего сим орудия и средства, которые помогли бы иным подвигнуться ближе к цели, нас зовущей. Не унынью должны

мы предаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и не о черноте всего мира, но о своей собственной черноте. Страшна душевная чернота, и зачем это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоит перед глазами!..

(З. У. пр.)... *Евангелие хранит для нас вопрос Христа, который обращен к нашему органу, способному различать правду и ложь, с ожиданием ответа даже не Ему, а самим себе — если в нас свет на самом деле является тьмой, то что же в нас тьма?*

Помогает несколько пояснить смысл этого вопроса (он самый трудный для слепых и мертвых) заповедь Христа о том, что испытание нашей жизни на соответствие истине может в своем свидетельстве быть либо «да», либо «нет», без дополнительных слов. Нельзя снизить порог честности до некоторого уровня, не может быть невыполненного плана — либо он выполнен, либо нет. Чуть-чуть недосказанная правда — неправда, маленькое несовершенство и вещь не годится для Вечности, даже если это, как нам кажется, добро или свет. Поэтому в Свете нет никакой тени, все видно, все открыто и все источает жизнь. И те, кто придут к Свету, тоже не будут иметь теней. Все видеть, все знать — прозрачность, а прозрачность не дает тени.

Тень появилась только после того, как скрылся Свет, — Его не захотел человек, и области, из которых Он был изгнан, погрузились во тьму. Тьма наша тоже в каком-то смысле живая. Она только там, где мы против Света. Отблеск Его — догорающая свеча человеческих душ. Она, как лунный свет, не освещала земную жизнь, но хранила память об истинном, и тьма не сумела объять и похоронить память этого Света безвозвратно.

Пребывая в сумеречных лучах, хорошо для умирающего возжелать полуденного солнца. То, что стало видно верующим с уходом Света, причастность мира к Свету, сотворенного Светом, но не Свет. Видимая, непрозрачная внешность мира скорее препятствие, мешающее людям увидеть Свет, но оно сохранило способность подчиняться духовному миру и опять, в свое время, станет чашей для духа и скроется под одеждой Света. Это будет возвращением к первожданности, избавлением от переворота, который был вызван падением человека.*

* Персонажам романа как бы и не нужен солнечный день, так что повсюду для них царствует свет лунный, ничуть не вызывая тоску о ярком солнце (которое зашло, отразившись от окон для всех них еще на Патриарших).

В начале невидимой под сиянием духа была материя, она только служила, подчинялась, а потом под огустевшим веществом стал невидимым дух, и был принужден служить на посылках у тела. Однако глубина человека, его сокровенная личность, способная страдать, оставалась недоступной для ползучей смерти, и мы сохранили способность к прежней жизни, которая может проявить себя вдруг, когда, например, бывает в опасности дорогой нам человек. Любой бросится на помощь, не думая, не рассуждая, одет он или наг, будет за это награда или наказание. Если у нас не было таких поступков, но мы чувствуем, что способны на них или хотя бы можем обрадоваться такому поступку у других, значит, свет в нас не погас окончательно.*

У людей, для которых нет Бога как такового, как отдельного Лица, все равно есть невидимая линия фронта между ними и тьмой. Не только материя может мешать взгляду увидеть все как оно есть. Правильная картина мира может исказиться миражами, возникающими из-за контакта с миром теней. Христос свидетельствовал о Себе, что между Ним и тьмой нет никакого общения, в Нем нет ничего для тьмы, не только приятного ей, но и места для нее.

Тьму так раньше и называли – внешней или кромешной, то есть она находится вне всего сущего. И этот закон должен быть естественным для христианина: никакого внимания тьме, не говоря уже об общении с ней. Если же в результате предательства это общение возникло, то для восстановления единства со Светом необходимо признать этот грех предательства. Проще говоря, все Христово должно быть свойственно любому христианину, поэтому в церковной молитве во время исповеди испрашивается кающемуся восстановление единства с Христом.

Левий Матвей в доказательство своей светозарности презрительно отказывается от спора с Воландом. Это – уловка ложного света. Будь он настоящим, не стал бы с самого начала разговаривать с дьяволом.

Постепенно открывается, что булгаковский Иешуа – это не просто романтический чудак, который после погребения смешался с земным прахом и исчез с подмостков истории. Он распоряжается духами, обучает их и может послать на аудиенцию к сатане. Так он превращается из персонажа двухтысячелетней давности, нарисованного мастером, в действующее лицо современности, которое может влиять на судьбу самого мастера! Он не так сведущ, как его покровитель и вдохновитель, ему самому приходится читать сочинение мастера. Ну да, ему и не положено знать дела и планы

* Есть симпатичный рассказ об этом у Лескова – «На часах».

своего патрона. Он, представляющийся носителем света, зависит от Воланда и даже не претендует на равенство с ним, поскольку обращается к нему с просьбами и мольбами через своего ученика.

Если заглянуть в «Азбуку», она сразу напомнит, что ученики Христа изгоняли духов даже тенью от своей одежды. (Ныне христиане стали боязливы, и все бегает и скрывается от одних только угроз тьмы. Никто не поверит сегодня, что еще при крещении человеку дается власть наступать на сатану и демонов.) Напомним, что Светом является сам Христос, а не некая местность на солнечной поляне небес обетованных, и взять в Свет нельзя, но можно Свету прийти к человеку и быть вместе с ним. Человек может быть принят в дружбу, в единство с Сыном Человеческим, и тогда он соединится со Светом. Не существует такого подвига или труда, благодаря которому можно заслужить Свет (это не значит, что подавляющее большинство христиан не хотят именно заслужить, как пожизненную награду, квартиру в Небесном Царстве, при этом они даже не догадываются, что туда приходят иначе), тем более тому, кто этот Свет гасил в себе и вокруг. Никто не заслужил Света, но многие незаслужившие приняли дар милости и соединились с Ним.

Божий мир неделим – он целый, и в его малой части есть все. Это подобие пришло из предвечного бытия Творца мира, Бога, который прост и цел. Так что, вручая человеку каплю бытия, подают все. Нельзя дружить рукой, а туловищем – нет. Поэтому, теряя малейшую часть от полноты, потеряем все. Так Адам отказался принять во внимание маленькую просьбу Отца, а оказалось, что отпал от всего. Странно, как жизнь вмещает в себя такие, казалось бы, разные, до противоположности, законы, но это – наша данность.

Наш мастер не заслужил света, но на покой все-таки наработал. Сатана согласен дать ему полагающуюся награду, вдобавок выполняет личное прошение Иешуа наградить и сожительницу мастера. В этой мольбе света к тени, как объяснение повода к награде, стоят глаголы в прошедшем времени – любила и страдала. В истинном Царстве Света нет прошедшего времени, там все, что было, оно и есть, и будет. Так что же это за свет, с которым Воланд находится в деловых отношениях?

Мы уже говорили о лукавстве, которое предлагает плохо скрытое зло. Если прямое предложение не проходит, предлагают приятное, доброе, смешное и доступное зло. Так происходит и с Церковью, которую все время сопровождает двойник. Этот двойник может заполнить все храмовое пространство, но «Азбука» никогда не забудет слова Христа о том, что врата ада не одолеют Церковь. Двойник может собой подменить почти

все, но, если человек искренне захочет личной встречи с Христом*, ей никто не в силах помешать. Она всегда состоится – в Его Церкви.

Двойник бывает велик не потому, что силен, а потому, что не востребована Истина как личность, как взаимность. Большое количество тяжелобольных не могут скомпрометировать больницу. Напротив, чем их больше, чем они тяжелее, тем выше врачебное искусство и сила врача, возвращающего их к жизни. Могут подменить и всю Церковь, и Христа, добавив Ему больше человеческого, а в необходимый момент и новых вызовов времени, или, наоборот, когда потребуется, больше волшебного. Причем этот подлог может произойти как бы исподволь, без видимого вмешательства со стороны – например, используя предпочтения в склонностях человека, могут подsunуть удобные для понимания, доступные и приятные образы, которые не совпадают с тем, что о Себе говорил Христос.

Можно Живую Заповедь – то есть Того, кто всегда отдает и принимает, входя в личные дружеские отношения, заменить сводом хороших правил, великолепием райских садов, свободой развивать творческие способности, вообще набором всех мыслимых благ. Тогда произойдет подмена Тихого Света светом разума, светом творческой энергии, светом общества высших достоинств и всяческой культуры и прочих объектов поклонения людей с высокими устремлениями. Вот в этот свет взять можно, этот свет можно заслужить, но он не имеет отношения к Свету Истинному. Под толщей человеческой цивилизации двойник Света тоже стал очень объемистым, почти невместимым и неохватным, и вполне может развлекать интеллектуальными светоэффектами любого индивида, внушая, когда надо, что и он сам вносит неоценимый вклад во всеобщее светопредставление. Но все это временно, а дальше – покой.

У другого света и покой другой. («Азбука» говорит о покое, как о неколеблемой, несокрушаемой, полной и совершенной жизни во всей возможной силе и всеобщности, то есть о постоянно обновляемой жизни, которую трудно представить среди наших потрясений и утрат.) Поэтому в умы прокралось представление о покое, как о некоей нежити, без непредвиденных волнений, как о вялотекущем, а потому безболезненном полуобморочном существовании. Этот покой бездействия противоположен покою насыщенной благом вечной жизни и называется дурным покоем. Состояние истинного покоя – постоянство творчества в созидании личных отношений, состояние псевдопокоя – паралич желаний и воли. Люди боятся жить, поэтому бегут реальности и, желая себе хорошего, просят, чтобы их оставили в покое. То есть, с точки зрения «Азбуки», оставили умирать.

* Или всего лишь возмутится двойником, или устанет от него, засомневается в нем.

Глава XXVII. ПОРА! ПОРА!

(вариации на тему)

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А. С. Пушкин

Пора, пора подводить итоги, делать выводы, расставлять последние точки. Хочется и у тебя, читатель, найти сочувствие для пишущего, хочется, чтобы ты заметил, как он жалел тебя и сдерживал свое чешущееся перо, готовое настрочить еще много чего. Мы бегло пробежались по Гете и Гоголю, слегка соприкоснулись с Грибоедовым и Пушкиным, совсем не уделили внимание Достоевскому, хотя он так и просится принять участие в обсуждении романа. Да, причина молчания о нем в том и состоит, что слишком много пришлось бы написать. Других пощадим, а сами потерпим.

По другой причине – за отсутствием прямых указаний в романе, – мы не коснулись широко Гофмана и Шекспира, хотя кличка любовника Маргариты – мастер, – взята из «Повелителя блох», многие мотивы которого (в том числе и умение читать чужие мысли) созвучны булгаковским. Мы уже сообщали про предпочтение Гофмана у Шекспира, про пьесу, в которой сюжет прост – настоящего государя, выгнав, подменяет самозванец. Все это, может быть, случайные совпадения, поэтому ни слова обо всем об этом. Но в ответ на наши старания в пользу читателей просим их выслушать наши предположения по поводу мыслей, навеянных одним стихотворением Пушкина.

Конечно, главу, в которой начинаются сборы перед бегством, нужно называть «Пора! Пора!». Так и сделал Булгаков, но сделал он это в том числе и потому, что читал в свое время Пушкина. Как и все схожие сюжеты в произведениях, которые были привлечены к пояснению романа, развитие исторического процесса и человеческой личности тоже слегка претерпевают изменения в соответствии с объективными данными. При смене

эпох схожие явления часто меняют свою внешность, так что подобие движущих сил в разных исторических декорациях приводит к созданию несопадающих конечных изображений. Путаницу при смене эпох, вызванную сменой декораций, усиливает перемена смыслов у прежних символов. Поэтому подобные сюжеты, с подобными словами, предложенные писателями в разные времена, могут описывать человеческие отношения, определяемые противоположными желаниями и силами.

К примеру, в одном случае (в эпоху революций), желая блага, можно открыто указать на неправый поступок главы общества и действовать по восстановлению правды (и собственной гибели) вплоть до его смещения (исключения из списка живущих). В другом случае (в ту же эпоху), опять-таки желая блага, можно, жертвуя жизнью, защитить оступившегося господина, прикрыть телом от людей, использующих удобную ситуацию для того, чтобы кроваво похитить власть*. Можно покинуть общество, обидевшись на него и прокляв его, или, в противоположность этому, можно уединиться, чтобы трудом, принесенным в затворе, осчастливить его.

Рассказывая о возвращенном мастере, Булгаков в один момент сообщает, что он стал таким, как был, когда сочинял то, «чего никогда не видел, но о чем наверное знал, что оно было». Современный читатель воспринимает слово «наверное» как обозначение неуверенности, гадательности из-за наличия различных возможностей. Но исконный смысл этого слова в безусловной уверенности, непоколебимой убежденности в достоверности. Изменились времена и слова переоделись, но думается нам, что Михаил Афанасьевич словом «наверное» хотел выразить именно первичное его значение, заодно отослав читателя к текстам, в которых слова соответствовали своим глубинным, корневым значениям. В тех текстах рассказывается о людях, которые получили возможность, не видев чего-либо глазами, увидеть это очами внутренними, причем это внутреннее зрение, как более важное и точное, доставляло созерцающему блаженство. Как мысль может рождать ощущение присутствия красоты, так взгляд ожившего мистического сердца приносит желание петь благодарственный гимн всему сущему.

Явление в прямых лучах Света может иметь аналог наблюдения в лучах отраженного света (например, от луны). Нечто подобное случилось с мастером, который в полумраке воспаленного самолюбия доверился откровению Воланда о Иешуа. Он, в отличие от многих очевидцев деяний бродячего философа, отнесся к нему серьезно и даже напился уверенностью,

* Боимся, что пример не понравится, но все равно – П. А. Столыпин.

что его полу-старообрядческая проза найдет поддержку в богоборческом государстве. Правда, за свое героическое поведение в утешение и отраду он получил награду в виде интересных переживаний с любовницей. И после запланированных испытаний (давно известно, что мученики утверждают подлинность своей веры, вот он и пострадал за свою веру) эта награда опять должна найти своего героя (Воланду и тут хочется подражать другому Царству).

А со своей стороны, куда же собирается Маргарита? Что же, как заботливая Ева своему Адаму, она хочет предложить мастеру? Конечно, это место, где закончатся несчастья (какие?), где о них можно будет забыть. Укромный уголок, в котором, освободившись от мучительных обязанностей, можно будет наслаждаться обретенной волей, и ко всему вдобавок для укрепления, конечно, обязателен (как и всем болеющим) особый режим – покой. Очень похоже на то, что предложил Александр Сергеевич Наталье Николаевне, почти в тех же словах и интонациях. Мы вынуждены признать, что совпадений здесь так же много, как в историях с Иешуа и Иисусом Христом, но смысл этих предложений так же далек друг от друга, как надежды Левия Матвея от надежд апостола Матфея.

Пушкин предлагает жить, и жить полной жизнью, но хочет устранить то, что мешает жизни, в особенности то, что подменяет ее. Он замыслил побег к жизни, а она состоит из труда и вдохновения. «Азбука» знает много имен людей, которые уходили из мира суеты и лицемерия для того, чтобы сначала освободиться от них изнутри, после чего возвращались на службу людям, больше не заражаясь всеобщими болячками. То есть уход был связан не с неприязнью к людям или усталостью от них, а с желанием самому стать настоящим, а потому полезным им, научившись приносить труд без яда своих страстей.

Отметим, что у христиан стерлась память о причинах уединения подвижников веры, хотя даже и в светской жизни ученый, не склонный к затворническому труду, не сделает главного – не расширит познания человечества, хотя вместо этого мельканием перед публикой может стяжать славу большого знатока. Теперь именно разочарование в людях и гражданском обществе является основной причиной ухода в разнообразные затворы. Оттолкнуть больных или вылечиться самому для того, чтобы ухаживать за ними, – прямо противоположные устремления, по видимости, одного и того же поступка. Так же, как противоположны мотивы побега у Пушкина и мастера. Один хочет создать условия для труднейшего дела – творчества, другой отказывается от писательства, возлагая его на ученика. Один желает покоя при жизни, другой ищет покоя, убегая от нее...

(Мак. л.)

... Полоний

Принц, я обойдусь с ними по заслугам.

Гамлет

Нет – лучше, чтоб вас черт побрал, любезнейший!
Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки?
Обойдитесь с ними в меру вашего великодушия.
Чем меньше у них заслуг, тем больше будет их у вашей доброты.
Проводите их.

* * *

ТЬфу, черт! Проснись, мой мозг! Я где-то слышал,
Что люди с темным прошлым, находясь
На представленье, сходном по завязке,
Ошеломлялись живостью игры
И сами сознавались в злодеянье.
Убийство выдает себя без слов,
Хоть и молчит.

* * *

Я знаю, как мне быть. Но может статься,
Тот дух был дьявол. Дьявол мог принять
Любимый образ. Может быть, лукавый
Расчел, как я устал и удручен,
И пользуется этим мне на гибель.

* * *

<...> Под предлогом чтенья
Гуляй в уединенье. – Все мы так:
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого
Обсахарим.

* * *

<...> Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться

И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателя, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего...

(З. У. пр.)... Итак, поведение их разное, потому что для каждого из них «покой» имеет несовпадающие смыслы. Есть покой жизни, которую не возмущают страхи, похоти, обиды, зависть, то есть благая деятельность недвижима соблазнами и внешними стихиями. Есть и другой, дурной покой – покой бездействия, уклонения от реальности, основанный на нежелании предоставить голос совести, защищающий во внутреннем человеке благое, препятствуя и отсекая злое.

Бегство от труда в себе приведет к распространению этого делания и вокруг себя. Конкретная мысль, которая сопутствует этим двум типам поведения, и проста, и трудна одновременно. Согласие принять себя таким, как есть, а вслед за этим и весь мир – начало честности, требующей великого мужества. Нежелание знать элементарную, первичную правду о своей личности и о ее отношениях с другими легко заменяется подделкой, на утверждение которой прельщенный растратит все свои силы. Простое принятие действительности, а затем благодарность за хорошее (тем умножая его) и изживание (покаянное) недостойного – семя, имеющее всю полноту жизни в себе. И то и другое – труд, называемый в «Азбуке» крестом, так как он мучителен для грешника, которому легче и приятнее лгнуть к темному и убегать от трудов праведных.

Рискуя запутать доверчивых читателей, все же коснемся круга проблем, соединяющих свет и счастье. Их постановку в романе сравним с пушкинским вариантом, а для этого полистаем «Азбуку».

До прихода Сына Человеческого мир людей был темен, поскольку не знал дружеских отношений – верных, чистых, радостных, без воровства

и измен. В этот мир явился Свет, который не может относиться к ближнему, не жертвуя Собой, и предоставляет его желаниям и чаяниям главенство нас Своими. Этот Свет, настойчиво ищет возможность помочь своему врагу, всегда предлагая каждому все простить и принять в вечные друзья. Этот Свет заботлив по отношению к слабому, никогда не ослепит его силой Своего сияния, сдерживая Свою доброту и терпеливо будет ожидать часа, когда возможности раненного грехом позволят ему принять весь Свет.

Самый яркий Свет для предателей сияет с Креста, самый яркий свет для друзей сияет на брачном пире Царства с ними. Так же, как Смысл, как Истина, как Путь, Свет – живой, Он не что, а кто. Его можно позвать, Ему можно открыться, Его можно попросить объяснить. На самом деле, только Он и может точно и правильно рассказать обо всем, только в Его Свете можно все увидеть в подлинности и понять.

Там, где Его нет, все призрачно, обманчиво, зыбко, ненадежно. Если искать благо, то найдете Свет, только Он благ, и в единстве с Ним возможно блаженство, которое между людьми называется счастьем. Не боимся удивить многих и скажем, что цель и смысл жизни человека – блаженство, счастье. Отрицающий возможность счастья – отрицает Бога, смирившийся с жизнью без счастья – полюбил смерть.

Счастье может обманывать, вернее, сокровища, сулящие счастье, могут лгать. Благая весть дает человеку заповедь искать счастье, которое не предаст и не скроется. Если человек довольствуется полусчастьем, он предатель. Земное поприще человека, если приглядеться, состоит из поиска им того, что сделает его жизнь полноценной, богатой, радующей. В этом поиске душа хочет найти что-то стоящее и потом убедиться, что найденное и есть смысл, есть самое высокое блаженство, ради которого стоит рождаться людьми и которое никто не сможет похитить. (Есть такие сокровища, которые нельзя украсть, которые не разъедает ржавчина, которые не грызет тля – это один из главных признаков подлинности.)

В результате этого поиска может открыться и главная трагедия человека, причина которой в ошибке при выборе сокровища. Заметим, что этот поиск совершается всеми доступными человеку средствами, но главный проверяющий сокровищ – сердце человека (в том случае, если оно действует, а если нет, то главные лица контрольной комиссии будут убывать по нисходящей – ум, гормон, желудок), оно может переполниться счастьем и наполнить этим счастьем всего человека и все встреченное человеком.

Катастрофа, сопровождающая выбор ложного сокровища, не окончательная, она может быть преодолена. Для этого необходимо признаться себе и другим в самообмане, но это может сделать человека в глазах общества смешным, очень уязвимым, и, в конце концов, никчемным неудачником, что станет для него одним из главных препятствий в преодолении кризиса. Пока болезнь не стала хронической и не спрятались ее главные симптомы сохраняется возможность следить за плодами свежих поступков, а если необходимо, сразу (до их забвения) устранять ошибки нашей преступной глупости и тем самым избавляться от их последствий. Именно в наличии защитной реакции организма от несчастья*, которая остается незамеченной большинством из дерзающих действовать, кроется причина парадоксального поведения обманувшихся слепцов, не поддающегося объяснению здравого смысла.

Например, если человеку, ищущему счастья, удастся увести миллиард, то можно не сомневаться в том, что он не успеет его проесть и промотать до конца жизни, так что можно было бы остановиться и весело пить и гулять все дни напролет на зависть всем. Однако, непонятно почему (и для него самого), у счастливицы возникает неутолимая жажда хапнуть еще два миллиарда, а потом еще шесть. Абсурд? Да. Но абсолютно обоснованный, и поэтому нельзя обижаться на человеческую жадность.

Дело в том, что ловкий воришка, овладев богатством, вдруг обнаруживает, что он не стал счастливым. (Многие могут не поверить, и мы уважаем их мнение, но уважаем также мнение «Азбуки».) Точно так же поверившие в то, что сокровищем может быть власть, всеобщая известность и почитание, разнообразие впечатлений, острота удовольствий, созерцание людских страданий или веселая беззаботность, защищенная от испытаний и принуждения к труду, неотразимая привлекательность, несокрушимая сила ума, на худой конец, неистощимое здоровье, не хотят верить, что эти ценности зависят от капризов рынка и моды, времен года, мнения и настроения окружающих и еще более мелких факторов, что убедительно говорит об их неизбежном постепенном обесценивании из-за естественных инфляционных процессов.

Те же, кто ищет настоящее, не только не будут осуждены за обнаруженную перед всеми нищету, но и примут похвалу от жизни за поиск бесценного, только бы не оставить его вдруг от разочарования или усталости, не предать его согласием на нетерпеливый самообман.

* Если пожелаете, это можно назвать инстинктом духовного самосохранения.

Ищите и найдете. Книга жизни знает и может рассказать о тех, кто выстрадал сокровище и, обретя его, учился беречь, а теряя, возвращать.

Иисус Христос, принеший на землю милость, этой милостью и возвращал людям утраченные ценности. Но для многих честных людей это стало не мостиком, а преградой на пути к Богу, поскольку им было очень обидно оттого, что недостойным возмещают промотанное. Ведь в милости нет очень важного для праведников – справедливости. С сожалением констатируем, что для тех, кому вернули растраченные богатства, земная жизнь продолжала оставаться испытанием и трудом. Во-первых, потому что привычка к аромату гнили требует испорченной пищи, а во-вторых, угроза опять промотать постоянно ходит рядом, ловя момент, чтобы заставить врасплох ротозея и заставить его, уступая напору новых продавцов нового невидимого счастья одноразового использования, опять расплатиться душой.

Христиане, сумевшие непритворно обрадоваться жизни, в благодарении познали, что совершенство ее может осуществиться только с всеобщим воскресением, где Свет не будет разбавлен тьмой, где не будет больных глаз, которые не выносят полного яркого Света. То же самое и с правдой, и с верностью, и с взаимностью. Они есть, но они ждут полноты, которая возведет их в звание истинных, без какого-либо недостатка.

Семя – еще не дерево. Закваска – еще не хлеб. Есть начало, но еще не время плодов, поэтому можно сказать, что по единственному большому счету жизни счастья на земле пока нет – есть его луч, его семя. У людей же есть время не уставая выбирать себе жизнь и счастье для вечности. То, что нам будет дорого тут, останется и там, но без компромиссов, с исчезновением всего лишнего, всего, что здесь отнесем к второстепенному.

Христиане узнавали блаженство здесь, но ожидали соединения его с совершенством, и поэтому их общей молитвой было обращение к Подателю его: «Ей, гряди, Господи!». Благодарное приятие блага, возможного в настоящем, при ожидании его раскрытия, исполнения в дальнейшем. Для примера мы можем указать на очень высокие (очень редкие среди верующих за своей невостребованностью) добродетели – веру и надежду. Они упразднятся по воскресении, уйдут, вместо них будет высшее их. Уйдет необходимость заставлять себя, уйдет необходимость в отдыхе, уйдут законы и ограничения, свободе будет доступно все. Ныне видим в свете, но гадательно, нечетко, ясность еще придет.

Постепенный переход одного в другое можно назвать путем или взрослением, которое окончится преображением.

В литературе, знакомой с христианством, укоренилось выражение «этот свет» или просто «свет» и «тот свет». Тот свет считался не то что загадочным и достойным умолчания, но беседы о нем предоставлялись религии, считалось неприличным в суете разговаривать о нем.

Наш мир, этот свет, без боязни быть смешанным с чем-то еще, называется просто светом, обозначая то, что под солнцем доступно человеческому взгляду очей и ума. «На свете такого не было видано» означало, что такое, может, где-то и есть, но на земле его не видели и не встречали.

Как у людей водится все подвергать сравнению, так и для света нашлись градации для разных частных случаев. Вспомним, общество образованных, культурных, уважающих себя людей, зачатых и рожденных определенным сословием, называлось высшим светом. (Сейчас состав крови сменился, он состоит теперь не из красных ручейков, а из денежных потоков – они ныне определяют степень аристократизма. Впрочем, это тоже сезонное явление.) Кроме того, некоторым явлениям сумели приписать свойства частиц, обладающих корпускулярно-волновым дуализмом, например, ученье – свет. Люди, которые читали пока еще не испачканные страницы «Азбуки», без трагедии воспринимали то, что этот свет счастья не несет, он должен еще вызреть, и благодушно ждали перемены своей участи с окончанием земного пути, когда открывался путь в неомрачаемом блаженстве. А раз так, было общее убеждение, что люди, вступившие во вторую часть своего жизненного поприща*, нуждаются не в сострадании, а в сорадовании.

В древней христианской церкви отпевание человека не было трагичным, его переход к подлинной жизни был торжественным, люди в знак этого надевали светлые одежды, как при крещении и как на главные церковные праздники. Траур и черный цвет (тьма) при расставании здесь – изобретение поздних веков, слезы и надрыв во время него – верный признак того, что христиане стали ощущать этот свет как единственный, а переход опять превратился в уход, растворение в небытии, во тьме. Люди всем своим существом уверились во всесии смерти, которую уже некому будет побеждать, в единственности тьмы, как невидимого мира, и отсутствии невидимого в природе нашего света.

Вместе с тем, не стоит вслед за предположениями воинствующих атеистов думать, что христианство представляет земную жизнь как проклятие, как недоразумение, которое надлежит при первом удобном случае

* Имеем в виду вечность.

поскорее забыть. Нет, его мироощущение иное: жизнь прекрасна, достойна благодарности, несмотря на все ужасы и страдания, уродующие ее. Лучше родиться, чем пройти мимо этого мира и остаться не вызванным из небытия. Малое благо, которое есть на этом свете, сохраняющееся под тенью смерти, несравненно дороже, богаче тех валютных сумм, которые крадет у него зло.

Тьма не объяла, не поработила света – этими словами можно выразить это свидетельство. Людям выбирать – принимают они его или нет. Кто не увидел света в этой жизни, не захочет видеть его и после нее. Кто не нашел правды на этом свете, не встретит Истины и на том. Свет появился здесь, но не все наполнилось Светом, и когда людям не станет нужен Свет здесь, здесь все остановится и замрет, исчерпает себя и упразднится, и будет только там. Для того чтобы жизнь здесь длилась, нужен труд по постоянному возвращению Света в нее. Это позволит человеческой душе не гибнуть от ужаса грядущих бед, оставаясь мужественной и спокойной. При отсутствии сил сопротивляться тьме и не отчаиваться во время падений, это возможно, если видеть, что все мыслимые и еще неведомые беды приняты на Себя Сыном Человеческим. Ради незримого счастья можно пренебречь миром бушующих страстей, мирная душа обладает богатством несравнимым с ними. По нашему мнению, в своем послании Пушкин приглашает свою супругу, не веря обманному свету удовольствий и суеты, изменить привычную светскую практику и уйти из ложной жизни к трудам на созидание подлинной жизни и новой взаимности.

В романе Булгакова Маргарита предлагает мастеру то, что нравится ей, а ей нравится то, что предлагают черти. Она хочет вместе с ним отказаться от жизни, заменив ее дурным покоем, бездействием нежити, счастьем в смерти. Маргарита поклоняется Воланду и прославляет смерть, которую он выдумал. Мастер не отстаёт от нее – существование, в котором ему оставлено право мыслить, не просто достаточно, он ощущает его как сокровище, хором со своей чужой женой прославляя ценность демонических подарков.

Исполняется пророчество «Азбуки»: перед нами люди, которые воспринимают смерть как высокую жизнь, а жизнь как низкую смерть, то есть все мы организовано, забыв про начало, подбираемся к концу. В этом перемещении верхнего вниз, а нижнего вверх (предсказанное Христом своим ученикам как неизбежность в истории людей) предлагаются теперь старательным поклонникам Сатаны почти те же названия блаженств – комфорт, неусыпающее познание покоя, отсутствие страдания, только

в своеобразном исполнении. Особенность новых ценностей состоит в том, что они адаптированы ко злу, не боятся его, помнят все мерзости и не чувствуют боли от разложения, а то, что вызывает у них неприятные ощущения, – реальность с ее природным благом деликатно отходит от них, как бы находящихся под воздействием наркоза, не навязывая себя ни в памяти, ни в приобретенной житейской мудрости. Итак, обеты, данные христианам, прекрасно исполняет Воланд, и теперь этому есть два свидетеля, что тоже приспособлено к легализации подмены, в опоре на учение «Азбуки»...

(Мак. л.)

... Что делала бы благодать без злодейств?
Зачем бы нужно было милосердье?
Мы молимся, чтоб бог нам не дал пасть
Иль вызволил из глубины паденья.
Отчаиваться рано. Выше взор!
Я пал, чтоб встать. Какими же словами
Молиться тут? «Прости убийство мне»?
Нет, так нельзя. Я не вернул добычи.
При мне все то, зачем я убивал:
Моя корона, край и королева,
За что прощать того, кто тверд в грехе?
У нас нередко дело заминает
Преступник горстью золота в руке,
И самые плоды его злодейства
Есть откуп от законности. Не то
Там, наверху. Там в подлинности голой
Лежат деянья наши без прикрас,
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ. Так что же? Как мне быть?
Покаяться? Раскаянье всесильно.
Но что, когда и каяться нельзя!
Мучение! О грудь, чернее смерти!
О лужа, где, барахтаясь, душа
Все глубже вязнет! Ангелы, на помощь!
Скорей, колени, гнитесь! Сердца сталь,
Стань, как хрящи новорожденных, мягкой!
Все поправимо.

* * *

Гамлет

Вы сделали такое,
Что угашает искренность и стыд,
Шельмует правду, выступает сыпью
На лбу невинности и чистоты
И превращает брачные обеты
В торг игроков. Вы совершили то,
Что обездушивает соглашения
И делает пустым набором слов
Обряды церкви. Небеса краснеют
И своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в судный день, чуть вспомнят ваш поступок.

* * *

Но ваши чувства спят. Ведь тут никто б
Не мог так просчитаться. Не бывает,
Чтоб и в бреду не оставался смысл
Таких различий. Так какой же дьявол
Средь бела дня вас в жмурки обыграл?
Слепорожденный с даром осязанья;
Безрукий, слабо видящий; глухой,
Но чувствующий запах, не ошиблись
Так явно бы!
Стыдливость, где ты? Искуситель-бес!
Когда так властны страсти над вдовою,
Как требовать от девушек стыда?
Какой пример вы страшный подаете
Невестам нашим!

* * *

Взамен отсутствующего стыда
Усвойте выдуманную стыдливость.
Она привьется. В маске доброты
Вы скоро сами пристраститесь к благу.
Повторность изменяет лик вещей.
В противность злым привычкам добрый навык
Смирняет или гонит прочь чертей.

* * *

Я рву все связи и топчу присягу
И преданность и верность шлю к чертям.
Возмездьем не пугайте. Верьте слову:
Что тот, что этот свет – мне все равно...

(З. У. пр.)... В этом наделении друг друга подарками от сатаны, на первый взгляд, первую скрипку играет Маргарита, мастер как бы пассивен, безынициативен, но это только первое впечатление. Как пример, на приеме у Воланда Иешуа сначала просит о мастере, а его подруга помянута во вторую очередь, как бы в дополнение напоследок.

Именно мастер в своих сочинениях первым отменил благо спасения и истину, это несравненно выше в глазницах сатаны, чем рутинное участие в шабашах и вакханалиях. Слова мессира о том, что мастер не заслужил света, мы предлагаем понять так: во-первых, заслужить у дьявола в первую очередь можно наказание, а не награду. Во-вторых, в царстве тьмы главой является сатана, а Иешуа только его слуга, так что молодому злодею быть в компании предводителя почетней и желанней, чем в окружении его шестерок (таких как Иешуа с Левием). Поэтому заслуги мастера столь велики, что значительно превосходят даже пользу от Иешуа, и его длительное пребывание рядом с антиИисусом было бы ему самому в тягость. По этой причине и дается мастеру власть над бродягой, которого он своим повелением направит на Луну вместе с Пилатом. Мастер отпускает, передает своих угаданных подопечных новым подмастерьям, а сам удаляется более высокого посвящения в познании глубины преисподней. Отныне он покоится под собственной приманкой фальшивого добра, недалеко от отца этого прописного соблазна и тоже не боится теперь смотреть на неприкрытое зло. Мастер покидает своих героев, но не отказывается от них. У него остается свой маленький апостол, и он перепоручает ему заботу о своих подопечных. Теперь Бездомный будет мечтать и писать о них. И Маргарита не оставит своей заботы о его последователе и то ли иудиним, то ли ведьминим поцелуем в лоб, как целуют мертвецов, будет просвещать на свой вкус его разум и изменять его облик.

Не только у мистических, но и у вполне светских текстов может быть похожая внешность и при этом противоположные цели и средства. Так в двух одинаковых флаконах может храниться и лекарство, и яд. Неужели, чтобы разобраться в них, нужно попробовать оба?

Глава XXVIII. ВОН ИЗ МОСКВЫ!

(коней нам, коней!)

Враг наступает – мы отступаем...

Из военной доктрины Мао

Пора!! – повторим мы вслед за хохочущим Бегемотом. Пора завершать следствие по делу банды гипнотизеров. Кони, оседланные еще Мефистофелем, наконец-то дождались своих всадников вместе с Маргаритой и пустились наутек. Декорации поменялись, но признаки бегства налицо, удастся ли удрать? Уезжают черти, прихватив с собою всех уставших от света дня и желающих отдохнуть в интимной полутьме лунной ночи. Роман подходит к концу, а мы возвращаемся к началу. Больше нет громкого призывания нечистой, опять слышится благородное взывание к многочисленным богам. О боги, боги, как благородно вы звучите по сравнению с дурацким словом «черт», а вместе с этим преобразается и облик беглецов. Теперь пестрая цирковая внешность визитеров становится рыцарски благородной и величественной. Не таким загадочным и привлекательным был последний рыцарь Дон Кихот. Он все пытался защитить возлюбленную (которая не очень хорошо была осведомлена о его существовании), победить зло, рождаемое его воображением, а в результате выглядел до трогательного смешно.

Здесь обозначена огромная область человеческой деятельности, хорошо известная прежде и крепко подзабытая сегодня. Азбучной истиной считалось, что для того, чтобы слыть честным человеку, его внутреннее устройство и внутренний труд должны соответствовать внешним проявлениям в его поведении, поставленном на обозрение. Тысячелетиями этого соответствия не было ни у кого и не могло быть, все привыкли к тому, что лицемерие в той или иной степени спутник каждого человека.

Под кожей находился не совсем тот человек, которого знало общество, и эта двойственность стала как-бы второй природой. По сути дела, бытовала только показуха, только лицемерие, а потому – мертвечина. Милость, достигшая грешников, открыла возможность сделать единым внутреннее и внешнее, к формальным трудам подключить сердце. Люди, у которых

в вере родилось сердце, называются детьми, так как им еще только предстоит учиться владеть им, и им действовать. С нелепыми ошибками, невозможной бестолковостью, полной незащищенностью, которую покрыть может только мудрый взрослый. Отсутствие ловкости ума и рук со стороны выглядит очень смешным и достойно лишь снисхождения у людей ушных.

Начальная проблема всех, пришедших в Церковь и пожелавших отказаться от прежней жизни, а затем научиться новой, состоит в том, что число ошибок, заметных всем, резко возрастает в сравнении с периодом, когда в прежней общечеловеческой среде они были мастерами. В них сильно стремление быстрее выучиться и овладеть, однако, они не знакомы с тем, что надо спокойно ждать, пока с помощью прилагаемых усилий, но естественным образом (без авралов и стимуляторов) разовьется ум и вырастут, укрепятся руки. Они спешно нахватывают специфические приемы и повадки поведения, одевая нужную одежду из благочестивых привычек и фраз – и перестают быть детьми, зарыв в песок пошлости свое сердце. Никто не хочет быть смешным, именно поэтому никто не верит тем писателям, которые изобразили идиотов и прохвостов как персонажей, присутствующих в них самих. Ведь тогда опять-таки получается, что они посмешищем выставили самих себя.

Нежелание обнажить себя, благодаря чему в тебе увидят живое, а значит ранимое, массу несовершенного и дурацкого, заставило нынешних творческих людей уклониться в мастерство, которое не только штампует изображения мертвецов, но и конструирует удобопонятными и удобоприятными их чувства и переживания. Быть может ошибочно, мы полагаем, что человек с детской душой способен почувствовать тепло в произведениях искусства и может опознать мертвечину в произведениях культуры. Вероятность того, что выплывет наружу их внутренняя пустота, выталкивает мастеров всяческой культуры на недостижимую высоту, так что хочется назвать их небожителями и облакает в неприступную величавость, как голых королей. Возможно, это совпадает с их представлениями и убеждениями о себе.

Настоящие рыцари на земле обязательно будут выглядеть неуклюжими и глуповато нерасчетливыми. Настоящие друзья будут простофилями и недотепами, настоящие художники будут плохими экономистами и юристами, вернее, ищущие чудачки у людей практичных будут вызывать снисходительную ухмылку. На земле подлинное – неказисто, пустое – монументально. Воинство из всадников вокруг Воланда серьезней и внушительней, чем жалкий неудачник Дон Кихот со своим слугой. Детскость,

беззащитность странствующего рыцаря трогательно обнаруживают в нем жизнь под горой лжи, которой он опрометчиво доверил свое сердце. Но и в нем великая тьма не объяла лучик света. А в это время мастер продолжает делать свое дело и на глазах у рыцарей полагает продолжение существования Иешуа, да так, что беседа между призраками бродяги и прокуратора донесется до нас.

Призраки стали действующими лицами истории людей. Впрочем, это не удивительно, если люди слушают наветы демонов. Уже не Воланд, а ученик мастера поведает нам содержание беседы Пилата с Иешуа. В «Азбуке» есть один удивительный действующий закон (в ней все законы удивительные), который люди просто не желают замечать, может быть потому, что им хочется непредсказуемости в жизни (которая дает ощущение свободы, правда ложной), а этот закон эту непредсказуемость устраняет. Христос призвал слушателей приносить другим то, что они желают себе не только потому, что это честно. Сделанное, высказанное, промелькнувшее в мыслях, обращенное в чувства некому невидимому другому неумолимо вернется нам, но не как видимая копия, а как невидимая мера, которой мы им отмерили, или общий с ними невидимый кодекс наказаний или помилований, которым судили.

Наша перед всеми ценность будет той, в которую мы оценили для себя Бога и людей, тайно занеся в свои или чужие, друзья или враги. Приходит, охватывает человека исподволь, неприметным образом, но властно и неумолимо, тот вид взаимоотношения, который он предложил иным (конечно, не притворно, а подлинно, может быть, не отдавая себе отчет в этом). Согласно этому закону мастер принимает существование, на которое он обрек других, и как посылает в бездну нежити своих героев, так и сам разделяет их участь, уходя в царство призраков.

Пусть читатель не обманывается видом венецианского окна и вьющегося винограда (того самого, который вырос на пролитой крови барона Майгеля и большевика Берлиоза). Его освобождают (то есть кто-то неупомянутый отпускает его на свободу) от жизни (от труда созидания единства с другими), из объятий которой он уходит, как хотят внушить нам, безвозвратно. Этими закономерностями приоткрывается его прямой, как стрела, путь, в точности как у Иешуа вместе с Пилатом. Цель для них протягивает свои щупальца из прошлого, как всегда бывает с теми, кто увлекся тьмой, так и направление, в котором они движутся, определяется не тем, что впереди, а тем, что позади, тем от чего казалось бы уходят. Не новое манит беглецов, а гонит прошлое.

«Азбука» настаивает на том, что в ночь на воскресенье, то есть на Пасху, для ищущих дверь из страны смерти, Христом дается прощение, и они немедленно входят с Ним в Царство Брачного Пира*. Те же враги Света, которые хотят похищать у жизни возвращающихся к ней блудных детей, подсовывая им поддельное прощение в фальшивую жизнь, вынуждены в эту ночь бежать от победившего, объявшего все и всех Света в самые дальние и укромные уголки бездны, до которых не пришло время долететь его лучам. Именно от Пасхи бегут самозванные господа с выдуманным ими милосердием. Они не называют причин своего ухода, представляя его как часть неизвестного (в том числе и Берлиозу с Бездомным) плана, по которому пора смываться.

Соккрытие движущей силы, принудившей крикнуть «Пора!», позволяет могучей кучке отложить до страшных времен открытое признание воскресения Христа. Но имеющий очи, да видит. А пленники этих ложных господ тоже лишаются участия в настоящей Пасхе. Им подают мир отраженного света, и они молчаливо соглашаясь на отсутствие света истинного также скрываются в небытии.

Не дрогнет ли что-нибудь внутри у читателя, если его герои безвозвратно проваливаются в неизвестность, или он уже воспринимает это исчезновение как действительное прощение с наградой и доволен их судьбой? Может быть, в тайне он уже для самого себя хочет такого же исхода и искренне желает его своим близким? Нам кажется, что так и есть, а потому неусыпная ведьмина забота о профессоре истории и философии с поцелуем в лоб представляется многим уместной и утешительной. Призраки воздействуют, их ученики воспринимают, прогресс продолжает идти своим ходом. Воланд освободил Маргариту, Маргарита мастера, мастер Пилата и Иешуа, Иешуа мастера, Пилата и Маргариту. Почти все свободны, но только глупая луна держит их в своем подчинении.

В конце истории, начавшейся на Патриарших еще при солнце, пусть и отраженном в окнах, пусть и заходящем, остается только луна. Только она дает зыбкий свет и своими лучами прокладывает путь своим героям с исколотой памятью. И ее герои, люди лунного света, идут к ней, а некоторые столь легки, что идут прямо по ее лучам. Лучи эти добрые, поскольку

* Если точнее, Он спускается к ним в гроб. Именно место погребения во тьме, без света, представляет собой Храм, когда полуночный Пасхальный крестный ход обходит вокруг него и останавливается перед закрытыми дверями церкви как перед дверями Гроба. После Пасхальных запевов и возгласа предстоятеля врата открываются и храм заливается светом в знак того, что к мертвым пришел Спаситель, и вместе с Ним в людях, сидевших во тьме смерти, воскресла во взаимности жизнь.

остроухий пес тоже может идти по ним и просветляться, и просвещаться. И все у них будет хорошо и замечательно, вопреки тому, что, по словам Маргариты, все кончается.

Только людям, равнодушным к луне, скажем, что идущий на ее свет, уходит от настоящего первоисточника, удаляется, повернувшись к нему спиной, поэтому безразличных к ночному светилу не должно расстраивать то, что этого путешествия в их жизни не будет. Однако и они вправе предъявить нам свое некоторое недовольство.

Много говорилось о христианстве, но как-то намеками, подтекстами. Совпадение безобразий и отлета нечистой компании со Страстной седмицей и Пасхой может быть наваждением, подготовленным гипнозом. Черная месса и ее атрибуты могут быть плодом исключительно буйной писательской фантазии неудавшегося врача, а не следствием необузданной глумливости той же компании по отношению к презируемой ими религии.

Имена, фамилии, повторение одних и тех же фраз разными, не сообщающимися друг с другом персонажами могут быть следствием рассеянности Булгакова или данью своему времени, в котором населению отдельно взятой страны был предложен способ жизни, основанный на единообразии, единомыслии и единоначалии. Опять-таки надо учесть возможное действие гипноза на самого Булгакова, он ведь тоже представитель населения.

Само собой разумеется, что сопоставление писательских воззрений с тем, что изложено в их произведениях, не может быть убедительным, так как бурное развитие демократии по всему миру доказало, что все люди не могут быть согласны друг с другом ни в каком мнении, кроме единственного, но главного – мнения большинства. По этой причине мы ни разу не упомянули имя Салтыкова-Щедрина, к которому был неравнодушен Булгаков, и герои очевидца Пошехонской старины являются бабушками и дедушками персонажей «Мастера и Маргариты», а набожность Грустилова уже не через кровь, а непосредственно от сердца к сердцу передавалась и оплодотворяла религиозные чувства своих восприемников из романа Булгакова.

Может и нет факта присутствия Христа в романе, а то, что связанное с Ним привиделось в пестром ворохе его событий – только иллюзия, вызванная неприязнью к истинным виновникам всего происшедшего в весенней Москве. Косвенные доказательства в судьбоносные моменты истории, действительно, могут показаться сомнительными, несмотря на их изобилие, но мы убеждены, что факт личного присутствия Христа все-таки есть...

(Мак. л.) ...

Констанция

Нет, не нужны мне помощь и советы;
Единственная помощь и совет –
Смерть, смерть! Люблю и призываю смерть.
Благоуханный смрад! Блаженный тлен!
Встань, поднимись от ложа вечной ночи,
Ты, враг, ты горький ужас для счастливых!
Лобзать я буду мерзостные кости,
В провал глазниц вложу свои глаза,
Червями пальцы обовью и в рот,
Чтоб не дышал, набью земли могильной,
И стану трупом страшным, как и ты.
Приди! Оскал твой для меня – улыбка.
Несчастная возьмет тебя в мужья,
В любовники. Приди!

* * *

Но разума хотела бы лишиться,
Чтоб ни себя, ни горя своего
Не сознавать! Придумай, кардинал,
Такое мудрое увещеванье,
Чтоб я сошла с ума – и сразу будешь
К святым причтен; не то рассудок мой,
Пронзенный горем, скоро мне внушит,
Что удавиться, горло перерезать –
Вернейший путь избавиться от мук.
Будь я безумной, я б забыла сына
И утешалась бы тряпичной куклой.
Но разум жив, и жгуче, слишком жгуче
Терзает душу каждая из бед.

* * *

Гамлет

Не кажется, сударыня, а есть.
Мне «кажется» неведомы. Ни мрачность
Плаща на мне, ни платья чернота,
Ни хриплая прерывистость дыханья,

Ни слезы в три ручья, ни худоба,
Ни прочие свидетельства страданья
Не в силах выразить моей души.
Вот способы казаться, ибо это
Лишь действия, и их легко сыграть,
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ...

(З. У. пр.) ... Присутствие Христа не может подтвердить светская наука*, о Нем убедительно может свидетельствовать только вера отдельно взятого человека. А раз так, факт, пусть и единичный, указывающий на Его пребывание на страницах книги, но признанный православием, достаточен для того, чтобы считать его общепризнанным.

Само же православие утверждает, что тот, кто хотя бы один раз призовет имя Господне, будет Им спасен. Есть в Благой Вести свидетельство о человеке, который всю свою жизнь грабил и убивал, совсем не читал книг и не интересовался философией. И на своем легкомысленном и злобном пути он был остановлен, схвачен, осужден и приговорен к весьма заслуженной мучительной смерти. То, что мука была заслуженной, придавало бандиту сил для глумления вместе со своим подельником над висящим рядом с ним человеком, принявшим наказание за то, что старался выручать злых людей, погибающих грешников. Хотел помочь плохим, так сначала помоги себе, останови страдания, покажи, что ты сильный, ты господин, а не обанкротившаяся пешка.

Действительно, мучиться приятней, когда на тебе тьма загубленных душ и ты принимаешь по заслугам, а рядом истязают того, кто никого не обидел. Ясно, что у такого человекоподобного зверя представления о вечности и рае не было даже приблизительного. А уж о том, что за него, за негодяя, кто-то замолвит слово и представить было нельзя — кругом только месть, только ярость справедливости от обиженных им.

Трудно было удивить страданиями этого человека, так как он сам многократно предлагал испытать их своим жертвам, а потом заглядывал им в глаза, когда они умирали от его рук. Однако рядом с ним оказался тот, кто не вопил о своей невиновности, не вымаливал суда помилосердней, не размягчал сердца палачей жалостью, не выкрикивал им упреков и угроз с проклятьями. Рядом с ним был тот, кто истязания

* Если откровенно, то и богословская тоже.

тела принимал с царским спокойствием души, тот, кто свое отношение к людям и проповедь к ним не подчинил своему горю и ужасу исчезновения.

Это был господин всех стихий, которые могли не только раздавить любого, но и превратить в нечто более ничтожное, чем насекомое. У господина не было подданных, но Он был, безусловно, Царь, и злодей был поражен этим зрелищем. Он вдруг услышал то, что многие слушатели и исцеленные пациенты этого Царя не смогли услышать. Изменить взрослому человеку все свои взгляды трудно даже под напором веских аргументов. Отказаться от всего своего опыта, то есть сказать, что все, что было с тобой – ничто, все дрянь, все ложь, сказать вопреки всем уговорам (своего малодушия и человеческого презрения), что ты урод, не способный не только на величие, но и на простое человеческое достоинство, не то что очень трудно, невозможно. Если же добавить ужас умирания, доводящий эту невозможность до той степени убедительности, в которой об этом знает каждая клеточка от ногтей ног до кончиков волос, то невозможной даже для всемогущего чуда покажется возможность уходящему во тьму вдруг почувствовать это величие в себе.

И в нестерпимо выжигающей боли поверить, что это величие могут вернуть, что оно всегда было нужно, и что вернет его тот, кто рядом с тобой царствует в страдании на кресте, дано только безумцу. Для многих христиан разбойник, обезумевший ради бунта против смерти, стал помощником, возрождающим надежду в том, что даже в самых крайних обстоятельствах можно узнать Христа, поговорить с Ним, быть услышанным и спасенным Им. Его решимость, бесстрашие, честность ожили на несколько мгновений, но их хватило на то, чтобы освободить его внутреннего человека и дать ему возможность в нескольких искренних словах открыть себя и впустить в свою жизнь Спасителя.

Разбойник позволил своей совести видеть и говорить, и, благодаря ей, Христос стал для него Истиной тотчас, немедленно, а не в результате продолжительных аскетических упражнений и неусыпных научных установлений веры. Прозрение человека на Истину необратимо меняет его душу, а дерзновенное признание этой встречи перед всеми (которое всегда слышит Бог) изменяет и прошлое, и будущее и настоящее тех, кто услышал это откровение.

Последнее в земной жизни разбойника свидетельство о том, что он поверил в возможность дружбы с Христом, и их райского единства, вместе с просьбой к Распятому, чтобы Он снова сотворил его в своем

Царстве, сделало эту возможность явью. Новое творение человека, называемое воскресением, необходимо потому, что из этой жизни ему было нечего взять, ни одного достойного поступка, ни одной доброй мысли. Можно было предъявить только ясную до очевидности надежду, что тебя понимают и подарят жизнь, так как именно для этого за тобой сюда пришли. Одной фразы было достаточно, чтобы Христос и только что родившийся человек начали свой совместный путь. Слова: «Помяни меня, Господи...» с тех пор дали жизнь многим безнадежно погибшим. Ни разу не обманули, не подвели.

И для романа достаточно одного человека и одного факта исповеди им Христа Спасителем, чтобы книга стала христианской. Много было ложной божбы и махания рук в изображении креста, были свечки и иконки (но не было ни одного нательного крестика), были попытки кропления водой, но этого не только не боялись визитеры, но, скорее, приветствовали этот спектакль, так как он добавлял еще смеху в общую комедию. С коварной целью превратить этот робкий смех в залиvistый был привлечен петух, который запросто сделал то, что не получилось у обезумевших христиан – прогнал, победил нечисть. С тех пор как петухи оказались эффективней своих православных хозяев в деле благоустройства человеческого общества, стало очень трудно остановить хохот эмансипированной публики.

Как нам кажется, тут имеется еще один скрытый повод для смеха над верой христиан. Избавление от вампиров, благодаря пению петуха, как бы в лунном свете отражает евангельскую историю. Там пение петуха спасло апостола Петра от демонического помрачения. Он очнулся, вспомнив слова Христа о своем отречении, и прозрел на свою измену с троекратной клятвой. Найдутся добрые люди, которые не отыщут ничего высокого в признании своей собственной подлости, но для тех, кто не ведает, что творит, вдруг увидеть, признать в себе предателя – спасительно. Горькая правда о себе убивает, если с ней остаться один на один, и подает блаженство, если высказана тому, кто хочет простить. Не петух, а мужество Петра выручило его из лап смерти.

Среди изобилия аргументов в пользу разоблачения и развенчания христианского мифа, среди беззаботно потешающейся над его бессилием публики есть один человек и один поступок, маленький, почти незаметный, но который перевешивает всю клевету, воздвигаемую визитерами и их сообщниками. В «Азбуке» хранятся сведения об умном кресте, который накладывает на себя верующий. В тот момент, когда он осознает свое враждебное отношение к Христу, борьбу с Ним и понимает, что своей злобой и лицемерной верой возводит Его на крест и в то же самое время знает,

что Сын Божий пришел для того, чтобы принять этот удар на Себя и тем самым получить возможность простить предателя, тогда в знак этой действующей воскрешающей силы он, в помощь своим мыслям, изображает на себе Крестное Знамение.

Это знамение запечатлевает встречу человеческого желания ожить и Бога, радующегося о том, что Его милость нужна погибающему, и тогда всемогущая милость Христа рождает новое единство, новую дружбу. В крестном знамении может таиться признание, что сейчас сердце не способно искренне испросить и утвердить над собой прощение распятого Бога. Даже этого молчаливого признания своего бессилия души достаточно, чтобы оно открыло дверь животворящему действию Креста. Любая правда о себе, как бы она мала ни была, дает возможность всемогущему Богу помочь злодею, обратившемуся к Нему за спасением.

В романе Булгакова есть человек, который знал Христа, и в минуту малодушия, позорной слабости, обратился за помощью к Нему, совершив крестное знамение (это единственное в своем роде слово «знамение» в романе и означает подлинность запечатленного жестом веры единства грешника и Спасителя). И развязный, вальяжный и приятный в обхождении демон вдруг стал серьезен, перестав паясничать и кривляться, со звериным рыком запугивая тем, что отрежет крестьящую руку.

Маргарита и мастер были увлечены быстротой и наготой, а то бы заметили, что безжалостный стрелок в червовое сердечко поспешно скрылся вместе с ними, не продемонстрировав в очередной раз своих талантов убийцы. Всего лишь одна рука позвала Сына Человеческого на помощь, но и ради спасения одного единственного человека Он бы пошел на крестную смерть. Один маленький человечек попросил его выручить, и Отец, который везде, послал на смерть ради него Своего Сына. Есть один нуждающийся в Жизни, в нем немедленно есть Христос, Его распятие и Его воскресение.

Один живой человек на весь роман – мало это или много? Нам думается, что в нем, на секунду залетевшем на страницы большой книги, явилось чудо настоящей литературы. Толпы различных персонажей запрудили книжные магазины и библиотеки, и среди них нет ни одного живого. И чем меньше людям нужна истина, тем больше им нравится мертвечина, при помощи лести, клеветы и подлогов возведенная в ранг высочайших достижений земной цивилизации. Тем значительней и прекрасней этот неприемлемый пример подлинной веры в Жизнь.

Мы считаем, что Булгаков самым радикальным, наиболее доступным для понимания способом захотел снять цветной покров изобилия жизни

с безводной пустыни нежити, в которой незаметно для себя очутились не только крещенные атеисты, но и люди, продолжавшие себя считать христианами.

Распалась связь времен, распалась связь имен, распалась связующая вера. Это разъединение на обособленные части и есть царство смерти, которому служат люди, по-доброму искренне любят его и считают себя патриотами, готовыми к его защите!

Не только бесконечными косметическими операциями, придающими моложавый привлекательный вид разлагающемуся на элементы обществу защищают они страну своей гибели. На остатки живого натягиваются маски нежити для того, чтобы ни у кого даже смущения не возникло из-за наличия чего-то иного, не из владений тьмы. Тревожно, что это происходит не на стадионах или в заведениях культуры, а стало привычной нормой в среде практикующих христиан.

Утрата подлинности в тех, кто призван ее возвращать в человеческое общество, ужаснула Михаила Афанасьевича. Всеобщая повальная подмена всего, постоянное насильственное внедрение нового невиданного добра, массовое оголтелое служение ему – вот наш новый век, который способен воспеть безжизненную бутафорию как новое невиданное счастье, вдохновляя всех на коллективное исполнение «Аллилуйи» смерти.

Книжный антихрист нестрашен. А если он выведен на страницы для того, чтобы предупредить, чтобы крикнуть о том, что если жить так, то скоро с ликованием встретят антихриста из плоти и крови, то можно удивиться тому одиночеству автора, из которого он кричал. По всей видимости, он не мог поговорить о своей сокровенной вере ни с кем рядом с собой* (она была неинтересна всем) и искал собеседников среди людей из будущего. (Чем житие-бытие Булгакова не сюжет для «Мастера и Маргариты», которое, если не во всех деталях, то во многом совпадает с написанным им.) А много ли людей находило себе хотя бы одного настоящего единомышленника и союзника по вере? Вывод отсюда не пессимистический, а практический – любой повстречавшейся взаимности надо кланяться до земли как единственному истинному чуду.

* Точно так же как Николай Васильевич, его учитель (и Михаил Евграфович, тоже его учитель).

Глава XXIX. ФОРМАЛЬНОСТИ ПРИ РАССТАВАНИИ (заключительная)

Теперь же, когда жизнь выяснилась вся, до последней подробности, когда прошлое проклялось само собою, а в будущем не предвиделось ни раскаяния, ни прощения... Теперь – ничего не предчувствовалось, ничего не предвиделось: ночь, вечная, бессменная ночь – и ничего больше.

Салтыков-Щедрин

<...> и, сплетши терновый венец, возложили на Него...
и плевали на Него...

Евангелие от Марка

Я смысл ученья твоего поставлю
Хранителем души. Но, милый брат,
Не поступай со мной, как лживый пастырь,
Который хвалит нам тернистый путь
На небеса, а сам, вразрез советам,
Повесничает на стезях греха
И не краснеет.

Наш Вильям

Булгаков называл себя мистическим писателем, а «Мастер и Маргарита» – самое мистическое из его произведений. Мы предлагаем в заключение коснуться и этой литературно-теологической темы.

Ныне принято считать, что мистика описывает некие диковинные явления, объясняет всевозможные странные совпадения и вообще интересуется всякой чертовщиной. С одной стороны, это отчасти верно, но только с самой дальней, задней стороны. Действительно, мистика знает законы распада невидимого мира, а также неограниченные возможности в интригах и шулерстве нечистых индивидов, освободившихся от дружбы с Богом. Однако предписанные рамки* поля деятельности и правил поведения тьмы установлены не ей, а созидающей силой, которая допускает свободу даже у субъектов, враждебных ей.

Желающих выйти из области света и подчиниться процессу расточения своих сил и талантов (или иначе – саморазрушением) Творец будет

* В некоторых изданиях эта область объясняется словом «попущено».

терпеливо ждать для возвращения им дружбы, пока не будут исчерпаны все возможности для этого. То есть выбравшим тьму можно все то, что в них, Его детях, пока еще не проедено и не промотано жадной смертью.

Главная же часть постоянно действующей мистики охватывает область света. Ослепшим после падения людям все законы невидимого мира (то есть вся мистика) были вновь открыты сначала пророками, а потом и самим Господином этого невидимого царства. В Его стране любое желание или мысль одного обязательно находят отклик в других и приносят плод. Желаящим видеть доступны для взгляда все соединительные линии взаимодействия, в которых последствия однажды начатого никогда не обманывают причины, их породившие*.

В мире, где вместе с правдой подмешана ложь, законы мистики перестают быть очевидными, поскольку заинтересованные лица подделывают не только результаты трудов, но подтасовывают намерения, которыми они вдохновлялись (особенно когда демонстрируют их окружающим). Смешение темной и светлой мистики в деятельности субъектов заставляет порядочных исследователей искать надежные критерии для ее познания, и они, недолго думая, чудесным образом находят их в мире материальном, где все можно подвергнуть опыту, пощупать, где все видимо и потому, на первый взгляд, совершенно лишено мистики. При этом ищущих не смущает то, что все естественные науки строятся на тех принципах, которые позволяют при одинаковых физических условиях получить одинаковый результат и злым ученым, и добрым. Из этой щекотливой ситуации помогает выбраться легкая перестановка подручных материалов. Вместо первичного добра и зла область наблюдений переводится на эмоциональную (душевную) сферу человеческой жизнедеятельности.

С точки зрения наглядности такая методика поначалу способна принести хорошие плоды. Однако забвение того, что мы пользуемся аналогией, допускающей лишь приблизительные оценки таинственных процессов, лишь намеков на правду, но не на всю правду, обязательно окончится самозабвенным погружением в ложь. Не будем забывать, что безотчетное доверие сказке породит ложное мировоззрение, но усвоение намека, содержащегося в ней, приблизит к истине.

Попробуем найти для себя уточняющий намек в неуловимом для холодного расчета мире музыки. Описать его исчерпывающим образом с помощью специальной азбуки и многочисленных правил и приемов, раскрыв

* Напомним, в привычном нам мире причины предшествуют последствиям, а в горней стране причины нынешних поступков находятся в будущем.

секреты творчества, невозможно. Знание не спасает. Но при этом нельзя назвать музыкантом человека, не отличающего минорный лад от мажорного, и который вдобавок знает только басовый ключ, а в скрипичном затрудняется.

Так и Михаил Афанасьевич не позволил бы себя назвать мистическим писателем, если бы понимал мистику только с одной, темной стороны. А свойства мистики таковы, что она одна и та же у всех мистиков разных времен, она именно и связывает эти времена, подчиняя время с его сиюминутными вызовами безвременной вечности, которая минутки нанизывает на единое и неделимое. Благодаря мистическому единству бытия слова Иова непосредственно меняют жизнь Николая Гоголя, а Гете продолжается в Булгакове, выявляя невозможность существования двух писателей друг без друга.

Но что там прошлое, опять, хотите – верьте, хотите – нет, но мистика позволяет совершенно научно заглянуть в будущее и узнать, какими станут герои наших писателей в новые времена, в новых обстоятельствах. Проявив терпение, можно додуматься до подробностей сюжета романа, который напишут ученики Иова, Гете, Гоголя, Сервантеса, Достоевского, Пушкина, Булгакова, очевидцы тех грядущих событий. Сначала мы предложим вариант, который могли бы предвидеть все перечисленные нами летописцы из ближайшего будущего потомков истории на Патриарших.

Ясно, что будущее должно быть неразрывно связано с нынешней данностью, семена и плевелы которой начнут совместное произрастание, а затем цветение для создания условий их плодоношения. Общее в мистике открывает себя в частном, поэтому, пользуясь этим законом, вначале можно выделить характерные особенности в отношениях между главными героями тех литературных историй, которые привлекли наше внимание, а затем на их основе понять состояние всего общества, в котором они жили.

Итак, проследим изменение в глазах общества личных отношений мужчина – женщина у главных героев книг Иова, «Фауста» и «Мастера и Маргариты». Социальное положение избранниц титульных персонажей в порядке написания книг: законная жена – сожительница (соблазненная девица) – чужая жена (по взаимному согласию). Как плод человеческой любви в указанных союзах: много детей; один ребенок (убитый матерью); отсутствие детей (не простое отсутствие, а их неуместность и невозможность появиться). В ближайшем будущем этот ряд может включить в себя (ориентируясь на предпочтения массового читателя) либо блудницы, оплачивающей из своего кармана любовь нашего нового героя своего

времени, либо его сожительницы с усами и бородой. Что касается детей, то по логике развития беззакония в людских отношениях, они будут присутствовать в обоих обозначенных случаях для демонстрации возможностей свободной любви. Демократические законы разрешат насильственное растление ребенка (конечно, для их же блага). Это может создать такие условия для пребывания невинных душ на земле, в которых бывает легче умереть сразу, чем каждый день заживо переносить свое новое умирание.

Попривыкнув к такой дичи, ей на смену придет следующая. Мистика меняет внешность земли и тех, кто на земле, но сохраняет в себе внутренние закономерности созидания и распада. Например, Фауст сначала увлекается земной женщиной, когда надоело – призраком. Мастер тоже начинает свою влюбленность с дамы, обладающей телом, а заканчивает симпатией к бесплотному субъекту. В целом похоже, хотя время и тут наложило свой отпечаток на детали в интерьере, в связи с чем у Фауста избранницы с разными именами, а у мастера уже с одним. Мы видим, что меняется почва, на которой растут семена, но их сорта (принадлежность к свету или к тьме), а значит, и плоды, остаются прежними. При этом, хотя мир вместе с человеком будет ветшать, слабеть, его дальнейшее сочетание со злом будет постепенным, без скачков через несколько ступенек, так что те, в ком нет полной определенности в выборе, даже после рекордно низкого падения (в свое время), в условиях новой эпохи, не смогли бы без напряжения соответствовать прогрессу отношений, достигнутому обществом.

Так, Фауст, несмотря на все свои шалости с самим сатаной, наверняка будет слегка смущен интимными отношениями между партнерами в только что предложенных примерах новых семейных ценностей (нашей, уже наступившей эпохи). При этом дух, сопровождающий добро и зло в людях, остается прежним. Например, предложение жены Иова проклясть Бога и спокойно умереть по существу совпадает с предложением Маргариты, позвавшей мастера примкнуть вместе с ней к сатане. Отличия в них только эмоционально-стилистические и в наборе второстепенных деталей. В первом случае смерть мыслится как благо, избавляющее от страданий, а во втором она сама преподносится как нечто приятное и конструктивное. В общем, и та и другая концепция добра служат на пользу делу в скорейшего достижения полной нирваны.

Статус Маргариты как чужой жены при этом (Маргарита так и осталась для мастера навечно чужой женой. Она умерла в доме мужа, ее муж теперь вдовец, человек, накрепко связанный с умершей супругой, так как развод с покойниками не предусмотрен. В таком соблазнительном виде она

теперь и будет закреплена за мастером) позволяет, как одну из равноправных смысловых возможностей, понимать ее не как персонаж, а исключительно как символ мистической лжи, убивающей доверившегося ей глупца.

Еще более невинное предложение, чем жена Иова, сделала своему мужу первая женщина Ева. Она, доверившись совету умного пресмыкающегося, всего лишь позвала его нарушить просьбу их Творца. Даже трудно себе представить, что Жизнь (русский перевод имени жены Адама) без стеснения могла бы тогда посоветовать Адаму открыто оттолкнуть Бога и переключиться на общение с дьяволом, сулящим невиданные перспективы. Ситуации совпадают по типу приманки и последствиям в случае принятия предложения тьмы, от которого люди не смогли (невозможно было?) отказаться. Адаму с Евой подкинули нехитрую рекламку настоящей, интересной жизни, и они, клюнув на нее, умерли, хотя были уверены, что живут. Маргариту и мастера тоже подманили неплохими условиями для безбедной жизни, и те, вкусив наживку, тоже умерли и точно также, как их прародители, продолжают думать, что живы.

Повторение пройденного, хотя имеются нюансы, подчеркивающие неповторимую индивидуальность незадачливых покупателей. Продавец в первом случае посчитал нужным принять облик змеи, а во втором иностранца (ну разве не смешно?), и если Адам с Евой еще иногда грустили по утраченной дружбе с Богом, то Маргарите с мастером уже было противно вспоминать о Нем (конечно, это последствия всемирного прогресса).

В первую очередь обращая внимание на мистическую связь между людьми, можно сравнить отношения этих двух пар к своим детям. Несомненно, Адам с Евой трагически потеряли своих первых сыновей. Если Авель был физически, как ненужный конкурент, устранен своим старшим братом, то сам Каин, став убийцей, сам стал мертвым для взаимности с другими, для жизни в свете. Обязательно человек, убивая, умирает сам, поскольку мистически жизнь сохраняется только в личных отношениях, и, по неумолимому закону, отвергая одного, самого маленького человечка, мы вместе с ним отвергаем Бога и всех Его близких, и, в конце концов, губим себя (как неспособного теперь на добрую взаимность).

Атеистически настроенный человек может напомнить нам, что у Маргариты Николаевны не было детей, но прежде он должен бы был сказать, что и мистики как таковой, вместе с ее соединительными нитями, вовсе не существует. Мы с ним условно согласимся, но для тех, кто допускает возможность существования невидимых законов, предложим взглянуть на мистическое развитие гетевской Маргариты в романе Булгакова.

Внутреннее разделение первой на две враждующие персоны теперь усложняется еще и тем, что у Булгакова внешний образ второй благодаря воплотившемуся двоедушию тоже расщепляется надвое. От Гретхен Маргарита Николаевна унаследовала позицию любовницы, а Фрида – матери и убийцы своего дитя. Люди потихоньку мельчают и не вмещают в себя под одной личиной сразу несколько полноценных, крупномасштабных безобразий. Согласно взгляду на мистическое единство людей, имей подруга мастера здоровую душу, она к ребенку Фриды отнеслась бы как к своему собственному (сейчас уже никто не поверит (и мы не настаиваем и сами не уверены в этом), но совсем недавно, ничего необычного не было в том, что женщина равно принимала и оберегала своих и чужих детей, то есть деление младенцев на своих и чужих казалось кощунственным для материнства) и восприняла бы ее боль, как свою собственную. А это означало бы, что милость, как для самой себя, черная королева посоветовала бы искать Фриде не у власть имущих, а у убитого младенца.

Если человек не признает власть Спасителя, принявшего на Себя яд всех грехов, прощать все преступления, совершенные от начала до конца века, то милости остается просить только у того, кого ты видимым образом убил своим грехом. Не только у подставного спасителя подставное добро – подставное милосердие и у двойника христианской Усердной Заступницы.

Действительно, читая роман Булгакова нам почудилось, что Фрида обращается к черной королеве подобно тому, как христиане прибегают к молитвенной помощи Богородицы. А значит, что эта душесипательная история подброшена Воландом как карикатура и на Деву Марию, и на покаяние Гретхен, поэтому последствия их взаимного пути будут совсем иными. Можно сказать, что Маргарита Николаевна уже пребывает в аду, и в аду же вместе с собой своим лукавым прощением оставляет Фриду. (Не можем молчать о том, что читатели слезливо умиляются помощью Маргариты Фриде, считая, что та была готова на великую жертву, и сухо равнодушны к небесной милости, спасшей Гретхен. Так что про тебя и для тебя, дорогой читатель, роман Булгакова.)

Действительно истинная мистика считает, что человек может поделиться только тем, что имеет. Из своей собственной сокровищницы, скрытой внутри него, он выносит дары всем окружающим. Следует дополнить сказанное о мистике тем, что она не только раскрывает людям из разных стран, культур и эпох единые законы развития их душ, но и дает им возможность, преодолевая время и пространство, в случае согласия взаимодействовать друг с другом, меняя внутренний мир и даже судьбы.

Конечно, наши рассуждения относятся к реальным людям, а что же думать о литературных персонажах? Если они чистый вымысел, плод коммерческого расчета писателя или его неконтролируемой фантазии – думать ничего не надо и даже вредно. Если же они, появившись из-под пера, содержат в себе частичку автора, то взаимодействовать с читателем будет творец книжных героев. Библия откровенничает о реальных исторических лицах и с ними можно вступить в непосредственное общение, а читая романы, мы беседуем, дружим и ссоримся с теми, кто их написал. (По этой причине, как нам кажется, исчезла привлекательность многих литературных шедевров. Поступили очень просто, бесцеремонно: по праву сильного нагло оторвали произведение от автора (их рассматривают внутренне независимыми друг от друга). В результате чего, незаметно для манипуляторов, без предсмертного вопля умерли оба.)

Примером сказанному может служить метаморфоза, произошедшая с Салтыковым-Щедриным и его творчеством. Благодарные потомки приклеили ему звание великого сатирика, боровшегося с пережитками помещичьего строя, который находился в предсмертной агонии после отмены крепостного рабства. В результате, может быть, одно из самых христианских и светлых произведений в русской литературе стало мертвым музейным экспонатом, который, по общему и единственному убеждению, кричит о вырождении сиюминутного исторического уклада и обличает в необратимом разложении его персонал.

Не так открылся Михаил Евграфович Михаилу Афанасьевичу, который считал его, вслед за Николаем Васильевичем, тем, кто родил его в люди и писатели. В своем дневнике Булгаков пишет о Салтыкове-Щедрине, как о своем учителе, глубоко страдавшем о совести народа (о полной утрате ее). К народу Михаил Евграфович относил всех людей, включая себя. (Это народники не считали себя народом и поэтому ходили в народ, в том числе учить его совести и жизни вместе с ней.) Под совестью он понимал не примитивное чувство справедливости, помогавшее человеку ориентироваться в вопросах морали, а внутреннее ухо его души, способное слышать голос другого и отличать истинное от лукавого в самом себе. Орган божественного происхождения, воспринимающий невидимые законы невидимого мира, без которого мы становимся социальными функционерами, а проше – мертвецами.

Прогрессивная часть общества закрепила за Салтыковым-Щедриным должность главного мастера по обличению и развенчанию негодяев, мешающих добрым людям зажить полной жизнью, и даже не догадывалась она, что печаловался он совсем о другом. Не о том, что есть плохие, которые отравляют жизнь, и от которых лучше было бы избавиться. Горевал Михаил Евграфович, что те, кому нужно спасение, вовсе в нем не нуждаются и даже не знают об этой своей необходимости. Много мерзавцев можно встретить у Салтыкова-Щедрина, но особенно

много их в «Господах Головлевых». Страшное произведение, если не бежать по страницам, а читать их медленно (особенно если мы предположим, что его персонажи приходится нам близкими людьми). В нем представлена страна не просто мертвых, а страна уже давно умерших, и среди этих страшилищ есть самое чудовищное, звероподобное существо, высасывающее у всех кровь или, попросту говоря, кровопивец.

Не раз Салтыкова-Щедрина обвиняли в том, что в его произведениях выведены люди совсем без света (подразумевая, вероятно, что этот свет часто встречается в них, критиках его, точно, хоть искорка, да есть). Доброхотные литераторы до того застрашали доверчивых граждан его злым пером, что даже большевистская власть, с отвращением взирая на ужасы и гадости, им описываемые, назвала его неутомимым борцом с крепостничеством. Все вслед за первыми толковниками, объявившими себя защитниками светлого в людях, все последующие комментаторы «Господ Головлевых» если что-то и добавляли от себя, то все равно придавали этому роману такое пошлое звучание, так понижали его смысл, что и сам Михаил Евграфович стал восприниматься каким-то мрачным упырем, незнакомым с тем, как можно любить жизнь и людей, причастных к ней. (Можно сказать, что как-то незаметно кличка с сына (с творения) перешла на отца.) Никто не захотел понять этот роман и его творца. А роман этот с сюрпризом. Отвратительный недочеловек, Иудушка, уморивший всех на своем земном пути, в придачу задушивший более жизнеспособную, чем люди, ее исповедующие, православную веру (вера, по нашему мнению, в его исполнении несравненно более гнусна, чем любой его самый мерзкий человеконенавистнический поступок, его глумление над Христом несравнимо по изощренности и жестокости с истязаниями им близких и дальних), оказывается, в конце концов, прощеным Христом, многократно им, кровопивцем Иудушкой, ежедневно, ежечасно убиваемым до этого, а потому – живым, обретшим с Ним взаимность.

И тут же вдруг, откуда ни возьмись, оказывается живым еще один погибший человек, находившийся с ним рядом, разделивший с ним прощение, поданное Спасителем, а вслед за ними возвращаются к жизни все, кого они посчитали убитыми своими руками и все, кто убивал их самих. Три последних странички романа вмещают в себя весь смысл того, что хотел сказать в нем своим ближним Михаил Евграфович. Их легко, по инерции от уже привычных долгих мрачных будней Головлевых, механически перелистнуть, легко заранее посчитав себя уже все понявшим, пробежать утомленными от безысходности очами и забыть, вытеснить, как дурной сон. Но на этих нескольких десятках строчек изображено, как злодей нашего времени, уже висящий прибитым за свои преступления на крест убивающего одиночества, с выклеванными глазами и сердцем, перед смертью вдруг поверил Распятому, оказавшемуся в комнате рядом с ним, и тут же принял от Него личное прощение. Русский благоразумный кровопивец.

Христианам не интересен нынче Христос, им не интересны отношения с Ним (а значит, и с другими людьми), не интересны случаи воскрешения погибших

злодеев, иначе книга Салтыкова-Щедрина была бы признана одной из самых светлых (с вдохновенным примером победы над собственным злом), обнадеживающих книг среди всех известных читающей публике. Сотни страниц бессмысленного, пустого существования значительного числа людей. Мерное, неторопливое разложение их всех без исключения, при полном забвении ими того, что может выручить, спасти. Безнадежность, возводящая для них самоубийство в приемлемое, даже благородное решение*, и вдруг случайная, непонятная встреча с жизнью, в одно мгновение выведшая из ада целую семью вместе со всеми ее попутчиками.

Убивали, убивали Христа и не убили, и даже не обидели и не оттолкнули Его. Жаль, что такое произведение читают только хорошие люди, в противном случае мы бы услышали много благодарных слов ее автору от тех негодяев, которых утешила и вдохновила эта книга. Жаль и то, что среди христиан читают книги только добрые христиане, иначе бы мы услышали от них, что нет в светской литературе более ясного и простого рассказа о Христе, последних возводящего в первые. (А может быть, у православных, остались только завистливые сердца, соблазняющиеся тем, что Бог добр к злым?)

У всех экспертов от просвещения есть рассуждения и отвлеченные мысли о теоретическом добре и зле, а вот помочь понять, как Иудушка, как кровопивец услышал, что его простил Христос, после чего с детским доверием принял это прощение от Него, возродив гибнущую от своего собственного зла душу, – таких аналитиков из читателей не помним.

И опять, как специально, Салтыковым-Щедриным, в назидание читателям Булгакова, приготовлен на десерт образец диалога для хороших людей. Незадолго до своего прозрения Порфирий* Владимирович на риторический вопрос своей соплеменницы, добрый ли он дядя, отвечает утвердительно, да, добрый (ну, где вы видели человека, сознающего перед другими в том, что он служит сатане?). Только сокрушив в себе христианского идолопоклонника ценой разрыва сердечных жил с признанием преступности всего своего существования, он впервые услышал безжизненные прежде, как звенящая медь, двенадцать Евангелий в вечер Великого Четверга. Через них он находит Истину, позволившую отказаться от самообмана, и признать себя перед Ней тем, кто есть. Но перед этим опять было испытание его давно погасшей совести вопросом: «Дядя! вы добрый? Скажите, вы добрый? – Вы добрый? Скажите! Ответьте! вы добрый?».

Перед лицом Христа он смог, наконец, ответить на него честно, как бессловесный Евангельский мытарь, и не был сожжен карающим огнем, а очнулся, ожил.

* Мы считаем, что этот мотив желанного, радостного самоубийства Булгаков развил и представил в своем «Мастере и Маргарите», доведя до размеров религиозного поклонения.

** Имя свое Головлев получил с помощью маменьки в честь подвижника, обожаемого ею, как будто в насмешку тьмы над христианскими святынями и именами, которой нравиться наблюдать за лицемерием православных.

Еще один мельчайший штришок, правду дополняющий до истины. Порфирию немедленно после полученного прощения от Спасителя понадобилось личное прощение от человека рядом с ним, а затем и от всех, убитых им. Весь роман был о всепобеждающих мертвецах, душегубах, а в конце его, когда врата ада, казалось, окончательно поглотили все живое с неотвратимой безнадежностью, эти самые мертвецы (все) внезапно, как гром среди ясного неба (как приходит Пасха), воскресают и больше не служат смерти и не боятся ее.

По нашим (ограниченным) сведениям, никто из читателей и оставшихся действующих лиц в романе чудесного происшествия с Аннинькой и Иудушкой не заметил. Осталось неразгаданной тайной для черствых (как прежде были Головлевы) людей спасительная перемена в двух, казалось бы, навсегда утерянных, несчастных душах. Иудушка был гнуснее всех, мертвее всех, хуже всех (Иудушка, как нам представляется, хуже и каждого из ста королей на бале сатаны, разве нет?), и при этом он оказался прощенным и самым счастливым, да так, что за собой в блаженство потянул тех, кто был, казалось, добрее его. Воистину, последний стал первым, но это не должно быть обидно праведникам, потому что хорошо для всех, включая и первых добряков, которые до этого без него, незаметно для себя, прошли мимо жизни. (Для интересующихся церковным календарем добавим, что умерших, как Порфирий, в Великую Пятницу отпевают на третий день, то есть в Пасху Христову*.)

Теперь, следуя законам православной мистики, можно утверждать, что, получив прощение, изменился не только сам человек, но и его прошлое, и все, кто пострадал от него. Вся смертность, которую он носил в себе и которую, как яд, щедро изливал вокруг себя, преодолена и растаяла, как дым. Теперь нельзя даже вспоминать о прежних, уже несуществующих грехах, которые заполнились светом обретенной взаимности, которая ждала, надеялась и, наконец, исполнилась. Тьма сменилась торжеством света, обладающего воскрешающей силой всемогущей Милости. Все пострадавшие вознаграждены невиданным избытком жизни. Видно, как исконное зерно умерло, но неожиданно принесло великий плод. Тут некоторые буквоеды могут возразить, что ничего такого очевидно позитивного в последних строках романа не видно, тем более этот неочевидный факт сам Салтыков-Щедрин не стал специально фиксировать и разъяснять нам, а это немислимое в нашей жизни дело, когда властители умов полагаются на ум своих слушателей...

(Мак. л.)... О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели

* Отпевание на Пасху особое, в нем воспевается только торжество жизни, победившей смерть, ни слез, ни воздыханий о грехах нет. Чистая радость о воскресших, гробы в этот день пусты, мертвых нет. (Прим. З. У.)

и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом.

И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна.

И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы.

Если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине; если же ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха.

Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас.

Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды.

Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас.

Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то мы имеем ходатаю пред Отцом, Иисуса Христа, праведника; Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира...

(З. У. пр.)... С одной стороны, с этим можно согласиться, но существует мнение, которое высказывал ученик Салтыкова-Щедрина – Михаил Афанасьевич Булгаков, который считал, что, растолковывая, открыто выявляя задуманное, писателем собственноручно убивается (оканчивается) произведение, способное на жизнь в веках. Это кредо, следуя которому читатель сам должен понять произведение, а поняв, может поделиться с другими, впрочем, как и сам писатель, который имеет право раскрыть тайну за пределами своей книги.

А теперь приглядитесь, не кажется ли вам, читатель, что «Господа Головлевы» удивительно похожи на «Мастера и Маргариту» по человеческому составу (оба только из одних отрицательных персонажей) и общему для них заупокойному настроению. Те и другие абсолютно глухи к Христу (это их роднит), а различает их то, что в более раннем романе безбожное общество христиан только ищет легальные способы освободиться от условностей своей веры, а в более позднем эти возможности осуществлены, чем положено начало новому этапу войны смерти с жизнью в душах людей. Кроме того, можно заметить и параллельные отрезки у путей главных героев. Для примера укажем на то, как уже много раз заживо перепревший покойник Иудушка заявляет, находясь в полном одиночестве: «Пора, пора

на покой»*, а, подхватив начатое, мастер со своей чужой женой творчески разовьет этот подход к самоуничтожению...

(Мак. л.)... «Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного потом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, – тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем скорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

<...> Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика...

(З. У. пр.)... Для большого числа христиан вся мистика сосредоточена внутри церковных стен. Действительно, нужно проявить настойчивость по отношению к своей душе, чтобы она стала замечать, что влияние мистики распространяется далеко за их пределы. Булгаков и его учителя знали это и смогли показать в своих творениях то, что законы Ветхого и Нового заветов действуют неукоснительно всегда и везде без перерывов и исключений, поэтому на их творчестве можно проследить развитие тайны беззакония и тайны спасения в соответствии с периодом истории, в котором они жили.

Эта христианская мистика противостоит всем другим мистическим системам всех религий и оккультных практик, которые могут с внешней стороны отличаться друг от друга кардинальным образом (как черная магия от белой), но остаются совершенно идентичными по своим интересам, возможностям и результатам воздействия на живые существа. Краткая характеристика той и другой мистики может быть сведена к простой формуле: одна из них знает и действует только в законах временного существования и вечной смерти, другая знает законы вечной жизни и помогает пленникам первой перейти из небытия в область ее действия – бытие.

Общим для упомянутых нами писателей было далеко не очевидное для подавляющего большинства людей понимание того, что мертвечина бывает не только у злых, но и у человеческих добряков**. Шаблонное,

* Опять не смешно?

** Яркий пример человеческой доброты, убивающей подлинное добро, приведен в Евангелии. Подходили дни исхода Христа из мира, в которые Он возжелал положить душу

чиновничье добро в личных отношениях (а значит, и в церкви) мертво. Оно пусто по своей сути и ведет наивных доброхотов при столкновении с немечтательной действительностью к состоянию разочарованности и безнадёжности.

Подобным образом шаблонное, привычное зло мертво, как чучело, способное наводить только страх на ворон, но оно не соблазнительно для бывалых, стрелянных, все испытывавших плутов и новообращенных любителей полулегальной экзотики, потому что пусто в тех ощущениях, которые механически, не удивляя остренькой новизной, оно приносит своим делателям. Только если человек шалил с выдумкой, был изобретателен, боясь повторений, то есть творчески относился к злодейству, только тогда он может понять и почувствовать всю неимоверную прелесть греха. Именно такие нестандартные действия привлекают и соблазняют. Вместе с тем, человек, поступающий так, только и может среди прочих окостеневших шалунов раскаться, и, вслед за этим, не поддавшись соблазну механического воспроизведения добра по заготовленным лекалам, теперь уже его творить с выдумкой, неповторимо, живо. И только так изобретательно совершаемое добро не будет пустым и безрадостным.

Ужаснее, безысходнее бездушного, пустого, вымученного добра не придумаешь зла. Оно и есть беспощадное, мертвящее лицемерие, как самая подлая и злая кража, подменяющая хлеб на камень. Оно есть яд под видом небесного нектара (вина). Оно и есть причина главного разочарования и крайнего отчаяния. Екклезиаст не был разочарован в подлинном добре, он (к своему счастью) разочаровался в формальном, прописном, временном добре. Суэта в его прозрениях – это не обозначение мелочей жизни, а разоблачение высокопарных самостремлений и пафосных фальшивок, подменивших истинные драгоценности. Из удушающей петли мертвого добра (пустой веры) и легального, оправданного традицией зла (под маской общепринятого уклада), вырвался главный преступник романа Салтыкова-Щедрина. В романе же Булгакова, на первый взгляд, не видно людей, очевидным образом разорвавших порочный круг поглотившей их тьмы.

свою за своих друзей, мертвых от греха. Доверительно, чтобы обрадовать своих учеников, Сын Человеческий сообщает, что примет не только человеческую жизнь, но и человеческую смерть, тем самым разрушив их одиночество, даже когда они будут погребены. Благодушно настроенный Апостол Петр, вдохновленный тем, что он и его товарищи могут исцелять, прощать грехи, изгонять бесов, заботливо, по-матерински, по-дружески, участливо советует Христу, что бы Он не делал этого, поберег Себя, так как им и так хорошо с Ним. Ясно и просто! Но Иисус Христос проставляет цену такой доброте: «Отойди от меня, сатана». Не только откровенным злом, но и спрятанным под ласковое попечение ядом соблазняет тьма сынов света.

Не согласимся с таким поспешным заключением и для начала приведем один, как нам кажется, убедительный аргумент. Воланд с компанией бежит из Москвы накануне Пасхи не потому, что боится этой христианской традиции. Если бы формальные христиане формально совершили положенные богослужения, то это не испугало бы сатану, и он остался бы в городе. Были в это время в Москве живые люди (не важно сколько, пусть даже один-два) с живой верой, которые придут рано ко гробу Иисуса воскреснуть из собственного зла вместе с воскресшим Христом. Они – живые носители поданных всем грешникам в день Пасхи Сыном Божиим прощения и спасения, поэтому для всех остальных погибающих обитателей Москвы стали теми, через кого пришло освобождение от сил смерти вместе с изгнанием ее служителей из столицы в кромешную тьму. В романе Булгакова присутствуют, пусть и прикровенно, люди, знающие Иисуса Христа, как знает Его человек, написавший его.

Для пояснения нашего взгляда на мистику (о которой часто говорят, но не поясняют при этом, что именно имеют в виду), приведем некоторые произвольно выбранные штришочки, характеризующие ее с разных сторон, не претендуя на систематическое описание, но полезные для понимания романа.

Согласно христианской мистике, принявший посланника Христа принимает Самого Христа. Подобие этого закона действует и у тьмы: принявший Иешуа принимает пославшего его Воланда.

Христос именовал Себя как Путь. Это указывает на то, что, находясь вместе с Ним, человек узнавал бы каждый день новое о мире, о Боге и, значит, о себе – совсем как у путешественников, каждый день встречающих новые ландшафты. У Воланда, намеренно пускающего пыль в глаза своих жертв, и на это есть карикатура – Иешуа, бродяга, хаотично, беспринципно выстраивающий свои отношения с окружающими, привлекая их внимание эффектными парадоксами.

Случалось, Христос приходил к ученикам через закрытые двери (когда они Его ждали, в других случаях – нет). Воланд старается не отстать от своего главного соперника в проявлении мистических способностей и тоже свободно проникает, в том числе обходя запреты компетентных органов, через запечатанные двери. При этом христианская мистика безапелляционно утверждает, что он подобным образом будет незаконно входить и в человека, не спрашивая у него на то разрешения. Дух и характер его поведения всегда постоянен, он лезет, куда не звали, он никогда не оказывается от тайного или явного насилия, поэтому при желании людям было бы легко распознать и почувствовать внедрение темного инородного субъекта. Но некому понимать, все считают такие действия нормой, потому что сами любят лезть к другим без приглашения и без предупреждения.

Многим людям присущ взгляд на мистику, как на некий потусторонний мир, который наблюдает за нашим, а иногда вмешивается в него, изменяя его согласно

своим прихотям. Этот мир для них – носитель высших знаний и обладатель превосходящих сил, мир, в который допускают только избранных, вместе с чем наделяют их превосходством над прочими людьми. То есть, примерно напоминает пантеон древних греков, в котором были персонажи, обитавшие в некоторой недоступной для простых смертных области, порой добрые, порой злые, и из которой они снисходили к землянам для того, чтобы помочь любимчикам и навредить постылым. О боги, боги! научите задабривать вас и покупать ваше расположение, – об этом мечтали мудрые жители древней Эллады.

Христианская мистика убеждена в другом. Духовный мир всегда неразрывно связан с людьми и непрерывно взаимодействует с ними. Более того, невозможна жизнь вне мистики, которая имеет свое законное место для обитания внутри каждого человека. Эта мистика допускает свободные и равноправные отношения между суверенными субъектами и устанавливает их взаимным личным выбором на основе вольного самоопределения каждого из них. В результате отношения могут быть либо дружескими, равными, свободными, либо рабскими (рабовладелец всегда тоже жертва рабства), непременно с постоянным обоюдным насилием, что и бывает на практике в подавляющем большинстве случаев. Очень часто участниками такой невзаимной взаимности невольно становятся те, кто хочет из праздного любопытства подсмотреть, подслушать духовный мир, пользуясь нечестными, полулегальными приемами или, напротив, дразнит этот мир своим презрением к нему. Подходы могут быть разные до противоположности, а результат будет одинаково плачевный. (Мы опять умышленно умалчиваем о том, что «Азбука» предлагает узнать о правилах и путях совместной жизни с духовным миром света, так как это не входит в задачи нашего труда.)

Православная мистика всегда церковна (поэтому демонам для того, чтобы смеяться над христианами, обязательно нужно передразнивать церковную практику) в том смысле, что она объединяет всех, принадлежит всем без исключения членам Церкви, а не отдельным, особо выдающимся индивидам. Мистика не соединяющая – это мистика демонического мира, в конце концов стратегически желающая разделения всех и разложения каждого (то есть всеобщей смерти). Для нее ад – это не муки на сковороде со смолой, а возможность присутствия рядом другого, нелюбимого. Собственно, это само собой разумеющийся вывод, если вспомнить, что ад для тьмы – это перевертыш того, что должно быть весьма хорошо для света, его рая, в котором единственное блаженство – взаимность с другими (читатель может для интереса проверить свой собственный жизненный выбор между тьмой и светом тем, что честно спросит у своей совести – будет он счастлив, если навсегда, пожизненно, неотлучно и нераздельно будет соединен со всеми людьми?)* Это ли его главное сокровище, не устанет ли он от владения им?)

Вера открывает присутствие мистики в жизни как мистики повседневной и ежеминутной. Отдельные события в жизни человека с ее помощью начинают видеться как непрерывный путь к своему выбору (к своему сокровищу), а не как

* Или с одним, самым любимым.

цепь непредсказуемых флуктуаций, возникающих в психических и физико-химических микро- и макропроцессах той специфической среды, в которую погружен данный субъект, или набор случайных взаимодействий с ограниченным множеством из общего числа индивидуумов. Во время этого шествия к заветному сокровищу (не важно, темному или светлому) избранника будут испытывать теми или иными обстоятельствами (и добрыми, и злыми), проверяя, был ли его выбор до конца осознанным и до конца решительным.

Мистика, сопутствующая смерти (по «Азбуке») с неизбежностью приводит к тому, что, отказываясь от одного ближнего только в мыслях, рвем связь со всеми, утрачиваем жизнь. Христос утверждал, что это правило действует и по отношению к Нему, так что тот, кто откажется от малых сих, например, Манечки или Вареньки – отказывается от Христа.

У человека слово может быть мистически светлым, творческим, а может быть мистически темным – безжизненным, пустым, суетным. Мистическое слово – это то, которое непременно осуществится и станет делом. В этом смысле Словом первичным, животворящим явил Себя Иисус Христос, у которого не изнеможет (не пропадет) ни одно слово. Мы уже говорили о подменах, и одна из важнейших подмен произошла именно в области слов, у которых не только исказили смысл, но в первую очередь их лишили силы, они перестали быть семенем, из которого растут деревья. Как пример, понятный для читателей, далеких от веры, мы можем сослаться на современную практику объяснения в любви у людей, почувствовавших тягу к друг другу. Мало того, что такие откровения стали редки и скупы, важнее то, что из этих слов не вырастает дружба, они забываются, перетолковываются, вслед за чем вовсе перечеркиваются и воспринимаются уже как ошибка. Между друзьями не стало слов, которые согревают жизнь (мы по понятным причинам не рассматриваем слова, ритуально присоединенные к распитию спиртных напитков), дают ей смысл, рождают благие желания и радость, и, подводя итог, можно сказать, что они не отзываются в душе того, кому адресованы благодарностью. Жизнь, не знавшая (не принявшая) благодарности и жизнь, не принесящая благодарности – не состоявшаяся жизнь, антижизнь, призрак, фальшивка и, в конце концов, ничто, о котором нечего сказать и невозможно вспомнить.

С помощью законов мистики можно не только найти тайные источники света, но и понять истоки темных явлений, например, разобраться, что за спрут подбирался к сердцу и душил мастера. Следуя «Азбуке», которая утверждает, что самый опасный враг находится не вне человека, а внутри него, лишали воздуха обитателя подвала не лавровичи с латунскими, а его роман, который еще в стадии написания украл у него часть души. Эта часть невидимого достояния послужила расплатой за честь написать о Иешуа. «Азбука» предупреждает всех купцов, что можно многое (если не все) приобрести вне очереди в этом мире, но расплачиваться придется тем кладом, что в человека вдохнул Творец. Христос предлагал людям оценить последствия такой сделки, то есть будет ли польза для торгующего, если за приобретенный не по правилам товар с него возьмут собственной натурой. Инстинкт самосохранения подталкивает мастера сжечь в печи свою ложь и, быть может, тем

самым сберечь остатки жизни в себе. (Заметим мимоходом, что Маргарита не дает сгореть рукописи и тем самым помогает спруту продолжить удушение мастера).

Почему ложь? Мы не будем приводить веские доказательства, а попросим вместо этого читателя мысленно заменить имя Иешуа на другое, пусть даже хорошо известное, Ионну или Иезекиля, а может, на Исаию или Илию, и он сам увидит, что после этого сочинение мастера в лучшем случае превратится в оперетку времен большого террора. Именно оперетку, так как несчастья персонажей пилатовых глав кажутся ничтожными и смешными по сравнению с натурными, случайно долетевшими до нас зарисовками кровавой бойни тех головокружительных от успехов времен.

Нет, не вымышленная трагедия неоцененного таланта сводила с ума его носителя, а его собственная подлость, вернее, возведенная в высшую степень подлая подлость по отношению к Спасителю выкорчевывала его извилины. Лишения разума – это плод писательской деятельности в выведении на волю лжехриста, иногда называемого антихристом. Если нет Спасителя, на его место обязательно вступит другой, заботливо предложенный Его врагами. Массам на эту роль может сгодиться Иешуа, подготовленный к появлению на свет выигрышем в лотерею изобретателя ершалаимской истории, а мастеру подброшена экстравагантная подмена – вот она, готовая к услугам по его спасению Маргарита Николаевна, в лучшем романтическом виде. Она, конечно, только она спасает и спасет мастера. Ситуация комическая, Воланд хохочет – ведь для отдельно взятого человека вместо мессии удалось подсунуть блудницу Маргариту, казалось бы, на такой грубый обман не должен попасться писатель. Да, но только если он не занимался фальсификацией, а, как известно, лжецов обманывать проще простого. Всегда утешительная «Азбука» для таких случаев продолжает звучать трагично, предлагая врачу, прежде чем лечить население, сначала исцелить и спасти себя самого, но уверенный в своей праведности мастер злодеев разглядел только в окружающих и не смог воспользоваться этим мудрым советом. Напрасно мы удивляемся тому, что лечат зачумленные, рулят слепые, учат невежественные, мораль проповедуют бандиты, права человека защищают иуды – все это мы сами вызвали к жизни своими сокровенными желаниями быть хорошими без прощения собственных преступлений. Но Булгаков об этом не пророчествовал, просто открывал глаза на уже происходящее. Не открыл. Значит, плохой писатель? Или плохой человек?

Уже при Салтыкове-Щедрине была забыта совесть, забыт Бог, и только смелости не хватало признаться в этом, а с началом нового века наглости уже хватало. Крикнули на весь мир, что ничего этого нет, а потом стали сочинять новые ценности, но только не хватило пока дерзости (посягательства есть, и успешные) властно раз и навсегда поставить их на место Христа и поклониться им, и принести жертву.

Если повсеместно совесть отказала у людей, если писатели никак не могут, как ни стараются, ее пробудить (значит и у них не все в порядке с ней?), нежданно-негаданно обнаруживается парадоксальный выход из

тупика. Для того чтобы помочь бессовестным, демоны начинают делать доброе дело – неумолимо обличают злодеев и показательно наказывают их. Надо признаться, что это не их оригинальное изобретение, они просто передразнивают христиан. Не к обличениям ли нехороших людей и нехороших квартир стремятся современные христиане? Не желают ли они возмездия негодникам? Борьба за праведность окружающих на примере дружной компании Воланда – не есть ли их идеал?

Христос пришел не наказывать или пугать казнями, а выручать из уз смерти злодеев, подавая им прощение. Но это прощение должно быть востребовано самим гибнущим для того, чтобы оно получило силу действовать. Прощение нам уже принесено, оно есть, теперь вопрос в том, захотим ли мы его? Ведь и тут есть два пути – честный и подлый. Один выбирает путь покаяния для того, чтобы не было наказания за шалости (а действовать можно продолжать по-старому), другой – для того, чтобы вернулась жизнь, для которой необходимо новое сердце, в котором «я» у ожившего спряталось бы на второе место, а на первом в полный рост появились другие.

Как всегда, мотив показательных выступлений шайки – глумление над теми, кто уже в их руках, кто уже гибнет и пропадает: залихватски, с радостью (заразительной для толпы зевак) втоптать их по заслугам в кладбищенскую грязь побыстрее и поглубже. Именно этих, предательски попросивших у тьмы покровительства, ужасных и несчастных своих блудных детей хочет выручить Сын Божий. Преступников и разбойников. Так что гости на бале сатаны тоже прощены, и им уже предложена милость, и теперь, вплоть до страшного суда, их воля – принимать ее или отвергнуть. Для любителей справедливости зададим дежурный вопрос, какой выбор ближнего подлее и злее – предать или в последствии отвергнуть милость друга, которого он предал?..

(Мак. л.)... пишу вам не новую заповедь, но заповедь древнюю, которую вы имели от начала. Заповедь древняя есть слово, которое вы слышали от начала.

Но притом и новую заповедь пишу вам, что есть истинно и в Нем и в вас: потому что тьма проходит и истинный свет уже светит.

Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме.

Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна.

А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза.

Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его.

Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала. Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого. Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца.

Я написал вам, отцы, потому что вы познали Безначального. Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого.

Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей.

Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего.

И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.

Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время.

Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши.

Впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все...

(3. У. пр.)... Если уж взялись черти делать добрые дела, то их не остановишь. Вот и приняли они рыцарский облик, ведь добрые люди не наше изобретение, еще в темные средние века появились доблестные, честные, жертвенные, щедрые, в общем, благородные воины за все хорошее и прекрасное. Тогда возникло убеждение, которое поддержала и Церковь, что есть среди христиан не только те, кто легко защитит даму сердца, поможет обездоленным, но и отвоюет, силой возьмет и передаст в оборот добрым людям захваченную плохими парнями святыню.

После этого в церковном народе быстро стало расти и укрепляться мнение, что не святыня отвоевывает людей у тьмы, а сама постоянно нуждается в доблестном служении по своему спасению пламенно верующих в нее грешников. Это мнение так раздулось, что переродилось в прекрасную мечту, в которой нашлось место не только для добрых рыцарей, возвращающих благу его утраченную было власть. Возращенное мечтание соорудило город, в котором чистые юноши и чистые девушки могли влюбляться друг в друга чистой возвышенной любовью, забывая про всех прочих недобитых негодяев, которые им из зависти безостановочно тайно гадили и досаждали, мешая окончательно слиться в последнем поцелуе в единое целое с решительным отречением от себя ради любимого или любимой.

Чудесная идиллия продолжала укрепляться, расти и шириться, в ней мысленному взору теперь представлялись уже не союзы из двоих, а целые многомиллионные сообщества прекрасных и возвышенных служителей света и добра. В искусстве в целом и в литературе в частности это увлечение получило название романтизма. В нем идеалы правды, справедливости и любви бескорыстной, идеальной, овладевали умами и чувствами лучших представителей падшего населения земли и руководили их благородными порывами и общественно полезными мероприятиями. Возникло и укоренилось всеобщее мнение, что эти представители всего хорошего способны не только на райские взаимоотношения, в которых они не будут кусать своих ближних, но и на подачу примера для тщательного подражания диким, помраченным злобой развратникам, алчным расхитителям, мрачным тиранам и прочим отбросам человеческой цивилизации.

Яркие, заразные примеры самопожертвования у лучших людей, их непобедимая доблесть, тяга к сладкой свободе и опьяняющей независимости, основанной на равноправии, соблазнительные в своей привлекательности, должны были неотразимо подействовать на недоразвитые или неопределившиеся пока еще массы, и, согласно романтической идее, должны были без особых проблем переустроить, наконец, мир, доведя его до состояния неколеблемого общего благоденствия.

Никто не будет спорить, что все эти мечтания весьма приятны для слуха благородных донов и их верных оруженосцев. Понимаем, что нынешним независимым наблюдателям странно, что подлинное христианство к таким парениям мысли относилось и относится крайне отрицательно, считая их врагами, разрушающими душу человека, и, попросту говоря, называет такую практику погружением в ложь, с неминуемым в последствии рабским служением этой лжи, ненавидящей и враждующей и с реальностью, и с истиной.

Мечтательное добро – лютый враг добру подлинному. Поэтому великой похвалой из пасти Воланда звучит его обращение к своему московскому агенту влияния: «Романтический мастер!», – а впоследствии знаком качества его служения, заодно возводящего в чин особо посвященных в дела тьмы, стало присвоение ему сатаной звания трижды романтического мастера сразу после того, как им был отпущен на свободу (значит, сам освободитель свободен*?) придуманного им прокуратора, имевшего неслыханную

* Ясно, что мастер болеет той же болезнью, что и Пилат. После того как по прибытии в 50-ю квартиру на трапезу после бала, восклицает: «О боги, боги... Зачем потревожили меня?», хотя, признаемся, трудно понять, кто кого из них заразил.

славу. Теперь можно смело считать любовника Маргариты Николаевны посвященным в рыцарский сан, хотя приобщать к нему его стали загодя, сразу после извлечения из больницы Стравинского. Напомним, как без всякой, казалось бы, необходимости Воланд, обращаясь к Коровьеву, тоже называет его рыцарем и просит дать мастеру чего-нибудь выпить (конечно, спирта). Вся компания одной крови, которая помогает им совершать благо.

Нас тревожит то, что рыцарство имеет свой добрый уголок в сердцах читателей, а через весь роман Булгакова тянется ниточка, накрепко связывающая его с визитерами, вызывая незаслуженную симпатию к темным донам и недоверие к их критикам. Для того, чтобы более ясно высказать свое мнение по поводу рыцарства чертей, мы, с разрешения Михаила Афанасьевича, обратимся к рыцарям из прежних литературных времен, упомянутых им самим.

Итоговым романом о рыцарях мы считаем «Дон Кихота», от которого и поведем свои рассуждения. Благородный борец с темной силой бьется с ней не жалея живота, а при этом все самые высокие силы души посвящает, как и положено в таких случаях, служению прекрасной даме. Два основополагающих мотива этого странствующего рыцаря унаследованы от золотого века всеобщего рыцарства. Припомним их: освобождение Гроба Господня (или борьба со злом, как будто не Гроб Господень освобождает от него) и публичная демонстрация благородства и великодушия (параллельно с гнуснейшими в истории предательствами, грабежами и насилием во имя Господа). «Азбука» тайком проливает слезы сострадания над Доном, который, не видя правды, возводит призраки своего воображения в статус реальности.

Но его основная слепота скрывает во тьме правду о нем самом, что свидетельствует о том, что поборник добра не видит своего собственного зла, не замечает своих низостей и подлостей (ведь каждому ясно, что подло просить или требовать от тяжело больных пляски с присядкой, а это меньшее зло, чем ожидание рыцарем добра от грешников), и уж конечно не видит и никогда не поймет, что даму сердца в первую очередь нужно защитить не от нечистых взглядов на нее, а от ее же глупости и несовершенства.

Романтики внушают грешникам, что они хорошие люди и должны защищать других хороших людей, а плохих искоренять. Как же легко высокими (и искренними) стремлениями спрятать и оправдать свое зло (а слепота среди его многочисленных проявлений из худших)! Когда Воланд

называет мастера романтическим, он причисляет его к армии подлецов, поскольку романтика подла, она очаровывает (обманывает) легкомысленных искателей приключений, после чего тех обязательно настигает разочарование.

Роман Сервантеса велик и трагичен, в нем божья душа прельщена, и в этом безумии прельщения она свои высшие силы растрчивает на потеху праздной толпы и демонов. Величие этого романа станет ощутимым, когда он начнет помогать нам замечать в себе и в других бессильное добро (и от этого ложное), а при более пристальном взгляде подскажет, как опознать под шкурой добра то, что вовсе добром не является. Такое прозрение может напугать неподготовленного человека, поскольку его дорогие и близкие окажутся сначала с недостатками, а потом и вовсе врагами, так что, следуя рыцарской практике, с ними надо будет бороться, а не защищать их. И все-таки человек может утверждать добро сначала в себе, избавляясь от своего откровенного и лукавого зла милостью Спасителя, а затем от зла окружающих — делясь с ними полученными в дар той же милостью и прощением.

Да и сам по себе поиск добра, хоть иногда и ошибочный, велик по своим возможностям среди прочих средств, созидающих личность, и спасителен, хотя и трагичен до времени. Продолжение жизни Дон Кихота без труда можно найти в Обломове. Это тоже рыцарь, но без путешествий, мечтающий, лежа на кровати, и так же велик этот роман и столь же трагичен. Громадные таланты зарыты и погибли погребенными под толщей пустых хлопот и ожиданий. В этом беспредельная подлость Ильи Ильича, убившего в себе саму возможность не то что поблагодарить за дары, а хотя бы поискать им практическое применение. Этот образ несостоявшейся гигантской личности трогает душу, поскольку в каждом из нас гибнут, так и не дав ростки, множество добрых семян-талантов, хотя в своем полусонном беге по жизни мы чаще всего не даем себе в этом отчет.

Вот и появился удобный повод спросить читателя: «Не соединяет ли Обломова ночная рубашка и его лежание в ней с Воландом, устроившим на пороге грандиозных событий своей гостье представление на кровати в ночной рубашке?». А от себя скажем, что, по нашему мнению, плохо быть негодяем, но гораздо хуже — похоронить в себе силы, способные к добру — в этом преступлении человек, облаченный в платье, сшитое из своих поступков, дорастает (падает) до уподобления той самой праздничной сатанинской дырявой одежде, которая, незаметно для него самого, плавно превращается в стальные благородные рыцарские доспехи.

Итак, вполне укладываются в общую цель гастролей демонических рыцарей по Москве и их прощальные скачки по небу. Нынешние всадники, как те, средневековые, тоже хотят завоевать Иерусалим и иметь в нем на престоле своего в доску царя. Причем вожденный Иерусалим, город великого царя в земле обетованной, должен быть завоеван не в результате военной операции с помощью конницы*, а сам собой перейдет под их управление, после того как в душах людей живой горний Иерусалим будет захвачен и покорен обольстительным злом. Если угодно, так созреет плод многолетних усилий тьмы по подмене истины, по которому можно будет судить о сокровенных процессах перерождения веры в сердцах христиан. Поход за право владения Святым градом человеческих душ не окончен, он продолжается. Для ясности добавим, что, согласно «Азбуке», на литургии нерукотворные храмы великого града поименно принимают в себя Царя, Царству которого не будет конца, и оживают Его небесной жизнью, к которой были предназначены изначально, так что холодная война за Иерусалим сегодня идет у рыцарей в основном с теми, кто пока еще верен Христу.

Что же в отношении валюты? Обычные рыцари, конечно, как всегда, скажут, что им нечего сдавать, а скупые рыцари (заодно с праведными христианами) не простят долгов бедным вдовицам и, хорошенько поразмыслив, сами заставят должниц сдавать им валюту. Эти приносящие чистую прибыль повадки современного рыцарства у Булгакова изображены в романе провидчески точно и остроумно.

Об опасностях искреннего рыцарского пути мы предупредили. Он привлекателен для героических натур в своем откровенном утверждении добра, но сомнителен с точки зрения истинной добропорядочности тех, кто его избрал**. Но почему же нам все-таки мил Дон Кихот? Неужели только по укоренившейся глупой привычке мечтать о себе и о мире?

Дело в том, что тощий, ошипанный, недобитый рыцарь все же есть в каждом из нас. Он — это наше желание (пусть и очень-очень редкое и очень-очень глубоко спрятанное) правды, чести, верности, взаимности. Оно такое маленькое, что не годится на серьезные битвы с реальными врагами. Доведись ему доскакать до сражения, наш рыцарь немедленно погиб бы или потерял сознание. Ну а пока, боясь признаться себе в этом, в наших привычных мечтаниях мы постоянно воюем за добро, потому что в мечтах мы всегда можем быть только добры. В этих грезах враги наши тоже мечтательные (и поэтому исключительно злые, порой под свои знамена собирающие

* Конечно, завораживающее представление ночных воздушных скачек — это обычный отвлекающий военный маневр для более эффективного удара на главном направлении.

** А вдруг у них рожа тоже крива? Ну, хотя бы чуть-чуть.

все основные силы тьмы), как и наши иллюзорные победы над ними, которыми мы в своем безумии даже способны утешать себя, а иногда и гордиться.

А реально что? Мы не только никогда не бились за правду, мы в своей жизни не способны произнести ни одного живого, настоящего слова, которое могло бы стать правдой*. Полная, окончательная нищета на истинное. Как следствие – наше игрушечное, смешное, презренное рыцарство. Одновременно с ним в нас обитает могучий бандит, который умеет не только разрушать, но и с великой хитростью и ловкостью не только может замаскировать, спрятать от чужих глаз свои безобразия, но способен выдать их за нечто прекрасное и достойное. Один наш кандидат на царство на издывании, другой пышет здоровьем.

В этой, казалось бы, безнадежной ситуации «Азбука» утверждает, что человек, ясно увидевший себя таким, как есть (двоедушным, нравственным шизофреником или лицемером), только и способен к истинной жизни. Много раз мы рассказывали об убежденности христиан во всеилии их покаяния перед Спасителем. В откровении перед Ним все величайшее зло становится ничем и исчезает, дом человека оказывается чистым, выметенным и убраным, в нем не остается никакой тьмы.

Редко души людей бывают очищенными от зла, тут вроде бы можно торжествовать, празднуя победу над тьмой, но «Азбука» заявляет, что дом вычищенный, но пустой, хуже, чем он был в прежнем состоянии, которое вмещало смесь из зла и добра. В свободную квартиру приходят семь более злых духов, нежели были до этого, и человеку становится намного хуже, чем прежде.

Можно биться с тьмой, можно всю жизнь посвятить себя этой брани и остаться ни с чем (то есть с ней). Не победа над злом, а утверждение в себе малейшего света созидает жизнь. Поэтому так драгоценен для каждого его Дон Кихот, затаившийся внутри, даже если он старый и больной. Не надо безрассудно бросать его в пекло сражений (нельзя среди прочего забывать, что услужливый дурак опаснее врага), но, сберегая его, слабого, пока неразумного и неопытного, а затем терпеливо, изо дня в день укрепляя признательностью за то, что, благодаря ему свет в нас не погас, мы возвратимся вместе с ним в жизнь полноценными воинами**.

* Еще и еще раз: мы говорим о личных вечных отношениях. В земном царстве кесаря добра и героев сколько угодно.

** Только это возвращение переменит взгляд рыцаря на самого себя. Он станет непобедимым, когда сам станет всего лишь верным оруженосцем и спутником Того, кто уже победил мир.

Покаяние не только гонит тьму признанием над собой милости Господина жизни и несовершенства своего рыцаря, оно возводит его щедростью Спасителя в достоинство царского сына и звание непобедимого воина. Дон Кихот позорно жалок своим полупризрачным добром, но если не увидеть его и не признать главным нашим достоянием, то нам не проснуться в реальности и не стать истинными людьми, способными на подлинную взаимность.

Наше исчезающее благо может быть возведено милующим Богом в достоинство вечного. Не следует отчаиваться, даже если ваш Дон Кихот погиб, не оставив после себя могильного холма. Воспоминания о нем с жалостью о безвозвратной потере, обращенные к Спасителю, воскресят и вернут его. Думаем, что некоторые читатели Сервантеса ощутимо переживали нечаянное возрождение своего внутреннего рыцаря после соприкосновения с нелепым героем испанского писателя, пусть и в смешных для толпы, старых, ржавых доспехах.

Дон Кихот перестанет быть интересен людям только когда в них окончательно умрут остатки рыцарства. После общественной смерти (вызванной безразличием к мелкому добру*) странствующего фантазера в душах его могильщиков пустое место не останется свободным, и для того, чтобы занять его, как из-под земли выскочат деятельные супергерои, спасающие весь мир. И спрос на них будет только расти. Чем глупее, ничтожнее и мертвее будет становиться внутренний человек в людях, тем более ослепительно великие Бэстмены будут прислуживать им. Поэтому востребованность обществом либо Дон Кихота, либо Бэстмена может правдиво рассказать о здоровье совести в его членах.

Видел Булгаков, как рыцарство в людях либо становится притворным, либо исчезает за ненадобностью. Нельзя допустить, чтобы все наши рыцари соблазнились на приманки Воланда, ускакали вместе с его свитой и сгнули в бездне, оставив мир пустым и холодным. Напоследок заметим, что Воланд всегда удирает в том облике, который удалось похитить у тех, кого он соблазнил...

(Мак. л)... Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее, равно как и то, что всякая ложь не от истины.

Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына.

* «Азбука» настаивает на том, что, пренебрегая самым малым благом, человек неминуемо отказывается и от великого.

Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца; а исповедующий Сына имеет и Отца.

Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас; если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце.

Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная.

Это я написал вам об обольщающих вас.

Впрочем, помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте.

Итак, дети, пребывайте в Нем, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение и не постыдиться пред Ним в пришествие Его.

Если вы знаете, что Он праведник, знайте и то, что всякий, делающий правду, рожден от Него.

Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его.

Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть.

И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист.

Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие.

И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха.

Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его.

Дети! да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен.

Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. ...

(З. У. пр.)... Прячутся в темные углы главные действующие лица булгаковского романа, а нам приходится, вместе со всеми заинтересованными лицами, подводить итоги их бурной до сумасшествия деятельности. Что они натворили в молодом советском государстве, чего добились от населения Москвы?

Сразу бросается в глаза, что в экономической сфере нет никаких инновационных прорывов, только порча имущества в трех-четырёх помещениях,

кража дамского белья и одежды, да мелкая попытка дестабилизации финансовой системы путем подбрасывания фальшивых банкнот. В общем, пустяки, не стоит обращать внимания.

Другая сфера, морально-нравственная, подверглась более существенным испытаниям и изменениям. Тем более, если отдельно взятого человека рассматривать как значительную и уникальную ценность, то сдвиги только в нескольких душах, определяющие в них новую границу и новое соотношение сил между светом и тьмой, можно считать тектоническими, а может быть, и космическими.

В таких масштабах трудно не заблудиться наблюдателю, а потом ему, в свою очередь, не запутать своих доверчивых респондентов. Однако есть предложенная нами точка обзора, которая помогает с единой позиции охватить все, что имеет отношение к визиту гипнотизеров в Москву.

Булгаков все действия тьмы, от тайных до явных, начертал пером в полном согласии с правилами «Азбуки», предписанными не только сынам Света, но и тем, кто враждует со Светом. Христианский взгляд на дьявольский мир раскрывает его как изображение Небесного, но отраженного в кривом зеркале, которое необходимо тьме и для обмана незадачливых ротозеев, и для осмеяния всего, что имеет отношение к Свету, с дальнейшим уничтожением его. Но при этом разгуле тьма все равно остается в жестком подчинении Свету. Ничего своего, ничего оригинального, только подтасовка, только передергивание и извращение, только крадущая зависть, только глумление.

По тому, как ведет себя в данный момент бездна, можно точно сказать, что и как она сейчас пожирает и расточает. Если нет признаков Света – тьма бездействует и ждет свою жертву. Законы сохранения, хотя и своеобразно, действуют и в духовном мире, поэтому насколько отличается мнение всех религий от христианской на то, что же такое жизнь*, настолько их представления о зле и смерти в той же мере не будут соответствовать христианским.

Буквальное, неукоснительное следование православным канонам в описании державы дьявола в «Мастере и Маргарите» говорит о Булгакове как о человеке с христианским умом и христианским мировоззрением. Но ведь свет, который он изобразил в своем романе**, точно так же не только в общем, но и в мельчайших деталях должен совпадать с христианским

* В очередной раз: для христиан жизнь – это единство с истинной Жизнью, открывшейся грешникам с именем Иисус Христос.

** Здесь необходимо уточнение. На страницах романа рассуждения о Свете исходят не от Булгакова, а от Воланда с компанией.

воззрением на свет. А он-то как раз ни в чем не следует и даже не напоминает его, подобно тому, как, воспринимая Луну как первичный источник света, невозможно представить, каким могло бы быть Солнце.

Нам представляется, что продолжительность написания «Мастера и Маргариты» была связана именно с тем, что Михаилу Афанасьевичу необходимо было шаг за шагом выследить и вычистить вольные или невольные совпадения и подобию пилатовых глав с евангельским откровением (а может, их полное несовпадение это все же случайность, а не цель автора?).

Тонкий, умный богослов только и способен безукоризненно выполнить такой труд, благодаря чему даже в мелочах нельзя перепутать Иешуа с Сыном Человеческим. Михаил Афанасьевич, как мог, старался навести невежественных читателей-христиан на мысль о том, что Иешуа – это не его представление о Христе, а дублер Спасителя, внедряемый в христианство Воландом. Не нужно богословского образования, достаточно опыта простой искренней веры, почерпнутой в ничем не приметной городской или сельской церкви, чтобы ее обыкновенному прихожанину точно знать, что единственным непобедимым соперником дьявола на земле, от Которого он бежит и тает, как дым, является Христос.

Те люди, которые доверились Сыну Божию, свое победное торжество над силами тьмы черпают из Даров, лично им принесенных Спасителем. Разорвать эту связующую нить отношений между милующим Отцом и блудными детьми задача тьмы. Для ее решения будут хороши все методы, от откровенных до изощренно лукавых, но самый надежный из всех – это помазание на Царство ложного мессии.

До Булгакова было много попыток перетолковать христианского Иисуса, придав Ему, по своему доброму человеческому представлению о высшем, понятный или желательный облик. Впервые именно в «Мастере и Маргарите» представлен новый персонаж, который, не имея никаких евангельских корней, пользуясь незначительным внешним прикрытием из смоковых листьев той исторической эпохи, только для обозначения поверхностного сходства, во всем противостоит Христу.

Собственные ошибки при попытках услышать другого и ошибки при выборе подлинника среди груды плохих и хороших копий сулят одинаковую беду в конце пути с этими ложными попутчиками. Однако, при желании человека исправиться, эти заблуждения будут значительно отличаться друг от друга по сложности их преодоления.

Ложь в восприятии (при слышании) вообще может быть поставлена под контроль, так как общение имеет простой принцип диагностики на

истинность. Ваш собеседник должен подтвердить, что его правильно поняли. Именно так – он высказался, а мы стараемся принять неискаженными его слова с его обязательным одобрением. И нас, в свою очередь, можно принять только так. Никакой, даже самый талантливый и наблюдательный писатель не сможет передать меня исчерпывающе правдиво (с моим подтверждением его правоты), если только я сам не захочу помочь ему и принести ему свидетельство о себе. Он может передать только себя и свой взгляд на то, как устроен мир, свое отношение к нему, но никогда другого из-за его неповторимой инаковости. Это не значит, что другой нам недоступен и потому не нужен. Нет, его взгляд драгоценен (бесценен) и даже жизненно необходим, поскольку дополняет наш. Доверие позволит его талант соединить с нашим, и восприятие мира становится богаче.

При определенных условиях (как обязательные в них входят, с одной стороны, мое искреннее признание в том, что во мне замолчала совесть, с другой – доверие и симпатия в данный момент к моему нелицеприятному критику) мнение иного человека может помочь выявить, как другими воспринимается характер наших поступков – злыми или добрыми, но все равно основание их (побудительные силы, желания), за которое ответственно сокровенное нутро человека, всегда будет тайной для окружающих (поэтому заявления со стороны о моих предпочтениях и намерениях – всегда ложь или игра в рулетку). Можно добавить, что взаимное доверие к видению друг друга и есть расширение человека через единство с иным Царством, рождение его в непредсказуемую дружбу вне времени, вне разлук.

Ну а что с размером ошибки? Тут по-прежнему как с воровством у друга – все равно, сколько ты украл, медный грош или миллион бумажек с портретом старика – дружбы больше нет, она заменена мздой. Поэтому «Азбука» твердит, что малейшая неточность в восприятии-слышании человеком человека ставит нас перед другим человеком, не тем, кто стоит перед нами, а тем, кто нам привиделся на его месте.

Небольшое отступление от правды (можно усилить это условие – небрежность или всего лишь разрешение себе немного отступить от правды, но еще до предательства ее) – одна из основ утверждения в себе искреннего лицемерия (подслеповатого зрения), одна из форм которого может начаться при легком искажении добра и зла, незамеченного совестью и принятого как истина. Отсутствие или добавление лишней ноты или интонации в образе при этом все равно именуется клеветой. (Мы уже говорили о том, что привитое в литературоведении правило искать прототипы героев в жизни писателя – глубоко ложное и пошлое делание, загадившее,

извратившее и, в конце концов, похитившее его право на творческий, рождающий нечто неповторимое взгляд.) Никакие аналогии с окружающей писателя действительностью не раскроют смысла художественного произведения, сотворенного им. Оно уникально, оно выразитель неповторимого сердца человека, плод его желания свидетельствовать о себе ином и об особенном мире в себе перед другими иными и особенными.

Правду о личностях нужно искать не у наблюдателей, а у самих субъектов наблюдения. Булгаков все это прекрасно знал и, если бы захотел что-нибудь уточнить в образе Спасителя, обратился бы непосредственно к Нему со своим недоумением, но никак не к своей фантазии. Поэтому если бы Михаил Афанасьевич верил в то, что христиане знают свою веру, то изменил бы в своем Иешуа несколько черточек или точек, и этого было бы достаточно, чтобы понять его мысль, но ему была очевидна одичалость православных, поэтому для того, чтобы достучаться до них, потребовались сильные средства, в результате применения которых появился безродный бродяга.

Нам представляется, что в своей книге Булгаков обратился в первую очередь к людям, считающим себя христианами, а не к добрым людям, которые не чувствовали никогда нужды в прощении допущенного ими зла, а значит в Спасителе. И целью своего обращения к ним он ставил возможность донести до них (сняв очки – приближающие, удаляющие, розовые, фильтрующие, затемняющие...) напоминание о Том, в Кого они верят, точнее, думают, что верят. Подлинность образа Христа, его неповрежденность в восприятии человека может создать условия для подлинных отношений с Ним. Несоответствие между услышанным человеком о Христе и живым Христом все превращает в нем в ложь: и веру, и отношения с людьми, и даже его самого в собственном восприятии наделяет фальшивой маской.

Основания для опасений за христиан у Михаила Афанасьевича были самые серьезные, поскольку не от внешних (которые, не понимая Христа, должны считать доверие к Нему безумием или соблазном), а от своих стали исходить голоса, напрочь заглушающие все прочие мнения, что, с одной стороны, верующие обязаны совершать подвиги, защищая и утверждая добро (не считая рутинных, повседневных дел милосердия и патриотических праведных крестных трудов), а с другой, эти же верующие должны беспрерывно бояться наказания и воздаяния от нелицеприятного судьи за плохое поведение при втором Его пришествии. Да и в повседневной жизни от множества людей без опознавательных знаков так и изливаются во все стороны потоком предупреждения и угрозы, что Бог накажет.

Одно дело люди, не нуждающиеся в спасении, признающие человеческое добро и земную жизнь, как высшую форму существования, будут опытным путем понимать возможность утрат и ухудшения качества жизни, всегда находясь под угрозой безвозвратного расставания с солнечным светом из-за полной утраты здоровья, другое – те, кто знает и помнит об утраченном бытии в единстве с другим, видит свое беспомощное состояние одиночества, в угасании всех талантов (быть может, кроме здоровья), полезных навыков и способностей, включающих умение быть другом, вызванное предательством этого бытия. Гибнущие, но сохранившие мужество находиться в правде, ясно понимая, что их уже невозможно наказать, поскольку они выпили чашу со смертью и для того, чтобы изменить их участь, необходимо помилование Спасителя, Того, Кто без меры одаривает всех испрашивающих этой воскрешающей милостью.

Слова Сына Человеческого никогда и ни при каких обстоятельствах не носили характер угрозы, но постоянно имели в себе лишь одну цель – открыть глаза покойников на то, что они не живут и, если не захотят расстаться с милой им смертью, то уже никто им не сможет помочь. Прощение у ног злодеев: их зовут разлюбить смерть, ее муки, ее агонию, но для них наказанием представляется жизнь, пыткой – верность, поедающим огнем – лишение наслаждений эгоизма. Церковь, которая и есть живое единство воскрешенных и воскрешаемых грешников с Христом, всегда знала правду о людях и о том, что сделал им Господь*. Но на место вечери взаимности Отца с вернувшимися из страны далече детьми незаметно взгромоздилось неохватное здание правил и обслуживающего его персонала, отвечающего на запросы благочестивых посетителей храмовых помещений (если говорить точнее, Церковь спасенных продолжает действовать, пополняться новыми личностями, но парадные вывески и все рекламное пространство принадлежит Церкви формальной, объективной).

Все напоминает прежнюю взаимность, порядок, слова, священные предметы, но нанятый служебный аппарат боится непротокольных свидетельств о вере, не хочет риска в ее живых проявлениях и даже считает это

* Поэтому есть две истории Церкви: одна – формальная история, рассказывающая об административном устройстве видимой части Церкви (названия, иерархический строй, достижения и провалы, взаимоотношения с остальными формальными образованиями). Другая – реальная история непрерывающейся взаимности спасенных избранных с воскресшим Христом, не знающая перерывов и передышек. Только имена и то, что нового от раза к разу открывалось им о Христе, который вчера, сегодня, завтра тот же (знаем, знаем, что часто повторяемся). Какую историю написать легко и приятно? Для какой истории можно соорудить мощный научный аппарат? Какую историю написать нельзя, а можно только выслушать исповедь ее свидетелей?

вредным. Все, как в «Великом инквизиторе» Достоевского, только на православный лад. Как произошло опустошение и подмена? Надо спрашивать не историков или особо уполномоченных в тех или иных дисциплинах, а каждого из нас. Если что-то произошло с Церковью, то виноват в этом только я, поскольку Христос в ней вчера, сегодня и завтра тот же, но уже ненужный, как прежде, тем, кто ее наполняет – погибшим чадам Небесного Царства. Враг внешний побежден Христом, но, как Он Сам предупреждал, самое опасное для царства – это его собственное разделение или внутреннее нестроение, поэтому уязвимо христианство в душах самих людей только при утрате Христа, что бывает при Его подмене на кого-то другого, может быть, очень похожего, а, может быть, и на гораздо лучшего, чем Он. Истинный же Сын Божий не навязывает Себя, но остается всегда рядом с каждым человеком, готовым откликнуться на его первую просьбу о помощи. Булгаков в своем романе представил для примера незамысловатую, пожалуй, самую наивную подмену Спасителя на до примитивности «очеловеченного» (приспособленного к массовой человеческой культуре) мессию.

В пилатовых главах в лице Иешуа читающей публике предлагается образ простоватого доброхота, нарисованного привычными обиходными стереотипами из кухонных бесед. Это немудреная, естественная, а потому довольно грубая, очевидная подделка. Чувство безопасности вместе с ощущением собственной полноценности в каждом из нас непроизвольно укрепляется самодовольным сознанием того, что все под нашим контролем, что мы понимаем окружающих (таких как Иешуа) и способны предугадывать их действия. Потеря же умиротворяющего чувства контроля (самоощущения, не допускающего сомнения в собственной компетенции) сопровождается паникой, поджигающей нервную систему, которая будет генерировать спонтанные защитные реакции по отношению к окружающей среде (например, разрыв контактов с давними знакомыми и резкую смену привычек). Поэтому людям проще принимать других, переделывая их на свой аршин и вкус, не замечая, что тем самым подлинник вытесняется, а вместо него остается правдоподобная, но безжизненная копия, которая легко исчерпает себя при испытании временем и станет скучной куклой.

Как бы изучив другого, мы убиваем его настоящего и таинственного, и это неизбежно отражается на нас самих. Среди объективно понятых ближних и дальних мы, по неумолимому закону взаимности, сами себе становимся понятными и, от предсказуемости, неинтересными, вплоть до потери желания жить. В эти же тесные рамки застывших фотографий

вслед за людьми укладывается и Бог, после чего вера замирает и выветривается через щели, проделанные ложью в душе человека, на волю, уступая место крупногабаритной кондовой демагогии.

Для того чтобы узнать другого, надо быть постоянно вместе с ним в доверии чистосердечной взаимности – этот закон общий для людей и для Бога. Христос пришел к грешникам, и те, кто доверился Ему, признав свою неправду, всегда пребывают вместе с Ним, узнают Его вновь и вновь и удивляются Ему и Его нескончаемой милости каждый день. Об этих людях в романе Булгакова не говорится явно, только намеками, но эти намеки убедительны до неопровержимости*. Как будет меняться эта ситуация на земле в дальнейшем? Христиане, которые будут знать Христа, еще строже будут относиться к выполнению правила, призывающего скрывать свои душевные сокровища от посторонних, так что редко, только при избытке внутреннего, они будут нечаянно проявлять свою веру при посторонних. Суровая практика жизни показывает, что даже при неомрачаемых дружеских отношениях, при избытке хорошего в нас, так, чтобы навсегда, без тумана лжи, негаснущей дружбы не бывает, в лучшем случае эта диковинная на земле добрая взаимность чуть-чуть теплится. Так что в новых мистических романах присутствие христиан будет еще более скромным, скрытым под пеной показной фальши, а потому почти незаметным даже для посвященных, и только при внимательном, заинтересованном взгляде их можно будет опознать.

Новые и новые Иешуа будут приобретать все больше сходства с Христом, так что процент несовпадений между ними постепенно уменьшится до нуля. Иешуа станет вылитый Христос, и выяснить, кто из них подлинный, можно будет лишь тем, кто будет иметь дар различения духов. Но это еще не предел совершенства. Иешуа через положенный промежуток времени станет сначала лучше Христа, а затем – во всех отношениях значительно лучше Христа, после чего из книг он явится на землю. И это еще не конец. Он будет так очаровательно прекрасен и добр, что даже далекие от веры люди поймут, что перед ними Бог. И тут еще есть простор для развития процесса возрастания добра в землянах. Люди в Церкви, включая служителей культа всех рангов, тоже убедятся, что на самом деле новый, общепризнанный Иешуа именно тот, которого всегда ждали, но как-то временно ошиблись, из-за нетерпеливой торопливости приняли за него другого, распятого, и публично раскаются в своей ошибке и, как уже было

* Делайте с нами, что хотите, но мы думаем, что Булгаков сообщает читателям, что Иешуа дьявольски обаятелен и обворожителен, но его нет. Что дьявол чертовски силен, умен, но его нет. Что Иисус Христос – смешон, несостоятелен в глазах людей, но Он есть.

отрепетировано не раз, вынесут из Церкви лики Христа и сожгут их, а внесут и водрузят на их место портреты живого и здравствующего во плоти, красивейшего и прекраснейшего Иешуа. Вот эту стадию, как нам кажется, обретения настоящего доброго человека, никто из писателей по недостатку гениальности, необходимой для такого высокого дела, не сможет описать.

Подумали и хотим, извинившись, исправится: найдется много писателей, которые с великим искусством и торжеством зафиксируют тот приход великого Света и страстное соединение его с людьми, переполненными восхищением от этого архиочаровательного явления. Книг о Христе, в которых приведены бабьи басни о Нем, пересказанные хорошими людьми (но нет Его Самого) всегда было и будет много...

(Мак. л.)... Не дивитесь, братья мои, если мир ненавидит вас.

Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти.

Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей.

Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев.

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?

Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

И вот по чему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши; ибо если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все.

* * *

А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам.

И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нем, и Он в том. А что Он пребывает в нас, узнаем по духу, который Он дал нам.

Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире.

Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.

Дети! вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире.

Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их.

Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения...

(З. У. пр.)... Булгаков знал о глубоком подобии отношений человека с Богом и с ближними (они абсолютно взаимосвязаны), поэтому нам необходимо проследить, как новый подставной Иешуа повлиял на, если позволите, любовные взаимоотношения тех, кто увлекся им.

С одной стороны, в восприятии перестроившихся на новое божество людей происходит, вместе с этим, упрощение, приземление представлений о высоком, а с другой, о них в романе говорится как будто бы нечто противоположное, что как раз и пришло время показать настоящую любовь (невиданную доселе?) между ними, да так, что должны умолкнуть те, кто утверждает, что ее нет. Следуя тому, что мы ранее сообщали о христианской мистике, тут на беглый взгляд явное противоречие между заявленным нами и предложенным Булгаковым. Что же думать теперь по поводу этого разночтения?

Для того чтобы разобраться, а не запутаться, нам представляется необходимым спросить об этом Михаила Афанасьевича. А он, безусловно, ответит нам, что показать вечную любовь может тот, и только тот, кто ею живет*. Высшая добродетель в любви, доступная силам человека – ждать, когда она (совершенная, небесного достоинства и силы) придет (точнее, вернется из прежних времен ее обитания на неоскверненной земле), а для этого необходимо творчески создавать условия для ее возвращения, в том числе покаянно свидетельствовать, что наш темный человек, вопреки решимости ожидать, постоянно использует ее для забав и изменяет ей.

Показать со стороны любовь нельзя, как нельзя показать совесть или ум, так что ее не смогли бы выставить на обзор в том числе мастер и Маргарита, даже если бы она у них была. Получается, что Булгаков предвосхитил приемы наглого обмана современной рекламы, которая из рук профессионалов за определенные денежные вложения предлагает получить любовь и все сопутствующие ей товары (на распродажах в качестве акций счастливымчикам выдают продукты, обеспечивающие любовь, со скидкой или вовсе

* В желании показать любовь чувствуется горьковатая ирония писателя по отношению к самому себе, со своими собственными примерами потухшей взаимности и нечестности в ней.

бесплатно). Михаил Афанасьевич знал, что заразный не может быть разносчиком здоровья, поэтому Маргарита, получающая возможность заполучить продолжение своей любви при помощи сделки с чертом (которого трудно заподозрить в любви к кому-нибудь, даже к ведьме), – трагический персонаж, за великую цену приобретающая ядовитую пустышку.

Причем трагедия приходит к ней не со стороны, а вызревает внутри нее, возогреваемая постоянной ложью и себе, и всем (приятным и противным) окружающим. На примере нескончаемого самообмана Маргариты Николаевны можно увидеть, какими путями эпиграф романа может воплощаться в жизни. Необходимо при этом сделать поправку на то, что во времена написания «Мастера и Маргариты» в возможность коммерческих операций в области любви никто ни секундоочки не верил (кто по простоте душевной, кто по недомыслию)*, и только в наше время появились новые российские люди, которые убеждены в обратном, в том, что купля и продажа (включая такие технологии, как бартер и лизинг) – самое надежное средство для обладания и управления любовью.

С теми же, кто продолжает верить и настаивать на том, что у мастера с Маргаритой любовь была, можно, пожалуй, согласиться. Да, действительно была, но второй свежести, или, иначе говоря, была той самой любовью, которой занимаются. С еще одной уточняющей поправкой на современные веяния это можно высказать так: наша парочка занималась общечеловеческой любовью**.

С точки зрения «Азбуки» желание любви такого сорта является скрытым пожеланием смерти (что и получили в результате от мессира мастера с Маргаритой). Вообще союз Маргариты с мастером действительно больше нацелен не на земные взаимные утехи, а на особое неземное служение. Кстати, какие уж утехи, когда утрачены тела, так что их посмертная любовь – чистая ложь, для любви годен только целый человек, а не его половина. В своем посмертном пребывании друг подле друга изъятые из Москвы подопечные Воланда ему на радость передразнивают христианское монашество – полное освобождение от тел, одна чистая духовность призраков, это тоже смешно, но это еще не все.

* Конечно, блудницы и содержанки в наличии и в достаточном количестве имелись, но никому не приходило на ум их высокопрофессиональные услуги принимать за любовь, хотя и у этих жриц знатоки своего дела могли оценить мастерство незаурядное.

** Некоторые читатели, вероятно, помнят, что такие отношения несовместимы с предпочтением невидимого в другом и враждебны честной полной взаимности с ним. Именно ради сохранения таких приятных, осязаемых ценностей, в том числе и европейских, для чего необходимо устранить соперничающие с ними, люди убили Христа.

Мастеру по внутреннему устроению совершенно несвойственно отцовство, а Маргарите – материнство. В своей взаимности они заведомо бесплодны, как при тайном христианском обете, например, в том же монашестве, под которое подделявается потешное монашество наново организованное Воландом. Эта плодотворная идея мессира, пророчески подсмотренная Булгаковым, нашла свое массовое осуществление в наше время, так как у любовников, живущих для себя, рождение младенца противоестественно – оно разрушает рай самоудовлетворения (потому ныне так мало рождается детей). Смерть не способна рождать жизнь, и по той же причине безымянный человек не может подарить людям новое имя. Держава дьявола, как видим, обустраивается со все новых, порой неожиданных, сторон.

Несмотря на задекларированную перед всеми взаимную влюбленность, мастер и Маргарита слышат друг друга очень плохо, а видят еще меньше. Маргарита очень настойчиво делится своими переживаниями и мыслями с мастером, но тот закрыт для них и твердит все время свое, несогласное с ней, а ведь это писатель, ухо которого должно быть чутким к окружающим. Либо это недосмотр Булгакова, либо его намек на ложь (несоответствие) между внутренним и внешним в отношениях любовников из подвала, ведь ему, как мы говорили, было известно, что даже услышанное, но пропущенное через себя, как через сито, все равно оставляет на бумаге только писателя, а другого, исповедающего себя перед ним, на ней после этого не будет. Другого надо оставлять в неприкосновенности, чтобы сохранить его в себе живым и иметь возможность рассказать, передать его другим. В этом чудо дружбы, когда, доверяя и открываясь другому, впускаешь жизнь, которая тебе никогда не будет доступна без ее свободного согласия (она подается только во время общения), но и твоя жизнь выйдет из-под кожи и вольется в другого человека, и ты, неповторимый, будешь действовать и чувствовать в нем, причем твоим просьбам будут рады.

Что же чувствует эгоист? То, что навевает ему дух, который навязал ему одиночество в разделенности с другими. Существование, ограниченное возможностями себя самого, которые истончаются с течением времени и исчерпываются, как и все, чем обладал данный индивид.

Пожалуйста, перед нами само собой появилось еще одно очередное противоречие, которыми набит Воланд, а значит, и его подручные. От вечной любви так безутешно страдала Маргарита, что многие поверили ей, но приглядитесь, она все время также убедительно твердит, что все кончается и все окончится (те читатели, которые доверяют тому и этому рискуют оказаться в номере клиники Стравинского, который занимал Бездомный).

В своих посмертных инспекционных посещениях Иванушки, уже ставшего профессором, мысль, внушаемая ему, что все кончилось и все кончается у нее – главная. Неужели кто-то будет еще сомневаться в том, что и вечная любовь у нее обязательно кончится? Если скажете, что ее слова похожи на правду, мы и тут согласимся с вами, хотя призраки, судя по нашим же словам, должны врать. Здесь нет нашего недосмотра, перед нами только призрак абсурда. Маргарита действительно лжет, только не сразу все смогут разгадать перевертыш в словах исповеди ее житейских воззрений.

Каждому из нас предложено на выбор два уже готовых варианта понимания жизни: либо хорошее заканчивается в конце концов, а плохое пребывает всегда, либо плохое закончится, а хорошее будет пребывать. Приглядитесь, действительно, либо все хорошее, либо все плохое начинает исчезать уже здесь (и окончательно исчезнет в конце времен, как и само время), но это напрямую зависит от свободного решения нас, званых на выбор соколовища. Это во-первых, а во-вторых, какое-то из двух соколовищ непременно останется с нами навсегда. Так что, если в день окончательного выбора Маргарита Николаевна оставит все, как есть, ни вечной любви, ни вечного покоя у нее как не было, так и не будет, одна пустота.

Зная, что правда отношений раскрывается во взаимности, Булгаков, тем не менее, в романе много места в качестве действующего лица предоставил Маргарите и существенно меньше мастеру. По отношению к любовникам так поступать, казалось бы, не очень правильно, а попросту сказать, нечестно. Но, во-первых, они больше сотрудники, чем супруги (тайные), а во-вторых, о похождениях мастера в Москве повествуется мало, потому что о нем много сказано в его книге о Пилате. Все персонажи в ней – это он. И не Майгель, как думают исследователи Булгакова, соответствует Иуде пилатовых глав, а сам мастер, его угадавший. Тот и другой плюнули и не пошли на празднование Пасхи (от нее бежит мастер, ею пренебрегает Иуда, когда именно ее собирались совершать верующие иудеи Ершалаима). Оба похотью привязаны к замужним женщинам*, у которых супруги уехали по делам (как всегда, в нужный** момент). Денежное довольствие обоим обеспечено сполна, в соответствии с характером и сложностью выполняемых ими заданий, и даже концы у них одинаковы – там, где должна по Евангелию утверждаться жизнь (один непосредственно в Гефсиманском саду и

* Имя женщины (единственной в пилатовых главах) намекает на направление, в котором могут развиваться отношения с ней.

** В действительности у Маргариты Николаевны муж отсутствует (в командировке, как было принято говорить детям, которые никогда не видели своих блудных отцов) всегда. Так что он вроде и есть, а вроде как и не существует.

другой, сидя на рукописях о том же Гефсиманском саде), они встречают своих убийц (значит, сад был не тот?).

Впрочем, мы продолжаем считать, что мастер вместили в себя не только Иуду, но и всех персонажей своей же рукописи. Они могут показаться разными до несовместимости, но ведь каждый человек бывает очень разным, настолько, что одного с другим представить вместе невозможно. Так и положено у земных людей, полюбивших тьму – переменчивость нрава такая же, как у отца лжи. Но кое-что общее у действующих в книге мастера обитателей Ершалаима обнаружить можно. Фигуры Пилата, Каиафы, Левия и Иуды соразмерны величине Иешуа, а потому намного меньше своих подлинников, запечатленных в Евангелии*.

Тут могут возразить, что, напротив, окружающие Христа были не в Его размер, и в том числе из-за этого Сыну Человеческому негде было преклонить свою голову (не помещался в них). Не согласны, каждый рядом с Христом мог встать в Его рост, если бы принял Его в друзья! Так что оставленность Христа была вызвана не отсутствием чистых квартир для Него**, а нежеланием людей стать едиными с Ним, Его друзьями.

В Евангелии поступки Пилата, Каиафы, апостолов, Ирода соразмерны личному отношению к ним Христа. (Во взаимности зло измеряется не глубиной нанесенной раны, а величиной отвергнутого добра, принесенного другом. Так формируется несправедливая взаимность.) Оттого они намного подлее зла, описанного в пилатовых главах.

Апостол Иуда, изгонявший бесов и отпускавший грехи людей, предаёт друга, учителя и свое апостольство. Иуда из Кериота всего лишь мелкий доносчик. Апостолы знали, что Иисус Христос – это Сын Божий и открыто исповедовали Его перед людьми. В минуту же испытаний бросили Того, кто имел глаголы вечной жизни. Левий же был неспособен понять не только вечное, но и вполне приземленную философию. Его предательское бегство от учителя во время ареста даже не могло состояться, потому что он предал его раньше своим полным непониманием и своим непослушанием. Библейский Каиафа отвергает Христа, не принимая Его Божие Сыновство, в результате чего первосвященник живого Бога посылает на смерть живого Бога. Каиафа мастера приговаривает к смерти Иешуа для общего спокойствия, в частности, для того, чтобы у Рима не было повода мучить иудеев.

Пилат мастера, боясь потерять свое положение, не выручает симпатичного ему человека. Пилат библейский оказался не способен почувствовать

* Можно констатировать, что даже разбойники у мастера получились глупее, неразумнее.

** Сердец человеческих. (Прим. З. У.)

подлинную Жизнь, открыть для себя живую Истину, которая беседовала с ним. Тут несоизмеримо больше, чем простое малодушие – тут мертвечина, отрицающая возможность возрождения, тут предательство всех ищущих жизни, тут животный страх перед возможностью открыться другому и, одновременно, впустить его в себя. Мельче фигуры – мельче вопросы и ответы в них и вокруг них. Каждый персонаж мастера в отдельности и все вместе, как единое сообщество, в сравнении с их подлинниками из Нового Завета, словно дошкольники* перед Нобелевскими лауреатами и по уровню волнующих их проблем, и по силе сказанных ими слов.

Интрига Афрания с Иудой вокруг Иешуа не может идти ни в какое сравнение с манипуляциями фарисеев по отношению к сыну Иосифа и Марии и Его ученикам. Да и противники у них опять-таки несоизмеримы, и уж, конечно, аналогии евангельской битвы между вселенской общечеловеческой низостью и искренним доверчивым благом (хотя бы в намеке), в сочинении мастера просто нет. (Здесь было бы тоже уместно сказать: а на нет, и суда нет.)

Много слов написано, а у нас все еще остается неудовлетворенность. Нам кажется, что не удалось ясно объяснить с читателем. Попробуем еще раз. Что же стало главным лейтмотивом романа Булгакова, что новое он увидел в расстановке внутренних сил быстро меняющегося мира?

В «Мастере и Маргарите» внимание неравнодушного читателя (только бы он смог отдать себе отчет в этом) постоянно фокусируется автором на том, что у тьмы есть не только демоническое зло, но есть и не менее могучее по разрушающей силе демоническое добро. Мы не хотим приписать тьме возможность совершать благо. То, что она предпринимает, всегда будет чистым злом. Мы же говорим о восприятии ее деятельности человеком**. Откладывая в сторону тему соблазна, когда гнусное подается под видом приятного и полезного, но в результате уже соблазненный человек способен признать себе на что он польстился, можно заявить, что в человеческом обществе восприятие границы между добром и злом сначала было размыто, а потом стало смещаться в сторону грубого, извращенного зла, тем самым на стороне добра оставляя мягкие и приемлемые формы зла (как, например, легкие наркотики и милые извращения).

То есть сначала малая часть практики державы дьявола под видом добра (может быть, второго сорта), а затем все возрастающая область деятельности тьмы с приходом каждого нового поколения, утвердилась в совести

* Вообще-то Пилат мастера в меру не дошкольника, а собаки. Любовь равняет любящих.

** Плотским, светским, общечеловечным, добрым, образованным... любым человеком, опирающимся в первую очередь на факты.

людей как вполне законная, светлая (а потому легальная) и даже полезная (а потому необходимая)*, без которой невозможно представить счастливую жизнь. Так сначала пятнышко тьмы стало искоркой света, а затем в привычном восприятии людей огромные скопления тьмы стали восприниматься как безусловный свет, украшающий серые будни. И по непреодолимым законам невидимого мира истинный свет стал восприниматься тьмой. Это перестало быть даже среди христиан грубым, легко раскрываемым самообманом, а явило себя в них глубоким внутренним убеждением переродившейся совести и даже прошло проверку реальным религиозным опытом, утверждавшим, что предлагаемое светом невыносимо, разрушительно, а потому неизбежно ведет через постоянное страдание к несчастнейшему существованию...**

Именно тайное свидетельство больной совести о том, что предлагаемое Богом добро небесного происхождения сначала противно, а потом невыносимо, в конце концов, убийственно для человека, позволило Христу засвидетельствовать всем нам, что свет в совести человека извратился и стал пугающей адскими муками тьмой***. Вот от какого врага на самом деле защищаются и бегают люди. Но даже в таком извращенном состоянии для человека есть выход к свету, не требующий от него сверхусилий, а просто призывающий признаться в том, кем ты стал благодаря своему прежнему выбору.

Ситуацию с переменой местами тьмы и света можно еще больше усложнить, если подмешать к ней добро из царства кесаря, декларируемое и одобряемое государством и его институтами. Уважаемые всеми благонадежными гражданами добродетели, такие как любовь к отечеству, бережное хранение традиций, сверхплановые производственные (и научные) достижения, благотворительность и т. п. не определяют личных отношений и поэтому не влияют на выбор человека в вечности. Это добро временное, относительное, которое поддерживает жизнь здесь, и туда, в духовный мир, его не возьмешь. Это обидно, хотя можно найти утешение

* Так, например, профессиональные психологи, стремясь принести нечто доброе в будни своих пациентов, прописывают в качестве проверенного лекарства (для прилива бодрости и создания позитивного настроения) смену полового партнера при возникновении равнодушия в длительных, вялотекущих семейных отношениях.

** То есть тьма тоже пугает грешников своим (значит, подложным) адом (только ад у нее из преданного ими света).

*** Как аксиома порядочности принимается теперь установка, что без любви (вместе с ее утратой) брак становится преступлением. Ясно, что, так отдав первенство любви, сексуальные партнеры будут меняться, как в калейдоскопе. То, что утраченное через предательство чувство можно (и нужно) вернуть, кроме презрения у поклонников любви нынче вызвать не может.

в том, что и ошибки, и промахи, и недостойные поступки против земного мироустройства не будут отягощающим фактором для вступления в иное царство, — это зло тоже условное, относительное. Только преступления в личных отношениях вносят свой вклад в выбор настоящего и будущего, которое не от мира сего. Однако сокровища из государственной державы, если им придать главное значение, тоже станут врагами истинного добра. Идолы, построенные на земных интересах маленьких или больших сообществ, не менее злы, чем откровенное насилие, и ведут к разделению, так полюбившемуся духу тьмы.

Не останавливаясь специально на этой значительной для землян части их жизни, все-таки обратим их внимание на то, что сокровища царства кесаря способны подменять высшие дары не только в душах граждан, но и в самой Церкви. Придавая им особое значение, Церковь будет, само собой, терять свою подлинность и превращаться в своего приземленного двойника. «Азбука» говорит о том, что вселенскость Церкви — это не результат ее политических успехов, а внутреннее ощущение условий, в которых совершается истина, не признающая разделительных барьеров. Включение в себя всего способного и желающего жизни (без малейшего исключения) — естественное желание каждой личности, причастной к Истине, неотъемлемое для блаженства, бытия в совершенстве без признаков тьмы, которое и есть торжество свободного радостного единства...

(Мак. л.) ... Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него.

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.

Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга.

Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего.

И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру.

Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге.

И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он.

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви.

* * *

Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?

И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден, и всякий, любящий Родившего, любит и Рожденного от Него.

Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его.

Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его не тяжки...

(З. У. пр.) ... Булгаков свой роман оставил стерильно чистым от примеси проблем, связанных с царством кесаря. Что бы там не надумывали дотошные критики, никакого влияния идеологии, касающейся политического устройства советской страны, противоречий между разными группами населения, присущих лихим временам, в книге нет. Не обозначена ничья партийная принадлежность, а есть лишь невинная шутка по поводу непопулярного тогда кулацкого класса.

Если в «Белой Гвардии» исторический круговорот вокруг действующих лиц слегка обозначен (хотя и там политика не играет никакой роли, существенно только отпущенное на вольную волю человеческое нутро, выбирающее ту или другую стихию для своей реализации), то в «Мастере и Маргарите» и общество, как влиятельная сила, намеченное хотя бы пунктирными линиями, отсутствует. Без дополнительных вспомогательных факторов – только свет и только тьма в очередной схватке между собой и, по всей видимости, очередная временная победа преисподней.

Мы так много говорили о тьме, что сейчас от обеспокоенных читателей возможен вопрос, а где же искать свет? Мы не скрывали, что свет есть в каждом человеке, есть он и в мастере, и в Маргарите, и в бароне Майгеле, и в Иванушке, и в Берлиозе и даже в Латунском и Лавровиче, во всех людях.

Признаки раздвоения и внутренней борьбы были в каждом*, и пусть борьба оканчивалась отказом от света и согласием с тьмой, но кто посмеет дать гарантии, что в момент окончания власти времени мастер не попросит прощения у Вареньки, Бездомного, обманутых им читателей, и неужели есть у кого-нибудь власть запретить Маргарите попросить прощения у безымянного мужа, у Фриды и у Латунского? Роман Булгакова не окончен, он ждет, когда всем его обитателям, включая гостей на бале у сатаны, будет предоставлено слово, никому возвращение в свет не закрыто, более того, их ждут с великим напряжением и изо всех сил желают им воскресения. В «Азбуке» есть удивительный образ, открывающий нам меру света и меру тьмы в человеке. Да, громко возвещается, что люди находятся в смертельной, почти непроглядной тьме, но эта тьма света не объяла и он, тихий, светит во тьме. Чем непроглядней и необъятней тьма, тем выше ценность животворящих огней, которые направляют свои лучи во все затемненные одиночеством клеточки и обширные пустые пространства душ человеческих. Была бы сила за тьмой, она давно погасила бы эти искры, но она бессильна перед, казалось бы, уже давно готовыми померкнуть огнями. Самый слабый свет победоносен в отношениях с самой губительной и непроглядной тьмой.

Вместе с тем, присутствие неугасимого света в людях до Страшного суда не повод для благодушия, а живоносный источник надежды в людях. Власть зла, мощь самолюбия, поддерживаемая ложью в человеческом обществе, возрастает, так что спустя тысячелетия воплощения Сына Божьего среди бывших христиан возникают официальные церкви для служения сатане. Сами же бывшие христиане настолько понизили порог чувствительности к смерти, что только для того, чтобы они задумались, какова в них жизнь и есть ли она, необходимы какие-то невероятные обстоятельства. Ушла память о той подлинной жизни, которая была открыта христианам, вместе с тем произошло привыкание к смерти, к тотальному отсутствию единства и даже к отсутствию интереса к нему. В таком пошлом существовании нашлись свои преимущества и достоинства, так что в отсутствие легкой и удобной альтернативы людям без всякого принуждения со стороны стало дорого и мило безболезненное угасание.

Такие перемены в общественном настроении не могли обойтись без соответствующей метаморфозы в народной вере. Божки, к которым, как

* Даже после успешного выполнения миссии черной королевы, Маргарита, отравленная вместе с мастером Азazelло, кричат тому: «Убийца!». И этот крик свидетельствует, что ее душа все еще знает жизнь.

к приманке, исподволь возогревает интерес и уважение нечистая сила, открыто пропагандируются на крышах и площадях лучшими людьми, снижавшими доверие общества, и это приносит свои плоды. Простой народ, если спросить его о самом главном, назовет здоровье, благополучие (в том числе, пока еще, не только свое, но и родственников), может быть, успехи в творчестве, очевидную для всех сексуальность, причем сделает это искренне, поскольку изо дня в день не останавливается в пожеланиях стяжать все перечисленное друг другу на юбилеях и празднованиях Нового года в тесном кругу хороших знакомых. В какой-то мере это было всегда, но Булгаковым было подмечено нечто новое не только в бывших, но еще и в практикующих христианах. С их помощью новое представление о смерти (подготовленное глубоким сном души) как о вполне достойной жизни пробралось и в Церковь. В нее всегда, из-за присутствия людей со всеми возможными заблуждениями, вносилось нечто из мира, но это не приобретало характер постоянного общего мнения, а изживалось, как случайное и инородное. Конечно, в христианстве не менялись главные имена и цели, но сначала в понимание отдельных слов, следом в толкование фраз, а потом и в представления о том, как действуют личности и как достигаются цели, вкрались, казалось бы, невинные изменения.

Появилось устойчивое мнение о наличии добрых людей с крепкой верой, уверенность в их возможности делиться добром с окружающими и даже с дерзновением спасать их иногда. Разработка нового понятия о добре в грешниках потребовала теперь введения обязательной покаянной дисциплины для верующих и практики некоторого насильственного принуждения их к добру, иногда под угрозой прещений. Но главный результат размыwania и отмирания заповеди о том, что наше слово, судящее поступки и утверждающее их принадлежность к добру или злу, должно быть простым, выражающим кратко либо «да», либо «нет» (верю *par excellence*, добро *par excellence*, каюсь *par excellence*, забыл про себя *par excellence*, поставил другого главным *par excellence*, люблю Бога больше, чем грех *par excellence*)* оказался парадоксальным: правила и понятия веры стали четче, конкретнее, неотвратимее (с множеством формальных установлений на всякий жизненный случай), но при этом личные отношения с Богом под давлением реальной ненадобности и фиктивной невозможности спрятались, сохранившись только в исторической памяти о былых былинных временах.

* То есть полная определенность без скидок, допущений, снисхождения, но однозначная, окончательная, не подверженная старению, целостная, составленная по самому высокому и единственному счету.

И теперь в вере, как ни в чем не бывало, могут без зазрения совести пребывать ходячие мертвецы, и эта беда намного серьезней, чем измена или бунт против легитимной власти в царстве кесаря. Почитать за жизнь только реальное единство, то есть считать смертью полу-жизнь и полу-веру, перестало быть принятым, а со временем и вовсе выветрилось из сознания верующих в широкой церковной среде. Подмена состоялась, превратившись в господствующее мнение, и укрепились, как неприкасаемая святость. Она стала привычной во всех местах своего пребывания, сердцах и учебниках, так что ее можно назвать уже старой традицией. Ее нетрудно заметить и постороннему, незамысленному взгляду, и, поскольку, как всем известно, закон веры рождает закон молитвы*, то нынешнее состояние верующих, у которых все их внимание сосредоточено на личном благочестии и мольбах о здоровье, удачном устройении дел, является надежным и очевидным свидетельством об их главных сокровищах. Они перестали отличаться внешне и внутренне от сокровищ языческих, и именно поэтому на смену чертыханиям и христианским штампам у своих московских персонажей Булгаков в конце своего романа приводит молитвословия из религиозной практики многобожников. И пусть посмеется над христианскими двойниками тот, в ком не живет и кем не командует двойник. Конечно, искаженное представление людей, причисляющих себя к христианам, о том, что такое жизнь и как она совершается, неизбежно будет сказываться на их представлении о Христе. Вернее, личное откровение о Себе Сына Человеческого будет в них подменено и подправлено усеченным человеческим представлением о Нем**. Велика сила и власть смерти, охватившей людей. Об этом предупреждал Булгаков в своем романе, ясно понимая (как понимал это со времен пришествия Христа любой, даже самый юный христианин), втайне от всех своих многочисленных соотечественников, что она побеждается простым покаянным обращением к Спасителю.

Нам пришлось много раз прибегать к «Азбуке», которая просто необходима для понимания скрытых причин и следствий всего происходящего во время налета визитеров на Москву. Мы думаем, что степень значимости «Азбуки» для Михаила Афанасьевича напрямую связана с величиной и важностью тех проблем, которые затронуты в его книге. Чем дороже она ему была, тем смелее замысел, талантливее и мощнее его произведение, тем ближе оно к творениям его учителей.

* На языке посторонних: «У кого чего болит, тот о том и говорит».

** Не Жизнь будет учить человека жизни, а мнение безжизненных людей станет ставить условия Жизни, при исполнении которых она будет иметь право присутствовать рядом с ними. (Истине предложат выполнять человеческие заповеди добра.)

Здесь уместно сделать уточняющее пояснение относительно самой «Азбуки». Знание ее (в том числе подтвержденное отличной оценкой по Закону Божьему) не делает человека православным христианином. Более того, это знание может сделать его тайным врагом, при том, что порой он сам и его окружение будут уверены, что каждый знаток теории и на практике владеет светом и несет этот свет в массы.

Однако знание, не затронувшее человека целиком, то есть не принятое им всем своим существом (душой и телом) как единственная правда, как главное сокровище (или принятое как отвлеченное знание, по большей части не совпадающее с переменчивыми желаниями человека, с льготным разрешением иногда не жить сообразно ему) неизбежно становится лицемерием. Оно будет превращаться в холодное, давящее фарисейство и в тех случаях, когда знаток закона не будет желать всем людям всего того, что хочет приобрести из пропагандируемой им веры для себя, или если он не сохранит опыт детского вопрошания об истине всегда и везде (того, которое нельзя обмануть).

Такое лицемерие – единственный враг, мешающий встретить милость Спасителя, враг, ослепляющий внутреннего человека, создающего двусмысленную ситуацию, в которой несчастный, сохраняя плотское зрение, пребывает, вместе с тем, в неведении собственного умирания при естественном забвении за ненадобностью Того, кто от этой смерти избавляет. Пример предреволюционных семинарий в России должен убедить в этом сомневающихся, напомнив, как училища Божественных законов воспитывали тысячи самых яростных и непримиримых воинствующих безбожников. Причем в войне с религией им очень помогала вся полнота знаний книжного христианства от глубокой древности до последних дней. Не лентяи, не недоучки, а отличники Закона Божьего поставили целью своей жизни истребление памяти об Иисусе Христе.

Зло любит сложность, поэтому знатоков книжного христианства случается одолевает еще одна крайность религиозного поведения – истовое, с приятным воодушевлением следование буквальному исполнению в повседневной практике своих прилежно заученных познаний. И тут есть признак, выдающий тайный механизм лицемерной веры – это предпочтение прилюдного исполнения религиозных отправлений, которое тоже может приносить большое удовольствие, порой даже более осязаемое, чем при владении светской властью и материальным богатством. Свет добрых поступков, сначала отраженный от наблюдающих за подвигами веры людей, которые поверили в истинность происходящего, не заметив искусствен-

ности лицедейства, а потом возвратившийся к делателям света, пьянит и доставляет им райское наслаждение.

Читая «Азбуку» (с должным вниманием), всегда можно будет понять, как развивается мир, но при этом в ней с каждым годом будет помещаться все больше букв, ушедших из живой речи, а потому требующих теперь пояснений и толкований. Чем уже будет становиться человеческое общение, тем толще станут словари непонятных слов, бывших когда-то в употреблении. Удивительно, но и тут сохранится возможность для трезвого, умного взгляда на себя, подобно тому, как дети без словарей (пока не стали взрослыми) знают и правильно пользуются самыми главными словами. Подглядывайте за ними и будете живы.

Больные нуждались во враче и обрели его, так из общей массы грешников появились христиане, но потом они, по каким-то независимым от Врача и Его лечения причинам, стали чувствовать себя вполне здоровыми (несмотря на хроническое недомогание) и даже более здоровыми, чем все остальные. Однако, глядя на них, оставшимся грешникам не стоит отчаиваться. Христиане могут стать лицемерами, могут лгать, но никогда не будет лгать христианство, сохранив все прежние возможности помочь им.

Сами христиане, позабыв про первую встречу и первую любовь своей веры, часто лгут христианству или стараются тихонечко (для сохранения общего спокойствия) подменить его на очень похожее и, одновременно, очень удобное в употреблении. Про это свойство в лицемерах приспособивать под себя, в том числе, и веру говорил Христос (не для того чтобы убить, а для того чтобы выручить их из губительного состояния самоуспокоения), подсказывая вместо их слепой совести, что устами они чтут Его, а сердце их далеко отстоит от Него. Ложь человека всегда в первую очередь направлена против личности и только во вторую против правил и законов (общества, приличий, традиций), которые страдают по инерции вслед за людьми и природой. В этом законе «Азбуки» заложена единственная возможность преодоления лжи и всякого зла: обманщик просит прощения, обманутый, если пожелает, прощает его как друга за предательство, чего никогда не смогут сделать ни юристы, ни планы, ни народ, ни лучшая часть – партия, даже если поднатужатся. В их силах самое большее – не наказывать со своей стороны и не приписывать провинившимся чужой вины.

Что касается необходимости познания заповедей христианами, то у них есть одна-единственная живая заповедь – Христос. Все остальные, прописные, нужны в помощь подслеповатой совести для проверки, соблюдается

ли она, единственная. Так что не обязательно переписывать законы, чтобы подменить веру. Измени Христа или спрячь Его, и изменится все. Не в прописных истинах, а в живом общении с Истиной сначала узнается, что значит жить, и только потом, что значит умереть (не жить).

Мы говорим о неправде, старающейся проникнуть в Церковь сегодня, но стоит вспомнить, что противостояло в свое время молодому христианству извне. В послепилатово время не демонические орды и изуверские общества сопротивлялись благовестию Христа. Человеконенавистнических религий в то время было немного, и те далекие от нас язычники в подавляющем большинстве сами пытались всеми доступными средствами сжить их со света.

Так, столетия Пунических войн еще до пришествия Христа имели целью истребить кровавую веру в Ваала, требовавшего от своих приверженцев многочисленных жертв из человеческих детей (пусть современный гуманный читатель не злопыхает на непросвещенных идолопоклонников, они сами по себе не были злыми, они просто верили, что сожжение младенца полезно и ему (младенцу), и всему обществу, и Ваалу. Считали за великое благо предать огню своего собственного малыша. Все желали, чтобы счастливый жребий выпал на их наследника, а затем гордились и радовались тому, что его удалось испепелить в жаркой печи ради всего народа и процветания страны. Кто знает, может именно этот огонь звала Маргарита в своем страстном прощании с подвалом?).

Рим главной своей задачей считал уничтожение Карфагена и не менял эту цель, пока город печей для новорожденных не был разрушен. Христианство первым делом вступило в битву с добрыми богами. Веселые и беззаботные язычники, почитающие разгульных удалых божков, категорически не желали признать единственного Бога, так что тысячелетняя брань между суровой правдой и веселой ложью в эпоху молодого христианства определила место для сосредоточения духовных и физических сил воинствующих последователей Сына Человеческого.

После того как христианство стало повсеместным, главные противники его обнаружили в новых, доселе не веданных областях. Часто они появлялись и внутри Церкви, а те, первые враги, за новыми заботами забылись. По неумолимому закону повторения прежнего (хорошо забытого), но в новых декорациях и орнаментах, принесенных временем, многовековые войны с ведьмами и лешими должны были смениться новой старой напастью. О боги, боги, опять вы вошли в силу. Яду мне, вкусного яду...

Одновременно с увеличением до значительных размеров доли поддельного христианства в Церкви, реальное христианство полностью ушло

из культуры (благостные стихи и песнопения на тему Бога мы не считаем культурой). А вместе с тем постепенно исчезала острота противостояния между жизнью и смертью, а к нынешним дням этот конфликт, потеряв свою актуальность, и вовсе испарился. Не осталось в людях мистического ощущения смерти, все стало вроде бы жизнью, но на самом деле ушло и забылось ощущение подлинной жизни, души замерли. Где-то в своей непроглядной глубине люди знают про потерю памяти смерти, и их невольно тянет смотреть на смерть. Лучше, если она острее, рядом с собой, особенно хорошо, для усиления впечатлений, если она с отрыванием головы, что поддерживает слабую иллюзию жизни в них, как противоположности ее свежего еще отсутствия в других. Так и существуем – вроде как-то дышим, в отличие от тех, кто перестал уже это делать для нашего же успокоения. И утешаемся тем, что о своей смерти не узнаем за ее внезапностью, так как она модернизировалась и научилась, используя новые технологии, делать свое дело быстро и безболезненно, чтобы не расстраивать человека и предоставить ему возможность исчезнуть, так ничего и не поняв, а значит, не огорчившись.

История с отрезанием головы Берлиозу позволила Булгакову сочинить веселый гимн ходячих покойников. Самые живые из людей – писатели, – сосредоточены в своих желаниях на абсолютно безжизненных предметах, а когда до них долетает весть о безвременной гибели товарища, они почти церковным хором воспевают песнь: «Но мы-то ведь живы!». Замечательное бесчувствие к исчезновению одной из своих жизненно важных частей. «Смерть ближнего – не моя смерть», – так может рассуждать только покойник. И вскоре повторное громогласное удивление безжизненных созданий: «Да ведь мы-то живы!» – становится смешным, поскольку трупы, с энтузиазмом провозглашающие себя здоровыми и успешными, могут развеселить кого угодно. С тех пор, по пророчеству Михаила Афанасьевича, зомби, приветствуя друг друга, в первую очередь интересуются, «как жизнь?»...

(Мак. л.) ... всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша.

Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?

Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию и Духом, не водою только, но водою и кровию, и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина.

Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино.

И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном.

Если мы принимаем свидетельство человеческое, свидетельство Божие – больше, ибо это есть свидетельство Божие, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем.

Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом; не верующий Богу представляет Его лживым, потому что не верует в свидетельство, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своем.

Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его.

Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.

Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы, веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную.

И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас.

А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него.

Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти*: не о том говорю, чтобы он молился.

Всякая неправда есть грех; но есть грех не к смерти.

Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему.

Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле.

Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная.

Дети! храните себя от идолов...

(З. У. пр.)... Прочитав роман Булгакова с помощью «Азбуки», можно взгрустнуть о тех людях, которые подменили в себе жизнь на ее плохую копию, и о Церкви, которая не указала этим людям на их самообман и тем самым позволила подменить и себя**. Такое печалование читателя об утрате правды могло бы быть похвальным, если бы воздыхатель прежде освободил свой собственный храм от двойника. А освободив себя, он увидел бы, что и того, второго двойника, что засел в Церкви, не стало в тот же миг,

* Только один грех к смерти, тот, в котором не хочет раскаиваться человек. (Прим. З. У.)

** Всегда храмы будут болеть теми же болезнями, что и прихожане, только болезнь эта не к смерти, а до времени их встречи с Милостью.

и вздыхать больше бы не пришлось. Не одолеют врата лжи милость, принесенную Христом, можно этого не бояться, а бояться надо того, что мы вместо себя дали действовать двойнику, которому милость не нужна.

Где же мы при этом находимся настоящие, целые, богатые полнотой бытия, в какой пустыне скрылись? Действительно, у того, кто не имеет всего (причем совершенного), нет ничего*. Маргарита и мастер, радуясь обособленности дома своего упокоения, выбирают тем самым постепенное исчезновение, сочетаясь со смертью, как с чем-то естественным и неизбежным. Жизнь, в которой отсутствует беспредельное, безграничное, мертва, и поэтому сама, без прихода старухи с косой, становится смерть.

То есть, не охватив сердечным взором истинную, полную жизнь, человек отдает себя во владычество смерти. В этом положении тоже продолжает сохраняться возможность и место для возврата взаимности, которая воскреснет при желании возратить себе все и с встречной готовностью отдавать себя до конца, а не по частям. Писательство тоже может быть связано не только со слышанием, но и с отданием себя, с тем, что писатель передоверяет себя другому, при этом утрата возможности писать будет им восприниматься как смерть.

Булгаков так и свидетельствовал о себе, объясняя свое устройство тем, что связывал свою возможную гибель с невозможностью писать, поэтому можно с уверенностью предположить то, как он относился к людям, решившим не высказываться (или высказываться не откровенно), – как к покойникам. Убеждены, что при этом он знал, что его, как Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, не захотят понять, что его вместе с ними будут использовать для потехи, а сам он со своим уникальным восприятием мира никому будет не нужен. Думаем, что для него трагедия государства и трагедия веры были несопоставимы по своему значению, поскольку в единстве со Спасителем можно счастливо пройти и через крайние испытания (крушение страны среди которых далеко не главное), только высказать ему свою веру было некому, рядом не оказалось человека, уважающего его веру. Все бы засмеяли его, недалекого, и, как Гоголю, сказали, что он сумасшедший, к месту употребив веселый, жизнеутверждающий цинизм Воланда.

Что же мы в итоге можем сказать о Булгакове: что любит и что не приемлет Михаил Афанасьевич? Возможно ли какое-либо определенное суждение о нем по этим ключевым вопросам для каждого человека? Думаем, что Булгакову нравится

* Только нельзя найти согласных с этим. Все думают, что в вечности тоже можно будет как-нибудь, пусть даже с брачком и недоделками.

правда и нравится жизнь и, следуя своим учителям, он ненавидит лицемерие, предлагающее в симпатичной упаковке смерть под видом жизни. Как прямое следствие и, одновременно, причина такой отчаянно смелой позиции, он – с Христом и против любого Иешуа и всего, что связано с подменой и фальсификацией. Он против лживой доброты, лживого ума, лживой веры и призрачного счастья. Он за верность подлинности, которую могут все забыть и осмелеть, довести до полного общественного презрения (надругательства над правдой, которое будет считаться доблестью, достойной награды), до снисходительного отвращения при полной потере чувствительности и к свету, и к тьме. Какие они, самые страшные? Никакие.

Напоследок мы хотим влиться в компанию Михаила Афанасьевича, признав, что с современной точки зрения мы, как и он, занимались пустым трудом. Если, благодаря толерантности, бог теперь один для всех конфессий, то не важно Будда он или Зевс, Всемирный разум или Вицлипуцли, результат веры в него будет одинаков. Никому, даже по секрету, не сообщим, что взаимозаменяемость среди богов – полуправда, потому что если все-таки есть подлинный Бог, то знак равенства между ними уже поставить нельзя. Но без этого Единого и Истинного действительно легко примирить Иисуса и Иешуа, а может быть, даже выпустить их вместе с Пилатом на Луну.

ЭПИЛОГ

Демагогия напоследок

Были беременны, мучились, – и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле, и прочие жители вселенной не пали. Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе...

Исаия

...и приводили к Нему всех... лунатиков... и Он исцелял их.

Тот, кого подменил Левий Матвей

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы... По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее – как лица человеческие... На ней были брони, как бы брони железные... Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Абаддон...

Откровения Сына Грома

Мы, наконец, прочитали последнюю страничку правдивой истории, случившейся в Москве, перелистнули ее, и закончился роман. Но жизнь-то не закончилась! И нам хочется узнать, что же будет происходить дальше с его беспокойными героями, с его незадачливым автором, с нами и с теми, кто будет после нас. Для начала мы должны повторить, что евангельская мистика не изменится и будет действовать завтра так же, как сегодня и вчера. Может быть, даже с особой настойчивой силой, так как сама и утверждает, что там, где будет умножаться грех, будет возрастать действие возрождающей милости, потому и будет наше больное, слабеющее общество жить, поживать да добра наживать.

Отношение к вере, конечно, будет меняться. Все больше будет появляться добрых людей, несущих в себе свет прогресса, которые, прежде не зная Христа, но вдруг прослышав о Нем, по здравому рассуждению, почитают Его игрушечным царем (как и положено ответственным людям)

и при всей своей политкорректности не смогут заставить себя серьезно отнестись к событиям, описанным в Новом Завете. Так, какая-то мифическая ерунда, не заслуживающая внимания уважающей себя просвещенной публики (особенно в части наивных вымыслов о непорочном зачатии Иисуса). Сами же христиане до конца дней сего века будут формально признавать* искупительные страдания Христа за мир и, тем самым, незаметно для самих себя будут продолжать собственноручно восклаивать на Него терновый венец страдания, принесенного уже не врагами, а друзьями.

При этом друзья-мучители будут совершенно равнодушны к Нему, не замечая своей вражеской дружбы, не включая Его даже в планы в доверительные, личные отношения. Причина такого пренебрежения верующих к своему избавителю от грехов проста – добрые люди из светского общества станут, наконец, наполнять и Церковь (по неведомым для них самим причинам), а хорошему человеку нет никакой необходимости в том, чтобы кто-то страдал за него. Более того, он сам, год от года возрастая в вере и доброте, будет терпеливо переносить невзгоды, выпавшие на его долю, и приходить на помощь ко всем нуждающимся и невинно пострадавшим. То есть он собственноручно будет совершать добрые дела на благо общества и спасать терпящих бедствие. Так что необходимость в сдаче валюты для бывших грешников, а нынешних героев, отпадет, а возникает насущная нужда в прилюдной сдаче приятных на вид плодов добродетели, выросших на ниве благих желаний.

И в этих новых благоприятных обстоятельствах призывы знакомых конферансье, ведущих программу по обработке зрительской аудитории, изменятся. Теперь они уже будут настойчиво требовать выдачи от сидящих на полу бородачей созревшего у них урожая общественно-полезных поступков. Может так случится, что перемены потребуют введения новых санкций по отношению к провинившимся (не выполнившим план по милосердию) подневольным производителям сверх должных заслуг. Если раньше не сдавших валюту держали под замком, то теперь не принесших добрые плоды могут удалить на скамейку для провинившихся до конца большой игры с одновременным полным поражением в общечеловеческих правах.

Останется прежним в пестрых народных массах только отношение к Христу, – над Ним будут посмеиваться, как посмеивались прежде, будут

* Для придания некоторой натуральности своему сочувствию в отношении легендарных событий на Голгофе даже появится культ поклонения физическим мучениям жертвы зломысленных иудеев, живущих при первосвященниках Анне и Каиафе, с обильным пролитием сочувственных слез, доходящим у особо одаренных гуманистов до самоистязания, оканчивающегося появлением у них кровавых ран, как у распятого.

плевать на Него, как плевали при Его крестном воцарении. Казалось бы, все плохо, все дело Христа пропало, но достаточно нескольких человек на весь земной шар, признающих перед Ним свое мертвящее безверие и бессилие в добре с желанием воскреснуть из него для того, чтобы в ответ на это искреннее, умное (с сердцем) крестное знамение рук нескольких грешников распадающийся мир продолжал бы жить, покрываемый милостью Христа. Для того чтобы помочь нам, Ему от нас, разбойников, достаточно доверия к Его желанию прощать все и всех вместе с горькой правдой о себе.

А как будет управлено с темной мистикой? Воланд и его компания продолжат по-прежнему лихо менять имена и внешность при посещении городов и стран, созревших для новых полуночных балов, сначала как ученый по белой энергетике с молодыми талантливыми ассистентами, потом как правозащитник угнетенных меньшинств в окружении энергичных проповедников без предрассудков, да мало ли что еще понравится и будет востребовано просвещенной публикой. Но это уже наше наступившее настоящее и наступающая ближайшая перспектива, а чуть поодаль, через несколько поколений, ситуация коренным образом переменится, появятся новые неожиданные лидеры и непредвиденные аутсайдеры. Придется вспомнить, что не только выше светлых ангелов может быть каждый человек, но, в соответствии с законами сохранения, при падении он может спуститься ниже ангелов темных.

Нынче, если массовики-затейники для увеселения публики придумывают страшилку, то главного злодея в ней наряжают в черта, ну а если сценарист-комбинатор не дружит с мистикой – то в инопланетного монстра. Все присутствующие в этих ужасиках люди, включая суперзлодеев, явно уступают им в силе, и их даже самое злое человеческое зло категорически не дотягивает до зла космического и дьявольского. Но не долго темным силам придется хвастаться своим недостижимым превосходством во зле. Люди умеют учиться и постепенно наберутся опыта и знаний и, в конце концов, превзойдут своих тайных учителей беззакония. Наступят подготовленные стараниями лукавых индивидуалистов времена, когда изобретательность во зле, коварство, жестокость человечества в целом и в его отдельных представителях превзойдут возможности рядовых и высокопоставленных чертей, а также всех вместе взятых чужепланетных хищников. Даже дьяволу на старости лет придется отдыхать и удивляться кровавадой изощренности двуногих негодяев. Дело остановится лишь когда появится уникальный, фантастический, немыслимый злодей, который, как легко догадаться,

почти до последних минут своего бесчинства будет восприниматься как очень-очень-очень добрый человек. Тогда странным образом, на излете истории, пути светской и церковной жизни наконец опять* сойдутся, и царство кесаря, включая всех своих обитателей, вместе с примкнувшим к ним подавляющим большинством христиан, единодушно выберет себе для поклонения (и мудрого управления) единого руководителя.

Непримиримые противоположности объединятся, и человечество вообразит, что наконец-то познало добро и зло, ту сладкую тайну, на которую соблазнилось в самом начале своей жизни. Альфа и омега истории людей окажутся как бы вместе (почти как у Иисуса Христа), что позволит им легально начать быть как боги. Но и тут не конец, а начало. Как только хор этих богов попробует остановить мгновение, и по их просьбе время прекратится, откроется действительная жизнь, которой не будет конца, и без чужой подсказки все мы, посетившие землю, узнаем до последней йоты свое зло и Христово добро. Умершая совесть воскреснет и больше не сможет умереть.

Теперь вернемся к протокольной судьбе персонажей романа «Мастер и Маргарита». Нам казалось, что Булгаков рассказал о них доступно и понятно, но нашлись крючкотворы, которые произвели некоторые вычисления и, исходя из них, пришли к выводу, что писатель, будучи болен, не все обмозговал как следует, и у его героев кое-что в биографиях не склеивается. Для того чтобы объяснить, нам нужно взглянуть чуть-чуть наискосок от обсуждаемой темы. Мы помним еще из театрального вступления «Фауста» добрый совет предшественника Степана Богдановича автору пьес: «Там, где нет связывающей логики – замените ее отсутствием связей». Точно подмечено, что публику задевает и завораживает несогласованность в действиях сценических персонажей, и зритель невольно начинает задумываться над пустым и неразумным, с головой погружаясь в него. Но мы, отмечая саму возможность использования нечистоплотных приемов Булгаковым, видим иные причины разночтений в его романе об ангеле тьмы.

Логика Воланда – хаос. Он только накидывает на свои пророчества и манипуляции одежду легко объяснимых закономерностей, а на самом деле его цель – подчинение людей безумию стихии немотивированных флуктуаций из слов и поступков. Поэтому искать разумное обоснование всех метаморфоз с персонажами, состоящими на службе у сатаны, – прямой путь к собственному безумию.

* Не будем подтверждать это конкретными датами, но, поверьте на слово, в прежние, допотопные времена служение человека Богу и обществу не требовало разных подходов и было нераздельным в каждой личности.

Предлагаемая игра случайных настроений, сиюминутных желаний, поддерживающая иллюзию свободы в рабах всемогущего мессии, должна незаметно подвести уловленных им зевак к их самостоятельному, самоочевидному выводу о бессмысленности непредсказуемого человеческого существования. В хаосе нет направлений, нет удерживающих связей, нет конца и нет начала, только подчинение разъединяющей воле главного анархиста – удачная пародия на христианство, в котором дух, не подчиняясь никаким правилам, дышит, где хочет, но при этом исключается из внимания, что вместе с тем в нем есть альфа и есть омега, свидетельствующие о тверди Истины, на которую можно опереться, есть высота отношений, которая помогает выверять путь взаимности и есть скрепляющая верность, утверждающая в них незыблемую подлинность.

Однако пока еще не пришло время для повести, в которой Воланд больше не будет соблюдать внешних приличий, подделываясь под привычные традиции опекаемого им в данную минуту коллектива, а смело, не стесняясь в средствах, вывернет всем очевидцам его шалостей мозга наизнанку. (Впрочем, прогресс делает свое дело, и нечто похожее на постоянный абсурд уже довольно ясно просматривается в произведениях современной культуры.) Технику совершения фокусов (не только на сцене) черного мага Михаил Афанасьевич, знакомый с аскетической литературой, конечно, понимал, поэтому ни спешкой из-за нехватки времени, ни плохим самочувствием, не позволившими все продумать до деталей, а мистическими закономерностями поведения тьмы (которые, между прочим, уже демонстрировались Булгаковым в начале романа) объясняются последствия ее вмешательства в человеческие судьбы.

Обратим внимание на то, что фактическое местоположение тела мастера после его насильственной смерти в подвале для сохранения правдоподобности событий, описанных в романе, не играет никакой роли. Действительно, сам мастер был уже никому не интересен, поэтому о судьбе его трупа ни Воланду, ни читателям можно не беспокоиться. Напротив, пропажа трупа Маргариты (Наташа не требует внимания к себе, так как удрала из Москвы вместе с телом, намазанным кремом Азazelло), поскольку ее смерть с отделением души от тела, как и факт обнаружения ее трупа, были специально зафиксированы Азazelло*, должна быть объяснена.

* Мы уверены, что Азazelло внимательно читал «Фауста». В нем Мефистофель в приказном тоне требовал от духов, чтобы они схватили душу Фауста немедленно после ее отделения от тела! Азazelло исправил ошибку своих нерасторопных собратьев, проворонивших добычу, и, не смыкая глаз, сторожил исход душ у мастера и Маргариты, в результате чего, благодаря своей образцовой исполнительности, завладел ими.

Тут не нужно изобретать смысловые цепочки, достаточно вспомнить беспардонные действия визитеров по отношению к отрезанной голове Берлиоза, и они прямо укажут на то, как тело женщины по технологии, скопированной со скандальных похорон председателя Массолита, могло быть похищено без всяких улик из-под носа обожавших ее домочадцев. Несложное уточняющее рассуждение позволяет сделать вывод о том, что труп даже обязан был быть похищен чертями, иначе его бывшая владелица могла бы нечаянно лишиться своего ведьминоного звания, например, в случае, если бы какие-нибудь ее благодетели по старой привычке заказали ей на всякий случай отпевание в церкви. Прощение ведьмы на заупокойном богослужении могло милостью Бога превратить в ничто ее грехи и вырвать парализованную тьмой душу новой Маргариты из власти Воланда, поэтому чертям эту возможность отнять у них награбленное необходимо было (хотя бы воровским образом) полностью исключить. Мастеру же отпевание не грозило еще и потому, что имя его было утрачено, а к человеку без имени нельзя обратиться и помянуть его в молитве.

Решительно настроенные читатели могут обвинить нас в том, что в романе упомянуто только о гражданской панихиде (по смыслу соответствующей гражданскому браку), но нет примеров церковных служб. Однако мы будем протестовать, так как всем известно, что буфетчик Соков помнил, что такие службы существуют и в один момент даже отогнал внезапно пришедшую мысль о панихиде по Берлиозу как совершенно нелепую! Только очевидная несовместимость Михаила Александровича с Церковью не допустила читателей до мысли о том, что в случае аренды головы председателя Массолита Воланд не смог бы использовать его череп в качестве чаши, если бы не был уверен, что церковные обряды тому никак не грозят. Теперь можно кратко подвести итог: если вступил в контакт с нечистой силой, то после этого не надо удивляться любым несуразностям, они – норма.

Получается, у читателя «Мастера и Маргариты» должна быть своя ответственная позиция в отношении своей личности и всех ее проявлений, иначе разобраться с переплетением тьмы и света в романе, тем более с субъектами вокруг и внутри себя, будет невозможно, а чужие подсказки (даже правильные) не помогут. Хотя, к нашему удовольствию, однажды, как нам кажется, Булгаков, вопреки своим правилам во всем давать разбираться читателю самому, не удержался, малодушно не поверив в его проницательность, и подсказал (пусть как бы несерьезным и веселым шепотом), что он думает о добрых людях. Для этого Михаил Афанасьевич предъявил нам мысли мастера о черте по кличке Азazelло во время их общей трапезы:

«Коньяк он тоже ловко пил, как и все добрые люди, целыми стопками и не закусывая». Перед вами еще один добрый человек, как бы выпрыгнувший на страницы романа (как обычно выскакивают из табакерки) на проповеди Иешуа.

Но мир ведь не без добрых же людей и книг о них, возразит хороший, вдумчивый гражданин. Мы верим, что есть единственная книга, в которой действует истинно добрый человек, а все остальные герои до встречи, соединяющей их с Ним, – отрицательные. Этот человек вообще единственный, кого за всю историю людей можно назвать Человеком (*par excellence*), без всяких сомнений и натяжек в каждый момент Его пребывания на земле. Он пришел к нам для того, чтобы все исчезающие персоны имели возможность вместе с Ним стать Личностями с вечными, неповторимыми, незабвенными именами. Поэтому книги, в которых нет положительных персонажей, имеют возможность стать правдивыми, а романы с заведомо хорошими людьми всегда наглая ложь. У Булгакова в романе есть молчаливое присутствие Человека и все судьбы его персонажей в первую очередь определяются тем, кто они в отношениях с Ним*. Но если это так, то неминуемо проблема честного выявления характера нашей взаимности с Сыном Человеческим, хотим мы того или нет (уход от суда над собой равен бегству с места Его распятия), встает и перед нами, его читателями. (И оценка нами самой книги напрямую, категорически зависит именно от этого самоопределения.) Вторая (но не второстепенная) часть ее решения будет критически жестко зависеть и от нашего отношения к остальным персонажам книги (а вместе с ними и вообще ко всем грешникам). Захотим ли мы пожелать возрождения хотя бы некоторым из них? (Если нет – по «Азбуке» первое наше признание будет парадной ложью.)

Итак, вопреки тотальному присутствию Иешуа на страницах «Мастера и Маргариты» Булгаков оставляет в романе место и Иисусу Христу, да так, что можно размышлять о действии в нем Его заповедей в контексте нестандартных событий, начавшихся на Патриарших. Попробуйте сделать нечто подобное со знаменитыми произведениями Шолохова или Бунина, и у вас ничего не получится. Сыну Человеческому там нет места, а у Михаила Афанасьевича место для Него есть, и оно – главное. Причем для нас незримость осязательного присутствия Бога в книге – вернейшее свидетельство подлинности отношений Михаила Афанасьевича с Иисусом Христом. Как нам видится, весь его роман содержит постоянное тайное произнесение одной из православных молитв: «Да не одолеет моя (наша) злоба неизглаголанней (неописуемой) Твоей благодати». (Которую, как догадываемся, писатель не

* Свой, чужие, никто, враги, ученики, друзья, разоблачители, посторонние, скептики, фанаты, спонсоры, покровители...

только знал, но и с благодарностью читил.) Для того чтобы проникнуться этой мольбой, ему прежде необходимо было услышать, что Христос тихо просит людей заметить и полюбить свет, жизнь, вместе с тем сначала признав за собой, а затем разлюбив грех и тьму, но при этом не требует от них возвращения долгов (он прощает их) с последующим добрым, примерным поведением, так как знает, что они неспособны на это (потому и именуется ими Спасителем).

Раз всех грешников будут выручать и миловать, мы без малейшего страха за них можем проследить, до чего могут дойти персонажи «Мастера и Маргариты», когда окажутся в нашем времени, в связи с чем им опять может понадобиться прощение. Спасибо Луне, все они, конечно, живы, хотя некоторые из них под давлением неотвратимых обстоятельств немного перестроились. Алоизий Могарыч кое-какое время после трудов праведных в варьете, с помощью бухгалтерских манипуляций в деле электрификации, устраивал в обществе изобилие на основе укрепления частной собственности. А исчерпав запасы электричества, стал на практике в масштабах страны проверять неисчерпаемость отдельно взятых атомов. Аннушка стала талантливой писательницей и успешно издает любовные романы под своим именем, а детективы под прикрытием псевдонима. Буфетчика Сокова клонировали, после чего он был назначен главным санитарным врачом страны. Бездомный, приобретя членство в Хельсинской группе, не вернулся к поэтическому творчеству, но стихи есть кому писать. У следователей по особо важным закончились интересные дела с участием гипнотизеров, и они, оставив скучное поприще, выучились быть хорошими поэтами. Теперь, по правде сказать, со всех сторон слышно, что они очень неплохо, с вдохновением, сочиняют. Киевский дядя стал сначала оппозиционером, потом ощутил себя либералом и, в конце концов, настоящим европейцем. Варенуха с Римским опять работают вместе, но только теперь в благотворительности, и такая, казалось бы, экзотическая, но очень нужная работа появилась, к счастью, на открытом рынке труда. Сегодня благодаря им, опытным управленцам, помощь нуждающимся приходит вовремя и в полном объеме. Милица Андреевна Покобатько вступила в партию «Наш дом Россия» и, как по маслу, ведет популярную телевизионную передачу «Давай полюбовничаем». Арчибальд Арчибальдович работает сторожем в церкви у Никитских ворот. Все остальные в основном благополучно живут за границей, но иногда вспоминают старые добрые времена и удивляются переменам, а также новым вызовам времени. Клиника Стравинского опустела, поскольку новых пациентов не стало, а старые

сами стали целителями и экстрасенсами. Ее здание передали в аренду под элитный ресторан, в котором кроме общего зала есть отдельные, очень милые номера, в которых гурманы с пользой для себя проводят не только мясоед, но и постные дни. Для любителей статистики дополнительно сообщим, что остались в прошлом, как по мановению волшебной палочки, городские ломбарды, и всем, кто в них работал оценщиками, пришлось переучиваться и осваивать новые креативные профессии.

Но что-то ведь осталось прежним, что помогло бы вспомнить бывшее тогда на Патриарших? Конечно. Как и прежде, каждый год, без исключений, в урочный день наступает весеннее праздничное полнолуние. А с его воцарением начинается волнение и брожение в умах некоторых любящих помечтать граждан. Можно подумать, что Луна сама по себе не добрая и не служит, как хотелось бы, на благо трудового и нетрудового элемента. А вдруг ее околдовали темные силы и заставили ее, болезную, против воли оказывать нехорошее воздействие на добрых людей? Ведь даже в Евангелии рассказывается о массовых исцелениях Христом лунатиков, один из которых под воздействием новолуния доходил до крайнего беснования, так что хотел найти смерть или в воде, или в огне. Его тяга к смерти была настолько велика, что апостолы не могли помочь его отцу в исцелении сына, положив ей конец. Мы считаем, что в той или иной степени мотив страстного желания расстаться с жизнью присутствует у всех, кто подвержен влиянию смены фаз Луны на свое самочувствие (в их число входят Николай Иванович с Иваном Николаевичем). Но не будем клеветать на Луну, приписывая ей злые свойства, почему и не впадем в опасное заблуждение. По слову одного гражданина Римской империи, имеющего вселенскую известность, дьявол хочет и Луну оболгать, приписав ей возможность негативного влияния (как бы подтверждаемую фактами) на психику людей. На самом деле она хорошая, а причины беснования в полнолуние людей, склонных к беспокойству, не связаны со спутником Земли, а кроются совсем в другом, невидимом мире.

Но нас не интересуют движущие силы, а (в первую очередь) привлекает наше внимание сделанное Булгаковым уточнение в отношении полнолуния, – «праздничное». Ну кто из вас или известных вам людей отмечал или хотя бы раз торжественно встречал полнолуние? Не все ли они похожи друг на друга, как две капли воды? Однако, обратившись к «Азбуке», узнаем, что на территории, где когда-нибудь проживали христиане, есть одно особое полнолуние, которое только и можно отнести к праздничным. Оно, по установлению Вселенского собора, случается раз в год после

весеннего равноденствия и служит необходимым условием для встречи православной Пасхи. Никакого другого весеннего или какого-нибудь еще полнолуния, которое можно как-то особо выделить, просто нет. Так что необычное болезненное состояние лунатиков из романа Булгакова вызвано не воздействием на них небесного тела, а приходом главного торжества православных христиан.

По свидетельству «Азбуки», некоторые бесноватые люди испытывали муки при приближении к ним Христа (и даже просили уйти Его, чтобы их страдания прекратились). Течет время, но их последователи, спустя две тысячи лет, точно также вынуждены терпеть душевную боль, когда Жизнь в назначенный день торжествует над смертью, воскрешая с Собой мертвецов, предвещая приближение ненавистного им Царства, которому не будет конца. Одним радость, другим горе, но каждому по его выбору, по его свободному желанию, можно сказать, по сокровенной просьбе сердца просящих. Действительно, те, кто жизни предпочитают смерть, могут временно укрыться от Пасхи либо на дне преисподней, либо на Луне, что на примере своих героев весьма доходчиво и живописно представил нам Булгаков. И опять уже упомянутое: если бы Москву наполняли только добрые люди, и не нашлось бы нескольких человек, соблазненных злом, но раскаявшихся в нем и ожидающих освобождения от плена смерти вместе с воскресением Сына Человеческого, то приход Пасхи не взволновал и не напугал бы представителей тьмы с их помощниками. Так что тревожится и бежит чертова шайка от одной возможности гибнущих в грехах москвичей встретить Жизнь, принять Ее милость и наполнить Ею все вокруг себя. Придать же благородный вид этому паническому отступлению в глазах наивных зевак может изысканная рыцарская внешность дезертиров*.

Разрушающая сила времени и в будущем не способна вывести из строя причины, вынуждающие смерть бежать из общества блудных детей Бога, которые решили вернуться к своему Отцу. Врата ада невозможно остановить это бегство тьмы от света, излучаемого всепрощающей Милостью, как бы им этого не хотелось. Однако соткать более красивую и богатую шкуру для хищников из волчьей стаи лицемерие, закаляемое веками тренировок, может. Поэтому привлекательность риторики демонов и фокусов в их исполнении будет дальше только возрастать и, наконец, станет прелесть как хороша, приводя всех вольных и невольных зрителей в восхищение. (Вместе с этим и шкура мессии на новых Иешуах тоже будет

* Для того чтобы запорошить глаза, Воланд прибегает к тому же приему, который хорошо зарекомендовал себя при встрече с Берлиозом.

украшаться, густея на дрожжах все возрастающих и все более изощряющихся общечеловеческих ценностей.)

Но не только работа на публику для разогрева ее желаний, требующих хлеба и зрелищ, будет единственной рутинной задачей рыцарского служения. Как и положено в делах тьмы, другая рука ее делателя, берущая подобие у двух крайностей одного и того же греха, будет противоположна по внешности своей напарнице*. Поэтому рыцари тьмы будут стремиться не только к организации всенародных игрищ на вместительных гипподромах, но и к повседневной неброской конспиративной работе доблестных солдат невидимого во тьме фронта. Объяснимся с помощью примера. Нам представляется, что если бы Булгаков захотел подчеркнуть аристократизм Майгеля, то присвоил бы ему титул князя или, на худой конец, графа. Но в романе ему присвоен довольно редкий для России знак отличия – барон. Барон же – самый распространенный титул среди крестоносцев, так что Михаил Афанасьевич, выводя персонаж барона Майгеля, по нашему убеждению, в первую очередь имел в виду его рыцарское служение. Прошло время, когда все бароны, кроме фон Гринвальдуса, сидящего в задумчивости на камне перед замком дамы сердца, все время находились в деле – непрерывно воевали и пировали. Теперь появился большой спрос на рыцарей тайных служб (а спрос на дуэли упал до минимума), разведывающих местоположение очагов сопротивления власти князя мира сего. Им чаще других приходится идти на риск и действовать как свои среди чужих**. Опасное, но в высшей степени благородное и самоотверженное служение по выведению всего тайного от начальства и принесение его на явное ознакомление этому начальству. Именно в нем преуспел барон Майгель и, умело иудствуя, смог, благодаря этому, пригодиться сатане в самый интимный момент его бала.

Теперь приглядитесь повнимательнее к рыцарскому подвигу Майгеля. Он внутренне очень похож на тот образ служения, который взвалил на себя странствующий рыцарь Дон Кихот. Романтический идалго не видел зла, которое есть, но ясно видел зло, которого нет, и истово, бескомпромиссно бился с ним. Плохо не различать зло, хуже высматривать его у других и доносить кому следует, но гораздо хуже всего этого увидеть тьму

* Как жадность и расточительность у сребролюбия, как превозношение и самоуничижение у гордости, как простота (которая хуже воровства) и многосложность у глупости, как наглость и робость у малодушия, как лень и трудовая горячка (ревность не по разуму) у безответственности, как равнодушие или страстность у бесчувствия, как удушающая тоска и саркастическая шутливость у уныния.

** Впрочем, им это очень нравится. Приятно завоевывать доверие у добрых людей.

там, где ее нет, и, вдобавок, принять необходимые меры к ее устранению. Жалость к Дон Кихоту, вызываемая у благородных людей сочувствием к его трогательной слепоте, сродни скорби наемных плакальщиц на траурной церемонии или народной жалости к пьянице, который, не отдавая себе отчета, пропивает последние средства своей семьи (родителей, жены, детей). Война с мнимыми врагами – насмешка над воинами, павшими в реальном бою. Странствующий рыцарь печального образа стал подменой истинного покровителя, он псевдо, трогательный защитник ложного добра, антигерой, но это, вместе с тем, и тот, кто на страшном собственном примере гибельного заблуждения ценой своей жизни показал людям, способным учиться на чужих ошибках, опасность лицемерия, а значит, вовремя предупредил их о приближении нового коварного врага. Услышавший этот сигнал тревоги будет знать, что человек, при самых высоких устремлениях находящийся вне правды, жалок и опасен, а любая фантазия – дымовая завеса ада. Спасибо Дон Кихоту, спасибо и Майгелю, сгоревшему на работе, за еще одно напоминание о судьбе всех вольных и невольных припешников князя тьмы.

Сегодня подменное демоническое рыцарство расцвело повсеместно, и уже никому не кажется самой удачной издевкой над человеческими порывами к добру, а потому оно обзавелось толпой преданных сторонников и искренних почитателей. Одновременно с этим прекрасная дама, наследная королева, возводит в звание рыцаря публичного извращенца и вручает ему гордое наименование «сэр». Попробуйте, читатели, совместить этот комикс, запечатлевший реальность наших будней, с образом, придуманным и выписанным Сервантесом (только совокупить их надо ответственно и вдумчиво), и вы обеспечите себе целый вечер легкого, непринужденного смеха. Интересно, найдутся ли теперь отчаянно смелые люди, которые будут утверждать, что дальнейший прогресс идеи рыцарства невозможен, поскольку достигнут ее идеал. Союзники, посочувствуем их близорукости и в путь! К новым свершениям!

Всем известно, что противоположностью рыцарей по нравственному идеалу всегда были пираты, поэтому вместе с переменами в первых должны произойти перемены и во вторых*. Причем дело тут не только в том, что флагманский корабль пиратов «Грибоедов» сгорел, и им негде проявить себя как в его славные времена. Искателям удачи и сейчас нельзя отказать в наблюдательности (которую можно было бы назвать чутьем), благодаря которой они в свое время подбирали подходящие вакансии для

* Крайности (как и противоположности) накрепко связаны между собой.

всех никчемных, бестолковых работников, как лучший вариант предлагая им трудоустройство в церкви (между прочим, издевательский совет пирата опростоволосившемуся швейцару в «Грибоедове» стать сторожем в храме тоже однозначно свидетельствует о присутствии в романе Булгакова евангельского Христа). Теперь же к ней добавилась железная деловая хватка. В обществе расплодившихся и размножившихся самодостаточных умников им не приходится, как прежде, с риском для себя идти на абордаж, потому что вывели условия, при которых можно с комфортом, без траты собственных сил грабить эгоистов под прикрытием их же самоубийственной мудрости (замешанной на тщеславии, невежестве и жадности). Достаточно чуть-чуть подождать, когда жертва сама от своих щедрот принесет добычу агрессору или, иначе говоря, из запасов своего достоинства добровольно накормит ложь. Причина возникновения этого удивительного парадокса проста: в слепоте безверия неопознанное объективной наукой зло нынешние разумники воспринимают как общепринятое добро, и поэтому тьма, где надо (не тревожа спящей совести), поощряя их в ложном доброделании, а где следует, обличая в несодеянном зле, беспрепятственно возогревает их старания в самоистреблении. В результате лукавые менеджеры получают сверхприбыль со своих доброхотных клиентов, одновременно оставаясь с ними в дружеских отношениях, плюс ко всем удовольствиям принимают от них благодарность за всестороннюю поддержку. Так в обществе потребления открылась прекрасная шизофреническая эра почитания пострадавшими своих убийц как благодетелей, странно угаданная Михаилом Афанасьевичем.

Мы, завершая расчет с читателями, попытались объяснить, как абсурд благодушного азартного самоуничтожения стал повседневной реальностью. Теперь попробуем предоставить оставшиеся аргументы в пользу нашей теории для завоевания симпатий и у присяжных заседателей.

Считаем доказанным, что смерть стала действовать нагло, не встречая сопротивления, поскольку люди не могут опознать ее, путая ее с благонамеренной силой. В свою очередь, для того чтобы такое стало возможным, людям потребовалось забыть, что есть жизнь, а значит, заодно перестать помнить, что есть благо. Понять происходящее перерождение сознания в человечестве может помочь изучение насмешки Воланда над москвичами, правда только если мы серьезно отнесемся к написанному в «Азбуке».

Многочисленные фанаты клуба любителей «Мастера и Маргариты» наперебой повторяют как им кажется меткое наблюдение мессира о том, что москвичей испортил квартирный вопрос. За лесом радостных согласий

с шуточной правдой, подброшенной сатаной, не видно, есть ли иное мнение о характере порчи в горожанах, которое более точно соответствовало бы истинному положению дел в жилищном хозяйстве граждан, прописанных в столице. Без предварительной подготовки с утомляющими пояснениями напомним всем, что Христос был лишен квартиры всю свою земную жизнь. Ему не был предоставлен человеческий кров при рождении, как и впоследствии не нашлось людей, согласных открыть для Него свой личный дом не на краткое время, а навсегда*. Сын Человеческий так прямо и засвидетельствовал перед всеми, включая своих ближайших учеников, что Ему негде приклонить голову. Конечно, в первую очередь это откровение было о сердцах людей, которые не хотели и не могли открыть их для Него и быть верными с Ним в этом гостеприимстве.

Невозможность честного, подлинного единства из-за наличия самолюбия, порождающего мертвящий эгоизм (при котором часть сердца посвящена себе) в людях, стала причиной смерти Христа. Но одновременно соединение с грешниками в смиренном состоянии детской незащитности от их зла было целью Его прихода к погибшим, для избавления от тьмы одиночества в гробах их человеческих сердец. Квартиры (обитатели) людей, не впускавшие живого Бога, приняли умершего за них Сына Человеческого и вновь получили возможность стать гостеприимными для всех желающих. Нужен был переворот в сознании христиан, чтобы они забыли про земной жертвенный путь умирания от них и за них Христа, и чтобы они одновременно утвердились в том, что только квартира с пропиской на квадратных метрах является главной необходимостью для нормального существования (место в душе ближнего перестало быть главным сокровищем и главным пристанищем).

Испортилось отношение к квартирному вопросу (стало второй свежести) у верующих (забыли при этом обещанное Христом, что то, что делали Ему, то принесут и им, и сами стали дешевыми по сравнению с городской жилплощадью в глазах окружающих), а не сам квартирный вопрос изменил их, что и позволило Волонду скрытно, но заразительно, раскатисто усмехнуться над христианами. Стали верить в прибыльную доброту земного богатства, поэтому имущество со священным правом собственности на нее войдет в силу вечной ценности и возьмет свои права главенствующего господина в душах людей** как новое (хорошо забытое старое) божеество, низвергнув власть тех, кто был любим.

* Только его омертвевшее тело положили в гроб, который предназначался не Ему.

** Тут есть место для еще одной легкой ухмылки чертей, теперь и над желаниями ничего не имеющих и не желающих иметь в личном пользовании революционных пролетариев.

Действительно, о боги, боги, жизнь в среде христиан стала самым обыкновенным язычеством, которое немедленно предложило и внедрило новое*, рациональное, медицинское понимание смерти. Предполагая дальнейший прогресс и в этой области объективных познаний, нам хочется вызвать улыбку и у христоскептиков, познакомив их с мнением «Азбуки» по поводу дальнейших поисков гуманистической науки в преодолении летальности нашего тела.

Та власть, которой кичится дьявол в отношении жизнедеятельности человеческого организма, то предлагая бессмертие, то пугая внезапной остановкой этого процесса в любой удобный для него момент (на первый трусливый взгляд, возможность управлять длительностью существования физических лиц – великая власть, почти такая же, как и та, что может это существование породить и предоставить) тоже окажется не абсолютной, а потому обнаружит себя как позорная фикция, которая будет разоблачена самым унижительным образом. (Мы не хотим даже отвлекаться на возможности генной инженерии переиначить общественный порядок уже в недалеком будущем, когда врачи с согласия (или без) пациента смогут неограниченно влиять на продолжительность функционирования данного человеческого генотипа.)

В те грядущие, былинные времена люди, всей душой вжившиеся в одинокчество, по ряду причин начнут истово искать победного завершения дела смерти в их судьбе, и сами будут молить всех богов о том, чтобы желанная смерть тела наконец достигла их. Или, иначе говоря, миллиарды глоток будут дружно просить о возможности побыстрее сдохнуть. Но эта самая желанная из-за нестерпимой боли от яда безнадежности, отравляющему горечью все, даже самое прекрасное и возвышенное (а когда-то ненавистная, ужасающая многих), смерть станет недоступной. Изощренные в лукавстве люди не смогут найти способа избавиться от осточертевшего пребывания на голубой планете. Они перестанут умирать, и сатана не сможет им помочь**! Действительно, смешная в своей нелепости ситуация. Этим последним людям придется воскреснуть «живьем», не испытав остановки сердца и мозга. Им придется меняться к первозданному состоянию, не увидев расставания души и тела, пережив наяву ужас того, что у населения земли может быть отнята возможность исчезнуть, отделавшись от присутствия прочих враждебных тварей.

* Это – новое язычество, старое все-таки как-то связывало смерть с состоянием души умершего.

** Можно только предположить, как плохо будет дьяволу, когда он не сможет заниматься любимым делом – убивать желающих покончить с жизнью.

Именно здесь обратим внимание читателей на то, что любовь мастера и Маргариты к сатане и смерти далеко не достигла своего высшего развития и пусть краткий промежуток времени, но, тем не менее, они были огорчены тем, что их отравили подаренным Воландом вином со стола Пилата. Есть еще резерв для развития зла в людях, и есть еще поэтому возможность для написания новых сюжетов о продолжении их брачного пира с дьяволом.

Мы повнимательнее присмотрелись к научно-практической (фактической) стороне смерти в ее нынешнем состоянии, на поздней стадии ее развития в человеческом обществе, но свое начало разложение и разделение людей имеет в первичной сфере всего сущего – в области духа. В области тьмы, как и в царстве света, невидимое дает толчок движению видимого. Уход людей друг от друга начинается с утраты в глубине сокровенного человека интереса к ближнему. Потом проходит этап внутреннего неприятия (вплоть до открытой вражды), затем безразличия и в итоге оканчивается забвением (превращением бывшего попутчика в полное ничто)*. Что же будет в конечной точке, завершающей в нас весь процесс отпада от другого? В ней обнаружится, что отсутствие в моей жизни (в том числе сознательной и подсознательной) того, кого я напрочь забыл, для меня, в мире моего Я – реально, вопреки объективной природе (да вроде было). Его действительно теперь не существует в любых уголках души и тела (при помощи которого продолжает поддерживаться связь с окружающей средой), при этом, правда, как следствие вытеснения чужого (бывшего своего), утрачивается сама жизнь и во мне – он умер для меня, а я для него, мы оба во власти непроглядной тьмы одиночества.

Забвение само по себе уже есть духовная смерть или (смягчим для пугливых) начало неумолимой смерти. Оно – сильнодействующий яд трупного разложения, отравляющий все живые связи личностей, преобразуя их бытие в существование или, если кому-то так нравится, в неотвратимо пожирающее их умирание. Итак, если жизнь перестала быть моей постоянно действующей памятью Жизни, то она становится постоянным воспоминанием одного из утраченных мной объектов (в ряду потерянных вещей) или ощущением нарастающей пустоты, заменившей нечто, которое нельзя вспомнить. При этом память, бывшая прежде радостным знанием Жизни и ее движущей силой, становится знанием смерти и питается постоянным вкушением умирания (исчезновением прежнего).

В минуту вдохновения, оживляющего память, бывает, что человек хочет преодолеть время и смерть, «воскресив прошлое», не дав ему быть без остатка поглощенным «бездной времени», но само это временное воскрешение и оказывается горестным знамением о невозвратности (в полноте) желанного прошлого, осязанием запаха новой порции тлена, переполняющего мир. Но эти воспоминания

* В романе Булгакова главные персонажи сознательно стремятся к беспамятству, буквально одержимы им и приветствуют его приход как великое избавительное благо.

могут стать средством, поднимающим душу человека вверх, к неумирающей жизни, могут переживаться как бесконечно прекрасные, если будут пропитаны сокрушением о своей забывчивости.

На земле у людей подлинно прекрасна только печаль по истинной жизни, только покаянная память о преданном и утраченном и надежда на его возвращение в будущем – высокая грусть. Эти взлеты могут сохранять частички памяти, став жадой человека с покаянной мольбой о возрождении, и все же, в последнем итоге, и их поглощает забвение, подобно тому как после смерти последнего родственника, последнего «помнящего», дикой травой зарастают могилы, над которыми еще недавно пели «вечную память», затем распадаются сами памятники и невозможно уже разобрать на них стершиеся от времени буквы имен, и только двумя страшными и бессмысленными датами остаются помечены уже никому ненужные и всеми забытые жизни людей.

Человек оказывается в забвении, именно поэтому он смертен. Но что приходит на место этого человека в душу тех, кто его вычеркнул из памяти? Подмена совершается, как правило, не в замене одного лица на другое (пусть и вымышленное, может быть, даже мечтательно-книжное), а в перемене ценностей, когда вместо людей значимыми становятся предметы или идеи. Исподволь, не привлекая внимания человека, самозванные идолы присваивают себе такую высокую рыночную стоимость, что у их покупателя не возникает сомнения в том, что на свете могут быть конкурентоспособные с ними иные клады нетленного добра. По этой причине современным людям (в особенности же властителям умов передового человечества) невозможно посоветовать даже гипотетически при помощи воображения проверить старую азбучную истину, что все страсти вокруг власти, популярности, богатства (в том числе обеспеченности квартирами и виллами на Лазурном берегу), оригинальности (эксклюзивности), либеральности или лизоблудства – это мелочь по сравнению с возможным размахом стихии чувств в личных отношениях.

Культура, выращенная и принятая современным обществом, полностью утратила свое исконное знание о блаженстве в единстве неповторимых в своей инаковости личностей и перестала выполнять миссию связующего мостика через пропасть между их временным существованием в царстве кесаря и их же вечным бытием в царстве нераздельной взаимности. Эти две присутственные области когда-то вызванных из небытия людей теперь не только не пересекаются в них, но даже не присутствуют в их душах, как параллельные миры. Отсутствие признаков одного из царств в практике человеческого общения* все же оставляет возможность познания двух реальностей, до времени существующих вместе на земле, но только при наличии веры, узревшей внутренним оком невидимый мир света.

* Это повод для сочувствия молодому поколению. Сведения о том, что двое могут уважать друг друга, доверять и быть необходимыми друг другу, не теряя своей свободы, можно отыскать только в пыльных книжках, но их не даст найти утраченное под воздействием массовой культуры чутье, позволяющее отличить возможное от заведомо лживого, так как душевное обоняние уже отравлено горьким опытом свидетельства о лживости печатного слова, без исключений и без намеков на исключения.

Без веры сегодня можно узнать только одно царство, а другое, в лучшем случае, если уж и иметь, то как подделку (зримых примеров радостной дружбы среди знакомых и дальних знакомых не на показ, не для хвастовства нет давно), навеянную фантазиями или мхатовским шепотом общественных доброхотов. В будущем веке, между прочим, веры не будет, так как все потаенное станет явным (невидимое станет видимым, а видимое ныне, напротив, станет невидимым, не важным, скрывшись под одеянием блеска и сияния света дружеской взаимности). Поэтому не думайте, что мы имели в виду избежать ответственности (пусть и в отдаленном будущем) по причине предоставления нами недобросовестных сведений об одном из царств, за невозможностью в текущий момент личной ревизии его осторожным читателем. А пока мы еще здесь, терпеливо ждем полной и окончательной победы одного из царств путем вытеснения (соперника из людских душ) с последующей полной подменой им другого, изгнанного прочь, которая и будет конец времен.

Попутно хотим обратить внимание читателей на распространенную среди христиан ошибку в отношении будущего земли, которая не раз прилюдно обнаруживала себя в трагические моменты человеческой истории. При появлении во власти в странах с христианским населением гонителей Христа, им стихийно присваивали наименование Антихрист, что являлось свидетельством об их вере в то, что открытое зло – самое страшное из всех зол. На самом деле, для такого взгляда на мир вовсе никакой веры, видящей невидимое, не требуется. Можно сказать, что такая вера – слепа (ее можно назвать плотским мудрованием), и, конечно, она не только не догадывается, но даже не может предположить, что Антихрист будет добрым (а также красивым, умным, обаятельным, лучшим из людей). Только доброта его будет скрывать в себе уже упоминавшийся нами трупный яд. Признание хорошими людьми в качестве зла только откровенной, примитивной мерзости – либо обычная практика услужливых дураков, либо один из капканов в руках лукавых слуг общечеловеческого добра*.

В условиях, когда даже христиане имеют усеченное, одностороннее представление о способах появления тьмы перед публикой, ее адепты и приспешники, присягнувшие на верность, будут пользоваться уважением в любом обществе, если сумеют приобрести респектабельную внешность, прикрывающую рога и копыта. Точно так же, как случилось с учеником мастера новых откровений Иванушкой Бездомным, который ловко надел скромный профессорский костюм для ответственного дела по обучению подрастающего поколения. Увы почтительное отношение окружающих к его солидной персоне не будет радовать бывшего поэта, поскольку долгие десятилетия ему придется смертельно скучать в обществе бойких тупиц, не знающих, что дьявол есть. Очень, очень трудно просвещенному духами

* Мы согласны рассмотреть и иные варианты, если их подскажут читатели.

человеку находиться среди задорной толпы недоразвитых сограждан. Он начнет ждать, когда народятся ведьмочки и ведуньи, понимающие в порче, а также вылезут из подземных щелей проповеднички новых истинных откровений, которые смогут привлечь многотысячные оравы на стадионы с тем, чтобы их карманный Иисусик исцелил непосвященных ротозеев, жаждущих чудес.

Вслед за воплощением этой мечты придут новые ожидания того, как из этих первых нелепых, рядовых полуфабрикатов выделятся, блеснув многочисленными талантами, избранники следующей ступени, которые уже смогут быть на одной ноге с демонами и, чуть-чуть поднаторев в общении с ними, получают власть за умеренную плату предоставлять возможность всем желающим вступить в контакт со своими могущественными попечителями. Это для решительных искателей приключений, а для робких стяжателей покоя приготовлено служение в роли их антиподов, которые станут почитателями и особо приближенными к невозмутимому, прекраснодушному Иешуа и, в уже свою очередь, привлекут к плодотворному сотрудничеству с ершалаимским бродягой новообращенных, близких по темпераменту добрых людей, мечтающих познать любовь на общих собраниях с единомышленниками в духе святом. Не напрасны были тревожные ожидания Иванушки: сегодня он дождался чаемого в лунные ночи и может быть поспокойнее, поувереннее в себе – к нему и его крестникам валом повалили ученики из всех сословий. Теперь, наконец, можно было бы беззаботно радоваться, глядя на играющую светом праздничную Луну, но нет, старая тревога продолжает колоть тупыми иглами его измученную память и, как злая инфекция, беспощадно заражать всех его воспитанников.

Бездомный Иванушка продолжает гордо носить в новом веке звание ученика мастера, теперь уже не только за свою преданность учителю. Сначала он попытается написать продолжение приключений Иешуа, а затем решится на изобретение новых редакций этого литературного героя в старых, изношенных декорациях ершалаимских событий. Вполне возможно, что ученый лунатик привлечет к творческому процессу по изобретению подходящего мессии новых, уже своих учеников, и этот поиск лучшего вождя добрых людей станет коллективным, веселая пойдет работа! Одновременно с успехами интеллектуальной элиты по формированию нового нравственного идеала люди практической веры все чаще будут находить образцы для подражания среди живых представителей земного отечества. У них свои смелые задачи и свои безотходные методики (все на благо человека!) в создании правил почитания и обоготворения своих современников, хотя

и смертных, но гениальных своей выдающейся добротой и толерантным великодушием. Совершенно понятно, что в перспективе эти два процесса сольются в один, тогда и появится на сцене истории натуральный лжехристос, называемый учениками Христа антихристом*.

В этих условиях неожиданно для многих могут повернуться по-новому неоконченные судьбы героев романа Булгакова. То, казалось бы, ничтожное в них, что связывало их с жизнью, но незаметное и презируемое раньше, станет важным и значимым. Когда оскудение человечества дойдет до крайности, крошка истинного, сохранившегося в тайне Отцовского дара поможет хоть некоторым из отпетых негодяев уцепиться за жизнь, на зависть признанным отличникам по поведению. Кто знает, проживем – увидим, не раз такие чудесные перемены случались с бывшими грешниками и гадкими утятами, царевнами-лягушками и лесными чудищами – заколдованными принцами.

Повторим сказанное в самом начале нашего исследования. Предлагаемые Вам рассуждения можно считать достойными внимания только при условии принятия всерьез как православия, так и самого Михаила Афанасьевича. Такая точка зрения, пусть и временно принятая читателем, неизбежно повлияла бы и на его отношение ко всей литературе в целом. Если к тому же в число таких читателей вошло бы несколько служителей театра, тогда, вероятно, хоть раз удалось бы увидеть «Ревизора» с их участием, в котором было бы сохранено человеческое достоинство его персонажей, как это изредка бывает, например, с чеховскими пьесами. Конечно, нельзя настаивать на длительности такого эксперимента, поскольку коммерческий успех подобного проекта был бы оглушительно провальным. Более того, мы сознаем, что если заставить читателя воспринимать Гоголя согласно его дурацким просьбам, то книжные тиражи упадут до неразличимых величин, так как просто не станет заинтересованных читателей. Такой Гоголь противен каждому умному человеку и, можете не сомневаться, точно также этот читатель поступит с его учеником, Булгаковым, если, в свою очередь, и к чтению его книг отнесется серьезно.

* В этой исторической драме формирования и воплощения всемирного вождя, ведущего к свету, важен не только сам факт появления, как бы называл его Варенуха, Лжедмитрия, но намного актуальнее для ее реального осуществления выведение новой породы людей, которые с воодушевлением приняли бы его и вознесли на пьедестал. Приняли и поставили над собой, зная, что перед ними лжец, как это случилось с помазанником одного православного государства в эпоху, когда земных царей еще очень сильно уважали. Ну, а во времена, когда и Бога будут не очень-то уважать, станет намного легче принять лжехриста, даже если при этом точно знать, что он подмена, и твердо помнить, что Тот, Кого раньше считали, без ненужных доказательств, настоящим, был распят и умер, как все смертные.

Популярность его исчезнет вовсе, лопнет, как мыльный пузырь – кому охота смеяться над тем, что у него самого рожа крива, а не у кого-то наверху, внизу или рядом. Если настаивать на уважительном отношении людей к другим (им подобным), то это будет концом классической литературы, от нее будут шарахаться, как от чумы. Да будет так! и пусть поэтому шутят и кривляются на экранах и подмостках сцен герои трагедий, пусть ряженные эксперты профессионально вдыхают в устаревшие книги новую жизнь на потеху мультикультурной публике. Дорогу! дорогу приятным комиксам для доброй зрительской массы! (В качестве временной уступки нам, надоедливым, просим объяснить, за кого люди принимают Булгакова, если думают, что он верил в Иешуа, сочувствовал ему и при этом был в полной уверенности в том, что тот ушел с Пилатом на Луну.)

Мы беседовали с читателем, но в тайне боялись его, опасались нелицеприятного суда над нами и нашим трудом. Ну, а какой результат его знакомства с нами нас бы устроил, а может быть, и утешил? Мы действительно никого не хотели ни в чем убедить. Нам было важно обозначить проблемы, поставленные в романе, с позиции христианина, многократно заострить на них все внимание читателей, показать, что их прочными, древними нитями связаны все части романа, или спутаны все его уголки. Этому сосредоточенному (но устаревшему) взгляду мешает привычка наших современников к беспросветному существованию, вытесняющая из них желание категорически выбирать и однозначно определяться. Мы, незаметно для себя, гибнем в войне без выстрелов и взрывов, ведь в нынешней войне душат пылью, дымом и бескислородной атмосферой, выдуваемой из общечеловеческих хранилищ духа сочувствия ко всему сущему и, в первую очередь, к симпатичной мертвечине. Вот, как нам кажется, тот противник, на которого указал и с которым сразился Булгаков, а вслед за ним и мы пожелали дать читателям не мир, но меч. Меч обоюдоострый, который может рассечь и нас.

Так что же из этого вытекает? В первую очередь, чтение романа должно помочь вспомнить любознательному читателю печальную страшную весть: он посмешище на концерте визитеров. Полбеда, что он жаден, труслив, похотлив и счастлив оттого, что это незаметно окружающим. Хуже того, он глуп и не хочет признаться себе в этом. Однако главной бедой прекраснодушного читателя является то, что он сознательно и бессознательно верит в возможное торжество (везде и в каждом) всего хорошего и думает (без серьезных сомнений), что всеми силами служит этому хорошему. Но фокус в том, что эта беда является не только его болезнью, но и преступлением, то есть, следуя линии такого поведения, он вольно

или невольно участвует в истреблении всего живого материала, способного достичь вечности.

Книга Булгакова может быть очень полезной, если она поможет преступнику, взявшему ее в руки, узнать свои мысли и угадать свои поступки на ее страницах, а затем отказаться от них, подобно тому как почитатель Гоголя, Грибоедова и Пушкина способен заметить в себе Манилова, Ноздрева или Чацкого с Онегиным, а затем прогнать их подальше от своего порога. Еще более значительную услугу может оказать лукавый Иешуа, если привет отворачивание к двойникам и подвигнет читателя на изживание симпатии ко всем самозванцам, создающим подходящие условия для похищения у нехороших людей возможности встретиться со спасающей Милостью, снизошедшей к ним свыше. (Дополнительным подарком для желающих жить может стать их освобождение и от уз луны.)

На прощание с читателем, который не обиделся на меня в начале беседы о романе, а впоследствии стал относиться по-приятельски, хочется поделиться личным. Герои книги иногда ходят рядом с нами, иногда они воюют с нами внутри. Временами они бывают приятны, иногда мерзки для таких случайных встречных, как мы, а случается, без видимых причин прячутся от нас в бронированных камерах. Если как-нибудь пожелаете посмотреть на них всех разом, приходите, посмотрите на меня. Прежде тайно, а с момента прочтения романа вполне зримо они так и живут во мне. В отношении же Михаила Афанасьевича думается мне и видится, что стою я вместе с ним перед вами, и в один голос просим мы у вас прощения за плохой характер и такое, как вы сами видели, плохое поведение.

А, может быть, это тоже галлюцинация?

Дополнительные главы

Глава XXX. ПОСЛЕ ЭПИЛОГА. О МЕЛОЧАХ ЖИЗНИ (мозаичная)

Пришло все это быстро, но не внезапно, и предшествовали тому, что пришло, некие знамения.

Белая гвардия

<...> и уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглослена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц и снимет поношение с народа Своего по всей земле...

Исаия 25:7–8

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение....

Лука 12:51

Смешон и несчастен тот, кто обьял необьятное.

Новый Козьма Прутков

Мы представили свою догадку о том, что хотел поведать нам с помощью своего романа Булгаков о жизни Христа среди людей XX века и постарались объяснить, почему наше мнение именно такое, а не какое-нибудь еще, то есть предложили читателям ключ. Используя его для самостоятельного открытия смысла, независимые эксперты могут проверить обоснованность наших выводов. Инструмент доступен, начальных данных вполне достаточно для того, чтобы поставленная задача была решена полностью. Можно было бы на этом остановиться, но для ленивых и рассеянных мы можем предложить беспорядочный набор частных решений, полученных на основе анализа мелких эпизодов, разбросанных по всему роману.

Нам не кажется это лишним, поскольку не без оснований считаем, что в одной капле может храниться весь океан, подобно тому как в семени взрослое растение. Так что и отдельно взятых неопровержимых свидетельств нашему читателю может оказаться достаточно для понимания целого, так же как садовнику по одному единственному плоду удастся

легко судить о всем дереве (том самом). Систематическое исследование романа «Мастер и Маргарита» в этих условиях оказывается вовсе необязательным, поэтому предлагаем гуляющим набор опавших листьев.

Непредвзятый читатель должен согласиться с нами, что в данном труде мы не пытались явно или тайно обратить кого-либо в христианство (впрочем, в то же время мы никого не хотели восстановить против него). Напротив, мы уважаем свободу каждого человека и для ее сохранения предоставили универсальный инструмент для опознания написанного в романе Булгакова, которым он мог бы пользоваться в соответствии со своей собственной волей и совестью. По этой причине начало статьи пришлось несколько перегрузить подбором сведений из православных учебников.

Вдобавок мы сочли необходимым напоминать на протяжении всей работы христианское видение жизни и смерти, а вместе с этим то, как они достигаются, поскольку окаменевшее представление наших верующих и неверующих современников об этом краеугольном камне веры настолько категорично в своей единственности, что немедленно вытеснит любое инакомыслие, вследствие чего смысл из наших изысканий тут же испарится.

Итак, мы оставляем в покое всех и каждого для размышлений о книге наедине с самим собой, за исключением литераторов, которым в ответ на их некоторые громкие высказывания все-таки тихонечко чуть-чуть возразим.

Конечно же, роман Булгакова совсем не о том, что дьявол пришел, или что он всем стал интересен. Этот роман кричит о том, что на землю, давно подчинившуюся его власти (и, казалось бы, безысходно), пришел Спаситель. Вернее, он не кричит, а трубит о том, что о приходе Иисуса Христа забыли и не вспоминают даже те, кто прикрывается Его именем. По мысли Михаила Афанасьевича, современным людям дьявол нужен всем, в том числе и литераторам, а Иисус Христос никому не нужен, особенно литераторам, которые, в подражание мастеру, утеряли к Нему даже формальный, профессиональный интерес. Один – нарасхват, Другого – как бы нет и как бы никогда и не было. Как хотите, но это смешно.

Иисус Христос не только исцелял Сам, но поделился властью над болезнями со своими учениками, которые тоже помогали тем, кто обращался к ним за помощью. По заповеди Христа, прежде чем помочь другому, врач должен исцелиться сам, поэтому, следуя слову своего учителя, апостолы в полном здравии шли за Сыном Божиим во время Его земного пути. Ученик же Иешуа в самый ответственный момент скручен болезнью, и в Великий Четверг по уважительной причине вынужденно оставляет наставника в одиночестве. Никто не виноват, что бродяга час испытаний провел без друзей, все упреки к случайным трагическим обстоятельствам.

Своеобразный распорядок «страстной» седмицы в жизни Иешуа не позволяет найти в его служении ничего, кроме повседневной суеты. В среду утром он с Левием гостил у огородника и для общей пользы работал на огороде (!). К вечеру среды Иешуа пошел в Иерусалим. Христос же в среду был в доме Симона прокаженного, в котором женщина с алавастровым сосудом возлиянием драгоценного мира на голову приготовила Его к погребению. То есть, Сын Человеческий раз за разом продолжает открывать своим ученикам, что решительно вступил в царство смерти, но они не понимают, не слышат Его. В четверг Он посылает Своих учеников (впереди Себя) приготовить место для совместного совершения пасхи, а потом присоединяется к ним.

В ершалаимской версии мастера с вечера среды до рассвета пятницы Левий болеет, поэтому он и Иешуа проводят четверг порознь, отдельно друг от друга. Тайной Вечери нет и в помине, нет прощальных бесед, нет завещания, нет ничего, что мог бы Иешуа оставить после себя заинтересованным людям. Еще раз: общего Великого Четверга у Иешуа с его учеником просто нет, он пуст (!).

По той же весьма уважительной причине Левий не является свидетелем ареста Иешуа, а заодно не отрекается от него перед работниками службы исполнения наказаний и их приспешниками ни в этот момент, ни после – вплоть до погребения бродяги. Нет повода, нет причин испытать верность и преданность ученика, а у сил тьмы нет нужды во время исполнения всех процедур приговора страхом смерти отгородить людей от Иешуа, как бы само собой оставшегося в неспровоцированном одиночестве. Воланд для очередного кощунства подменяет апостольское служение учеников Христа (Спасителя злодеев) на прислуживание самовольного Левия проповеднику человеческого добра, которое достигает высшего развития в момент, когда тот хотел ударить учителя ножом в спину с криком: «Иешуа! Я спасаю тебя!..»

Действительно, очень смешно. А кому не смешно, будьте любезны, другая шуточная метаморфоза: Христос обещал быть с учениками всегда, во все дни их жизни, а в паре Левий – Иешуа это уверение не только вывернуто наизнанку (собираются быть вместе не в жизни, а в смерти), но и перевернуто с ног на голову, так как дается учеником (меньшим) своему учителю (большему): «...И ухожу вместе с тобой!» Единство в небытии – умопомрачительное сокровище духовных шизофреников, к которому не рекомендуем стремиться нашим читателям (всем).

Шизофреническое двоедушие не является отличительной особенностью Бездомного, а в той или иной степени присутствует в каждом человеке. Современное искусство, отрицающее душу, старается объяснить противоречивые натуры не их предательской двойственностью, а сверхчувствительностью, которая подчиняет поведение персон (на самом деле однозначных в своей глубине) малейшим капризам жизненных обстоятельств, незаметным для обычных людей. В особом даре сопереживать и отзываться находят исследователи сложных натур главную причину их неуравновешенности и непредсказуемости.

Однако «Азбука» говорит, что могучий злодей и слабосильный добряк одновременно уживаются в любом из смертных, с переменным успехом соперничая друг с другом за главенство в нем. То, что каждый из нас знает своего добряка и своего злодея, но всю жизнь либо боится признаться себе в этом, либо не хочет раз и навсегда выбрать кого-нибудь одного из них, являет из себя вид особой грубой подлости, именуемой лицемерием. Честность, подлинность войдет в нашу жизнь, если мы определимся в своем выборе между ними без условий и исключений. Не выявляя себя принципиально и окончательно, мы всегда будем подлецами. Так кому же захочется стать (бесплатно) всемирно известным подлецом? Именно поэтому свою лукавую изменчивость прячут и скрывают со всей возможной тщательностью и изворотливостью за семью замками общественных норм поведения.

По той же причине при нарушении этого ясного и понятного всеобщего договора по обязательной конспирации своего двоедушия (в особенности с бессовестной демонстрацией одной из крайностей своей многозначной персоны, да еще без изображения стыда) возмутители спокойствия немедленно причисляются к сумасшедшим. Вслед за этим они изолируются от культурных людей, умеющих держать себя в рамках приличий, и помещаются в психиатрическую лечебницу Стравинского (с диагнозом Петрушка). В обычном состоянии у обывателя внутренний добряк молчаливо прозябает, подчинившись воле бандита (иногда матерого, иногда бестолкового). Такое добровольное рабство исключает проблему тяжелого выбора человека между добром и злом и превращает свободную личность в предсказуемую функцию, пряча все ее безответственные поступки в глубокий подвал подсознания. В условиях утраты ведения целостной картины своего внутреннего мира, человек оказывается неспособным делать выбор, заменяя его на подделку. Темная среда не стремится обнаружить себя и подсовывает

своим подопечным во время выбора вместо главных принципов – второстепенные, например, такие как возможность извлечения максимальной выгоды или встречи с наименьшим злом.

В разговоре с Пилатом Иешуа горько сетует на неграмотность своих слушателей. Христос же призвал в апостолы заведомо людей неученых, простых (кроме Иуды).

Христос обещал, что никто из Его учеников не пострадает от властей во время суда над Ним. Сбылось – никого не арестовали и не привели на допрос. Ученик же Иешуа не избежал принудительной встречи с Пилатом для проведения дознания.

Ученики Христа не хотели, противились Его смерти. Ее приход привел их в отчаяние, а потом погрузил в горе (хотя Христос обещал им, что она обрадует их). Единственный ученик Иешуа желал ему скорейшей смерти и радовался ее наступлению. (Разве не талантливая пародия?)

Христос Сам нес Свой крест для распятия. У Булгакова Иешуа вместе с другими разбойниками и орудиями казни везут к месту казни на повозке. Вновь получается, что ершалаимский философ не прошел крестного пути сам, а был доставлен силой к его заключительной точке.

Вдохновение Булгакова выводят либо из его ненависти к братьям литераторам, либо из холуйской любви к хозяину. Нам же представляется, что его надо выводить у Михаила Афанасьевича из ненависти ко лжи и любви к истине. (Именно эти предпосылки мы посчитали определяющими для выяснения смысла романа.)

Христа били плетью после вынесения Ему приговора за неправильное просвещение народа. Крысбой в целях просвещения бичует Иешуа еще до объявления его вины.

Христос пытался объяснить людям, что они так погрязли во лжи, что напрочь забыли, как выглядит правда и верность (без которой не бывает правды). Иешуа советует Пилату верить в людей (в их доброту) – это новая, невиданная доселе религия, признающая правду (свет) в предателях Бога.

Думать, что Булгаков верит в Иешуа – то же самое, что считать, что он верит во всеислие Воланда.

Смысл и правда не могут быть второй свежести, поэтому их нельзя найти в Иешуа, поскольку он сам не первой свежести. Например, Иешуа, защищая Крысобоя, говорит, что того «обозлили люди», а это – принцип относительного добра или добра не первой свежести. Подлинное добро проявляет себя вопреки всему, и только если оно всегда – только тогда оно добро, а если иначе – это добро от Воланда.

Левий ворует нож для благого дела, и теперь у последователей Иешуа становится допустимым то, что не только ложь, но и воровство можно обратить во благо. Была ведь в недавнем прошлом в некоторых земных царствах среди прогрессивных людей официально общепризнанной идеология, которая считала за добродетель грабить награбленное. Теперь, обобщив эту идею, можно внедрить ее с помощью профессионалов в области нравственности и в новую религию светлого будущего.

Иисус Христос – Царь, который служит слабым, Иешуа – слабак, прислуживающий царькам.

Иешуа утверждал, что говорить правду легко и приятно и этим нагло спорил со Христом, который напоминал людям, что они не умеют говорить без лжи, а когда избранники научатся от Него говорить правду, то лучшие люди их будут гнать и убивать, думая, что служат добру.

Чудеса привлекают и вдохновляют москвичей. У них вера, как у всех землян. Христос же отрицал благо в любом чуде, кроме чуда смерти Сына Человеческого и Сына Божия ради спасения Своих детей. Остальные чудеса – соблазн.

Пилат Булгакова беседовал с Иешуа на трех языках, а на табличке с виной бродяги надпись составил только на двух – в этом символ затухания жизни, сокращение возможностей для общения, а заодно и кривое зеркало для Евангелия (в нем беседа на одном языке, а подпись – на трех).

Упорное употребление Булгаковым в пилатовых главах названий и имен в транскрипции арамейского языка намекает на то, что все происходящее

в ершалаимской истории чуждо москвичам, не знающим древнего наречия. Христианство приносило весть о Христе тем, кому Он был нужен, с помощью перевода Священного Писания на родной для них язык. Не воспоминаниями и не научными исследованиями того, что и как было в действительности с Сыном Божиим обучались вере люди и насыщались ею. Они узнавали Христа только из личного общения с Ним на своем родном языке, причем помогали этому особенности местных традиций, в которых христианство умело разглядеть зачатки поиска и присутствия Спасителя в душе каждого народа. С древних времен каждый народ по-своему ждал Его и, взаимно, для каждого народа у Него было приготовлено свое сокровенное особенное слово. Уникальность, неповторимость всех, кто встретился с Ним, была сохранена, а затем, в дружбе с Ним, умножена и украшена.

Высказывания Воланда по поводу веры в беседе с литераторами на Патриарших оставили тех серьезными (хотя смешно, когда сатана старается намекнуть людям, что бог есть) поскольку несут в себе не просветительскую миссию, а свойственный духу тьмы яд лжи. В его вопросе, верят ли они в Бога и в черта, уже можно заметить искажение христианской веры. Впрочем, к этой подмене православные давно привыкли и не замечают ее, даже если им предоставляют доказательства их самообмана.

«Азбука» рассказывает о подлинной вере людей иными словами. Первым верующим человеком стал Авраам. До него люди не нуждались в вере, поскольку имели возможность непосредственно беседовать с Богом. Дар очевидной взаимности утрачивался постепенно, затухая от поколения к поколению, начиная с Адама и Евы. В конце концов человеческие очи ослепли, вернее, реальная картинка мира в них раздвоилась: внешнее око видело преувеличенно яркий, красочный силуэт того, что на поверхности, а внутреннее потеряло резкость, приобрело близорукость, и как реальность стало воспринимать миражи.

Превратившись в бледную тень, сокровенное перестало опознаваться, даже когда закрывались глаза у тела, и яркая картинка физического мира не отвлекала внимание от него. Раздвоение в восприятии казалось бы одного и того же мира способствовало разделению жизни на «реальную» и «мистическую». В похожей ситуации оказались и все чувства человека. Раздробленность выявила среди них слабые и сильные: например, желудок острее воспринимает голод и насыщение, чем ум – мудрое и глупое, а душа – симпатию и антипатию.

«Азбука» предлагает точное и категоричное определение верующего человека. Это не тот, кто принимает недоказанное гадательное предположение о наличии или отсутствии как такового духовного мира. Авраам стал называться верующим после того, как услышал Бога и поверил Ему. Именно так. Не в результате разговора с Ним, а после того, как доверился услышанному от Него. Подобно и вера в бесов подразумевает не просто слышание их человеком, но и доверие им и их яду. А доверие тому, кто исчезнет, грозит неминуемой смертью даже тем, кто был сотворен для вечности. Между прочим, бесы веруют и трепещут, то есть они знают, что Господь есть, но Он им не нравится.

В романе Булгакова на прямое сотрудничество с сатаной идут единицы, остальное все заполняющее большинство делает вид, что служит чему-то другому, иногда мелкому, иногда великому (в мировом масштабе), но обязательно с добрыми намерениями. Зовут вместе с собой на многое, в том числе на вселенское добро, но не производят и крошки истинной жизни. Честность, выраженная примитивным «да» или «нет», в отношениях со светом и тьмой (в любых личных отношениях) оказывается абсолютно недоступной современному человеку. Говорят «да», но с присказками, «нет», но с оговорками (здесь нужно учитывать не только сиюминутный отклик человека, но и честность его решения во времени: выбор должен быть сделан только навсегда, иначе все – ложь, все сказанное человеком – призрак, а поступающий так – лицемер, предатель).

Человек исчезает (умирает), не только если отказывается от бытия, выбирая зло, но и если он всего лишь не определился, с кем он – его тоже уже нет (он мертв к взаимности)*. Нечувствительность людей к высокой цене своего выбора (причин для этого много, и ох каких значительных) – это зримый признак их нечувствительности к смерти. Люди современного общества существуют вместе с согласием своего внутреннего человека не быть (не жить) без всякого дискомфорта. Есть много красивых прикрытий, демонстрирующих иллюзию жизни или жизнь искусственную, генномодифицированную. Подделки бывают тонкими и грубыми, и, хотя человеку при желании не составило бы труда увидеть это обратившись к совести, но для нынешних людей это невозможно, поскольку они считают совесть либо вредной и опасной, либо несуществующей.

* Именно состояние неопределенности рождает праздные слова, за каждое из которых (если верить азбуке), придется дать ответ.

Рядом с Воландом находятся только те, кто может стать хуже, а тот, кто уже достиг в этом своего предела совершенства – умирает*. Для того чтобы существовать вместе с ним, надо совершенствоваться во зле, постоянно расточать себя и соблазнять, соблазнять, соблазнять.

В подражание Христу Воланд приходит в те дома, где его ждут, и делает их владельцев счастливыми, только на свой лад. Царь не отсюда приходил простить грехи, вернуть заблудших в Свое царство истины, а этот старается утвердить в вечности мерзость своих послушников, делая ее публичной, и, тем самым, закрепляет принадлежность хозяев квартир к обитателям своего царства.

Христос пришел к своим, а Его не узнали, потому что не чувствовали острую необходимость (как главную и единственную) в прощении грехов. Иные заботы, рожденные вызовами времени, были более насущными. Воланд наглым образом подражает Христу – пришел к своим, и намеренно ведет себя так, что они его не узнают. Причина, обеспечивающая возможность нахождения в пользовании у тьмы перевертыша оригинала со Спасителя, будет существовать до тех пор, пока люди не захотят сдавать валюту (по доброй воле). Без этого они не смогут заметить и понять издевательские проделки Воланда над ними (грешник слеп, хотя правильно ее сказать, что слеп добрый человек).

Шутливое замечание Воланда о москвичах, согласно которому на них отрицательно повлиял квартирный вопрос, подобно сообщению главврача о простудившихся в морге трупах. Чертям смешно. Христианам скучно.

Воланд в своих проделках над жадинами и лгунами подражает добрым людям, истребляющим злодеев, за одно посмеиваясь над ними про себя. Христос же побеждает злодея, возрождая его к жизни, к благу. Гибель для вечности – смерть злодея – для Него – поражение.

«Никогда не просите» Воланда по смыслу родственно по духу его приказу: «Пей!». (Он не умеет просить, может только требовать.)

* Это также отраженный свет христианства, которое считает, что Бог призывает к Себе людей в момент наибольшего раскрытия жизни в них (лучше не будет, а в чем застану, в том и сужу).

Герои романа Булгакова по-своему, как могут, подражают христианам. Они тоже хотят стать цельными, то есть честными перед собой, поэтому полностью, без сомнений и смущений, учатся отдаваться сатане.

Воланд балуется черной магией, Иешуа практикует магию белую.

Еще одна деталь из соперничества тьмы со светом. Христос обещал, что верующий в Него сотворит больше Него. Мастер объясняет Бездомному, что Воланд работу мастера сделал бы лучше него, как и любое другое дело. И тут противоположность.

Приход Воланда в Москву обусловлен возросшей симпатией населения к нему. Вначале он сам обслуживает тайные запросы граждан на прямое общение с тьмой, которое пока еще в диковинку на земле, и только при росте спроса на приятные мерзости к сервисным услугам подключаются его помощники. Остросюжетные истории по раскрепощению человека, которые в годы первых пятилеток могли смутить народ, в наше время уже стали настолько привычно-обычными, что те, кого они все еще продолжают смущать, сегодня выглядят перед просвещенным большинством придурковатыми ретроградами и наглыми демагогами. Дело Воланда расцвело и пахнет. Теперь из всех возможных страстей позорной считается одна – неверие в себя. Из грехов – неуплата налогов и честное исполнение супружеского долга. Совесть народа не только безмолвствует, о ней нельзя вспоминать в чем-либо присутствии – засмеют, а то и прибьют.

Добрые люди две тысячи лет назад обвиняли Христа в том, что Он лжец. Они и ныне Его не принимают по этой же причине. А Иешуа (чтобы он ни говорил) – принимают. Как в анекдоте.

Дьявол со своими подельниками не может видеть прямой свет, но отраженный (искаженный) может. Иван Бездомный из современной были двадцатого века переиначивает прежнего Ивана-дурака из народных сказок (сделал доброе дело и стал умным) на новый лад: был придурковат, но поверил нечистой силе и стал умным. Выбился в ученые и теперь работает учителем жизни. Старые сказки в светлые времена по-новому сказываются.

Воланд идет к своим и убивает только своих, а от чужих бежит сломя голову. Христос идет к врагам, чтобы выволить их из беды, идет за ними,

за исчезающими из бытия покойниками и дарит им жизнь как дружбу с самим Собой. На чьей стороне симпатии народа?

Валюту (во сне Босого) изымают не в компетентных органах, а в неизвестной благотворительной организации. Это становится ясно из того, какие меры воздействия применяются к ее держателям. Невиданное дело, чтобы валютчиков уговаривали, а не пытали или расстреливали при наличии одних только подозрений в незаконной деятельности по укрыванию валюты. Какое правосудие без карательных мер? Нет сомнениям! При возвращении валюты применяются не принудительные, а нравственные меры воздействия на души заблудших (всем юристам смешно), значит, и делатели из сонного видения свой хлеб добывают на службе в неведомственном комиссариате по нравственности.

Забавную игру в экзотические облачения можно найти не только у испавшегося в реке Бездомного и праздничного Воланда. Странные совпадения в экипировке Маргариты на бале обнаружим с давно забытыми одеяниями христианских отшельников. В этом случае сходство тяжелой ноши черной королевы с веригами подвижников необходимо служителям тьмы для насмешки над теми, кто хочет преодолеть зависимость от низменных сил, от власти тьмы, которая успешно руководит людьми, используя подчиненное положение их душ перед запросами их тел. (Например, Серафим Саровский объяснял своим посетителям постоянное ношение тяжестей на себе так: «Томлю томящего меня».) Там и тут труд подвижников до кровавого пота, а их цель и их смысл – противоположные. Но есть еще кое-что посмешнее. На Маргарите – бляха с изображением пуделя, ее ноги – на подушечке с изображением пуделя. Они безошибочно указывают на свой христианский прототип – архиерейскую панагию с изображением или Божией Матери, или Спасителя и орлец, на который во время богослужения встает архиерей. Черный же пудель (да простят меня зеленые!) – это символ зверя (апокалиптического), некоего верховного божества у тьмы, тут все детали передразнивают православное богослужение, весело кощунствуя над христианством.

Но и тут еще не точка в том списке у визитеров, который содержит перечень целей для осмеяния. В подготовке Маргариты при свечах к балу есть краткий, едва заметный момент, в котором она стремится передразнить моление Христа в Гефсиманском саду. В кровавом поту Сын Человеческий, после троекратного вопрошания о возможности найти более легкий путь для спасения Своих врагов, окончательно соглашается исполнить волю Отца и войти в область человеческой смерти. Аналог этого искушения, на

забаву христоскептикам, предложен Маргарите черным Воландом как раз перед пиром. Так, на вопрос, не откажется ли она, будучи избранной сатаной, принять на себя обязанности хозяйки бала в царстве злодеев, дочь тьмы отвечает жертвенным согласием исполнить любую волю своего хозяина и духовного отца.

«Я в восхищении!» – приветствие, адресованное отпетым негодяям, которое многократно повторялось на бале сатаны черной королевой и ее свитой, конечно, не имеет под собой реального переживания, а, как принято в этих элитных кругах, призвано весело обыграть перед публикой вредные привычки православных (суесловие, ложная божба). Ласковые слова выкрикивались, напевались, обьедеивались, конечно же, не от избытка чувств, а от привычки чертей передразнивать христиан (потому что остальных передразнивать неинтересно), подражая их слабостям.

Мы уже ссылались на пушкинскую «Пиковую даму», теперь приведем из нее еще два отрывка, взятых наугад. «Откройте мне вашу тайну! – что вам в ней?.. Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором... Подумайте: вы стары; жить вам уже недолго, – я готов взять грехи ваши на свою душу. <...> лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля».

Мы и сейчас не отнимаем у читателей право считать совпадения смысловых мотивов «Пиковой дамы» с мотивами «Мастера и Маргариты» чистой случайностью.

Теперь о случайных совпадениях с «Евгением Онегиным». Начало «Мастера и Маргариты» расцвечено пением баса о любви к той самой Татьяне. Оба наши романа начинаются со смерти уважаемого дяди, которого, по убеждению наблюдателей, именно черт возьмет с этой многострадальной земли. Их персонажи там и тут, с удовлетворением засвидетельствовавшие факт смерти своих благодетелей, вскоре после этого разочаровываются во всем, что было в их жизни, и беспробудно хандрят. Вдобавок главные герои этих двух романов собственноручно убивают поэтов, один пулей, другой запретом писать (господа поэты, что хуже?). Кроме того, титульных персонажей не интересуют свободные партнерши, а привлекают и волнуют замужние дамы, прежние же подружки перестали для них существовать даже в памяти, как будто их и не было.

Пушкин своих героев чаще всего называет Онегин и Татьяна (попробуйте изменить их на Евгений и Ларина), а от этого малого несоответствия

в обращении (в уважении?) остается один шаг к героям, именуемым мастером и Маргаритой.

Не только Бездомного, но и своего мастера Маргарита будет целовать в лоб, как делают это перед закрытием гроба при прощании с усопшим. Такова награда каждому за тесное общение с ней.

Для христиан видимый мир – иллюзия, для прочих людей иллюзией является невидимый мир. Подлинное у тех и других тоже поменялось местами. (Факт упрям?)

Для ходячих мертвецов важна пропажа головы, исчезновение тела, а исчезновение души их абсолютно не волнует.

Двойственные отношения могут быть вызваны не только расщеплением совести, которая одновременно носит в себе симпатию и неприязнь к данному человеку, а вполне искренним однозначным отношением, но только изменяющимся от плюса к минусу в последовательные промежутки времени. Вчера любили до умопомрачения, а если сегодня разлюбили, то остались (как принято между культурными людьми) в прекрасных дружеских отношениях – тоже ясный признак шизофрении совести. Так ты любил, а теперь разлюбил? Ты был чужим, состоя с ним в родстве, а теперь, став чужим ему, с ним же в дружеских отношениях? Чем не скупые рыцари и голые короли? Во взаимности с близкими любят посторонних, а предав, начинают дружить с только что брошенными.

Мастер забывает ближних из своего прошлого. Для того чтобы забыть – надо предать. Следующий шаг вниз – вступить в воровскую близость с чужими.

Интересно узнать у добрых читателей, не находятся ли они в момент разоблачения людей-негодяев на стороне чертей, не радуются ли они вместе с демонами торжеству справедливости? Радость о наказании плохих приводит человека в компанию Воланда. При этом мы согласны, что в царстве кесаря (где неуместны личные отношения) справедливые наказания (соответствующие законодательству) естественны и обязательны.

Из «Азбуки». Как сказал один исповедник (Максим): «покой – это нерушимая мощь Небесного царства». Человек, незаметно для себя превратившийся

в живого покойника, продолжает бояться своей физической смерти, но при этом остается равнодушен к смертям других людей. Роман Булгакова предупреждает о невиданном прежде равнодушии христиан к смерти и смертям.

Появление на исторической сцене Иешуа частично легализует дьявола: сатана продолжает внушать, что его нет, но теперь он может открыто и громко сказать – есть Иешуа. Сам же Иешуа умалчивает о тьме, как будто ее нет, что тоже, в свою очередь, еще искусней маскирует державу дьявола, тем самым развязывая ему руки в его темных делишках.

Теперь людям стало удобнее заниматься своим прежним делом – они могут не стыдиться своего преклонения перед Воландом, так как можно без всякого смущения кланяться Иешуа и ему подобным.

«Мы увидим чистую реку воды жизни...» Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...» – чепуха в стиле Блаватской или Андреева, которую подсовывают доверчивому читателю, чтобы он принял бессвязную речь как разумную (и даже мудрую). После того как несчастный всерьез отнесся к втираемой ему бессмыслице, с его сознанием манипулятору можно будет поступать, как заблагорассудится. Христиане знают, что реки живой воды текут из Христа, из Его пронзенного тела. Христос – источник Света, который непосредственно воспринимается только отдельной личностью, а не человечеством в целом.

В романе Булгакова показана любовь между привидениями (вернувшаяся в общее употребление спустя несколько тысячелетий после всемирного потопа).

Христианами забыто делание Иова, который удалялся от зла. Теперь злом интересуются.

Забыто и то, что он приносил покаяние за своих детей, поскольку они, может быть (!), согрешили или похулили Бога в сердце своем. Сами не боятся бесчинствовать подобным образом и поэтому не боятся за своих бесчинствующих детей.

Еще раз о внезапной смерти. Практика христиан состоит в том, чтобы всегда быть готовым к встрече, на которой врать будет нельзя. Их Учитель предупредил, что этот день придет внезапно, как вор. Это не поселяет

в них страх, это приближает к подлинности их поступки, мысли, отношения. Память смерти не пугает наказанием, а готовит верующих к жизни в правде, поэтому они приучают себя каждый шаг делать, как в последний раз. Обычный добрый человек устанет так поступать постоянно, потому что это дело требует от людей не воли или доброты, а веры. Трудно, но награда велика – с решимостью все принимать всерьез, постепенно жизнь делателя станет настоящей. Можно сказать, что Берлиоз – это тот самый безумный богач из евангельской притчи, опьяненный радостями земного изобилия, который не захотел верить во внезапность прихода правды.

Тетрарх в Евангелии после следствия над Христом объявляет Пилату, что не нашел в Нем никакой вины (и даже, как видимый знак Его невинности, облачает Христа в светлые одежды). Об этом поступке Ирода (Антипы) как-то забывают, а ведь он пошел против власти первосвященника и против решения синедриона. Булгаковский тетрарх поступает совсем по-другому. Он то ли от лени, то ли от малодушия отказывается высказать свое мнение по делу Иешуа. Вновь разный калибр людей и их поступков.

Мистика света – слова сбываются навсегда. Мистика тьмы – слова могут сбываться на время, но потом все равно становятся призраками и исчезают.

Пример воплотившейся мистики: если человек услышал, понял, как к нему относится Христос, то отныне его обретенная взаимность со Спасителем будет определять его отношения ко всем людям и к Отцу. Если он доверился прощению, то без всяких усилий всегда будет благодарен простившему и будет всегда желать прощения всем грешникам и не устанет благодарить Отца за Сына.

Мистика взаимности: дружба без слов – чудо, она же при наличии в обиходе только жестов и дел – цирковой номер.

Как понять «Азбуку», приписывающую установление земной власти кесаря силе с Небес? Грубое объяснение будет таким: Пилат имеет власть над земными подданными, потому что сидит на троне (а другим пока нельзя). Любая власть приносит пользу (как закон) земле, так как хаос в обществе хуже самого плохого правителя и ведет к гибели государства самым коротким путем.

Одна из самых трудных заповедей Христа – не умялять (не понижать) веру, не опошлять жизнь, сохраняя в душе их образ в самом высоком, неповрежденном виде. Его ученики не сразу приняли заповедь о совершенстве (будьте совершенны) как главную, а когда старались ей следовать честно – не выдерживали, теряя все силы. Нынешние ученики, чтобы не мучиться, ее забыли.

Подлинная Церковь не является средством для получения земного счастья, она дает возможность встретиться со счастьем неземным. Но при встрече с неземным счастьем человек, хотя он будет оставаться на земле, земное счастье будет переживать уже как несчастье из-за своей ущербоности и нестойкости.

Главы о ершалаимских событиях называются пилатовыми из-за того, что Пилат в них мощнее Иешуа. Он спасает от верной смерти Крысобоя, а тот, в свою очередь, имеет возможность убить Иешуа, но щадит его.

Первое восстание людей было против Бога. В конце истории должно начаться восстание христиан против Христа, так будут написаны α и ω духовной истории рода человеческого.

Маленький штришок. Воланд заинтересовал Берлиоза, а по «Азбуке» интерес – начальная стадия любви.

Воланд в подражание тайной трапезе христиан называет свое праздничное ночное бдение трапезой с приближенными. Хочется и соответствовать, и поглумиться.

Хотите верьте, хотите нет, но Бегемот утверждал, что главная линия опуса (сочинения мастера) ему ясна насквозь. А многочисленным читателям нет? Неужели, действительно, коты умнее их? (Не сомневайтесь, мы на стороне книголюбов.)

Молитва Левия рядом с умирающим Иешуа – это молитва анти-Иова. Ведьмина красота Маргариты не должна удивлять или смущать незадачливого читателя. Тут нет никакой насмешки или парадокса. Тьма тоже может с особых позиций привлекать к себе внимание некой красотой. Уже

в «Белой гвардии» один из Турбиных при поиске в морге тела Най-Турса был тронут ведьминой красотой разлагающейся покойницы. Там было начало, в «Мастере и Маргарите» – развитие этой темы. Да, красота жизни и красота мертвечины – они тоже спорят между собой, как и на других полях битвы между смертью и жизнью. На одном таком поле сражаются тишина жизни и тишина смерти, на другом – покой жизни и покой смерти. Привлекательность, притяжение жизни и привлекательность, притяжение смерти враждуют за звание самой обаятельной избранницы, манящей человека к себе. Соперничество двух экономических систем – жизни и смерти, которые охватывают все виды деятельности человека на земле, тоже не знает отдыха: творчество и мастерство бьются за первенство в эффективности ведения хозяйства. Современная цивилизация убеждена, что победит (уже победило?) мастерство. Мудрость или компьютерный расчет, воспитание или дрессировка, естественное свидетельство живой реальности или реклама – на этих полях древняя битва тоже подходит к концу.

Одна из причин веры в хорошее на земле (изгоняющей все истинное с ее лица) идет не от веры в злого творца и в собственное величие, а от почувствованного всем своим существом ведения, что умное, органическое произошло от глупого, бесчувственного, неорганического. Если начало бестолково, то и конец будет бестолков, внутренний человек это знает и не будет поэтому идти против неизбежного. А в промежутках между глупым вселенским небытием люди, которых мы видим как будто живыми, конечно, будут мыслиться как вполне хорошие и толковые. Короче говоря, свет и тьма предлагают нам два варианта развития человечества: 1) сначала мрак, а из него появляются хорошие люди; 2) сначала свет, а от него отделяются падшие.

Для того чтобы не путать свет, предложенный Воландом, с тем, который ему ненавистен, уточним, что христиане узнали о свете вместе с обретением ими веры. Евангелие в своем откровении имеет в виду прежде всего свет отношений между разными лицами. При этом в «Азбуке» считается, что все видимое (доступное для глаз, чувств, ума) дано людям для того, чтобы понять невидимое, но очевидное для здорового сердца (ум в данном случае мы имеем в виду рациональный; при чтении древних отцов Церкви его нельзя путать с умом, про который пишут они, духовидцы – именно ум сердечный, различающий добро и зло, ложь и правду, подлинное от подделки, свет от тьмы). Свет отношений проявляется:

– в доверчивости – принятии другого без подозрений и переосмысления вместе с ответной со своей стороны бесстрашной полной откровенностью о себе;

– в бережливости к другому до нежности (сохранение всех его заповедей в отдельности и его самого как цельное царство, как личность. Сохранение его образа в себе, в своей вечной душе);

– в забвении своей воли перед лицом ближнего и предпочтение его воли вместе с верностью и преданностью в отношениях с ним (даже легкое отступление или забвение от этого – измена, предательство);

– в цельности, то есть взаимоотношения должны быть без тени несовершенства или малейшего нарушения единства (без островка, не принадлежащего другому);

– в сердечном отношении к другому, как к главному сокровищу, вместе с желанием служить ему, как единственной возможности достижения блаженства (радость и счастье другого как высшее переживание);

– в умении преодолевать любое взаимное предательство – восстановление отношений через решимость прощать и просить прощение (как следствие собственного возрождения через вкушение милости от Источника Света);

– через внимательное соблюдение себя во взаимности в свободе от тьмы, вползающей через мелкие (свои и чужие) предательства, в сочетании с постоянной дерзновенной уверенностью в превосходстве милующих сил Света над собственным злом.

Для того чтобы преодолеть свою унижительную зависимость от света, тьма создает свой свет (весьма приятный на вид), который есть сугубая тьма. Поэтому, как мы уже говорили, утверждение Воланда, что свет нуждается в тени, лукаво (глубоко лживо), ведь в присутствии тени нуждается его сатанинский (мнимый) свет. Свет же подлинный не нуждается в тени, боле того, в Свете нет никакой тени, при этом Свет не бросил своих блудных детей-предателей, полюбивших тьму (сатанинский свет), поэтому тьма не объяла Света (который хотя и угасает, но сохраняется в людях), так что именно тьма нуждается в Свете и без нее не может продлевать свое существование (питаюсь душами людей).

Не будет Света – тени не будет, но и при окончательном воцарении Света среди людей тени исчезнут полностью и навсегда. А пока не кончилось время, «этому» свету противостоит команда из Воланда и Иешуа, а у нее, действительно, свет на службе у тьмы, оттого так свысока ведет с Левием свой разговор о свете Воланд.

При таком понимании беседы на крыше дома Пашкова она с легкостью, без сопротивления, принимается разумом, а взаимное противостояние ее участников не рождает противоречий ни в спорящих, ни в слушателях спора. Люди по своей природе, созданной Богом, всегда нуждались и будут нуждаться в Свете, хотя одновременно они сами бегут и прячут свои капиталы в области тени, однако зов их высокой родины не угаснет в них окончательно. Для успешной конкуренции этому голосу из утраченного рая и для вербовки новых жертв, тень изобретает и подсовывает свой свет – подделку, способную ввергнуть ее жертвы в полную и окончательную погибель. Если человек распознал в себе зло и его подлог, заменивший Свет, у него есть шанс вспомнить Свет и выбраться к нему, но, если его воспоминания все-таки подsunут фальшивый свет, он обречен. Впрочем, нет, у него все равно до конца остается возможность (хотя и небольшая) отказаться от ложного света в пользу истинного. Пожелаем этого и мастеру с Маргаритой (и их почитателям).

Христианин (по крайней мере, раньше) был призван видеть, и тот, кто пожелал видеть, получал возможность созерцать и присутствие бессмертия, и присутствие смерти в себе и во всех земных людях. В этом созерцании он находится благодаря присутствию в нем Света жизни, который «подсвечивает» реальность, а заодно постоянно свидетельствует о бессилии тьмы.

Несколько как бы случайных, извинительных проступочков главных героев делают их более человеческими в глазах добрых людей и совсем (так получается по нашим наблюдениям) не вносят сомнений в их высокоморальный облик.

Итак, для примера... Мастер дает искренний совет никому не выступать против Воланда (в беседе с Иванушкой) ... Маргарита длинно, непечатно выругалась (видимо, от избытка сердца) ... или «Я верую! Я верую!», – шептала она торжественно (во время своих предчувствий темных встреч). Вместо Берлиоза мастер желал смерти Латунскому и Лавровичу (видимо, исходя из своего гуманизма). Новый Бездомный (после отказа от прежних волнений как от глупости) желает Берлиозу: «Ну, царство небесное ему!» (Неужели поверил в него? Нет, думаем, что он удачно передразнивает бесчувственных христиан.) Мастер называет Бездомного девственным человеком, и это так. В своем роде, как Иоанн Предтеча из Евангелия, только шиворот на выворот.

Взгляд с наблюдательной позиции, обустроенной «Азбукой», раскрывает роман «Мастер и Маргарита» как продолжение «Белой гвардии», как планомерное историческое развитие христианства и христиан. Например, молитва Левия Матвея является прямым наследником молитвы Елены Васильевны. Честные слова Богу о себе (а не о своих претензиях) Левию уже недоступны, а у Турбиной вырываются почти случайно. Елена Васильевна как чуждое ей, через «не могу», выдавливает крошку исповеди, так как вся жизнь Турбиных сосредоточена в переживании своей благородной избранности, поэтому их бытовая вера вне правдивых слов. Все их мировоззрение как жалкий, полузабытый, полумифический семейный священник из погребенного христианского прошлого – полнейший анахронизм, мираж в безводной пустыне. Из семейных взаимоотношений Турбиных выветрился дух сокрушения о собственных слабостях, самоощущение основано на осознании своего душевного превосходства, на дрожжах самодовольства (чего стоит трогательная мысль Николки о честном слове, без которого невозможна жизнь). Везде искреннее детско-наивное ожидание добра от себя и людей, такое трогательно-возвышенное, очаровательно-прекрасное и при этом оставляющее человека вне веры, вне истины, вне добра, а затем утверждающее его (в тайне от него самого) гонителем Христа (который воскрешает тех заблудших, в ком жизнь едва теплится, вопреки тотальному отсутствию правды и глубокому погружению в ложь).

Если для Елены Васильевны место Бога просто пусто (суя – пустота, а она суеверна), то для Левия Он уже осознанный враг. Турбина еще пытается на место Бога поставить что-то похожее на Него, как волшебное напоминание из детства, как теплую традицию (примерно, как Рождество, воспринимаемое всем крещеным народом как волшебный детский праздник, которому умилялись, но, по существу, были этому Рождеству абсолютно чужими). Они жили без Спасителя и пригласить домой к тяжело больному священника для них означало не борьбу за жизнь, а подготовку (как положено) к удобоваримой, приличной смерти: ...«Не повредит!» Повредит! Использование Бога как болванчика тоже надежно умерщвляет душу.

Елена Васильевна, получив письмо из Польши, убеждается, что молитва ее исполнилась – спасая брата, она потеряла мужа, принесла свое счастье в жертву для покупки милости у Бога. Казалось бы, мистика в действии, но Булгаков как раз в этот момент подсказывает людям (неприятную правду о себе, но которую, если захотят, услышат), которые верят в Господа,

ожидающего от людей платы за помощь, что Турбина суеверна, то есть в вере своей глупа, слепа, труслива и лжива. Мужа у нее давно уже не было (и она не была ему жена), так что ей нечего было терять или отдавать. Евангельская самарянка (еретичка) во время суда совести над своей семьей была честнее, а потому оказалась намного ближе к жизни, чем православная христианка.

Дон Кихоту Воланд мог бы сказать: «О трижды романтический рыцарь!»

Все хоть краем уха слышали, что Христос был распят человеческим грехом. Это верно, но под этим грехом подразумевают человеческую злобу, жадность, подлость, трусость, лень, невежество, лицемерие и прочие нехорошие наклонности. Но в первую очередь смерть Сына Человеческого была вызвана богоборчеством в людях, прежде всего внутренней лукавой враждой, когда Он при помощи благочестивых вымыслов последовательно шаг за шагом изгоняется из души. Или, другими словами, Бог стал врагом людям, а это есть продолжение сатанинского дела. Иешуа же погиб от чего угодно, но только не от людского богоборчества.

Магазин для заезжих иностранцев, Торгсин, может быть, случайно или по зависти Михаила Афанасьевича попал в его книгу? Очень может быть. Только нам представляется, что магазин символизирует место, где торгуют душами (увеличивая свой долг перед жизнью...). Не даром же с заразительным энтузиазмом Коровьев кричал в нем (как будто из сна Босого), что у него нет валюты. Действительно, с давних пор он не грешит и каяться ему не надо (потому что по своей темной природе может поступать только разрушая, без возможности выбрать другое).

Еще раз обдумав все, выскажем свою уверенность в том, что в Михаиле Афанасьевиче есть прекрасное. Но есть и ужасное, поэтому он нуждается в милости, как нуждаемся и ждем ее мы.

Главы о ершалаимских событиях критики называют романом в романе, но, на самом деле, московские и ершалаимские истории неразделимы и взаимно влияют, определяют одна другую. Это и есть настоящая мистика, связывающая все воедино. Так, Иешуа порождает определенное отношение людей к тому, что было до него (с Иисусом Христом), и к тому, что происходит через много лет после того, в наше время. Мастер угадывает Иешуа, а тот, в свою очередь, устраивает судьбу мастера.

Вообще, мистика взаимоотношений (их мерой) человека с одним определяет его отношения (меру) со всеми; человек остается цельным в восприятии духа и, если органы тела еще могут работать вразнобой, то части души – нет. Если вы ранены обидой (например, на вселенскую несправедливость) – даже ваши благие дела в это время будут полны смертельного яда. Если, напротив, душа двинулась из области лжи к истине – все ее зло становится бессильным (только никто из христиан сейчас в это не верит и не чувствует, вкупе с их современными подвижниками и с их нынешними учителями).

Тонкий льстец, поэт и драматург Константин Симонов (обладатель семи сталинских премий), видимо, по-большевистски почуял наличие этого едва различимого движения к истинной жизни в романе Булгакова и старался вначале опубликовать часть из него – маленький исторический роман (уж очень, очень хорош!). Интуитивно – верный ход воинственного безбожника, который (может быть, с чьей-нибудь своевременной подсказки?) разрушал замысел всего романа и отпускал на волю гулять симпатичный, талантливый голый соблазн. И сегодня многим ценителям искусства инициатива прославленного мастера слова кажется весьма разумной.

Последние слова Воланда в прощальной беседе с Маргаритой звучат как исполнение обещанного в эпиграфе – везде кругом одно добро и впереди тоже добро, которое даже нельзя было выдумать, просто чистая прелесть. Между тем, «Азбука» говорит, что самым тяжелым состоянием для человека является состояние прелести, в котором несчастный погружен в иллюзорный мир и с ним, поэтому, никому нельзя ни встретиться, ни помочь ему, так как в том его мире нет нас. Там есть иллюзии, может быть, напоминающие нас, но не мы.

Ответы Маргариты сатане перед балом были прелесть как хороши – это кровь! То, что это кровь – тоже было лестью, так как не кровь, а дух нашептывал Маргарите необходимые слова.

Маргарита просит дьявола о своем будущем. «Азбука» говорит, что счастье или его залог (семя) должно быть для этого в настоящем. Будущая награда – приманка ложной веры, подменившей истинную.

Страдания умерших проистекают от разделенности их душ и тел. Маргарита, вдохновленная Воландом, не чувствует в себе этого страдания.

Ее призрак одинаково не чувствует как жизнь, так и свое несчастье, которое, как и счастье, наступает не в будущем, а таится или является сегодня.

Христос настаивал на том, чтобы его ученики, если Его присутствие будет казаться призрачным, сомнительным, прикасались к Нему, чтобы убедиться в реальности происходящего с ними. (Один ученик даже требовал от воскресшего Христа предоставить возможность ощупать Его раны.) А вот компания иностранцев, кто они – призраки или нет? Никому это не интересно. Никто не хочет узнать это и как следует пощупать иноземцев. Только косвенное свидетельство от пуль, не причинивших вреда гадкому коту. Оно удивило, но не заставило призадуматься.

Пока у людей в их душах не раскрылось полностью будущее царство, в них обязательно сохраняется вражеское ему. Поэтому совет Маргариты мастеру встречаться только с хорошими, милыми ему, теми, кто дорог – это совет, не без издевки, не видеться ни с кем. То есть не жить, забыться и видеть сны.

Две мистики на выбор. Первая, подневольная, в которой окружающее руководит внутренним. Вторая – в свободе, когда воссозданное внутреннее благоустраивает внешнее. Какая нам нравится больше?

Маргарита дочитывает понтийские главы мастера по экземплярам, полученным от демонов. Это ли не пророчество о будущих читателях и писателях?

Берлиоз с Бездомным предполагали, что служат добру, и были искренни в этом допущении. Пример того, как исполняется пророчество Христа о том, что Его гонители будут убеждены в своей исключительной праведности и доброте. Лицемерие слепцов в действии. Подобно им, большинство рыцарей-крестоносцев удивились бы, когда бы им сказали, что посланы они в Иерусалим не добывать славу Христу, а за добычей. Иногда, и даже очень часто, хозяева используют своих слуг втемную. Пусть не ведают, что творят, так всем спокойней.

Финал «Мастера и Маргариты» для главного героя, с бегством галопом на лошадях, повторяет окончание неудачных попыток Чацкого, Хлестакова, Чичикова (к ним примыкает неудавшееся бегство Фауста) поудобнее

обустроиться среди людей. Нет им приятного покоя среди заурядных противных соотечественников. (Опять старый вопрос: «может быть, уже пора менять население?»)

Чего начисто нет в Чацком, так это иронии, а это выдает в нем круглого дурака. Действительно, принять все безобразия общества на свой счет может только человек, утративший ум. Наличие даже малого ума помогло бы здраво отнестись к состоянию больного общества, а вместе с ним и к своим недугам. Шутливое, снисходительное отношение к результатам распада в человеке под воздействием тьмы уже лишает зло абсолютной власти над человеком и, несмотря на трагичное положение больных, легкая усмешка над успехами демонов не позволяет недугу стать главным господином, вершащим судьбы своих жертв. Мастер унаследовал от Чацкого глупую серьезность с отсутствием чувства юмора, которая многим может показаться трогательной. Спасибо, что его полюбовница тоже не склонна к шуткам и это смягчает в глазах наблюдателей его неполноценность*.

Пилат так и не попросит у Иешуа: «Прости». В эпилоге окончательный итог их отношений состоит в том, что зло остается непрощенным, оно прячется в тайну мрака, и теперь скрыто пребывает, в том числе, с Бездомным и Фридой. Иешуа, таким образом, обманывает гибнущих людей, он сберегает их прошлое зло на будущее. Хотел добра и приносит зло – эпитафия к скитаниям бродяги от Мефистофеля, но только вывернутый наоборот, чтобы слепым было побольнее. Его метод торжествует сегодня поголовно: люди доброй воли убеждены, что зла в их круге нет (оно есть только у террористов и авторитарных правителей с их камарильей), ничего плохого они не делали (а если и было, то рассосалось) и поэтому все в порядке в их королевстве.

Иешуа подло лукав, утверждая, что есть главное зло, которое подразумевает зло второстепенное (второй свежести). Истина говорит, что, человек, нарушив пустяковую заповедь добра, вызывает постепенное разрушение всего творения.

* Теперь представьте себе, сколько школьников поверило учительскому внушению и выбрало для себя критерием умного человека дурака Чацкого. Разве это не вредительство, достойное уголовного преследования? Разве разрушительную работу по формированию общества идиотов провела иностранная агентура? Нет, сначала свои уничтожают ум, честь и совесть в людях, а только потом приходят иностранцы. Так кто виноват?

Христос объяснял ученикам, что никто не отнимает у Него жизнь, а Он Сам ее отдает, у них было нежелание Его смерти, и ярости против виновников Его смерти они не имели (в основном потому, что понимали свою вину в ней). Левий Матвей гневается при умирании Иешуа, и это гнев хорошего человека против несправедливости несправедливых (на земле и выше).

Важно для «Азбуки»: первосвященник, во главе синедриона судивший Христа, разодрал на себе одежды. Воланд на своем бале тоже выставляет себя первосвященником, совершающим тайный обряд, и его разодранная одежда есть продолжение служения первосвященника, выводящего Христа на общественное осуждение и поругание.

Левий усиливает издевательскую просьбу книжников и фарисеев рядом с распятым Христом («Сойди со креста!») тем, что не просит Отца избавить сына от креста с сохранением жизни, а просит смерти Иешуа для упразднения креста. Левий злее лицемеров.

Если для кого-нибудь сочинение мастера покажется прекрасным, то он тем самым отменяет для себя Благою Весть. Либо одно, либо другое, иметь их вместе не получается.

То, что многие люди хотят узнать правду обо всем, это правда. Но эта усвоенная ими правда чаще всего является ложью, поскольку они не хотят знать правду о себе от своей совести. Только узнавая вначале себя, можно затем узнать мир. Так что, постоянно внушаемое Воландом всеведение им правды о грешниках, которым он может бесплатно делиться со всеми желающими, — лукаво, и совестливый человек будет воспринимать его как кощунство, в том числе из-за того, что клятвенная форма всегда лжива (честность не требует каких-либо убедительных интонаций), даже если это не громкая, а ласковая клятва.

В сцене отлета из Москвы говорится о подлинном облике демонов*, но только невежественный воинствующий безбожник может поверить, что описанная в романе рыцарская внешность чертей соответствует их действительной природе. Очередное переоблачение тьмы для одурачивания наивных романтических добряков. Не грубая ложь, а обаятельная

* Которые, по всей видимости, в этом облике без труда могут показать истинную любовь.

и привлекательная информация, понятная в своей доступной простоте хорошим людям и оттого убедительно-очевидная для них, подменит правду.

Когда добрые люди думают (искренне), что будут, если потребуется, защищать Христа, то в результате они, не ведая того, собираются защищать Иешуа. Во время суда первосвященников над Христом Петр сказал, что не знает Его. Сказал от страха, но невольно обнародовал правду о себе. Прежде он громогласно хотел защищать Его и даже умереть за Него, но это было следствием ложного представления Симона о Сыне Человеческом и о том, кем он сам был в действительности по отношению к Спасителю. Грешник не может защищать Христа, возмнив о себе, что в силах быть Его добрым другом и покровителем. Это Христос защищает Своего врага от смерти, которая наступила в результате его отречения от Жизни (от Него). Эта правда про себя была осознана Петром только после того, как он, трижды предавший своего учителя, принял прощение непосредственно от Воскресшего Христа.

То, что Иешуа не Христос, Берлиоз знал, но также, как Петр в свое время, испугался стоять в правде и замолчал, так, спустя два тысячелетия, смолк учитель поэта Бездомного перед авторитетом князя тьмы.

Ниточку жизни подвязывает у грешников тот, кто может их прощать. Обрываем ее мы сами.

Человек побеждает силы зла борьбой внутри себя – тогда зло исчезает. Борьба с внешним злом оставляет борцов с ним в их родном зле, слегка выросшем и окрепшем.

Если в книге (как и в человеке) есть место только злу, то она (как и человек) не жизнеспособна и со временем вымрет. Это правило справедливо и для романа Булгакова.

Добрые читатели по доброте души снисходительно относятся к мести Маргариты обидчикам романа мастера о Пилате и Иешуа. Ее обида на них – это простое заражение злом от контакта с обидчиком (он делится им со всеми встречаемыми, как делится болезнями). Понять обидевшегося человека можно (мы все с удовольствием обижаемся, разница только в величине спускового механизма – кто от мелочи, кто от великого зла), но оправдывать

его состояние нельзя. Обида основана на искренней вере в зло и, в том числе, в возможность достижения справедливости при помощи зла. Поэтому настоящие писатели никогда не подчиняют свое перо обиде. (В частности, убеждать всех, что Булгаков выписывал свои персонажи под действием личной неприязни к современникам – клевета, а опровергнуть ее можно, наблюдая за обиженными – они не способны написать ничего, кроме дряни.)

Пример сатанинской двухъярусной лжи: написанное мастером Ариман назвал апологией Христа. Очень ловкая подмена для простаков, благодаря которой Иешуа будет внедряться в них под видом Иисуса. (Между прочим, мастер был не доволен этой статьей, хотя его возводили в равноапостольский чин – его коробило оттого, что ему приписывают связь с Иисусом.)

Можно ли Николая Васильевича Гоголя, лишив имени, назвать мастером и так обращаться к нему в своих мыслях? Булгаков мог так называть его? Можно вместо Гете или Достоевский поставить – мастер? А вместо самого Михаила Афанасьевича? Хотел ли, мечтал ли он сам утратить имя, оставшись мастером? Вряд ли у грешных читателей будут разные варианты для ответа. В результате Михаил Афанасьевич – с именем, он жив, и к нему можно напрямую обратиться по этому имени.

Почему эгоизм, будучи внутренним предательством, всякий раз не бросается в глаза своему хозяину при очередной подлой измене? Потому что он – состояние постоянного, непрерывного предательства всех и всегда, а потому и незаметен, как старая добрая привычка.

«Азбука» говорит о том, что добродетели могут перерождаться в свои противоположности, если ошибаются в выборе своей цели (своего сокровища). Например, смирение может быть по отношению к жизни, а может – по отношению к смерти. Тогда рождаются соответствующие поговорки: «от судьбы не уйдешь», «судьба индейка, а жизнь копейка», «кому суждено быть повешенным, тот не утонет». У смиренного перед жизнью будет бунт против смерти, но бунт не с глубиной на публике, а во внутреннем возмущении против расхищения или растления жизни. При умирании тела христианин не бунтует против естественных процессов природы, но остается несогласным на распад взаимности, дружбы, благодаря чему сохраняет отношения, и своим желанием остается вместе с другими, а значит, он – жив и они – живы.

Древнейшая форма имени спаситель – Иегошуа. Булгаков для своего героя выбирает не исконное написание, а принятое после вавилонского плена, искаженное, покалеченное временем – Иешуа.

Берлиоз вслух сравнил Иешуа с Христом, и это прозвучало совершенно естественно от человека, хотя и не верующего, но культурного. Бездомный, мастер, Маргарита таких сравнений не допускают ни разу – для них нет Христа. Сравнить эти две позиции в отношении посланника Бога, вжившись в них, предлагаем самим читателям. Что из этого вытекает?

В чем ложь булгаковской сказки? В ней на первом плане нет добра, одно действующее зло. Намек же этой сказки в том, что на ее втором плане добро все-таки есть, но маленькое, едва заметное. Но не ложное, иначе бы все и всё в романе пропали и исчезли бы. Тайный, невидимый в сказке и в жизни XX века покров Неба продолжает сберегать это малое добро и им живут и могут спастись все многочисленные посетители земли.

Пример принципиального различия законов царства кесаря и Царства Небесного: государство платит за услуги своим гражданам, но самый большой доход в нем от того, что незаконно: от наркотиков, проституции, войны (торговли оружием). Жителям Царства Небесного денег не платят вовсе, например, не дают мзду за терпение клеветы, за верность сердца, за желание отдать свою душу за другого.

Чем глубже спрятано служение, тем выше радость от него, за невидимую службу – невидимая награда. Попытка получить гонорар за дружбу в земной валюте немедленно меняет у купца гражданство небесное на земное.

Примером того, как тьма узнает ближайшие поступки людей, может служить беседа Коровьева с Маргаритой, в которой черт сообщает на ухо черной королеве технологию соблазна грешников (и ждет применения этой науки от нее). Подобным образом Азazelло внушает своему очередному подопечному, как, убив, можно убрать помеху и тем самым удобно решить проблему. Разве при такой постановке дела сложно узнавать будущее?

Одной из причин появления ложных символов стало повсеместное опустошение, выхолащивание внутренней правды подлинных символов

(раньше в христианстве символ был не знаком, не напоминанием чего-то, а малым семенем, в котором действовала живая сила упоминаемого события). Так, Пасха Христова и Крест Христов были победной силой не только в прошлом, но действуют и сегодня, если человек впускает Их в свою жизнь. Однако ныне никто сердцем серьезно не принимает как доступную реальность личные отношения с сыном Человеческим и, как следствие, если люди улавливают эти устаревшие, мертвые понятия на слух или сами выговаривают их языком, то эти живые слова остаются пустым звуком.

Итак, сначала подлинность оказалась вытеснена праздной благочестивой болтовней. Теперь, в результате такой подмены, громкое и публичное – обязательно фальшивка. Настоящее – тихое, тайное, невидимое для очей тела остается доступным лишь только для наших омертвевших, подслеповатых очей веры, которые, к тому же, мы плотно закрыли. Однако возможность созерцать этот тихий свет сохраняется (если мы вернем себе детскую доверчивую непосредственность). Верните в свою личную жизнь Спасителя, и Христос в романе Булгакова для вас (едва различимый в обыденной суете) может стать очевидным главным действующим лицом.

Наивная вера младоатеистов в то, что научно обоснованное небытие Христа решит проблему христианства, не может претендовать на звание окончательной победы над пережитками темных веков человечества. Дела и слова «не бывшего» все равно продолжают нести в себе такую силу бытия, что и сегодня возрождают к жизни погибших, как и прежде оживляя даже камни. На смену искреннему, но примитивному воинствующему безбожию, сделавшему черновую работу в душах детей научного прогресса, хозяин мира сего призывает к себе на службу главного врага истины – подделку (а в это время по заведенному у него порядку безжалостно глумится над отработанным материалом из своих бывших). Высококачественная фальшивка, имитирующая подлинник – она его конечная цель, его упование в деле глобального мирового господства. Заменитель жизни – заметит ли его чья-либо совесть в добрых людях сегодня и завтра, или уже пришло время тьме вскрыть свой прикуп перед всеми играющими в жизнь игроками (что бы сделать им, опять-таки, побольнее)? В этом дельце князя мира сего тоже имеется претензия на подобие делам Сына Божия. Тот отменил старую заповедь и даровал Новую, окончательную, а этот постепенно отменяет старую уловку и смиренно втирает новую, окончательную, последнюю свою уловку, заглотив которую человечество всей душой, всей своей

крепостью, всей своей искренностью полюбит добрую ложь. Смешно, что эту ложь перед обманутыми будет разоблачать сам сатана!

Человек знает правду, но врет. Человек искренне верит в ложь и поэтому истово распространяет ее как единственную правду. Это один и тот же человек? Эти случаи одинаковы по силе лжи и по ее последствиям? Хлестаковщина захватила себе на потеху все общество, снизу доверху, от детей до стариков, только этого никто не видит и не понимает, точно также, как (по свидетельству Гоголя) никто не понимал его театрального Хлестакова, когда тот еще был в диковинку. Не потому ли в конце «Мастера и Маргариты» не хватает ревизора? Люди в своей непроходимой самоуверенной беспечности в результате поголовной смерти совести уже почти готовы к тому, что «внезапно Судия придет и коегождо деяния обнажатся», поскольку некому услышать: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно», как вам кажется?

Гретхен и Маргариту можно было погубить или сделать им больно. Мифическую Елену и бестелесную Маргариту погубить нельзя, так же как нельзя сделать им больно, подобно им и лицемер: ему нельзя сделать больно, поскольку его начинка мифична, вслед за его мировоззрением. Мертвеца нельзя убить. Поэтому жив только тот, кто способен страдать – доверчивый к другим, а потому беззащитный от зла, таящегося в людях. Когда-то верующий народ ждал воплощения Бога и праздновал это событие как спасительное для человека и человечества, потому что помнил необходимость снисхождения к нам посланника небес, способного возродить в первозданности и наши (зараженные смертью) тела (так как душа без тела и тело без души – страдательные состояния для любого человека). Постепенно произошло перерождение сокровенных чаяний, верований христианского народа, и он стал ожидать чисто духовного блаженного состояния без участия тела в нем (или преображенного тела). Возникла тайная неосознанная вера в развоплощение, вернее, в то, что оно способно принести счастье. Если такое настроение (устроение веры) охватит все православное общество (без исключений) – это будет приговором целой цивилизации и ее неизбежным концом.

Маленькая деталь в личности или в откровении Христа, измененная или отброшенная, создает ложное Лицо и ложные отношения между Ним и

людьми. Одним из смыслов пророчества о камне, отвергнутом строителями (который становится во главу угла) – это нарушение целостности сооружения при отвержении его части, которая приведет к самообману, к незаметной подмене всего сооружения на негодное. А если поменять в стене все: и раствор, и камни, и план? Евангелист Иоанн просит нас спросить самих себя: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос (что Спаситель есть Сын Божий)? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына». Булгаковских Иешуа и мастера христианин может смело назвать местечковыми антихристами 30-х годов.

За добрых людей Спасителю не нужно умирать. Они сами умирают за Него и за добро.

Солнечный свет в начале романа начинает отражаться в окнах, а потом этот спецэффект продолжается в отражении от луны. В начале романа предлагается научная ложь о Сыне Человеческом, свое продолжение и развитие она получает в мистической лжи о Нем. Разный масштаб отражения нуждается в разных художественных образах, соответствующих им.

«Мастера и Маргариту» можно воспринимать как оперу, вернее, как одну единственную арию из оперы «Фауст» – «Сатана там правит бал». Эта тема раскрывается детально в декорациях молодого советского государства, по сценарию капустника, на котором при чествовании актера-юбилера тот сначала, вместе со всеми из зала, смотрит посвященные ему номера собратьев-сподвижников, а под конец представления и сам выбирается на сцену. Сей незамысловатый сценарий торжества дословно реализован в романе Булгакова по отношению к сатане. Сначала он со всеми, как один из многих, следит за праздничным капустником, а под конец, в кульминационный момент, открыто, собственной персоной возглавляет бал. Добавим, что металл в арии Мефистофеля можно воспринимать не буквально – как золото, а прообразно – как проеденные таланты или грехи (валюту). За них и гибнут безумцы с яростным удовольствием.

Врата ада – дверь, за которой грешники находятся в зоне недосягаемости для жизни. Небесная жизнь победила грех, и нет ни одного злого поступка, который устоял бы перед воскрешающей кротостью Спасителя. Прощено Богом может быть все, вернее уже все прощено, поэтому врата ада не могут одолеть Церкви, которая живет милостью и несет ее всем

желающим. Нельзя тьме похитить для своего царства из жизни погибавших, но воскресших, вкусивших всепрощающую милость. Но эту милость можно спрятать (например, сделав вид, что ее не было) от нуждающихся, чего и добивается мастер с помощью Маргариты, продвигая свой роман в читающий народ.

Булгаков (вместе с Вересаевым) хотел написать пьесу о Пушкине, но так, чтобы Пушкин явно не присутствовал в ней (чего не смог перенести любящий конкретику Вересаев). Учитывая это, нас не должно удивлять то, что Михаил Афанасьевич захотел написать роман о Христе без Его явного присутствия. К этому считаю уместным присоединить личные воспоминания из своего детства.

В доме моих родителей (З. У. Иксplikатина – *прим. ред.*) было много книг, о которых не упоминали в школе и в средствах массовой информации. Особое наслаждение доставляло перелистывание книг незнакомых авторов с незнакомыми названиями. Некоторые (большинство) не возогревали любознательность, не вызывая никакого интереса, но отдельные книги, как раз наоборот, возбуждали любопытство и затем захватывали все внимание и доступные чувства. Признаюсь, что в моей жизни было не так уж много событий, сравнимых по силе воздействия с нечаянно найденной книгой, о существовании которой ты не подозревал. Представляется, что неожиданность вкупе с непредсказуемостью будит спящие силы души и ума, которые могут быть реализованы только в условиях полной свободы (без свободы они будут продолжать спать). Из всех открытий, сделанных мною тогда, для нашей статьи одно имеет особое значение. В домашней библиотеке не было не только Евангелия, но и хотя бы одной книги с симпатией ко Христу. Зато были сочинения воинствующих безбожников, которые подвергались мною скрупулезному изучению, поскольку тема религии в семье не только не обсуждалась, но никогда и не упоминалась. «Забавная библия», «Библия для верующих и неверующих», «Галерея святых...» в авторстве Гольбаха, Ярославского, Таксиля по задумке разоблачителей всяческого мракобесия должны были привить читателям отвращение к первоисточнику мракобесия. Однако мои чувства не испытали ничего гадкого в отношении абсолютно неизвестной Библии и людей, уважавших ее. Напротив, при чтении упомянутых книжиц я отчетливо (до сих пор не понимаю почему) понял, что все они нагло врут. Врут хором и поодиночке, и эта неожиданная прививка от правдоподобной лжи к совершенно неизвестному предмету сохранила для меня на весьма отдаленное будущее возможность с непомятым сознанием встретиться с подлинником (и, заодно, научила во всех обстоятельствах проверять новые явления на присутствие в них клеветнического духа).

Можно предположить, что Булгаков ожидал от своего Иешуа подобного «прививочного» эффекта для своих читателей, намеренно стимулируя в сознании человека отвращение к общечеловеческому безликому добру – дешевой фальшивке, подброшенной коллективом залетных гастролеров, со свистом колесящих без остановки по эпохам и цивилизациям.

Тайная жена – это продолжение линии абсурда в несочетаемых сочетаниях, таких как круглый квадрат, скупой рыцарь, доброе зло и одновременно указание на усиление общественной тенденции к самообману, с проповедью распушенности под смягчающим названием гражданский брак.

При гарантии безопасности от собеседника и при наличии у того желания к дружескому общению, каждый человек мог бы открыть перед ним свою личную истинную веру. То, что для него было бы хорошо, в такой беседе можно назвать добром, а то, что плохо – злом. При условии всеобщей заинтересованности и честности, мы могли бы сравнить свою веру с верой других людей, и тогда оказалось бы, что наше сокровенное добро и зло не совпадают с их добром и их злом. Думаем, что эту трагическую правду и без всяких фантастических глобальных экспериментов знают все и каждый. То, что хорошо одному (не обязательно русскому), будет либо пустышкой, либо мукой другому (не обязательно немцу). В этом (как мы убеждены, реальном!!) случае говорить об общих ценностях будет просто невозможно, а попытки все-таки выявить их станут сущим издевательством над подопытными (в царстве кесаря все не так). Добро и зло (а уж что еще может быть более общечеловеческим??) в земных людях оказываются несовпадающими. Но и это еще не все, что служит нашему полному одиночеству. При более внимательном рассмотрении у нас не совпадут даже смысловые значения наших главных слов, которыми мы описываем не только невидимое, но и видимое, вполне осязаемое. В этих условиях для всех независимых заинтересованных лиц будет очевидным, что борьба в мире идет не между общечеловеческим добром и общечеловеческим злом, а добро каждого индивидуума бьется насмерть с добром всех остальных субъектов, а зло стоит в стороне и посмеивается над этой битвой мнимых доброхотов. В границах земного братства эта битва между левыми и правыми, восточными и западными, свобододолюбцами и угнетателями, мыслителями и практиками в любом человеческом обществе давно представляется неотъемлемой принадлежностью каждого человека доброй воли, чем, собственно, он горд и утешен. Плохие, по мысли добряков,

конечно, должны умереть, поэтому оставшимся из них в живых предлагают либо перековку в хорошие, либо изоляцию в местах не столь отдаленных. Однако (как это не обидно лучшим людям) трагическая смерть настигает поголовно и хороших, и плохих. Но, если это так, и смерть, по видимости, торжествует везде, если все люди без исключения (в том числе и христиане) реально видят повсюду присутствие смерти (наступившей или наступающей), то уместен вопрос: есть ли хоть один свидетель среди них, реально встретивший Христа, пусть даже в каком-нибудь отдельно стоящем особо благодатном месте? Можно ли знать Спасителя, узреть Его победу над смертью и вместе с этим продолжать видеть смерть, знать ее неизбежность, бояться ее? Люди знают только свое добро и зло и поэтому знают смерть, но они не знают добро Сына Человеческого, добро другого и поэтому не знают жизнь, точно так, как не знают ее (даже не догадываются о ней) христиане из булгаковского романа.

Делать добро (в том числе и танцевать добро) – удел добрых людей, которые из сокровищницы своего доброго сердца выносят для окружающих благие сокровища. Христиане – это люди, осознавшие свое зло, поэтому они в первую очередь просят для себя милости, снисхождения, прощения и спасения сначала у Того, Кто благ, а потом у всех, кого обидели и самолюбиво продали за серебряники удовольствий, то есть, другими словами, стараются возвращать друзьям награбленную у них валюту*. Они благодарно склоняются перед Сыном Божиим в минуту своего возрождения, поэтому некоторые уважающие себя люди могут посчитать унижительным их раболепство перед Всесильным, правда при этом они не способны заметить, что Бог взаимно (вместе со своими поклонниками) Сам склоняется перед грешниками, омывая каждому из них ноги от грязи их дел. Это – взаимное преклонение в служении друг другу, а не самоуничтожение слабых, которое хуже превозношения. Сатане тоже хочется иметь поклонников и считаться в этой лояльной ему среде всесильным, чего с успехом добивается благодаря тому, что неумолимая смерть тела настигает всех. Но это – полуправда. Сатана может убивать всех поклонившихся ему, но он сам зависим от тех, кто поклонился Богу и не только не имеет власти над ними, но может быть растоптан теми, кто вступил в дружбу с Христом, в жизнь, которая есть вольное умирание за других.

* Вместе с этим они пытаются больше не накапливать долги в иностранных денежных единицах, хотя это плохо получается у них.

Еще раз о смыслах имен. Для нас зло, смерть, тьма – суть имена одного и того же духа. Духа разделяющего, разъединяющего, низводящего взаимность в одиночество, единое в многочастное. То есть для нас между словом «зло» и словом «смерть» нет никакой разницы. Явление же блага, жизни, света мы воспринимаем как личное явление Того, кто носит эти имена, Того, кто избыточествует названным в именах и делится им со всеми желающими, одаривая вечной взаимностью во Благе, Жизни, Свете.

Роман о Пилате начинается с клятвы Иешуа Иегемону и оканчивается клятвой духа Иешуа духу Иегемона. Налицо подобие, есть и прогресс.

Деньги стали ненавистны ученику Иешуа. Иисус не требовал этого от своих учеников. Он учил не прилагать к богатству своего сердца, но, если возможно, собирать и умножать его для того, чтобы делиться им. В отрицании блага в том, что сотворено Богом – греховная крайность, по видимости, противоположная идолопоклонству, но, по сути, равная ему.

Мы отмечали, что отсутствие тела и крови у Воланда вызывает у него некоторые затруднения в подражании своему врагу, поэтому совпадения между делами шайки сатаны и евангельскими событиями, на первый взгляд, не совсем очевидны, и кое-кто может посчитать эти параллели натянутыми или искусственными. Очень может быть, но все-таки приведем примеры игры тени в копировании дел света.

Мы уже отметили большое сходство черной мессы Воланда с главным христианским таинством, включая кульминационную пародию мессира с испитием крови. Но бал был лишь частью «тайной вечери» сатаны в городе Москве, а как же обстоит дело с испитием крови во время сеанса в Варьете, ведь без него представление не очень похоже на качественную подделку. Здесь предложим такую версию: на сцене театра уже во время раздачи одежды для новой, счастливой жизни не только присутствовала, но активно прислуживала Гелла. Она – полноценный участник мероприятия в Варьете, и она же только что выпила кровь у администратора Варьете Варенухи. Чем не пародия? Ну а то, что испитие было в туалете, в весьма интимной обстановке, без свидетелей, лишь подтверждает общую тенденцию в манипуляциях Воланда, который свои секреты демонстрирует не для всех, а только для им избранных.

Кстати, хотя Воланд общественные мероприятия проводит с оттенком кулуарности, но вселенскость при этом он тоже ухитряется изображать.

Так на бале сатаны к секретам мессира допущены только особо приближенные к нему, но одновременно налицо и полнота массовки в представительстве субъектов из всех групп и сословий человеческого общества. Тут и главный господин тьмы, тут и ангелы, и представитель современного человечества – Маргарита Николаевна, и представители усопшей его части из богатых и бедных, из царей и убогих. Разве это недостаточно качественная, выверенная пародия на вселенскую полноту христианских служб?

Еще одна маленькая деталька (может, тоже случайность?), придающая эффект узнаваемости осовремененной театральной постановке гефсиманских событий в режиссуре Воланда, связана с поцелуями. Целование Учителя Иудой в ночь Тайной Вечери созвучно с просьбой Геллы, которая перед испитием крови у Варенухи не забыла у него попросить разрешения его поцеловать. На наш взгляд, это не только остроумно, но даже смешно.

В ту меру, насколько фальшив Га-Ноцри (образец темного добра), фальшиво и прощение, которое Воланд предложил Коровьеву при бегстве из Москвы. Рыцарь, как бы он не старался, не мог отработать своего греха – это чистая ложь, так как никакая работа, включая поклоны и посты, не способна принести такой доход, чтобы можно было купить прощение. Точно так же, с дьявольским лукавством, прощен Пилат, который, получив его, немедленно проваливается в бездну. Прощение – отпущение в вечный покой Маргариты с ее мастером тоже сопровождается погружением парочки в бездну беспамятства, в противоположность прощению Христа, возвращающему человеку все утраченные возможности для жизни во взаимности со всеми.

Коровьеву нравится передразнивать своих московских собеседников. Так он представляется Берлиозу (бывшему христианину) бывшим регентом. Регент управляет церковным хором, Берлиоз – хором писателей (точнее, прежде управлял).

Мастер появляется в жизни Ивана Бездомного сразу после внутреннего согласия поэта с доводами Воланда (при раздвоении). Сначала примирение с хозяином – потом дружба с его подручными, это тоже перепевка слов Христа о том, что принимающий Его примет и Его учеников.

Мимолетные реплики способные напомнить смешливым читателям романа о христианском покаянии: слова Пелагии Антоновны Босому при его

аресте за сокрытие валюты: «Покайся, Иваныч!», а так же фраза из сна Босого: «Не ругайте его, – мягко сказал конферансье, – он раскается».

Булгаков при первой возможности показывает, как подлинное (жизнь) из евангельских событий вырождается с нашей помощью в пошлость, в примитив. Христос созывал на Тайную Вечерю 12 помощников, а в ту же ночь в Москве новые 12 помощников сами ждут свою главу, тот умирает (в подражание Тому, Кого отрицал) и эти 12 спокойно идут кушать на свою веселую вечерю. Веселая аналогия, хотя и с душком.

Пророчество о судьбе Иерусалима у Булгакова произносит Пилат, а не Иешуа (в Евангелии пророчествует Иисус). Дар пророчества передан писателем государственному чиновнику для утверждения очередного свидетельства о никчемности ершалаимского бродяги. Он достоин сравнения не с Христом, а с трусливым Игемоном, и то не в свою пользу.

В судьбе мастера показан духовный путь умирания точно таким, как его знает христианство: праздность (жизнь ради себя); обида; отчаяние; душевная двойственность с переменчивым нравом; дурной покой в пустоте.

Люди верили и продолжают свято верить в то, что ключи от счастья находятся у тьмы (поэтому они страстно желают наказания людям, с помощью обмана и насилия добившимся благополучия), но из осторожности предпочитают помалкивать о своей вере. Маргарита Николаевна честнее и решительнее серого большинства, она не только сердцем верила в то, что сатана может осчастливить ее, но и открыто, без устали громко исповедовала свою веру.

На голове у Христа при распятии был терновый венец, у Иешуа – чалма (откуда?). Вам и тут не смешно?

У Булгакова мистическая параллель между Москвой и Ершалаимом выстраивается, в том числе, и в схожих обстоятельствах трагедии, постигшей их главных героев. Маргарита опаздывает на помощь своему мастеру, а Левий опаздывает со своей помощью к Иешуа.

Обращение Иешуа к людям – «добрый человек» – безличное. Христос для знакомства обращался к каждому только лично, только по имени. Какое обращение к себе предпочли бы вы?

В христианской вере поступок по букве, по «Азбуке» (то есть по правилам), считается безжизненным, мертвым*. Но если написанное в «Азбуке» мы сможем вынести или высказать лично из своей глубины, то «Азбука» оживет, перестанет быть буквой и станет реальной взаимностью с другим.

Иешуа старается снять ответственность с грешников за грех. Христос никогда не только не снимал ответственность за содеянное с грешника, но и никогда не смягчал его вину, правда, при этом Он всегда предлагал полное прощение любому злодею.

Пилат Ершалаимский утверждает виновность Иешуа, Пилат Иерусалимский категорически отвергает виновность Иисуса Христа: «Никакой вины не нахожу в Нем».

Иешуа говорит Пилату, что самый большой грех – трусость. Иисус Христос свидетельствует перед Пилатом, что более греха на том, кто предал Меня тебе. Посторонний не может принести зла больше, чем свой, чужой не может предать, так как ему нечего и некого предавать.

Мы говорили, что у демонов, кроме зла, есть свое добро и своя правда. Для совершения демонического добра необходимо жертвовать чем-то хорошим, так что, улучшив нечто в одном месте, мы ухудшаем что-то в другом. Подлинное добро утверждает благо не только там, где оно действует непосредственно, но и везде по всей вселенной. От небесного добра не бывает ущерба никому. Еще одно интересное качество ложного добра, в соответствии со словами Иешуа, – его делать легко и приятно. Подлинное добро невозможно для нас, оно возможно только для человека в единстве со Спасителем. (Собственно, подлинное единство и порождает добро, творит его естественно, как бы само собой.)

Во времена Булгакова в читающей среде все были знакомы с трудами иудейского историка Иосифа Флавия. В его сочинениях имя человека всегда сопровождалось именем его отца, так что знание родителя это не только евангельская традиция – это общая традиция среди иудеев того времени, поэтому отсутствие отчества у Иешуа есть признак его позорного происхождения. (Как мы предполагаем в романе, отец его – дьявол.)

* Мы ни в коем случае не против букв и азбуки.

«Азбука» говорит, что если мы в памяти у Бога, то мы живы. Принимая с радостью волю своего Отца, всякий живой человек тоже стремится всех близких иметь в памяти сердца. У мастера нет никого в памяти – он духовный мертвец.

Иосиф Флавий говорил с восхищением о завесе в Иерусалимском храме. На ней было изображено небо со звездами. Это один из библейских мистических символов присутствия человеческих душ (звезд) в царстве Бога (Небесном Царстве). Современные христиане, по-видимому, утратили эти смыслы в системе своей веры и не допускают возможности личных отношений с небесным Царем.

Задолго до Булгакова Григорий Богослов свидетельствовал об эпохе христианства, в которой он жил, как о той, в «которой творится новое иудейство и новое язычество». Не верили ему, не поверят и Булгакову.

Для дальнейшего разъяснения нашей позиции по поводу связи личности писателя со смыслами его произведений мы воспользуемся (да не обидятся на нас писатели) названиями некоторых известных произведений и фамилиями столь же известных авторов. Сначала попробуйте расширить допустимую свободу полетов вашего воображения. Теперь предположим, что «Ревизора» написал М. Булгаков или Е. Шварц. Смысл пьесы останется прежним. В случае, если «Ревизора» слово в слово напишут М. Горький, Л. Толстой или И. Бунин, пьесу нужно будет понимать совершенно иначе, т. к. стрелка прибора, указывающая на зло, повернется на сто восемьдесят градусов. Необходимо при этом заявить со всей определенностью, что нам никакой свободы в полетах фантазии не хватит этими тремя знаменитыми именами подписать «Фауста». «Фауст» же в авторстве Ф. Достоевского возможен, и смысл его от такой перемены не пострадает. Переходя к современности, дерзнем предположить, что «Мертвые души» могли без особого труда написать Л. Улицкая и Д. Быков, но суть поэмы от этого переменялась бы на все сто, при этом совершенно невозможно (при всем огромном горячем желании) назначить их авторами «Бесов». Б. Акунин, при условии экономной траты своих талантов, мог бы стать автором «Горя от ума», но после этого главный герой пьесы стал бы таким же умным, как и ее драматург. В минуты умиления, когда у человека невольно смягчается сердце, Д. Быков, Л. Улицкая, Б. Акунин могли бы сотворить «Историю одного города» и вымыслить сказку «Богатырь», но их объяснения смысла своих опусов были бы в оппозиции к тому, что в них вложил Салтыков-Щедрин. Но даже при приложении сверх усилий, «Мастер и Маргарита» у них никак не получился бы. С другой стороны, вся эта талантливая троица вполне осилила бы написание всех

произведений Л. Толстого и И. Бунина или, на худой конец, «Доктора Живаго» с сохранением всего внутреннего содержимого, какое только доступно для мысленного ока человека. Согласитесь, что в будущем хотелось бы иметь произведения более независимые от своих производителей. Добавим еще, что в глубине души у нас теплится надежда, что мы смогли угодить всем упоминаемым лицам (без шуток). А если не так, то какие отыскать слова, чтобы все-таки сделать им приятное?

Еще кое-что о тенях и свете. На иконах не бывает теней, только свет, который не порождает тьму.

План полезен для царства кесаря, но в личных отношениях он лишает друзей свободы. Воланд предложил ловушку для Берлиоза, подменив в своей задаче одно царство другим, и человек с плановым мышлением в нее попался. Дух (света) дышит, где хочет, он никогда не приходит и не действует по плану.

По отношению к Христу Иешуа является лунным светом. Те, кто привык к тьме, могут по ошибке обрадоваться и ему.

Не брезгует клятвами Иешуа, поэтому можно быть уверенными в том, что воспитанник мастера – Иванушка, торжественно восклицающий: «Обещаю и клянусь!», действует под воздействием его духа.

Как Босой налево и направо швыряется именем Пушкина, не зная и не читая его, точно так Босой в том же духе швыряется именем Бога. Как бы невзначай Булгаков в своем романе показывает действие христианского закона подобия наших отношений к Богу и к человеку.

О нравах советских христиан: в Великую пятницу буфетчик Соков ест мясо со шпаги таинственных визитеров. Пародия контрастов на особенный, строжайший пост православных в этот день. (Не смешно?)

Явление Коровьева перед советскими гражданами чаще всего является всего лишь предтечей их официальной встречи с тьмой, на которой они будут определяться к ней в друзья (или враги). А вот Абадонна преждевременно не появляется ни перед кем, только после полного подчинения жертвы тьме. Его визит – как фиксация, как знак качества уже свершившейся сделки одурманенного эгоиста со смертью.

Понтий Пилат угадал мечту современного поколения хороших людей, которые не хотели бы знать свои преступления и просить прощения за них, а желали бы великодушного лжесвидетельства своих жертв о том, что их преступлений вовсе не было.

Мечтой современных добрых людей является достижение завершенности (высшей точки) в своих отношениях с такими же, как они, добрыми людьми. Но отношения живы, пока они меняются, поэтому эта мечта – подсознательное желание смерти с отрицанием чуда вечного обновления, вечного удивления новизной ближнего и взаимности с ним, вечного предчувствия лучшего, находящего свое оправдание в постоянном исполнении чаемого.

Воланд завидует Христу, которого не поняли иудеи, сомневавшиеся в том, что Он видел Своими глазами Авраама, хотя Ему нет и пятидесяти лет, поэтому повторяет эту ситуацию в новых декорациях со своими атеистами-служителями, сообщая им, что лично видел Пилата, хотя на вид ему около сорока.

Христиане следовали словам Христа: «...возьмите иго Мое на себя... и найдете покой душам вашим...». Всем предателям эта заповедь предлагает покой как единство с Тем, Кто прощает предательство. Покой у Маргариты с мастером – это отсутствие ига, как некое волшебное освобождение от него (и от Христа, и от Иешуа, и от памяти о них), при сохранении теплых воспоминаний о грехе.

Христос – не персонаж романа, Он – реальное лицо, от встречи с Которым и от пребывания с Которым нельзя уйти (так же, как нельзя будет избежать встречи со всеми людьми) – и это станет мукой для эгоистов. Иешуа – персонаж из сочиненного мастером романа, и автор, угадавший его, вместе со всеми людьми расстанется с ним, как с призраком, и будет пребывать отдельно от него, в забвении своих призрачных встреч.

Можно ли считать еще одним случайным совпадением то, что уже умирающий Булгаков осенял крестным знаменем своих близких, совсем как та самая одинокая рука из его романа, желавшая уберечь в людях жизнь от глумления тьмы?

Еще кое-что о приказе мастера своему ученику не писать стихи. «Азбука» говорит не только о недопустимости зарывать таланты, но и о том, что простой запрет всегда приводит к худшему положению дел. Отмените пьяницам водку – будут нюхать керосин. Может быть, жизнь складывается у человека нехорошо, но преодоление этого плохого и оставление его возможно только после того, как он найдет новое сокровище, которое принесет больше радости, чем грех. Невозможно пустотой вытеснить зло или насильственным добром отвлечь человека от зла. Принудительное добро уже само по себе является злом (мы, как всегда, не имеем в виду царство кесаря). Не может быть нечто хорошее истинно хорошим, если оно лишает человека свободы, оно будет ненавидимо (пусть и втайне от себя). Причины служения злу заключаются в привлекательности зла, в самозабвенной любви к нему (неважно, что в этом не сознаются, это относится к причинам совершения зла, и к способу его хранения и сбережения при помощи лукавства и лицемерия). Только полюбив другое, более ценное, можно разлюбить зло – вот путь христианства (первой свежести), путь жизни. Эта перемена сердца и ума в человеке и есть подлинное покаяние, которое ему помогает обрести свободный от зла здоровый друг, врач взаимности. Окончательная победа над грехом приходит, когда он становится неприятен, невозможен. Когда смерть во всех ее проявлениях становится отвратительной, а всяческая жизнь приятной и желанной, когда ты становишься счастливым от блаженства другого, а не своего, тогда – жизнь.

Роман Булгакова мистичен тем, что его символы оживают в нашей жизни, как бы сбываются, хотя вернее было бы сказать, что они всегда были живыми, нужно только приглядеться. Например, лукавство в раскаянии Пилата, когда он хочет отменить последствия греха, а не сам грех, для того чтобы избежать мук за него, было свойственно верующим во все времена. Лукавая совесть обязательно хочет избежать встречи с тем, кого обидел, и со своим грехом, потому что боится своей неправды. Трусость, страх перед правдой сохраняет грех. Чаще всего грешники мучаются от гнусности того, что натворили, от обилия горя, которое принесли, но горя от разрыва отношений с другим (который стал чужим) не чувствуют, то есть острее переживают последствия, принесенные злом, а не утрату добра. То, что должно быть вторичным (обстоятельства), вытесняет главное: потерю истинного сокровища – жизни в единстве. Булгаков хорошо знал из мистики то, что дух, воспринятый человеком, порождает подобие во всех делах,

совершенных в этом духе. Конечно, мастер дышит одним духом с Маргаритой, поэтому изображенное в его сочинении покаяние совпадает по своей природе с милосердием, которое предлагает Маргарита ищущим прощения. Ее лукавое милосердие тоже нацелено на исправление последствий предательства (перестают подавать платок), а не на устранение самого гнусного поступка. Не только черная королева, но и читатели не чувствуют, что главное горе Фриды в том, что она утратила взаимность со своим ребенком. Потрясающая мертвечина сердца и совести, которые вполне устраивают современную читающую публику!

Нужен переворот в человеке, искренне верящем в добрых людей, чтобы он перестал относиться к добру в людях как к чему-то естественному и обычному. Такой взгляд предполагает, что хорошее поведение – это норма (пусть и неписанная), а плохое – аномалия, поэтому его приверженцы постоянно предъявляют претензии окружающим, так как те, ясное дело, не дотягивают до ожидаемого хорошего поведения. Честно относиться к доброте людей одновременно и страшно, и невыгодно, поскольку при серьезном взгляде станет очевидно, что подлинного добра нет (а то, которое есть, надо назвать как-то иначе) ни в ком (и в нас самих прежде всего), и ждать его от окружающих подло. В душе человека, мужественно решившегося прозреть, сразу изменится подход в отношении к добру: он будет искать благо в людях как чудо, удивляясь ему и непременно благодаря за него.

Этот переворот маловероятен в человеке, потому что прежде он должен понять свое собственное гнилое устройство, на что требуется, во-первых, глубокое уважение своего достоинства как именного дара от своего Отца, во-вторых, он должен встречать с доверием того, кто примет тебя плохим, таким, как ты есть, и, в-третьих, как итог – он должен проявлять безоглядную щедрость в отношении других негодяев. Именно из-за очевидной невозможности одновременного соблюдения всех трех условий в нынешние поколения тех, кто верует в добрых людей, с каждым днем будет все больше и больше, а тех, кто верит в животворящую милость для злодеев, будет становиться все меньше и меньше, вплоть до полного исчезновения.

Не удержимся и напомним заинтересованным читателям мысль Григория Богослова о Духе, про который ему открылось (этим же Духом), что Бог есть огонь для злых и свет для добрых.

Апостол Иуда умер до распятия Христа, утратив желание и силы жить. Иуда Ершалаимский убит после смерти Иешуа, его жизнь, жаждущая наслаждений, остановлена мстителями. Один имел наказание в себе, другой принял наказание от рук добрых людей. Христос спускается в ад к апостолу Иуде, Иуда Ершалаимский спускается в загробный мир к уже дежурящему там Иешуа. Противоположности в одном порождают противоположности и в другом. А название такому положению вещей – опереточная пародия.

Приведем высказывание писателя, которого уважал Михаил Афанасьевич (а раз так, допускаем, что Булгаков мог читать его, а прочитав, посмеяться до слез). Правда, в приводимом нами тексте одно иностранное слово мы бы заменили подходящим словосочетанием из православного лексикона. Может быть, на этой замене настаивал и сам автор, а иностранное слово употребил, опасаясь цензуры, зорко следящей за сохранением в добре невежественного народа, опекаемого этой самой цензурой. А может быть, эти строки (не приведи, Господи!) были обращены к православному духовенству, тоже опекавшему невежественный народ, да только нельзя им было сказать прямо, в лицо? Приходится гадать, как бы поступила их совесть, если бы поняла, что обращаются к нему, православному священству? Не струхнули бы признаться себе в том, что это они несут упомянутые писателем соблазны и за это их стоило прихлопнуть увесистой анафемой? Нет, уж лучше приклеить обличения к ксендзам, которых никто в глаза не видел, и так выпустить опасную сатиру в свет. Пожалуй, от этого и польза вышла бы куда как более обильная, поскольку для возрастания плодотворного патриотизма очень важно прозревать падение нравственности на Западе. Так что провидчески прав написавший, что у гиены «глазки томные, влажные, взор – доброжелательный, приглашающий к доверию. У ксендзов такие умильные глаза бывают, когда они соберутся *ad maiorem Dei gloriam* (к вящей славе божией) в совести у пасомого пошарить». После знакомства с этими строчками сон Никанора Ивановича, как нам кажется, напишется сам собой.

Немножко о яде в романе Булгакова. Есть яд, отравляющий тело. Он бывает ускоренного и пролонгированного действия. Такого рода яды в микроскопических дозах могут обладать лекарственным действием. Собственно, все из сотворенного может быть на пользу*, а при злоупотреблении становится ядовитым и приносит вред. (Поэтому все в подходящий момент может оказаться ядом для человека.) Однако прежде отравляющих

* Видимо, зная эту истину еще древний китаец Конфуций утверждал, что съесть можно все, кроме двух вещей: луны и отражения луны.

веществ появился на свет яд невидимый, который действовал сначала на душу, а только потом на тело. И *par excellence* только его можно назвать ядом. Любая доза его убивает, но если яд второй свежести (видимый) можно подсыпать незаметно, то яд первой свежести люди и выбирают, и просят, и принимают только сами*. Он выдается только по молитве просящего, так что «...яду мне, яду» – это не простые слова, которые бросили на ветер, а те, что взяты из сердечной молитвы, благодаря чему обязательно исполнятся (просите и дастся...). В романе Булгакова азбучный порядок сохраняется всегда, поэтому при первой же просьбе дать яду он тут же преподносится в облике приятном и вкусном на вид.

Признаемся, что иногда намеренно задаем вопросы читателю с раздражающей назойливостью, поскольку убеждены, что, оставляя их без ответа, они не смогут разобраться в романе Булгакова. Теперь к делу. Мы слышали, что есть люди, не желающие соглашаться на присутствие Бога в их жизни, а есть и другие искренние люди, не согласные на безбожие, но желающие иметь и знать своего удобного и понятного им бога. Кто из них честнее, и кто ближе к встрече с Богом? Может быть, на эти вопросы нельзя дать однозначный ответ обычному человеку? В этом месте так и хочется вспомнить полные страдания глаза Берлиоза, когда его голова была в руках сатаны. Нам ясно, что с этого момента он мог начать вспоминать, не встречался ли мимоходом в своей суетливой жизни с истинным Богом? А вдруг Он возьмет и поможет ему, бестолковому, назло мессире, мастеру и Маргарите?

Где будет восстановлена жизнь? Там, где попорчена смерть. Смертию смерть поправ... Где Иисус Христос поправ смерть? В каком-то месте (в чистом ли поле или в какой-то потаенной от большинства людей области), на Голгофе ли, в Иерусалиме ли? И какую Он смерть поправ – старуху с косой? Где же и как искать смерть, которую поправ Христос? Смерть находится в том месте, где прежде была жизнь, но окончилась. Во мне. Он поправ смерть во мне. В сердце. Которое предавало и убивало друзей. Про прочие смерти (пока еще действующие и уже преодоленные) я узнаю только после своего воскресения. И узнавал уже, когда прощал меня Бог (но вновь забывал, опять предав и умерев). Прощенный видит, как нуждаются в милости покойники, умиравшие от своих преступлений, а до того не может этого увидеть. Если встретите Спасителя, то и вам откроется, где пока царствует смерть, и как, и в ком ее победила Жизнь.

Иешуа не мог, как Иисус, родиться в Батлееме (доме хлеба), потому что не был Хлебом, ломимым за других. Именно преломление хлеба (то есть разделение целого на отдельные кусочки) и предание его в руки

* Поразительная противоположность в воздействии ядов видимых и невидимых: насильно влитый в человека духовный яд теряет свойства яда и не наносит никакого ущерба.

грешных учеников (отделенных друг от друга своими преступлениями) особенно ясно явило суть Дара, врученного Спасителем каждому погибающему. Человеческое единство распалось на одиночек и передать Себя сразу нескольким людям, не преломляя хлеба, не разделяя Себя между ними, Он не мог (они не могли принять целое). Поэтому Христос отдает Себя как целый единый хлеб, в котором все соединены, но для того, чтобы он смог быть принят отдельными людьми, он раздробляет Себя для каждого из них. Преломление есть зримое явление умирания Христа, так как истинная Жизнь может быть только полной и совершенной. Он умирает, но каждая частичка отданного Им хлеба, как семя, имеет в себе Его всего, полностью, целиком, включая точку над йотой. Если христианин видит преломление Хлеба, то знает, что сейчас именно за него умирает Спаситель. Но в приятии этого преломления вдруг открывается, что нет никакой смерти, напротив, вкушая частичку Хлеба, гибнущий индивидуалист, соединяясь со Христом, переходит от смерти в жизнь, оживает в личность, и немедленно в этом воскресшем единстве его с Богом оживают все остальные люди и тоже становятся с ними едиными. Это и есть единственно возможное подлинное (не раздельно и не слитно) соединение между собой бывших грешников и Бога. Не единомыслием и подобием характеров, схожим воспитанием и личной симпатий падающие люди становятся друзьями. Все человеческое добро может быть легко разрушено, так что претерпевшие крушение своих воздушных замков останутся после этого в горьком разочаровании (в горе). Подлинная взаимность подается смертным, когда им вручается бессмертная Вечная Милость. Именно прощение Богом каждого соединяет людей между собой нераздельно (сохраняя при этом их инаковость), и вкусившие Хлеба тоже становятся Единым Хлебом*.

Для христианина (в том числе и Булгакова) жизнь не может иметь конца, поэтому даже хэппи энд для него звучит как «приятная смерть», или «блаженная пустота», или «преизобильное ничто».

В Москве банда визитеров сочетает работу под прикрытием (тайные манипуляции) и легальную деятельность (открытое колдовство) в зависимости от лояльности своих пациентов (с близкими друзьями можно не притворяться), но по своей сути та и другая методика идентичны. Мысли

* И могут быть отныне ломимыми за других.

тех и других москвичей хорошо известны шайке Воланда, поскольку ей же им и внушены, так что работа адава по строительству нового общества не прекращается ни на минуту, а непрерывная череда сеансов черной и белой магии идут с полнейшим аншлагом, даже если это егозливо-глумливые смехо-шоу обладают самой низкой свежестью. В наше время зрелища (как и наука) приобретают все более узкую специализацию, поэтому кривляния юмористов и сеансы паранормальных фокусов идут в разных аудиториях (во много крат вместимее прежних), но там и там, по сути дела, продолжается прежнее светопредставление, только в еще более массовом масштабе и на более низком уровне.

Для того чтобы составить свое мнение о «Мастере и Маргарите», нам пришлось понять (для себя), каким человеком был Булгаков, какими были его отношения с Иисусом Христом. Именно здесь, в нашем сокровенном человеке (в символе веры), в случае если наши догадки ошибочны, полагается начало ложного мнения о нем и о его романе. Итак, еще раз. Мы считаем, что Михаил Афанасьевич умен, внимателен, ценит честность, хотя, как и всякий честный человек, не достигает (значит предает) ее, а только стремится к ней. Полагаем, что главным человеком в его жизни был Сын Человеческий, перед лицом которого он заявлял о Своих многочисленных страстях, толкнувших его на несчетное множество злых и подлых поступков. Булгаков хотел прощения и получил его от своего Спасителя. Михаил Афанасьевич изведal каплю благих желаний, подаренных ему Богом, и они проявились (в том числе и в его творчестве) несколькими искрами подлинной жизни, всполохами света не отсюда, которых и при ярком свете не найдешь у тьмы доброхотов, знающих себе цену, потому что у них живой жизни не бывает вовсе. Булгаков знаком с жизнью и поэтому он – живой человек, поэтому он не боится правды о себе. Правду о себе он принес своему Спасителю и услышал из Его уст, что его грехи прощены. (Это означает по «Азбуке», что их просто не стало, их нет, как не было, и поминающий их ныне – лжец и клеветник.) Возрожденный прощением Царя Иудейского, Булгаков жалеет изо всех своих слабых сил тех, кому оказалась не нужна милость, тех, кто не встретил милость и просит своего Спасителя, чтобы и они узнали Свет, воскресивший его, ужасного и темного. Это просьба дополняет главную мысль его книги до мольбы и делает роман его личным обращением ко всем заинтересованным лицам.

Уточняющее замечание. В наше время стала популярной новая методика препарирования литературных произведений. Книга изымается из исторического культурного контекста и рассматривает сама по себе, без учета ее книг-прародителей (предшественников). Конечно, результат такого анализа произведения будет схож со случаем, постулирующим независимость мироощущения книги от мировоззрения писателя (см. выше:

писатели не знают, что пишут). Проиллюстрируем это на примере малюсенькой сказки Салтыкова-Щедрина. Первую трактовку построим на предположении, что сказочка может быть понята сама по себе, из общего представления об авторе, не имеет ни предков, ни оппонентов. Вторую версию выведем при предположении, что Салтыков-Щедрин сочинил ее (в течение года) под действием мгновенных случайных обстоятельств и переживаний, что сделало ее как бы спонтанным неуправляемым выкидышем неуравновешенного литератора... Итак, «Христова ночь» вполне вписывается в магистральные темы, много раз затронутые великим сатириком. Его сочувствие к обездоленным и угнетенным и неприязнь к мироедам и угнетателям как бы зовут читателя восстать против несправедливости, глубоко укоренившейся в стране его временного проживания. Однако дурная наследственность реакционного помещичьего слоя, к которому принадлежал Салтыков-Щедрин, не позволила ему подняться до решительного отрицания системы насилия, остановившись на призрачном загробном воздаянии добра обманутым и измороженным труженикам. Более того, он не зовет к немедленному наказанию паразитического слоя хозяев жизни, проявляя необоснованную жалость к хищникам, безжалостно грабящих беззащитную рабочую силу. И все-таки конец сказки внушает оптимизм в будущее земли. Великий сатирик поднимается выше интересов своего сословия и решительно осуждает предательство и предателей. Христос Салтыкова-Щедрина призван покончить с ночью рабства, с ночью торжества темных сил общества, он тот, кто призывает и поднимает всех обиженных и оскорбленных на проклятие и изгнание Иуд. Прозревший Христос сам полагает начало торжеству добра и справедливости, которое тысячи лет ждали люди доброй воли, и открывает путь всенародного освобождения от его предателей, зовет к непримиримой и победной борьбе с иудами любой масти в культуре, во власти, в религии, в среде производителей духовных и материальных благ, к борьбе с перерожденцами, которые, не снимая одежды созидающего класса, изменили ему и высшим человеческим принципам, продавшись с потрохами его врагам и учителям.

Теперь другая, правдивая версия... Итак, «Христова ночь» исчерпывающе хорошо может быть понята, если принять во внимание условия, в которых она была написана великим сатириком. Продолжало усиливаться его хроническое заболевание, так что передышки от сильных болей почти перестали приходить к страдальцу, отчего его глаза, полные муки, можно сказать, вылезли на лоб и там остались до смерти писателя. Конечно,

неотступная боль должна была сделать свое дело и напитать свою жертву пессимизмом и неприязнью к тем, кто, по мысли страждущего сатирика, благоденствовал в это время. Непонимание в семье, непонимание в среде пишущей братии тоже не способствовали проявлению великодушия в творчестве Салтыкова-Щедрина, который тяжело переживал состояние никчемности и внутренней оставленности. В эту пору сгущающейся тьмы великий сатирик сближается с графом Толстым и пробует сотрудничать с ним. Конечно, готовясь опубликовать свои произведения в журнале великого писателя, гениальный сатирик должен был присмотреться к тому, что в это время проповедовал Лев Николаевич. Непротивление злу, новое гуманистическое Евангелие, в котором Христос очеловечен яснополянским мыслителем и тем самым приближен к реальности, приспособлен к легкому восприятию людьми из народа, плюс пропаганда простого труда и яростная агитация против человеческой лжи и подлости, в особенности против подлости и лжи людей, облеченных в священнический сан, должны были сильно подействовать на оголенную, чуткую совесть Салтыкова-Щедрина. Легко заметить, как нравственный отклик Михаила Евграфовича на учение Толстого с очевидностью обнаруживается в его сказке. Печальное, хмурое настроение Салтыкова-Щедрина полностью выплеснулось и на страницы его очередной небылицы, но, вместе с тем, он ищет примирения с жизнью обездоленных тружеников и с безобразиями их истязателей, разжиревших паразитов. Этот примирительный тон в отношении кровопийц, безусловно, навеян мотивами толстовской философии, поэтому в данном случае мы не видим страстных обличительных строк в отношении рабовладельческого строя и его жалких сатрапов. И все-таки голос великого сатирика прорывается из его глубины на страницы сказки. Салтыков-Щедрин не может смириться с торжеством предателей на земле, его Бог – это Бог, карающий грязную измену и доносы, Бог, наставляющий всех людей доброй воли на ненависть к изменникам и двурушникам. Таким образом, борец за правду и справедливость в человеческом обществе превозмог в Михаиле Евграфовиче малодушного соглашателя, который в момент обострения болезни хотел подчинить себе разум великого сатирика.

Можете выбрать, какая трактовка сказки вам ближе, но нельзя не сказать о том, что Толстой именно эту одну единственную из всех написанных для него сказок Салтыкова-Щедрина забраковал и не стал печатать. Зеркалу русской революции не понравился в ней конец, все-таки призывающий к сопротивлению злу силой. Вслух же он сказал, что Христос не мог проклясть Иуду. Может быть, сердце милосердного великого писателя,

который сам громогласно, но скромно объявлял себя перед всеми добрым человеком, не смогло здесь простить другому писателю несправедливого гнева, от которого и до жестокости по отношению к животным недалеко.

Не надо думать, что Лев Николаевич был сторонником православного восприятия Иисуса Христа. Сказанное легче всего проиллюстрировать на примере личных отношений Толстого с другим писателем, упомянутым в нашем труде. Так, Гоголь, уважающий Церковь и мнение Церкви, для Толстого, безусловно, был полу-дурак с неразвитым умом. Для графа Гоголь, воспринимающий труды человека (в том числе и в искусстве) как продолжение его веры – умничающий, напыщенный и пустой морализатор, который жонглирует нравственными понятиями. (Справедливости ради, отрицательное в Гоголе для Льва Николаевича уравнивалось положительным – его безусловным литературным талантом. Как вам кажется – не похоже ли это препарирование на отделение души от тела?) Мировоззрение Гоголя, верившего в Спасителя, милующего грешников, Толстой считал религиозной чепухой, что и послужило основой для его меткой оценки Николая Васильевича как человека. По законам «Азбуки» у Толстого отношение к небесному (например, в «Другом человеке») немедленно сказывается на его личных отношениях со всеми субъектами. Тут мы желали бы вместе с читателями предположить, как Лев Николаевич принял бы Иешуа? Вроде бы полюбил?

...После того как мы в общем и целом обсудили сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина, пришла пора сделать несколько невероятных предположений в духе нашего исследования «Мастера и Маргариты». Для этого запасемся сверх всякой меры дерзновением, в результате чего: 1) допустим, что Михаил Евграфович был немного знаком с православием; 2) допустим, что Михаил Евграфович слегка симпатизировал Пасхе; 3) допустим, что Михаил Евграфович однажды нечаянно встретился с милостью Спасителя по отношению к себе и вступил с Ним в личные отношения. Конечно, мы опять лукавили, выдвигая как необходимость в построении нашей смысловой версии сказки сразу три «допустим», поскольку для нее совершенно достаточно одного. (Они абсолютно равноценны, и если имело место одно, то имели место и другие.)

Итак, при заявленных условиях для уяснения смысла «Христовой ночи» можно воспользоваться помощью «Азбуки», тогда будем иметь: название сказки уже представляется либо хитроумным парадоксом, либо изобретением чисто лукавого разума. Христос был Свет, в котором нет никакой тени, не то что крошки тьмы или ночи. Даже Его Гроб является живоносным

источником (источником, несущим жизнь и свет даже мертвым, только бы они захотели пить из Него) или, иначе говоря, неисчерпаемым источником света, бьющим источником милости, победившей (протистившей) тьму тем любого зла, всяческую смерть. Можно остаться одиноким в земной ночи, не встретив Христа на своем пути (потому что путь проложен мимо Него), но это единственная возможность очутиться в непроглядной тьме без Друга, однако тогда бы и сказка называлась «Ночь без Христа».

Выход из логического тупика можно найти, если вместо настоящего Христа нам подсунули Христа ложного. Именно про него стало бы возможным сочинить сказку «Христова ночь». Так что теперь при чтении сказки остается только проверить на правильность смысл, угаданный нами в ее названии. Долго ждать не пришлось, и уже следующее выставленное под названием сказки слово, обозначающее жанр небылицы, подтверждает, что в ней рассказ пойдет о ложном Христе. Термином «предание», заключенным в скобки, автор (если он следовал «Азбуке») пытается повторно подготовить читателя к встрече с антихристом. Эти скобки намекают, что мы имеем дело не с Преданием, а с «как бы» Преданием – это, во-первых. А во-вторых, все, что относится к подлинному Богу, подлинному Христу, называется либо Священным Писанием, либо Святым Преданием, поэтому исчезновение слова «Святое» немедленно свидетельствует о том, что перед нами ложное предание. И не важно, все оно вывернуто наизнанку, полностью искажено или чуть-чуть с краю, хоть в одном слове, все равно в таком предании не будет Христа. (А может, не знал этого Михаил Евграфович, и из-под его пера само, необдуманно как-то, вытекло словечко, нечаянно?)

Впрочем, в самой сказке имя Сына Божьего и Сына Человеческого – Иисус Христос – не будет упомянуто ни разу, зато будет говориться о воскресшем Боге или просто о воскресшем. То есть ни одного личного обращения к Спасителю ни у автора, ни у персонажей сказки нет. «Азбука», напомним, упрямо твердит, что Бог не может умереть (значит, не может воскреснуть), а мог умереть Сын Человеческий, воплотившийся Бог. Тело Иисуса Христа приняло на себя смерть и было положено во гроб, но своей душой, как Бог, Христос в это время посетил ад, и своим присутствием разрушил Его, упразднив место полного одиночества. Это языческие боги умирали и воскресали. Может, Михаил Евграфович ничего об этом не слышал и поэтому Пасху Христову он напрямую связывает с весенним воскресением природы и упразднением зимы, с возвращением солнечного тепла и света? Поэтому, скорее всего, он, как бы случайно, но при этом

весьма нарочито много раз повторяет, что воскрес именно Бог. Да и сам сказочный Бог свое воскресение предлагает считать причиной прихода весны, тепла и света, так что Бог из сказки считает уместным первым делом благословить не людей, а природу.

Люди же у воскресшего поделены на три категории. Одна из них, окутанная сетями рабства, ждала своего освобождения. Но только это было не рабство греху, а угнетенное положение от ига тоски, горя и нужды безвинных страдальцев с чистыми сердцами. Этим прощения не нужно, они сами служат всем и мучаются за всех. Им, бедолагам, воскресший за великое терпение и горькие вздыхания обещает награду. Удивительно только то, что истинно верующие в воскресшего, эти обездоленные, Его не узнают, а спрашивают у него: «Ты ли?»

Иные люди, встреченные воскресшим (богатеи, воры, душегубы), подвергаются с его стороны сначала безжалостному обличению своих пороков и преступлений (на что они промолчали, не признавшись и не раскаявшись, но и не отрицая обвинений), а сразу и после этого получают обещание, что от адских мук их избавят ими же замученные люди, которые примирятся со своими губителями. Как видим, и тут никакого прощения хищникам от воскресшего нет, от него только посулы добра со стороны ими униженных и оскорбленных*.

К особой третьей категории (не только отверженных, но и навсегда наказанных) относится предатель. Чтобы тому было побольнее, воскресший восстанавливает его в том состоянии, которое было у него в ту минуту, когда он лобзал предаваемого. Предатель «выздоровливает» и тут же бросается просить воскресшего о смерти (читателям Булгакова это ничего не напоминает?), но тот, присудив ему проклятие без права на помилование, обрекает кровопийцу на бесконечное мучительное скитание для того, что бы и все люди доброй воли смогли лично проклясть его. У предателя будет друг (!!), но и тот проклянет его, предатель будет делать добрые дела (?!!), но те, кому он сделает добро, все равно проклянут его (!?!!). Ну как, читатель, картинка? Нравится? Вдохновляет на пламенную молитву? Ведь все по справедливости, все по уму. Только справедливость эта человеческая и ум плотской, рациональный. Вот ими-то и рождена церковно-народная вера, которая широко разлилась среди православного народа и его священства. «Потерпи, будет награда для тружеников, все сгорите в аду для состоятельных и властных, а предателям и мучителям Христа уже сейчас до суда и следствия проклятие и ад». Не только в проповедях ревностных

* Не похоже ли это на милосердие Маргариты для Фриды или Иешуа для Пилата?

защитников веры ироды, пилаты и каиафы уже записаны в вечные злодеи, даже у обычных прихожан, не до конца избавившихся от греха (в их мечущихся между тьмой и светом душах), всем им, губителям Христа, вынесен без права на обжалование смертный приговор. Теперь на страстной все дружно оплакивают муки Распятого и единогласно посылают грозные проклятия Его гонителям. Пожалуйста, перед вами сложившаяся уже за несколько веков крепкая вера христиан в антихриста.

«Азбуке», без сомнения, ясно*, что Салтыков-Щедрин в своей неповторимой скорбно-сострадательной манере открыто изобразил перед всеми добрыми христианами их скрытую ложь о Христе, с которой они так сроднились, что не только не замечают ее, но готовы жертвовать своей жизнью за сохранение и утверждение этой лжи. Христос подменен в сердцах верующих (в которых нет живой совести) антихристом – вот что утверждает сказка Михаила Евграфовича (не мы, не мы!! Мы-то живы!!). Поистине, среди своих, среди христиан это ночь для Христа. Он, прощающий всех и вся, никому не нужен, поэтому Он никому не может (за ненужностью) принести свет Своей безмерной милости. Если людям, устами почитающим Крест, не нужна милость, не требуется постоянное спасение от грехов, значит на земле опять тьма, тьма одиночества, тьма безбожия теперь уже от темного христианства. А ведь Евангелие рассказывает, что Христос предупредил своих учеников о возможном перерождении веры, о незаметной подмене ее на предания человеческие, пусть даже эти предания будут написаны самыми лучшими и умными людьми, и как пример приводил им иудеев, которые совершенно поменяли смысл закона (готовившего их к встрече со Спасителем, а сделали его орудием наград и наказаний), продиктованного Духом на уху пророкам.

Та же подмена произошла с пришедшим Христом, которого мудрецы человеческие облагородили и опростили на свой лад, на приятный вкус привычного им формального добра. Салтыков-Щедрин не останавливается на том, что вслух перед всеми произносит приговор вере современных ему христиан. (Кстати, они этого даже не заметили, просто некоторые из них фыркнули в ответ на жестокое отношение к предателю. Этими некоторыми, безусловно, были самые добрые христиане.) Он пророчествует о том, что будет дальше с антихристом, выпущенным на волю. В своем прозрении Михаил Евграфович пишет, что предатель из его сказки будет вечно ходить по земле, сея вокруг себя смуту, измену и рознь. Это утверждение на

* Понимаем, что у лицемеров прямо противоположное мнение и поэтому просим у них прощения.

первый взгляд сделано сумасшедшим, поскольку предателя все и везде в едином порыве ненавидят и проклинают. Кругом полное единодушие, откуда возьмется рознь и измена, когда у всех общее согласие и общечеловеческая вера в победу добра? Если допустить, что это не следствие внезапного безумия или врожденной глупости писателя, то объяснить это можно так: проклинаемый предатель будет спутником веры подавляющего большинства христиан. По земле будет ходить не он сам, а по сердцам землян будет ходить вера, которая проклинает и ненавидит предателя. Для христиан появятся плохие и хорошие, одних они будут гнать, другим петь хвалебные песни. Но, видимо, до скончания земли все же будут единицы тех, кто сам всегда будет нуждаться в милости Спасителя и будет желать этой милости остальным (без исключения) грешникам (даже самым последним предателям). Вот это малое стадо будет возмущать добрых христиан, на них будут гонения, их будут считать изменниками и преступниками. Вера, проклинающая хотя бы одного Иуду, уже изменила Христу, предала его Крест, на котором прощены все, и в результате подсунула своего подложного Христа, чем сеет смуту и в самой Церкви. (В сказке Салтыкова-Щедрина мы притронулись только к магистральной теме, а оставшееся множество примкнувших к ней оставили совсем без внимания. Отметим при этом, что в свое маленькое произведение писатель вставил целый свод расхожих религиозных пошлостей, которыми набита как приходская, так и домашняя жизнь православных. Затасканные штампы бытовой безбожной нравственности, благочестивый шум пустой, выхолощенной сентиментальной религиозности, превыспренный нудёж кликушествующих доброхотов – все-все аккуратно перенесено на несколько книжных страничек, так что можно составить целостное впечатление о ширпотребном христианстве, вытеснившем из аудиторий, просторных залов, массовых печатных изданий в щели и закутки душ отдельных отщепенцев живую веру в спасение мытарей и блудниц. Все так привыкли к суррогату веры, что она воспринимается как нормальная, общепринятая, проверенная веками правда, с ней спорят снисходительные атеисты, ее страстно защищают адепты православия. У христиан из-за продолжительного опьянения своей добротой, как и положено для начальной стадии алкоголизма, оказался утрачен рвотный рефлекс на ядовитый фальсификат.) Ложный Христос, подменивший истинного, есть соблазн, причем такой соблазн, который не пройдет мимо хотя бы одного человека, а постучится в душу каждому и потянет за собой сами понимаете куда. Или не понимаете?

Найдутся ли теперь строгие читатели, которые скажут, что Булгаков был первым, кто выпустил на страницы своей книги антихриста? Мы же вынуждены признать, что Михаил Афанасьевич не придумал ничего нового, только слегка усовершенствовал устаревшую подделку в соответствии со вкусами своего времени. Знал ли он, что сказку Салтыкова-Щедрина не поняли? Думаем, знал, поэтому был убежден, что его тем более не поймут ни свои, ни чужие. Думаем, что при этом он страстно желал, чтобы его все-таки кто-нибудь когда-нибудь понял.

Был сказочник, который не скрывал, как Салтыков-Щедрин, своей веры в Христа. Не прятал своего мировоззрения ни перед кем, запечатлев его в своих сказках. Поэтому нам показалось более удобным (за своей очевидностью) задать ряд вопросов, начиная со сказочника не Российского, а Датского королевства. Можно ли уважать Андерсена, не уважая его веры? Можно ли любить его сказки, чувствуя отвращение к христианству? Можно ли понять писателя, не понимая его души? Мы не побоимся прослыть нудными и спросим еще раз: можно ли, не уважая Гоголя, уважать его веру? Можно ли любить его творчество, презирая его веру? Можно ли считать, что мы – его читатели, если нам безразлична его душа? Ну а теперь, была не была: можно ли, не зная лично Христа, считать, что Булгаков никак не мог быть истинным христианином?

Момент обсуждения сказки Салтыкова-Щедрина Толстым нам кажется удобным для того, чтобы еще раз показать, как зло воюет с людьми, используя две руки. И когда не справляется одна, другая с гарантией делает свое черное дело. Итак, дело правой руки у лжи надуть в уши добропорядочным простецам, что в земной Церкви есть только светлый подлинник при полном отсутствии лукавого двойника*. Подобное убеждение можно вывести из собственного упрощенного самоощущения, которое подсказывает новоначальным, что все, кто добрался до Церкви, уже хорошие (особенно те, кто посещает службы или помогает бедным), а те, кто не признает ее, заведомо окончательно плохи. К этому удобному мнению легко присоединяется вера (освобождающая от излишней работы совесть), что и в Церкви все, что есть (особенно священнослужители или ее покровители) – истинно и безоговорочно прекрасно. Дело же левой руки у лжи при случае надуть в уши этим, уже разочаровавшимся доброхотам, что кроме двойника в Церкви больше ничего нет, может и был, но давно куда-то исчез**. И в этом случае упрощенное самоощущение играет важную

* Честный (стремящийся быть честным), как и в себе, будет видеть в церкви то и другое.

** Как случилось, например, с Мартином и иже с ним.

роль для составления прямо противоположного негативного мнения. Уже умудренный новоначальный, успев очиститься и духовно возрасти, начинает ощущать себя новым, чистым и светлым, как та вымышленная Церковь, в которую он поверил. На этом фоне сначала простые прихожане, потом священники, а очень скоро и вся Церковь очевидным образом становятся не истинно хорошими (а значит, плохими), а вслед за этим совершенно лицемерными.

Это мнение легко усваивается (поскольку окончательно освобождает от работы совесть), без страшного суда записывая себя и своих – в добрые, а прочих – в злодеев. Никто не смог избежать этого нехитрого соблазна, только один преодолевает его, многочисленные другие так и пребывают в нем.

Среди последовательных и упорных отрицателей света в Церкви оказался и Л. Н. Толстой. Он, хотя и с некоторыми принципиальными оговорками, признавал Христа, но, накопив достаточное количество мудрости, стал категорически отрицать Его Церковь. В своем «восстановленном аде» он для всех лиц, ищущих высшей правды, выдвигает идею ложной церкви как таковой, то есть создание христианской Церкви приписывает усилиям Вельзевула. Так что Толстой боролся не с антихристом, а с анти церковностью Церкви, изгнавшей Христа и Его учение.

В этих построениях лжец не какой-то конкретный виновник подмен, а специальная организация, заменившая собой истинное лицо божьего посланника. В целом, по своему устройению, Лев Николаевич – яркий образец морализатора, который верит в добрых людей и не верит в милуемых злодеев (в том числе и тех, кто находится в Церкви – ведь сама земная Церковь в лице своих служителей и своего народа все время нуждается в милости, как постоянно нуждались в ней апостолы Иисуса Христа). Особенно отчетливо эти черты проявляются в нем, когда он рассуждает о сказке Салтыкова-Щедрина.

Причина отказа от ее публикации состояла в том, что Михаил Евграфович, как думал яснополянец, неправильно, ложно изобразил Христа слишком жестокого, не по справедливости осудившего Иуду (переборщил в воздаянии). Даже хочется искренне удивиться Толстому, своей добротой превосходящего Христа (пусть и сочиненного), но ведь у Салтыкова-Щедрина написан сказочный Христос, который как раз и является антихристом, причем антихристом очень популярным, которого почитает большинство действующих христиан. Ложное предание предлагает спасителя, воздающего добро тем, кто незаслуженно мучился, находит способ избавить

от наказания мелких грешников*, карает и казнит великих злодеев. Ложная вера ложной церкви. Толстой слеп на правду, поклоняясь глуповатой, но высокопарной полуправде (протестующей только против грубого зла (кесаревского царства), и целиком отрицающей Церковь, которая допускает в себя грешников), хотя и пригодной для создания общечеловеческих ценностей, но не пригодной для жизни.

Не только тьма смеется над всем святым (и грешным), но и «Азбука» может тихонько посмеяться над служителями тьмы. К примеру, над Берлиозом, поскольку утверждает, что не умеет жить тот, кто строит планы. Но как тогда быть государственным людям? Дело в том, что в царстве кесаря планы не только допустимы, но и необходимы, а в личных отношениях они категорически противопоказаны** (быстро приводят либо к насилию, призванному подчинять людей этим планам, либо к корыстной расчетливости в общении с ними, которая есть не что иное как интриги и манипулирование окружающими, заодно убивают свободу, а значит, и саму возможность дружеских отношений). «Азбука» утверждает, что честно прожитый день сегодня (со своими близкими и дальними) дает возможность завтра укрепиться во взаимности с ними, то есть приносит новый, богатый приятными сюрпризами день. Отвергающий свободу (в личных отношениях) с ее непредсказуемостью сталкивается с предсказуемыми (как властными господами, так и освобожденными от них) неприятными сюрпризами. Как Берлиоз.

Мы помним, что Воланд мог принять любую внешность, но в Москве он выбирал все время внешность с дефектами, так что человек, обращающий внимание на детали, мог бы узнать его. Риск расшифровки при этом был невелик (хотя некоторые сообразительные типы смогли вовремя сделать правильные выводы и убралась куда подальше без особых потерь), но при этом в последствии всем обманувшимся (таким, как бездарно обманувшийся городничий) становилось особенно больно оттого, что они глупо попались именно на недорогой обман. А Воланду и зрителям сугубое удовольствие.

Одно из имен сатаны – лукавый. Это имя дает название духу, который действует с целью скорейшего распространения зла среди людей. Это одна

* В такой трактовке есть незначительные грехи, которые не ведут к смерти. Тьма постепенно превращается в свет?

** Любовь по плану – абсурд понятный каждому, хотя как знать, ведь, верят уже, что есть технологии по приобретению друзей.

из основных составляющих силы, работающей на разрушение жизни. В самом наименовании этого духа говорится, что он не действует прямо, открыто, а с хитростью, приходя как бы под прикрытием добра. Именно эта игривая черта подталкивает его выступать под чужим именем и с чужим лицом, когда все так похоже на оригинальный образец, с почти неуловимыми отличиями. Главный метод искуателя, которым пользуется этот дух – обещания (которые порождают нечто похожее на надежду), сулящие людям, желающим обмануться, легкие пути и золотые горы, а иногда чудеса. Эти приятные дороги в обход честного выбора парадного входа с муками совести пользуются повышенным спросом у вечно спешащих людей, и с годами спрос на них только растет. Особенно ценятся механические и этические манипуляции. Незаметная перемена партнера, успокаивающая совесть; подгонка принципов к новым условиям жизни, обесценивающая зло. Например, перемена (корректировка) убеждений почти на такие же, какие были раньше (еще лучше, если прошлое тоже незаметно искажается, преобразуется в более подходящее); мимолетная, научно обоснованная, почти не измена тому, кто был с тобой един. Согласие на слегка подпудренную лестью ложь – тоже подлость, но на нее легче пойти (чем на мужественное открытое предательство), и в ней гораздо труднее сознаться. Редко, очень редко люди признавались в очевидной для всех измене, и несоизмеримо реже, почти никогда, в подлости. Дать отчет во вражде ко Христу (с оправданием себя) намного легче, чем признаться себе в радостном служении антихристу.

Он, безусловно, улетел, но, конечно же, остался. Воланду приятно изобразить нечто подобное вознесению своего врага, и ничего, что это плохое подражание подлиннику: замороженные спецэффектами зрители это не заметят, а будут стоять и смотреть в темнеющее небо с открытыми ртами. Воздушное путешествие можно для солидности наделить новыми замысловатыми украшениями – не один он возносится, а с хорошей компанией*. Но не скорби напрасно, легковверный читатель! Улетая, Воланд продолжает почитать себя, как бога (и требует это от других), и поэтому он собирается пребывать со всеми до скончания века. Кем-то будет управлять, кого-то растлевать, нашептывая прямо в душу, кому неизбежные истины, кому удушающие и растлевающие мысли. А там, глядишь, и время придет для

* Воланду, ведь, очень хочется в чем-нибудь превзойти Христа, вслед за Которым вознесения пережила Богородица, поэтому он прихватывает для воздушного полета черную королеву со своим спутником.

повторных вознесений, а за ними одного безостановочного всеобщего космического представления с полетами во сне и наяву.

Про Булгакова так и хочется громко спросить: «Не Афанасьев ли он сын, не его ли братьев и сестер, жен и возлюбленных знаем мы?» В том и чудо христианства для людей ему посторонних, что не из логики, не из метрик, а против всех правил и условий среды являлись его носители, что порождало у мудрецов мира сего лишь новые подозрения и скепсис в отношении благородства их духовных устремлений. Свои, кровные, сумели увидеть Христа обычным сыном плотника, не больше. В Его же учениках видят мытарей и блудниц, а то и кое-что похуже.

Из воспоминаний о Булгакове: «Михаил очень много думал о смысле жизни, о смерти. Смерть ненавидел, как и войну. Войну ненавидел...»

«Остановись мгновение» из Фауста перекочевало в «Мастера и Маргариту», только современному человеку привычнее воспринимать его в виде киношного стоп-кадра. В этом случае вместе с замиранием души (не осознаваемым зрителем) застывает и наблюдаемая им картинка мира. Переживания, желания, ощущения фиксируются в одном случайно избранном положении, но воспринимается это как всеобщее окончание бытия (как его окаменение). Однако отвердевает не окружающая жизнь, а костенеет именно душа, ее воспринимающая, так что силы, которые любят все относительное, подсовывают человеку очередной успокоительный фальсификат, который производит впечатление оригинала. Нет новых чувств, нет изменения мысли, полностью утрачивается способность сопереживать, все замирает, жизнь останавливается. Время идет, а движения в сердце нет, оно сохраняется неподвижным, перестает биться. Время течет, но мгновение остановилось, потому что люди мумифицировались вместе с душой. Тут наступает дурная, мертвая бесконечность, как у Фауста, при достижении чудного мгновения прекращается внутреннее обновление в человеке. Пожалуй, для изживших себя застывает не только мгновение, но и вечность.

Как и положено иностранцу, при разговоре с московскими литераторами иноземец ссылаясь на пять зарубежных доказательств бытия Божия. Эти пять доказательств были предложены одним из самых почитаемых учителей католической церкви – Фомой Аквинским. Они исходят из логических

умозаключений, ссылаясь на необходимость: 1. Перводвигателя; 2. Первопричины; 3. Первоосновы (так как пустота производит только пустоту); 4. Совершенства; 5. Высочайшей цели*. Православие считает доказательства в вере ложным методом, поскольку ведение другого рождает не логическая необходимость, а доверие. Бесы верят и знают, что Бог есть, но не доверяют Ему, трепещут перед Ним и борются с Ним. Знать нечто, как объективную данность, не означает знать душой, более того, уже состоявшееся познание души одного душой другого доказательствами будет только разрушаться. Любые доказательства любви смертельно ядовиты для любви. Если Бог познан (опознан) не любовью (желанием дружить), а чем-то еще – то это ложный Бог.

В романе Булгакова показан очередной этап жизни человечества, члены которого, как всегда, хотя и в новых декорациях, осознанно и бессознательно участвуют в борьбе за их души двух духовных воинств. Люди выбирают способ жизни сообразно предоставляемым им двум видам товаров: временную жизнь или временную смерть. Как повелось с древности, предпочитают, в основном, первое. Этот выбор предопределяется либо их верой, которая, в свою очередь, порождается истиной (угаданной ими и потому имеющей безусловный авторитет), либо от обратного – от неверия, например, отрицанием вечной жизни (временной смерти), как примитивной сладенькой лжи, выдуманной трусоватыми мракобесами. Такое недалёковидное поведение человечества очень хорошо объясняет азбучный закон, по которому премудрость оправдывается (утверждается и возвеличивается) ее же детьми.

Пришло время выдвинуть предположение, что наше мнение о Булгакове ложное, и поэтому смысл романа не соответствует тому, что мы так долго и упорно внушали читателям. Что ж, предъявим умозрение, обратное нашим взглядам. Пусть Булгаков состоял только из сластолюбия, тщеславия, зависти, обид на притеснителей, малодушия, низкопоклонства перед властью имущими, плюс к тому пренебрежительно, брезгливо относился к Евангелию, имея свои собственные прозорливые измышления о том, каким должен быть Мессия. Тогда ничего не остается иного, как только признать, что он сам и его роман просто дерьмо, хотя и в этих, казалось бы, неблагоприятных (а потому привычных) условиях он почему-то

* Читатель! Можешь ли ты сегодня представить себе человека, которому все эти основополагающие принципы не покажутся смешными?

очень-очень нравиться нашему народу. В результате, в первом случае (положительного отношения) к Булгакову можно испытывать благодарность, в другом (неуважительном) – снисходительное сочувствие. Вернее, сочувствие к нему испытывали бы те, кто чуть-чуть склонялся к первому, а те, кто сразу ко второму – презрение и отвращение.

Открытым текстом в романе сказано о любви мастера и Маргариты, что она выскочила, как убийца, как молния, как финский нож. Вроде не благородно, но, впрочем, очень романтично.

Есть у современных людей удивительное свойство иметь много мнений об одном предмете и при этом не сталкивать их между собой. Мирное сосуществование при нравственной толерантности. Именно последствия этой внутренней особенности наших современников тайно определяют их общественную жизнь. Века насилия христианской организации (действующей от имени светской власти) над душами беззащитных перед государством граждан, обязанных (по государеву закону) быть прихожанами, сыграли важную роль в деле забвения христианами подлинного отношения Христа к грешникам. Сам Спаситель ожидал возвращения грешников, не насилуя их воли и сознания, оставляя их свободными в желании остаться с добром или злом. Более того, Христос позволяет убить Себя грешникам, но не от бессилия перед ними, а от желания не оставить их в падшем состоянии и помочь погибшим и гибнущим от любви к себе (это и есть зло), обрести милующего друга даже после их физической смерти. Это делание Христа называется спасением грешников. Спасение доступно тем, кто сможет сам произвести суд над своим выбором (выбором между светом и тьмой, который мы, не отдавая себе отчет, совершаем постоянно). Поэтому осознание себя – это не разовый (пусть даже очень отважный) поступок, а постоянное (неусыпное) выяснение сути своих желаний, своих слов (на языке «Азбуки» такое состояние называется трезвением), не пустяк, не вспомогательная обязанность, а главное – жизненно необходимое и определяющее личность человека творческое делание в его отношениях с Христом. Считать или не считать это важнейшим для себя – является условием истинности выбора человека. Того самого, наидревнейшего, первородного выбора: для кого я, для себя или для другого. Этим выбором для человечества все начиналось, все им и закончится. Внеся определенность в этот единственный жизнеутверждающий выбор, человек либо останется с Христом, и ему не нужны будут ни победы над злом, ни великие свершения,

а только память о встрече своего покаяния (пусть и самого ничтожного) с Его небесной (необъятной) милостью, либо вечно пребудет с самим собой, в невероятных, нескончаемых усилиях к самоусовершенствованию, растрачивая до последнего ломанного гроша все свои таланты, вплоть до полного забвения жизни.

Когда кто-то в мире для тебя становится дорогим (главным сокровищем), родным (навсегда), появляется премудрость, как сохранить взаимность, не повредить, умножить достояние любимого (начало премудрости – страх Божий). Напротив, беречь себя (который никому не нужен) – начало глупости (греха).

Мистический писатель – точное слово Булгакова о себе. Он не назвал себя духовным писателем, который бы писал из опыта собственной жизни, совершаемой вместе с Богом. Он знал, как устроена мистика, из нее знал, как не надо, но не знал (мало знал), как надо.

В душе каждого читателя есть прямая неразрывная связь с обоими повествованиями – евангельским и воландовым. Те, кому нравится порсящая жизнь с поеданием рожков из корыта мессира – тому будет приятна и интересна история про Иешуа и противно Евангелие. Тем, кому нравится подлинный Христос, повесть о Понтийском Пилате будет казаться возмутительной, а Иешуа откроется волком в овечьей шкуре. Этим людям в ответ на животное существование бывших людей захочется крикнуть им в сердце, через пропасть между ними, что у них до конца будет оставаться шанс не пропасть и, повстречав Истину, воскреснуть.

Булгаков, описывая деятельность мастера, выставляет его верующим человеком, живущим сообразно своей вере: «...когда сочинял то, чего никогда не видел, но о чем, наверное, знал, что оно было». Слово «наверно» употреблено здесь в своем исконном смысле (утвердительном), так как бывает только у людей веры.

Маргарите Николаевне выдали из-под подушки небольшую золотую подкову на память – в этом своя символика религии сатаны, которая передразнивает другую, враждебную ей символику. Вместо крестика – подкова с копыта сатаны (также богато украшенная, как подарочные кресты у православных архиереев), и, как полагают в народе, на счастье (на удачу). Пожалуй, так и есть, но счастье это тоже своеобразное, как и его хозяин.

Булгаков настаивает на том, что конец бала не означал, что вместе с ним тьма перестанет подражать христианству и больше не будет издеваться над ним. Так, уже после него, Маргарита Николаевна ожидала возвращения своего любовника, набросив на голое тело халатик, похожий на рясу. Тонкая параллель с православием (которую обычные люди не смогут заметить), отсылающая к тому, как священнослужители, отслужив литургию, снимают богослужебное облачение и надевают рясу. Это тоже священническая одежда, но для ношения вне главной службы. Переоблачение Маргариты – еще одно напоминание о ее священстве, правда, своеобразном, издевательском.

Последняя, страшная мысль Маргариты была о том, что если рукопись пропадет, то ей надо будет топиться. Пропажу сожителя она перенесла намного легче. Все-таки в мастере ее больше всего радовал и волновал не человек, а его роман о Пилате. Еще. Маргарита целует тетради с романом, как христиане целуют богослужебное Евангелие. Случайное совпадение или перевертыш? Еще. Если Булгаков серьезным образом решил показать настоящую любовь у Маргариты Николаевны, значит она и ее слова (если они наполнены любовью) для него были драгоценны и правдивы. Значит, вслед за ней он тоже желал бы любить привидение.

Комизм последней сцены «Ревизора» состоит и в том, что испуг ее персонажей либо смешит, либо огорчает, либо оставляет в равнодушном недоумении, либо раздражает пошловатым псевдонатурализмом. Единственная же реакция зрителя, которую желал бы видеть автор, – это их сокрушение о том, что совесть у всех (и у самих зрителей) спит, а когда проснется, они не обрадуются этому, не поблагодарят за чудо начала истинной жизни, за внезапно открывшуюся заветную дверь к счастью. Не радуются и актеры, поэтому и падает занавес.

Все хорошо помнят сказку про голого короля, а в романе Булгакова, пожалуйста – голая королева! И всем нравится, и никто не смеется над ней или это совсем, совсем другой случай?

В Евангелии сатана не дотянул до царского звания – он князь тьмы, а в человеческом обществе ему хочется дотянуться до более высокого титула, хотя бы короля.

Абаддона – единственный персонаж Библии, который был взят Булгаковым в роман без изменений в характере и повадках. Удивительна краткость Священного Писания, в котором не может быть места подробностям, чтобы не отводить много места ужасу, не привлекать к нему лишнего внимания, но при этом умело передать в нескольких словах всю злобу и безжалостность смерти. Булгаков также очень краток (в подражание Библии?) в описании Абаддоны. Его книга о тьме, но не за нее, а против, тут писатель довольно точно следует духу Библии, обнажает бездну, при этом не травмируя слабых ее безобразным видом.

Комично звучат слова Маргариты «он много страдал» о человеке, писавшем о Спасителе (претерпевшим все страдания мира). Человек, вставший на сторону подлинного Спасителя, будет вслед за Ним подвергаться гонениям (как союзник) от завистливой мести мира сего, но эти страдания не надломят, а возвысят его до блаженства. Корни же этого чувственного экспромта любящей женщины (знала ведь, что сама не приносит счастья людям, впрочем, как и писательское творчество ее любовника) укрепляются и подпитываются в первую очередь тем, что мастерски написанный Иешуа не собирался сильно страдать за других (и даже не страдал так тяжело, как пришлось некоторым пламенным нестигаемым большевикам).

То, что советским гражданам очень нравилась высокохудожественная часть романа о Понтии Пилате, подтверждает правильность главного прозрения Булгакова: покаяние нынче никому не нужно, без него даже христианам радостнее и веселее. Именно такое восторженное признание читателями истории дружбы Иешуа и Пилата помогает им с особым игривым настроением наслаждаться и другой частью романа, в которой дьявол правит бал в столице (третьего Рима?).

Воладa не узнают свои не только в советской стране, его не узнают персонажи из Ершалаима. Когда он собирается улететь из Москвы восвояси, Левий беседует с ним не как со своим господином и вдохновителем, а как с неприятным попутчиком, с которым его вынужденно соединяет одно дельце, своеобразный бартер, в котором услуга подается за услугу. (Как и во взаимовыгодной сделке того же Воладa с Маргаритой Николаевной.) Впрочем, учитель Левия знает, кому служит, но помалкивает об этом в присутствии своего подопечного, ведь верно говорят, что то, что известно двоим, то известно всем, а известность об этом содружестве

оказалась бы пока не своевременной. Тут тоже проглядывается так любимая в подражании Христу «α» и «ω», но только «ω» и «α» Воланда.

Время в ловких руках Воланда помогает ему учить людей легкомысленному отношению к смерти. С шуткой, с научно обоснованными показательными выступлениями по клонизации и реинкарнации добровольцев он хочет сделать их уход в небытие несерьезным занятием, недостойным внимания уважающих себя людей. Тьма слышала от «Азбуки» звон, что жить стоит только ради того, за что можно умереть, поэтому старается представить смерть пустяком, в результате чего и жизнь неизбежно станет пустяком. Без битв, без сопротивления сама прикажет долго жить.

Одно из заблуждений безбожной морали: если знаешь, что это плохо, то не делай этого, старайся, терпи, напрягайся и сможешь отказаться. «Азбука» думает иначе: трагедия падшего человека в его бессилии в борьбе со злом. Даже после того, как он узнал Бога и принял Его отношение ко злу. Даже после того, как сделает выбор в своей совести против зла, оказывается, что он при всех своих стараниях не может его не делать, он уже против воли подчинен ему, он его раб (делает то, чего не хочет). Только в старании быть вместе с Богом человек учится преодолевать зло в себе (а потом только вокруг), которое побеждает не он, а Бог, который теперь в нем. Ясно, что Булгаков хорошо знал этот закон, а раз знал, значит, стремился нелицемерно противостоять тьме в себе, стараясь полагаться не на себя хорошего, а на своего Спасителя.

Сохранился рисунок Булгакова с изображением Голгофы вместе с написанными на нем словами Христа, которые тот произнес на Кресте: «Или, Или, Лама Савахвани». («Боже, Боже, вскую оставил мя еси.») Христос был правдив, значит, сказанное им открывает нам Его полную (и Богом, и людьми) оставленность на Кресте. Тем, что Левий не бросает Иешуа во время его смерти, Булгаков хотел (с точки зрения «Азбуки») показать с очевидностью, что вместо настоящего Спасителя читателям незаметно подсунули болтуна.

Не для одних только большевиков главный враг – это шпион-вредитель*. Но для некоторых это масоны, для иных – евреи или цыгане, для других

* История всегда любила смеяться под заблуждающимися фанатиками, посмеялась она и над большевиками. Их расстреливали не как изуверов (плохих своих), а как негодяев из чужих, шпионов, состоящих на службе иностранных государств. Они также неожиданно для самих себя (как это было с теми, кого они гнали до этого) перешли в категорию внешних, а с такими поступают известно как.

иных – атеисты или верующие радикалы, иным врагами кажутся олигархи или люмпены. Не поверим в это – книга Булгакова будет помогать нам тем, что укажет путь к жизни в разгадке бед своего внутреннего царства. Предложим читателям один из возможных путей развития Михаила Афанасьевича как личности. Когда человек, взрослея, приближается к своему возмужанию, многие слова родителей, когда-то казавшиеся пустыми, обрastaют смыслом, плотью и перестают быть чужими – бессмысленными и становятся родными – умными. Так происходит и с верой. Она всегда бывает сначала выучена детьми, но до поры остается чужой, мертвой, хотя больше похожа на зерно, хранящееся в амбаре. Оно лежит без дела, но может в любой момент ожить и прорасти смыслом, если будет включено внутрь, в личную жизнь. То, что вчера казалось сухим, безжизненным, обузой, становится действующей силой, неожиданным сокровищем, раскрывающим тайное в тебе и других. Такое не могло приключиться с Булгаковым?

Сравните. Иешуа: «будет (на земле) царство истины». Христос (Истина): «Мое царство не отсюда».

Добрые люди думают, что живут, но умирают. Люди, увидевшие свое зло, знают, что мертвы, но оживут.

Маргарита была несчастлива. Естественным для современной культуры считается поиск личного счастья путем перебора партнеров. «Азбука» же говорит, что счастливым можно быть с каждым человеком (если нет, то его напрасно создал Бог. Только тернистый путь поиска неповторимых и подлинных из общей толпы, фальшивых и похожих, ведет нас к счастью). Если в будущей жизни найдется кто-то, с кем счастья у нас не будет, то вместе с ним все в ней станет адом, поскольку от нелюбимого там нельзя будет скрыться и спрятаться, да и все остальные вместе с Богом станут противными, как он. Путь христианина – это преодоление несчастья с ближними (еще они называются врагами) и с Богом (который тоже по началу – враг) к блаженству взаимности с друзьями (среди которых Бог). Иногда этот путь видится как движение от мнимого счастья к подлинному.

Иешуа включает мастера в свои ученики после того, как задним числом прочитал его рукопись (!) и одобрил (!) ее. При этом сам он не решается заступиться за него. Этакое закулисное манипулирование (поскольку

просит через посредника) в миниатюре. Все окольными путями, ничего прямого и простого, как у его хозяина.

Если Иов во всех своих испытаниях не беседовал с тьмой, поскольку все время стремился вернуться к беседе с Богом (но не было ответа или не слышал?), то Фауст уже вступает в беседу с сатаной, но отношения в этой мнимой взаимности односторонние. Пытливый ученый все время хочет от черта получить нечто недостижимое для человеческой цивилизации (впрочем, в обмен на душу), ну а мастер уже сам старается сделать приятное для дьявола и сотрудничает с ним для процветания мессира. Фауст только пытался забыть о Боге, а мастер уже выбрал Его в свои враги. Пусть скажут, что в этих метаморфозах нет духовной логики.

Отпустить Вар-Равана вместо Иешуа у Пилата просит один-единственный церковный функционер, как бы пренебрегающий мнением народа. О казни Христа и освобождении Вараввы просил весь верующий народ. Помочь можно тем, с кем ты имел отношения. Все слышали Христа, все предали Христа – поэтому Он может простить всех их. Для никому неизвестного Иешуа это невозможно за отсутствием его предателей.

Мастер поставил угаданного им Иешуа вместо Христа. Но ведь и вместо людей мы ставим свои представления (догадки) о них – та же самая подмена, тем более что Христос предупреждал о том, что сделанное одному из сих Он принимает, как сделанное Ему. Пока у нас есть ложные представления хотя бы об одном человеке (в том числе и о Булгакове), Христа (в полноте вместе с Его друзьями) мы знать не будем.

Латунские были очень виноваты перед Воландом из-за того, что не опубликовали книгу мастера об Антихристе. Интересно, что по прошествии времени многие партийцы (бывшие большевики) уже хотели опубликовать ее, и опубликовали! Значит, общая масса бездомных превысила к тому времени общую массу ариманов, и про это время можно было бы написать новую книгу о новом романе советского человека с сатаной.

Сейчас привычные поговорки сменились на модернизированные и вместо «пошел к черту», говорят «твои проблемы». Из-за общего просвещения все окультурилось, так что грязное чертыханье приобрело в нынешней редакции человеческого социума благопристойный художественный вид.

Берлиоз произносит имя Иисус, мастер – Иешуа, так что за этими именами не каприз одностороннего Булгакова, а его мысль, которую он предлагал нам угадать.

Почему слова Берлиоза о разных верах кажутся довольно убедительными (особенно для Бездомного)? «Азбука» говорит, что, повторяя ложь, человек начинает ее воспринимать как истину (только с маленькой буквы). Поэтому естественно, что поэт от революции после многих упражнений по ее внедрению в печатную прессу верит в обман сильнее, чем Хлестаков в свое величие. А что до Берлиоза, то как сосчитать сколько раз он уже врал о Христе, прежде чем стать убедительным?

Добрые люди хотят помочь нам в нашей сегодняшней беде. Христос пришел подарить нам наше блаженное будущее, преобразить настоящее и спасти для нас наше прошлое.

Несчастье Маргариты в браке не напоминает ли вам несчастье старухи в пору, когда она стала вольною царицей?

Мы растащили на поговорки Грибоедова, немцы растащили на поговорки «Фауста». Булгаковский роман «Мастер и Маргарита» уже все вместе тоже растащили на поговорки, а выяснить смысл произведений забыли. Это образ наукообразного человека, привыкшего расщеплять все на атомы и ощупывать их, а тем, что художественные творения представляют из себя как целое, как самодостаточный объект, не интересоваться. Хотя, пожалуй, тут нет развития процесса измельчания, тут – как всегда.*

Новое счастье, новые ценности, современный взгляд – разве это не имена антихриста? Разве правда может стать новой, а истина быть только современной?

Теперь о наших стараниях понять критиков романа «Мастер и Маргарита», которые дружно сообщали, что в нем описаны баталии между добром и злом. Может быть, очень может быть. Но где спрятано добро в романе, в каких персонажах оно получило приют? И действительно ли Латунский,

* Азбука открывает нам, что первый Художник – Бог, Он же – отец всех художников. (Тогда тем, кому из них Он не Отец, они – художники?).

Ариман, Алоизий это именно те, в ком обосновалось зло для нанесения непоправимого ущерба добру? Не слишком ли они мелкие фигуры для этого? Как и в какой момент начинается схватка между тьмой и светом и чем она оканчивается (ничьей? победой света? сатана становится источником добра?) или всемирной (или местной) победой зла?

Все эти тайны остаются совершенно не разоблаченными изворотливыми критиками. Как-будто цель Булгакова была из непроницаемого тумана соорудить еще более густой туман. Мы же не обижаемся на такие разъяснения специалистов, но удивляемся тому, как они поняли мистический роман.

.....
.....
.....*

Мертвые люди нуждаются в мертвых богах, иначе те будут мучить их, не давая покоя ни днем, ни лунной ночью. Прав был Берлиоз, когда потребовал от Бездомного небытийного Иисуса, но только когда ему самому предложили мертвого Иешуа в компанию таких же, как он, мертвецов, Михаил Александрович возмутился всей душой и только из-за отрицания им этой самой своей души ему не хватало духа разоблачить смердящего божка от Воланда.

«Азбука» говорит о Боге как о Том, у Которого живы все – живы живые и живы мертвые. Воланд же предлагает живым мертвецам мертвого бога и среди них отыскиваются те, кто согласен принять его и обрадоваться этому понятному и удобному подобию их самих. Все это пол беды, беда в том, что двойник Церкви тоже уже провозгласил мертвого бога своим царем и уже вербует ему целые сонмы талантливых учеников. Уже давно, вслед за общечеловеческой верой в добро, культура (включая литературу) нашла способ возвеличить мертвечину, отродив плеяду гениальнейших безжизненных писателей, угадавших в своих сочинениях великолепных бездыханных героев, вдохновивших своих трупных читателей на страстное надгробное восхваление своих звездных кумиров.

В Бездомном все-таки был когда-то талант воспроизводить жизнь вопреки своей дури, может быть, в свое время этот талант позовет своего бестолкового обладателя вернуться к той самой жизни.

* Здесь и далее мы заменяем точками некоторые наши рассуждения, которые могли бы показаться соблазном.

Почему трудно угадать, какие двойники будут появляться на месте истины? Да потому, что они возникают из ничего. Вообще, еще с глубокой древности беда всех верующих, которую трудно почувствовать и выявить самим верующим, состоит в том, что на святое место они ставили величественный пшик, иллюзию, которая с течением времени благополучно обнаруживала себя как фантик от фетишей. Великие кумиры потихоньку превращались в посмешище (сначала для современников и только потом, после столетий забвения, в драгоценный памятник старины для потомков). Нечто подобное стало происходить и с христианами. Например, так воспеваемая всеми религиозность русского народа была, по существу, старым язычеством, на которое накинули христианские одежды. Безобразные народные приметы, вставшие на место церковных праздников (основанных на взаимности неповторимой личности каждого человека и Бога), магическое отношение к богослужениям, богослужебным текстам и святыням — вот, будьте любезны, оно опять в силе, старое идолопоклонство. В нем легко существовать, ничего не открывая и не изобретая, так как не требуется особых усилий для того, чтобы приспособить для современных уже бывший в употреблении, потерявший первую свежесть суррогат веры согласно сохранившимся в архивах подсознания древним языческим рецептам.

Грешнику намного проще убедить себя в том, что Бога нет, чем признать, что зло он любит сильнее, чем людей и Бога. Это самая примитивная хитрость для нейтрализации совести в добрых людях, и она может быть усовершенствована, если выдумать Бога, сопоставимого по своему могуществу с самыми одаренными умом и добром людьми. Такое божественное благо, ограниченное масштабами человеческих сил, способно вообще вытеснить представление о грехе, так как будет посильным для воспроизведения лучшими из падших без чьей-либо помощи. Пожалуй-ста, вот прекрасный способ избавиться от необходимости просить, позволяющий обрести красивую независимость от всесильных.

Посещение иностранцем Москвы как бы невзначай весело пародирует снисхождение Сына Божия из Царства не отсюда в земное царство. Эта аллюзия на Новый Завет призвана посмеяться в очередной раз над христианами, которые забыли, что в любом земном отечестве они лишь странники, а их родина на Небе. Чужбина (земля) для современных православных стала родной (родиной), поэтому скоро и явление чертей они будут

воспринимать как посещение или близкими родственниками, или дальними родственниками из-за бугра.

Нас интересует мнение читателей по некоторым волнующим нас вопросам. Считают ли они, что доктор Фауст шалил меньше, чем писатель Булгаков? Что, мастер превзошел в своих творческих подвигах своего Иешуа? Что, брокенские ведьмы были бы рады оказаться на месте Маргариты? Что, влюбленная парочка добрее, чем все ариманы, латунские, лавровичи и берлиозы вместе взятые? Что, благо, принесенное Воландом, Булгаков ценил и старался разрекламировать его перед своими туповатыми соотечественниками? Что, сам Булгаков кончается и кончится? Думают ли они, что наше мнение о романе Булгакова никак не сказывается на несуществующем Иисусе Христе? Предполагают ли они, что написали бы Гете и Гоголь после того, как им объяснили, что христианство – миф? Какой суд вынесли бы своим прежним произведениям эти писатели после этой поворотной в их судьбе встречи с научной истиной? Что подумал бы о них после этого Булгаков?

Головлев потому получил свое прозвище Иудушка, что в первую очередь предавал на смерть не своих родственников, а Иисуса Христа. Главным его зверством было именно постоянное глумление над Христом, непрерывное издевательство над Ним, непрерывное Его удушение, смех, плевки и пощечины Ему. Как Ирод хотел посмотреть на униженного Царя Иудейского, так и Иудушка свозит к себе в дом иконы, чтобы лично кланяться образкам и в тоже время глумиться, плевать в изображения на них. Годы плевать, глумясь, и смеяться, убеждаясь, что никакого наказания за мучения и убийство Бога нет. После таких издевательств очевидно и слепому, что Бога нет, потому что не может же Бог вынести десятилетия постоянного многократного медленного умирания, насмешек и притворства с пакостно-скорбным выражением лица у палача (ведь заниматься пытками жертвы с гримасой глубокого сочувствия очень-очень приятно)*. Нельзя в здравом уме верить в Бога, который не отвечает на миллионы и миллионы издевок и смертельных инъекций презрения, ведь для того они и придуманы, чтобы без слов, тайно, от сердца к сердцу попросить Всемогущего: «Сойди со креста (перестань терпеть меня), тогда уверую

* Представьте себе, есть группа христиан, которая людей следующих подобной практике, возводит в ранг святых особенно быстро, если у тех появляются от сострадания Христу раны (стигматы) такие же, как те, которые они сами Ему же и наносят.

в Тебя»*. И только когда Сын Человеческий умер, испустил Свой Дух и стал остывать, не покидая орудия казни, но погиб от многолетнего непрекращающегося распятия, тогда, неожиданно для самого себя, садист, кровопийца и душегуб смог понять, что Такой Бог пришел к нему не наказать, а спасти. Людям досталось от Иудушки несравненно меньше, чем Христу, почти ничего, но для читателей мера его бесчеловечных преступлений перед согражданами кажется огромной, а о том, что он принес Богу, они не упоминают никогда только потому (как мы думаем), что не интересуются, что сами приносят Ему. Могут заметить, что кровопивец был лицемером в своем христианстве, но что это означает для Христа, сказать то ли не хотят, то ли не могут. Может быть, сегодня нет Того, голгофского Креста, или сегодня с Него сошли, и Он пуст? А зловещее с земли не ушло с воскресением Порфирия. Умная родственница внимательно следила за происходящим в Головлеве и немедленно усмотрела момент, когда именище попросилось к новым хозяевам, только, как принято теперь у христиан, судьба душ бывших господ ее не интересовала. Смертельная пляска псевдогоспод человеческих душ продолжилась. Или, может, пришли, наконец, добрые господа?

Ученики Христа боялись иметь дело с призраком и ощупывали Его, чтобы убедиться, что Он имеет плоть. Собеседники посмертного Иешуа вполне довольны тем, что он призрак и нисколько не беспокоятся на этот счет.

Усвоение принципов, усвоение информации – это слишком мало для того, чтобы созидать жизнь. Поэтому литература как таковая не может подать жизнь или, иначе говоря, не может спасти человека, вывести его из одиночества. Самые высокие премудрые истины могут убивать ничуть не хуже, чем откровенное зло. Например, если они овладеют одиноким человеком (подчинят его себе), его положение станет еще более безнадежным, чем у откровенного грешника, поскольку сама по себе праведность безжизненна и является настоящим смертельным ядом, если не ведет к встрече и единству с другим. Праведность, привлекающая милость для преодоления замкнутости – спасение, праведность самоутверждающаяся,

* Тот, который не может сойти с Креста, конечно же, не может наказать злодея, значит, он не может быть Богом.

воюющая с окружающими ее грешниками – ад! Совокупность откровений о жизни при нахождении рядом с ней, но вне ее, отдельно от нее есть глумление смерти над жизнью, ее насмешка над гибнущей душой. Итак, литература как была бессильной, так и останется бессильной, но она способна привести читателя (слушателя) к автору (человеку, принесшим откровение о себе) и послужить причиной начала жизни (соединяющих двух в единое). Много это или мало?

Мы все время обращали внимание читателей на то, как персонажи романа любят яд. По закону взаимности Христос тоже должен иметь какое-то отношение к нему, но какое? Напомним, что «Азбука» все вопросы, в том числе как защищаться и защищать от злодеев, рассматривает не в государственном, общественном или кесаревом, что ли, плане, а в сугубо личных (духовных) отношениях. Поэтому нравственную установку держать оборону от внешнего зла, а иногда подвергать его тотальному уничтожению, мы предлагаем читателям применить исключительно в отношении близких друзей (в азбучном смысле чужие просто не существуют, они уже убиты нами).

Позволить другу обманывать, предавать, убивать тебя или оставить в друзьях только добрых людей? От нашего ответа зависит и судьба Иисуса Христа (в нашей душе). В Своей земной жизни Он открыл, что от друзей-убийц не отказывается, не уклоняется из их рук принять чашу, полную яда. Яд нашего отношения к Нему Он пьет до конца, не требуя, чтобы эту чашу пронесли мимо Него. Это нам, людям, каждому из нас, надо или нет? Решать каждому, во-первых, в тайне своего сердца, а во-вторых, категорически – либо да, либо нет. А что сверх того – тоже нет.

«Не понимаю, чего хочу» или «не понимаю, как это произошло» – чистое, злобное лицемерие. На самом деле: «я боюсь признаться в своем желании, но эту мерзость я захотел и получил с радостью» – единственное честное свидетельство, но такое, которое способно выручить человека из лап его собственного зла.

«Подкинуть можно... ребенка. А валюту подкинуть – немыслимое дело!» В действительности здесь в шутливой-издевательской форме обыгрывается забытое христианами мнение «Азбуки» о том, что совершенно невозможно свои грехи подкинуть-переложить на кого-нибудь другого. Напротив, в укрепившейся повсюду пошлой бытовой вере считается, что

христианам приходится расплачиваться за чужие грехи (например, за грехи Адама и более близких предков), поэтому заразительного смеха над прозрениями из сна Босого добавляет то, что черти знают этот закон, а православные нет. Ведь каждый ответит только за свою жизнь, за свой выбор. Если бы не так, то Сыну Человеческому не надо было бы умирать на Кресте. И даже нечистая сила не может подбросить нам валюту, хотя христиане и утверждают, что в их грехах виноваты черти, которые заставили их пошлать или попутали (т. е. обманули в лучших намерениях), не замечая при этом, что сами подкладывают валюту нечистой силе, перекладывая ответственность за свои безобразия на безобразные субъекты (очень смешно?). Что подделаешь, настали времена, когда православные возводят ложь на чертей! (А они все стерпят, любую ложь и даже будут ей рады.) И это только чтобы оправдаться, только чтобы не сдавать валюту. Ну нет ее родимой, нет! Так каков итог? По всей видимости, на вопрос «можно ли без своей воли ко злу совершить грех?» православные, как и большевики, отвечают утвердительно. Только доктор Стравинский может помочь все это понять, принять и остаться нормальным.

.....

Про людей лунного света. Вообще, в окружении Воланда и рядом с Иешуа совсем нет детей. (Христос настаивал на присутствии детей рядом с Ним.)*. Они просто исчезли куда-то (как младенцы из окрестностей Вифлеема), так что не только не слышно их голосов, но и не заметно следов их возможного присутствия. Те, кто вовлечен в историю с иностранным консультантом, как бы бесплодны по своему существу (в том числе в своих желаниях и симпатиях), как и положено покойникам. (А вдруг и в этом Булгаков угадал сегодняшнее отношение в просвещенных иностранных государствах к семьям с детьми?) Пример судьбы Фриды только усиливает убежденность в правильности этих умозаключений (она хочет избавиться даже от памяти о ребенке).

Если бы в пилатовых главах кочующий персонаж именовался не Иешуа, а князь Мышкин, то ершалаимская история из кошунственной стала бы трогательной и симпатичной. Получилось бы милое произведение о ши-

* Так же, как на бале Воланда исключена возможность появления детей. Появись они там – весь роман стал бы тухлявым и лопнул.

зофренической раздвоенности человека, у которого имя – Лев, а фамилия – Мышкин. Достоевский не учитель ли тоже у Булгакова?

«Азбука» упрямо стоит за взаимность, поэтому не просить советует тот, кто не хочет, чтобы просили у него. Чего не хочешь себе, не желай другому. Смелые могут этой нехитрой заповедью проверить на свежесть свои советы и советы посторонних.

.....
.....
.....

Нам представляется, что мы сдержали свое слово и не стали давать оценки роману «Мастер и Маргарита». Вам решать, хороший он или плохой, написан ли хорошим или плохим человеком. Наше же скромное дело состояло только в том, чтобы представить померещившийся нам смысл написанного в нем.

Глава XXXI. О МАЛОВЕРОЯТНОМ*

(дальняя перспектива литературы)

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Бедный Иван

Только *мы* – *лицо нашего* Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.

Пощечина общественному вкусу

Всегда радуйтесь.

Бывший изверг

Какие новости?

Розенкранц. Да никаких, принц, кроме разве того, что мир стал честен. Гамлет. Так, значит, близок Судный день; но только ваша новость неверна. Позвольте вас расспросить обстоятельнее: чем это, дорогие мои друзья, вы провинились перед Фортуной, что она шлет вас сюда, в тюрьму?

Гильденстерн. В тюрьму, принц?

Гамлет. Дания – тюрьма.

Розенкранц. Тогда весь мир – тюрьма.

Гамлет. И превосходная: со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания – одна из худших.

Розенкранц. Мы этого не думаем, принц.

Гамлет. Ну, так для вас это не так...

Наш Вильям

«За лукавое дело взялись вы», – скажет нам проницательный читатель, ведь предсказывать будущее это означает лишать свободы этих будущих людей, которых мы хотим ограничить рамками наших предсказаний. Так-то оно так, но ведь никто пока не знает, что мы собрались предсказывать, а может, наше пророчество возвестит как раз об окончательном освобождении.

* То, что непосредственно касалось романа Булгакова окончилось в предыдущей главе. Это и зафиксировано с помощью пустых страниц. Теперь обращаемся к возможным последствиям от прочтения «мастера и Маргариты».

дении людей, которых с некоторых пор нельзя уже будет угадать или как-нибудь понять.

Предсказывать события трудно, но еще сложнее предсказать то, что собираются предсказывать, поэтому предлагаем просто ознакомиться с тем, что мы решили доложить нынешнему читателю. Вначале поинтересуемся у него, кто посмеет сказать, что можно разумно и выверенно описать хаос, и в особенности хаос в человеческом обществе? В нем каждый непредсказуем и не связан ни с кем и ни с чем (мы имеем в виду окончательный, онтологический хаос). Но разве хаос — это не насмешка над свободой, разве в нем его элементарные частицы способны проявить себя в полноте своих возможностей согласно своему устройению? Да, любитель книжного чтения, мы не собираемся рассказывать о тех, кто обладает подлинной свободой, но можем, воспользовавшись методами расчета судеб, уже предложенными услужливым Воландом, составить примерный план действий людей подневольных, от этой самой свободы отрекшихся (может быть, при полной своей уверенности, что они являются не только обладателями, но и разносчиками свободы).

Чтобы отогнать некоторую двусмысленность из наших рассуждений, обратим внимание на современных датчан, которые, читая Шекспира, наполняются радостью оттого, что прошли темные века и современная Дания стала одной из самых свободных стран Старого света, так что, может быть, и сам принц Датский вдохновился бы сегодня такой неоглядной свободой в своей горячо любимой Отчизне, наконец-то став веселым, добродушным и оптимистичным. Кое-кто может оборвать наши рассуждения справедливым замечанием, что Шекспир, сочиняя свою пьесу, имел в виду не Данию, а Англию, поскольку всем известно, что услаждаться грехами соседей не достойно великого мастера. На это у нас тоже есть убедительные соображения, которые трудно опровергнуть: та, средневековая Англия, и Англия сегодняшняя находятся в такой же оппозиции друг к другу, как та гамлетовская Дания и современное королевство Дания.

Причем, убеждены (хотя и не спрашивали их), что англичане из третьего тысячелетия вполне обоснованно считают свою свободу, честность и гуманизм несопоставимыми с теми, сопутствующими мрачным временам своего шекспировского королевства. Уверены также, что их мнение целиком и полностью разделили бы Розенкранц и Гильденстерн, не побоявшись высказать его, если бы об этом их попросили. А как Шекспир? Он-то считает, что в Дании время затворов, темниц и подземелий кануло в лету? А если так, то его Гамлет поменял бы сегодня неблагоприятное мнение

о своей стране? Очень может быть, что и он согласился бы с приходом новой светлой эры, но это означает лишь, что в нашей эпохе есть место только для розенкранцев и гильденстернов, в том числе по имени Гамлет.

Конечно же, все сказанное нами относится исключительно к литературным героям и их незадачливым авторам. Мы же пока согласны с Шекспиром в том, что свобода в нынешней Дании может быть объяснена только тем, что наш мир стал честен. Ну кто сегодня не знаком с честной газетной журналистикой, с честным телевидением и с мнением бесчисленных разнообразных честных экспертов по всем мыслимым вопросам? Мир все больше наполняется честностью, и сам чувствует это, особенно когда вновь и вновь провозглашает, что Христос врёт, и врут те, кто свидетельствовал о Нем, поскольку не приносили клятву верности на Конституции своей свободной от Его любви страны.

Итак, в ситуации, в которой, куда ни плюнь, всюду правда, конечно, само воспоминание об Иисусе Христе, который утверждал, что повсюду сгущается тьма лжи и люди находятся в последней стадии рабства порядочными господами будет восприниматься как что-то кощунственное. А между прочим, и тогда, во времена кризиса Римской демократии, нашлось достаточное количество просвещенного народа, который утверждал, что слова Христа исключительно лживы, поскольку они никогда не были рабами, отчего Его рабская смерть или, на современный лад, Его смерть, на которую осуждали только рабов, казалась свободным людям не только особенно презренной, но и особенно бессмысленной.

А уж Его демагогический призыв к освобождению от рабства греха (в том числе лжи) покажутся вакханалией мракобесия. Теперь сами подумайте, ведь если на земле бьют источники чистой правды (из сердец добрых людей), то автоматически пришел конец и гнусному лицемерию. А на нет, как всегда, и суда нет, и стало возможным всем все втирать за чистую монету и по закону взаимности самим с великим доверием принимать этот древний серебряник из чужих рук. Торжество разума, торжество свободы, торжество общечеловеческих ценностей! Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя!!! Ну как не станцевать победоносный фокстрот?

Теперь, в условиях триумфа доброй воли, приятно проследить за бытописателями грядущего царства сбывшихся светлых надежд. А что бытописатели – они такие же, как все прочие обитатели будущего, только более ловкие на язык, только чуть откровеннее на оглашение своих переживаний и впечатлений, только необузданнее в раскрепощенных фантазиях, как бы на полшага во всем впереди своих современников. Можете не сомневаться,

их станет значительно больше (в процентном отношении), чем сегодня. Помнится, свободолюбивая интеллигенция посмеивалась над тем, что при царе-батюшке было с десятков писателей, а при советском прижмем их одномоментное количество увеличилось в тысячу раз. Шутили, шутили, а когда пришел конец краснопузым демагогам, то численность писателей не вернулась к прежним значениям, а опять-таки увеличилась в тысячу раз, хотя самого населения поубавилось.

На примере одного наугад взятого государства нетрудно догадаться, что если прогресс не будет остановлен, то воцарится поголовное писательство (сомневающиеся могут учесть, что границы государств размоются и тенденции станут не местными, а всемирными). У кого-то возникнет закономерное недоумение, что произойдет с почитанием писателей прежних эпох в те времена, когда читатель станет редкостью? Ничего особенного. То, что всегда бывает в подобных условиях: им поставят великолепные памятники, им откроют замечательные музеи (с неплохим шопингом), а читать перестанут. Случится это после того, как их окончательно перестанут понимать, а читать все-таки будут (с целью приспособить к текущему моменту), но согласитесь, что это почти то же самое, что не читать вовсе.

Связь времен при внедрении в мозг человека станет вызывать взрыв сознания, поэтому старое не будет влиять на новое. А новое, в свою очередь, станет совершенно нечувствительным к прежнему. Новый взгляд, новые проблемы, новые ценности каждый божий день у каждого отдельного индивидуума. Само собой разумеется, что никакой преемственности от писателя к писателю и даже больше, от романа к роману отдельно взятого писателя, найти не удастся. Вслед за полной независимостью людей друг от друга и от самих себя наступит полнейшая независимость одного произведения от другого. Как будто раньше ничего не было, никаких предков, никаких родственных связей, никакой переклички мыслей, никаких следов споров и несогласий, и не будет потом. Полная автономия. Стопроцентная самобытность и оригинальность. Беспорядочные мысли и внезапно возникающие образы будут служить делу оздоровительного массажа мозга при помощи его легких покалываний острыми противоречиями и острыми переживаниями. Да и сами слова сначала приобретут тысячу новых смыслов, а потом и вовсе станут рождаться из ниоткуда под пером (ласковыми пальцами на клавиатуре) несметных толп пишущих небожителей.

С высокой степенью вероятности можно предсказать, что вслед за тем языки и их наречия, бывшие в употреблении, отменят, и каждый неотмирный сочинитель, кроме всего прочего, будет все время выдумывать свой

новый язык. В этом деле творения новых произведений на новых языках особенно более других преуспеют поэты, у них особенно ловко будут вы-рифмываться удивительные абракадабры словесных черных квадратов, слепленные в маленькие вавилонские башни стихотворений при помощи эксклюзивной авторской грамматики, рассекающей в самых неожиданных местах слова и текст замысловатыми загогулинами.

Что ж, нам с сожалением придется признать, что одна из исторических тенденций, согласно которой поэты на шаг опережают прозаиков в своих исканиях и открытиях, сохранится в прекрасном далеко. Впрочем, это недоразумение некому будет заметить и расстроиться. Зато от каждого небожителя с новой силой будет исходить тихая грусть оттого, что все вокруг него тонет в фарисействе. Вселенская печаль добрых людей так разрастется, что покроет мир толстым согревающим слоем своего безутешного сострадания к бездарным (особенно талантами прямоты и правдивости) современникам. Здравый смысл у пишущей братии, так сильно тревожащий население в ночи полнолуния, совершенно испарится, поэтому непосвященным отличить одно произведение литературы от другого при всем старании станет невозможно.

По видимости – интеллектуальный тупик, но не для гениальных мастеров! Их творения немедленно после выхода в свет станут классикой и непревзойденными шедеврами, а их творцы будут тут же возведены в звание классиков и столпов культуры, а для того, чтобы как-то различать изделия мастеров, будет изобретено такое количество международных премий с таким количеством номинаций, что не замеченным и многократно не награжденным не останется никто и ничто. Очень рационально, когда по перечню полученных наград можно будет понять, что за произведение перед тобою, даже не читая его. Да и зачем, когда его ценность определена и написана в рекламе на обложке книги? Ну, а для получения солидного гранта или денежной составляющей специальной стимулирующей премии будет достаточно одного согласия потенциального сочинителя, что очень поможет привлечь в большом количестве молодые таланты и в творческую деятельность окажутся втянутыми (кому больше нравится, мобилизованы или соблазнены) писатели и поэты невиданного до этого, почти пленочного возраста. Юные дарования, обнаруженные на больших телевизионных конкурсах, такого насочиняют, что мир опять ахнет.

Мы представили Вам ясное описание общего положения будущих писателей и будущих читателей, но как же быть с конкретикой, с частными случаями из тех времен или, более научно, с примерами выборочных

флуктуаций данной статистической системы? Опять, пожалуйста вам, на-сыплем целый короб неизбежных закономерностей местного значения.

Реальность перестанет радовать, человеческие отношения покажутся всем исчерпанными, поэтому в изобразительном искусстве будет процветать кривляние, сентиментальность, восторженность, глупость и глубоко-мыслие. Расцветет царство культуры с нарочито эпатажной внешностью, сдобренной сверхмистическими превращениями и пространственными психодемоническими вибрациями. Еще больше новизны, еще больше сумасшедших открытий, еще больше деликатесов из противоестественных отправлений, еще больше инопланетного хлеба, простых идиотизмов с воспеванием нескончаемых всенародных (и тайных) оргий и интеллектуальных оргазмов.

Прежде литературные произведения в той или иной степени наследовали друг друга, то есть имели под собой питательную почву из прошлого. В книгах ближайших столетий кровное родство с прошлым утратится, романы будут возникать как бы в пустом пространстве и вращаться в нем. Но время безродных литературных космополитов, сделав загогулину, опять вернется к своему началу. Новые романы и их персонажи утратят сверхсвободу неопределенности и перейдут в оппозицию к тому, что имело место в начале. То есть в них будет идти постоянный разговор с теми, кто был раньше, но своеобразно, без диалога, а с намерением вывернуть все наизнанку и, как всегда, опозлить и осмеять. Новое станет хорошо извращенным старым, так что даже старые поговорки и притчи переиначатся.

Москвичи решат (с помощью мэра и новых виртуальных технологий) квартирный вопрос, и он перестанет их волновать. Именно поэтому последний роман с новым Иешуа будет не про них. Москва забудет про Сына Человеческого, в ней некому будет больше предавать своего Спасителя, а раз так, главные события романов опять целиком перенесутся в Иерусалим, город Великого Царя и его пустынно-гористые окрестности.

Переменчивый нрав с развитием страстей в человечестве будет укореняться и в писателях. Их произведения окончательно перестанут выражать какую-нибудь определенную мысль, пусть даже и ошибочную или совсем уж непристойную. Чередование полу-тем и недо-утверждений сначала спорадическое, а потом и вовсе стохастическое (т. е. совершенно непредсказуемое, выходящее за рамки банальной вероятности) сделает существование писателей даже с точки зрения безумцев совершенно безумным. Это немедленно найдет отражение в их замечательных романах и самых маленьких рассказах, а их сказки станут неотличимыми от были. Тогда,

читатель, внимай! Если пожелаешь понять и принять такое произведение, сам немедленно станешь автору братом по разуму. В эти оные времена ранее недогадливые читатели станут намного умнее самых умных писателей, потому что научатся воздержанию от чтения их книг. Именно сознательный отказ от чтения будет сохранять человеку разум, достоинство и волю к жизни, станет источником правдивой информации, подтолкнет к развитию личности. Тогда, не читающий – да спасется! Вот какое нервное время наступит. Все окончательно перевернется вверх дном, и сумасшедшие будут вылавливать отбившихся от мейнстрима особей с признаками здоровья и приговаривать их (для приведения в общую норму) к принудительному чтению книг. Тогда надеющиеся побегут в горы, а осужденные пациенты, проглотив прописанную им литературу, немедленно поедут то ли в Ригу, то ли в Петушки, поскольку жизнь отныне и навсегда для них будет возможна только за сто первым километром, и она станет совершается там с полной неизбежностью сама собой, уже без указаний, наказаний и отклонений.

Нам хочется в очередной раз посплетничать с читателями и признаться им, что будущих писателей мы подозреваем в пока еще неизвестных нам гнусностях. Уже сейчас, за много лет до тех времен, представляется, что они будут не только злоязычными, но и лукавыми и сребролюбивыми. К тому же многие из них окажутся невежественными, многие – завистливыми, иные – непомерно обидчивыми и злопамятными. Все они – обжоры, лентяи и пьяницы, а примерно половина – бабки. Тупицы. Не секрет, что в этих тяжких мы подозреваем не только неизвестных нам бумагомарателей, но и нынешних, и прежних. В том числе и Булгакова. Смехотворными представляются его свидетельства о себе и, напротив, омерзительно правдоподобными обличения литературоведов его реальных делишек и мыслишек во всем своем неприкрытом бесстыдстве. Лицемер, лицемерящий для того, чтобы самоутвердиться и самоудовлетвориться. Булгаков не собирался учиться хорошему у Гоголя, он научился у него лгать (по меткому выражению честяги Лотмана), у Салтыкова-Щедрина он научился злопыхать, а не пробуждать свою несуществующую совесть. Таким образом, Булгаков для будущих писателей открыл широкую дорогу перехода небольшого количества в невероятное качество. Они ему еще скажут спасибо.

Ну а что станет со смыслом будущих остросюжетных романов о добре и зле? Нам трудно решить, будет ли обладать властью вершить судьбы их героев одно сплошное добро, которое авторы научатся ловко маскировать под видом добра старого и расхожего, или свое веское слово сможет вставить в набежавшую строку зло приворотное и благодатное. Зло, которое будет учить добру добро.

Присмотритесь повнимательней к страждущим и алчущим ныне. После этого и вы, может быть, сможете услышать в себе эту древнюю общенародную молитву: «Яду мне, яду!», а услышав, попробуйте оценить всю неукротимую силу ее однажды начатого призыва, питающейся неизъяснимой сладостью испрашиваемого ею сокровища. Не удивительно, что за получением просимого из вашего организма вырвется неудержимая торжествующая аллилуйя счастью, доставленному вкусным, питательным, чудодейственным ядом. Поэтому мы имеем повод предположить, что будущие писатели изобретут много новых прекрасных просительных молитв о ниспослании нам заповедного яда. Вострубят они и воспоют множество вдохновенных од, прославляющих пьянящий нектар, подаренный богами, ведающими добро и зло.

Мы говорили о мировых тенденциях в мире литературы, но для нас самих эти тенденции не имеют большого значения, а потому не вызывают стойкого любопытства. Нас больше волнует не вселенская катастрофа, не космические катаклизмы, а всего лишь навсего личные отношения. Их мы ставим во главу угла, почитая единственным, ради чего стоит читать книги, жить и умирать. Поэтому обратимся от моря читателей к писателям к отдельным отщепенцам, которые предпочтут в центре своих повествований (не боясь порицаний и наказаний) поставить именно личные отношения. Из этого следует, что нам все-таки пора поразмыслить над тем, как изменятся в их романах (которые чудом сохраняют в себе частички прежних) главные герои. То есть литература литературой, а что будет с ее персонажами, без которых она не выйдет на новый уровень развития?

Воланд сам на себя будет не похож, но найдутся подражатели, которые станут обманывать граждан и гражданочек, выдавая себя за него, для чего будут прикрываться его прежними, всем известными личинами.

Профессиональные собиратели валюты продолжают постепенную модернизацию своей фискальной системы. Они не станут ограничиваться принудительным сбором валюты с нерадивых граждан, а потребуют от всех прошедших перепись населения и получивших ИНН под страхом самой страшной муки сначала честно добывать как можно больше валюты, и только потом сдавать ее с процентами согласно базовой ставке.

Очередная Маргарита может до того расположиться к животным всей своей душой, что возьмет, да и влюбится в итоге в одного из них, как бы пораженная топором серийного убийцы. (Напомним, что все слова и дела булгаковской Маргариты Николаевны (особенно после распития общей чаши с Воландом) представляли из себя один только прекраснейший яд.

Яд, приготовленный из вечной любви к благоухающей измене, так что все, все предлагаемое ей – чистая отравка под видом изысканных яств).

Следующая Маргарита для разогрева может начать с чего-то подобного, весьма приличного, но потом перейдет к деланию вызывающего в своей извращенности зла. Настоящее чудо превращения энергии ада в благо. Тлен, возбуждающий высокие поэтические строчки в мастерах стихосложения, мерзость, вводящая в эйфорию мистических феерий, в миры разнужданной эстетики, прелесть обладания всеми сокровищами мира, возводящая любого в экстаз с полным самозабвением. Для взгляда чистого человека – отвратительное смердящее пойло, не нуждающееся в предупредительных табличках «Не влезай – убьет», но для обычного стадно-поголовного восприятия – интересная в своей диковинной привлекательности штучка, продукт мастеров писательского цеха, вдохновленных очередными чудесными музами, которых подослал загадочный шалун.

У Толкиена есть серия историй о противостоянии светлого мира (с множеством привлекательных субъектов) миру темному (с великим множеством субъектов отвратительных). Эта битва за жизнь с помощью сказочных образов призвана привлечь внимание к невидимой борьбе добра и зла в земной человеческой цивилизации, в которой на самом деле нет жесткого деления на своих и чужих. По этой причине у Булгакова люди, как и было положено в среде христиан, хотя и безобразничают, но все-таки немного стесняются своего зла. Будущее же потребует новые повести от новых писателей, которые бы в привлекательном виде показали взаимовыгодные и дружеские отношения (без тени вражды) между формацией людей (с очевидным самодовлеющим присутствием добра) и представителями темной духовной массы, на время потерявшими свою прозрачность.

На первых этапах конвергенции этих двух сообществ появятся произведения, восхваляющие поступки, ранее считавшиеся дурными, их страницы наполнят персонажи, убедительно демонстрирующие уродство прежнего добра (куда только лучшие граждане смотрели раньше?). Порок станет красивым, злу можно будет искренне радоваться. Извращенцы предстанут тонкими и умными интеллектуалами, раздвигающими безбрежные горизонты общественного сознания.

Мысль о том, что есть что-то чистое, да еще при этом безыскусное и естественное, будет во всех вызывать немедленную рвотную реакцию, как от чего-то гадкого, замешанного на плохом воспитании и дурной крови. Намеки на порядочность будут вызывать гомерический смех. Эстрадные

комики разговорного жанра будут зарабатывать бешеные деньги (конечно, только в сравнении с нынешними, убогими) в обнаженном виде выставя вся неприглядную сущность притворных святош и их подлипал. На концертах будут зафиксированы многочисленные смертельные случаи от передозировки смеха над шутками о святом для христиан. «Фауст» Гете станет образцом низкого жанра. (Это, впрочем, уже можно заметить по литературным вкусам персонажей «Мастера и Маргариты». Наверняка Берлиоз, Бездомный, да и мастер с Маргаритой не были в восторге от этого произведения. Да и что они скажут нам о самом Гете, неужели что-то восторженное?) И, как заведено в истории, при смене одной интеллектуальной элиты на другую изменяется отношение к Гете, Булгакову и всему, что связано с ними (как перед этим происходило с христианскими ценностями). Кликуши, пустосвяты, колдуны, шуты, возомнившие себя писателями и возвеличенные невежами. Умереть можно!

Соглашаясь с тем, что будущий массовый писатель будет сам себе отец, сам себе сын и сам себе голова, мы не станем ожидать от него появления персонажей, хоть как-то косвенно или ассоциативно связанных со своими предками, современниками и потомками. Полная независимость, никаких предрассудков. Выражаясь фигурально, о тех грядущих мастерах можно сказать, что каждый из них породит свою вселенную со своим собственным Вицли-пуцли, выписанным по образу и подобию своему. Совсем как в первые дикарские времена, когда у каждого колдуна был свой племенной божок. С чего начиналась, тем и закончится и в этом вопросе, как и во всех прочих, «а» и «о» сойдутся, дикость и варварство повторятся, но с той лишь особенностью, что первое погружение в темное бессознательное было неожиданностью для людей, вынужденных внезапно покинуть рай, а второе всеобщее погружение в окончательную тьму будет восприниматься как долгожданное, многотрудное возвращение в рай (не сомневайтесь, будущие люди эту крошечную тьму совершенно искренне будут считать невиданным прежде великолепным светом эдемского сада).

Подводя промежуточные итоги, констатируем, что литература последних времен, которая заполнит собою все, ничего никому не расскажет, поскольку будет стерильно чистой от реальности, абстрактно бессмысленной, то есть, попросту говоря, никакой и ни о чем, но восторг от нее окажется устойчивее и концентрированнее, чем от знаменитых бестселлеров (даже таких, как книга рекордов Гиннеса). Сами видите, эта литература последней свежести, которая, надо признаться, существовала всегда, только в разных количествах. Она никогда не приносила свидетельства о жизни,

занимаясь распространением разных по жанру сочинений, повествующих только о смерти, так как является порождением и выражением мертвечины. Настоящего и живого в литературе всегда было мало, а писатели, имеющие дар заключать его в слово, появлялись очень редко и при этом также совершенно без предупреждения внезапно исчезали. Никаких правил, никаких тенденций, никаких объяснений. Однако они были и обязательно будут, но где и как даже предположить невозможно. Только неумолимое правило таинственного совпадения начала и конца позволяет нам кое-что сказать о них.

Как начиналась литература с грандиозных вневременных и эпических событий (как в Иове и Илиаде), так, по сути, и кончится. Найдется писатель с невидящими глазами, но зрячей душой (если бы были здоровы глаза, захлебнулся бы в потоке липкой мировой грязи. Нужна тишина, чтобы внутренняя мысль, сокровенное око прозрело сквозь глупую внешнюю очевидность, дотянувшись до скрытой за ней вселенской правды), он будет свидетельствовать о борьбе за жизнь мира (хотя и в единицах живых душ), за свет и взаимность со всем сущим. Явится в нем новый Гомер последних времен и воспоет гибель царств и царей в беспощадных войнах за прекрасную даму. Приоткроет смертным имена бессмертных, которые будут (несколько подлунных дней) принимать участие в битвах великой войны за обладание красотой. Его поэму воспримут как повесть о тысячах лет непрерывных ратных подвигов. Да, мы считаем, что главным в этом творении летописца будут последние судьбы народов и только второстепенная роль достанется отдельным героическим личностям. А нас-то как раз только они и продолжают волновать, только они и вдохновляют. Опять канет в лету имя Маргариты, а главным именем станет Елена. Окончательно перестанут поминать все черта, а обращаться будут только к любимым, почитаемым богам.

Мы пытались читателя самого натолкнуть на мысль о том, что не поиски справедливости, добра, правды в истории, не борьба за их утверждение в обществе, не битва за утверждение их вокруг тебя определяет, на чьей стороне человек – в войсках зла или в легионах добра. Не боясь попасть во враги к читателю, скажем ему прямо: даже самое отчаянное и жертвенное служение этим идеям сохранит на какое-то время жизнь на земле, но не принесет спасения своим героям. Более того, самому рыцарю подвижнику, при всех его подвигах, не удастся преодолеть пустоту и ужас одиночества. Смысл или бессмысленность всей жизни, всех усилий человека определяется и решается совсем по-другому: смысл явится

человеку и зальет своими лучами все вокруг, когда он впустит в себя живой Смысл.

То же самое ожидает его в отношениях с Истиной и Благom. Все подвиги и гениальные свершения, принесенные человечеству, оставят индивидуума сотворившего их пребывать в непроглядном мраке смерти (временной жизни), если он не сможет открыть свою душу другому, чтобы пребывать с ним в вечности. Не впустив живую жизнь (как единство с иным), каждый из нас останется мертвым в самозамкнутости и невольно, даже против своего желания, будет нести смерть всем и вся.

Без друга, не доверяя себя другому и не приняв его с доверием, мы не сможем поделиться жизнью, даже если наши устремления высоки и намерения прекрасны. Только разрушив круговую оборону своей демонической твердыни из гордыни, напитанной непреодолимым самомнением, человек, может распахнуть покаянную дверь другому, и начать с ним путь, которому нет конца. Открывая возможность благу с помощью покаяния победить тебя (войти в тебя, прежде враждовавшего с ним), каждый без усилий помогаем лучикам добра и смысла излиться на все тлеющее, все гибнущее вокруг себя.

Непроглядная тьма безысходности, тьма, поглощающая искры человеческих устремлений к свету дружбы, и тем только усиливая безнадежность людей, старавшихся хотя бы не забыть жизнь, мгновенно исчезает. Без битв, без сопротивления, как будто и не было ее никогда. А ее и не было. Мы думали, что тьма есть и только благодаря этому нашему глупому мнению она и была.

Итак, может показаться, что кругом мертвецы писатели и мертвецы читатели, и вроде бы все безнадежно? Освободиться от крепких, как любовь, объятий смерти этим бывшим детям другой страны (страны жизни) своими усилиями нельзя. Но признать свою смерть или хотя бы почувствовать к ней легкое отвращение можно? И признание это принести с доверием к всепрощающему тоже можно? Да, будет великая глупость в людях, будет в них великая любовь к мертвечине. Их развитию помогут методики, наподобие китайских чесальных палочек, для доставления удовольствия в труднодоступных местах, хранящих остатки живых клеточек души. Да, будет так с нашими наследниками. Но в нас есть неугасающее убеждение, что и тогда во всемирной пустыне найдутся человеческие голоса, которые пусть и не смогут напомнить о Свете и его лучах, но издадут стон под тяжестью последней вселенской лжи. Смысл тогда обнаружится не только в истине или в поиске истины, но и в самом незначительном несогласии

со смертью со своим удушающим лицемерием, привычкой к бессмысленности, не допускающим даже начала поиска пути к жизни.

Итак, мерзость запустения нарастает, всевозможные ужасы усиливаются и являются к нам все чаще. Даже сплетни и слухи о мучительных испытаниях, бесчеловечных технологиях и всевозрастающей мощи изощренного зла станут настолько правдоподобными, что одни они станут причиной массовой гибели впечатлительной толпы. А она целиком состоит из читателей и писателей, которые вносят немалую лепту в раздувание практической и мистической катастрофы (и еще внесут). Не удивительно, что так и хочется лишить человечество самой возможности жить и творить в то безрадостное время, однако вера христиан упрямо провозглашает несогласие с этим приговором.

Действительно, если самый плохой и злой автор захочет настоящей встречи – его желание уже будет содержать в себе живое зерно спасения. Так что категорически отказать той, грядущей культуре в родстве со Светом мы, к сожалению, не можем, хотя и очень-очень хочется. Мрачные предсказания напрашиваются и вытекают из них как бы сами собой, но тьма никогда не сможет объять даже едва заметного Света. Врата ада (любовь к себе) никогда не закроют врата рая (любви Сына Человеческого прощать нелюбовь к Себе и тем самым спасти от нее), и это очень обидный факт для праведников и тех, кто хочет примазаться к Благу под видом очень добрых людей. Горе им от их же добра и их же праведности. Возмутительно, но даже такое высокое богатство не дает возможности войти в Жизнь, оставляя его правообладателя наедине с самим собой.

Если уж в самые тощие времена будут писаться книги, связанные с жизнью, то для них потребуются сочувствующие души, которые догадаются о замысле автора и поделятся своими прозрениями с окружающими. Конечно, для пояснительных записок потребуются названия, и мы, готовы предложить их целый набор. Нам самим пришлось выбирать из длинного списка, как поименовать наш труд, поскольку хотелось в кратких словах передать все, что мы изложили на сотнях страниц. В конце концов, отдать предпочтение какому-нибудь одному мы не смогли и положились на жребий. Предполагаем, что детали будущих исследований непредсказуемы, а их смысл останется тем же, что и у нас. Битва за спасение погибших будет все та же, как ее не называй.

Итак, перед вами собрание заглавий, которое доставило нам массу хлопот, подобно тому, как царской особе мучительно больно бывает при выборе на картинах своей суженой из сонма прекраснейших невест: «Жизнь как смерть»; «Платье без короля»; «Веселые приключения смерти»; «Дети небытия»; «Пир званных»; «Напиток богов»; «Любовь и ненависть мертвецов»; «Светлые одежды

тьмы»; «Счастье без жизни или писатели без читателей»; «Блаженство смерти»; «На брачном пире смерти»; «И стал лунный свет»; «И назвали свет ночью»; «И был вечер, и была ночь: день седьмой»; «Мелодии с праздника небытия»; «И прах земной создал свет»; «Влекущая бездна»; «И смешали тьму со светом: седьмая ночь»; «Доброта обреченных»; «Ад не без добрых людей»; «Перевоплощение добра»; «Хитроумные пути света»; «Кому в аду жить хорошо?»; «Трудное счастье званых»; «Веселая покойницкая»; «Явь подлунных снов»; «Прелесть обетованная»; «Жили были антилюди»; «Изобретение рая»; «Мастера добротворения»; «Искупительные страдания добрых людей»; «Буйный цвет новой лозы»; ...

А теперь о том, что мы не можем позволить себе хотя бы только представить. После эпохи разгула тьмы вдруг вспыхнет над миром солнце доброго, добрейшего из добрейших человека. Тут все как один подумают (вместе с писателями и читателями), что, без всяких сомнений, к ним вернулся первозданный рай. Какие тут будут герои, какие литературные приемы, какими новинками удивят мастера прозы, поэзии, и чем восхитятся их почитатели, не знаем. А на нет, как все уже привыкли, и суда нет.

Глава XXXII. ГАДАТЕЛЬНАЯ

(дальняя перспектива веры)

Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

«Мирская власть» А.С. Пушкин

И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожест уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

Александр Сергеевич

Кто последуют за Мною, тот не будет ходить
во тьме, но будет иметь свет жизни <...>.
Доколе Я в мире, Я свет миру <...>.
Я с вами во все дни до скончания века.

Слышатели

Мы выяснили для себя, что жизнь христиан в будущем будет теснейшим образом связана с их представлениями о событиях в Ершалаиме. Каков Иешуа, такова и их церковь. Поэтому, если мы угадаем, каким тогда предстанет Иешуа, то угадаем веру православных из далекого будущего, если же нам удастся сначала угадать, каковы отношения будут в то время между православными, нам станет очевидно, в какого Иешуа они верят. При этом мы категорическим образом будем настаивать на том, что на земле всегда будет сохраняться ниточка духовной преемственности из

людей, лично знающих Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Человеческого, «распятого же за ны при Понтийстем Пилате» (в Иерусалиме). Неопровержимым доказательством того, что они не иссякнут до скончания века, будет, собственно, то, что век этот будет длиться. Без этих истинных поклонников в духе время приказало бы долго жить. Мы иногда, при случае, будем вспоминать про эту струйку свежего воздуха, а в остальном все внимание к безобразиям и безобразникам, к злу и злодеям, к лицемерию и лицемерам.

Последние времена, когда нам покажется уместным, мы будем называть то последними веками, то последними часами. Так как перед смертью не надышишься, то это нам кажется оправданным. Итак, эти самые последние века станут подлее и злее нынешних. Но это только отчасти причина нестерпимых страданий в то, оное время. По большей части всеобщий ужас от разгула зла будет подогреваться тем, что спадет пелена с глаз людей и они начнут видеть явно то, что раньше было тайным.

По нашему мнению, во все времена людская история была переполнена чудовищными преступлениями. Частными и общими. Крайней точкой нарастания разгула тьмы стало распятие в городе великого царя – Царя Иудейского. Очевидно, что после убийства верующими Сына Божия и Сына Человеческого дальнейшее существование земли вместе с ее обитателями стало невозможным. Но там, где жизнь невозможно обеспечить человеку, ее поддерживает Бог. Зло Он принимает на Себя, людям подает милость. Ею все и держится. Так что, если бы зрение открылось в наше время (или в полумифические времена первых людей), то погибших от страха при взгляде на разгул тьмы оказалось бы не меньше, чем в последние.

Будет открыто, без прикрас, намалеванных лицемерием, война всех против всех, подогреваемая враждебностью всех ко всем. Взаимоуничтожение везде и всюду, в том числе и в семьях, в обществах, соединенных общими интересами или общими традициями, или общими взглядами, перестанет прикрываться дымовой завесой лжи. Обнажится существо взаимоотношений между людьми, таящееся в их душах. Куда ни кинь – эгоизм, эгоизм, эгоизм, испепеляющий себя и всех вокруг себя. Насилие, насилие, насилие, лишаящее даже дураков дурацкой веры в добрых людей. (Неужели не останется других средств для осуществления этого прозрения?)

Спадет пелена с помутненных глаз и, поскольку подобное познается подобным, тьма в людях станет очевидной. Она откроется настолько, насколько это возможно для того, чтобы не сошла с ума человеческая плоть

в условиях жизни без милости с Неба. Все болезни души, все немощи личности, все грязные желания людей обретут силу и власть так, что возомнят себя победителями над всеми. Но ради немногих смерть в своем разгуле не достигнет небес, время сократится, страдания не разорвут на части грешников, и капли милости через своих немногих избранных превозмогая все могущество зла окончательно раскроют его как полное ничтожество.

Ничто вернется в ничто, все способное жить воскреснет и сольется с бытием, все станут неповторимыми личностями, все станут богами. Мы не собираемся описывать Небо, Оно само свидетельствует о Себе в неизреченных глаголах, нестерпимом свете, неумолкающей гармонии единства поющих душ.

Обилие тьмы, вместе с возрастанием в людях чувствительности к ней, не может (по закону взаимности) не стимулировать противоположный (компенсирующий) процесс в человечестве. Как всегда, парадоксальным образом усиление одной крайности приведет к одновременному усилению другой: злые, злые кругом, чтоб им было пусто! Но в то же самое время тайная вера (от самих себя) в добрых людей (и в свою собственную доброту) необыкновенно укрепитя и разовьется. Может быть, число предполагаемых добрых людей будет сокращаться, зато их предполагаемое качество станет повышаться с той же стремительной скоростью роста вселенского зла.

И откуда же всему этому взяться? Да известно откуда, как всегда, из Церкви. Тут возрастут до немыслимых пределов требования к верующим и (даже!) святым. Многих прежних, сомнительных, выведут на чистую воду и откажут им в святости, поскольку возобладает мнение, что святой обязательно должен быть без сучка и задоринки. За ними и простых прихожан с сучком и задоринкой исключат из клана благонадежных и отлучат от Церкви.

Но будет и возвратный поток. Как иногда прежние бандиты Степан Разин, Степан Бандера, Емельян Пугачев становились народными героями, так прежние еретики и извращенцы общим мнением (с одобрения начальства) сами собой будут выведены в новые святые, святость которых ранее невозможно было, без новейших открытий в области морали, психологии, аскетики, выявить и провозгласить. Забвение вселенских святых (в душах прихожан) и прославление с неудержимым воспеванием великих святых, просиявших в местных весьма ограниченных владениях, остановится так же внезапно, как началось. Вновь обретенные местные герои

станут быстро приобретать невиданную всемирную славу, а подвижники со славой помельче просто пропадут из памяти, как будто их и не было.

Можно ли удивляться тому, что все эти перемены приведут к тому, что Рим Третий, Рим Второй и Рим Первый исчезнут, оставив после себя груды драгоценного мусора, который будет разлетаться на аукционах «Сот-бис» и «Кристис» по баснословным ценам. Закончится история язычников, но не будет конца истории Христа. Когда пламенные христиане отчасти разочаруются в Сыне Человеческом, отчасти заменят Его более подходящим кандидатом, само собой разумеется, иссякнут претензии к злым иудеям, учинившим расправу над Сыном Божиим. И тут, когда, казалось бы, отвратительные наветы на богоизбранный народ, свое временно не принявший ложного мессию, упразднятся, и к обиженному было всеми, кому не лень, богоносцу со всех сторон начнет проявляться только доброжелательность, опять все перевернется с ног на голову. Выяснится со всей возможной откровенностью, что тысячелетия христианства в Христа плевали, Его предавали и убивали именно Его друзья-христиане. Действительно, если приговор Христу был вынесен всего лишь раз во времена оные, то это откровение ищущим Сущего покажется чистой ложью, но, если не однажды, а во все времена Иисус Христос был со своими детьми и наследниками, то именно они являлись Его постоянными мучителями и палачами.

Не может посторонний отречься с клятвой, не могут чужие убивать взаимность. Так что незаметно для самих себя именно христиане день за днем распинали Христа и полагали Его в гроб. Вернее, в Его прекрасную, богато украшенную всеми мыслимыми сокровищами гробницу. Конечно, причиной такого поведения была убежденность христиан в собственной доброте и в испорченности злобных евреев. Исполнятся слова Христа, сказанные своим апостолам: «Вы все оставите Меня», и в тот урочный час, когда все христиане именно по слову пророчества оставят Его, по таинственному закону сохранения еврейский народ, увидев всеобщую окончательную измену бывших христиан, поймет их окончательную преступную подлость.

Негодование на лукавых иуд из шатров Иафета откроет им глаза на подлинного Мессию, который только бы и смог понести на себе тяжесть всемирной измены своего народа. Старый Израиль, опять единственный среди всех бесчисленных племен, будет верен Спасителю, таким образом вновь первые окажутся последними, а последние первыми. Пожалуй, завершающая картина в общем и целом нарисована с помощью слишком широких мазков. Теперь, по сложившейся традиции, добавим к ней детальки украшающего ее орнамента.

С концом истории изменения произойдут и с двумя главными книгами (книгой жизни и книгой смерти). Одна сгорит и от нее ничего не останется. Другая станет невидимой и пропадет из глаз, потому что оживет в душах воскресших людей, которые будут читать ее друг в друге не переставая и не устая, да к тому же станут дописывать ее так, что она станет больше видимого мира.

Известные пророчества о последних временах нужно дополнить пророчествами о первых временах, так как они должны исполниться в полноте до последней йоты. «А» и «Ω» помогут объяснить друг друга и тогда история обязана исчезнуть.

В «Мастере и Маргарите» положено начало распитию общей чаши с сатаной, в результате развития которого женское начало опять становится доминирующим на земле (как в первые дремучие времена), но это еще не конец истории. Всеобщая феминизация не станет последним увлечением человечества, как было предсказано в «Фаусте»*. Придут на смену бабьему царству более изощренные времена бесполок существ (которые научатся как бы жить) или особей, не относящихся к какому-то единственному, определенному полу. Это нужно для того, чтобы передразнить Христа, который открывал, что в Царствии Небесном не женятся, а живут, как ангелы. То на небе, а вот вам, пожалуйста, то же самое на земле. Всесилен!

Уже сегодня массово лгут на чертей, а дальше будет еще хуже. Характер лжи изменится. На них наговаривают (возводят) плохое (они во всем виноваты), а со временем начнут приписывать нечистой только хорошее. Поэтому эпиграф к «Мастеру и Маргарите» потеряет актуальность, так как общечеловеческое мнение посчитает демонов даже в желаниях носителями добра. Только эти желания столь хитроумны, что примитивному сознанию древних (и не очень) людей могли казаться злыми.

Есть сегодня, будет и потом тот святой, без которого не стоит город. Он не выпячивает себя, но кому нужно, догадаются о нем и тайно поблагодарят его. Этот святой не гигант мысли, а грешник, который сумел раскаяться и пребывает в покаянии (сокрушении духа), утешаясь духом, ниспосланным

* Вспомните Гомункула.

Спасителем. Говорят, есть святые, которые, познав милость, жалеют даже демонов, может в последние дни их будет двое или трое?

Перед общим концом вся возможная нежить из рукотворных и нерукотворных людских жилищ будет внесена и в Церковь. Это, с одной стороны, плохо, а с другой – шанс всему, имеющему в себе хоть капельку жизни, спастись.

Развитие темы Голгофы у мастеров будущего: первыми будут умирать разбойники, а только потом Иешуа, в связи с чем разбойники гарантированно сразу попадут в ад. Так будет до поры. А потом Иешуа и вовсе сойдет с Креста, его отвяжут без всяких последствий для здоровья.

Кто первый возмутится антихристом (самым добрым человеком)? Добрые, хорошие люди или гниющие от своих гадостей злодеи? Кто поможет гибнущим от своей неправды, когда Церковь заполнят живые образцы подражания для того, как следует жить в добре?

Если царство не разделится – не рухнет. То есть внешние враги христианства, конечно же, доставляют его людям страдания. Однако, от внешнего зла могут пострадать верующие, но не вера. Под давлением она выстоит и обязательно возродится и укрепитя.

Гибельно для христианства его разделение в самом себе, когда соперничать будут две веры – одна в истинного Христа, другая – в подменного. Если дать волю антихристу в душах верующих, Церковь начнет исчезать сама по себе. Поэтому, хотя тьма будет всегда притеснять Церковь, это на самом деле только ложный отвлекающий маневр, удар, который привлекает к себе все внимание и все силы обороняющихся. Главная цель тьмы – построить ложную церковь с ложным Христом (совсем как на всех Вселенских соборах). Как бы опять сказал Варенуха – внедрить какого-нибудь Лжедмитрия.

Присмотритесь к наступающему будущему. Не Воланд подсовывает, сами люди наперебой придумывают иисусиков, обкладывают их самочинными ритуалами, а святоши надувают вокруг них облака причитаний для того, чтобы черни с низменными ценностями удобнее было принять «высокое» и чудесное.

Москвичи, перестав думать о квартирах, озаботятся благополучием общечеловеческого дома. Все их помыслы вознесутся от недвижимой частной собственности к общенародному блаженству в правде и доброте. Явятся героические личности, спасающие национальные святыни. Тогда (наконец-то) иностранцам перестанут интересоваться, при этом, конечно, о католичности и думать забудут. «Зачем нам иностранные агенты?» – будут говорить они друг другу. А за ненужностью и валюты не станет во-все, так что требовать ее с москвичей никому в голову не придет. Национальная денежная единица совершенно удовлетворит все запросы и потребности населения, у кого плодами коммунизма, а у кого плодами святости (на злобную зависть всем известным иноагентам).

Многие слова утратят свою многозначность и приобретут как бы первоначальную однозначность. Снисхождение будет восприниматься только как следствие пренебрежения, как жалость богатого по отношению к ничтожному. Жалость, которая великодушно разрешит чему-то грязному, бесперспективному побыть рядом с пирующим благодетелем и получить крошки с праздничного стола. Снисхождение в его подлинном смысле исчезнет даже из памяти. В том числе потому, что люди забудут, что они по своему хотению нырнули на дно вселенской помойки и для того, чтобы теперь встретиться с ними в глубинах бездны, нужно по дороге к ним испить весь яд, выделившийся в результате их деятельности. А тем, кто не помнит глубины своего падения, невозможно объяснить, что равенство с ними (не по мерзостям, а по возможности жить) может приобрести тот житель рая, который сам откажется от богатства своих возможностей вплоть до их самой малой меры (вне равенства возможна временная помощь, но невозможна жизнь, дружба).

Зло для людей предстанет благом не только вне Церкви, но и в самой Церкви.

Церковь – единство людей, единство людей и Бога. Это единство в своей подлинности достигается в таинстве Евхаристии христиан, на которой Тело Иисуса Христа принимается и вкушается ими в виде Хлеба ломимого. Так устанавливается целостность с другими. Церковь – это непрекращающаяся Евхаристия, соединяющая Христа со спасенными грешниками, поэтому

вражда тьмы против Спасителя – это война одновременно против Его Церкви с литургией и против Тайной Вечери с преломлением Хлеба.

В последние часы земли духом смерти будут дышать все. В каких обстоятельствах он станет мучить и разлагать людей – для нас неважно. Для нас значимо то, что на земле будут души, причастные духу жизни. Этот упрямый факт не сможет отменить никакое лукавство, никакое зверство в руках темного фокусника. Почему? Повторимся. Если на земле (и околоземной орбите) не найдется тех, кто будет пить дух милости, жизнь будет невозможна и всякое дыхание остановится. Смерть может владеть почти всем, но это самое «почти» и означает, что ничем. Она недовыполнит план по уничтожению, хотя добьется необыкновенных успехов, будет торжествовать везде и всюду, но именно ее обозримость будет неумолимо свидетельствовать о том, что ей есть еще на чем паразитировать. Печальная участь ложного бога, схожая с судьбой мыльного пузыря. Участь смешная и позорная. Унизительная для того, кто претендует на всеисилие.

Укоренившийся самообман людей в том, что они пребывают в общении с Богом, по азбучному закону подобия, неотвратимо приводит их к пребыванию в иллюзии общения друг с другом. Те, кто будет уверен в истинности своей веры в Господа (подложного), без всяких сомнений будет принимать безжизненную псевдовзаимность за истинное житие. Тонкая чувствительность, изысканный интеллект, подкупающая искренность будут свойственны не только тем сказочным дружеским застольям, но и всем видам искусства. Только при всем своем великолепии они останутся мертвы, как и их производители. Смерд и пустота общественной игры (игры в людей) будут обнаруживаться только на пороге перехода к реальности, поэтому затихнут голоса не только взрослых, но и детей, которые сохраняли бы способность напоминать о правде. Все будет псевдо, все будет как бы. Только личная совесть (как дитя личной веры) останется помощницей в выживании людей посреди всемирного потопа лжи. Но кому она будет нужна?

После сомнений и дискуссий, после сбора исторических изысканий поместные церкви примут портретики последнего, окончательного Иешуа и на святом месте в храмах водрузится мерзость запустения. Молиться будут, но не тому, кто способен ответить, а самозванцу и пустозвону (опять подобное к подобному). Так значит, Церковь все-таки окажется

побеждена и в последние часы последних времен она исчезнет, хоть на мгновение? Для тех, кто понимает Церковь как отдельно стоящие здания или как отдельно взятую организацию со своим особенным священноначалием и специфическими обрядами, она действительно исчезнет, но как в первые, ранние времена Церковь обитала внутри нерукотворных храмов, таким образом, и здесь к «*α*» присоединится «*ω*». Как после начала, так и перед концом будут люди, впустившие в себя Бога, а это и есть подлинная Церковь (она будет продолжать хранить и спасать людей, спасать милостью, точнее, просьбой о милости человека, познавшего Милость ко всем гибнущим негодяям), которая не оставит своим покровительством умирающее человечество. Любая искра в поиске жизни, более того, любое замедление в зле откроет возможность печальникам о пропадающих всесилием своего Спасителя вернуть их в вечное общение.

Всегда, вплоть до начала нового дня, для тех, кто пожелает жить, будет сохраняться возможность жить и блаженствовать. Мы считаем, что это самое главное пророчество Евангелия, все остальное вокруг или рядом не заслуживает звания пророчества, так как не имеет значения для жизни.

Терпеливый читатель, ты дочитал наше сочинение до чистого листа. Мы высказали все, что пожелали, и нам больше нечего добавить, однако представленное мнение могло быть высказано на иных путях, другими словами, и подкреплено другими упрямыми фактами. А все потому, что творение Михаила Афанасьевича от первой до последней строчки написано с помощью заветного ключа, о котором Александр Сергеевич при создании «Евгения Онегина» высказался поэтически: «и даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще не ясно различал» ...

ПОСЛЕ ВСЕГО. НАЧАЛО

(на чем сердце успокоится)

А если «Азбука» права?

Ночной кошмар З. У. Икс

Тогда время истечет и откроются кулисы вечности, а люди, любящие смерть, предпочитающие счастье в одиночестве, очень расстроятся. Тогда все станут теми, кем захотел создать их Бог. Тогда все зло истории, все утраты и все болезни людей исчезнут так, что о них не останется никакой памяти. Тогда Спаситель всех, Иисус Христос, станет для всех просто другом, Светом, Блаженством, впрочем, как и все Его друзья. Тогда, в последний раз глядя в глаза друг другу, каждый окончательно выберет либо себя в качестве бога и спрячется в роскошную одиночку, либо примет других как богов и откроется в единстве с ними. После этого все будет только серьезно и только навсегда.

Все, все, все тайное станет явным, каждый узнает без остатка физику, математику, биологию, химию, географию, астрономию, философию, музыку, литературу, живопись, всю-всю историю, включающую в себя всех действующих лиц, вместе с их тайными мыслями, тайными чувствами и тайными желаниями. Найти неизвестное прежде станет невозможно, но об этом никто не станет жалеть.

Какими тогда мы увидим всех осужденных на Нюрнбергском процессе и в Гаагском трибунале? Не будем гадать, но все же вдруг последний суд отменит решения страшных предварительных судилищ? Что нам делать тогда с бывшими преступниками против человечности? Прибавьте к тому, что многие наши кумиры, люди-герои, светочи цивилизации, вдруг окажутся теми, кто никогда не любил жизнь. Вдруг эти прославленные индивидуумы и великие мастера не согласятся с той жизнью, которая откроется после всемирного свидетельства всех о себе самих? Куда деть тогда нашу благодарную любовь к ним, и чем она тогда явится нам самим по существу?

Что же мы тогда скажем в глаза Гоголю, Салтыкову-Щедрину и Булгакову? Какими, опять-таки, увидим их? Какими увидим себя перед ними*? Тогда все поймем, что Тот Свет — это не темный подвал или уединенная вилла в плюще и винограде, не горящая сковородка для поджаривания провинившихся, окруженная ехидными рожами. Тогда все убедятся, что Тот Свет — это радость о других без тени печали, без крошки неудовлетворенности. Тогда станет ясно, почему редкие некоторые, любившие до умопомрачения жизнь, вход в Тот Свет считали для себя великим приобретением. Там их встречали как главную, долгожданную драгоценность, и с этой поры они могли осуществить все свои таланты так, как им раньше и не снилось. Тот Свет станет не наказанием, а наградой для всех без исключения. Только бы не объявились те, кто не захочет этой награды для других, например потому, что их око завистливо оттого, что Бог добр.

Да, несложно было говорить о том, как будет рушиться мир. Это можно подсмотреть в себе и просто перенести на бумагу. Настоящее провидение необходимо для того, чтобы рассмотреть день завтрашний, созидающий и обновляющий каждого, кто хочет открывать для себя блаженство единства. Люди мало верили (понимали) в творение мира из ничего. Грандиозное появление самодвижущейся вселенной, возогреваемой теплом человеческих сердец, как объять его? Еще меньше нашлось тех, кто убедился в распаде прекрасной космической гармонии личностей, в смерти первозданного совершенства и в воцарении, наконец, сил небытия (смерти), которые медленно, но верно возвращали все в ничто. Еще меньше слушателей нашлось у вести, которая свидетельствовала о начале нового творения, о явлении Жизни во тьму (в бывшую жизнь) к предателям, лицемерам и убийцам. Будущий день обнажит эту правду, сделает ее доступной для принятия каждым человеком. Когда всеобщая гниль, пронизанная густым смрадом тлена, при воцарении всех ужасов разгулявшихся самозванных богов охватит все, когда кроме уничтожения и страдания, казалось бы, не будет ничего, тогда новое творение воссияет в полноте своих возможностей. Милость в мгновение ока переродит ад в Царство Света, в котором не будет тьмы никогда. Эта жизнь, единственная достойная внимания, для нас, пишущих, остается тайной, предвкушением неизъяснимого блага. Поэтому умолкнем в ожидании Вас.

* Можно подробнее. Что нам деталь тогда с нашей привычкой считать их хорошими писателями и неполноценными людьми? Сможем ли тогда наконец поверить в их рассказы о том, что они хотели написать? И как после этого они отнесутся к нам? Тогда по обоюдному согласию решим, как нам жить с ними — вместе или порознь.

Оглавление

Предисловие издателя	3
Любознательным от автора (пояснительная записка)	5
Маленькое предисловие	8
Главное предупреждение	19

Часть I

Глава I. О названии романа (репетиционная)	47
Глава II. Об эпитафиях (установочная)	49
Глава III. О заглавиях (ознакомительная)	130
Промежуточная глава (пропедевтическая)	139
Глава III. Продолжение (с окончанием)	162
Особое отступление (глава, опережающая саму себя)	170
Глава IV. О главном герое (называющая)	184
Глава V. Разрешите познакомиться (так кто есть кто?)	206
Глава VI. Как и почему? (задумчивая)	234
Глава VII. О предках (обременительная)	248
Глава VIII. Глаза разбегаются (пестрая)	277
Глава IX. Где ставить пробу (разоблачительная)	297
Глава X. О различии духов (сопоставительная)	305

Часть II

Глава XI. О преходящем (грустная)	322
Глава XII. О ненаписанном романе (неубедительная)	331
Глава XIII. О том, что бывает вечером в среду (очередная)	348
Глава XIV. Начало вербовки помощников (очередная)	360
Глава XV. Кушать подано (очередная)	367
Глава XVI. О мистике опасных связей (параллельная)	380
Глава XVII. Еще о перевертышах (необязательная)	390
Глава XVIII. Про боковое зрение (успокаивающая)	408
Глава XIX. О главной подмене (центральная)	418
Глава XX. Еще раз про это (попутная)	429
Глава XXI. Про избранницу (страстная)	440
Глава XXII. О подготовке (разогревающая)	445
Глава XXIII	453
Глава XXIV. После бала (разгрузочная)	466
Глава XXV	480
Глава XXVI. Гасите свет (подсобная)	489
Глава XXVII. Пора! Пора! (вариации на тему)	496
Глава XXVIII. Вон из Москвы! (коней нам, коней!)	509
Глава XXIX. Формальности при расставании (заключительная)	520
Эпилог. Демагогия напоследок	573

Дополнительные главы

Глава XXX. После эпилога. О мелочах жизни (мозаичная)	595
Глава XXXI. О маловероятном (дальняя перспектива литературы)	672
Глава XXXII. Гадательная (дальняя перспектива веры)	686
После всего. Начало (на чем сердце успокоится)	696

Об авторе*

О Захаре Устиновиче Иксplikатыне вам ничего не удастся найти в интернете, да и в открытых базах данных он не упоминается. Исходя из этого упрямого факта необходимо сделать вывод, он – лицо неофициальное, а, может быть, даже нелегальное. В этом случае выбор поприща у него невелик: либо гастарбайтер, либо эмигрант, состоявший в белоэмигрантской организации города Парижа.

Вместе с тем пустое досье на него свидетельствует о том, что Захар Устинович «не участвовал» и «не привлекался». Легко догадаться, что человек с чистой биографией не бывает злым, он, конечно, добр и приветлив, скромен и обходителен. Такой не скажет лишнего и не даст соврать, не воспользуется вашей минутной слабостью и без всякого лицеприятия не оставит ваше преступление перед нравственностью и отечеством безнаказанным. Чтобы стать таким, надо вырастить в хорошей дружной семье (в родословной Иксplikатина по линии отца в IX веке встречаются колдуны, по линии матери в XI веке – священник Киевской епархии) с добрым отцом и очень доброй матерью, (от них Захар Устинович взял все самое лучшее и при первой возможности удрал из дома, организовав жизнь по собственному усмотрению).

К тому же надо окончить лучшую в городе школу, а затем необходимо с отличием защитить диплом биолого-почвенного факультета в университете. Любой состоявшийся талант создает вокруг себя силовое поле, которое оказывает непреднамеренное воздействие на всех, кто вольно или невольно оказывается в зоне его воздействия. Поэтому люди, пересекавшие метафизическую траекторию движения Захара Устиновича или попросту в силу непреодолимых обстоятельств столкнувшиеся с ним, привлекались потом за связи, ведущие к подозрению и, напротив, по тем же причинам не повстречавшие его – жили, ничего не подозревая.

Иксplikатин попробовал себя во многом и везде открыл для себя богатые перспективы, благодаря чему после нескольких десятилетий поиска он, наконец, стал выдающимся представителем общенародной массы

* Нам в руки попались две биографические справки Захара Устиновича Иксplikатина. Мы не смогли определить какая из них больше соответствует действительности, поэтому приводим на суд читателей обе.

Известно, что в толще социального организма живет себе поживает немало выдающихся граждан без определенного места жительства, без особых примет и без особого рода занятий. Поэтому вряд ли такой тип как Захар Устинович оставил где-нибудь сколь-нибудь заметные следы своей неординарной натуры, не стоит их искать, чтобы не потратить понапрасну драгоценное время.

Близкое знакомство с ним со значительной долей вероятности способно не взволновать и не расстроить, что положительно скажется на чтении его соображений, которое сохранит домашний уют и душевный покой любого свобододлюбивого читателя и любой обаятельной читательницы. Так что обещаем, что в течении месяца, пока вы будете читать книгу, в вашем доме воцарится мир и благоденствие, вашу душу охватит жажда равенства и братства, так необходимых всем и каждому.

Для людей с развитой интуицией добавим, что автор появился на свет в год дракона (черного, синего, водяного) под созвездием скорпиона – в третью пятницу перехода от Венеры через Уран к Луне, дальнейшее понятно без подсказок.

Об авторе

Икспликатин родился в конце великой эпохи, от которой набрался страхов. Подрастал во время брожения умов, полюбив на всю жизнь мечтания и фантазии. Осваивал школьную грамоту в серой безысходности правления днепропетровцев, на отлично освоив лицемерие и навык пускать пыль в глаза. Свои естественнонаучные университеты окончил перед началом исполнения (возврата?) страной своего интернационального долга, овладев наукой клеймить противников.

Трудовую деятельность начал по распределительной путевке, где быстро врос в коллектив предприятия. Здесь он научился писать скучные отчёты, выступать на обязательных конференциях, повышать творческий потенциал. Здесь же он привык к недалёковидным оценкам и скоропалительным выводам, осторожным шаблонным прогнозам и пренебрежительным, брюзгливым интонациям.

Склонность к многословию, мудрованию на пустом месте, брезгливое отношение к собеседникам, распугало последних, после чего свои экзерсисы Захар Устинович вынужден был записывать с тем, чтобы подбрасывать их рассеянным читателям.

Казалось бы, кто будет читать заумное словоблудие, но, начав чтение по невнимательности, книголюбы всегда испытывали прилив сил от осознания собственного превосходства над пустопорожним болтуном. Есть чтение, которое вселяет уверенность в свои силы, особенно когда оно рождает острое недоумение, как земля таких авторов носит. А ему этого достаточно, пусть у них, у книголюбов будет хорошее настроение.

*Без участия
Анны, Бориса, Дарьи, Елены,
Елены, Наталии, Ольги,
Ольги, Юлии
эта книга не могла бы появиться на свет.*

*Изданием сего труда занимался
протоиерей Алексей Потокин*

З.У. Икспликатин

ЖИЗНЬ без ЖИЗНИ

Макет изготовлен при помощи ООО «Переделкино-издат»

Подписано в печать 08.04.2019. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печ. л. 44. Тираж 1 000 экз.
Заказ №

По вопросам приобретения книги обращайтесь
по тел.: +7 (916) 135-68-76